

BINDING

BOYS OF TOMMEN #1

13

CHLOE WALSH

Его первой, последней и единственной настоящей любовью всегда было регби.

До настоящего времени.

Он хочет спасти ее.

Она хочет спрятаться. Она разбита. Он полон решимости. Судьба свела их вместе.

Любовь связывает их.

У Джонни Каваны есть все, что у него есть. На поле для регби он представляет собой силу, с которой нужно считаться.

Настроенный на славу, он движется прямо к вершине. Ничто не может помешать ему, верно?

Даже застенчивая новая девушка из колледжа Томмен. Та, что, с грустными глазами и скрытыми синяками. Та, которая отвлекает его, как никто никогда.

Измученный скрытой травмой и отчаянно пытающийся произвести впечатление на скаутов, наблюдающих за каждым его движением, Джонни возведен на такой высокий пьедестал, что у него нет места для ошибок.

Стремясь сохранить баланс и находясь на пике Международной летней кампании, Джонни должен сохранять спокойствие в игре. Ему нужно оставаться сосредоточенным, и он не может позволить, чтобы отвлекающие факторы мешали увидеть более широкую картину. Но что произойдет, если единственной фотографией станет одинокая девушка с грустными глазами?

Жизнь Шэннон Линч никогда не была легкой. Запуганная и подвергнутая пыткам, она приезжает в колледж Томмен в середине учебного года, молясь о начале новой жизни и отчаянно пытаясь избавиться от преследующих ее демонов.

В свой первый же день в престижной частной школе она знакомится со скандально известным Джонни Каваной.

Брошенная в тупик из-за своих чувств к нему и отчаянно пытаясь оставаться в тени, Шэннон снова оказывается целью хулиганов, поскольку она формирует хрупкий союз с восходящей звездой регби.

Вступая в сложную дружбу и борясь со своей неоспоримой химией, Джонни и Шэннон должны столкнуться с препятствиями, которые угрожают их отношениям.

Два подростка с разных сторон рельсов столкнулись.

Дружба, первая любовь, растущая слава, ужасающие тайны и боль — все это сливается воедино в "Binding 13".

В "Binding 13" сердца связаны, а жизни переплетаются.

Хлоя Уолш

Переплет 13

Парни из школы Томмен 1

Перевод канала: [@booksflcns](#)

Также в переводе помогали:

Редакция:

[@asyadzeylan](#)

[@klubnichnyudzhem](#)

[@samcameroon](#)

[@lerarava](#)

Вычитка:

[@whoirochka](#)

Эта книга является первой в цикле «Boys of Tommen».

ОГОВОРКА О СЛУЧАЙНОМ ХАРАКТЕРЕ СОВПАДЕНИЙ:

Эта книга — художественное произведение. Все имена, персонажи, места и происшествия либо являются плодом воображения автора, либо используются вымышленно. Любое сходство с событиями, местами или людьми (как живыми, так и покойными) является случайным.

Автор признает, что все названия песен, тексты песен, названия фильмов, персонажи фильмов, статусы торговых марок, бренды, упомянутые в этой книге, являются собственностью и принадлежат их соответствующим владельцам. Публикация/использование этих товарных знаков не санкционировано, не связано и не спонсируется владельцами товарных знаков.

Хлоя Уолш никоим образом не связана ни с одним из брендов, песен, музыкантов или артистов, упомянутых в этой книге.

Глава 1. Большие надежды

Шэннон

Это произошло 10 января 2005 года.

Весь новый год и первый день возвращения в школу после рождественских каникул я нервничала — на самом деле, так нервничала, что меня вырвало не менее трех раз этим утром.

Пульс бился с тревожной частотой, а беспокойство было поводом неустойчивого сердцебиения, не говоря уже о причине того, что рвотный рефлекс покинул меня.

Разглаживая новую школьную форму, я уставилась на отражение в зеркале ванной комнаты, в котором с трудом узнала себя. Темно-синий джемпер с эмблемой колледжа Томмен на груди, белая рубашка и красный галстук. Серая юбка, доходящая до колен, открывающая две тощие, недоразвитые ноги, и завершающаяся коричневыми колготками, темно-синими носками и черными туфлями-лодочками высотой в два дюйма (5 см).

Я выглядела как имплант. И чувствовала себя таковой.

Единственным утешением были туфли, которые купила мама, чтобы довести меня до отметки роста в пять футов два дюйма (157 см). Я была смехотворно мала для своего возраста во всех отношениях. Чрезвычайно худая, недоразвитая, с яичницей вместо груди, явно не слишком затронутая бумом полового созревания, который поразил всех остальных девочек моего возраста. Длинные каштановые волосы, убранные с лица простой красной лентой для волос, были распущены и струились до середины спины. На моем лице не было макияжа, отчего я выглядела такой же юной и маленькой, какой себя чувствовала. Глаза были слишком большими для моего лица и в придачу шокирующего голубого оттенка.

Я попыталась прищуриться, проверяя, не делает ли это мои глаза более человеческими, и сделала сознательное усилие, чтобы разжать распухшие губы, втянув их в рот. Нет. Прищуривание только придавало мне вид инвалида — и немного страдающего запором.

Разочарованно вздохнув, коснулась щек кончиками пальцев и прерывисто выдохнула. Мне нравилось думать, что то, чего мне не хватало в плане роста и груди, я восполняла зрелым возрастом. Была уравновешенным человеком и старой душой.

Няня Мерфи всегда говорила, что я родилась со старчески мудрой головой на плечах. Правда в какой-то степени, никогда не была тем, кого беспокоят мальчики или их причуды. Этого просто не было во мне. Однажды где-то вычитала, что мы взрослеем с потерями, а не с возрастом. Если это так, то я в эмоциональном плане являлась старой пенсионеркой.

Большую часть времени я беспокоилась, что веду себя не так, как другие девочки. У меня не было влечения к противоположному полу. Интерес не проявлялся ни к кому: мальчикам, девочкам, знаменитым актерам, горячим моделям, клоунам, щенкам... Хотя ладно, внимание привлекали милые щенки и большие пушистые собаки, но к остальному все оставалось плюс-минус никаким.

У меня не проявлялась заинтересованность к поцелуям, прикосновениям или ласке любого рода. Сама мысль об этом была невыносима. Полагаю, что наблюдение за тем, как рушатся отношения моих родителей, отбило перспективу объединиться с другим человеком на всю жизнь. Если связь моих родителей — это воплощение любви, то я не хотела в этом

участвовать. Предпочла остаться одна.

Тряхнув головой, чтобы прогнать мрачные мысли, пока они не затуманились до точки невозврата, я уставилась на свое отражение в зеркале и заставила практиковать то, что редко делала в эти дни: улыбнуться.

— *Дыши глубже*, — проговорила я себе. — *это твой новый старт*.

Открыв кран, вымыла руки и плеснула немного воды на лицо, отчаянно пытаюсь остудить жгучее беспокойство, сжигающее мое тело изнутри, перспектива моего первого дня в новой школе пугала. На самом деле, любое учебное заведение должно быть лучше того, которое я оставляла позади. Мысль пришла мне в голову, и в тот же момент накрыла волна стыда. *Школы*, уныло подумала, *во множественном числе*.

Я подвергалась безжалостным издевательствам как в начальной, так и в средней школе. По какой-то неизвестной, жестокой причине всегда оставалась объектом разочарований каждого ребенка с нежного четырехлетнего возраста. Большинство девочек с первого дня обучения в младших классах решили, что я им не нравлюсь и общаться со мной нельзя. И мальчики ненамного лучше, хотя и не были такими садистами в своих нападениях.

Это не имело смысла, потому что я прекрасно ладила с другими детьми на нашей улице и никогда ни с кем не ссорилась в поместье, где мы жили. Но школа?

Школа для меня как седьмой круг ада, все девять — вместо обычных восьми — лет начальных классов являлись пыткой. Начальная школа была настолько неприятна, так что моя мать и учитель решили, будет лучше задержать меня на год, чтобы я могла обучиться в младших классах с новыми детьми. Несмотря на то, что я была такой несчастной в своем новом классе, у меня появилась пара близких подруг, Клэр и Лиззи, дружба с которыми сделала время пребывания в стенах школы сносным.

Когда пришло время выбирать среднюю школу на последнем году обучения начальной, я поняла, что сильно отличаюсь от своих друзей. В сентябре следующего года Клэр и Лиззи должны были поступить в колледж Томмен; роскошная, элитная частная школа с огромным финансированием и первоклассными удобствами, — все это поступало из коричневых конвертов (жаргонное выражение, означающее взятки) богатых родителей, которые были одержимы идеей обеспечить своим детям лучшее образование, которое можно купить за деньги. Тем временем меня зачислили в местную и переполненную государственную школу в центре города. Я все еще помню ужасающее чувство разлуки с моими подругами.

Мне так отчаянно хотелось сбежать от хулиганов, что даже умоляла маму отправить меня в Беару к ее сестре, тете Элис, и ее семье, только бы я могла закончить учебу. Не было слов, чтобы описать чувство потрясения, охватившее меня, когда отец настаивал на переезде к тете Элис. Мама любила меня, но она была слабой и усталой, так что не сопротивлялась, когда папа настоял в посещении общественной школы Баллилаггин.

После этого стало еще хуже.

Больше злобы.

Больше жестокости.

Больше насильственных действий.

В течение первого месяца первого года меня преследовали несколько групп мальчиков, они требовали те вещи, которые я не желала им давать. После этого на меня повесили ярлык *фригидки*, потому что не сходила с ума по тем самым парням, которые годами превращали мою жизнь в сущий ад. Самые злые называли трансвеститом, думая, что причина, по которой я была такой фригидной, заключалась в нахождении мужских частей тела под

юбкой.

Какими бы жестокими ни были мальчики, девочки были гораздо изобретательнее. *И намного хуже.* Они распространяли обо мне злобные слухи, предполагая, что я страдаю анорексией и каждый день выбрасываю свой обед в унитаз. Если уж на то пошло, то не было никакой анорексии или булимии. Во время нахождения в школе, присутствовало постоянное оцепенение, когда не получалось ничего есть, потому что меня рвало, прямая реакция на невыносимый стресс, в котором находилась изо дня в день. К тому же для своего возраста я была маленькой: невысокая, неразвитая и тощая, что никак не помогало предотвратить слухи.

Когда пятнадцатилетие прошло, а у меня все еще не начались первые месячные, моя мама записалась на прием к местному терапевту. Несколько анализов крови и обследований спустя, и семейный врач заверил нас, что я здорова, и просто у некоторых девочек развитие происходит позже, чем у других. С тех пор прошел почти год, и, если не считать одного нерегулярного цикла летом, который длился меньше половины дня, нормальных месячных все еще не было.

Честно говоря, я отказалась от того, чтобы мое тело работало как нормальная девушка, хотя это явно было не так. Врач также посоветовал моей матери оценить условия обучения, предположив, что стресс, которому я подвергалась в школе, мог быть фактором, способствующим очевидному физическому отставанию в развитии.

После дискуссии на повышенных тонах между родителями, в ходе которой которой мама встала на мою защиту, я была отправлена обратно в школу, где подвергалась безжалостным мучениям.

Жестокость учеников варьировалась от обзывательств и распространения слухов до приклеивания гигиенических прокладок мне на спину, а затем и физического насилия.

Однажды на уроке домоводства несколько девочек, сидевших позади меня, отрезали кухонными ножницами часть моего хвоста, а затем размахивали им, как трофеем. Все смеялись, и я думаю, что в тот момент ненависть к смеющимся над моей болью была больше, чем к тем, кто ее причинял.

В другой раз, во время физкультуры, те же девочки сфотографировали меня в нижнем белье на свои телефоны и разослали снимок всем в нашем классе. Директор быстро справился с этим и отстранил от занятий владельца телефона, но не раньше, чем половина школы посмеялась надо мной. Я вспомнила, как сильно плакала в тот день, конечно, не перед ними, а в туалете. Заперевшись в кабинке, размышляла о том, чтобы покончить со всем этим. О том, чтобы просто принять кучу таблеток и покончить со всем этим чертовым делом. Жизнь для меня была горьким разочарованием, и в тот момент я не хотела больше участвовать в ней.

Я отказалась от этой идеи не из-за трусливости, а потому как слишком боялась, что это не сработает, и, проснувшись, мне пришлось бы столкнуться с последствиями. Я была в чертовом беспорядке.

Мой брат Джоуи сказал, что они выбрали меня мишенью, потому что я привлекательная, а также назвал мучительниц *ревнивыми сучками*. Он сказал мне, что я великолепна, *и велел принять это*. Было легче сказать, чем сделать, и я также не была уверена в этом восхитительном заявлении. Многие из девочек, нацелившихся на меня, были теми же, кто издевался надо мной с дошкольного возраста. Тогда я сомневалась, что внешность имеет к этому какое-то отношение. *Я была просто неприятна им.* Кроме того,

как бы он ни старался быть рядом и защищать мою честь, Джоуи не понимал, какой являлась моя школьная жизнь.

Мой старший брат был моей полной противоположностью во всех смыслах этого слова. Я маленького роста, он же наоборот высокий, мои глаза голубые, его — зеленые. Я была темноволосой, а он блондином. Его кожа золотистая от поцелуев солнца, а моя бледная. Он был откровенным и громким, в то время как я была тихой и замкнутой. Самым большим контрастом между нами было то, что моего брата обожали все в Общественной Школе Баллилаггина, она же ОШБ, местной государственной средней школе, которую мы оба посещали.

Конечно, попадание в команду по херлингу помогло Джоуи завоевать популярность, но даже без спорта он был отличным парнем. И будучи превосходным парнем, каким он был, Джоуи пытался защитить меня от всего этого, но это являлось невыполнимой задачей для одного парня.

У нас с Джоуи был старший брат Даррен и трое младших братьев: Тадхг, Олли и Шон, но никто из нас не разговаривал с Дарреном с тех пор, как он ушел из дома пять лет назад, после очередного скандала с отцом. Тадхг и Олли, которым было одиннадцать и девять лет, ходили только в начальную школу, а трехлетний Шон едва вылез из подгузников, так что у меня не было защитников, к которым можно было бы обратиться.

Такие дни, как этот, заставляли меня скучать по Даррену. Он был на семь лет старше меня. Большой и бесстрашный, идеальный старший брат для каждой взрослеющей маленькой девочки.

С самого детства я обожала землю, по которой он ходил; тащилась за ним и его друзьями, сопровождала, куда бы он ни пошел. Даррен всегда защищал меня, принимая на себя вину дома, когда я делала что-то не так. Ему было нелегко, и, будучи намного младше, я не понимала всей степени его личной борьбы. Мама и папа встречались всего пару месяцев, когда она забеременела Дарреном в пятнадцать.

Названный незаконнорожденным ребенком, потому что он родился вне брака в католической Ирландии 1980-х годов, жизнь всегда была испытанием для моего брата. После того, как ему исполнилось одиннадцать, все стало намного хуже для него. Как я и Джоуи, Даррен был феноменальным метателем, наш отец презирал его. Он всегда находил что-то неправильное в Даррене, будь то его прическа или почерк, игра на поле или выбор партнера. Даррен был геем, и наш отец не мог с этим справиться.

Отец обвинил сексуальную ориентацию моего брата в инциденте в прошлом, и никакие слова не могли донести до него, что быть геем — это не выбор.

Даррен родился геем, точно так же, как Джоуи родился натуралом, а я родилась пустой. Он был тем, кем он был, и то, что его не приняли в собственном доме, разбило мне сердце.

Жизнь с отцом-гомофобом была пыткой для моего брата. Я ненавидела отца за это больше, чем за все другие ужасные вещи, которые он делал на протяжении многих лет. Его нетерпимость и вопиющая дискриминация по отношению к собственному сыну были, безусловно, самыми мерзкими из его черт.

Когда Даррен взял годичный перерыв в херлинге, чтобы сосредоточиться на своем дипломе об окончании школы, у нашего отца крыша поехала. Месяцы жарких споров и рукоприкладства привели к огромному взрыву, когда Даррен собрал свои вещи, вышел за дверь и больше не вернулся.

С той ночи прошло пять лет, и, если не считать ежегодной рождественской открытки по

почте, никто из нас не видел и ничего о нем не слышал. У нас даже не было его номера телефона или адреса. Он практически исчез.

После этого все давление, которое наш отец оказывал на Даррена, было перенесено на младших детей, которые, по мнению нашего отца, были его *нормальными* сыновьями. Когда он не был в баре или у букмекеров, то таскал мальчиков на тренировки и матчи. Он сосредоточил все свое внимание на них.

Я была ему бесполезна, потому что была девушкой и все такое. Не была сильна в спорте, и не преуспела ни в школе, ни в каких-либо клубных занятиях. В глазах моего отца я была просто ртом, который нужно кормить до восемнадцати. Это не было тем, что я придумала, отец говорил мне это бесчисленное количество раз. После пятого или шестого раза у меня выработался иммунитет к данным словам.

Он не проявлял ко мне никакого интереса, а я не была заинтересована в том, чтобы попытаться оправдать его иррациональные ожидания. Я никогда не являлась бы мальчиком, и не было никакого смысла пытаться угодить мужчине, чьи мысли вернулись в пятидесятые.

Я уже давно устала просить любви у человека, который, по его собственным словам, никогда не хотел меня. Однако давление, которое он оказывал на Джоуи, беспокоило меня, и именно по этой причине я чувствовала такую сильную вину каждый раз, когда он был вынужден прийти мне на помощь.

Джоуи учился в шестом классе, последнем средней школы, и у него были свои дела: с ГАА (Гэльская Атлетическая Ассоциация), его работа на полставки на автозаправочной станции, сертификат об увольнении и его девушка Ифа.

Я знала, что когда мне больно, Джоуи тоже больно. Мне не хотелось быть обузой на его шее, тем, за кем ему постоянно приходилось присматривать, но так было всегда, сколько я себя помню. Честно говоря, я не могла больше ни минуты смотреть на разочарование в глазах моего брата в этой школе. Проходя мимо него по коридорам, зная, что когда он смотрит на меня, выражение его лица меняется.

Справедливости ради, учителя в ОШБ пытались защитить меня от толпы линч-мобов, а учитель-методист, миссис Фалви, даже организовала двухнедельные консультации со школьным психологом в течение второго года, пока не было сокращено финансирование.

Маме удалось наскрести мне денег на посещение частного консультанта, но по цене 80 евро за сеанс, и из-за того, что по просьбе родителя мне приходилось подвергать цензуре свои мысли, я виделась с ней всего пять раз, прежде чем солгать матери и сказать ей, что чувствую себя лучше. Это было не так. *Я никогда не чувствовала себя лучше.* Мне просто было невыносимо смотреть, как моя мать борется.

Я презирала то, что была для нее финансовым бременем, поэтому смирилась с этим, натянула улыбку и продолжала каждый день попадать в ад. Издевательства никогда не прекращались. Ничто не остановилось. Пока однажды не произошло это.

За неделю до рождественских каникул в прошлом месяце — всего через три недели после аналогичного инцидента с той же группой девочек — я пришла домой в слезах, школьный джемпер был разорван спереди, а нос заткнут папиросной бумагой, чтобы остановить кровотечение из раны, которую я получила от рук группы пятикурсниц. Они неистово предположили, что я пыталась переспать с одним из их парней. Данная догадка являлась наглой ложью, учитывая, что я никогда не видела того, на кого, по их мнению, должна была быть направлена попытка соблазнения, и все же это является еще одним в длинной череде жалких оправданий, чтобы избить меня. Это был день, когда я замерла.

Я перестала лгать.

Я перестала притворяться.

Я просто замерла.

Тот день стал *переломным моментом* не только для меня, но и для Джоуи. Он следовал за мной в дом, ему назначили недельное отстранение от занятий за то, что избил до полусмерти Сиару Мэлони, мою главную учительницу.

Наша мать только взглянула на меня и забрала из школы. Вопреки желанию отца, который считал, что мне нужно закаляться и становиться жестче, мама пошла в местный кредитный союз и взяла займ, чтобы оплатить вступительные взносы в колледж Томмен, частную платную среднюю школу, расположенную в пятнадцати милях к северу от Баллилаггина. Хотя и беспокоилась за свою маму, я знала, что если бы мне пришлось войти в двери старой школы еще раз, я бы не вышла обратно.

Я достигла своего предела.

Перспектива лучшей жизни, более счастливой, висела перед моим лицом, и я ухватилась за нее обеими руками.

И хотя я боялась негативной реакции со стороны детей из моего муниципального района за посещение частной школы, все же думала, что это не может быть хуже того дерьма, которое прожила в прошлой школе. Кроме того, Клэр Биггс и Лиззи Янг, две девочки, с которыми я дружила в начальной школе, будут моими одноклассниками в колледже Томмен — директор, мистер Туоми, заверил меня в этом, когда мы с мамой встретились с ним для зачисления во время рождественских каникул.

И мама, и Джоуи ободряли меня неустанной поддержкой, причем мама брала дополнительные смены уборщицы в больнице, чтобы оплатить мои учебники и новую форму, в которую входил блейзер. До колледжа Томмен единственными блейзерами, которые я когда-либо видела, были те, что мужчины надевали на воскресную мессу, и никогда на подростках, а теперь они будут частью моего повседневного гардероба. Уход из местной средней школы в середине моего выпускного класса — важного экзаменационного года — вызвал огромный раскол в нашей семье, мой отец был в ярости из-за того, что тратил тысячи евро на бесплатное образование в государственной школе, расположенной чуть дальше по дороге.

Когда я попыталась объяснить отцу, что учеба в школе далась мне не так легко, как его драгоценному сыну-звезде ГАА, он оборвал меня, отказавшись выслушать и недвусмысленно дав понять, что не поддержит мое посещение прославленной подготовительной школы для регби с кучкой заносчивых, привилегированных клоунов.

Я все еще могла вспомнить слова *«Перестань выпендриваться, девочка»* и *«Ты выросла вдали от регби и подготовительных школ»*, не говоря уже о моем любимом: *«Ты никогда не вступишь в окружение этих кисок»*, слетевшие с уст моего отца. Мне хотелось закричать ему: *«Ты не будешь за это платить!»*, ведь он не работал ни дня с тех пор, как мне исполнилось семь, забота о семье была полностью возложена на мою мать, а я слишком ценила свою способность ходить. Мой отец этого не понял, но опять же, у меня было ощущение, что этот человек ни разу в жизни не подвергался издевательствам. Если и нужно было издеваться, то именно Тедди Линч этим занимался. Видит бог, он достаточно издевался над мамой.

Поскольку возмущения моего отца из-за смены школы особо не прекращались, я провела большую часть зимних каникул прячась в своей спальне, стараясь не попадаться ему

на глаза.

Будучи единственной девочкой в семье с пятью братьями, у меня была своя комната. У Джоуи тоже была своя комната, хотя она намного больше моей, он делил ее с Дарреном, пока тот не уехал. Тадхг и Олли делили еще одну спальню побольше, а Шон и мои родители жили в самой большой из комнат.

Несмотря на то, что это была всего лишь кладовка в передней части дома, где едва хватало места для кошки, я ценила уединение, которое давала мне дверь моей собственной спальни — с замком.

В отличие от четырех спален наверху, наш дом был крошечным, с гостиной, кухней и одной ванной комнатой на всю семью. Это был полуразрушенный дом, расположенный на краю Элкс-Террас, крупнейшего муниципального поместья в Баллилаггине. Район был суровым и пронизанным преступностью, и я избегала всего этого, прячась в своей комнате.

Моя крошечная спальня была моим убежищем в доме — и на улице — полном суеты и безумия, но я знала, что это не будет длиться вечно.

Моя личная жизнь могла бы быть прервана, потому что мама снова беременна. Если у нее будет девочка, я потеряю свое убежище.

— Шэн! — с другой стороны двери ванной раздался стук, вырывая меня из моих непроницаемых мыслей. — Поторопись, пожалуйста! Ярываюсь от желания пописать.

— Две минуты, Джоуи, — крикнула я в ответ, затем продолжила оценку своей внешности. — Ты можешь это сделать, — прошептала я себе. — Ты абсолютно точно можешь сделать это, Шэннон.

Стук возобновился, поэтому я поспешно вытерла руки полотенцем, висящим на вешалке, и открыла дверь, взгляд упал на моего брата, который стоял в одних черных боксерах, почесывая грудь.

Его глаза расширились, когда он увидел меня, сонное выражение его лица сменилось настороженным и удивленным. У него был огромный синяк под глазом после матча по херлингу, в котором он принимал участие на выходных, но, похоже, это ни на волосок не затронуло его красивую голову.

— Ты выглядишь... — голос моего брата затих, когда он дал мне эту братскую оценку. Я приготовилась к шуткам, которые он неизбежно отпустит на мой счет, но они так и не прозвучали. — Прелестно, — сказал он вместо этого, бледно-зеленые глаза потеплели и были полны невысказанного беспокойства. — Тебе идет форма, Шэн.

— Ты думаешь, все будет хорошо? — Я говорила тихо, чтобы не разбудить остальных членов нашей семьи.

Вчера мама отработала две смены. Родители спали, я слышала громкий храп моего отца, доносящийся из-за закрытой двери их спальни, а младших мальчиков позже придется вытаскивать из их комнаты в школу.

Как обычно, были только мы с Джоуи.

Два друга.

— Как ты думаешь, я подойду, Джоуи? — спросила я, высказывая свои опасения вслух. Он единственный в нашей семье, кому я могла довериться и прийти поговорить. Я посмотрела на свою форму и беспомощно пожала плечами.

Его глаза горели невысказанными эмоциями, когда он смотрел на меня сверху вниз, и я знала, что он встал так рано не потому, что ему отчаянно хотелось в туалет, а потому, что он хотел проводить меня в мой первый учебный день.

Сейчас 6:15 утра. Как и в колледже Томмен, занятия в ОШБ начинались только в 9:05, но мне нужно было успеть на автобус, а единственный, проходящий через этот район, был в 6:45. Это первый за день автобусный рейс из Баллилаггина, но он же и единственный, который проезжал мимо школы вовремя. Мама работала почти каждое утро, а папа все еще отказывался брать меня с собой.

Когда я вчерашним вечером спросила папу о том, чтобы он подвез меня в школу, ответом послужило, что в случае моего возвращения в общественную школу Баллилаггин, как Джоуи и любой другой ребенок на нашей улице, меня не нужно будет подвозить до школы.

— Я чертовски горжусь тобой, Шэн. Ты даже не представляешь, насколько храброй являешься — сказал Джоуи голосом, полным эмоций. Пару раз прочистив горло, он добавил: — Подожди, у меня есть кое-что для тебя. — С этими словами он пересек узкую лестничную площадку и направился в свою спальню, вернувшись менее чем через минуту. — Вот, — пробормотал он, сунув мне в руку пару банкнот по 5 евро.

— Джоуи, нет! — Я сразу отвергла идею забрать его с трудом заработанные деньги. Начнем с того, что он мало зарабатывал на заправке, и в нашей семье было трудно достать деньги, поэтому взять десять евро у моего брата было невообразимо. — Я не могу...

— Возьми деньги, Шэннон. Это всего лишь десятка, — проинструктировал он, одарив меня серьезным выражением лица. — Знаю, что няня дала тебе денег на автобус, но возьми и это. Я не знаю, как там все устроено, но мне не хотелось бы, чтобы ты туда заходила не имея несколько фунтов в кармане.

— Ты уверен? — выдавила я, проглотив комок эмоций, пробравшийся к моему горлу.

Джоуи кивнул и притянул меня в объятия.

— Ты будешь великолепен, — прошептал он мне на ухо, обнимая меня так крепко, что я не была уверена, кого он пытался убедить или утешить. — Если кто-то даст тебе хотя бы намек на дерьмо, тогда ты напишешь мне, я приеду туда и сожгу эту гребаную школу дотла и каждого маленького гребаного ублюдка в ней.

Это была отрезвляющая мысль.

— Все будет хорошо, — сказала я, на этот раз вкладывая немного силы в свой голос, нуждаясь в том, чтобы верить словам. — Но я опоздаю, если не пойду прямо сейчас, а это совсем не то, что мне нужно в первый день.

Обняв брата в последний раз, я накинула пальто, схватила школьную сумку и закинула ее на спину, прежде чем направиться к лестнице.

— Напишешь мне, — крикнул Джоуи, когда я была на полпути вниз к выходу. — Я серьезно, хоть одна придирка от кучки дерьма, я приду и разберусь с этим для тебя.

— Я могу это сделать, Джоуи, — прошептала я, бросив быстрый взгляд туда, где он стоял, прислонившись к перилам, наблюдая за мной обеспокоенными глазами. — Я могу.

— Я знаю, что ты можешь, — его голос был низким и полным боли. — Я просто... Я здесь ради тебя, хорошо? — он закончил с тяжелым выдохом. — Всегда здесь для тебя.

Я поняла, что моему брату было тяжело, когда я смотрела, как он провожает меня в школу, он был как встревоженный родитель своего первенца. Он всегда сражался в моих битвах, всегда бросался защищать меня и вытаскивал в безопасное место.

Я хотела, чтобы он гордился мной, видел нечто большее, чем маленькую девочку, которая нуждалась в его постоянной защите. Мне нужно было это и для себя.

С удвоенной решимостью я одарила его ослепительной улыбкой, а затем поспешила из

дома, чтобы успеть на свой автобус.

Глава 2. Все изменилось

Шэннон

Когда я вышла из своего автобуса, то с облегчением обнаружила, что двери колледжа Томмен были открыты для студентов в 7 утра, очевидно, для того, чтобы учесть разное расписание учеников и дневных посетителей. Я поспешила в здание, чтобы укрыться от непогоды.

На улице шел проливной дождь, и при любых других обстоятельствах я могла бы счесть это дурным предзнаменованием, но это была Ирландия, где дождь шел в среднем от 150 до 225 дней в году. Было также начало января, типичный сезон дождей.

Оказывается я не единственная ранняя пташка, которая пришла до начала занятий, вдалеке заметила, что несколько учеников уже бродят по коридорам и бездельничают в обеденном зале и местах общего пользования. Да, места общего пользования. В колледже Томмен было то, что я могла бы описать только как просторные гостиные.

К моему огромному удивлению, я обнаружила, что не была непосредственной мишенью для хулиганов, как в любой другой школе, которую посещала. Студенты пронеслись мимо меня, не слишком заинтересованные присутствием других, явно поглощенные своей собственной жизнью.

С замиранием сердца ожидала, что последует жестокий комментарий или выпад. *Ничего не произошло.* Переведенный в середине года из соседней государственной школы, я ожидала тирады новых насмешек и новых врагов. Но ничего не произошло. Кроме пары любопытных взглядов, ко мне никто не подходил. Ученики колледжа либо не знали, кто я такая, либо им было все равно. В любом случае, я была явно вне поля зрения в этой школе, и мне это нравилось.

Успокоенная внезапным покровом невидимости, окружившим меня, и чувствуя себя более позитивно, чем в последние месяцы, я нашла время осмотреть общую зону для третьекурсников. Это была большая, светлая комната с окнами до потолка с одной стороны, которые выходили во двор. Мемориальные доски и фотографии предыдущих учеников украшали стены, выкрашенные в лимонный цвет. Плюшевые диваны и удобные кресла заполнили большое пространство, наряду с несколькими круглыми столами и подходящими дубовыми стульями. В углу была небольшая мини-кухня с чайником, тостером и микроволновой печью. Я могла бы принести несколько ломтиков хлеба и выпить чаю с тостами в школе.

Срань господня. Итак, вот как жила другая сторона. Колледж Томмен был похож на другой мир. Альтернативная вселенная той, из которой я пришла. Вау.

Чувствуя себя немного запуганной, я выскользнула наружу и побродила по всем залам и коридорам, пытаясь сориентироваться. Изучая свое расписание заранее, запомнила, где находится каждое здание и крыло, в которых будут проходить занятия.

К тому времени, когда в 8:50 прозвенел звонок, сигнализирующий о пятнадцати минутах до начала учебного дня, чувствовала себя довольно уверенно. Я чуть не заплакала от облегчения, когда меня поприветствовал знакомый голос:

— О Боже мой! Боже мой! — громко завизжала высокая, пышная блондинка, имея

улыбку размером с футбольное поле, привлекала внимание всех вокруг, пока пробиралась через несколько групп студентов в попытке добраться до меня.

Я была совершенно не готова к таким крепким объятиям, в которые меня заключили, хотя и не должна была ожидать чего-то другого от Клэр Биггс. То, что меня приветствовали искренние улыбающиеся, дружелюбные лица вместо привычных злых, было ошеломляющим.

— Шэннон Линч, ты на самом деле здесь! — Клэр наполовину хихикнула, наполовину задыхнулась, крепко сжимая меня.

— Я здесь, — с легким смешком проговорила я, похлопывая ее по спине и безуспешно пытаюсь освободиться от сокрушительных объятий. — Но не задержусь надолго, если ты не ослабишь хватку

— Вот черт. Извини, — засмеялась Клэр, немедленно делая шаг назад и отпуская меня.

— Я забыла, что ты не выросла с четвертого класса. — Она сделала еще один шаг назад и оглядела меня. — Или даже с третьего, — хихикнула она, а в глазах заплясали озорные огоньки.

Это не было издевкой. Простое наблюдение и факт. Я была исключительно маленькой для своего возраста, а в сравнении с моей подругой, рост которой 180 см, уменьшалась еще больше. Клэр была высокой, атлетически сложенной и исключительно красивой. Это не было сдержанной формой красоты. Нет, это отражалось на ее лице, как солнечные лучи.

Клэр была просто ослепительна с большими, щенячьими карими глазами и локонами светло-русых кудрей. У нее был жизнерадостный характер и улыбка, которая могла согреть самое холодное сердце.

Даже в четыре года я знала, что эта девочка другая. Всегда могла почувствовать доброту, исходящую от нее. Я ощущала это, когда она стояла на моей стороне в течение долгих восьми лет, защищая в ущерб себе. Она знала разницу между правильным и неправильным и была готова вступить за любого, кто слабее ее.

Она была хранителем.

Мы отделились друг от друга с тех пор, как пошли в разные средние школы, но один взгляд на нее, и я поняла: она все та же Клэр.

— Мы не можем все быть высокими, — добродушно парировала я, зная, что ее слова не должны были причинить мне боль.

— Боже, я так рада, что ты здесь, — она покачала головой и улыбнулась мне, после исполнила восхитительный счастливый танец, а затем снова обняла меня. — Я не могу поверить, что твои родители наконец-то поступили с тобой правильно.

— Да, — ответила я, снова чувствуя себя неловко. — В конце концов.

— Шэн, здесь все будет по-другому. То дерьмо, которое ты перенесла? В прошлом. — тон Клэр теперь был серьезным, глаза полны невысказанных эмоций. Она снова вздохнула, и я знала, подруга придержала язык за зубами и не высказала все, что хотела.

Клэр была там в начальной школе, являлась свидетелем тех дней. По какой-то неизвестной причине я была рада, что она не видела, насколько хуже стало после. Это было унижение, которое больше не хотелось испытывать.

— Я здесь ради тебя. Лиззи тоже, если она когда-нибудь решит вытащить свою задницу из постели и действительно прийти в школу. — проговорила Клэр.

— За то, чтобы начать все с чистого листа. — лучезарно улыбаясь, я отогнала своих демонов на задний план.

— Да, девочка! Новый старт с солнечной стороны! — сказала Клэр с большим

энтузиазмом, слегка ударив меня кулаком в процессе.

Первая половина дня прошла лучше, чем ожидалось изначально. Клэр представила меня своим друзьям, и хотя было проблематично вспомнить имена большинства людей, с которыми встречалась, я была невероятно благодарна за то, что меня, осмелюсь сказать, *приняли*.

Вовлеченность была непривычной вещью, и я обнаружила, что усердно работаю, чтобы не отставать от постоянного потока разговоров и дружеских вопросов, направленных на меня.

Проведя много времени в своей собственной компании, мне было трудно снова интегрироваться в нормальное подростковое общество. Иметь других людей, кроме Джоуи и его друзей, которые были готовы посидеть со мной, поговорить и прогуляться по школе, было потрясающим опытом.

Когда моя другая подруга, Лиззи Янг, в конце концов появилась в школе к середине третьего урока, обвинив в своем отсутствии посещение стоматолога, мы сразу же вернулись к привычной дружбе.

Лиззи прикатила в школу в мальчишеских школьных брюках и кроссовках, не слишком заботясь о внешности. Ее, честно говоря, не волновало, что подумают люди. Она одевалась в соответствии со своим настроением и излучала соответствующую атмосферу. Лиззи могла бы появиться завтра в юбке и с полным макияжем на лице. Она делала то, что хотела, когда хотела, не подозревая и не заботясь о чьем-либо мнении. Излучала ленивую уверенность в себе благодаря своим длинным темно-русые волосам, собранным в хвост и лицу без макияжа, подчеркивающему ее большие голубые глаза.

На всех наших занятиях Лиззи получала много мужского внимания, несмотря на мешковатые брюки и растрепанные волосы, которые она носила, доказывая, что вам не нужно раздеваться и красить лицо для привлечения противоположного пола. Искренняя улыбка и приятный характер сыграли важную роль.

Мои подруги во многом похожи, но все же многие моменты разительно отличают их друг от друга. Они обе длинноногие блондинки, высокие для своего возраста и до боли красивые. Но там, где Клэр общительна и временами чрезмерно возбужденная, действующая сразу, Лиззи была непринужденной и слегка замкнутой, ей требовалось время, чтобы принять решение о чем-то. Клэр всегда была безупречна, с полным макияжем и идеально подобранным нарядом для любого случая, в то время как стиль Лиззи был непредсказуем.

Между тем, я была миниатюрной брюнеткой, которая дружила с самыми красивыми девочками в классе.

Вздых...

— Ты в порядке, Шэн? — спросила Лиззи после большого перерыва.

Мы шли к нашему следующему классу, английскому языку в южном крыле, когда я остановилась на полпути, вызвав скопление учеников.

— Вот дерьмо, — пробормотала я, внезапно осознав свою ошибку. — Я оставила свой телефон в ванной.

— Иди и возьми его, мы будем ждать тебя. — повернулась и нахмурилась Клэр, находясь слева от меня.

— Ванная в научном корпусе, — ответила я со стоном. Томмен был смехотворно большим, и несколько занятий проходили в разных зданиях по всему обширному участку. —

Я должна вернуть его, — добавила я, чувствуя беспокойство при мысли о том, что кто-то найдет мой телефон и вторгнется в мою личную жизнь. Сам по себе мобильный телефон ничего не стоил, он был одним из самых дешевых на рынке и даже не имел камеры, но он был моим. Он был заполнен личными текстовыми сообщениями, и мне нужно было его вернуть. — Черт возьми.

— Не паникуй, — вмешалась Лиззи. — Мы тебя проводим.

— Нет, — я подняла руку и покачала головой. — Не хочу, чтобы вы опоздали на урок. Пойду и принесу его. — Будучи новенькой в свой первый день, сомневаюсь, что учитель будет суров из-за опоздания. С другой стороны, Клэр и Лиззи не были новичками, и у них не было никаких оправданий тому, что они не были на своих местах вовремя.

Я могла бы это сделать. Мне не нужна была — или, по крайней мере, не должна была — няня, чтобы проводить через школу.

— Ты уверена? — Клэр нахмурилась, ее неуверенность была очевидна.

— Да, помню путь. — кивнула я.

— Я не знаю, Шэн. — Лиззи прикусила нижнюю губу — Может быть, одному из нас стоит пойти с тобой. — Пожав плечами, она добавила:

— Знаешь, на всякий случай...

Громко прозвенел второй звонок, сигнализируя о начале урока.

— Идите, я буду в порядке, — настаивала на своем, отмахиваясь от них.

Развернувшись, я поспешила по коридору ко входу, а затем перешла на бег, когда добралась до внутреннего двора. Потребовалось целых девять минут, чтобы пробежать под проливным дождем по переулку, огибающему несколько спортивных площадок, и добраться в итоге до научного корпуса — это нелегкий подвиг на каблуках. К тому времени, как добралась до туалета для девочек, я задыхалась и вспотела. К счастью, телефон оказался именно там, где я его оставила — на раковине рядом с дозатором мыла. Вздохнув с облегчением, я стащила его с раковины, быстро проверила экран, спокойно выдохнув, когда увидела заблокированный экран, а затем надежно положила в передний карман своей школьной сумки.

Если бы это случилось в моей старой школе, телефон, оставленный без присмотра в туалете, не прожил бы и пятнадцати секунд, не говоря уже о пятнадцати минутах. *Теперь ты идешь плечом к плечу с богатыми, Шэннон*, подумала я про себя. *Им не нужен твой дерьмовый телефон.*

Плеснув немного воды в лицо, закинула сумку на спину, используя оба ремня, как ботаник, которым и являлась. Пока что я не подходила к своему шкафчику, а в рюкзаке было много тяжелых вещей. Оба ремня были совершенно точно необходимы в данной ситуации.

Когда вышла из научного корпуса и посмотрела на длинный, непривлекательный путь обратно к главному зданию, где находился мой класс, я подавила стон.

Не получится снова бежать. Физически не могу. Вся моя энергия была на исходе.

Мой несчастный взгляд метался между отвратительной, идущей в гору дорожкой и тренировочными полями. Всего на этой стороне школы было три поля. Два небольших, аккуратно ухоженных, которые были пусты, и одно побольше, которое в настоящее время было занято примерно тридцатью мальчиками и учителем, выкрикивающим приказы.

Разрываясь на части, я обдумывала свои варианты. Если срежу через тренировочные поля, это сократит мою прогулку на несколько минут. Находящиеся там меня даже не заметили бы. Я маленькая и быстрая. Но также уставшая и встревоженная. Срезать дорогу

было логичным решением.

Конечно, на дальней стороне поля был крутой, поросший травой склон, который отделял территорию от двора, но можно преодолеть его без каких-либо проблем.

Взглянув на часы, почувствовала волну разочарования, когда заметила, что уже пропустила пятнадцать минут из сорокаминутного занятия. Приняв решение, я перелезла через низкий деревянный забор, отделявший тренировочную площадку от пешеходной дорожки, и направилась к месту назначения.

С опущенной головой и яростно бьющимся о грудную клетку сердцем я поспешила через пустые поля, заколебавшись только тогда, когда добралась до самого большого из тренировочных полей — того, которое было заполнено парнями.

Огромные парни.

Грязные парни.

Злые на вид парни.

Которые смотрели на меня. Вот дерьмо.

— Что ты делаешь?

— Убирайся с гребаного поля!

— Иисус Христос!

— Чертовы девочки.

— Пошевеливайся, будь добра!

В панике я проигнорировала крики и насмешки, когда поспешила мимо них, явно мешая тренировке. Унижение просочилось сквозь мое тело, когда, ускорив шаг, перешла на неуклюжую трусцу. Земля была мокрой и грязной от дождя, поэтому не получалось двигаться так быстро, как мне — или тем парням — хотелось бы.

Добравшись до края поля, мне захотелось плакать от облегчения, ведь я уже ковыляла вверх по крутому склону. Однако мое успокоение было лишь кратковременным, мимолетным чувством, которое быстро сменилось жгучей болью, в момент прилета чего-то очень твердого и тяжелого в затылок, выбивая воздух из легких и ноги из-под меня.

Мгновение спустя я падала в свободном падении назад, кувыркаясь по илистому берегу, боль рикошетом пронзила мою голову, не давая мне ясно мыслить или предотвратить собственное падение. Последней связной мыслью перед тем, как я с глухим стуком упала на землю, и меня окутало густое облако тьмы, было следующее: *ничего не меняется.*

Но я была права.

Все изменилось после того дня.

Все.

Глава 3. Летающие шары

Чудо — мальчик покориł тренерский штаб Академии.

Юный Джонни Кавана, 17 лет, уроженец Блэкрока, Дублин, в настоящее время проживающий в округе Баллилаггин, Корк, прошел медицинское обследование, чтобы получить место в престижной академии регби в Корке. С начала прошлого сезона юноша лечился от хронической травмы паха, и врачи команды дали ему полное разрешение на тренировки. Ученик средней школы колледжа Томмен собирается выиграть свой пятнадцатый матч за Академию в эти выходные, будучи названным стартовым 13 номером для уважаемой молодежной команды. Естественный центр привлекает внимание тренеров международного уровня, в том числе клубов в США. Главный тренер Ирландии U20 (лига до 20 лет) Лиам Делани, когда его попросили прокомментировать стремительный взлет школьника по карьерной лестнице, произнес следующее:

— *Мы в восторге от уровня подготовки подающих надежды игроков по всей стране. Будущее ирландского регби выглядит блестящим.*

Конкретно о школьнике из Корка были такие слова:

— *Мы знали о Каване с его игровых дней в Дублине и вели тесные переговоры с его тренерами и тренерами в течение последних восемнадцати месяцев. Тренеры U18 (лига до 18 лет) впечатлены. Мы внимательно следим за его прогрессом и впечатлены уровнем интеллекта и зрелости, которые он естественным образом излучает на поле. Он, безусловно, тот, кого нужно остерегаться, когда он достигнет совершеннолетия.*

Джонни

Я был измотан.

Серьезно, я так устал, что мне было трудно держать глаза открытыми и сосредоточиваться на главном. Мой день из ада превращался в адскую неделю, и это был особенный подвиг, учитывая, что был понедельник. Возвращение к учебе, не говоря уже о тренировках и спортзале шесть вечеров в неделю, сделало свое дело.

Честно говоря, я бегал с пустыми руками с прошлого лета, вернувшись из международной кампании с U18, где я играл вместе с лучшими игроками Европы, только для того, чтобы отправиться прямо в интенсивный шестинедельный тренировочный лагерь в Дублине. После этого у меня был десятидневный перерыв, прежде чем я вернулся в школу и возобновил свои обязательства перед моим клубом и академией.

Я также был голоден, что не сулило ничего хорошего моему характеру. Справлялся с большими интервалами между приемами пищи не очень хорошо. Мой образ жизни и интенсивный режим тренировок требовали, чтобы я ел регулярно, в отведенное время. Каждые два часа были идеальными для моего тела, когда я потреблял 4500 калорий в день. Заставляя мой желудок ждать дольше четырех часов, и я становился капризной, раздражительной сукой.

Не то чтобы я особо предвкушал гору рыбы и тушеных овощей, ожидающих меня в ланч-боксе, но, черт возьми, у меня была рутина. Нарушение режима питания было верным способом разбудить голодного зверя внутри.

Мы были на поле меньше получаса, а я уже вывел из строя троих своих товарищей по команде и в процессе получил взбучку от нашего тренера. В свою защиту могу сказать, что каждый мой подкат на них был совершенно законным, если не сказать немного безжалостным.

Но это была моя точка зрения, черт возьми.

Я был слишком раздражен, чтобы отыграться на мальчиках, которые и близко не подходили к моему уровню игры.

Мальчики были подходящим словом в данном случае. *Они ими и являлись.*

Я играл с мужчинами. Также часто задавался вопросом, какой смысл играть в школьной команде. Мне это ни хрена не помогало.

Уровень клуба был достаточно базовым, но регби для школьников было чертовски пустой тратой моего времени. Особенно в этой школе.

Сегодня был первый день возвращения после рождественских каникул, но школьная команда тренировалась с сентября.

Четыре месяца.

Четыре гребаных месяца, и мы выглядели более дезорганизованными, чем когда-либо.

В миллионный раз за последние шесть лет я обнаружил, что возмущен поступком моих родителей. Если бы мы остались в Дублине, я бы играл в качественной команде с надежными игроками и добился бы, черт возьми, реального прогресса. Но нет, вместо этого я был здесь, среди дерьмовой глуши, пользуясь слабостью не слишком опытного тренера и надрываясь изо всех сил, чтобы удержать нашу команду вполе зрения на отборочных матчах.

В прошлом году мы выиграли Кубок лиги, потому что у нас была крепкая команда, способная играть в приличное гребаное регби. Из-за отсутствия нескольких игроков из прошлогодней команды, которые теперь ушли в колледж, мое волнение и беспокойство за наши шансы в этом году росли с каждой минутой.

Я был совсем не единственным, кто чувствовал себя так. У нас осталось шесть или семь исключительных игроков, которые были достаточно хороши для дивизиона, в котором мы играли, *и в этом была проблема.* Нам нужна была скамейка из двадцати трех достойных игроков, чтобы преуспеть в этой лиге. Не поддюжины.

Мой лучший друг Джерард Гибсон, или сокращенно Гибси, был ярким примером исключительности. Он был, без тени сомнения, лучшим фланговым игроком, с которым я играл или против которого выступал на этом уровне регби, и мог легко продвинуться по карьерной лестнице, приложив немного усилий.

Однако, в отличие от меня, регби не было жизнью Гибси. Отказ от вечеринок и подружек на несколько лет был небольшой ценой за профессиональную карьеру в спорте. Если бы он отказался от выпивки и сигарет, стал бы феноменальным. Однако Гибс не был так уверен, решив провести качественное тренировочное время, с удовольствием трахаясь со всем женским населением Баллилаггина, и пил до тех пор, пока его печень и поджелудочная железа не начинали кричать в знак протеста. По моему мнению это было ужасным расточительством.

Очередной неудачный пас от Патрика Фели, нашего нового 12-го номера и моего партнера по полузащите, заставил меня потерять свою всегдашнюю любовь к дерьму прямо там, в середине поля.

Выдернув свою каппу, я швырнул ее в него, ударив прямо в челюсть.

— Видишь это? — я зарычал. — Это называется попасть в гребаную цель.

— Извини, Кэп, я сделаю лучше, — пробормотал покрасневший центровой, обращаясь ко мне по прозвищу на поле, которое я получил с тех пор, как стал капитаном школьной команды на четвертом курсе и в том же году заработал свой первый международный титул.

Я немедленно пожалел о своих действиях. Патрик был порядочным парнем и моим очень хорошим другом. Помимо Гибси, Хьюи Биггс и Патрик были моими самыми близкими друзьями.

Гибс, Фели и Хьюи уже были в тесном кругу в Скойл-Оуин, начальной школе для мальчиков, когда меня перевели в их класс на последний год начальной школы. Объединившись из-за нашей общей любви к регби, мы оставались хорошими друзьями на протяжении всей средней школы, хотя и разделились на пары лучших друзей — Хьюи присоединился к Патрику, а я к самому говнюку.

Патрик был тихим парнем. Он не заслужил моего гнева, и бедняга определенно не заслуживал того, чтобы моя пропитанная слюной каппа полетела ему в голову.

Опустив голову, я подбежал к нему и похлопал по плечу, бормоча извинения. Видите, именно поэтому меня нужно было кормить. И, возможно, дать пакет со льдом для моего члена. Наложите мне достаточно мяса и овощей, и я стал бы другим человеком. Терпимым. Даже вежливым.

Но в настоящее время я был сосредоточен только на том, чтобы не упасть в обморок от голода и боли, поэтому у меня не было времени на любезности.

Позже на этой неделе у нас был матч отборочного турнира кубка, и, в отличие от меня, эти ребята проводили свободное время, будучи, ну, подростками.

Рождественские каникулы были ярким примером.

Я потратил время, работая как маньяк, чтобы вернуться на поле, выбыв из-за травмы, в то время как эти ребята провели свой перерыв, поедая и выпивая дерьмо из жизни. У меня не было проблем с поражением в матче, если бы мы были действительно являлись слабой командой. С чем я не мог смириться, так это с поражением из-за недостаточной подготовки и плохой дисциплины.

Школьная лига мальчиков или нет, это было недостаточно хорошо.

Я был возмущен сверх всякой разумности, когда девушка шла по полю, черт возьми, она прогуливалась прямо по тренировочной площадке. Раздраженный, я уставился на нее, чувствуя внутри себя ярость, граничащую с манией. Вот какой охуенной была эта команда, другим ученикам было все равно, что мы тренируемся.

Несколько парней накричали на нее, но это, казалось, только разозлило меня еще больше. Мне было непонятно, почему они кричали на нее. Это была их вина. Разглагольствующие и кричащие дураки были теми, кому нужно было либо улучшить свою игру, либо отложить свои мечты о регби в дальний ящик.

Вместо того, чтобы сосредоточиться на игре, они сосредоточились на девушке. Гребаные придурки.

— Отличная демонстрация капитанства, Кавана, сильно переоценивают? — насмехался парень поломоже, Ронан Макгэрри, еще один из наших последних новобранцев, и жалкое подобие полузащитника, пробегая задом наперед мимо меня.

— Продолжай, блять, бегать, — предупредил я его, пока размышлял, сколько проблем у меня будет, если я сломаю ему ноги. Мне действительно не нравился этот парень.

— Может быть, тебе стоит последовать собственному совету, — насмехался Ронан. — Дублинский отброс.

Решив, что мне плевать на наказания, я отобрал мяч и бросил ему в него. Аккуратный и точный бросок попал Макгэрри в нужную область — нос.

— Успокойся, сорвиголова! — рывкнул тренер, подбегая, чтобы проверить Ронана, который обхватил ладонями лицо.

Я фыркнул при виде этого. Я ударил его мячом, а не кулаком. Гребаная киска.

— Это командный вид спорта, а не только «Шоу Джонни» — кипел тренер, свирепо глядя на меня.

— О, это так? — я огрызнулся в ответ, не в силах удержаться от того, чтобы не заглотнуть наживку. Мистер Малкахи, старший школьный тренер по регби, не очень меня любил, и это чувство было полностью взаимным.

— Да, так оно и есть — проревел тренер.

Подбежав к тому месту, где приземлился мяч, я поднял его и подошел к нему и Макгэрри, не желая отпускать ситуацию:

— Тогда, возможно, вы захотите напомнить этим ублюдкам, — прорычал я, указывая на своих товарищей по команде, — потому что я, кажется, единственный идиот, который пришел сегодня на тренировку!

— Ты ходишь по тонкому льду, парень, — кипел он. — Не настаивай.

Не в силах сдержаться, я прошипел:

— Эта команда — гребаная шутка.

— Отправляйся в душ, Кавана, — приказал тренер, лицо которого приобрело опасный фиолетовый оттенок, когда он ткнул пальцем мне в грудь. — Ты выбываешь!

— Я ухожу? — Я выстрелил в ответ, насмехаясь над ним. — Из чего именно?

Я не был в дерьме. Тренер не мог меня бросить. Он может запретить мне тренироваться. Или отстранить на некоторое время. Дать наказание. Это не имело никакого значения, потому что в день матча я находился бы на этом поле.

— Ты ничего не сделаешь, — усмехнулся я, позволяя своему характеру взять верх.

— Не дави на меня, Джонни, — предупредил тренер. — Один звонок модным маленьким тренерам по всей стране, и ты окажешься в большем дерьме, чем сможешь выкарабкаться сам.

Ронан, стоявший рядом с тренером, мрачно ухмыльнулся, явно обрадованный перспективой того, что я попаду в беду.

Взбешенный угрозой, но зная, что я побежден, позволяю мячу в своих руках атаковать, бросаю его с неутоленной яростью, бурлящей в моих венах, и не забочусь о направлении.

В ту минуту, когда мяч просвистел от подошвы моей бутсы, гнев внутри мгновенно рассеялся, вырвавшись из моего тела в знак поражения.

Черт возьми. Со мной было сложно. Я знал это лучше всех остальных.

Тренер, угрожающий мне Академией, был ударом ниже пояса, но мне было понятно, что это было засужено. Я терял самообладание на *его* поле, с *его* командой, слишком эмоциональный и перегруженный работой, чтобы взять себя в руки. Никогда за миллион лет я не почувствовал бы даже намека на раскаяние за то, что ударил Макгэрри мячом, этот ублюдок заслуживал гораздо худшего, но Фели и остальные парни были совсем другим делом.

Я должен был быть капитаном этой команды, а вел себя как инструмент. Это было недостаточно хорошо, и я был разочарован в себе из-за вспышки гнева.

Знал, конечно, что со мной не так. За последние несколько месяцев я слишком исхудал

и очень рано закончил восстановление после травмы. Врачи разрешили мне вернуться к тренировкам на этой неделе, но даже слепой мог сказать, что я был не в своей тарелке, и это меня чертовски бесило.

Перспектива совмещать школу, тренировки, клубные обязательства и Академию, залечивая травму, была напряжением как для моего ума, так и для моего тела, и я изо всех сил пытался найти первозданную дисциплину, которую обычно демонстрировал. В любом случае, это не было оправданием. Я бы извинился перед Патриком после того, как поем, и перед остальными ребятами тоже.

Тренер, заметив перемену в моем темпераменте, натянуто кивнул.

— Хорошо, — сказал он более спокойным тоном, чем раньше. — А теперь иди приведи себя в порядок и, черт возьми, отдохни один день. Ты всего лишь ребенок, Кавана, и выглядишь дерьмово.

Я не очень нравился этому человеку, и мы ежедневно сталкивались, как старая супружеская пара, но я никогда не сомневался в его намерениях. Он заботился о своих игроках, а не только о нашей способности играть в регби. Поощрял нас добиваться успеха во всех аспектах школьной жизни и постоянно твердил о важности экзаменационных лет. Также, вероятно, был прав насчет того, что я выглядел дерьмово.

— Это важный год для тебя, — напомнил он мне. — Пятый год более важен для твоего аттестата об окончании, чем шестой, и мне нужно, чтобы ты держал свои оценки на высоком уровне — о черт!

— Что? — спросил я, пораженный резкой переменной. Проследив за испуганным взглядом тренера, обернулся и уставился на смятый мяч на краю поля.

— Вот дерьмо, — пробормотал я, когда мой разум осознал то, что я видел.

Девушка. Чертова девчонка, которая прогуливалась по полю, лежала на спине в траве. Мяч находился рядом с ней. Не просто любой мяч. *Мой мяч!*

В ужасе, мои ноги двигались, прежде чем мой мозг мог догнать. Я побежал к ней, сердце билось о грудную клетку на каждом шагу.

— Привет, ты в порядке? — крикнул я, сокращая расстояние между нами.

Тихий женский стон сорвался с ее губ, когда девушка попыталась подняться на ноги. Она пыталась встать и с треском провалилась, явно пораженная. Не зная, что делать, я наклонился, чтобы помочь ей подняться, но она быстро оттолкнула мои руки.

— Не прикасайся ко мне, — выкрик вышел немного невнятным, и от толчка снова упала на колени.

— Хорошо! — я автоматически сделал шаг назад и поднял руки вверх. — Мне так жаль.

Мучительно медленно она стала подниматься на ноги, покачиваясь из стороны в сторону, на ее лице отразилось замешательство, глаза расфокусировано блуждали вокруг. Схватившись за край своей грязной юбки одной рукой и удерживая мяч для регби в другой, она огляделась. Ее внимание сосредоточилось на мяче в руках, а затем снова переключилось на мое лицо. В глазах девушки вспыхнула остекленевшая ярость, когда она наполовину пошатнулась, наполовину направилась ко мне. Ее волосы были в полном беспорядке, свободно падали на маленькие плечи, к завиткам прилипли кусочки грязи и травы. Когда она подошла ко мне, то ударила мячом мне в грудь и прошипела:

— Это твой мяч?

Я был так поражен видом этой крошечной, покрытой грязью девочки, что просто кивнул, как гребаный идиот. Иисус Христос, *кто была эта девушка?* Прочистив горло, я

забрал у нее мяч и сказал:

— Э-э, да. Это мой мяч.

Она была крошечной, чертовски маленькой, едва достигала моей груди.

— Ты должен мне юбку, — прорычала она, все еще прижимая ткань к бедру. — И пару колготок, — добавила она, взглянув вниз на огромную лестницу в своих колготках телесного цвета. Ее взгляд прошелся по телу, затем вновь остановился на моем лице, глаза сузились.

— Хорошо, — ответил я кивком, потому что, честно говоря, что еще должен был произнести?

— И извинения, — добавила девушка, прежде чем упасть на землю. Она тяжело приземлилась на задницу и издала небольшой вскрик от контакта.

— О, дерьмо, — пробормотал я. Отбросив мяч, двинулся, чтобы помочь ей. — Я не хотел...

— Остановись! — и снова отбила мои руки.

— Ой, — простонала она, съездившись, когда заговорила. Потянувшись вверх, схватилась за лицо обеими руками и тяжело задышала. — Моя голова.

— Ты как? — спросил, не зная, что, черт возьми, делать.

Должен ли я забрать девушку вопреки ее желанию? Это не казалось хорошей идеей. Но я точно не мог оставить ее здесь.

— Джонни! — орал тренер. — С ней все в порядке? Ты причинил ей боль?

— Она в порядке, — крикнул в ответ, вздрогнув, когда из ее груди вырвался икающий звук. — Ты ведь в порядке, не так ли?

Эта девушка собиралась втянуть меня в неприятности. У меня и так было достаточно проблем. Я был в ссоре с тренером. Почти обезглавливание девушки не выглядело хорошо.

— Зачем ты это сделал? — прошептала она, сжимая свое маленькое лицо в своих еще меньших руках. — Ты причинил мне боль.

— Извиняюсь, я не хотел. — повторил я, чувствуя себя странно беспомощным, и это мне не нравилось.

Затем она шмыгнула носом, голубые глаза наполнились слезами, и что-то внутри меня оборвалось. Ох, дерьмо. В ужасе я вскинул руки и выпалил:

— Мне так жаль, — прежде чем присесть и поднять ее с травы. — *Не плачь,* — беспомощно пробормотал я.

— Это мой первый день, — всхлипнула она, покачиваясь на ногах. — Мой новый старт, и я вся в грязи. — Мой папа убьет меня, — продолжала она, задыхаясь и хватаясь за свою порванную юбку. — Моя форма испорчена.

Затем из ее горла вырвался болезненный шипящий звук, и рука, которой она придерживала юбку, ударила ее по виску, отчего лоскуток ткани упал. Мои глаза расширились сами по себе, неудачная реакция при виде женского нижнего белья.

Волчий свист и одобрительные возгласы вырвались у парней.

— О боже, — закричала она, неуклюже пытаясь поднять юбку.

— Продолжай, красавчик!

— Отвалите, вы, придурки! — я зарычал на своих товарищей по команде, встав перед девушкой, чтобы закрыть им обзор.

Я слышал, как парни трещали позади меня, смеялись и несли всякую чушь, но я не мог сосредоточиться ни на одном слове, которое они говорили, потому что звук моего сердца, колотящегося в груди, оглушал меня.

— Вот, — потянувшись к подолю моей майки, я стянул ее через голову и приказал: — Надень это.

— Оно грязное, — всхлипнула она, но не остановила меня, когда я стянул ее через голову.

Она просунула руки в рукава, и я почувствовал огромное облегчение, когда подол упал ей на колени, прикрывая тело девушки. Господи, она действительно была крошечной малышкой. Была ли она достаточно взрослой, чтобы посещать среднюю школу? По крайней мере не выглядела так. Прямо сейчас она была очень-очень юной и... грустной?

— Кавана, с девочкой все в порядке? — потребовал ответа тренер.

— Она в порядке! — мои слова прозвучали как резкий лай.

— Отведи ее в офис, — проинструктировал он. — Убедись, что Маджелла проверит ее.

Маджелла — это первый респондент школы. Она работала в столовой и была дежурной, когда ученик получал травму.

— Хорошо, сэр, — взволнованно отозвался я, быстро наклоняясь, чтобы схватить юбку и школьную сумку.

Я подошел ближе, и она отпрянула от меня.

— Я только пытаюсь тебе помочь, просто отведу в офис — заявил я самым мягким тоном, на который был способен, подняв руки вверх, как будто показывая ей, что я не хотел причинить ей вреда.

Она выглядела немного ошеломленной, и я забеспокоился, что мог вызвать у нее сотрясение мозга. Зная мою удачу, это именно то, что я сделал. Черт возьми.

Перекинув сумку через плечо, я заправил ее юбку за пояс своих шорт, положил руку ей на спину и попытался уговорить подняться по холмистой насыпи, отделяющей поле от школьной территории. Она покачивалась на ногах, как маленький жеребенок, и мне пришлось подавить внезапное желание обнять девушку за плечи.

Пару минут спустя это было именно то, что мне все равно пришлось сделать, потому что она продолжала терять равновесие. Паника захлестнула меня. Я сломал эту чертову девчонку. Разбил ей голову. Меня собирались отстранить от работы за то, что я вышел из себя, и выписать ордер на мой арест.

— Мне жаль, — продолжал повторять я, пронзая взглядом каждого любопытного ублюдка, который решал остановиться и поглазеть на нас, пока мы продолжали идти медленным шагом.

Она была в моей майке, и она ниспадала на нее, как платье. Я отмораживал свои сиськи рядом с ней в одних тренировочных шортах, носках и футбольных бутсах с шипами. О, и эта чертова розовая школьная сумка, висящая у меня за спиной. Они могли смотреть сколько угодно, моей единственной заботой оставалось проверить голову этой девушки.

— Мне чертовски жаль.

— Перестань извиняться, — простонала она, схватившись за голову.

— Ладно, извини, — пробормотал я, чувствуя, как она навалилась на меня всем весом. — Но мне жаль. Просто чтобы тебе было ясно.

— Ничего не ясно, — прохрипела она, напрягаясь от моего прикосновения. — Земля вращается.

— О Боже, не говори так, — выдавил я, крепче обнимая ее жесткое тело. — Пожалуйста, не говори так, блять.

— Зачем ты это сделал? — захныкала она, такая хрупкая, маленькая и покрытая грязью.

— Я мудака, который сильно облажался — сообщил я ей, перекидывая розовую школьную форму обратно себе на спину и прижимая девушку ближе.

— Ты сделал это нарочно?

— Что? — ее слова потрясли меня настолько, что я остановился. — Нет. — повернувшись всем телом, чтобы посмотреть ей в лицо, я нахмурился и сказал: — Я бы никогда так с тобой не поступил.

— Обещаешь?

— Да, я обещаю — проговорил я, подтягивая ее к себе и прижимая ее тело к себе.

На улице был месяц январь. Было мокро и холодно. Но по какой-то странной, сбивающей с толку причине я весь горел изнутри.

Мои слова, казалось, ослабили напряжение внутри этой девушки, потому что она глубоко вздохнула, расслабила свое тело, позволив мне взять на себя весь ее вес.

Глава 4. Падение при посадке

Джонни

Приложив немало усилий и продемонстрировав удивительное отсутствие самоконтроля, мне удалось уважать ее желания и проводить до офиса, когда все, что хотелось сделать, это подхватить ее на руки и побежать за помощью.

Я был в панике и беспокоился, и каждый раз, когда она стонала от боли или прижималась ко мне, беспокойство росло.

Однако, проведя последние десять минут за пределами кабинета директора, слушая разглагольствования и восторги мистера Туоми, я полностью потерял это драгоценное терпение.

Почему он не забрал ее у меня? Какого хрена я все еще стоял возле его офиса, держа на руках девушку в полугоматозном состоянии?

— Ее мать уже в пути, — объявил мистер Туоми с раздраженным вздохом, убирая телефон в карман. — Как это могло случиться, Джонни?

— Я уже говорил вам. Это был несчастный случай, — прошипел я, продолжая поддерживать девушку, прижимая ее маленькую фигурку к себе. — Вам нужно попросить Маджеллу осмотреть ее, я думаю, что у нее сотрясение мозга, — повторил я в пятидесятый гребаный раз.

— Маджелла ушла в декретный отпуск, — рявкнул мистер Туоми. — Что мне с ней делать? У меня нет обучения по оказанию первой медицинской помощи.

— Тогда вам лучше вызвать врача, потому что я разбил ее гребаную голову — парировал я, все еще держа девушку.

— Следи за своим языком, Кавана, — огрызнулся мистер Туоми.

— Да, сэр, — произнес стандартную фразу я, хотя на самом деле мне было наплевать и, если уж на то пошло, особого сожаления не испытывал.

Моя роль в академии регби означала, что в этой школе мне была предоставлена большая свобода действий, много привилегий, которых не было у других учеников, но я не собирался настаивать в свой первый день возвращения. Не тогда, когда израсходовал свою норму, покалечив новенькую.

— С вами все в порядке, мисс Линч? — спросил мистер Туоми, подталкивая ее так, будто она была сырой индейкой, от которой он не хотел подхватить тиф.

— Больно, — простонала она, прижимаясь ко мне.

— Я знаю, — успокоил я, притягивая ее ближе. — Мне так чертовски жаль.

— Господи, Джонни, это ее первый день. Родители, которые едут сюда, разнесут школу — это последнее, что мне нужно — прошипел мистер Туоми, проводя рукой по своим волосам с проседью.

— Это был несчастный случай, — выпалила я, начиная злиться. Она застонала, и я сделал сознательное усилие, чтобы понизить голос, когда сказал: — Я вряд ли хотел причинить девушке боль.

— Да, хорошо, скажи это ее матери, когда она придет, — фыркнул мистер Туоми. — Ее уже забрали из общественной школы Баллилаггина за словесное и физическое насилие. И

что происходит в ее первый день в коллежде Томмен? Это!

— Я не нападаю на нее, — выплюнул я. — Я сделал плохой удар.

Взяв ее под мышку, я уставился на так называемую авторитетную фигуру.

— Подождите, — рявкнул я, вспомнив его предыдущие слова. — Что вы имеете в виду говоря слова о причинении насилия?

Я посмотрел вниз на крошечную маленькую девочку у меня под мышкой. Кто мог напасть на нее? Она была такой крошечной. И хрупкой.

— Что с ней случилось? — я услышал свой вопрос, снова обратив внимание на директора.

— Кажется, я сейчас упаду, — прохрипела она, отвлекая меня от мыслей. Протянув руку, она сжала мое предплечье своей маленькой ручкой и вздохнула. — Все крутится.

— Я не дам тебе упасть, все в порядке, — автоматически ответил успокаивающим тоном. — Я почувствовал, как она начала соскользывать, и поднял ее на ноги, держась за это крошечное создание. — Я держу тебя, — уговаривал я, крепче обнимая ее.

— Сядь с ней, — приказал мистер Туоми, указывая на скамейку, которая стояла вдоль стены снаружи его кабинета. — Я пойду и найду компресс или что-нибудь в этом роде.

— Вы оставляете меня с ней? — спросил я, открыв рот. — Одного?

Директор мне не ответил. Конечно, он этого не сделал, чертов трус, потому что уже был в нескольких милях по коридору, отчаянно пытаюсь уйти от ответственности, за которую ему платили.

— Бесхребетный придурок, — прорычал я себе под нос.

Расстроенный, повел нас к деревянной скамейке, бросив ее школьную сумку на пол, я осторожно опустил наши тела на скамейку, пока мы не сели рядом. Я продолжал обнимать ее за костлявые плечи, не смея отойти, опасаясь, что она упадет.

— Это просто здорово, — фыркнул я — Чертовски замечательно.

— Ты такой теплый, — прошептала она, и я почувствовал, как ее щека прижалась к моей обнаженной груди. — Как грелка.

— Хорошо, тебе действительно нужно оставлять глаза открытыми, — сказал я, запаниковав от произнесенных ею слов. Нервно подрагивая коленями, я повернул аккуратно ее на руках и обхватил лицо руками.

— Э-эй, — уговаривал я, слегка встряхивая ее лицо обеими руками. — Ну же... девушка? — добавил обращение неубедительно, потому что даже не знал имени. Я чуть не убил девушку и не знал ее гребаного имени. — Открой глаза.

Она этого не сделала.

— Эй-эй! Посмотри на меня — теперь я сказал громче и слегка покачал ее голову. — Посмотри на мое лицо.

На этот раз она сделала, как я просил.

Открыла глаза и, трахните меня, я непреднамеренно резко втянул воздух. Господи, эта девушка была так прекрасна.

Я заметил это раньше, конечно, у нее был поразительный вид, но теперь, видя ее так близко и имея возможность сосчитать веснушки на ее лице — к слову, их одиннадцать, — я понял, насколько она поразительна.

Ее голубые глаза, обрамленные густыми длинными ресницами, были большими, круглыми и чертовски красивыми, с небольшими желтыми прожилками в радужке глаза. Я даже не был уверен, что когда-либо раньше видел такой оттенок синего. Положа руку на

сердце, у нее были самые великолепные глаза, которые я когда-либо видел в своей жизни.

Она имела длинные, до локтя, темно-каштановые волосы, густые и завивающиеся на концах. А за горой волос скрывалось маленькое личико в форме сердечка, гладкая, чистая кожа и крошечная ямочка на подбородке. Идеальной формы темные брови, изогнутые над ее убийственными глазами. Крошечный носик пуговкой, высокие скулы и эти пухлые, припухшие губы.

Губы, которые были естественного розово — красного цвета и выглядели так, как будто она сосала леденец или что-то в этом роде — я знал, что это не так, потому что я потратил последние полчаса, пытаясь не дать ей уснуть.

— Привет, — выдохнула она.

— Привет — облегченно выдохнул я.

— Это действительно твое лицо? — спросила она, опустив глаза, изучая меня с отсутствующим выражением. — Очень красивое.

— Э-э, спасибо? — неловко предложил я, все еще держа ее щеки в своих руках. — Это единственное, которое я имею.

— Мне оно нравится, — прошептала она. — Это хорошее лицо, — прежде чем снова закрыть глаза и наклониться вперед.

— Нет, нет, нет, — пробормотал я, немного грубо встряхивая ее. — Оставайся в сознании!

Застонав, она снова моргнула, просыпаясь.

— Хорошая работа, — похвалил я с тяжелым выдохом. — А теперь не засыпай.

— Кто ты? — прохрипела она, полностью полагаясь на мои руки, чтобы держать голову прямо.

— Я Джонни, — сказал я ей, сдерживая ухмылку. — А кто ты?

— Шэннон, — прошептала она. Ее веки немного опустились, но быстро распахнулись снова, когда я коснулся ее щек. — *Как река*, — добавила она с легким вздохом.

Я усмехнулся ее ответу.

— Ну, Шэннон, *как река*, — сказал я весело, отчаянно пытаясь заставить ее сосредоточиться и говорить. — Твои родители уже в пути. Они, вероятно, отвезут тебя в больницу на обследование.

— Джонни, — простонала она, а затем поморщилась. — Джонни. Джонни. Джонни. Это плохо...

— Что? Что плохо?

— Мой отец, — прошептала она.

— Твой отец? — я нахмурился.

— Ты можешь спасти меня?

— Тебе нужно, чтобы я спас тебя? — складка между бровями усилилась, пока я пытался понять, что она имеет в виду.

— Ммм-ммм, — сонно пробормотала она. — Погладь меня по волосам.

— Ты хочешь, чтобы я погладил тебя по волосам?

Она кивнула и наклонилась вперед. Придвинувшись ближе, я повернул ее тело так, чтобы голова упала на мое плечо, и, обхватив ее лицо одной рукой, использовал другую, чтобы погладить волосы. Это была неловкая позиция, но я справился.

Господи, какого хрена я делал?

Я покачал головой, чувствуя себя идиотом, но все равно продолжал делать то, что она

просила. Все шло хорошо — до тех пор, пока она не легла лицом на мой член. Дернувшись от безумно интимного контакта, не говоря уже о внезапном толчке осознания в моем члене и обжигающей боли в паху, я попытался отодвинуть ее лицо от своей промежности, но она громко застонала, сопротивляясь. А потом она задрала ноги на скамейку и устроилась поудобнее, чтобы хорошенько полежать на моем члене.

К черту мою жизнь.

Держа руки в воздухе и подальше от ее тела, потому что обвинение в сексуальном домогательстве было мне нужно так же, как и дырка в голове, я огляделся в поисках кого-нибудь, кто мог бы мне помочь, но никто не пришел. В коридорах, к счастью, не было взрослых.

К черту эту школу.

Я думал о том, чтобы убежать, но я едва мог сбросить девушку с себя. Да, потому что разбить ей голову было недостаточно, блядь, плохо. Итак, я просто сидел, оставив ее голову у себя на коленях, когда ее щека прижималась к моему члену, и молился Богу, чтобы он дал мне силы игнорировать чувства, растущие внутри, и не получить эрекцию.

Помимо очевидной причины ужасного выбора времени, мой член был травмирован. Ну, дело было не столько в том, что был сломан мой член, сколько в окружающей области, возбуждение могло привести к тому, что я потеряю сознание прямо рядом с ней. Но потом она захныкала, и звук вернул беспокойство, катастрофа была предотвращена.

Как будто у этого действия существовал собственный разум, моя рука переместилась к ее лицу.

— Ты в порядке, — уговаривал я, борясь со своей тревогой, а также желанием лелеять эту девушку, что было новым и в равной степени пугающим чувством для меня. Убрав волосы с ее щеки, я заправил темно-коричневые завитки ей за ухо, а затем продолжил гладить ее большую голову.

В том месте, где мяч соприкоснулся с ее кожей головы, образовалась внушительная шишка, поэтому я погладил область кончиками пальцев, используя легкое прикосновение. — Это нормально?

— Ммм, — выдохнула она. — Это... хорошо.

— Хорошо, — пробормотал я с облегчением и продолжил поглаживание.

Слабый шрам привлек мое внимание там, где ее висок встречался с линией волос. Не думая о том, что я делаю, я провел пальцем по дюймовому углублению на коже и спросил:

— Что здесь произошло?

— Хм?

— Вот, — я провела пальцем по старой отметине. — Это откуда?

— Мой отец, — ответила она, тяжело вздохнув.

Моя рука замерла, когда мой мозг зарегистрировал ужасный по содержанию ответ. — Засыпаешь снова?

Когда она не ответила, я другой рукой осторожно потряс ее за плечо. — Шэннон?

— Хм?

Я постучал по старому шраму кончиком пальца и сказал:

— Ты хочешь сказать, что твой отец сделал это с тобой? — я старался говорить спокойно, но это было непросто, потому что внутри меня клокотало внезапное желание калечить и убивать.

— Нет, нет, нет — прошептала она.

— Значит, твой отец этого не делал? — мне нужно было подтверждение. — Он точно этого не делал?

— Конечно, нет, — пробормотала она.

Спасибо, черт возьми, за это. Я выпустил воздух, который неосознанно задержал.

— Джимми?

— Я Джонни.

— Ох. Джонни?

— Да?

— Ты злишься на меня?

— Что? — вопрос, произнесенный так тихо, сбил меня с толку, и я уставился на нее сверху вниз, чувствуя желание защитить от всего. — Нет. Я не сержусь на тебя, — сказал я ей, делая долгую паузу, задерживая пальцы, прежде чем спросить:

— Ты злишься на меня?

— Я думаю, да, — прошептала она, возобновляя движение. Мои глаза закатились, и я подавил стон. Вот черт!

— Ты не можешь этого делать, — отрезал я, все еще удерживая ее голову.

— Делать что? — она удовлетворенно вздохнула, затем потерлась щекой о мое бедро. — Злиться?

— Нет, — выдавил я, снова удерживая ее голову неподвижно. — Злись сколько хочешь, просто перестань тереться головой о мои колени.

— Мне нравятся твои колени, — выдохнула она, закрыв глаза. — Они как подушка.

— Да, эм, ну, это мило и все такое... — я сделал паузу, чтобы еще раз обхватить ее лицо руками — Но мне больно, поэтому мне нужно, чтобы ты этого не делала.

— Делать что?

— Тереться об меня, — прохрипел я. — Вот так.

— Поэтому тебе больно? — она тяжело вздохнула и спросила:

— Ты тоже сломан?

— Возможно, — признал я, перемещая ее лицо на свое здоровое бедро, что ж, лучше на то, которому меньше больно. — Оставайся здесь, хорошо? Не двигайся — это была скорее просьба, чем приказ.

Подчинившись, она больше не двигала головой. Используя свободную руку, чтобы подавить напряжение, образовавшееся у виска, я подумал о том, в каком дерьме я буду.

Я пропускал занятия. Был голоден.

Сегодня вечером у меня была клубная тренировка.

Мы с Гибси договорились о занятии в спортзале сразу после школы.

Физиотерапия с Дженис завтра после школы.

В пятницу у меня был школьный матч.

На выходных у меня была еще одна тренировка с молодежью.

У меня был чертовски плотный график, и мне не нужна была эта драма. Несколько минут прошло в болезненном молчании, прежде чем она снова пошевелилась, и за это время я продумал в голове все причины, по которым мистер Туоми был некомпетентным директором. У меня образовался список длиной с мою руку, когда девушка снова попыталась сесть.

— Будь осторожна, — предупредил я, вертясь вокруг нее как насадка.

Я помог ей принять вертикальное положение и при этом умудрился соскользнуть со

скамейки. Каждый мускул к югу от моего пупка протестующе закричал, но я не отодвинулся. Вместо этого я продолжил приседать перед ней, держа руки по обе стороны от ее талии, чтобы в любой момент поймать — Ты в порядке, Шэннон?

Ее длинные каштановые волосы упали вперед, закрывая ее лицо, будто одеялом.

— Я... я так думаю, — она медленно кивнула головой, глубоко нахмутив брови.

— Хорошо — я обмяк, мое облегчение было ощутимым.

Затем она наклонилась вперед, положив локти на бедра, открыв глаза и глядя в мои, и внезапно она оказалась слишком близко для комфорта — и это о чем-то говорило, учитывая, что не менее двух минут назад ее лицо было у меня на коленях.

Мы были *слишком близко* друг к другу.

Внезапно я почувствовал себя очень незащищенным.

Мои руки переместились с ее талии на бедра, автоматическая реакция на то, что женщина наклоняет свое лицо к моему. Я быстро одернул себя, убрав руки, чтобы вместо этого отдохнуть на скамейке.

Прочистив горло, я выдавил слабую улыбку:

— Ты жива.

— Едва ли, — прошептала она, вздрогнув, голубые глаза прожигали дыры в моих, изучая меня теперь с большей ясностью. — У тебя ужасный прицел.

Я рассмеялся над ее словами. Они были так далеки от правды, что я ничего не мог с этим поделать.

— Что ж, это впервые, — задумчиво произнес я. — Я не привык, чтобы меня критиковали за мою способность отбивать мяч.

Я не был прирожденным десятником, но у меня был приличный прицел и способность бить с дальней дистанции, когда это было необходимо.

— Да, — прохрипела она. — Ну, твоя способность отбивать мяч чуть не убила меня.

— Справедливое замечание, — признал я, съезжившись.

Недолго думая о том, что я делаю, я протянул руку и заправил ее волосы за уши. Я почувствовал, как она задрожала от прикосновения, и быстро отругал себя за этот шаг.

Не трогай ее, придурок. Держи свои руки подальше.

— У тебя странный голос, — объявила она затем, голубые глаза встретились с моими.

— Мой голос? — я нахмурился

Она медленно кивнула, затем застонала и снова обхватила лицо руками. — Твой акцент, — пояснила она, тяжело дыша. — Это не коркский акцент, — о на все еще держалась за голову, но теперь была более бдительной.

— Это потому, что я не из Корка, — ответил я, не в силах удержаться от того, чтобы протянуть руку и пригладить прядь ее волос. — Я родился и вырос в Дублине, — услышал я свое объяснение, заправляя непослушный локон ей за ухо. — Я переехал в Корк с родителями, когда мне было одиннадцать.

— Итак, ты Даб, — заявила она, явно удивленная этой информацией. — Джекин.

Я посмеялся над термином и отбросил один из своих. — А ты Калчи.

— Мои двоюродные братья живут в Дублине, — сказала она мне.

— Ах, да?

— Клондалкин, я думаю, — ответила она. — А как насчет тебя?

— Черная скала.

— Саутсайд? — ее улыбка стала шире, глаза стали более внимательными. — Ты

прекрасный парень.

— Я кажусь тебе прекрасным? — я поднял бровь

— Я не знаю тебя достаточно, чтобы сказать. — она пожала плечами

— Ну, я не такой, — добавил я, чувствуя себя неловко при мысли о том, что она вынесла упреждающее суждение обо мне.

Мне должно быть все равно. Черт, обычно меня это никогда не волновало. Так почему я дулся из-за этого сейчас?

— Я верю тебе, — ее тихий голос прорвался сквозь мои мысли. — Ты никогда не сможешь быть прекрасным.

— И почему это?

— Потому что ты ругаешься, как моряк.

— Да, в этом ты, наверное, права, — я рассмеялся над ее рассуждениями

Она засмеялась вместе со мной, но быстро остановилась и застонала, схватившись за виски. Сожаление вспыхнуло во мне.

— Мне жаль, — сказал я ей, теперь твердым и немного тоном.

— За что? — прошептала она, казалось, наклоняясь ближе, когда она прикусила нижнюю губу.

— Что я причинил тебе боль, — честно ответил я.

Господи, мой голос даже не звучал так, как будто он принадлежал мне. Это было напряженно ... грубо.

Я прочистил горло и добавил:

— Это больше не повторится.

— Ты обещаешь?

Ну вот, она снова взялась за обещания.

— Да, — сказала я, теперь уже хриплым тоном. — Я обещаю.

— Боже, — простонала она, теперь морщась. — Все будут смеяться надо мной.

Эти слова, это маленькое, блять, предложение пробудили к жизни какие-то странные, чертовы эмоции, которых я раньше не испытывал.

— Мне так стыдно, — продолжала бормотать она, опустив глаза. — Обо мне будет говорить вся школа.

— Посмотри на меня.

Она этого не сделала.

— Эй — я сделал паузу и приподнял ее подбородок большим и указательным пальцами. Как только я убедился, что снова привлек ее внимание, то продолжил: — Никто не скажет о тебе ни слова.

— Но они все видели меня.

— Никто не собирается открывать рот по этому поводу, — понимаю, что мой тон граничит с гневом, я сбавил его и попробовал снова. — Ни команда, ни тренер, ни кто-либо еще. Я им не позволю.

— Ты им не позволишь? — она моргнула в замешательстве.

— Да, — подтвердил я кивком. — Я им не позволю.

— Ты обещаешь? — прошептала она, и крошечная улыбка тронула ее распухшие губы.

— Да, — хрипло ответил я, чувствуя, что отдал бы все гребаные обещания в мире, только чтобы эта девушка почувствовала себя лучше. — Я прикрою тебя.

— Нет, ты завладел моей головой, — прохрипела она. Она посмотрела на свое тело и

вздохнула. — На самом деле, я думаю, что ты разрушил все во мне.

Спасибо, черт возьми, за это, потому что ты прямо сейчас разрушаешь меня целиком, подумал я про себя.

Господи, откуда, черт возьми, это взялось? Отбросив эту мысль, я остановился на более безопасном:

— Я попрошу своих людей позвонить вашим людям, чтобы обсудить законопроект, — прокомментировал вместо этого.

Это вызвало у нее улыбку, настоящую улыбку, не застенчивую или маленькую. Это была мегаваттная улыбка, честное слово.

Она была просто чертовски *хорошенькой*.

Я ненавидел это слово, «хорошенькая» — это слово для слабаков, употребляемое женщинами и пожилыми людьми, но именно такой она и была.

Черт возьми, у меня было чувство, что ее красивое лицо будет запечатлено в моем сознании на очень долгое время. Но по-настоящему меня поразили эти огромные глаза, и у меня возникло безумное желание погуглить таблицы цветов глаз, чтобы понять, какой гребаный синий цвет у нее в глазах.

Я сделаю это позже, решил я. Жутко или нет, мне нужно было знать.

— Итак, — я попытал счастья, спросив, — это твой первый день?

Она снова кивнула, улыбка слегка дрогнула.

— Как у тебя дела?

Легкая улыбка приподняла ее губы:

— Все шло просто отлично.

— Правильно, — я съезжился. — Еще раз извини.

— Все в порядке, — прошептала она, изучая мое лицо своими большими глазами. — И ты можешь перестать извиняться сейчас. Я верю тебе.

— Ты мне веришь?

— Да. Она кивнула, затем резко выдохнула. — Я верю тебе, когда ты говоришь, что это был несчастный случай, — выдавила она. — Я не думаю, что ты намеренно причинил бы кому-то боль.

— Что ж, это хорошо, — понятия не имел, почему она думает иначе, но я не собирался допрашивать девушку. Не тогда, когда я наполовину покалечил ее. — Потому что я бы не стал.

Она снова замолчала, отстраняясь от меня, и я обнаружил, что ломаю голову, что бы такое сказать. У меня не было объяснения, почему я хотел, чтобы она разговаривала со мной. Думаю, я мог бы свести это к необходимости держать ее в сознании. Но в глубине души я знал, что причина не в этом. Роясь в своем мозгу, чтобы найти, что сказать, я выпалил:

— Тебе холодно?

— А? — она посмотрела на меня с сонным выражением лица.

— Холодно, — повторил я, сопротивляясь желанию провести руками вверх и вниз по ее рукам. — Тебе достаточно тепло? Должен ли я принести тебе одеяло или что-то в этом роде?

— Я ..., — она сделала паузу и посмотрела на свои колени. Слегка вздохнув, она снова посмотрела мне в лицо и сказала:

— Я на самом деле горячая.

— Абсолютно чертовски точная оценка.

Крайне неуместный ответ сорвался с моих губ прежде, чем я успел отфильтровать себя. Я быстро последовал за этим, прикоснувшись к ее лбу, моя жалкая попытка проверить ее температуру, а затем торжественно кивнул:

— Ты определенно горячая.

— Я же говорила тебе. — Ее большие глаза были широко раскрыты и пристально смотрели на меня. — Я действительно, действительно горячая.

Бог.

Черт.

— Итак, — небрежно бросил я, пытаюсь отвлечься от своих своенравных мыслей. — В каком ты классе?

Пожалуйста, скажи «пятый год».

Пожалуйста.

Пожалуйста.

Пожалуйста, боже, сделай так, чтобы она сказала «пятый год».

— Третий год.

Да, и это было так.

Она была на третьем курсе.

И вот так я наблюдал, как мой пятиминутный сон выплывает из окна.

К черту. Мою. Жизнь.

— А как насчет тебя? — спросила она тогда мягким и сладким голосом.

— Я на пятом курсе, — сказал я ей, отвлеченный внезапным и заметным приступом разочарования, охватившим меня. — Мне семнадцать и две трети

— И две трети, — хихикнула она. — Трети важны для тебя или что-то в этом роде?

— Теперь да, — пробормотал я себе под нос. Смиренно вздохнув, я посмотрел на нее и объяснил — Я должен быть на шестом курсе, но я повторил шестой класс, когда переехал в Корк. В мае мне исполнится восемнадцать.

— Эй, я тоже!

— *Ты тоже что?* — я спросил осторожно, стараясь не обольщаться, но это было трудно сделать, когда она сидела так близко.

— Я повторила урок в начальной школе.

— Да? — Я выпрямился, луч надежды зажегся во мне. — И сколько тебе тогда лет?

Пожалуйста, будь семнадцатилетней.

Пожалуйста, черт возьми, брось мне кость и скажи, что тебе семнадцать.

— Мне пятнадцать.

К черту мою удачу.

— Я не могу представить, какие дроби для шестнадцати лет в марте. Она нахмурилась на мгновение, прежде чем добавила: — Я плохо разбираюсь в математике, и у меня болит голова.

— Десять двенадцатых, — мрачно отчеканил я.

Тьфу. Просто охуенно. В мае мне исполнится восемнадцать, а ей еще десять месяцев будет шестнадцать.

Нет. Ни за что на свете.

Этого не произойдет.

Чертовски плохой план, Джонни.

— У тебя есть парень?

И почему, черт возьми, я должен был это спрашивать?

Ты почти на два года старше этой девочки, мудака!

Она слишком молода для тебя.

Ты знаешь правила.

Отойди нахуй.

— Нет, — медленно ответила она, щеки порозовели. — А у тебя?

— Нет, Шэннон, — я ухмыльнулся. — У меня нет парня.

— Я не имела в виду ... — Сделав паузу, она вздохнула и прикусила нижнюю губу, явно взволнованная. — Я говорила про...

— Я знаю, что ты имела в виду, — добавил я, не в силах сдержать улыбку, когда заправил этот блуждающий локон ей за ухо. — Я просто поддел тебя.

— О.

— Ага, — поддразнил я. — О.

— Ну? — она настаивала, тихим голосом. Она посмотрела на свои колени, прежде чем вернуть свое внимание к моему лицу. — Ты...

— Шэннон! — раздался испуганный женский голос, отвлекая нас обоих. — Шэннон!

Я перевел взгляд на высокую темноволосую женщину, спешащую к нам по коридору, с маленьким животиком.

— Шэннон! — потребовала она, приближаясь к нам. — Что случилось?

— Мама, — прохрипела Шэннон, переключая внимание на свою мать. — Я в порядке.

Мне было очень неудобно при виде выпирающего живота ее матери, я воспринял это как просьбу убраться на хрен подальше от ее несовершеннолетней дочери. Беременные женщины заставляли меня нервничать, но не сильнее Шэннон, которая *как река*.

Я встал и сделал движение, чтобы уйти и сразу загнанным в угол тем, что я мог описать только как невменяемая медведица.

— Что ты сделал с моей дочерью? — потребовала она, тыча пальцем в мое плечо. — Ну? Ты думаешь, это было смешно? Почему, во имя всего святого, дети такие жестокие?

— Что? Нет! — я выкрикнул в ответ, подняв руки в отступлении. — Это был несчастный случай. Я не хотел причинить ей боль.

— Миссис Линч, — уговаривал директор, вставая между женщиной и мной. — Я уверен, что если мы все просто сядем и поговорим об этом...

— Нет, — рявкнула миссис Линч хриплым от эмоций голосом. — Вы уверяли меня, что в этой школе такого не случится, и посмотрите, что случилось в ее первый день! — Она повернулась, чтобы посмотреть на Шэннон, и выражение ее лица исказилось от боли. — Шэннон, я больше не знаю, что с тобой делать, — рыдала женщина. — Я действительно не хочу, детка, мне думалось, это место будет другим для тебя.

— Мам, он не хотел причинить мне боль, — заявила Шэннон, вставая на мою сторону. Ее голубые глаза на мгновение метнулись ко мне, прежде чем вернуться к матери. — Это действительно был несчастный случай.

— И сколько раз ты рассказывала мне эту фразу? — устало спросила ее мать. — Тебе не нужно прикрывать его, Шэннон. Если этот мальчик доставляет тебе неприятности, тогда скажи это.

— Я не доставляю неприятностей, — запротестовал я, в то же время Шэннон закричала: — Он не доставлял.

— Заткнись, ты, — прошипела ее мать, сильно толкнув меня в грудь. — Моя дочь может

говорить сама за себя.

Стиснув зубы, действительно заткнулся. Я не собирался выигрывать словесные споры с ее матерью.

— Это была полная случайность, — повторила Шэннон, вызывающе выпятив подбородок, все еще держась за голову своей маленькой ручкой. — Ты думаешь, он был бы здесь, помогая мне, если бы это было специально?

Это заставило женщину задуматься.

— Нет, — наконец призналась она. — Нет, я не думаю, что он бы — *что*, во имя всего святого, *на тебе надето*?

Шэннон посмотрела на себя и вспыхнула алым.

— Я порвала юбку, когда упала с берега, — сказала она, глубоко сглотнув. — Джонни ... э-э, дал мне свою майку, чтобы все не видели мои ... мои ... ну, мои трусики.

— Э-э, да, вот, — пробормотал я, вытаскивая клочок серой ткани из-за пояса своих шорт и протягивая его ее матери. — Я, э-э, это тоже испортил.

Ее мать выхватила у меня юбку, и я сделал безопасный шаг назад.

— Позволь мне прояснить, — потребовала ее мать, ее взгляд метался между Шэннон и мной. В ее бледно-голубых глазах вспыхнуло узнавание, о чем я понятия не имел, потому что сейчас я чувствовал себя невежественным. — Он сбил тебя с ног, сорвал с тебя одежду, а потом надел свою майку?

Я пробормотал череду проклятий и провел рукой по волосам. Это звучало так чертовски плохо, когда она так это сказала.

— Я не...

— Он *помог мне*, мама, — огрызнулась Шэннон.

Она двинулась, чтобы встать, и, как мудака, которым я был, я двинулся, чтобы помочь ей, поймав прищуренный взгляд ее матери.

Я все равно продолжил идти к ней.

Пошли они все.

Час назад я видел эту девушку в наполовину бессознательном состоянии.

Мне не хотелось рисковать.

— Мам, — вздохнула Шэннон. — Он тренировался с футболистом, и мяч попал в меня...

— Регби. Наш Джонни — лучший игрок в регби, которого колледж Томмен видел за пятьдесят лет. — гордо вставил мистер Туоми.

Я закатил глаза. Сейчас было не время обсуждать меня — или компанию.

— Это была честная ошибка, — добавил я, беспомощно пожав плечами. — И я заплачу за ее форму.

— И что это должно означать? — потребовала ответа ее мать.

Я нахмурился.

— Это значит, что я заплачу за ее форму, — медленно повторил я. — Ее юбка...

— И колготки, — вставила Шэннон.

— И колготки, — я одарил ее снисходительной улыбкой, а затем быстро отрезвил свои черты, когда был встречен убийственным взглядом ее матери. — Я все заменю.

— Потому что у нас нет денег? — рявкнула миссис Линч. — Потому что я не могу позволить себе одеть своего собственного ребенка?

— Нет, — медленно сказал я, чертовски смущенный человеческим инкубатором,

объявляющим мне тихую войну. — Потому что это моя вина, что они испорчены.

— Ну нет, спасибо, Джонни, — фыркнула она. — Моя дочь не принимает благотворительность.

Боже. Эта женщина была что-то с чем-то.

Я попробовал снова:

— Я никогда не говорил, что она, миссис Линч...

— Остановись, мама, — простонала Шэннон, щеки ее покраснели. — Он просто пытается быть милым.

— *Было бы неплохо* не нападать на тебя в твой первый день, — фыркнула миссис Линч.

Я подавил стон. Мне не прельстило выигрывать какие-либо конкурсы популярности с этой женщиной, это уж точно.

— Мне очень жаль, — я в сотый, блять, раз произнес это слово.

— Джонни, — сказал мистер Туоми, прочищая горло. — Почему бы тебе не вернуться, не переодеться в форму и не пойти на следующий урок.

Я вздохнул с облегчением, обрадованный перспективой сбежать от этой сумасшедшей гребаной женщины. Сделал несколько шагов в направлении главного входа, затем остановился, колеблясь.

Должен ли я оставить ее?

Должен ли я остаться?

Уходить не казалось правильным поступком. Неуверенный, я двинулся, чтобы повернуть назад, но был сбит лающим приказом.

— Продолжай идти, Джонни! — приказала ее мать, указывая на меня пальцем.

Так я и сделал.

Глава 5. Введение законов и их нарушение

Джонни

К тому времени, как я вернулся в раздевалку, после обхода обеденного зала, чтобы поговорить с заместителем директора, миссис Лейн, команда закончила тренировку и большинство парней приняли душ.

Зайдя и не обращая внимания на приглушенные замечания и взгляды, я направился прямо к Патрику Фели, извинился за то, что был с ним придурком ранее, пожал ему руку, а затем прокрался к скамейке запасных.

Опустившись рядом со своей сумкой с снаряжением, я вытянул ноги, прислонился головой к прохладной, обшитой плитам стене позади меня и тяжело выдохнул, когда мой мозг заработал, заикливаясь на каждой детали этого дня.

Что за гребаный день.

Издевательства.

Я не был хулиганом.

Я никогда в жизни не видел эту девушку.

По-видимому, эта маленькая жемчужина информации была утеряна нашим заместителем директора, которого вызвал мистер Туоми, чтобы помочь развеять драму. После десятиминутной взбучки от правой руки Туоми, мне были даны строгие инструкции держаться подальше от девушки Линч.

Ее мать думала, что я, блядь, издеваюсь над ней, и не хотела, чтобы я приближался к ее дочери. Если я еще раз к ней подойду, мне грозит немедленное отстранение. Это была полная и абсолютная чушь, и я надеялся, что у Шэннон хватит порядочности все исправить — и заступиться за меня.

К черту это.

Неважно.

Я бы держался как можно подальше. Мне не нужны были хлопоты.

Девочки были гребаным осложнением, в котором я не нуждался; даже маленькие с поразительными голубыми глазами. Черт возьми, теперь я снова подумал о ее глазах.

У нее все еще есть моя майка, мысленно отметил я, это огорчило по совершенно другой причине. Майка была новая, и я надевал ее всего один гребаный раз. Хотя и неохотно признал, что на Шэннон она выглядела лучше. Девочка могла бы оставить майку себе. Я просто надеялся, что она не выбросит ее. Мне пришлось бы заплатить восемьдесят фунтов, чтобы заменить утерянную вещь.

— Ты в порядке, малыш Джонни? — спросил Гибси, прерывая мои мысли и опускаясь на скамейку рядом со мной. Он только что принял душ и был одет в боксеры. — Как поживает девочка? — добавил он, наклоняясь, чтобы покопаться в своей сумке со снаряжением.

— А? — покачав головой, я повернулся, чтобы посмотреть на него.

— Молодая девушка, — объяснил он, доставая баночку дезодоранта. — Кто она?

— Шэннон, — пробормотал я. — Она новенькая, третий год. Сегодня ее первый день.

— С ней все в порядке? — спросил он, опрыскивая каждую подмышку дезодорантом

Лунх, прежде чем бросить банку обратно в сумку и потянуться за своими серыми школьными брюками.

— Черт возьми, если бы знал, чувак. Я думаю, что действительно немного повредил ее мозг, — пробормотал я, беспомощно пожав плечами. — Ее мать везет в больницу на обследование.

— Дерьмо, — Гибси сделал паузу, нахмурившись.

— Да, — мрачно согласился я. — Дерьмо.

— Господи, это, должно быть, было унижительно для нее. — сунув ноги в штаны, он встал и натянул их на бедра. — Выставлять свою задницу напоказ перед командой по регби в свой первый день.

— Да, — ответил я, потому что что еще я мог сказать?

Это было унижительно для нее, и я был ответственен за это. Я разочарованно вздохнул.

— Было ли что — нибудь сказано о ней? — я оглядел наших товарищей по команде, а затем вернулся к своему лучшему другу, думая только об одном. Контроль повреждений. — Они говорили о ней?

Гибси поднял брови на мой вопрос. На самом деле, я думаю, что поднятые брови и удивленное выражение лица были больше связаны с тоном моего голоса.

— Ну, — медленно начал он. — У нее была видна ее киска и задница, Кэп — очень красивая задница, которая соответствует очень хорошему остальному телу — так что да, парень. Ходили разговоры.

— Что за разговоры? — выпалил я, чувствуя, как внутри закипает иррациональная волна гнева. Я понятия не имел, откуда исходило волнение, но оно было там, оно было сильным, и это заставляло меня чувствовать себя наполовину сумасшедшим.

— Интерес, друг, — спокойно объяснил Гибс, гораздо спокойнее, чем я. — *Достаточно много интереса.* — Сунув руку в сумку, он достал свою белую школьную рубашку и надел ее. — На случай, если это ускользнуло от твоего внимания — и, судя по твоей реакции, я знаю, что это не так, — эта девушка очень красивая.

Он застегнул рубашку твердыми руками. Между тем, я дрожал от энергии, которую нужно было вывести из моего тела, и быстро.

— Она великолепна, и она новенькая, а парни... *любопытные*, — добавил он, тщательно подбирая слова. — Новенькие — это всегда весело, — он сделал паузу, ухмыляясь, прежде чем добавить: — великолепно и лучше.

— Прекращай, — прорычал я, взволнованный тем, что мои товарищи по команде говорят о ней.

Я видел этот взгляд в ее глазах.

Я услышал это в ее голосе.

Эта уязвимость.

Она не была похожа на других. Эта девушка была другой.

Я едва знал ее, но мог сказать, что за ней нужно присматривать.

Что — то случилось с Шэннон Линч, что — то достаточно плохое, что привело к смене школы.

Мне это не понравилось.

— Да, — усмехнулся он, закончив с рубашкой и надевая красный галстук. — Удачи с этим, чувак.

— Ей *пятнадцать*, — предупредил я, напрягшись.

Шестнадцать в марте, но все же.

В течение следующих двух месяцев ей все еще было очень даже пятнадцать.

— Она слишком молода.

— Говорит придурок, который с первого года засовывает свой член во все, что имеет пульс, — Габси фыркнул.

Этим заявлением Гибси попал в самую точку. Ради Бога, я потерял девственность на первом курсе с Лореттой Кроули, которая была на три года старше меня — и имела больше жизненного опыта, чем я, — за школьными сараями после уроков.

Да, это была какая-то чертова катастрофа.

Я был весь на нервах и с неуклюжими движениями, прекрасно понимая, что был слишком молод, чтобы совать свой член во что — либо, кроме своей руки, но, должно быть, я сделал что — то правильно, потому что Лоретта с радостью присоединялась ко мне за сараями почти каждый день после школы в течение нескольких месяцев, прежде чем я стал слишком занят тренировками.

Если бы мне пришлось сказать, какой тип женщин меня интересует, это были бы не блондинки или брюнетки, пышные или худые.

Мой типаж был *старше* — каждая девушка, с которой я когда — либо был, была как минимум на пару лет старше меня.

Иногда намного *больше*.

Это не было фетишем или чем — то еще.

Я просто наслаждался атмосферой без драмы, которую старшие девочки привносили в игру. Я наслаждался ими, когда был с ними, а потом наслаждался еще больше, когда они не докучали.

Это не значит, что мне не нравилась девушка, с которой я был, когда я был с ней.

Я сделал.

И я также был предан.

Я не валял дурака.

Если девушка хотела эксклюзива, без обязательств, то я был более чем рад услужить. Мне не понравились охота или погоня, которые приходились по вкусу большинству парней. Если девушка ожидала, что я буду преследовать ее, то она искала не того парня. Я был не в том положении, чтобы быть подходящим парнем прямо сейчас. Дело не в том, что я не хотел девушку, у меня просто не было на нее времени. У меня не было времени на постоянные свидания или какие — либо из этих требований.

Я был слишком занят.

Это была еще одна причина, по которой я предпочитал девочек постарше. Они не ожидали от меня чудес.

Прямо сейчас, начиная с апреля прошлого года, я дурачился с Беллой Уилкинсон с шестого курса.

В начале мне нравилась Белла, потому что она не дышала мне в затылок. В девятнадцать лет она была на пару лет старше меня, не придерживалась каких — то невидимых стандартов, которым я не мог или не хотел соответствовать, и после этого я мог спокойно уйти и сосредоточиться на регби, пока она предоставляла меня самому себе.

Но через несколько месяцев я быстро понял, что Беллу *интересовал не я*.

Это было дерьмо, которое пришло со мной.

Все дело было в статусе, который получала Белла, но к тому времени, когда я это понял,

мне было слишком комфортно и слишком лениво, чтобы что — то с этим делать.

Она хотела мой член.

И больше ничего.

Ну, мой член и мой статус.

Я остался, потому что она была фамиллярной, а я ленивым.

У Беллы было одно ожидание от меня, одно требование, которое еще пару месяцев назад я был более чем способен выполнить.

Я почти ничего не делал с Беллой с тех пор, как мне сделали операцию — я и пальцем не прикасался к девушке с начала ноября, когда стало слишком больно даже думать об этом, — но я хотел сказать, что когда это случилось, для меня это являлось просто сексом.

Стабильное освобождение.

Где — то в глубине души я признавал, что это было нездоровое отношение к жизни и отношениям с противоположным полом, и что я, вероятно, был глубоко пресыщен, но было трудно оставаться мальчиком, когда я жил в мире мужчин.

Не помогло и то, что я играл в регби на таком уровне, когда меня окружали мужчины намного старше меня.

Разговоры, которые предназначались для людей намного старше меня.

Женщины, которые предназначались для мужчин намного старше меня.

Не девочки, а женщины.

Господи, если бы моя мать знала половину женщин, которые предлагали мне себя — взрослых женщин — она бы вытащила меня из Академии и заперла в моей комнате, пока мне не исполнился двадцать один год.

В некотором смысле у меня отняли детство из — за моей способности играть в регби. Я очень быстро повзрослел, взяв на себя роль мужчины, когда был еще совсем мальчишкой, меня тренировали и подталкивали, давили и отстаивали.

У меня не было социальной жизни и детства.

Вместо этого у меня были ожидания и карьера.

Секс был наградой, которую я позволил себе за то, что был, ну, *хорошим*.

За то, что все остальное в моей жизни контролируется другими.

За то, что совмещаю учебу и спорт с безупречным контролем и железной волей.

Я был не единственным таким. Кроме пары парней с давними подружками, остальные парни в Академии были такими же плохими, как я.

На самом деле, они были хуже.

Я был осторожен.

Они не были.

— Мы говорим не обо мне, — сказал я Гибси, возвращая свое внимание к настоящему, мой гнев рос с каждой секундой. — Она гребаный ребенок, слишком молода для всех вас, похотливых маленьких придурков, и каждый мудака в этой комнате должен уважать это.

— Пятнадцать — это ребенок? — возразил Гибси, выглядя смущенным. — О чем, черт возьми, ты говоришь, Джонни?

— Пятнадцать — это слишком мало, — рявкнул я, расстроенный. — И незаконно в том числе.

— О, я понимаю, — Гибси понимающе ухмыльнулся.

— Ты ни хрена не понимаешь, Гибс, — парировал я.

— С каких это пор тебя стало волновать, что кто — то из нас делает?

— Я не знаю. Делай, что и с кем, черт возьми, хочешь, — горячо возразил я. — *Только не с ней.*

Он широко улыбнулся, явно подзадоривая меня, когда произнес:

— Продолжай в том же духе, и я начну думать, что ты становишься нежным к девушке.

— Я тут ни хрена не становлюсь нежным, — возразил я, заглатывая наживку.

— Расслабься, Джонни, — со вздохом сказал Гибси. — Я не собираюсь приближаться к девушке.

— Хорошо, — я выдохнул, не осознавая, что задерживал дыхание.

— Я не могу поручиться за остальных, — добавил он, указывая большим пальцем себе за спину.

Натянуто кивнув, я обратил свое внимание на оживленную раздевалку и встал, ощетинившись от волнения.

— Слушайте, — рявкнул я, привлекая всеобщее внимание к себе. — Та девушка на поле ранее?

Я подождал, пока мои товарищи по команде обратят на меня внимание, а затем дождался, когда на их лицах появится понимание, прежде чем разразиться напыщенной речью.

— То, что с ней случилось там сегодня? Это было бы чертовски неловко для любого, особенно для девушки. Так что я не хочу, чтобы хоть одно слово из этого повторялось в школе или городе.

В моем голосе появились угрожающие нотки, когда я сказал:

— Если до меня дойдет, что кто — то из вас говорил о ней... что ж, мне не нужно объяснять, что произойдет.

Кто — то хихикнул, и я перевел взгляд на виновника.

— У тебя две сестры, Пирс, — огрызнулась я, глядя на раскрасневшегося провокатора. — Что бы ты чувствовал, если бы это случилось с Мэрибет или Кейденс? Тебе бы понравилось, если бы парни говорили о ней так?

— Нет, я бы не стал, — Пирс покраснел еще больше. — Извини, Кэп, — пробормотал он. — Ты не услышишь этого от меня.

— Хороший человек, — ответил я, кивая, прежде чем повернуться лицом к команде. — Вы никому не рассказываете о том, что случилось с ее одеждой — ни своим партнерам по постели, ни друзьям. Она исчезла. Стерто. Ни хрена не было... и раз уж мы об этом заговорили, не разговаривайте с ней, — добавил я, на этот раз по совершенно эгоистичным причинам, о которых я не осмеливался слишком много думать. — Не получайте никаких представлений о ней. На самом деле, вообще не смотрите на нее.

Чтобы быть справедливым к ним, большинство старших игроков в команде просто кивнули и вернулись к тому, чем они занимались до моей вспышки, давая мне понять, что я веду себя иррационально по этому поводу.

Но потом появился Ронан, блядь, Макгэрри, и его рот, чтобы оспорить это.

Мне не нравился этот парень — я его терпеть не мог, если честно. Он был громкоголосым третьекурсником, который гарцевал по школе, как король горы.

Его дерзкое отношение только усилилось в раздражении в этом году, когда он был привлечен к старшей команде в школе после разрыва передней крестообразной связки, из-за которой сезон Бобби Рейли закончился досрочно.

Макгэрри был в лучшем случае посредственным игроком в регби, в этом сезоне играл

полузащитником за школу, и, черт возьми, мне приходилось прикрывать его на поле.

Он был в команде только потому, что его мать была сестрой тренера. Это, конечно, не из — за его таланта.

Мне доставляло огромное удовольствие сбивать его с ног при любой возможности.

— Почему? — он издевался из безопасного противоположного конца раздевалки. — Ты заявляешь права? — Маленький блондинистый засранец, подбадриваемый парой своих приятелей-скамейщиков, продолжил:

— Она теперь твоя или что — то в этом роде, Кавана?

— Ну, она точно не твоя, придурок, — без колебаний ответил я. — Не то чтобы я включал тебя в это заявление. — Шмыгнув носом, я медленно оглядел его с ног до головы с притворным неудовольствием, прежде чем добавить:

— Да, ты не проблема для меня.

Несколько парней разразились хохотом над Макгэрри.

— Пошел ты, — выплюнул он.

— Ой, — я притворился обиженным, а затем улыбнулся ему через всю комнату. — Это так больно.

— Она в моем классе, — бросил он.

— Молодец, — хлопнул в ладоши, мне ни капельки не понравилась эта новая информация, но я спрятал свое раздражение за тяжелой порцией сарказма. — Ты хочешь медаль или трофей за это?

Вернув свое внимание к моей команде, я добавил:

— Она молода, ребята, слишком молода для любого из вас. Так что держитесь, блядь, подальше.

— Не для меня, — пропищал маленький придурок. — Она того же возраста, что и я.

— Нет. Для тебя это не вопрос возраста, — спокойно возразила я. — Она просто слишком хороша для тебя.

Еще больше смеха над ним.

— В этой школе все могут вести себя так, будто ты какой — то бог, но, насколько я понимаю, она — честная добыча, — прорычал он, выпятив грудь, как дезертировавшая горилла, и ухмыльнулся мне. — Если я захочу ее, то получу ее.

— Честная игра? — Я разразился смехом. — Если ты хочешь ее, ты получишь ее? Господи, малыш, в каком мире ты живешь?

Щеки Ронана порозовели.

— Я живу в реальном мире, — выплюнул он. — Тот, где люди должны работать за то, что они получают, а не получать многое просто потому, что они в *Академии*.

— Ты так думаешь? — Я выгнул бровь, склонив голову набок, чтобы оценить его. — По — видимому, нет, если ты настолько заблуждаешься, что думаешь, будто я *получил все* в своей жизни, и особенно когда ты относишься к девушкам как к *честной игре*, — покачав головой, я добавил:

— Это девочки, Макгэрри, а не карты покемонов

— Боже, ты думаешь, что ты такой великий, не так ли? — рявкнул он, сжав челюсти. — Ты думаешь, что ты такой ахуенный! Ну, это не так.

Мне наскучили его выходки, я покачал головой и дал ему выход:

— Закинь свой крючок, малыш. Сегодня я не буду играть с тобой в эту игру.

— Почему бы тебе не сделать нам всем одолжение и не закинуть свой крюк, Джонни! Я

бы хотел, чтобы вы просто отвалили к молодежи и покончили с этим, — прорычал он, лицо приобрело уродливый фиолетовый оттенок. — Ты ведь для этого в Академии, верно? — потребовал он яростным тоном. — Быть обусловленным? Чтобы продвинуться по служебной лестнице и получить контракт? — тяжело дыша, он прорычал: — Тогда, блять, двигайся. Оставь Томмен. Возвращайся в Дублин. Забирай свои контракты и убирайся на хуй!

— Образование очень важно, Ронан, — я усмехнулся, наслаждаясь его ненавистью ко мне. — *В Академии нас учат.*

— Держу пари, ирландские головы даже не хотят тебя, — сердито бросил он в ответ. — Все эти разговоры о том, что ты присоединишься к Лиге до 20 лет летом, — это все дерьмо, которое ты сам придумал.

— Малыш, тебе нужно сейчас же уйти, — со вздохом вмешался Хьюи Биггс, наш десятый номер и мой хороший друг. — Ты говоришь как гребаный клоун.

— Я? — рывкнул Ронан, глядя через комнату на Хьюи. — Он мудака, разгуливающий по этому городу, как будто он его владелец, получающий особое отношение от учителей и приказывающий всем вам. И вы просто принимаете это!

— А ты воняешь на всю комнату своей ревностью, — лениво протянул Хьюи. — Собирайся, малыш, — добавил он, проводя рукой по своим светлым волосам, когда подошел и встал рядом со мной и Гибсом. — Ты строишь из себя идиота.

— Перестань называть меня малышом! — Ронан взревел срывающимся голосом и бросился к нам. — Я не гребаный ребенок!

Ни Гибси, ни Хьюи, ни я не сдвинулись ни на дюйм, всех очень позабавила его истерика.

Ронан был проблемой для команды с сентября, он игнорировал приказы, нарушал правила, выкидывал глупые трюки на поле, которые чуть не стоили нам нескольких игр.

Эта его маленькая вспышка была не первой.

Это было просто еще одно в длинном списке многих истерик.

Он был смешон и нуждался в приструнении.

Если его дядя не был готов сделать это, то я был готов.

— Он твой капитан, — пропищал Патрик Фели, к моему большому удивлению, когда он и несколько членов команды подошли и встали передо мной, блокируя жалкие попытки Макгэрри проявить силу и демонстрируя свою поддержку мне. — Прояви немного уважения, Макгэрри.

Ну и дерьмо.

Теперь я чувствовал себя ужасно.

Я посмотрел на Фели, мои глаза были полны раскаяния за мои предыдущие выходки на поле.

Взгляд, который он бросил на меня, убедил меня, что для него это было давно забыто.

Но это все еще не устраивало меня.

Макгэрри был прав в одном: я действительно получил привилегированное отношение в городе.

Я работал как собака на поле и был сказочно вознагражден за это.

Я бы воспользовался этим, чтобы купить Фели пинту пива в «Бидди» на выходных — Гибсу и Хьюи также.

— Беги домой к маме, Ронан, — приказал Гибси, подталкивая его к выходу из раздевалки.

— Может быть, она вытащит твои игрушки Лего. — распахнув дверь одной рукой, другой Гибси вытолкнул его. — Ты не готов играть с большими мальчиками.

— Держу пари, что твоя единственная Шэннон так не скажет, — прорычал Ронан, заставляя себя вернуться в комнату. — Или я должен сказать, она не сможет, — он мрачно усмехнулся, не сводя глаз с моего лица, — когда мой член погрузится в ее горло.

— Продолжай так говорить о ней, — закипал я, сжимая кулаки. — Я бы хотел иметь повод оторвать твою гребаную голову.

— Знаешь, я сидел за ней сегодня утром на французском, — насмехался он, теперь широко улыбаясь. — Если бы я знал, что она прячет под этой юбкой, я был бы дружелюбнее. — Подмигнув, он добавил:

— Всегда есть завтра.

— И это, ребята, то, как вы подписываете свое собственное свидетельство о смерти, — пробормотал Хьюи, смиренно разводя руками. — Ты глупый, маленький мусор.

Ни один человек не попытался остановить меня, когда я рванулся к Ронану.

Никто не осмелился.

Я исчерпал свою норму дерьма на день, и парни это знали.

— Теперь послушай меня, ты, маленький ублюдок, — прошипел я, обхватив его рукой за горло, когда я потащил его обратно в комнату, закрывая дверь от свидетелей свободной рукой. — И слушай внимательно, потому что я собираюсь рассказать тебе это только один раз.

Прижав Ронана к бетонной стене, я встал перед ним, возвышаясь на добрых 13 см.

— Я тебе не нравлюсь. Я понял. Ты мне тоже не особенно нравишься, — я сжал его горло достаточно сильно, чтобы ему стало трудно дышать, но не настолько, чтобы перекрыть кровообращение и убить его. Я пытался доказать свою точку зрения, а не совершить преступление. — Я не обязан вам нравиться, но как ваш капитан, вы чертовски уверены, что будете уважать мой авторитет на поле.

С ростом 178 см в шестнадцать лет Ронан ни в коем случае не был маленьким, но в свои семнадцать, я имел рост 191 см и продолжал расти, я был большим ублюдком.

Вне поля я редко использовал свой размер, чтобы запугать кого — либо, но делал это сейчас.

Меня до смерти тошнило от этого парня и его болтовни. У него не было никакого чертова уважения, и, черт возьми, может быть, я смог бы справиться с его дерьмовым отношением и агрессией по отношению ко мне.

Но не к ней.

Мне не нравилось, я не мог справиться и не стал бы мириться с тем, что он так о ней говорит.

Это навязчивое выражение уязвимости в ее глазах заставляло меня двигаться вперед, заставляя меня терять то небольшое самообладание, которое у меня было.

— Когда я что-то говорю своей команде, — добавил я, теперь рыча, воспоминание об ее одиноких голубых глазах загуманивает мое суждение. — Когда я, блядь, *предупреждаю* тебя оставить уязвимую девушку в покое, я ожидаю, что ты прислушаешься к моему чертову предупреждению. Я ожидаю твоего подчинения. Чего я не ожидал, так это твоих дерзких возражений и неповиновения. — Слабый сдавленный звук вырвался из горла Ронана, и я ослабил хватку, но не убрал руку. — Все ясно?

— Пошел ты, — выдавил Ронан, захлебываясь и хрипя. — Ты не можешь указывать мне,

что делать, — прохрипел он, задыхаясь. — Ты не мой отец!

Этот ублюдок.

Он был полон решимости бросить мне вызов, даже когда не мог победить.

— Я твой папочка на поле, сука, — я мрачно улыбнулся и сжал, перекрывая ему доступ воздуха.

— Ты этого не видишь, потому что ты самовлюбленный, маленький гаечный ключ, — я сжал сильнее. — Но они делают, — я махнул рукой позади нас, указывая на команду, которая все стояла, ни один из них не вмешивался. — Каждый из них. Они все это понимают. Они все знают, что ты принадлежишь мне, — спокойно добавила я. — Продолжай давить на меня, малыш, и неважно с кем ты связан, ты вылетишь из этой команды. Но только подойди к этой девушке, и сам бог не сможет тебя спасти.

Решив, что достаточно напугал молодого парня, чтобы донести свою точку зрения, я отпустил его горло и сделал шаг назад.

— Теперь, — скрестив руки на груди, я посмотрела на него сверху вниз и спросил: — На этот раз все ясно?

— Да, — прохрипел Ронан, все еще глядя на меня.

Я не возражал.

Он мог смотреть на меня сколько угодно.

Он мог втыкать иголки в мою куклу вуду и продолжать ненавидеть меня до конца своей жизни, несмотря на все, что меня волновало.

Все, что мне было нужно от него, это его подчинение.

— У нас все чисто, — выплюнул он.

— Хороший мальчик, — я похлопал его по щекам руками и ухмыльнулся. — А теперь отвали.

Ронан продолжал бормотать о своих опасениях, но, поскольку он делал это себе под нос, я повернулся к нему спиной и направился прямо, в теперь уже пустой душ, решив ошпарить свое тело водой.

— Джонни, можно тебя на пару слов? — Спросил Кормак Райан, наш вингер номер 11, следуя за мной в душевую.

Я развернулся и уставилась на него, мои пальцы соскользнули с пояса моих шорт.

— Это может подождать? — стиснув челюсти, спросил я напряженным тоном, пока мой взгляд путешествовал по нему.

Раздражение вспыхнуло при виде него, и я прекрасно знал, о чем он хотел со мной поговорить — или я должен сказать, о ком он хотел поговорить.

Белла.

Время для разговоров было несколько месяцев назад. Прямо сейчас, с тем настроением, в котором я был, шансы на то, что мы просто поговорим, были невелики. Кормак, казалось, понял это, потому что кивнул головой и отступил от дверного проема.

— Да, не беспокойся, — ответил он, глубоко сглотнув, и отступил. — Я, э-э, догоню тебя в другой раз.

— Да, — невозмутимо ответил я, наблюдая, как он уходит. — Ты догонишь.

Покачивая головой, я разделся и направился в душевую кабинку. Закрутив хромированную насадку, встал под непрерывную струю ледяной воды и подождал, пока она нагреется. Прижав ладонь к кафельной стене, я опустил голову и разочарованно выдохнул.

Мне не нужен был еще один бой за моим поясом.

Держать нос чистым в этом сезоне было первостепенной задачей, даже в дерьмовой школьной лиге.

Было бы плохой рекламой выбивать дерьмо из моих собственных товарищей по команде. Даже когда мои пальцы дернулись от желания сделать именно это.

К тому времени, как я закончил принимать душ, парни давно ушли на свои занятия, оставив меня одного в раздевалке.

Я не стал торопиться обратно в класс, уделив большее внимание тому, чтобы проглотить свой обед и уже готовый протеиновый коктейль.

Только когда я закончил есть, я заметил синий пакет со льдом на верхней части моей сумки со снаряжением. Сверху была прикреплена небольшая записка с надписью: «*Приложи лед к яйцам, Кэп*»

Чертов Гибси.

Покачав головой, я опустился на скамейку и схватил пакет со льдом.

Обернув вокруг него старую футболку, я освободил полотенце и сделал именно то, что было указано в записке.

Когда я закончил с прикладыванием льда на яйца, потратил время на то, чтобы оценить несколько своих долгосрочных травм, самой тревожной из которых был зловещий шрам на внутренней стороне паха.

Кожа была горячей, зудящей, опухшей и чертовски отвратительной на вид.

Игра с травмой была обычной действительностью для парня в моей ситуации, но после восемнадцати месяцев страданий от хронической травмы паха я сдался и согласился на операцию в декабре.

Провести четыре дня на спине в больнице, корчась в агонии и подхватив инфекцию было достаточно плохо, но последние три недели послеоперационной реабилитации были настоящей гребаной пыткой.

По словам лечащего врача, мое тело хорошо заживало, и он разрешил мне играть — в основном потому, что я врал сквозь зубы, — но синяки и изменения цвета на моих бедрах и вокруг были явными.

Мне также было чертовски больно там, внизу.

Член, яйца, пах, бедра.

Каждая часть меня болела.

Все это чертово время.

Я не был уверен, болят ли мои яйца больше от травмы или от необходимости разрядки.

Кроме моих родителей и тренеров, Гибси был единственным, кто знал подробности моей операции — отсюда и пакет со льдом.

Он был моим лучшим другом с тех пор, как переехал в Корк. Несмотря на то, что он был переростком блондином-недоумком со склонностью попадать к гребаным школьным администраторам и способностью сводить меня с ума своим пресыщенным отношением, я знал, что могу доверять ему и он прикроет мою спину.

Единственная причина, по которой я рассказал ему, это то, что он мог держать все при себе. Обычно я оставлял такое дерьмо при себе.

Делиться подробностями травмы было опасным ходом и верным способом сделать это мишенью для команд-противников.

Кроме того, это было неловко.

Я был уверенным в себе человеком по натуре, но ходить с вышедшим из строя членом

— без видимой развязки — означало, что моя самооценка пострадала.

За последний месяц мои яйца трогали и тыкали пальцем больше людей, чем я мог вспомнить, без шуток.

Поднять его после операции не было для меня проблемой; у меня была проблема с ужасной, жгучей болью, которая сопровождалась эрекцией.

Эта конкретная информация, которую я усвоил тяжелым путем после дерьмового порно-марафона в одну субботу, привела к неловкой поездке в отделение неотложной помощи.

Это была ночь Святого Стефана, через десять дней после операции, и я весь день предавался жалости к себе, получая бесчисленные сообщения от парней, спрашивающих меня, пойду ли я в паб, поэтому, когда я лег спать той ночью, включил порно, чтобы поднять себе настроение.

В ту минуту, когда сиськи актрисы были обнажены, мой член привлек к себе внимание. Чувствуя небольшой дискомфорт, который был омрачен осознанием того, что у меня все еще есть рабочий член, я погладил себя, стараясь избегать швов в паху.

Две минуты моего организма, и я понял, какую ужасную ошибку совершил. Проблема возникла, когда я был близок к тому, чтобы кончить.

Мои яйца напряглись, как всегда, когда кровь прилиwała к головке моего пениса, но мышцы бедер и паха начали сокращаться и спазмироваться — не в хорошем смысле.

Жгучая боль, пронзившая мое тело, была настолько сильной, что я закричал от боли, прежде чем меня бесцеремонно вырвало на простыни.

Боль не была похожа на что-нибудь, что я когда — либо испытывал раньше.

Единственный способ, которым я мог описать случившееся, сказать, что это было похоже на то, как меня несколько раз пинали по яйцам, пока кто — то наступал раскаленным докрасна рогатым тычком на мой член.

К сожалению, изображение женщины с пластиковой грудью, которую трахают на экране, и громкий звук ее сексуальных, как ад, криков «*трахни меня сильнее*» сделали для меня практически невозможным записать это.

Упав на пол, я на четвереньках подполз к телевизору с намерением пробить экран кулаком.

Это был тот самый момент, когда моя мама ворвалась в мою спальню.

В итоге ей пришлось помочь мне одеться, с яростным стояком и всем прочим, а затем отвезти в больницу, где дежурный врач отругал меня за то, что я мешаю выздоровлению.

Нет, я не шучу, она использовала именно эти слова, прежде чем углубиться в тревожную тираду об опасностях мастурбации так скоро после перенесенной операции и о долгосрочных последствиях, которые это может иметь для моего пениса — *с моей матерью*, сидящей рядом со мной.

Семь часов, анализы крови, укол морфия и одно обследование яичек спустя меня отправили домой с рецептом на новую порцию антибиотиков и строгими инструкциями оставить член в покое.

Это было две недели назад, а я все еще не дотронулся до своего члена.

Я был травмирован.

Я был сломленным человеком.

Я знал, что должен быть благодарен, что у меня не было долговременного повреждения нерва в этом районе, и я буду в порядке, как только все заживет и снова *заработает*, но

сейчас я был обозленным почти восемнадцатилетним парнем со сломанным членом и раздутым эго.

Гребаный Ронан Макгэрри думал, что мне все дается просто так.

Если бы он понял, на какие жертвы я пошел, и до каких пределов довел свое тело, сомневаюсь, что он чувствовал бы то же самое.

С другой стороны, может быть, он бы так и сделал.

У него были такие проблемы со мной, что я считал, будто ничто не сможет заставить его отказаться от кампании «Я ненавижу Джонни».

Не то, чтобы меня это волновало.

Мне оставалось меньше двух лет в этой школе и, возможно, еще один год в Академии. После этого я бы оставил Баллилаггин и всех недовольных Ронаном Макгэрри позади.

Вытянув ноги, я осторожно протер область назначенным мне противовоспалительным гелем, прикусив губу, чтобы не закричать от боли.

Зажмурив глаза, заставил свои руки двигаться по бедрам, выполняя упражнение, которое мой физиотерапевт поручил делать после каждой тренировки.

Как только дело было завершено и я был уверен, что не потеряю сознание от боли, то поработал над плечами, локтями и лодыжками, упаковывая и перевязывая каждую старую боль и травму, как послушный ученик, которым являлся.

Хотите верьте, хотите нет, но мое тело было в отличном состоянии.

Травмы, которые я получил, играя в регби в течение последних одиннадцати лет, включая разрыв аппендикса и миллион сломанных костей, были незначительными по сравнению с травмами, которые получили некоторые парни в Академии.

Это было хорошо для меня, учитывая, что я был на пороге выгодного контракта и карьеры в профессиональном спорте.

Чтобы достичь этого, мне нужно было быть как можно ближе к совершенству во всех аспектах жизни.

Это означало выступать на поле, поддерживать оптимальное физическое и психическое здоровье, а также держать свой нос — и свой член — в чистоте.

Защита была невозможной вещью, которую с трудом можно было забыть, когда Академия дышала нам в затылок, читая лекции о том, что это был ключевой момент в нашей карьере и что мы ни при каких обстоятельствах не должны позволять девушке кружить нам голову или обременять нас ребенком.

Да черта с два. Я бы предпочел отрезать свой плохо функционирующий член, прежде чем позволить себе попасть в эту ловушку. Презервативы и противозачаточные средства были абсолютной необходимостью.

Я *всегда* носил их с собой, *всегда* имел хотя бы один, и если девушка, с которой я был, не принимала таблетки или, если я не верил, что она честна со мной, то всегда уходил.

Никаких рисков.

Никаких исключений.

Не то чтобы это сейчас имело значение, подумал я про себя, глядя на ушибленные яйца.

Помимо того, что я не стал отцом и не страдал ЗППП, должен был следить за своими оценками.

Все дело было в восприятии скаутов и потенциальных клубов, и они хотели того, что воспринималось как совершенство.

Они хотели лучших игроков из лучших школ и университетов страны.

Они хотели заслуженных наград и трофеев, как на поле, так и в учебе.

Это была утомительная работа, но я сделал все, что мог.

К счастью, я хорошо учился в школе.

Мне чертовски не нравилось ходить на занятия, но я был хорош в этом.

Все мои предметы были закрыты с отличием, и я всегда был на «А+» или «А-» по всем предметам, за исключением естественных наук, где являлся неохотным троечником.

Я просто ненавижу эту гребаную тему. Блин, у меня мурашки по коже от одной мысли о периодических таблицах. Мне это не нравилось, и это был единственный урок, который я всегда предпочитал проспать.

Для моих родителей не стало неожиданностью, что, когда пришло время выбирать предметы для выпускного экзамена в этом семестре, я избегал трех научных, как чумы.

Нет, они могли бы оставить свою биологию, химию и физику для закоренелых умников. Я бы придерживался бизнеса и бухгалтерского учета.

Маловероятная страсть для игрока в регби, но это было прямо по моей части.

Я получу стандартную степень в бизнесе, буду играть до тридцати лет, уйду на пенсию, прежде чем мое тело полностью откажется от меня, а затем продолжу обучение в магистратуре.

Видите, я все это спланировал.

Нет места для перемен.

Нет места для подружек.

И нет, черт возьми, места для травм.

Мой жизненный выбор и строгий распорядок дня взбесили мою мать до невероятных размеров.

Я знал, что маме не нравится мой образ жизни, и она всегда придиралась ко мне.

Она сказала, что я *ограничен*.

Что я упускаю так много в жизни.

Она умоляла меня быть ребенком.

Проблема была в том, что я не был ребенком с десяти лет.

Когда регби открылось для меня, я оставил это дерьмо позади, мои детские мечты об игре в регби превратились в целенаправленную, голодную, управляемую одержимость.

Я провел последние семь лет в режиме зверя 24/7 и имел физическую форму и размер тела, чтобы доказать это.

Мой отец был проще со мной.

Он успокоил маму и уговорил ее перестать так сильно волноваться, сказав ей, что могло быть хуже. Я мог бы пойти накуриться после школы или остаться без ног с остальными моими друзьями в пабе.

Вместо того, чтобы делать что-либо из этого, я тренировался.

Я проводил дни за учебой, часы на поле, вечера в тренажерном зале и выходные, чередуя все три занятия.

Господи, я не могу вспомнить, когда в последний раз забрасывал спортзал ради вечеринки с ребятами или съедал рожок мороженого, не беспокоясь о расточительных калориях и несбалансированных макроэлементах.

Я питался чисто, усердно тренировался и следовал каждому приказу, предложению и требованию, которые давали мне мои тренеры и наставники.

Это был нелегкий образ жизни, но я выбрал его для себя.

Я доверял своей интуиции и неустанно преследовал свои мечты, утешаясь тем фактом, что был почти у цели.

Пока не добьюсь поставленной задачи — а я бы ее добился — продолжал бы приносить жертвы и оставаться сосредоточенным, преданным делу и не отвлекаться на ерунду, подростковые драмы.

Именно по этим причинам я чувствовал себя таким нервным.

Девчонке, блять, девушке, которую я знал не более двух часов, удалось сделать то, что не удавалось никому другому: сбить меня с толку.

Шэннон как река была у меня на уме, и мне это чертовски не нравилось.

Мне не понравилось, что она отнимает драгоценное время у меня в голове. Время, которое я не должен был тратить или отдавать чему-либо — или кому-либо — кроме регби.

«Ее уже забрали из общественной школы Баллилаггин за словесное и физическое насилие. И что происходит в ее первый день в колледже Томмен? Это!»

«Вы уверяли меня, что в этой школе такого не случится, и посмотрите, что случилось в ее первый день!»

«Шэннон, я больше не знаю, что с тобой делать. Я действительно не хочу, детка. Я думала, это место будет другим для тебя.»

Что, черт возьми, происходит?

Что с ней случилось?

И какого черта я так заикнулся на ней?

Я едва знал эту девушку.

Для меня это не должно иметь значения.

Господи, мне нужно было начать новую жизнь.

Посмотреть какое-нибудь реалити-шоу о крушении поезда или что-нибудь в этом роде — что угодно, лишь бы отвлечься от сегодняшних событий и этих одиноких голубых глаз.

Заставляя себя блокировать мысли о ней, я сосредоточился на лечении травм, все время думая о возможной стратегии и тактике на матч в эту пятницу.

Когда я был полностью залатан и снова надел школьную форму, то проверил время на своем телефоне и отметил, что если я потороплю свою задницу, то успею на последний урок.

Я просмотрел пару новых текстовых сообщений от Беллы, в которых она спрашивала, не лучше ли мне и не хочу ли я встретиться. Быстро ответил ей, сказав, что все еще не в состоянии, и подождал ее ответа. Он пришел почти сразу, за ним последовало еще несколько сообщений.

Меня уже тошнит от этого дерьма, Джонни.

Мне не нравится, когда меня игнорируют.

Знаешь, все говорят о тебе.

Говорят, что твоя игра на поле будет дерьмовой.

Это попало в газеты.

Они говорят, что ты теряешь хватку.

Я согласен.

Ты ведешь себя как бесполезный член, и у тебя бесполезный член.

Я знаю, что с тобой все в порядке.

Ты просто пытаешься увильнуть от того, чтобы пригласить меня на церемонию

награждения в конце месяца.

Почему ты никогда не водишь меня на такие мероприятия?

Я никогда НИ о ЧЕМ тебя НЕ прошу.

Если ты не начнешь ценить меня, я знаю много парней, которые будут...

Я тяжело вздохнул и быстро прочитал каждое сообщение.

Да, это выходило из — под контроля.

Я чувствовал, как петля затягивается вокруг моей шеи. Быстро набрал ответ, написав: *Делай, что хочешь. Ты не моя собственность.*

Прежде чем выключить телефон и отправиться обратно в школу, остановился в офисе.

— Джонни! — Ди, школьный секретарь, заворковала, когда я переступил порог. — Уже вернулся? — спросила она, медленно оценивая мое тело. — Мистер Туоми не посылал за тобой, дорогой.

Наша школьная секретарша была невысокой женщиной лет под тридцать, с перекусными светлыми волосами, склонностью к мальчикам-подросткам и серьезной слабостью к игрокам в регби.

Ее голубые глаза были подведены слишком большим количеством черной подводки и густой, мягкой туши, которая хорошо сочеталась с горой тонального крема, нанесенного на ее лицо, и кроваво-красными губами.

Она не была непривлекательной женщиной.

У нее была хорошая фигура и фантастическая задница.

Но она была бараниной, одетой как ягненок.

Несмотря на ее попытки пумы и вопиющую неуместность, мне странно нравилась эта женщина. Она не раз выручала меня на протяжении многих лет, списывая меня с занятий, покрывая мои прогулы, скрывая проступки и все виды компрометирующего дерьма, которые плохо отразились бы на мне.

На третьем курсе, когда я вернулся домой из тренировочного лагеря, подарил ей майку сборной Ирландии с подписями большинства игроков команды.

Это было проявление признательности в последнюю минуту с моей стороны, зная, что она приложила немало усилий, чтобы заставить Совет по образованию перенести обязательный устный экзамен младшего цикла образования, который я пропустил, находясь в отъезде.

У меня лежала майка в сумке со снаряжением, и я просто отдал ее ей, чувствуя, что мне нужно вознаградить женщину за ее усилия.

После этого она была моим самым большим чемпионом, делая для меня бесчисленные и часто сомнительные с моральной точки зрения услуги.

А я, в свою очередь, давал ей билеты на игры, когда мог.

У нас была хорошая договоренность.

— Я здесь, чтобы увидеть тебя, Ди, — ответил я, кокетливо подмигнув. Борясь с желанием убежать подальше от школьной пумы, я неторопливо подошел к стойке, которая отделяла ее кабинет от остальной приемной, и ухмыльнулся. — Я надеялся, что ты сможешь мне кое с чем помочь.

— Я всегда готова помочь своей любимой звезде, — промурлыкала она. — С чем угодно.

— Ценю это, — ответил я, подавляя желание вздрогнуть, когда она перегнулась через

стойку администрации и провела своими дюймовыми, пылающими красными ногтями по костяшкам моих пальцев. — У тебя есть конверт?

— Конверт? — Ее нарисованные брови удивленно взлетели вверх.

— О, — пробормотала она, выглядя немного несчастной.

Потянувшись за стойку, она порылась там, прежде чем шлепнуть на стойку простой коричневый конверт.

Вытащив бумажник, я вытащил две банкноты по 50 евро и засунул их внутрь.

— У тебя есть ручка? — спросил я.

С небольшим раздражением она протянула мне один.

— Ты спаситель, — пробормотал я, быстро нацарапав записку на конверте, прежде чем положить ручку на стойку.

— И это все?

— На самом деле нет, это не так

Положив локти на стойку, я повертел конверт в руках и улыбнулся ей.

Вот оно...

— Я ищу кое — какую информацию об одном ученике.

— Информация об ученике? — Ди нахмурилась

— Да, — я кивнул, широко улыбаясь. — Шэннон Линч.

Кого я обманывал, говоря, что отвлеку себя реалити-шоу?

Я был одержимым ублюдком по натуре, с однонаправленным умом, который в настоящее время — исключительно сейчас — был запрограммирован на нее.

Я должен был знать больше.

Мне нужно было больше.

Я был недостаточно туп, чтобы думать, что это не имеет значения.

Или что моя реакция на Макгэрри в раздевалке ранее не имела значения.

Важно, что она смогла сделать это со мной.

Важно, что спустя несколько часов я все еще думал о ней, задавался вопросом о ней и неизбежно беспокоился о ней.

Это имело значение, что имела значение, когда никто никогда не имел значения для меня раньше.

Черт, теперь я запутался во всех вопросах.

— О, Джонни, — Ди поджала губы, ее хмурый взгляд стал глубже, когда она вернула меня к настоящему. — Я не уверена. Мистер Туоми ясно дал понять, что ты не должен иметь никаких контактов с девушкой Линч... — ее голос прервался, и она потянулась за блокнотом. — Видишь? — она постучала пальцем по исписанному блокноту. — Это записано и все такое. Ее мать требовала, чтобы тебя отстранили от игры за тот инцидент на поле сегодня. Она называет это нападением. Со стороны мистера Туоми потребовалось много уговоров, чтобы помешать ей позвонить в полицию...

— Давай, Ди, — промурлыкал я, подавляя свое возмущение тем, что, как я надеялся, было очарованием. — Ты знаешь меня. Я бы никогда намеренно не причинил вреда девушке.

— Конечно, ты бы не стал, — выдохнула она, моргая на меня. — Ты хороший мальчик.

— И ты очень добра ко мне, — наклонившись ближе, я накрыл ее руку своей и прошептал:

— Итак, все, что мне нужно от тебя, это рассказать мне, что ты знаешь о ней, или, еще лучше, дай мне посмотреть ее досье.

— Ни за что, Джонни. Она прикусила нижнюю губу. — Если кто —нибудь узнает, моя работа будет под угрозой..

— Ты думаешь, я доставлю тебе неприятности, Ди? — я проговорил, слегка покачав головой. — Это может быть нашим маленьким секретом. — Боже, я был полным ублюдком, играя на эмоциях этой бедной женщины.

Но я хотел получить информацию, черт возьми.

Мне было очень любопытно узнать о Шэннон, а точнее, что случилось с ней в ее старой школе.

Слова мистера Туоми закинули семя в мою голову, и я умирал от желания узнать.

— Прости, дорогой, но на этот раз я не могу тебе помочь, — ответила Ди, поджав губы. — Мне нужна эта работа.

Расстроенный, я покачал головой и взял себя в руки, прежде чем попытаться снова:

— Можешь хотя бы дать мне номер ее шкафчика?

— Зачем тебе это нужно? — глаза Ди сузились

— Просто нужно, — парировал я, теперь тон немного жестче.

Я был взбешен.

Я не привык, чтобы мне говорили «нет».

Когда я о чем — то просил, я обычно это получал.

Это был дерьмовый путь, но так сложилась моя жизнь.

— Я уже говорила тебе, — парировала она. — Мистер Туоми сказал, что ты не должен приближаться к ней...

— Это номер ее шкафчика, Ди, а не гребаный домашний адрес, — огрызнулся я, раздражение росло. — Ты ведешь себя так, будто я гребанный убийца или что-то в этом роде.

Тяжело вздохнув, Ди удрученно кивнула и подошла к шкафу с документами.

— Ладно.

— Спасибо, — ответил я тоном, полным сарказма.

— Но ты получил номер не от меня, — проворчала она, роясь в каждом ящике, пока не нашла нужную папку.

— Отлично.

— Я серьезно, Джонни. Мне не нужны проблемы.

— Мне тоже.

Открыв папку, она быстро просмотрела первую страницу, прежде чем захлопнуть ее.

— Шкафчик 461. В крыле третьего курса.

— Отлично, спасибо за это, — я схватил ручку и нацарапал номер на тыльной стороне ладони, прежде чем направиться к двери. Остановившись в дверях, я обернулся и спросил: — Ты можешь хотя бы сказать мне, как она?

Ди вздохнула. — Последнее, что я слышала, мать повезла ее в отделение неотложной помощи на рентген.

— Рентген? — я нахмурился, беспокойство терзало меня изнутри. — С ней все в порядке, не так ли? Когда она ушла? Она шла и все такое? Я имею в виду, она будет в порядке, верно?

— Да, Джонни, я уверена, что с ней все в порядке. — Она взяла ручку с прилавка и надела на нее колпачок. — Это просто мера предосторожности.

— Правда?

— Ага.

Неуверенный, я выпалил:

— Ты думаешь, мне стоит поехать — в больницу, то есть? — пожав плечами, я добавил — Должен ли я навестить? Это моя вина, что она в больнице. Я несу ответственность.

— Определенно нет! — Ди огрызнулась, в ее тоне появились властные нотки. — Если ты знаешь, что для тебя хорошо, Джонни Кавана, ты будешь держаться подальше от девушки, — она громко фыркнула, прежде чем добавить гораздо более тихим тоном — Между нами говоря, ее мать жаждет твоей крови. Тебе лучше избегать любых контактов с ней. И если я буду честна, девушка просто не кажется... — она сделала паузу, на мгновение прикусив нижнюю губу, прежде чем закончить, — ну, *стабильной*.

— Что ты имеешь в виду, она не стабильна? — мои брови нахмурились.

Ди грызла свою ручку, выглядя смущенной.

— Ди? — я желал услышать ответ. — Что ты хочешь этим сказать?

— Может быть, стабильный — не совсем подходящее слово, — признала она низким тоном. — Но в ней есть что — то... не такое.

— Не такое?

— Беспокойна, — уточнила Ди, а затем исправилась, сказав: — Встревоженная. Она кажется *встревоженной*.

Ну и дерьмо.

Поверьте мне, я заикнулся на безумии.

— Верно, — пробормотал я, снова поворачиваясь к двери. — Спасибо, что помогла

— Держись на расстоянии, Джонни, — крикнула она мне вслед. — И держись подальше от больницы.

Погруженный в размышления, я вышел из офиса с конвертом в руке. Прошелся по левому крылу главного здания, остановившись у ряда свежевывкрашенных синих шкафчиков за пределами общей зоны для третьекурсников.

Я просмотрел ряды в поисках шкафчика номер 461. Когда я нашел то, что искал, я просунул конверт через крошечную щель в верхней части металлической двери.

Мне было все равно, если ее мать не хотела денег, она могла сжечь их, мне было безразлично, но я должен был отдать их им — *точнее ей*.

Поправив школьную сумку на плече, я сунул руку в карман и достал ключи от машины, приняв решение пропустить остаток дня и подождать Гибси на парковке.

Кроме того, не было никакого смысла идти на урок прямо сейчас.

Я не мог сосредоточиться на предмете по бизнесу, даже если бы попытался.

Моя голова была слишком затуманена словами предупреждения и образами грустных голубых глаз.

Прогуливаясь по студенческой парковке, я открыл свою машину и бросил вещи на заднее сиденье, прежде чем залезть внутрь.

Измученный и уставший, я отодвинул сиденье и отрегулировал кресло, чтобы можно было вытянуть ноги.

Мысль о вождении с болью, которая в настоящее время сжигает мои бедра, была нежелательной, но это не было моей главной заботой прямо сейчас.

У нас в Томмен было много пансионеров, студентов, приезжавших учиться со всей страны и из некоторых частей Европы.

Я жил в полчаса езды от школы, так что я был одним из тех, кто ходил днем.

Большинство моих друзей являлись такими.

Я знал, что Шэннон тоже из Баллилаггина, но я никогда не видел ее до того дня.

Это была небольшая территория, но она была достаточно объемной, чтобы наши пути никогда не пересекались до сегодняшнего дня — или, может быть, пересекались, и я просто не помнил ее.

Я не был силен в лицах Я не смотрел на него достаточно долго, чтобы запомнить. Мне было все равно. У меня было достаточно имен и лиц, которые нужно было помнить. Добавление ненужных имен незнакомцев в этот список казалось бессмысленным занятием.

До этих пор.

Встревоженная.

Так ее назвала Ди.

Но разве все подростки не были иногда немного испорченными и встревоженными?

Я был так поглощен своими мыслями, что не заметил и, как сорок пять минут спустя прозвенел последний звонок, и поток учеников, садящихся в машины вокруг меня. Только когда пассажирская дверь моего авто распахнулась, я рывком вернулся в настоящее.

— Привет, — поздоровался Гибси, опускаясь на пассажирское сиденье рядом со мной. — Я вижу, твое сердце все еще настроено на то, чтобы выглядеть наполовину бездомным, — добавил он, отбрасывая кучу грязи со своих ног. Потянувшись, он бросил сумку на заднее сиденье. — Здесь чертовски воняет, чувак.

— Ты всегда мог бы подышать свежим воздухом, прогуливаясь, — проворчала я, протирая глаза, прогоняя сон. Да, я так чертовски устал.

— Расслабься, — парировал Гибси, а затем хихикнул, прежде, чем добавить, — Не нужно так *раздражаться*.

— Очень смешно, мудак, — невозмутимо сказал я, моя рука немедленно переместилась к моему члену. — Теперь ты действительно можешь выйти и идти.

— Вот, — он сделал паузу, чтобы бросить мне на колени папку ванильного цвета, — ты не сможешь заставить меня идти пешком после того, как я принес тебе это.

— Что это? — я уставился на папку

— Подарок, — ответил Гибси, поправляя козырек головного убора.

— Домашнее задание? — невозмутимо проговорил я. — Вау. Большое спасибо.

— Личное дело Шэннон, — поправил он, закатывая рукава джемпера. — Без сомнения, твоя одержимая задница искала его.

Ну и дерьмо.

Тревожная волна возбуждения пробежала по мне, когда я уставился на папку в своих руках. Мой лучший друг знал меня слишком хорошо.

— Когда ты не вернулся в класс после тренировки, я подумал, что ты здесь, дуешься на нее — или тоскуешь, — он пожал плечами, прежде чем добавить, — Или как бы ты, блять, ни назвал то, что ты сделал в раздевалке ранее.

— Я не дуюсь.

Он фыркнул.

— Я, блять, не дуюсь, мудак, — огрызнулся я. — Или тоскую. Я не делал ничего из этого дерьма. Я просто...

— Теряешь голову? — Гибси заполнил проблем с волчьей ухмылкой. — Не беспокойся об этом. Случается с лучшими из нас.

— С чего бы мне терять голову? — Я потребовал, а затем быстро ответил: — Я ничего

не терял, черт возьми!

— Моя ошибка. — Гибси поднял руки, но его тон убедил меня, что он далек от сожаления. — Должно быть, я неправильно понял. Дай мне ее досье, и я положу его обратно.

Он потянулся к папке, но я выхватила ее.

— Что? Нет!

Гибси рассмеялся, но больше ничего не сказал. Понимающая усмешка, которую он мне подарил, была достаточным ответом.

— Как тебе удалось убедить Ди отдать его? — Спросил я, меняя тему.

— Как ты думаешь?

— Боже, — я подавил дрожь.

— Не все так плохо, — Гибси ухмыльнулся. — Женщина сосет, как пылесос, а острые ощущения от того, что тебя поймали, всегда делают времяпровождение веселым.

— Мне не нужно было это знать, — проговорил я, поднимая руку.

— Ты уже знал это, — фыркнул он

— Да, — я тяжело вздохнул. — Ну, мне не нужно было напоминать.

— Господи, — пробормотал он, оттягивая воротник школьной рубашки, чтобы получше рассмотреть свою шею в маленьком прямоугольном зеркале. — Всегда шея.

Неудовлетворенный этим видом, он повернул зеркало заднего вида лицом к себе и застонал. Повернувшись, чтобы посмотреть на меня, Гибси сказал:

— Видишь, на какие жертвы я иду ради тебя?

Мои глаза остановились на багровом синяке, образовавшемся на его шее.

— Лучше бы там было что-нибудь стоящее для чтения, — проворчал он.

Вернув свое внимание к папке, я открыл ее на первой странице, а затем напрягся, переводя взгляд на него. — Ты это читал?

— Нет.

— Почему нет?

— Потому что, — ответил он, роясь в кармане. — Это не мое дело. Я выйду на секунду, чтобы покурить, — он вытащил пачку сигарет и зажигалку, толкнул дверь и вышел, остановившись, чтобы наклониться и объявить, прежде, чем закрыть дверь, — Оргазмы заставляют меня жаждать никотина.

Покачав головой, я обратил свое внимание на папку в моих руках, прикованный к каждой детали информации, которую раскроет конфиденциальный файл Шэннон Линч.

Страницы за страницами происшествия и отчеты, аккуратно напечатанные на белой бумаге, с подробным описанием всех ужасных испытаний, которые пережила девочка в своей старой школе, а *их было много*.

Четырнадцать страниц формата А4 с происшествиями.

Спереди и сзади.

Спустя несколько страниц я узнал, что Шэннон скатилась со стабильных «С» в начале первого года обучения до «D» и «E» к концу второго года.

К ее менее чем звездным результатам экзаменов были приложены заметки от ее бывших учителей, восхваляющие мягкий характер и прилежную, добросовестную трудовую этику.

Мне не нужна была записка, чтобы объяснить неуклонное снижение ее оценок, я понял это на первой странице.

Она стала жертвой издевательств.

Они отрезали ей хвост, когда она была на первом курсе обучения. Ей было тринадцать. Их наказанием за такое преступление было недельное отстранение. Серьезно. Неделя вне школы за то, что *отрезал* девчонке гребаные волосы.

Девушки.

Они были такими чертовски больными и извращенными.

Как кто-то мог ожидать, что девочка сможет сосредоточиться в такой нестабильной обстановке в классе, было выше моего понимания.

Серьезно, что, черт возьми, было не так с людьми?

Что случилось с той школой и теми учителями?

Какого хрена ее родители думали оставить ее там на два года?

Чем больше я читал, тем хуже мне становилось внутри...

Инцидент на физкультуре, в результате которого из носа пошла кровь.

Инцидент с рвотой в ванной.

Инцидент в столярных работах с клеевым пистолетом.

Проблема после школы с третьекурсницами.

Еще один случай рвоты в ванной.

Проблема перед школой с девочками четвертого года.

Отказ принять участие в ночном школьном объединительном ретрите. Они, блядь, издеваются?

Еще много, много случаев рвоты.

Направление к педагогу-психологу.

Старший брат подает четвертую жалобу на издевательства. Старшему брату следовало бы найти подруг постарше и заставить их выбить дерьмо из этих дрянных девчонок.

Граффити на стенах ванной.

Нападение на школьном дворе, старший брат отстранен от занятий. Старший брат, должно быть, разобрался с этим сам.

Об отстранении сообщили несколько учителей.

Серьезное физическое нападение со стороны трех старших учеников, оповестила полиция. Ни хрена себе, Шерлок.

Старший брат снова отстранен за вмешательство.

Удаление из школы по просьбе матери. О, черт возьми, самое время.

Школьные записи, запрошенные директором колледжа Томмен.

Ужаснулся, не смог описать свои чувства, когда закончил читать.

«Разозленный» тоже не совсем соответствовал требованиям.

Отвращение, беспокойство и полная ярость казались более точной оценкой моих чувств.

Господи, это было как читать чертов полицейский отчет о жертве домашнего насилия.

Неудивительно, что мать Шэннон сегодня отшила меня на хуй.

Если бы я был на ее месте, сделал бы вещи намного хуже.

Господи, теперь я был еще больше зол на себя, чем раньше, за то, что причинил ей боль.

Кто, черт возьми, это сделал?

Серьезно, каких существ они разводили в той школе?

— Ну? — голос Гибси прорвался сквозь мои мысли, когда он забрался обратно в машину, пахнувший, как пепельница. — Выяснил, что тебе нужно?

— Да, — пробормотал я, возвращая ему папку, прежде чем завести двигатель. — Я

ВЫЯСНИЛ.

— И? — он выжидающе посмотрел на меня.

— И что? — я обратил свое внимание на дорогу.

— Ты выглядишь взбешенным.

— *Я в порядке*, — мне нужно было что — то сделать, поставить ногу, пойти в тренажерный зал, что угодно, чтобы снять напряжение, нарастающее внутри моего тела.

— Ты уверен, чувак?

— Ага, — вырвавшись со своего парковочного места, я переключился на вторую передачу, а затем на третью, игнорируя знаки «*Осторожно, дети*», пересекающие дорогу, в стремлении выехать на главную дорогу.

Иногда мы тренировались дома в моем переоборудованном гараже, но прямо сейчас я подумал, что тридцатиминутная поездка в спортзал в городе могла бы принести мне пользу.

Я знал, что переступил серьезную черту, нарушив ее частную жизнь таким образом, но не сожалел об этом.

Черт возьми, *я знал*, что она уязвима.

То чувство, которое я испытал сегодня?

Я был так уверен, что видел боль в ее глазах.

Это было реально, это было там, я узнал это, и теперь я мог что-то с этим сделать.

Я мог бы предотвратить повторение чего — либо подобного.

Это больше не повторится.

Не на моей чертовой смене.

Глава 6. Пробудившиеся гормоны

Шэннон

У меня сотрясение мозга средней тяжести, в результате которого я осталась на ночь в больнице для наблюдения, а затем до конца недели не ходила в школу.

Честно говоря, я бы предпочла остаться в больнице на все время или немедленно вернуться в школу, потому что идея провести неделю дома с отцом, дышащим мне в затылок, была особой формой пытки, которую никто не заслуживал.

Каким-то чудом мне удалось пережить неделю, запираясь в своей комнате весь день, каждый день, и, как правило, избегая моего отца и его бурных перепадов настроения, как чумы.

Когда я вернулась в школу на следующей неделе, то ожидала, что меня ждет шквал насмешек и издевательств. Стыд был проблематичным чувством, и иногда мне было трудно функционировать. Я провела весь день в потном, охваченном паникой беспорядке состоянии повышенной готовности, ожидая, что произойдет что — то плохое.

Но *ничего* не произошло.

Если не считать нескольких любопытных взглядов и понимающих улыбок команды по регби — например, они знали, как я выгляжу в нижнем белье, — я осталась в целом незамеченной.

Я не могла понять, как такое унижительное событие могло остаться невысказанным.

Для меня это не было понятным. Никто не упомянул об инциденте на поле в тот день. Как будто этого никогда и не было.

Честно говоря, если бы не затяжная головная боль, я бы сомневалась, что это вообще произошло.

Дни превратились в недели, но тишина оставалось неизменной.

Мне *никогда ничего* не говорили.

Это больше никогда не вспоминалось.

Я не была мишенью.

И я обрела *покой*.

С момента инцидента на поле прошел почти месяц, и я обнаружила, что постепенно втягиваюсь в рутину с Клэр и Лиззи на моей стороне.

Я обнаружила, что начинаю с нетерпением ждать, когда пойду в школу.

Это был самый странный поворот в моей жизни, учитывая, что большую часть своей жизни я ненавидела школу, но колледж Томмен стал почти безопасным местом.

Вместо обычного чувства страха, когда я вышел из автобуса, все, что я почувствовала — это огромное облегчение.

Облегчение уйти из моего дома.

Облегчение быть вне поля зрения хулиганов.

Облегчение уйти от моего отца.

Облегчение — иметь возможность *дышать* в течение семи часов в день. Я привыкла справляться в одиночку, быть одна, сидеть одна, есть одна... вы понимаете, к чему я клоню.

Я навсегда осталась одна, поэтому мое последнее затруднительное положение, или,

лучше сказать, последнее изменение моего социального статуса, было неожиданным.

Говорят, что в цифрах есть солидарность, и я твердо верила в это.

Я чувствовала себя лучше, когда находилась со своими друзьями.

Может быть, это была подростковая неуверенность, или, может быть, это было результатом моего прошлого, но мне нравилось, что больше не нужно было ходить на занятия в одиночку, и что у меня всегда был кто — то, с кем можно посидеть или сказать, если у меня что-то застряло в зубах.

Их дружба значила для меня больше, чем они могли себе представить, давая мне систему поддержки, в которой я отчаянно нуждалась, и буфер во времена панической неопределенности.

В моей старой школе я была так напряжена и беспокойна на уроках, что часто оставалась в классе, мне приходилось работать допоздна, чтобы наверстать упущенное.

Без постоянной угрозы нападения со стороны сверстников я без особых проблем успевала на занятиях, щелкая уроки, как орешки.

Мне даже удалось сдать большинство экзаменов до младшего цикла, за исключением математики и бизнес-исследований.

Казалось, никакое количество занятий не помогло с этими предметами. Но я получила свою первую пятерку с первого курса по естественным наукам, так что это меня успокоило.

Во время обеда у меня были девочки, с которыми можно было посидеть — не жалкое место с моим братом и его приятелями, а настоящая *группа людей*.

У меня никогда раньше не было такого уровня нормальности.

Я никогда не чувствовала себя *в безопасности*.

Но я уже начала.

И у меня было чувство, что *он* имеет к этому какое — то отношение.

Джонни Кавана.

Я имею в виду, он должен был, верно?

У меня не было такой силы, так что остался только он.

Это не было совпадением, что то событие было стерто из памяти каждого.

С того дня я видела его много раз, бесчисленное количество раз, проходя мимо него в коридорах между уроками и в обеденном зале во время перерыва, и хотя он никогда не подходил, всегда улыбался мне, проходя мимо.

Честно говоря, я была удивлена, что он вообще улыбнулся мне, учитывая реакцию моей матери на него возле кабинета директора в тот день.

Я не знала, извиняться или нет за ее поведение по отношению к нему.

Мама так остро отреагировала, что стала угрожать ему, но, опять же, действия Джонни привели к тому, что я провела ночь в больнице и еще неделю дома с отцом, поэтому я решила не извиняться. Кроме того, я решала слишком долго. Подходить к нему сейчас, спустя почти четыре недели, было бы просто странно.

Через моих друзей — и приглушенный шепот и слухи от девушек в туалете — я узнала всевозможные подробности и информацию о Джонни Кавана.

Он был на пятом курсе — то, что я уже знала.

Он был родом из Дублина — опять же, никаких сюрпризов.

Он был невероятно популярен — ладно, я этого не знала, но не нужно быть гением, чтобы понять это, учитывая, что он все время был окружен учениками.

Он был звездой среди обучающихся — опять же, и слепой мог это понять.

И вопреки его ужасной неточности с мячом, приведшему к вопиющему увечью меня, он должен был быть очень хорош в регби.

Он был капитаном школьной команды по регби, и с этим статусом пришла популярность, девушки и некоторая жесткая привязанность как к преподавателям, так и к ученикам.

Я понятия не имела о всех тонкостях регби, наша семья вращалась вокруг Гэльской Спортивной Ассоциации, и я еще меньше заботилась о популярности в школе, учитывая, что меня обычно бросали на дно, но то, как девочки в школе обожали Джонни Кавана, совсем не походило на человека, которого я встретила в тот день.

По словам девочек, он был агрессивным, напористым и полным снобом, с телом, за которое можно умереть, и ужасным отношением.

Они выставили его дерзким, богатым игроком в регби, который был одержим спортом, жестко играл на поле и еще сильнее трахался — очевидно, ему нравились девушки намного старше.

Хорошо, так что вполне возможно, что он действительно делал все это, но было трудно собрать информацию воедино с человеком, которого я встретила.

Мои воспоминания о том дне все еще были туманными, события, приведшие к моему несчастному случаю, все еще были запутанными, а последующие — сумбурным беспорядком, но я помнила его.

Я вспомнила, как он заботился обо мне.

Как он оставался со мной, пока не пришла моя мама.

То, как он прикасался ко мне своими большими, мозолистыми, нежными руками. Как он говорил со мной, как будто хотел услышать, что я произнесу.

А потом слушал мою бессвязную болтовню, как будто это было важно для него.

Я также помнила смущающие моменты; моменты, которые не давали мне спать до поздней ночи с пылающими щеками и мыслями, полными сбивающих с толку образов и неуклюжих слов.

Части, которые я не осмеливалась признать.

Тем не менее, я сохранила конверт, который нашла в своем шкафчике на той неделе, когда вернулась в школу, с торопливо нацарапанным «От моего народа твоему народу» на лицевой стороне.

Две банкноты по 50 евро, которые я отдала маме, когда вернулась домой из школы, но я спрятала конверт в наволочку для сохранности.

У меня не было объяснения, почему я не выбросила его, так же как я не могла объяснить, почему мое тело покрылось холодным потом, руки стали липкими, сердце учащенно забило, а желудок скручивался в узлы всякий раз, когда я смотрела на него.

Ну, технически это было неправдой.

Была очевидная, совершенно логичная причина моей реакции на него.

Он был прекрасен.

Каждый раз, когда я замечала его в коридорах, казалось, что все отложенные желания, чувства и гормоны, которые дремали в моем теле последние пятнадцать лет, пробуждались к жизни.

Я болезненно осознавала его присутствие, мое тело приходило в состояние повышенной готовности всякий раз, когда наши руки соприкасались в переполненных коридорах между занятиями.

Но не его внешность или огромное мускулистое телосложение вывели мои упрямые гормоны из спячки.

Таким он и был в тот день.

Во время небольшого перерыва на прошлой неделе, Лиззи поймала меня с поличным, когда я паялилась на Джонни Кавана, тогда она решила выложить всю информацию, которая у нее была.

По словам Лиззи, Джонни Кавана никогда не был привязан к какой — то конкретной девушке и не считался чьим-то парнем, хотя с Беллой Уилкинсон приходилось бороться.

Эта пара долгое время тусовалась вместе.

Белла была на пару лет старше его, более опытной, и, судя по тому, что рассказала мне Лиззи, о чем ей сообщили мальчики, сосала член, как пылесос «Дайсон».

Так что да, можно было с уверенностью сказать, что Джонни получил от нее огромное количество минетов и бог знает что еще.

Я была просто благодарна, что у нас дома был «Генри Гувер», а не модный брючный «Дайсон», поэтому я не давилась каждый раз, когда убирала свою комнату в соответствии с этим конкретным изображением.

Хотя я не была удивлен ничему из этого.

Джонни было почти восемнадцать.

У меня было два старших брата, поэтому я прекрасно понимала, чем занимаются мальчики этого конкретного возраста за закрытыми дверями спальни.

Информация была удручающей, но мне нужна была крутая доза реальности, чтобы укрепить решимость и развеять надежды.

Мне ужасно не повезло, что я впервые влюбилась в такого человека, как он, учитывая, что мы разговаривали всего один раз, и он был связан с шестикурсницей.

Не то, чтобы он был бы хоть немного заинтересован во мне, если бы это было не так.

Мне нравилось чувство безопасности.

В моем мире невидимость приравнивалась к безопасности.

Я счастлива иметь оба пункта и сливаться с толпой.

Джонни Кавана был настолько противоположен невидимке, насколько я могла себе представить.

До него я никогда не интересовалась противоположным полом. Меня никогда никто не интересовал. Но он?

Я обнаружила, что ищу его в школе, просто чтобы зацепить свой взгляд на нем ненадолго. Это было жутко и по-сталкерски с моей стороны, но я, честно говоря, ничего не могла с собой поделать.

Я утешала себя знанием того, что у меня не было намерений действовать на основе своих чувств или преследовать свою первую и единственную любовь.

В любом случае, мне было достаточно наблюдения со стороны, довольствуясь тем, что украдкой поглядывала на него, когда могла.

Я оправдывала такое поведение, напоминая себе, что я не единственная девочка в школе, которая вожделеет восхитительного Джонни Кавана.

Нет, я была всего лишь одной в длинном списке многих, *многих* девушек.

Но за ним было так интересно наблюдать.

Он вел себя не так, как остальные парни в школе. Он казался *выше их* странным образом? Как будто он был старше своих лет? Или ему наскучил обыденный образ школьной

жизни?

Это было трудно описать.

Казалось, он создавал свой собственный ритм. Излучал уверенность и имел атмосферу безразличия, которая вызывала смехотворную зависимость.

Он проложил свой собственный путь в школе, и, как большинство прирожденных лидеров, все остальные просто следовали за ним.

Я думаю, это был ключ к популярности, вам нужно было не хотеть этого или не заботиться о том, что у вас это было.

Тот факт, что он был красив с телом, доведенным до совершенства, также не повредил его делу.

Это заставило меня немного ревновать, если честно.

Я не заботилась о том, чтобы быть популярной. Это был тот факт, что некоторым людям было так легко, в то время как другие, включая меня в последнюю группу, ужасно страдали.

Он выдал что-то по типу: «Я лучший. Ты трахаешься с лучшими прямо здесь. Ты не найдешь никого лучше меня, тебе не повезло», и ходил с постоянным выражением «пошел ты» на лице.

Это было типичное поведение альфа-самца, бьющего кулаками в грудь, и я предположила, что это во многом связано с тем, почему каждая девушка в радиусе десяти миль, казалось, тянулась к нему.

Дело в том, что всякий раз, когда его глаза встречались с моими, я никогда не видела ни этого надуманного мачо, ни его пресловутого сердитого взгляда.

Было трудно описать взгляд, который я получала в ответ, потому, что обычно, когда наши глаза встречались, это случалось потому, что Джонни ловил, что я смотрю на него, будь то в обеденном зале или вне классных комнат, и я всегда быстро отворачивалась, уязвленная.

Однако в тех редких случаях, когда мне удавалось взять себя в руки и встретиться с ним взглядом, я была вознаграждена любопытным наклоном головы и небольшой, дергающейся улыбкой.

Я не была уверена, что делать со всем этим или что чувствовать.

Станным образом я ощущалася одним из тех маленьких утят, которые оставляют отпечаток и привязываются к первому человеку, которого они видят после рождения.

Я смотрела фильм об этом, когда была ребенком.

Может быть, именно это и происходило?

Может быть, я привязалась к Джонни не только потому, что он был первым, кого я увидела, когда пришла в себя, но и потому, что он был первым, кто проявил ко мне настоящую доброту.

Я задавалась вопросом, действительно ли это может случиться с людьми после сотрясения мозга средней тяжести, но затем быстро отбросила эту безумную идею.

Подобные мысли *не были* нормальными и не приносили абсолютно никакой пользы.

Кроме того, я не была к нему привязана.

Мне просто нравилось им восхищаться.

С безопасного расстояния.

Когда он не смотрел.

Да, это было совсем не вредно для здоровья

— Не хочешь зайти сегодня после школы? — спросила меня Клэр во время большой перемены в среду.

Мы сидели в конце одного из огромных столов в роскошном обеденном зале, с которым я все еще пыталась смириться.

В ОШБ у нас была небольшая столовая, где люди по очереди сидели за маленькими круглыми столиками.

Здесь, в Томмен, это был великолепный банкетный зал с двадцати пяти футовыми столами, которые включали в себя горячие блюда и достаточное количество места, чтобы вместить всю школу.

Обеденный зал трещал по швам от того, что другие ученики кричали и разговаривали так громко, что мне пришлось перегнуться через стол, чтобы ответить:

— К тебе домой?

— Мы можем потусоваться и посмотреть несколько фильмов или что — то в этом роде? — с кивком проговорила она.

— Разве ты не собираешься в город с Лиззи, чтобы увидеть Пирса? — уточнила я.

По крайней мере, я думала, что это то, чем они занимались сегодня после школы.

Это все, о чем Лиззи говорила все утро.

По-видимому, она встречалась с каким-то парнем с пятого курса по имени Пирс, и они были вместе в течение нескольких месяцев.

Из того, что я знала, они в настоящее время снова сошлись.

Честно говоря, Лиззи пригласила меня пойти с ними после школы, но я отказалась, потому что город был последним местом, где я когда — либо хотела быть. Моя старая школа располагалась в центре, и я старалась избегать всех окрестностей, как чумы. Там было слишком много нежелательных лиц, которые околачивались вокруг.

— Нет, Лиззи не в настроении, — объяснила Клэр, протыкая ложкой свою банку с йогуртом. — Итак, я предполагаю, что сегодня у них была еще одна ссора.

Это объясняло заметное отсутствие Лиззи на обеде.

Ее было трудно понять.

Она многое скрывала, и я никогда по — настоящему не знала, о чем она думала или чувствовала, в отличие от Клэр, которая была открытой книгой.

Наверное, именно поэтому в детстве я всегда была ближе к Клэр.

Я, конечно, любила Лиззи и считала ее хорошим другом, но если бы у меня была лучшая подруга, то это была бы Клэр.

— Кроме того, мне не очень нравится быть третьим лишним с ними двумя, — добавила Клэр, кладя ложку в коробку с ланчем. — Итак, что ты скажешь? Мама заберет нас и отвезет тебя домой, когда ты захочешь. — Она откинулась на спинку стула и одарила меня умильной улыбкой. — Или ты всегда можешь переночевать у меня?

Мой желудок сделал небольшой переворот.

— Ты уверена, что твоя мама не будет возражать?

— Шэннон, конечно, она не будет возражать, — ответила Клэр, бросив на меня странный взгляд. — Мои мама и папа оба любят тебя, — улыбаясь, она добавила, — Мама постоянно спрашивает о моих делах, уточняя, когда ты придешь снова.

Меня наполнило теплое ощущение.

Миссис Биггс работала медсестрой в отделении интенсивной терапии больницы в Корк-

Сити, и она была одной из самых милых леди, которых я когда — либо встречала.

Клэр была очень похожа на свою мать с милым характером и добрым сердцем.

Когда мы были маленькими и Клэр, и Лиззи праздновали день рождения или играли, миссис Биггс всегда считала своим долгом приехать и забрать меня.

Меня даже приглашали на вечеринки по случаю дня рождения старшего брата Клэр, и хотя я никогда не посещала вечеринки Хьюи, я оценила приглашение.

Это были единственные приглашения, которые я получала в детстве.

— Я бы с удовольствием, но мне нужно посоветоваться с родителями, — сказала я ей, а затем достала телефон и написала брату, чтобы узнать обстановку дома.

— Это будет здорово, — радостно подбодрила она. — В морозилке есть банка «Бена и Джерри», и у меня есть новый фильм «Пираты Карибского моря» на DVD, — нахмурились брови, она добавила, — Джонни и Орландо, какая девушка может сказать «нет» этому?

— Не ты, — засмеялась я. Клэр была одержима Джонни Деппом.

Он был ее обоями на телефоне, и его лицо было расклеено по всем стенам ее спальни.

— Я люблю его, — объявила она с мечтательным вздохом. — Я верю. Это настоящая, жестокая любовь, и однажды он приедет в Ирландию, увидит меня и сразу ответит взаимностью на мои чувства. А потом мы убежим вместе и создадим очаровательных гибридных детей-пиратов.

— Это звучит как план, — хихикнула я. — Хотя, ты же понимаешь, что он не настоящий пират, не так ли?

— Тсс! — Клэр усмехнулась. — Не забирай это у меня. Позволь мне насладиться визуализацией.

Мой телефон завибрировал в моей руке, когда пришло сообщение от Джоуи.

Плохая идея, Шэн. Он на тропе войны.

Растроившаяся, я сунула телефон обратно в карман и тяжело вздохнула:

— Я не могу прийти.

— Твой папа? — грустно спросила она.

Я кивнула.

Клэр выглядела такой же грустной, как и я, но она не настаивала.

В глубине души, я думаю, она знала.

Я никогда не выражала это словами, и она никогда не давила.

Вот почему я люблю ее.

— Тогда в другой раз, — Клэр одарила меня широкой улыбкой, которая почти скрывала беспокойство в ее карих глазах.

Почти.

— В следующий раз мы спланируем все лучше — предупрежу тебя заранее, — быстро продолжила она, заправляя свои длинные светлые волосы за уши. — Но наш киномарафон с Джонни и Орландо определенно состоится!

— Как дела, медвежонок Клэр? — спросил глубокий мужской голос, отвлекая нас обоих.

— О, привет, Джерард, — сказала Клэр небрежным тоном, глядя на огромного светловолосого парня, стоящего в конце нашего стола. — Как дела?

— Теперь, когда я с тобой разговариваю, лучше, — промурлыкал он, подходя и опираясь задницей на стол, держа свою огромную спину передо мной, а его внимание сосредоточено на моей подруге. — Ты выглядишь так же прекрасно, как и всегда.

Пристальный взгляд Клэр метнулся от его лица к моему, и она выпучила на меня глаза, прежде чем быстро посерьезнеть и сказать:

— Разве я не слышала, как ты говорил то же самое Меган Крин в среду?

Я подавила смех, наблюдая за тем, как профессионально моя подруга разыгрывает карту безразличия, хотя на нее явно повлиял этот парень.

Он был высоким и загорелым, с грязными светлыми и взъерошенными волосами, а также явно имел серьезные мышцы под школьной формой.

Я не винила ее за то, что на нее подействовал парень, который так выглядел.

Большинство девочек так бы и сделали.

Только не эта девушка.

— Ты ревнуешь? — Джерард поддразнил, тон очень кокетливый. — Ты знаешь, что ты мой номер один.

— Пощади меня, — выдавила Клэр, притворяясь, будто ее тошнит

— Я слышал, ты едешь в Донегол с командой? — спросил он ее. — Твой класс получил добро, не так ли?

— Да, наш класс был выбран для участия, — беззаботно ответила Клэр. — Однако мама не подписала разрешение на мое посещение.

У меня тоже не было.

В следующем месяце после пасхальных каникул колледж Томмен провел выездной матч против какой-то подготовительной школы для регби в Донеголе.

Это была важная игра для команды, финал какого-то кубка лиги или другого, и мой класс, наряду с еще одним с шестого курса, был выбран случайным образом для участия.

Поскольку матч проводился в первую пятницу, когда мы должны были вернуться в школу после пасхальных каникул, школьный автобус отправлялся из колледжа Томмен в 10:45 вечера в четверг вечером, чтобы избежать пробок и обеспечить остановки, поскольку северный Донегол находился по крайней мере в восьми часах езды от Корка.

По словам Лиззи, администрация Томмен был кучкой тугодумов и выделила средства только на одну ночь проживания в поездке.

Мы будем спать в автобусе в четверг вечером, останавливаться в отеле в пятницу вечером, а затем возвращаться в Корк в субботу.

Лиззи была полностью возмущена идеей спать в автобусе, потому что директора школ были скупыми и не хотели тратить деньги на дополнительную ночь в отеле.

Лично я не могла понять, в чем проблема.

Это была полностью оплаченная поездка, финансируемая школой, и утвержденный выходной день в школе.

Если не считать восьмичасовой поездки на автобусе, где большинство пассажиров были подростками, полными тестостерона, это был беспроигрышный вариант.

Конечно, эта часть ужаснула меня до глубины души, но я начала учиться справляться со своим беспокойством, не позволяя моему прошлому опыту испортить возможность столь необходимого перерыва.

Я очень старалась просто отойти в сторону, воспользоваться моментом и продумать ситуации и сценарии с ясными, рациональными мыслями, а не с паранойей, вызванной ужасом, который, казалось, контролировал меня.

Несмотря на мой энтузиазм от перспективы сбежать из Баллилаггина на пару ночей, я не питала особых надежд на поездку.

Поскольку это была ночная поездка, школа потребовала, чтобы наши родители подписали бланки разрешений.

Я дала маме бланки, которые нужно было подписать, чтобы я могла присутствовать на прошлой неделе.

По состоянию на сегодняшнее утро он все еще лежал без подписи на хлебнице дома.

— Ах, твоя мамочка тебя отпустит, — поддразнил белокурый бог, взъерошив волосы Клэр. — Конечно, большой брат будет там, чтобы присмотреть за тобой — и за мной, конечно, — он наклонился ближе и заправил прядь волос ей за ухо. — Я всегда играю лучше, когда знаю, что ты смотришь.

Теперь я действительно смеялась над явной нелепостью разговора.

Я разбиралась в спорте и еще не встречала парня, который играл бы лучше из-за девушки.

Однако, когда я попыталась подавить свой смех, получилось что-то вроде фырканья.

Зажав рот рукой, я уставился на испуганное выражение лица Клэр и одними губами прошептал «прости» сквозь пальцы.

Как будто только заметив мое присутствие, блондин обернулся, вероятно, чтобы найти фыркающего виновника.

Его взгляд остановился на моем лице, и немедленное узнавание мелькнуло в его поразительных серебристо-серых глазах.

— Привет! Малышка Шэннон, — признал он, тепло улыбаясь. — Как дела?

— Э — э, хорошо, — выдавила я, уставившись на него и задаваясь вопросом, откуда, черт возьми, он знает мое имя.

Я взглянула на Клэр, которая пожала плечами и посмотрела на меня взглядом, который сказал мне, что она была так же смущена, как и я.

— Я не знал, что ты дружишь с Шэннон, — сказал он, снова обращая свое внимание на Клэр. — Это была бы полезная информация.

— Э — э, я не знала, что ты знаком с Шэннон? — Безучастно предложила Клэр. — И для чего полезна?

— Я не знаком, — он покачал головой. — И это не имеет значения.

Он повернулся ко мне и снова улыбнулся.

— Я Джерард Гибсон, — представился он. — Но все зовут меня Гибси.

— Я не зову, — беззаботно бросила Клэр.

Гибси усмехнулся.

— Хорошо, все, кроме нее, зовут меня Гибси, — он указал большим пальцем на мою подругу, одарив ее снисходительной улыбкой, прежде чем вернуть свое внимание ко мне. — Ей нравится быть другой.

— Нет, Джерард, мне нравится обращаться к людям по имени, — поправила Клэр, одарив его твердым взглядом. Она обратила свое внимание на меня и начала объяснять. — Джерард дружит с моим братом Хьюи. Ты помнишь Хьюи, не так ли, Шэн?

Я кивнула, явно вспомнив красивого старшего брата Клэр.

Хьюи Биггс со светло-русыми волосами и карими глазами был мужским эквивалентом своей сестры, за исключением прессы, мужественных и очевидных мальчишеских черт. Хьюи не ходил в ту же начальную школу, что и мы, но он всегда был дружелюбен ко мне, когда я приходила к ним домой. Он был одним из немногих парней, кроме Джоуи, рядом с которым я не чувствовала себя на грани. Хьюи всегда оставлял меня в покое, и я это ценила.

— Ну, они были в одном классе с младших детей, и этот монстр прямо здесь, — она сделала паузу, чтобы слегка подтолкнуть Гибси, прежде чем продолжить, — был постоянным атрибутом на моей кухне большую часть моей жизни. Он живет через дорогу от нас, — добавила она. — К сожалению.

— Давай, медвежонок Клэр, — поддразнил он. — Разве так можно говорить о парне, который подарил тебе твой первый поцелуй?

— Это было результатом неудачной игры в бутылочку, — парировала она, щеки порозовели, когда она посмотрела на него. — И я миллион раз миллиона тебе перестать называть меня так.

— Это все шоу, — сообщил мне Гибси с широкой улыбкой. — Она действительно любит меня.

— Я действительно не люблю, — парировала Клэр, теперь взволнованная. — Я терплю его, потому что он приносит печенье в мой дом. — Она повернулась ко мне и сказала: — Мать Джерарда владеет пекарней в городе. Ее торты безумно вкусные.

— Гибс! Давай, парень. Команда ждет вас! — крикнул кто — то с другой стороны обеденного зала, заставив нас всех троих обернуться.

Мое сердце замерло на краткий миг, прежде чем сделать сальто в груди, когда мой взгляд упал на Джонни Кавана, стоящего под аркой обеденного зала, с дико жестикулирующей рукой в воздухе и грозным выражением, запечатленным на его лице.

— Пять минут, — отозвался Гибси.

— Тренер хочет видеть нас сейчас, — рявкнул Джонни с тем сильным дублинским акцентом, к которому я научилась прислушиваться. — Не через пять чертовых минут, — добавил он, не обращая внимания на то, кто его слышал.

Было совершенно ясно, что ему все равно, смотрят на него люди или нет.

Не обращая на него внимания, Гибси поднял два пальца и снова обратил свое внимание на Клэр.

Он начал говорить с ней низким, приглушенным тоном, поэтому я ничего не расслышала.

Все мое внимание было сосредоточено на паре голубых глаз, которые смотрели прямо на меня.

Обычно, когда он ловил на себе мой пристальный взгляд, я отводила его в сторону или опускала лицо, но на этот раз я не могла.

Я чувствовала себя в ловушке.

Полностью и бесповоротно поймана в ловушку его взгляда.

Джонни склонил голову набок, рассматривая меня с любопытством, преждее раздражение в его глазах сменилось чем-то, что я не могла расшифровать.

Мое сердце бешено колотилось о грудную клетку.

А затем он покачал головой и отвел взгляд, его внимание переместилось на часы на левом запястье, нарушая странный, похожий на транс, взгляд вниз.

Прерывисто выдохнув, я отвернулась от него, наклонилась вперед и позволила волосам упасть вперед, чтобы скрыть мои горящие щеки.

— Я ожидаю увидеть помпоны и надпись «Я люблю Гибси» неоновыми буквами на твоих сиськах на следующей неделе, когда будет проходить «Школьный Щит», — это все, что мне удалось услышать от Гибси, прежде чем он помахал нам рукой и побежал прочь.

— Извини за него, — сказала Клэр, переводя взгляд с моего лица за мою спину. Ее щеки

раскраснелись, глаза блестели. Она потянула за воображаемый пушок на своем школьном джемпере, прежде чем добавить, — Он немного странный.

— Ты ему очень нравишься, — заявила я, благодарная за то, что она отвлекла меня от моих мыслей.

— Джерарду нравятся все, — ответила она с тяжелым вздохом. — Ну, все у кого есть вагина.

— Я не знаю, Клэр. Похоже, ты ему действительно нравишься, — начала я говорить, но она быстро оборвала меня.

— Ну, я знаю, Шэн, — сказала она, щеки все еще пылали. — Он игрок. Полный гребаный игрок. Он зациклен на чем угодно в юбке, — добавила она. — Они все так делают.

— Они?

— Парни из команды по регби, — объяснила она. — За исключением Хьюи — и, возможно, Патрика.

— О, — я сморщила нос.

— Да, о, — ответила Клэр, поморщившись. — И единственная причина, по которой Джерард ведет себя так со мной, это потому, что я младшая сестра Хьюи, и он знает, что не может меня заполучить. — Вздохнув, она добавила: — Для него это безобидная игра во флирт, которая ничего не значит.

— А как насчет тебя? — Спросила я мягким тоном, — тебе какое дело?

Клэр несколько секунд прикусывала нижнюю губу, прежде чем прошептать:

— Мучение.

Это было все разъяснение, в котором я нуждалась, чтобы подтвердить свои подозрения.

Клэр нравится Джерард — Гибси — или как там его звали.

В тот момент, учитывая недавний всплеск гормонов, разрушающих мою репродуктивную систему, вызванный появлением в моей жизни Джонни Кавана, я могла относиться к своей подруге самым фундаментальным образом.

— Мальчики с красивыми глазами и большими мышцами все портят для девочек, — фыркнула Клэр.

— Да, — слабо согласилась я. — Конечно.

— Какие мы? — Клэр без особого энтузиазма усмехнулась. — Обоим нравится худшее, что может быть для нас.

— Я? — я покачала головой и перешла в режим отрицания. — Мне никто не нравится.

— Да, точно, — усмехнулась Клэр. — Даже не пытайся притворяться, маленькая мисс румянец. Я вижу, как ты смотришь на него.

— Клэр, — я покачала головой и вздохнула. — Ты все выдумываешь.

— О, смотри, — выдохнула она, указывая мне за спину. — Джонни идет сюда.

— Ч — что? — пораженная, я обернулась и обнаружила, что она лжет.

— Ха, — хихикнула Клэр. — Я так и знала.

— Не смешно, — пробормотала я, хлопывая себя по горящим щекам.

— Не волнуйся, Шэн, — ответила она, понимающе улыбаясь. — Твой секрет в безопасности со мной.

Глава 7. Полуночная синева

Джонни

У Шэннон Линч были глаза цвета полуночной синевы, которые не выходили из моей головы.

По крайней мере, это самое близкое сравнение, которое получилось найти среди бесчисленных поисковых запросов в Интернете.

Поиск по цветным таблицам сбивал с толку, но не так, как мой испорченный мозг, который, казалось, как заезженная пластинка, завис на повторе.

Любимый трек моего мозга: Шэннон *как река* с великолепными голубыми глазами, лицом ангела и беспокойным прошлым.

После прочтения ее досье мне потребовалось несколько дней, чтобы переварить содержимое, и еще несколько, прежде чем я нашел в себе силы не ехать в ОШБ и не выбивать дерьмо из хулиганов.

Всю первую неделю после рождественских каникул я беспокоился за девочку, ожидая, вернется ли она в школу завтра.

К тому времени, когда наступила пятница, мой уровень беспокойства был выше крыши, а она так и не вернулась.

Это так беспокоило меня, так что я зашел в офис мистера Туоми, чтобы зарегистрироваться.

Именно там я узнал, что фактически нанес девушке немилосердное сотрясение мозга и что она была дома на постельном режиме до конца недели.

Когда Шэннон вернулась в школу в следующий понедельник, меня вызвали прямо в офис, где сразу же встретили мистер Туоми, мисс Найан, староста третьего года, мистер Кроули, мой староста года, и инкубатор людей, которым была миссис Линч.

Там мне объяснили, что, хотя они знают, что мои действия на поле были случайными, было бы лучше, если бы я держался от нее подальше, чтобы избежать любых будущих инцидентов.

Ее мать также вручила мне пластиковый пакет с моей футболкой внутри, а также пробормотала извинения за то, что толкнула меня в коридоре в тот день — очевидно, пытаясь прикрыть свою задницу за то, что подняла руки на ученика — и проговорила еще одно строгое предупреждение держаться подальше от ее дочери.

Взбешенный тем, что меня загнали в угол из-за дурацкого и ненужного вмешательства — не говоря уже о том, что со мной обошлись как со злодеем за простую ошибку, — я ответил резким: «Никаких гребаных проблем», прежде чем взять свою футболку и вернуться в класс с твердым намерением сделать именно это.

Мне не нужны были такие проблемы в моей жизни.

Мне не нужна была угроза отстранения, нависшая над моей головой. Это спутало мои планы, и не было девушки, ради которой стоило бы подвергать свое будущее опасности.

Следуя правилам, больше ради себя, чем ради нее, я остался в стороне.

Я не разговаривал с ней и не подходил, когда видел ее между уроками или в обеденном зале во время перерыва.

Я держался подальше от этой девушки и осложнений, которые, казалось, следовали за ней.

Но как бы я ни был зол, я все равно высматривал ее в коридорах.

Назовите это чрезмерной защитой уязвимой девочки или назовите это как-нибудь по-другому, но я держал ухо востро, когда дело касалось Шэннон Линч, и закрывал все дерьмо, которое могло стать проблемой, следя за тем, чтобы у нее был плавный переход в Томмен.

Однако через пару дней быстро стало ясно, что ей не нужна ничья помощь.

Шэннон нравилось в колледже Томмен.

Учителям она нравилась.

Она нравилась ученикам.

Мне чертовски нравилась.

В этом и была проблема.

Кроме того, у нее были свои маленькие телохранители в виде двух блондинок, которые, казалось, всегда сопровождали ее, куда бы она ни пошла.

Я узнал в одной из двух девушек, которая больше защищала, сестру Хьюи Биггса, блуждающего полузащитника нашей команды и одного из моих самых близких друзей.

Другая блондинка была подружкой Пирса О Нила, другого моего товарища по команде.

Я не мог вспомнить имя девушки Пирса, только помнил, какой чертовски злобной она могла быть со своим языком, и что любой парень в здравом уме должен держаться подальше.

Погрузившись в свою рутину, я попытался игнорировать и забыть о Шэннон, решив сосредоточиться на игре и безразлично реагировать на все отвлекающие факторы вокруг меня — киска была самым опасным видом отвлечения.

Я действительно чертовски старался.

Но потом один из парней упоминал ее в разговоре, или она проходила мимо меня в школьном коридоре, и я возвращался к исходной точке.

Я не мог этого понять и старался не слишком задумываться об этом.

Но это не помешало ей всплывать в каждом разговоре, в котором я участвовал с момента ее прибытия в Томмен.

Парни были придурками, и возраст для большинства из них ничего не значил.

Слишком, блять, много идиотов на моем курсе говорили о ней, думали о ней и строили о ней разговоры, и это сводило меня с ума.

Например, на прошлой неделе я действительно высказал свое разочарование, сказав шокированному столу одноклассников, чтобы они заткнулись, ведь ей всего пятнадцать.

Для них не имело значения, что она была только на третьем курсе, и меня беспокоило, что это имело значение для меня, когда на самом деле не должно было.

Многие третьекурсники тусовались с людьми с четвертого, пятого и, черт возьми, даже с некоторыми шестикурсниками.

Не я.

Никогда я.

В отличие от остальных парней, у которых не было проблем с тем, чтобы трахаться с девушками помоложе, я полностью осознавал возможные последствия.

Я выслушал более чем приличную долю лекций от тренеров и бывших профессионалов о катастрофических последствиях, связанных с тем, что трахаешься не с той девушкой.

И хотя я не особенно гордился своим поведением по отношению к девочкам на протяжении многих лет, все равно подвел черту под всеми, кто моложе меня.

Я знал, что это делало меня лицемером, учитывая, что я был более чем готов встречаться с девушками старше меня, но я должен был быть в безопасности, черт возьми. У меня была мечта и четкое видение того, что мне нужно было сделать, чтобы ее достичь. Связываться с маленькими девочками было опасно.

Вот почему эта конкретная девушка так меня бесила.

В ту минуту, когда я увидел ее, что-то сильно ударило в груди.

Что-то незнакомое и сбивающее с толку.

Прошло больше месяца, а я также не мог прийти в себя.

Наступил февраль, а я все еще молча был одержим Шэннон *как река*.

Мне это не понравилось, и она понравилась мне еще меньше за то, что была единственной причиной моей неуверенности.

Это не имело смысла.

Она была крошечной девочкой — одни конечности и кости. У нее не было никаких изгибов, и я сомневался, что она даже носила лифчик, если быть честным с самим собой.

Видите?

Слишком молода.

Слишком чертовски *молода*.

Но это не помешало мне искать ее в толпе.

И это не помешало мне смотреть, когда я нашел ее.

Чем больше пытался заблокировать ее, тем больше искал.

Пока я не стал бегать взглядом в поисках нее между каждым гребаным уроком.

Иногда я замечал, что она смотрит на меня в ответ.

Она всегда бросала на меня этот ослепительный в свете фар взгляд, прежде чем спрятать лицо.

Я не был уверен, что с этим делать.

Я полностью признал, что у меня была иррациональная реакция на девушку.

Это было *ненормально*.

Проблема заключалась в том, что я никак не мог взять себя в руки.

Я не мог отключить свой мозг.

Белла являлась еще одной проблемой для меня.

Ее тошнило от того, что она называла «быть ограбленной», и пару недель назад она написала мне, чтобы провести время и разобраться *по поводу нашей разлуки*.

Я знал, что должен был что-то чувствовать по этому поводу — я спал с девушкой почти восемь месяцев, — но все, что я чувствовал, скорее приравнивалось к опустошению.

Там не было никакой связи, и я устал чувствовать себя использованным.

Это не было похоже на то, что мы встретились, чтобы поболтать или сходить в кино или что — то в этом роде.

Она не хотела этого от меня.

Даже когда я предлагал.

Конечно, не было никаких чувств, и я никогда не был заинтересован в отношениях с ней, но после того, как я провел шесть из восьми месяцев со своим членом внутри нее, я был не против угостить девушку ужином или сводить ее в гребаный фильм.

Я предлагал много раз, и она отклоняла каждый из них.

Потому что это было *недостаточно публично*.

Потому что Белла хотела меня только тогда, когда я был на виду в пабе или в колледже,

где она могла показать меня всем своим друзьям, как будто я был каким-то ценным гребаным быком.

Белла сообщила мне через текстовое сообщение, что она перешла к Кормаку Райану с шестого курса.

Я уже некоторое время наполовину подозревал, что между ними что-то происходит, потому что он вел себя чертовски подозрительно рядом со мной.

Кормак получил вызов из Академии летом. Он был на нескольких занятиях с молодежью и участвовал в некоторых испытаниях.

До сих пор Кормаку не удавалось получить постоянный контракт, и я не ждал этого парня, затаив дыхание.

Это не я был злобным придурком.

Просто излагаю факты.

Он был неплохим защитником, но ему нужно было проявить серьезную магию, если он хотел попасть на главную карту с клубом.

Если он сделал это, молодец.

Если он не сделал это, мне было насрать.

Кормак был на год старше меня, так что мы никогда не были друзьями, но, играя в одной команде последние пять лет, я ожидал немного большей лояльности.

И если бы Белла хотела вызвать у меня реакцию, трахнув моего товарища по команде, она была бы очень разочарована, потому что я никогда не доставил бы ей такого удовольствия.

Было больно? Да.

Чувствовал ли я себя преданным? Конечно.

Означало ли это, что я хотел ее вернуть? Черт возьми, нет.

Потому что я не мог справиться с лжецами, и это то, кем она была. Я также плохо справлялся с играми разума, а это было именно тем, что она пыталась провернуть.

Порвать со мной, уйти с моим товарищем по команде, а затем развернуться, заполнить мой почтовый ящик и сказать, что она хочет, чтобы я вернулся, был ярким примером игр, в которые эта девушка любила играть.

Чего она не смогла понять, так это того, что не имело значения, сколько игр она пыталась сыграть или сколько раз она обещала отсосать мне.

Пути назад не было.

Не для меня.

Может быть, я был мертв внутри, как предположила Белла в миллионах текстовых сообщений, которые она отправила мне после того, как я отклонил ее предложения разобраться.

Я так не думал.

У меня *были* чувства.

Я заботился о вещах.

Только не лжецы.

— Я должен сделать признание, — объявил Гибси во время тренировки в среду.

Мы были на двадцать девятом из тридцати сказанных кругов поля, и он начал слабеть. На самом деле, я был на своем двадцать девятом круге.

Остальные члены команды были на четырнадцатом.

Гибси вообще находился пока на восьмом, и его отставание началось на четвертом круге. Теперь он напоминал парня, вывалившегося из ночного клуба в три часа ночи с животом, полным намешанных коктейлей.

Ему, как и остальным, нужно было собраться, потому что на следующей неделе у нас была игра, и я не собирался загонять себя в угол, если остальная команда также не была предана делу.

У этих придурков было десять дней, чтобы собрать свое дерьмо.

— Ты слушаешь? — задыхаясь, прорычал Гибси, хватаясь за мое плечо в надежде, что я помогу его ленивой заднице. — Потому что это серьезно.

— Я слушаю, — сказал я ему, делая глоток воздуха и медленно выдыхая его, — Признавайся.

— У меня безумное желание пнуть тебя по яйцам, — Гибси прерывисто выдохнул, прежде чем закончил, — И сломать то, что там еще осталось.

— Какого хрена? — стряхнув его мускулистую руку со своего плеча в сотый раз, я сменил позу, пятясь назад, чтобы посмотреть на ублюдка. — Почему?

— Потому что ты урод природы, Кав, — задыхаясь, сказал он, волочась за мной. — Ни за что на свете ни один парень в твоём положении, — он указал на меня пальцем, а затем наклонился вперед, прижимая руки к затылку, — со сломанным членом не сможет бежать так долго, не упав замертво, — застонав, он продолжил, — мой член в идеальном рабочем состоянии, и он, блядь, плачет от напряжения, Джонни! *Плачет!* И мои яйца впали в спячку, вернувшись в положение, предшествующее половому созреванию.

— Мой член не сломан, мудака, — прорычал я, оглядываясь, не услышал ли нас кто-нибудь.

К счастью, остальная часть команды была на другой стороне поля.

— Я хочу это сфотографировать, — прохрипел он. — Чтобы я мог показать тренеру и притвориться, что это мое. Он больше никогда не заставит меня бегать.

— Продолжай говорить об этом, и тебе не понадобится фотография, чтобы показать тренеру, — отрезал я, — Я отрежу твой член, и ты сможешь передать его ему вместо простого фото.

— Все еще слишком рано для шуток? — Гибси поморщился

Я натянуто кивнул, а затем развернулся, возвращая прежний темп, приближаясь к финишной черте.

— Извини, парень, — задыхаясь, сказал он, возвращаясь к хромающему бегу рядом со мной. — Просто неестественно двигаться с такой скоростью, когда ты ранен.

— Ты действительно думаешь, что это легко для меня?

Если он действительно так считает, то является чертовски сумасшедшим.

У меня была «скорость», потому что я провел большую часть своего детства и все подростковые годы, работая над телом.

Пока Гибси и парни играли в «Стучать и убежать» и «Бутылочку», я был на поле.

Когда они гонялись за девушками, я бегал за успехом.

Регби было моей жизнью.

Это *все*, что у меня было.

Но трудоемкий темп, который я поддерживал сегодня, был настолько далек от моего обычного стандарта, что выглядело даже жалко.

Я был вялым, и единственная причина, по которой это не было заметно, заключалась в

том, что школьный уровень намного ниже.

Если бы я так тащил свою задницу в Академии, где я играл вместе с лучшими игроками страны, то мне бы немедленно указали на это.

Мое тело горело, и я двигался по чистой воле.

Все болело до такой степени, что мне приходилось дышать через нос, чтобы меня не вырвало. Я бы заплатил за это усилие бессонной ночью, корчась в агонии, полудюжиной обезболивающих и обжигающе горячей ванной с английской солью.

Но я не мог остановиться.

Я, блядь, отказался сдаваться.

Если бы я дал тренеру Малкахи хоть малейший намек на то, что я не на высоте, он позвонил бы руководителям Академии.

И если он позвонил в Академию, значит я облажался.

Немного замедлил темп, дойдя до конечной зоны, пройдя ее, сохраняя мышцы в расслабленном и подвижном состоянии.

Если бы я остановился, меня бы хватил удар, и я намеревался сделать это в уединении салона своей машины.

Подобрав с земли бутылку воды, несколько минут я ходил по боковой линии как сумасшедший, отчаянно пытаюсь избавиться от боли.

Я не решился выполнить растяжку после бега.

Я не был *таким уж* мазохистом.

Когда мой сердечный ритм пришел в норму, я подождал, пока тренер даст мне добро на досрочный уход, а затем вернулся в раздевалку, выполнив свою работу на день.

Я и не подозревал, что Гибси шел за мной по тропинке, пока не услышал, как он издал оглушительный волчий свист.

— Ты хорошо выглядишь, медвежонок Клэр!

Не пересилив любопытство, я проследил за его взглядом только для того, чтобы обнаружить двух знакомо выглядящих блондинок, сгрудившихся под навесом возле научного корпуса.

Одна из упомянутых девочек хмуро смотрела на нас, указывая средним пальцем на моего лучшего друга.

— Снова смотришь, как я тренируюсь? — Гибси крикнул через двор. — Ты знаешь, я люблю, когда ты так делаешь.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы узнать в длинноногой блондинке младшую сестру Хьюи Биггса.

— Что это было? — Клэр ответила, прикрыв ухо рукой. — Я тебя не слышу.

— Пойдем со мной!

— Заткнись, Джерард!

— Ты знаешь, что хочешь, — засмеялся Гибси, помахав ей пальцами в знак приветствия. — Моя маленькая кареглазая девочка.

— Не делай этого, Джерард! — Лицо Клэр стало ярко-красным. — Не смей петть это.

Гибс прервал ее стихом Вана Моррисона.

— Я ненавижу тебя, Джерард Гибсон! — Клэр зашипела, когда он закончил петть ей серенаду в стиле сумасшедшей вороны.

— И я тоже тебя люблю, — засмеялся он, прежде чем обратить свое внимание на меня и подавить стон. — Иисус Христос, — простонал он так, что только я мог его услышать. —

Клянусь богом, парень, эта девушка сводит меня с ума.

— Ты уже сумасшедший, — напомнил я ему. — Тебе не нужна ничья помощь с этим.

— Посмотри на нее, Джонни, — простонал он, игнорируя мой выпад. — Посмотри, какая красивая эта девушка. Боже, это может быть из-за волос солнечного цвета, но я клянусь, она светится.

— Даже не думай об этом, — вот слова, которые слетели с моих губ.

— Я не буду — пока, — ответил Гибс, его глаза загорелись озорством. — Но у меня такое чувство, что я собираюсь жениться на ней.

Его комментарий остановил меня.

— *Что?*

Это было слишком странно.

Даже для него.

— При условии, что мы оба переживем нашу молодость без случайных детей, — добавил он задумчиво. — И ее брат не отрежет мне член, конечно.

— Клэр на третьем курсе, — невозмутимо ответил я. — И она младшая сестра твоего товарища по команде. Что, черт возьми, с тобой не так, Гибс?

— Я говорил, что собираюсь жениться на ней сегодня? — Гибси парировал. — Нет, ублюдок, я этого не делал, так что прочисти уши. Я имел в виду, когда я буду чертовски стар и закончу сеять свой дикий овес.

— Старый, как черт? — я уставился на него. — Сеешь свой дикий *овес*?

— Да, — он пожал плечами. — Знаешь, лет тридцать или около того.

Я закатил глаза.

— Да, хорошо, слово мудрецу, Гибс: собери этот дикий овес, пока ты его сеешь. И держи их подальше от таких девочек, как эта.

— Эй, не смотри на меня так осуждающе, — усмехнулся Гибси. — Я всегда собираю свое дерьмо. И нет ничего плохого в том, что она мне нравится. Это у тебя фобия к девочкам твоего возраста, парень, а не у меня.

Осознавая, что у нас был этот крайне запутанный разговор посреди двора, я огляделся, чтобы посмотреть, не подслушивает ли кто-нибудь.

Гибси не был самым ярким карандашом в коробке, но я бы почувствовал себя чертовски обделенным, если бы Хьюи услышал, как он так говорит о его младшей сестре, и убил парня.

Именно в этот момент мой взгляд упал на миниатюрную брюнетку, нагруженную охапкой книг, которая сбежала по ступенькам научного корпуса и поспешила к блондинкам.

Внезапный прилив чего-то наполнил мою грудь, когда я узнал в брюнетке Шэннон.

Черт возьми, почему она должна была так выглядеть?

Почему каждая деталь этой крошечной гребаной девочки кричала мне?

Это было несправедливо.

На самом деле, честно говоря, это было совершенно *жестoko*.

Для меня не имело никакого смысла находить ее привлекательной.

Она была совсем не похожа на девушек, с которыми я обычно трахался.

Мне нравились изгибы.

Я любил сиськи.

И я был помешан на большой заднице.

У нее не было ничего из вышперечисленного.

Но у нее были ноги.

И волосы.

И улыбка.

И эти чертовы полуночные глаза — я не думал, что это подходящее слово для описания цвета.

Их следовало назвать душевно-голубыми, потому что они были чертовски глубокими и засасывали человека прямо в...

А потом она споткнулась и уронила свои книги.

Они рассыпались по земле, и Шэннон наклонилась, чтобы поднять их, из-за чего ее юбка задралась слишком высоко.

Два гладких, бледных бедра заполнили мое поле зрения, вызвав волну красных флажков, вспыхнувших в моем мозгу, и волну жара, пробежавшую по телу.

— Вот дерьмо, — пробормотал я себе под нос, застигнутый врасплох как ее видом, так и взрывной реакцией моего тела.

Опустив взгляд, я сделал несколько успокаивающих вдохов, отчаянно пытаюсь восстановить контроль над своим проблемным членом.

— Что случилось? — спросил Гибси, оглядываясь вокруг в поисках источника моего очевидного дискомфорта.

— Ничего, — пробормотал я, раздраженно проводя рукой по волосам. — Поехали.

Гибси, заметив мою очевидную *проблему*, откинул голову назад от моей реакции и залился смехом.

— У тебя встал... черт возьми, у тебя *встал!* — выдавил он сквозь приступы смеха. — И ты краснеешь! — Он хлопнул меня по плечу и громко фыркнул. — Ах, парень, мне это нравится.

— Это не моя вина, — прорычал я, с грохотом направляясь в сторону раздевалок, шагая, как гребаный ковбой со стразами. — В наши дни я не могу это контролировать.

Ворвавшись в раздевалку, я снял с себя одежду и направился напрямик в душ с намерением выжечь боль и дискомфорт из своего организма.

Это не сработало.

Мое тело все еще испытывало мучительную боль, и я все еще демонстрировал солидные три четверти.

Опустив голову, я уставился на нижнюю половину своего тела и обдумал возможные варианты.

Но я не мог этого сделать.

Я не мог дотронуться до собственного чертова члена.

Я был слишком напуган.

Яркие воспоминания о той ужасной поездке в отделение неотложной помощи и ужасных предупреждениях, которые врачи дали мне на Рождество, официально вскружили мне голову.

Господи, я находился в ужасном состоянии.

Прислонившись лбом к кафельной стене, я позволил обжигающей воде омыть меня, пока ждал, казалось, целую вечность, чтобы проблема разрешилась сама собой, кусая костяшки пальцев, чтобы скрыть свои стоны боли.

Что ж, если раньше не было ясно, что мне нужно держаться на расстоянии, то теперь это стало понятно.

Я *должен* держаться подальше от этой девушки.

Боже...

— Чувствуешь себя лучше? — Гибси хихикнул, когда я, наконец, вернулся в раздевалку с полотенцем вокруг талии.

Слава богу, мы все еще были здесь одни, так как остальная часть команды догоняла нас на кругах.

Проигнорировав колкость, я повернулся к нему спиной и уронил полотенце.

До операции я бы не задумывался дважды о том, чтобы ходить голым перед кем-либо.

Теперь не так много.

Потому что, помимо необходимости скрывать свою проблему, я был застенчив.

Это было еще одно новое и неприятное чувство.

Я всегда гордился своим телом. Я был благословлен естественной сохранностью мышц и физической силой, и заплатил за каждый кубик пресса на животе изнурительным режимом тренировок.

Я чертовски усердно работал, чтобы поддерживать себя в отличной физической форме, но фиолетовые шары, опухший мешок и кровотокающий шрам — это не то, что я хотел, чтобы кто-нибудь видел.

Даже я сам.

Вот почему не смотрел вниз, когда натягивал пару чистых спортивных штанов.

В моем нынешнем состоянии безумной паники отрицание было рекой в Египте, и если бы я просто продолжал подключаться, стало бы лучше, потому что альтернативы не было.

Сдаваться было не вариант.

Больше свободного времени *не* вариант.

Пропустить летнюю кампанию в лиге до 20 лет *не* вариант.

Потерять место в стартовом составе из-за слабости — это, блять, *не* вариант.

Играть и убивать было моим *единственным* вариантом, потому что я отказался разбиться и сгореть в семнадцать лет.

— Ты в порядке, Джонни? — спросил Гибси, нарушая установившееся молчание.

В этот раз его тон был серьезным, поэтому я ответил коротким кивком.

— Готов уже поговорить об этом?

— Поговорить о чем?

— Что бы это ни было, черт возьми, оно сводит тебя с ума с тех пор, как мы вернулись с рождественских каникул.

— Меня ничего не беспокоит, — ответил я, натягивая школьные брюки на бедра. Я застегнул ремень и потянулся за рубашкой.

— Чушь собачья, — возразил он.

— Я прекрасен, — добавил я, быстро защелкивая пуговицы на месте.

— Ты был как медведь с большой головой с тех пор, как вернулся в школу после Рождества, — проворчал он. — И не говори мне, будто это из-за твоей операции, потому что я знаю, существует что-то еще...

Тут зазвонил мой телефон, отвлекая нас обоих.

Сунув руку в сумку, я вытащил его, проверил экран, а затем подавил желание швырнуть его в стену.

— Чертова Белла, — проворчал я, отменяя звонок и бросая телефон обратно в сумку.

— Что там происходит? — Гибси поморщился.

— Ничего, — ответил я. — С этим покончено.

— Белла знает это?

— Она должна, — ответил я категорически. — Она та, кто положил этому конец.

— Да?

— Ага, — ущипнув себя за переносицу, я сделал успокаивающий вдох, прежде чем добавить:

— Сейчас она трахается с Кормаком Райаном.

— И ты не против этого?

— Мне похуй, если говорить честно, я испытываю больше облегчение, чем что-либо другое.

Гибси покачал головой.

— Ты уверен? Ты долго с ней возился.

— Я закончил давным-давно, Гибс, — признался я. — Поверь мне, парень, все, что я хочу, чтобы она сделала — оставила меня в покое.

— Что ж, если это правда, то это лучшая новость, которую я слышал за весь год, — заявил Гибси. — Потому что я, честное слово, не могу переваривать эту девушку. Она чертовски опасная женщина. Я немного боялся, что в конечном итоге она забеременеет от тебя, и мы застрянем с ней на всю жизнь.

— Это невозможно, — сказал я ему, подавляя дрожь. — Я всегда заворачиваю свое дерьмо.

— Она из тех, кто любит иголку в презервативе, парень, — парировал Гибси. — И ты — сияющий маяк света для этих девочек — с огромной неоновой вывеской евро, висящей над твоей головой.

— Я предохраняюсь, — выпалил я в ответ. — Всегда.

— Каждый раз?

— Почему ты спрашиваешь меня о моем сексуальном здоровье? — Я невозмутим.

Гибси поморщился.

— Потому что она грязная.

— Джибс, ты не должен так говорить о девушке, — предупредил я. — Это совсем правильно.

— Я не говорю это о какой-то девушке. — он пожал плечами, — Я говорю это о той девушке.

— Ну, я в порядке, — проговорил я. — Я сдал анализы в прошлом месяце, и я чист, как стеклышко.

— Слава богу, — он вздохнул с облегчением. — Потому что она...

— Мы можем больше не говорить о ней? — я прервал друга, чувствуя отвращение при мысли о ней. — Я устал слышать о ней, Гибс.

— Хорошо, но позволь мне задать тебе еще один вопрос, — ответил он. — Только один, и я оставляю данную тему.

Я устало вздохнул и подождал, пока он заговорит, зная, что не имеет значения, согласен я или нет.

Прочистив горло, он спросил:

— Ты рад, что Белла прекратила то, что вы двое, черт возьми, называете тем делом, которое делали, потому что ты устал от Беллы? — Он несколько мгновений изучал мое лицо, прежде чем добавить: — Или потому, что тебе нравится другая девушка?

Его вопрос заставил меня сделать паузу на середине кнопки.

— Другая девушка?

— Да, девушка.

— Какая девушка? — спросил я, притворяясь непонимающим.

— Чертова девчонка, Джонни, — прорычал Гибси, вскидывая руки. — Та, которую ты нокаутировал. Та, за которую я снял приставания с Ди, чтобы получить ее досье. Та, с которой ты целыми днями обмениваешься сентиментальными взглядами в школе.

— Сентиментальные взгляды? — натянув джемпер на живот, я натянул туфли. — Что, черт возьми, такое *сентиментальные взгляды*?

— Взгляды с замиранием, — огрызнулся Гибси, теперь раздраженный. — Тлеющие взгляды. Трахни меня взгляды. Я хочу съесть твою киску взгляды, — он покачал головой и потянулся за баночкой дезодоранта из своей сумки. — Называй их как хочется.

— Ты в ударе, Гибс, — объявил я, решив отклониться от темы. — Seriously, чувак, иногда я действительно беспокоюсь о том, что происходит в твоей голове.

— С моей головой все в порядке, Кав. Это у тебя так дерьмово дергается глаз, когда эта девчонка где-то рядом, — он бросил мне дезодорант, и я поймал его в воздухе. — Не думай, будто я не понял, что там происходит.

— Не понимаю, о чем ты говоришь, парень. — я залез под рубашку и обрызгал свои подмышки. — Мои глаза в идеальном рабочем состоянии.

— Твой член тоже в идеальном рабочем состоянии, — парировал, стягивая свой школьный джемпер через голову и продолжая, — когда эта девушка рядом.

Я не торопился отвечать ему по двум причинам.

Во-первых, я не хотел реагировать инстинктивно и выставлять себя напоказ.

Во-вторых, я понятия не имел, что сказать.

Сохраняя молчание, я сосредоточился на завязывании шнурков.

— Не собираешься мне отвечать? — спросил Гибси, ухмыляясь.

— Мне нечего сказать, — отрезал я, слишком сильно сосредоточившись на создании идеального узла. — Я не хочу говорить о ней.

— Почему нет? — он надавил.

— Потому что я вполне уверен, Гибс.

— Потому что она тебе нравится, — заявил Гибси.

— Потому что она не обсуждается, — огрызнулся я.

— Потому что она тебе действительно нравится, — поправил он. — Потому что ты хочешь ее.

Я бросил на него злобный взгляд, а затем вернулся к разглядыванию своих ботинок.

— Я бы хотел, чтобы ты просто признал это, парень, — пробормотал Гибси.

— А я бы хотел, чтобы ты не лез не в свое гребаное дело, — саркастически предложил я. — Это становится устаревшим, парень. Ты не слышишь, чтобы я насмеялся над твоей личной жизнью.

В ту минуту, когда слова слетели с моих губ, и я увидел, как загорелись его глаза, я пожалел о них.

— Ах, так ты подумываешь о том, чтобы переспать с ней? — взволнованно потребовал ответа Гибси, в глазах плясали огоньки восторга. — Я, блять, так и знал.

— Нет, — поправил я. — Я не думаю об этом.

— Почему нет?

— Потому что.

— *Потому что?*

— Потому что я, блять, не думаю, ясно? — рывкнул я. — Теперь брось говорить об этом.

— Ты смешон, — объявил Гибси, бросая все свое барахло обратно в сумку со снаряжением. — Ты все переосмысливаешь, чувак. Ты говоришь о том, что у меня в голове полный бардак, но у тебя, должно быть, чертовски ужасное место — со всем тем чрезмерным анализом, который ты делаешь.

— Оставь это, Гибс.

— Я просто не понимаю, в чем проблема, — продолжал он. — Я видел, как ты смотришь на нее. Тебе явно нравится Шэрон.

— Ее зовут не Шэрон, — я бросил на него злобный взгляд, а затем вернулась к сбору своей сумки. — Она Шэннон, и она мне не нравится.

— Это был вопрос с подвохом, — он ухмыльнулся. — И ты прошел его с честью.

Я хмыкнул в ответ.

Его ухмылка стала еще шире, когда он сказал:

— И да, ты знаешь.

— Нет, я, блять, не знаю.

— Ну, я думаю, тебе стоит пригласить эту девушку Шэннон на свидание, — добавил Гибси, закидывая сумку на плечо. — Что самое худшее может случиться?

— Меня могут арестовать, — саркастически предположил я. — Ей пятнадцать.

— Нет, тебя не могут арестовать, — усмехнулся он, закатывая глаза. — Тебе семнадцать, идиот, а не семьдесят!

— Еще три месяца, — я натянул джемпер и встал. — И кроме того, этот разговор не имеет отношения к делу, — взяв свою сумку со снаряжением, я перекинул ее через плечо, — Я не приглашаю девушек на свидания, у меня нет времени на это, — Я подошел к двери раздевалки и распахнул ее.

— Девушка Хьюи, Кэти, на год младше его, — продолжал развивать тему Гибси, выходя из раздевалки. — А Пирс О'Нил учится на нашем курсе, и он уже целую вечность крутится со стервозной подружкой Клэр, которая, кстати, на третьем курсе.

— У Хьюи нет Академии, дышащей ему в затылок, — категорично ответил я, следуя на улицу, — А Пирс О'Нил может дурачиться с кем захочет.

— Расслабься, — Гибси поднял руки. — Все, что я говорю, это то, что не было бы ничего страшного, если бы она тебе понравилась.

— Не надо.

— Естественно испытывать влечение к красивой девушке...

— Прекрати это.

— Никого бы не волновало, если бы ты пригласил ее на свидание.

— Серьезно. Оставь это в покое.

— Она смотрит на тебя в ответ, ты знаешь.

— *Заткнись*, Гибси.

— Я видел, как она это делает.

— *Заткнись*, Гибси.

— В коридорах и...

— *Заткнись на хуй*, Гибси!

— Отлично, — фыркнул он, нахмурившись. — Я не буду говорить.

Я мысленно начал счет в уме до десяти, задаваясь вопросом, как долго Гибси сможет

держат рот на замке, но добрался только до семи, когда он снова начал нести свою словесную чушь.

— Как ты справляешься с эякуляцией?

Я резко повернул к нему голову.

— Прошу прощения?

— Эякуляция, — пояснил Гибси с невозмутимым лицом. — Ты кажешься полным сдерживаемого разочарования. Мне просто интересно, связано ли это с членом. Ты дрожишь, да? Я знаю, что ты выбыл из строя на некоторое время, когда они распилили твой мешок с мячом, но ты в состоянии снова отрываться, не так ли?

— Какого хрена? — я уставился на него. — Эти слова действительно исходят из твоего рта?

Он уставился на меня с выжидающим выражением.

Боже милостивый, он был *серьезен*.

И он ждал, что я ему *отвечу*.

Когда Гибси понял, что я *не собираюсь* ему отвечать, он продолжил болтать.

— О, парень, это было до твоей операции, не так ли? — он бросил на меня сочувственный взгляд. — Ты не кончал месяцами. Неудивительно, что ты все время такой раздражительный, — пробормотал Гибси, озабоченно нахмурившись. — Вот почему у тебя встал, когда твоя единственная Шэннон наклонилась и показала голую задницу. Твой бедный член, должно быть, подумал, что это Рождество. — содрогнувшись, он добавил: — Бедный, бедный ублюдок.

— Я не буду говорить об этом с тобой, — сказал я ему, направляясь в главное здание. — Есть некоторые вещи в жизни, которые мы не разделяем с кем-то, Гибс.

— Ну, подай на меня в суд за то, что я беспокоюсь о своем лучшем друге, — парировал он, ступая рядом со мной. — Давай, Джонни, ты можешь поговорить со мной.

— Я не хочу с тобой разговаривать, — рявкнул я. — Никогда об этом.

— Ты знаешь, насколько пагубным может быть отсутствие освобождения для твоих яиц? — воскликнул Гибси, решив помучить меня еще немного. — Это действительно плохо, Джонни. Я видел видео в Интернете. Это было за пределами беспокойства. Яйца парня просто раздулись до такой степени, что могли взорваться...

— Стоп! — я крикнул. — Пожалуйста, *просто остановись!*

— Отлично. Просто ответь мне на один вопрос, и я оставлю это, — остановив меня, Гибси положил руки мне на плечи, посмотрел мне прямо в глаза и спросил:

— Ты дрожишь себе?

— Иди на хуй! — прошипел я, свирепо глядя на него и толкая в грудь.

— Я *да!* — Гибси зашипел, широко раскрыв глаза. — Три раза в день. Сколько можешь *ты?*

— Да, я это не делаю, — объявил я, отчаянно пытаюсь скрыть свою панику, когда образы высвобождающихся мешков с шариками заплясали у меня в голове.

Развернувшись, зашагал обратно по коридору к выходу.

Я, блять, собирался домой.

Чтобы убежать от абсолютно психически больного, который был моим лучшим другом.

И чтобы проверить мои яйца.

— Лучше выйти, чем войти, друг! — Гибси окликнул меня. — Практика делает совершенным. Дай мне знать, как все пройдет.

Глава 8. Приступ диареи

Шэннон

Суббота была моим любимым днем недели по целому ряду причин.

Во-первых: это был первый день выходных и самый далекий день от понедельника.

Второе: не было школы.

Третье и самое главное: это был день Гэльской Атлетической Ассоциации.

Джоуи, Олли и Тадхг большую часть субботнего дня отсутствовали дома из-за тренировок и матчей.

К счастью, это означало, что мой отец тоже отсутствовал, участвуя в мероприятиях, не связанных с употреблением алкоголя.

Что сделало эту конкретную субботу лучше, чем большинство, так это то, что моего отца не только весь день не было дома вместе с мальчиками, но и он направлялся на мальчишник к своему другу в Уотерфорд сегодня вечером.

Зная это и спросив разрешения у мамы, я согласилась пойти в субботу днем к Клэр домой, чтобы провести время с ней и Лиззи.

К трем часам я закончила все свои дела по дому, которые состояли из уборки дома сверху донизу, стирки полдюжины вещей и приготовления ужина.

И хотя у меня чуть не случился сердечный приступ, когда ее брат Хьюи подъехал к моему дому со своей девушкой, чтобы забрать меня, мне удалось собраться с духом настолько, чтобы забраться на заднее сиденье его машины и воспользоваться услугами такси до их дома.

Весь вечер мы набивали морды нездоровой пищей, смотрели повторы «Холм одного дерева» и сплетничали об абсолютной ерунде.

Это была лучшая суббота, которая у меня была за последние годы.

К семи часам я раздулась от усталости и валялась на кровати Клэр, страдая от перегрузки сахаром и слушая Лиззи, которая бубнит о том, как сильно она презирает Пирса.

— Я не знаю, что я вообще в нем нашла, — ворчала она в сотый раз. — Но что бы это ни было, не стоило давать ему мою визитную карточку.

— Закрой входную дверь! — Клэр завизжала, вскакивая со своего места на моих ногах, чтобы посмотреть на Лиззи. — У тебя был секс с Пирсом?

— Ты не девственница, Лиззи? — у меня отвисла челюсть. — Но тебе всего шестнадцать.

— Не смотри на меня так осуждающе, — проворчала она. — Только потому, что ты никогда не видел члена.

— Я не видела, — предложила Клэр, подняв руку. — Даже кончик.

— Я тоже, — полностью признался я, качая головой. — Я даже никогда не целовалась с мальчиком.

— Это просто грустно, Шэн, — возразила Лиззи.

Я покраснела, как свекла.

— Не будь сукой, — съязвила Клэр. — Расскажи нам об этом.

— Что тут рассказывать? — Лиззи пожала плечами.

— Когда это случилось? — спросила я.

— В четверг.

— И ты не подумала рассказать нам? — Клэр пискнула. — Боже мой, Лиз, мы были с тобой в школе весь день в пятницу, и ты ни разу ни о чем не упомянула!

Лиззи пожала плечами, но ничего не ответила.

Мы с Клэр переглянулись, прежде чем Клэр спросила:

— Где это произошло?

— В его машине.

— Фу, — мы обе застонали от сочувствия.

Ни одна девушка не хотела, чтобы ее первый раз произошел на заднем сиденье машины.

— Где?

— Территория ГАА.

— Фу, — снова сказали мы хором.

— Да, — невозмутимо ответила Лиззи. — И мудрый совет, девочки, не сдавайтесь, — откинувшись на подушку, Лиззи прислонилась спиной к изголовью кровати и взяла свой журнал, прежде чем добавить: — Это больно, это разочаровывает, есть кровь, и парень превращается в полного мудака после этого.

— Он порвал с тобой? — я ахнула.

— Я надеру ему задницу, — прошипела Клэр.

— Нет, — ответила Лиззи. — Но с тех пор он ведет себя очень сдержанно.

— Что за ублюдок, — прорычала Клэр.

— Да, — согласилась Лиззи.

— Было очень больно? — спросила я с любопытством.

— Как будто в твою киску вонзили раскаленную кочергу, — ответила она.

Мы с Клэр вздрогнули от сочувствия.

— Ты в порядке? — спросила я, чувствуя глубокую симпатию к своей подруге. Лиззи была жесткой, как гвоздь, и редко проявляла хоть каплю эмоций, но это было важно для любой девушки.

— Я всегда в порядке, Шэн, — был ее отрывистый ответ.

— Видишь, именно поэтому ничего не происходит в моей области — с содроганием заявила Клэр, плюхнувшись обратно и положив голову мне на ноги. — Я думаю, что умерла, если бы увидела приближающийся ко мне пенис.

— Клэр, — усмехнулась я. — Остановись.

— Она серьезна, — сообщила мне Лиззи. — Она боится буквы П.

— Это правда, — заявила Клэр без малейшего смущения. — Я целовалась только с одним парнем — Джейми Келлехером. На втором курсе мы встречались шесть недель, и когда на школьной дискотеке он попытался засунуть мою руку себе под джинсы, я наорала на него.

— Ты не сделала этого, — выдохнула я.

— О, она это сделала это, — ответила Лиззи. — Была на пределе своих возможностей. Устроила настоящую сцену на дискотеке.

— Я запаниковала, — защищалась Клэр, застенчиво улыбаясь. — Я не хотела трогать его пенис.

— Что случилось?

— Он назвал меня фригидной сукой и порвал со мной прямо там, на танцполе, на глазах

у всей школы, — ответила она.

— Что за подонок, — выплюнула я.

— Все в порядке, — вмещалась Лиззи. — Клэр отомстила ему за это, не так ли?

— Не совсем намеренно, — возразила она.

— О, перестань, — Лиззи закатила глаза. — Ты точно знала, что он сделает, когда пришла к нему плакать.

— Кто? — Я спросила. — Что ты сделала?

Лиззи ухмыльнулась:

— Она побежала к своей тени.

— Кому? — уточнила я, выгнув бровь.

— Гибси, — вставила Лиззи.

— Боже мой, — мои глаза загорелись. — Что он сделал?

— Как ты думаешь, что он сделал? — Лиззи проговорила в ответ. — Он бросился защищать ее честь.

— Он этого не сделал!

— Он сделал, — радостно зашебетала Клэр.

— Он сломал Джейми нос, — добавила Лиззи.

Клэр счастливо вздохнула: — Это было эпично.

— Ты могла бы прийти ко мне, — сказала Лиззи. — Я бы с радостью врезала этому идиоту коленом по яйцам от твоего имени.

Затем дверь спальни Клэр ворвалась внутрь, напугав всех нас троих.

— Боже мой, — взвизгнула Клэр, бросая подушку в высокого светловолосого парня, который вторгся в ее личную жизнь.

— У меня проблема! — объявил Гибси, поймав подушку в воздухе.

— Джерард! — Клэр зашипела, свирепо глядя. — Ты когда-нибудь слышал о стуке?

— У нас нет времени, — ответил он. — Мне нужна твоя помощь, детка.

— Я не твоя детка, — проворчала Клэр и бросила в него еще одну подушку. — Что, если бы я была здесь голой?

— Тогда я умер бы счастливым человеком, — парировал он, когда вторая подушка ударила его в грудь. — Это кот.

— Брайан? — она нахмурилась

— Ты назвал своего кота *Брайаном*? — усмехнулась я.

— Он не мой кот, — ответил Гибси. — Я даже кошек не люблю.

— Тогда чей он? — нахмутив брови, спросила я.

— Моей мамы, он ее гордость и радость, — ответил Гибси, а после повернулся к Клэр и сказал:

— У него был приступ.

— Еще один? — Соскочив с кровати, она поправила пижамные шорты и подошла к нему. — Где?

— Э — э... — смущенно пожав плечами, Гибси указал на дверь.

— Он в моем доме? — Клэр завизжала.

— Почему твоя кошка в ее доме? — Лиззи задала вопрос, который волновал всех.

— Он плохо себя чувствовал, — ответил Гибси. — Я взял его на прогулку.

— Ты вывел свою кошку на прогулку? — Лиззи покачала головой. — Мальчику нужна институционализация.

— Это не так уж странно, — фыркнул он, защищаясь. — Я живу через дорогу.

— Ты надел на него поводок?

— *Очевидно*, — Гибси посмотрел на нее так, словно это была самая глупая вещь, которую он когда-либо слышал. — Как еще я должен был привести его сюда?

Лиззи покачала головой.

— Тогда я остаюсь при своем предыдущем заявлении.

— Ух ты, ты просто невероятная шутница, не так ли? — Гибси саркастически парировал. — Пирсу повезло.

Лиззи в ответ отмахнулась от него.

— Сосредоточься, — рявкнула Клэр, щелкнув пальцами перед лицом Гибси. — Где он сейчас?

— Он в твоей ванной. — Поморщившись, он добавил: — С ним произошел несчастный случай.

— *Что за несчастный случай?* — Клэр зарычала.

— Приступ диареи? — он смущенно пожал плечами.

— Джерард! — Клэр закричала, хлопая его по огромному бицепсу. — Я говорила тебе не приводить его сюда после прошлого раза.

— Я волновался, — простонал он, потирая руку. — Мне жаль. Но ты должна мне помочь.

— Попроси Хьюи помочь тебе, — прорычала она, уперев руки в бедра. — Я устала спасать тебя.

— Я не могу, — простонал он. — Он отвезет Кэти домой и заберет парней, прежде чем мы выйдем.

— Так почему ты все еще здесь? — Лиззи пошутила, листая журнал.

— Эй, — тихо предупредила я, ткнув ее в ребро. — Не будь злой.

— Тьфу! — Клэр зарычала, выходя из комнаты, а Гибси следовала за ней по пятам.

— Этот парень идиот, — пробормотала Лиззи, не отрываясь от своей страницы. — Наша подруга влюблена в первоклассного идиота.

— Он не так уж плох, — ответила я, а затем быстро отступила — Подожди, ты думаешь, Клэр влюблена в Гибси?

Теперь Лиззи посмотрела на меня.

— Разве это не очевидно? — она спросила. — Какая девушка в здравом уме выдержит годы флирта и мучений, если у нее нет к нему серьезных чувств?

— Джерард! — Клэр кричала во всю силу своих легких, отвлекая нас обоих. — Твой кот гадит в мою ванну!

— *Я знаю*, — громко простонал Гибси. — Это так плохо пахнет, и он *не останавливается*.

— Я должна это увидеть, — хихикнула я, слезая с кровати. — Ты идешь?

Лиззи покачала головой.

— Нет. Я видела более чем достаточно их выходок, чтобы мне хватило на всю жизнь, большое спасибо.

Покачав головой, я поспешила из спальни и пересекла лестничную площадку, добравшись до двери в ванную, чтобы увидеть огромного, и я имею в виду серьезно огромного, белоснежного персидского кота, балансирующего на краю семейной ванны Биггс.

Стоя в дверях, я наблюдала за их странным взаимодействием, зажав рот рукой, частично из-за запаха, но в основном потому, что это было так забавно.

— Брайан! — Гибси ревел. — Что, черт возьми, с тобой не так? — Он включил воду и схватил насадку для душа. — Боже, это худшая гребаная вещь, которую я когда-либо нюхал в своей жизни.

— Да, я знаю, Джерард, — прошипела Клэр, прикрывая нос и рот рукой, а другой наливая отбеливатель в ванну. — Знаешь, я тоже это чувствую.

— Он сделал это нарочно, — сказал он ей обвиняющим тоном. — Потому что я выставил его из своей комнаты прошлой ночью. Он наказывает меня.

— Он смотрит на тебя, — сказала она ему.

— Я знаю, — Гибси вздрогнул. — Просто возьми его и отнеси в подсобное помещение.

— Теперь он смотрит *на меня*, — пропищала Клэр, отползая от кота.

— Он пытается запугать тебя, детка, — уговаривал Гибси. — Не смотри ему в глаза.

— Господи, он страшнее, чем мистер Малкахи, — простонала Клэр, съезживаясь за огромным телом Гибси.

— Просто подойди к нему сзади и подхвати, — инструктировал он, держа шланг для душа перед ними, как оружие.

— Держи его лапы подальше от себя — держи его подальше от своего тела и беги.

— Я не заберу его, Джерард, — прошипела Клэр, широко раскрыв глаза. — Он выглядит так, будто в двух секундах от того, чтобы убить меня.

— Я буду защищать тебя, — доблестно поклялся он.

— *Ты его боишься!*

— Хорошо, поддержи это, — проворчал он, передавая моему другу шланг. — Я выставлю этого ублюдка.

— Как ты думаешь, нам следует облить его из шланга? — Спросила Клэр. — У него какашки по всему меху.

— Черт возьми, нет, — воскликнул Гибси. — В прошлый раз, когда я пытался почистить ему задницу, он сильно поцарапал меня.

Я громко рассмеялась.

— Это ни хуя не смешно, Шэннон, — проворчал Гибси, удивив меня тем, что запомнил мое имя. — Мне пришлось сделать прививку от столбняка из-за него.

— Прости, — хихикнула я, зажимая рот рукой. — Я не смеюсь над тобой, обещаю, — усмехнулась я. — Подробнее о ситуации. — Изучая пушистого кота, я добавила: — Он похож на кота из «Инспектора Гаджета».

— Да, ну, он, безусловно, достаточно злой, — ответил Гибси. — Иногда ночью я просыпаюсь, а он на моей кровати, стоит надо мной и смотрит своими злыми маленькими глазками, — он покачал головой. — Им не следовало его кастрировать. С тех пор у него убийственное настроение. Было бы легче жить, если бы бедный ублюдок сохранил свои яйца.

— Продолжай, Джерард, — уговаривала Клэр, подталкивая Гибси к ванне. — Ты можешь это сделать. Я полностью верю в тебя.

— А, черт, ладно! Хорошо! — С вытянутыми руками Гибси крался к коту. — Вот, кис-кис-кис, — уговаривал он, протягивая руку над ванной, чтобы вытащить его. — Хорошая киска... это верно... Я люблю кисок ... правда... Я не причиню тебе вреда — АААААА!

Брайан зарычал и замахнулся лапой на Гибси, которая, в свою очередь, завизжал, как

девчонка, и нырнул за Клэр.

— Плохая гребаная киска, — выдавил он, оттаскивая Клэр от вертящейся кошки, которая шипела и плевалась на них обоих. — Он меня достал? — потребовал он, тыча рукой ей в лицо. — Я чувствую, что он меня поцарапал.

— Я не знаю, — взвизгнула Клэр, отталкивая их обоих в угол ванной. — Но я действительно ненавижу твоего кота, — выдавила она, прижимаясь к его руке.

— Позволь мне помочь, — предложила я, вступая в опасную зону.

Сдерживая смех, я стащила полотенце с поручня и осторожно приблизилась.

— Не делай этого, Шэннон, — предупредил Гибси, когда они с Клэр прижались друг к другу, прячась от кошки. — Он ублюдок с жестокими наклонностями.

— Это неправда, — уговаривала я, присаживаясь на корточки перед ванной, не сводя глаз с потрясающего, хотя и смертельно опасного кота. — Ты ведь не ублюдок, правда, Брайан? — спросила я, протягивая руку и поглаживая Брайана по голове.

Удивительно, но он позволил мне погладить его без суеты.

— Мяу, — прохрипел он, втягивая шерсть.

— Все в порядке, — успокаивала я, нежно поглаживая его. — Ты в порядке.

— Господи Иисусе, — выдохнул Гибси. — Твоя подруга похожа сейчас на шептуна.

— Шэннон, — пропищала Клэр. — Пожалуйста, будь осторожной. Он злобный. Он может отвернуться от тебя в одно мгновение.

— Да, Шэннон, — согласился Гибси. — Будь чертовски осторожной. Он позволяет обнимать себя только моей маме и Каву. Он серьезно опасен.

— Тсс, ребята, не кричите, — предупредила я, когда шерсть Брайана снова встала дыбом. — Вы двое заставляете его нервничать, — объяснила я. — Он чувствует твое беспокойство, и это заставляет его наброситься.

Я сидела там еще несколько минут, просто поглаживая и трогая его морду и уши, пока не протянула руку и не взяла его на руки.

— Хороший мальчик, — ласково ворковала я, прижимая его к груди.

К счастью, я была вознаграждена глубоким мурлыкающим звуком.

Бросив взгляд на Гибси, я спросила:

— Как далеко твой дом?

— Прямо через дорогу, — ответил Гибси.

— Хорошо, — я продолжала гладить Брайана. — Хочешь, я отнесу его к тебе домой?

Он благодарно кивнул.

Я наклонила голову в сторону двери и сказала: — Показывай дорогу.

Гибси нервно выбежал, держась подальше от меня.

Осторожно, чтобы не опрокинуть кота у меня на руках, я последовала за ним из модного дома Биггсов и через улицу к другому впечатляюще выглядящему трехэтажному зданию.

— Ты спаситель, Малышка Шэннон, — объявил Гибси, когда Брайан был надежно спрятан в своем доме. — Seriously.

— Не за что, — ответила я, чувствуя себя застенчиво теперь, когда моя миссия была завершена, и я находилась наедине с практически незнакомым человеком. — В этом не было ничего особенного.

— Это было таковым для меня, — усмехнулся Гибси, запирая входную дверь и засовывая ключ обратно в карман джинсов. — Я собираюсь сегодня вечером выпить по случаю дня рождения, и ты только что спасла мою задницу от появления покрытым

царапинами.

— Это твой день рождения? Что случилось? — спросила я, идя в ногу с ним, когда мы пересекали тихую прямую дорогу обратно к дому Клэр. — Сегодня?

— Это действительно так, — Гибси ухмыльнулся. — Большой один-семь.

— О, что ж, с семнадцатым днем рождения, — ответила я. — Я надеюсь, у вас будет отличная ночь.

— Ах, я всего лишь собираюсь провести несколько тихих вечеров с парнями, — объяснил он, идя по садовой дорожке. — Большие праздники будут в конце мая.

— Что в мае?

— Моему лучшему другу восемнадцать, — сказал он мне, понимающе улыбаясь.

— Ты знаешь его, верно? Джонни Кавана?

— О, — Мое лицо стало ярко-красным при упоминании имени Джонни. — Да, мы встречались.

— К тому времени он получит призыв, — с гордостью добавил Гибси. — Это будет двойной праздник в ту ночь.

Призыв?

Какой призыв?

Я хотела спросить его об этом, но придержала язык, зная, что это не принесет мне никакой пользы.

Мне не нужно было добавлять еще какие-то одержимые обо Джонни мысли в мою и без того забитую Джонни голову.

— Он будет с нами сегодня вечером, — продолжал болтать Гибси, не обращая внимания на то, что я покраснела. — Что само по себе является чертовым чудом, учитывая, что он больше никогда не бывает с нами. — Он открыл входную дверь дома Бигсов и жестом пригласил меня войти первой. — Хьюи на самом деле забирает Кава и Фели после того, как отвезет Кэти домой. — Взглянув на часы, висящие на кухне, он добавил: — Они будут здесь через несколько минут. Ты должна подождать тут и поздороваться с ним, — подмигнув, он добавил, — Держу пари, он был бы рад тебя видеть.

Он дразнил меня?

Я так не думаю

Но он определенно был взволнован.

Я просто не была уверена, было ли это в моих интересах или нет.

В любом случае, я не останусь внизу, чтобы поздороваться с кем-либо.

— Нет, все в порядке, — пробормотала я, чувствуя, как каждая унция крови приливает к моему лицу. — Девочки ждут меня.

— Поступай как знаешь, Малышка Шэннон, — усмехнулся Гибси.

— С днем рождения, — слабо помахав ему рукой, я повернулась, чтобы взбежать по лестнице. — Хорошего вечера.

— Будет сделано, — крикнул он мне вслед.

Мне не нужно было оборачиваться, чтобы увидеть, что он ухмыляется; я слышала это по его голосу.

Глава 9. Вечеринка в честь дня рождения и разбитые стаканы

Джонни

Пабы и бары были искушением, от которого я старался держаться подальше, насколько это было возможно.

С моим графиком тренировок я не мог позволить себе бездельничать, как это делали мои друзья. В моем рационе не было место алкоголю, и я всегда был вялым в течение нескольких дней после вылазки.

Однако сегодня был семнадцатый день рождения Гибси, поэтому после бесконечных телефонных звонков и сообщений я сдался и согласился пойти отпраздновать с ним и некоторыми ребятами из команды в «Бидди»

«Бидди» был нашим местным пристанищем в городе, и, вопреки названию, он был довольно современным, с минимальным количеством кулчи, подпирающими бар.

В течение дня в «Бидди» подавали лучшую еду в городе, а ночью он превращался в центр для молодого поколения.

Я часто ел там, когда моих родителей не было дома. Совладелец и шеф-повар, Лиам, был действительно порядочным парнем, у которого не было проблем с удовлетворением моих диетических потребностей. Я знал, что это было единственное место в городе, куда я мог пойти и где мне гарантированно давали натуральную еду.

Что касается вечеринок, я не пил там достаточно часто, это было больше в стиле Гибси, но когда я это делал, мы гарантированно были качественно обслужены и напивались в говно.

Это была плохая идея, учитывая, что завтра утром у нас обоих был матч в клубе, но Гибси оправдал наше безрассудство, повторив фразу о том, что парню исполняется семнадцать только один раз. Что является правдой.

Проблема заключалась в том, что для меня это было не так просто.

Парни могли бы расслабиться ночью и сойти с ума, если бы захотели.

Никто, кроме их матерей, не осудил бы их утром.

С другой стороны, если бы я облажался, мое имя было бы публично вываляно в грязи, руководители регби занялись бы моим делом, и мое положение в Академии было бы под угрозой.

Что сделало сегодняшний вечер еще хуже по нескольким причинам.

Во-первых, мне было семнадцать, и я поддался безжалостному давлению Гибси, напившись до полупаралитического состояния вместе с ним.

И, во-вторых, Белла была здесь.

Обе эти вещи были очень плохими с возможным катастрофическим концом.

Через несколько минут после моего прибытия в бар «Бидди» стало совершенно ясно, что Кормак не был главным приоритетом Беллы; в ту минуту, как я сел за стол с ребятами, она сразу же бросилась ко мне на колени и с тех пор не уходила.

Я провел большую часть ночи, пытаясь избежать близкого контакта с короткой юбкой, которую она носила, и видом этого кусочка черного кружева между ее бедер всякий раз, когда она наклонялась над столом, чтобы прошептать что-то на ухо одной из своих подруг.

Мне было физически больно.

Не потому, что у меня была какая-то эмоционально заряженная реакция на нее или что-то в этом роде, а потому, что у меня болели яйца.

Дело не в том, что Белла не была привлекательной девушкой.

Надо отдать ей должное, она была, наверное, самой красивой девушкой в баре.

С черными волосами, уложенными в боб, высоким, пышным телом и массивной парой сисек, она была красавицей.

Проблема заключалась в том, что я закончил с ней.

Я пережил это, что бы, черт возьми, между нами ни было, и уже давно.

И я не был заинтересован в том, чтобы вернуться на ринг еще на один раунд.

Казалось, это не имело ни малейшего значения для девочки, потому что она была похожа на собаку с костью.

Я был костью.

Я потерял счет тому, сколько раз ходил в бар на еще один раунд, просто чтобы пересесть на место подальше от нее.

Это не сработало.

Ее задница всегда возвращалась ко мне на колени, и я просто быстрее напивался.

Никакие «нет», «не сегодня» или «никогда больше», казалось, ничего не меняли.

Она не оставляла меня в покое.

Я не хотел смущать или обижать девушку, ведь не был полным придурком. Вот почему продолжал терпеть это дерьмо.

К половине первого у меня кружилась голова; алкоголь в моих венах, смешанный с сильнодействующими лекарствами, которые я все еще принимал, делал меня неуклюжим и нескоординированным.

Радостный момент — мне больше не было больно.

Я ни хрена не чувствовал.

Супер.

— Ты хочешь пойти куда-нибудь еще? — Белла замурлыкала, наклонившись к моему уху. Скользя рукой в вырез моей рубашки, она провела пальцами по моей ключице. — Где-нибудь в более уединенном месте?

— Нет, — покачав головой, я отвел ее руку в сторону — ту, что потихоньку пробиралась по моей руке, — и потянулся за водкой и ред буллом, которые в общем составляли восемь пинт.

Мои движения были неуклюжими, в результате чего напиток пролился через край стакана на колени моих джинсов.

Всю гребаную ночь она пыталась поцеловать меня и погладить, и всю ночь я поворачивал голову и отмахивался от ее блуждающих рук.

Я не был парнем с публичным проявлением любви, и Белла это знала. Она бы не стала так сидеть у меня на коленях в обычную ночь, когда мы были в хороших отношениях, и единственная причина, по которой ее до сих пор не сбросили с моих колен, заключалась в том, что я был чертовски пьян и не хотел случайно уронить ее на пол и нанести ущерб.

Хотя мне это не понравилось.

Пьяный или нет, я не оценил это обидчивое дерьмо.

— Давай, секси. — невозмутимая моими действиями, Белла снова потянулась к воротнику моей рубашки. — Мы всегда могли бы пойти в машину? — предложила она,

щелкая следующей пуговицей.

Должно быть, это была четвертая чертова пуговица, которую ей удалось расстегнуть.

— Нет, Белла, — проворчал я, мои слова звучали невнятно. — Прекрати это делать. — Схватив ее руку, я снял ее со своей рубашки и положил обратно ей на колени. — Я не в настроении.

— Я могу поднять тебе настроение, — поддразнила она, протягивая руку к пряжке моего ремня.

— Остановись, — я схватил ее за руку и крепко положил ей на колени. *Снова.* — Я все еще восстанавливаюсь, и мы закончили.

— О, правда? — она скользнула рукой под мою рубашку, игнорируя часть «мы закончили». — Я могу это изменить.

— Нет, — я убрал ее другую руку от своей промежности, поморщившись от боли, когда она грубо сжала мой член. — Белла, прекрати... — Я сделал паузу, чтобы стряхнуть руку, обвившуюся вокруг моей шеи. — Пожалуйста, просто *остановись*.

Боже, если бы я продолжил прикасаться к ней после того, как она сказала мне остановиться, началась бы война.

Двойные гребаные стандарты.

— Остановиться? — Белла огрызнулась, глядя на меня.

— Да. — Положив ее руку обратно на бедро, я выскользнул из-под нее. — Я устал.

— Ты всегда устаешь, Джонни! — выпалила она. — И ты больше никогда не в настроении.

Интересно, черт возьми, почему, подумал я про себя, но не пошевелился, чтобы ответить ей.

Я был осторожен со своими словами при девушках.

Они могут — и будут — неверно истолкованы в ее пользу.

Каким бы пьяным я ни был, я точно помнил, чему меня учили в Академии, и эта девушка не собиралась меня раздражать.

Не сегодня, Сатана.

Пожав плечами, я обвел затуманенным взглядом наш стол.

Наши друзья смотрели.

Никаких сюрпризов.

Мой взгляд упал на Гибси, и я одарил его своим лучшим взглядом «ты гребаный ублюдок». Его ответная гримаса была извиняющейся.

— Не игнорируй меня, когда я с тобой разговариваю, — потребовала Белла высоким и пронзительным голосом, давая мне понять, даже в моем пьяном состоянии, что она была в худшем состоянии.

— Я не игнорирую тебя, — ответил я, пытаюсь сохранять спокойствие сквозь туман.

— Да, — прошипела она, повысив голос. — Ты игнорируешь!

— Нет, Белла, — я устало вздохнул. — Не игнорирую.

— Отлично, — обхватив мое лицо обеими руками, Белла притянула мое лицо к своему, придвигаясь своим ртом к моему. — Тогда докажи это, — прорычала она, прежде чем прижаться своими губами к моим.

Из-за алкоголя, бегущего по моим венам, мне потребовалось несколько дополнительных секунд, чтобы осознать, что происходит. Ощущение ее языка, скользящего по моим губам, было похоже на обливание водой, с последующим резким охлаждением. Я отдернул голову,

но она мертвой хваткой вцепилась в мои волосы, удерживая мои губы на своих.

Вспылив, я резко встал, опрокинув при этом стол, и, к счастью, освободился от ее хватки. Напитки разлетелись на пол, вокруг нас разбилось стекло, привлекая внимание всего зала к нашему столику.

— Какого хрена, Джонни! — Белла завизжала, глядя на меня со своего места. — В чем твоя *проблема*?

— Когда я говорю тебе «нет», — прорычал я, вытирая рот тыльной стороной ладони и глядя на нее сверху вниз. — Я, блядь, имею в виду, *нет!*

— Я просто хотела, чтобы ты меня поцеловал, — закричала она. — Это слишком многого?

— Я, блядь, *не хочу* тебя целовать! — зарычал в ответ, теряя контроль над своим характером. — *Я не хочу*, чтобы твой рот был на моем. *Я не хочу*, чтобы твои руки касались моего тела. Потому что я, блядь, *не хочу тебя!*

Я тут же пожалел о своих словах. Но было слишком поздно.

Белла расплакалась, и, конечно же, я был тем ублюдком, который заставил ее плакать. Грязные взгляды от полудюжины девушек за столом были направлены на меня, и я закончил эту ночь.

Издав низкое рычание, я провел рукой по волосам и, пошатываясь, отошел с пути барменши, когда она протиснулась мимо меня с совком и щеткой.

Выйдя на улицу, я вытащил телефон из кармана джинсов и вызвал такси, испытав адское облегчение, когда голос на другом конце сказал «*пять минут*».

Мне нужно было убраться отсюда и подальше от моих плохих решений.

Самая бедная из них — та опасная чертова девчонка, с которой я связался.

В этот момент я был рад, что мое тело было сломлено.

Я был рад, что у меня не было возможности заняться сексом с Хэллоуина.

Может быть, это была судьба?

Без того, чтобы мой член ослеплял мою способность делать правильный выбор вместо киски, я смог видеть сквозь фасад Беллы.

И это было некрасиво. Знание того, что я скорее содеру с себя кожу, чем прикоснусь к ней снова, дало мне некоторое подобие комфорта.

Больше никогда, Джонни.

Никогда больше не трахайся, парень.

Прислонившись к стене паба, я позволил своим мыслям вернуться к этим одиноким глазам.

Я хотел увидеть эти глаза.

И девушку, которой они принадлежали.

Алкоголь, бегущий по моим венам, поставил блок на моей совести, облегчая мою одержимость Шэннон Линч, при этом не чувствуя себя куском дерьма.

Завтра, когда я проснусь с ясной головой, я, без сомнения, почувствую каждую унцию последствий своих своенравных мыслей, но сейчас, пока я был временно лишен морального компаса, я представил себе все ужасные фантазии в мельчайших, красочных деталях.

Это было здорово.

О ней было приятно думать.

Она была чертовски красива.

Ее голос.

Ее волосы.

Ее запах.

То, как она говорила.

Каждая ее частичка.

Я был глубоко погружен в свои мысли, размышляя о том, насколько все было бы по-другому, если бы Шэннон поцеловала меня, когда звук такси отвлек от размышлений.

— Джонни, чувак, — радостным тоном позвал таксист, чье имя я, похоже, так и не смог запомнить. — Как дела? — Честно говоря, в тех редких случаях, когда наши пути пересекались, я был пьян в стельку. — Твоего приятеля нет с тобой сегодня вечером?

Под приятелем он имел в виду Гибси. Потому что обычно Гибси оказывал влияние на принятие ужасных решений, подобных тому, которое я принял сегодня вечером.

— Он все еще внутри, — объяснил я, используя каждую унцию концентрации, чтобы не пошатнуться, когда оттолкнулся от стены. — Спасибо, что пришел так быстро, чувак.

— Как будто я оставлю тебя здесь, — усмехнулся он. — Не забывай своего старого друга Пэдди, когда будешь в большом дыму с большими мальчиками.

Я не мог вспомнить своего старого друга Пэдди *сейчас*, но не собирался говорить ему об этом.

— Джонни, подожди, парень! — позвал Хьюи Биггс, когда он, спотыкаясь, и выходя из паба ко мне. Схватив меня за руку, он остановил. — Тебе придется взять нас с собой.

— Кто это *мы*? — я ответил медленно. — Если ты говоришь об этой сумасшедшей гребаной девчонке, то забудь об этом, Хьюи. Я за нее не отвечаю, и я скорее отрежу себе член, чем вернусь в дом и буду иметь с ней дело.

— Кто — Белла? — Хьюи нахмурился и покачал головой. — Нет, чувак. Пусть идет на хуй. Она уже вернулась к Кормаку. Он прятался в гостиной всю ночь, трус. Не выходил, пока ты не ушел. — Он подтащил меня к окну и указал внутрь. — Ты не можешь оставить *их* здесь.

Мой взгляд метнулся от Хьюи к Гибси, который в настоящее время лежал лицом вниз на столе и храпел, откинув голову назад, потом переметился на Патрика Фели, к которому приставала одна из подруг Беллы, к Белле, которая трахалась с Кормаком Райаном, а затем снова к Хьюи.

— Почему я? — я застонал.

— Потому что мы твои дети, — объявил Хьюи, наваливаясь на меня всем своим весом.

— Мои дети? — Я невнятно произнес. — Какого черта вы трое чьи-то дети?

— Ты наш капитан, — невнятно произнес Хьюи. — Мы вроде как на твоей ответственности.

— На поле, идиот.

— Давай, Кэп, это у тебя пустой дом. Ты знаешь, что мать Фели сойдет с ума, если он пойдет домой в таком состоянии, а моя мама не пропустит нас через переднюю. И Гибс... — он указал большим пальцем на окно. — Он ведь тебе, как брат, парень.

Все печальные истины.

— Вы кучка обычных идиотов, вот вы кто, — проворчал я, прежде чем смягчиться. — Отлично, — я провел рукой по волосам и вздохнул. — Возьми их. Мы уходим сейчас.

— Ты абсолютная легенда, Кавана, — похвалил Хьюи, возвращаясь в паб, чтобы забрать парней.

В любом другом случае я бы предложил ему помощь. Гибс был невыносим после

выпивки, но я скорее пройду по раскаленным углям, чем вернусь внутрь и столкнусь с Беллой.

— Извини за это, Пэдди, — пробормотал я, подходя к такси, чтобы прислониться к нему, пока ждал трех гребаных марионеток, выходящих из бара. — Я думал, что буду один.

— Не волнуйся, чувак, — ответил пухлый человечек. — Любой друг Джонни Кавана — мой друг.

— Да? Ну, мои друзья — придурки, — признался я, пожав плечами.

И неравнодушны к блевотине.

В такси...

— Пэдди... — Почесав затылок, я повернулся, чтобы посмотреть на него, мой разум был настроен на потенциальный ущерб. — Напомни мне оставить тебе пару билетов на одну из наших домашних игр летом, если тебе интересно.

— Господи, Джонни, ты серьезно? — Глаза таксиста загорелись. — Я был бы рад, парень. Потрясен до глубины души. Я смотрю все ваши матчи. Я даже заставляю свою дочь транслировать в прямом эфире те, которые не транслировались по телевизору. Я всегда говорю своей жене, что юный Кавана — лучший, кого я когда-либо видел в Зеленом под номером 13.

Я отмахнулся от его слов, зная, что в семнадцать лет должен быть потрясен, услышав, как мужчина, более чем в три раза старше меня, так высоко хвалит меня, но я слышал точь-в-точь такие же слова так много раз, что комплимент бесследно исчезал из мыслей.

— Ценю поддержку, чувак, — ответил я. — У тебя есть мой номер в списке звонков. Просто пришли мне сообщение, чтобы напомнить, потому что я сейчас чертовски пьян и утром не вспомню ни слова из этого.

— Будет сделано, — ответил Пэдди. — И не хочу переступать черту, но ты хорошо избавился от этой девушки.

Я нахмурился, глядя на него, мысленно ломая голову над тем временем в истории, когда я был достаточно глуп, чтобы забрать ее с собой домой. Это единственный способ, которым таксист мог узнать.

В затуманенном сознании я смутно припоминал прошлогоднюю вечеринку во время каникул на Хэллоуин, когда Белла устроила грандиозную истерику возле паба, потому что я отказался отвезти ее домой на такси.

Это был один из последних раз, когда я был с ней.

— Тот, о котором говорил твой приятель, — объяснил он. — Она плохая новость для такого парня, как ты. — Постучав себя по виску, он добавил:

— Доверься старине Пэдди, парень. Такие девочки, как эта, любят только брать.

Он имел на это право.

Черт возьми.

Хьюи и Фели, пошатываясь, вышли из бара, таща за собой Гибси, который во всю глотку пел свою собственную версию песни The Blizzard «*Поверь мне, я доктор*».

Я покачал головой при виде него.

— Никто, — невнятно пробормотал я, подходя и принимая его вес от парней. — И я имею в виду, никто никогда не поверит, что ты врач, Гибс.

— Твоя будущая жена спасла меня сегодня от плохой ебаной киски, — невнятно произнес он. — Купи кольцо, парень. — положив руку мне на плечо, он добавил: — Шептун — хранитель.

Нахмурившись, я посмотрел на Хьюи, который в замешательстве уставился на меня.

— Сколько ты выпил, парень? — я спросил Гибси, когда боролся, чтобы удержать его на одном месте.

У него была привычка убегать, когда он был пьян.

— Хватит, — невнятно произнес Гибси, прежде чем снова ворваться в припев песни, топая ногами по тропинке для акцента.

— Да, да, ублюдок, — уговаривал я, почти неся его к такси. — Ты доктор.

— Без стандартов, — заявил он, подняв палец, прежде чем упасть на заднее сиденье автомобиля.

— Никогда не думал, что ты это сделал, — согласился я, забираясь рядом с ним, чтобы пристегнуть иджита.

— Как дела, Пэдди? — Гибси сделал паузу в середине песни, чтобы уточнить. — В поместье Кавана, — добавил он, прежде чем снова погрузиться в песню.

Чертов Гибси.

— Что за история у вас с Беллой? — Спросил Хьюи.

Мы сидели на крыльце дома, завершая вечер бутылкой ирландского виски.

Виски был ужасным способом закончить ночь, но он был очень нужен, поскольку последние три часа мы по очереди нянчились с Гибси и его неприятным рефлексом. Ублюдка вырвало по всей спальне для гостей, и в настоящее время его разместили в ванной на первом этаже, набросив сверху полдюжины полотенец.

К счастью, его желудок наконец был пуст, и он громко храпел.

Мы с Хьюи были единственными, кто еще не спал, а Патрик отключился на диване в гостиной, как только мы вернулись домой.

— Это не история, парень, — сказал я, перекатывая полупустой стакан между ладонями.

— Я полагаю, до тебя дошли слухи? — спросил он осторожным и слегка невнятным тоном.

Я тяжело выдохнул.

— Какой именно из всех?

— О ней и Кормаке?

— Не нужно слышать никаких слухов, чтобы знать, что там происходит, чувак, — проворчал я. — Видел это своими глазами сегодня вечером.

— Нет, — медленно сказал Хьюи. — Тот, где она пошла домой с Кормаком в ночь Святого Стефана, — поморщившись, он добавил: — И с тех пор каждые выходные.

— Нет, — невозмутимо ответил я. — Я не знал.

— Я бы сказал что-нибудь, но ты только что вышел из больницы. — тяжело выдохнул он. — Я не хотел, чтобы она мешала твоему выздоровлению.

— Не волнуйся об этом, — взбалтывая виски в своем стакане, я уставился на янтарную жидкость и признал правду, — У меня уже были подозрения задолго до этого.

— Да? — он выгнул бровь. — Почему ты ничего не сказал?

— Потому что я хотел спокойной жизни? — слабо проговорил, — я гребанный придурок, друг.

— Райан — придурок, — поправил Хьюи. — Ударил своего товарища по команде из-за девушки.

Слишком пьяный, чтобы притворяться бесстрастным или скрывать свои эмоции, я опустил голову и тяжело вздохнул.

— Я совершил ошибку с этой девушкой, Хьюи. — Поднеся бокал к губам, я залпом выпил оставшуюся янтарную жидкость, — Ошибка длиною в восемь месяцев.

— По крайней мере, ты вышел невредимым, Кэп, — протянув руку между нами, он схватил полупустую бутылку виски и снова наполнил свой стакан. — Возможно, это могло стать ошибкой на девять месяцев, — добавил он, протягивая мне бутылку. — С ценником от восемнадцати до пожизненного.

— Ты можешь сказать это снова, — пробормотал я в знак согласия беря бутылку. — Ты можешь себе представить, что Деннехи и О Брайен сделали бы со мной, если бы я приехал на тренировку с ребенком?

— К черту ваших тренеров в Академии, — возразил Хьюи. — Представь, что бы сделал ты с собой, а твоя мать.

— Дерьмо, друг, об этом невыносимо думать. — Наполнив свой стакан, я поставил бутылку обратно и покачал головой. — Тьфу.

— Парень, ты можешь себе представить, что сказала бы *моя* мама, если бы я вошел в дверь с Кэти и сказал ей, что она забеременела от меня, — невнятно произнес Хьюи. — Она бы отрезала мне яйца там и тогда.

— Остановись, — я сильно вздрогнул. — Даже не говори об этом.

Мы оба стучали по деревянным балкам крыльца, чтобы разжечь себя. Прошло несколько минут в дружеской тишине, прежде чем Хьюи снова заговорил.

— Ты когда-нибудь разговаривал с Шэннон Линч после того дня на поле?

Я перевел на него затуманенный взгляд, слишком пьяная, чтобы скрыть свое любопытство.

— Моя Шэннон?

— Теперь она *твоя* Шэннон? — Хьюи рассмеялся

Я пожал плечами, слишком пьяный, чтобы защищаться или отрицать.

— Должен сказать, парень, я почувствовал облегчение, когда ты сообщил команде об инциденте на поле и пресек его в зародыше, — сказал Хьюи с тяжелым вздохом. — Если бы ты этого не сделал, я бы это сделал. Бедная девочка заслуживает перерыва.

— Ты ее знаешь? — нахмурился я, от непонимания

— Она дружит с моей сестрой с тех пор, как они были маленькими.

— Клэр, — дополнил я, ломая голову в поисках нужной мне информации. — Блондинка на третьем курсе.

— Да, друг. — Хьюи сделал еще один глоток из своего стакана, прежде чем сказать: — Вообще-то, она была сегодня в доме.

— Что? — Я посмотрел на него. — Ты никогда не говорил.

— Зачем мне это? — он пожал плечами

Хороший момент.

— Милая девушка, — добавил он задумчиво. — Ужасная семья.

— Что ты имеешь в виду?

Хьюи покачал головой, но ничего не ответил.

Это беспокоило меня по целому ряду разных причин.

Мне не нравилось, что он знал о ней то, чего не знал я.

— Я собираюсь пойти проверить, как наш драгоценный там в ванной, — объявил он,

когда допил свой стакан. — А потом я опускаю голову на ночь.

— Занимай любую комнату, какую захочешь, — пробормотал я, глубоко задумавшись.

Хьюи положил руку мне на плечо.

— Продолжай присматривать за ней, Кэп, — сказал он, сжимая мое плечо. — Бог знает, кому еще это нужно.

А потом он ушел.

Глава 10. Мальчик будет сиять

Шэннон

В последнюю пятницу февраля колледж Томмен играл в конкурирующей школе Килбег Прип на территории нашей школы в «Школьный Щит»

Поскольку это была одна из немногих оставшихся домашних игр в сезоне и престижный кубок, который нужно было выиграть, все классы были приглашены, чтобы поддержать свою команду.

По словам Клэр, «Школьный Щит», который можно было взять сегодня, был далеко не таким важным или прибыльным, как Кубок Лиги, за который команда будет играть в следующем месяце в Донеголе, но все равно это было красиво, а Томмен *любил* изделия из серебра.

Мне не потребовалось много времени в Томмен, чтобы понять, что слова моего отца о том, что школа является прославленной подготовительной школой для регби, были правдой.

Было ясно видно, что все вращается вокруг спорта.

Лично я могла бы придумать миллион мест, где я предпочла бы оказаться, чем наблюдать, как негабаритные мальчики из Томмен прокладывают себе дорогу через негабаритных мальчиков из Килбег, но жизнь забавным образом обманывает человека.

Завернувшись в свое зимнее пальто и шерстяную шапку, я сидела между Лиззи и Клэр, которая была одета в цвета нашей школы, благодарная за то, что получила место на трибунах.

Сотни других учеников должны были стоять по обе стороны поля.

Не то чтобы кого-то из них, казалось, волновало, что они стоят под проливным дождем. Они были слишком заняты, крича и подбадривая старшую школьную команду по регби.

Десять минут игры, и я воочию убедилась, из-за чего была вся эта шумиха вокруг Джонни Кавана. Я буквально чувствовала, как электричество потрескивает в воздухе, когда мяч был в его руках, и, судя по звукам криков, то же самое чувствовали и все остальные.

Казалось, он чувствовал себя на поле как дома, и когда он получил мяч в свои руки?

Произошло волшебство.

Прекрасные вещи случались.

Он был таким высоким, что для него не имело смысла быть таким легким на ногах. Он был широким и сильным, большим и мускулистым. Но он также был легким и проворным.

Это выглядело почти так, как будто он танцевал вокруг противника с причудливой работой ног и гибкими движениями тела. У него был сумасшедший темп, и то, как он мог спринтовать, было безумием. На него было невероятно смотреть.

Можно было заметить, как колесики его мозга пришли в движение, когда он просчитывал каждую игру, пас и атаку с экспертной точностью.

Он был умным игроком с острым взглядом на перехват мяча и самодисциплиной, которая, казалось, могла соперничать со святыми.

Казалось, не имело значения, насколько сильно он был сбит с ног или стал мишенью для противоположной команды — а он *явно был* мишенью — ему удалвалось сохранять хладнокровие.

Удары, которые он получал, физические атаки на его тело, а он просто вставал и продолжал идти.

Я была в восторге.

То, как он двигался, было экстраординарно.

Я была очарована тем, как он двигался на поле.

Неудивительно, что все говорят о нем, подумала я про себя.

Он явно был на много *миль* впереди парней, с которыми играл вместе, и я подумала, что он заслуживает быть на более престижном игровом поле.

Если он мог так играть в семнадцать лет, я могла только представить, что сделали бы еще несколько лет упорных тренировок для его игры.

— Да, Хьюи! — Клэр подбадривала, отвлекая меня от моих мыслей, когда ее брат, номер 10 колледжа Томмен, выбил мяч за боковую линию. Мячу удалось коснуться пальцев соперника, прежде чем он вышел из игры. — Да! — Клэр заорала, выставив кулак в воздух. — Хорошая работа, ребята!

— Что происходит сейчас? — я спросила, не зная, почему она радовалась, когда ее брат, очевидно, отбил мяч далеко. — Это хорошо для Томмен?

Было ясно, что она была так же увлечена игрой, как и я, учитывая, что последние пятьдесят минут она провела, чередуясь между объяснением мне правил и выкрикиванием ругательств во всю силу своих легких.

Это прошло мимо моей головы, мои нервы были слишком измотаны, чтобы воспринимать что-то большее, чем простые основы, которые я уже знала, наблюдая за чемпионатом Шести наций каждый год, но я притворилась, что поняла, ради нее.

— Это не футбол, Шэн, — засмеялась она. — Это отличная игра. Наша линия выхода.

— Линия выхода?

— Смотри, — подбодрила она, а затем начала кричать изо всех сил, когда номер 2 Томмен бросил мяч, и Гибси, который носил номер 7, был подброшен в воздух его товарищами по команде и поймал мяч в воздухе.

— Да! — Клэр приветствовала, хлопая, как сумасшедший тюлень. — Давай, Джерард!

Было забавно слышать, как Клэр называет его Джерардом, когда все остальные вокруг нас приветствовали имя Гибси.

Буквально, *никто* не называл его Джерардом, кроме Клэр.

Мяч со свистом вылетел с поля и попал в руки Джонни, и мое сердце подпрыгнуло.

Мой пульс мгновенно ускорился при виде его в движении.

— Боже мой! — Я взвизгнула, сердце бешено заколотилось в груди, когда четверо нападающих Килбег повалили Джонни на землю, похоронив его под горой мышц и мертвого веса. — Им разрешено это делать?

Конечности летали, футбольные бутсы зарывались в смятую кучу под рюкзаком. Я наблюдала за тем, что творилось на поле.

— Они пытаются убить его, — закричала я, не в силах поверить в то, чему я была свидетелем. — Святое дерьмо. — Схватив обеих девочек за руки, я крепко сжала их. — Это незаконно?

— Не спрашивай меня об этом, — ответила Лиззи, пожав плечами. Высвободив свою руку из моей, она вернулась к листанию своего журнала. — Я могла бы придумать миллион лучших вещей, на которые потратила бы свое время, чем сидеть здесь, притворяясь, что болею за спорт, который мне совершенно безразличен.

По крайней мере, она была честной. Я думала, что буду чувствовать то же самое, однако *он* играл, и я была неохотно загипнотизирована.

— Они явно нацелились на него, — прорычала я, наблюдая, как рефери дал свисток и побежал к скоплению мальчиков.

— *Конечно*, они нацелились на него, — вмешалась Клэр, сжимая мою руку в ответ. — Джонни — лучший игрок колледжа Томмен. Уберите его, и игра свободна, — продолжала она говорить. — Они были бы дураками, если бы не попытались.

Я хотела закричать, «*Оставьте его в покое*» на пределе моих легких, но вместо этого я остановилась на:

— Это ужасно, — поскольку огромное беспокойство за него наполнило мою грудь.

— Это регби, — согласилась Клэр.

— Я ненавижу регби, — заявила Лиззи.

— Никому нет дела до того, что ты ненавидишь, маленькая мисс пессимист, — парировала Клэр. — Возвращайся к своим гороскопам.

Клэр и Лиззи несколько минут препирались между собой, прежде чем Лиззи раздраженно потопала прочь, бормоча что-то о том, что нужно беречь ее мозговые клетки, но я на самом деле не слушала ни одну из них.

Я была поглощенной выходками на поле, где медик команды суетился вокруг Джонни, тыкая и тыча ему в лицо марлей и бинтами.

Его черно-белая полосатая майка с номером 13 на спине прилипла к его коже, белые шорты, которые он носил, были испачканы травой и запятнаны кровью.

Оба его колена были заляпаны грязью.

Его волосы были взъерошены и скользкие от пота.

Один его глаз быстро багровел и опухал, а по брови стекала струйка крови, но, похоже, это его ничуть не беспокоило.

Внимание Джонни было приковано не к медику или рефери, выкрикивающим команды ему в ухо.

Он был слишком занят, глядя *на меня*.

Мое сердце колотилось о грудную клетку, когда он беззастенчиво и бесстыдно смотрел прямо *на меня* — глаза горели жаром, выражение лица было ощутимо напряженным.

Тяжело дыша, он поднял край своей майки и использовал ткань, чтобы вытереть кровь со лба, разрушая попытки бедной женщины залатать его и обнажая живот с твердым прессом.

Движение было таким первобытным, таким явно мужским, что оно поразило меня прямо в грудь. Мое лицо запылало, и я почувствовала, как мои плечи поникли, когда я согнулась под тяжестью его пристального взгляда.

— *Что это, черт возьми, такое?* — Взволнованно прошипела Клэр, схватив меня за руку. — Джонни Кавана пялится на тебя, Шэн. Серьезно, девочка, этот парень *пялится* на тебя!

— Дерьмо, — Не зная, что делать, но зная, что мне нужно что-то сделать, я уткнулась лицом в шею Клэр и прошипела:

— Спрячь меня.

— Что? — пискнула она.

— Просто скажи мне, когда он уйдет, хорошо? — я умоляла, сосредоточив свое внимание на веснушке на ее шее. — Притворись, что ты со мной разговариваешь или что-то

в этом роде.

— Хорошо, он ушел, — меньше, чем через минуту, произнесла Клэр

Выдохнув, я обернулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как Джонни возвращается на позицию, когда рефери объявил начало игры.

— Что между вами двумя происходит? — потребовала она. — Я думала, ты сказала, что не разговаривала с ним с того дня в офисе администрации?

— С нами *ничего* не происходит, — парировала я, щеки горели.

— Нет, — Клэр недоверчиво посмотрела на меня. — Ну, тот взгляд, который он только что бросил на тебя, не показался мне пустяком.

— Это *ничего* не значило, — заверила я ее — и себя. — Seriously, Клэр, я даже не знаю этого парня...

Затем вокруг нас раздались громкие свист и насмешки, и мы оба обернулись, чтобы увидеть, что номер 15 Килбег забил и получил очки. Их номер 10 легко перешел, поднимая уровень команд.

— Вот дерьмо, — пробормотала я, чувствуя себя гораздо более взволнованной, чем следовало бы. — Сколько времени осталось?

— Примерно полторы минуты, и не думай, что мы не поговорим об этом позже, — сказала мне Клэр, прежде чем снова переключить свое внимание на игру и крикнуть: — Давай, Томмен! Ууу! Килбег — ты полное дерьмо!

Килбег выиграл рестарт, завладев мячом и набрав несколько ярдов. Все они выглядели совершенно измотанными, за исключением Распутного Гонзалеса — он же Джонни Кавана, у которого, казалось, был неограниченный запас энергии.

Мои ладони начали сильно потеть, когда игрок номер 10 переместился на позицию между стойками, попав в зону досягаемости для удара по воротам.

Они прошли девятнадцать этапов, и счет сравнялся в 20 очков у каждого — по крайней мере, так сказала Клэр.

— Это оно, — продолжала визжать Клэр. — Это оно. Это оно. О боже. Я не могу смотреть.

Я затаила дыхание, не в силах справиться с предвкушением.

Наконец, игрок номер 9 занял позицию рак — слово, которое я выучила для обозначения большой кучи людей на траве.

С мячом в руках он отдал ответный пас на их номер 10.

Мое сердце остановилось.

Болельщики на трибунах вокруг меня притихли.

Пропустите это.

Пропустите это.

К черту все.

Двигайтесь дальше.

Все мои молитвы были услышаны, когда мяч покинул его бутсы и был заблокирован Джонни, который отправил мяч вверх в направлении их линии ворот.

Часы побежали вниз, падая в красный.

— Да! — Клэр закричала, вскакивая на ноги, вместе со всеми остальными болельщиками на боковой линии. — Давай, Джонни! Давай, Кав!

Не в силах дышать, я наблюдала, как за ним охотились три игрока Килбега.

Однако они были недостаточно быстры.

Как молния, Джонни преследовал свой перехват, двигаясь быстрее, чем любой парень его размера должен быть способен.

Приветствия, крики и рев поддержки раздалась с трибуны, когда Джонни пнул мяч вперед, подтолкнув его ближе к линии штрафной, когда он побежал за ним на максимальной скорости.

— Вперед! — Клэр взволнованно взревела. — Да! Ты почти на месте. Продолжай. Двигай своими сексуальными ножками!

Мяч покатился за линию.

Миллисекундой позже Джонни набросился, растягивая спины килбегов, которые наступали ему на пятки.

Это было размытое движение, в результате которого Джонни заземлил мяч в касание.

Все вокруг нас *сошли с ума*.

Номер 10 Томмен занял позицию перед стойками и быстро реализовал передачу, обеспечив себе два очка.

И это было все.

Все был конец.

Томмен победил.

И я была потрясена.

— Тебе нужно кое-что объяснить, милая, — взвизгнула Клэр, подпрыгивая вверх и вниз от радости. — Уууу! Вперед, Томмен, вперед!

— Объяснить? — я переспросила. — О чем?

— О том, почему этот парень внизу смотрит на тебя так, будто хочет тебя съесть, — ответила она, а затем указала явно очевидным пальцем прямо на Джонни, который снова смотрел прямо на меня.

— Я не знаю, — выдавила я. — Я понятия не имею, что здесь происходит.

Все его товарищи по команде носились вокруг, как сумасшедшие, прыгали и праздновали, а Джонни выглядел растерянным.

Он был буквально завален людьми, начиная от учителей и студентов и заканчивая местными журналистами и операторами с микрофонами, приставленными к его лицу.

Что выделялось, так это его безупречное самообладание.

Ничто из этого не беспокоило его.

Ни капельки.

Он выглядел воплощением хладнокровия, спокойствия и собранности, когда отвечал журналистам и благодарил болельщиков, хлопавших его по плечам, но каждые несколько мгновений его взгляд возвращался ко мне.

Я этого не понимала.

Хуже того, его внимание *взволновало* меня.

— Почему они толпятся вокруг него? — спросила я в замешательстве, чувствуя грусть за других парней в команде.

Клэр закатила глаза.

— Ах, потому что он *Джонни Кавана*.

— И что?

Я не понимала.

— Давай, — взвизгнула она, а затем схватила меня за руку, буквально протаскивая меня через трибуны на поле.

Возможно, мы и не выглядели неуместно, учитывая, что на поле была половина школы, но я определенно чувствовала это, когда неуклюже тащилась за ней.

— Хьюи! — Клэр вскрикнула, подбегая, чтобы обнять своего старшего брата. — Ты был потрясающим.

— Благодарю, сестренка, — ответил он, похлопывая ее по спине, пока он искал в толпе. Очевидно, найдя то, что он искал в виде крошечной рыжей девушки, Хьюи быстро отставил сестру в сторону и поспешил в ее сторону.

— Я хочу этого, — вздохнула Клэр, наблюдая, как ее брат поднимает свою девушку и кружит ее. — Очевидно, не с моим братом, — она поморщилась. — Но то, что у них есть. — Она снова вздохнула. — Я хочу этого когда-нибудь.

— Медвежонок Клэр! — позвал знакомый голос.

Клэр развернулась, и я клянусь, что все ее лицо осветилось, когда она заметила Гибси, бегущего к нам.

— Ты сделал это! — закричала она, а затем бросилась на него.

Он казался таким же взволнованным, как и она, и поймал ее.

Я наблюдал за ними несколько минут, пока они крутили друг друга, полностью поглощенные своим собственным пузырем, когда они оживленно обсуждали разные моменты игры.

Либо Клэр была невежественна, либо Гибси был невежественным, либо они оба были так же слепы друг к другу, потому что я могла чувствовать, видеть и ощущать химию, исходящую от них.

Чувствуя себя неловко и не в своей тарелке, я засунула руки в карманы пальто и быстро развернулась, пробираясь сквозь толпу сторонников Томмен.

Я была знакома с днем матча.

Я была на достаточном количестве игр Джоуи.

Но это было по-другому.

И я чувствовала себя имплантатом.

— Эй... — услышала я до боли знакомый голос, отвлекая меня от моих мыслей, — Подожди!

Основная человеческая природа заставляла меня поворачиваться, чтобы посмотреть, кто кричит и направлено ли это на меня.

Когда мой взгляд упал на Джонни, бегущего ко мне, мое сердце бешено колотилось о грудную клетку.

Боже мой.

Что он делал?

Почему он подошел ко мне?

Что, черт возьми, происходит?

— Как дела? — Спросил Джонни, сокращая расстояние между нами, его голос, по понятным причинам, задышался от напряжения на поле.

— Э, это, ах, все идет хорошо, — я запнулась на своих словах, полностью сбита с толку, снова находясь так близко к Джонни. — Хорошее настроение? — Я добавила неубедительно, а затем сразу вспыхнула от смущения. — Ты, должно быть, чувствуешь себя хорошо, — вздохнув, я подавил желание застонать и закончил, пробормотала, — я имею в виду: *как у тебя дела...*

— Все идет хорошо, — ответил Джонни с улыбкой, от которой две крошечные ямочки

на его щеках стали еще глубже.

Я впервые увидела эти ямочки на щеках, и моя память впитала их, *как губка*.

— Это хорошо, — выдохнула я, пытаюсь сосредоточиться.

В отличие от последнего раза, когда я была рядом с ним — когда я видела звезды — или в коридорах, когда он был размытым пятном движения или находился слишком далеко, чтобы хорошо рассмотреть, у меня был четкий, свободный от сотрясения, беспрепятственный обзор его лица.

И, боже, от этого вида захватывало дух.

Как будто, по-настоящему, он был поразительно, болезненно, отвлекающе привлекательным.

У него было замечательное телосложение с высокими скулами и сильной челюстью, припухлыми губами и беспорядочной копной темно-каштановых волос, которые были стильно выбриты по бокам, с дополнительной длиной на макушке.

На его лице были отметины парня, который участвовал во многих драках. Над его левой бровью был свежий кровотокающий шрам, его нос явно был сломан раз или два, а его правая скула быстро багровела.

— Ты помнишь, кто я, верно? — спросил он, все еще улыбаясь, хотя теперь он выглядел немного нервным, вероятно, потому, что я смотрела на него, как на лиану. — *Шэннон как река*.

О Боже.

— Да, — выдавила я, чувствуя, как каждая унция крови в моем теле приливает к щекам, когда я заправила выбившуюся прядь волос за ухо. — Я помню тебя. — Не зная, что еще сказать или сделать, я глупо подняла руку и помахала.

— Привет, Джонни.

Что со мной было не так?

Серьезно?

Я только что *помахала* ему рукой?

Пока я с ним разговаривала?

Боже...

— Привет, Шэннон, — ухмылка, которую он показывал, превратилась в широкую, идеально прямую, жемчужно-белую улыбку.

О, крекеры...

— Ну, со мной все хорошо, — сказала я немного напряженным тоном. — И ты хорошо. Итак, все... хорошо.

— Это хорошо, — ответил он, подергивая губами.

— Да, все хорошо, — ответила я, съежившись от своей неловкости.

— Хорошо, — Джонни ухмыльнулся, глядя на меня сверху вниз.

Униженная, я посмотрела на его лицо, а затем быстро отвела взгляд, стараясь никогда больше не произносить слово «хорошо».

— Я смотрела ваш матч, — выпалила я вместо этого. — Поздравляю.

О да, Шэннон, потому что это намного лучше.

Ты должна был придерживаться хорошего, идиотка!

— Я знаю, — ответил Джонни с легкой улыбкой. — Я видел тебя.

Я открыла рот, чтобы сказать что-нибудь, что угодно, чтобы спасти себя, но вместо этого ничего не произнесла и беспомощно пожала плечами.

— Ты получила мою записку? — спросил Джонни, к счастью, избавив меня от попыток составить связное предложение.

— Да, и я хотела поблагодарить тебя за деньги, — сказала я ему тихим голосом. — Я просто не знала, должна ли я...

— Не беспокойся об этом, — прервал он с улыбкой. — Я не ожидал благодарности.

— Между прочим, это уже слишком, — быстро добавила я, заправляя волосы за ухо. — Моя мама купила новую юбку за тридцать евро.

— Надеюсь, она купила тебе те колготки, которые ты хотела, — возразил он с понимающей усмешкой.

О, боже милостивый.

Улыбка этого парня была чем-то другим...

— Э — э, да, — я густо покраснела. — Они стоили всего лишь пять евро. — Засуну руки в карманы пальто, я посмотрела на свои туфли, сделала прерывистый вдох, а затем снова посмотрела на него. — Я могу вернуть тебе все остальное...

— Ни за что, — быстро отмахнулся Джонни, вытирая пятнышко грязи со щеки. — Оставь это себе.

— Оставить? — Я тупо уставилась на него. — Ты не хочешь вернуть шестьдесят пять евро?

— Я причинил тебе боль, — ответил он, его пронзительные голубые глаза встретились с моими. — Я облажался. Ты ничего мне не вернешь.

О, слава богу, потому что мои родители никогда не вернут мне деньги.

— Ты уверен? — прохрипела я.

— Да, конечно, как голова? — кивнул Джонни.

— Уже все в порядке, — я улыбнулась ему.

— Ты уверена? — спросил он, ухмыляясь. — Никаких остаточных повреждений, которые могли бы доставить мне неприятности? Мне не нужно вызывать адвокатов, не так ли?

— Ч — что? — я разинула рот, — Нет, нет. Я в порядке. Я бы никогда не подала на тебя в суд...

— Я подтруниваю над тобой, Шэннон, — усмехнулся Джонни, покачав головой, — Я действительно рад, что с тобой все в порядке.

— О, хорошо, — я покраснела. — Спасибо.

— Джонни! — раздался громкий мужской голос, отвлекая нас обоих.

Я повернула голову и увидел дородного мужчину, неторопливо приближающегося к нам с впечатляюще выглядящей камерой, привязанной к его шее.

— Дай нам картинку для газеты, ладно, сынок?

Я была уверена, что услышала, как Джонни пробормотал себе под нос слова «отвали», но он повернулся к фотографу и вежливо кивнул ему. — Нет проблем.

— Ты молодец, — похвалил фотограф и направил камеру на Джонни, но остановился и повернулся ко мне. — Отойти с дороги, хорошо, милая?

— О, точно, извините! — Я пискнула и попятилась, чтобы уйти с линии объектива.

— Мы разговаривали, — выпалил Джонни. Он бросил уничтожающий взгляд на фотографа, а затем подошел прямо ко мне.

— Улыбнись, — тихо проинструктировал он, притянув меня к себе и положив свою огромную грязную руку мне на бедро.

— А? — Ошеломленная, я уставилась на него.

— Улыбнись, — спокойно повторил Джонни, беря меня под мышку.

Измотанная, я повернулась лицом к фотографу и сделала именно то, что сказал мне Джонни.

Я засияла

Фотограф выгнул бровь и бросил на меня любопытный взгляд, но быстро поспешил сделать то, что казалось миллионом снимков.

Вспышки, исходящие от его камеры, были ослепляющими, и когда к ним присоединились еще много вспышек от других фотографов, я начал дрожать от беспокойства.

Что, черт возьми, происходит?

— Хорошо, этого достаточно, — заявил Джонни, подняв руку и отпустив мое бедро. — Спасибо, что пришли сегодня. Ценю Вашу поддержку.

— Джонни, Джонни? — позвала одна из женщин, толпившихся вокруг нас. — Какие у вас отношения?

— Личные, — хладнокровно парировал Джонни.

— Как тебя зовут, милая? — спросил оригинальный фотограф, вытаскивая ручку из кармана пальто.

Дрожа, я просто стояла там, чувствуя себя болваном, чувствуя на своем лице миллион пар любопытных глаз.

— Шэннон Линч, — заявил Джонни с коротким кивком, а затем, игнорируя полдюжины фотографов, наблюдающих за нами, он снова обратил свое внимание на меня. — Ты придешь на вечеринку после школы?

— Что они делают? — Неуверенно спросила я, не в силах сосредоточиться на том, что он только что сказал, потому что была слишком занята, наблюдая за фотографом, который что-то писал на тыльной стороне ладони, и несколькими другими репортерами, прячущимися поблизости.

— Не обращай на них внимания, — сказал Джонни, покачав головой. — Они уйдут.

— Они наблюдают за тобой, — прошептала я. — И я думаю, что они наблюдают за мной?

Издав разочарованный рык, Джонни обернулся.

— Я в школе, — заявил он резким тоном. — На территории школы. С несовершеннолетей.

К счастью, это, похоже, сработало, потому что они медленно разошлись.

— Это было так странно, — выдавила я, когда Джонни снова повернулся ко мне.

Он с любопытством посмотрел на меня.

— Тебе не нравятся такие вещи?

— Это было ужасно, — выдавила я. — Все это внимание из-за глупой игры.

Джонни бросил на меня еще один любопытный взгляд. Я уставилась на него, чувствуя себя совершенно сбитой с толку.

— Итак, ты идешь? — Спросил Джонни.

Когда я продолжала тупо смотреть на него, он уточнил.

— На вечеринку. Мама Хьюи устраивает угощение для команды у них дома.

— Я?

— Да, ты, — ответил он, бросив на меня странный взгляд.

Мое сердцебиение увеличилось до опасного уровня, когда я смотрела на этого красивого мальчика, который приглашал меня на вечеринку.

Подождите, он спрашивал меня или приглашал?

О боже, я не знала.

Нахмурившись, Джонни добавил:

— Ты дружишь с его сестрой, Клэр, не так ли?

— О, — я энергично покачала головой. — О, ах, нет. Я имею в виду, да, я дружу с Клэр, но я не пойду на вечеринку.

— Как так получилось? — он выгнул бровь.

— Потому что мне не разрешено никуда ходить... — Я резко остановилась и быстро перевела свои слова в более безопасное русло. — Я должна помогать своей маме по вечерам.

— Она беременна, — заявил он задумчивым тоном.

— Да, — ответила я, а затем, поскольку я была лгунишкой, делающей ситуацию неудобной, я добавила, — Она должна родить в августе.

— Поздравляю? — предложил Джонни, неловко переминаясь.

Отличная работа, Шэннон, мысленно прошипела я.

— Спасибо, — ответила я, ерзая на месте.

— Ты уверена, что не хочешь пойти? — он спросил еще раз. — Я не буду пить, чтобы отвезти тебя домой, когда ты захочешь...

— Кэп, — крикнул один из его товарищей по команде. — Тащи свою задницу сюда, парень, и подними этот гребаный кубок.

— Я, блядь, говорю здесь, Пирс, — огрызнулся Джонни, оборачиваясь, чтобы посмотреть на того, кто его звал. — Дай мне минутку, черт возьми.

— Тебя зовут твои друзья, — поспешила сказать я, зная, что мне нужно уйти от этого мальчика, прежде чем я сделаю что-нибудь невероятно глупое, например, приму его приглашение.

Потому что я так сильно хотела.

Я очень, *очень* хотела.

И если я останусь здесь и продолжу смотреть на него, я знала, что так и произойдет.

— Я лучше пойду, — добавила я, махнув Джонни еще одной дурацкой рукой. — Отлично проведите время.

Я не стала ждать, чтобы услышать его ответ.

Вместо этого я развернулась на каблуках и поспешила прочь с колотящимся в груди сердцем.

— Ты уверена, что не хочешь прийти на часок? — Я слышала, как Джонни звал меня.

— Я уверена, — бросила я через плечо и поспешила прочь. — Пока, Джонни.

— Да, пока, Шэннон.

Звук смеха и хихиканья мальчиков позади меня заполнил мои уши, но я не смела оглянуться.

Вместо этого я поступила разумно и удалилась от искушения со словами Клэр, звенящими в моих ушах.

«Мальчики с красивыми глазами и большими мышцами все портят девочек».

Как она была права.

Было чуть больше восьми, когда я, наконец, вернулась домой из школы тем вечером.

В трех милях от Томмен сломался автобус. В течение двух часов мы были вынуждены оставаться в автобусе, в то время как другой автобус из Корк-Сити был отправлен, чтобы отвезти нас домой.

Это было смешно.

Я провела каждую минуту из этих двух часов, мысленно пиная себя за то, что не приняла предложение Джонни.

Что, черт возьми, со мной не так?

Он мне нравился.

Он *правда* мне очень понравился.

Он спросил меня, иду ли я на вечеринку, предложил отвезти меня домой с упомянутой вечеринки, а я развернулась и практически убежала от него.

Нет, исправьте это на: я *действительно* убежала от него.

В свою защиту скажу, что он совершенно ошеломил меня. Ни разу за все недели, прошедшие после моего несчастного случая, ни один из нас не подходил к другому. Он нарушил воображаемое правило, которое было введено между нами.

Весь вечер мой разум продолжал прокручивать эту встречу снова и снова, пока я не посинела от мыслей об этом и не почувствовала отвращение к самой себе.

Я должна была пойти на вечеринку.

Если бы я это сделала, я бы не провела два часа в ледяном автобусе в полярных условиях.

По крайней мере, если бы они пошли на вечеринку, опоздание того стоило.

Потому что выражение лица моего отца, когда я вошла в дом, убедило меня, что два часа, которые я провела, сидя в одиночестве в сломанном автобусе, определенно не были стоящими.

— Где ты была? — Потребовал ответа отец, наблюдая за мной, как ястреб, со своего места за кухонным столом, когда я вошла в дверной проем.

Знакомая волна паники нарастала внутри меня.

Мой отец был мощным мужчиной, ростом около 182 см, с темно-русыми волосами и атлетическим телосложением, которое сохранилось со времен его занятий херлингом.

Он тоже играл за «Корк», но, в отличие от моих братьев, я не говорила открыто о заслугах и достижениях моего отца.

Потому что *я не гордилась* мужчиной, который смотрел на меня в ответ.

Я даже не была уверена, люблю ли я его еще.

Или если бы у меня когда-либо был.

Не тогда, когда он пугал меня сильнее, чем любой из школьных хулиганов...

— Ну? — он надавил, тон жесткий. Он заменял резиновую рукоятку на что-то похожее на херли Олли, и вид того, как он держит деревянный мяч, вызвал дрожь паники, пробежавшую по моему позвоночнику. — Ты опоздала!

Я вдруг почувствовала огромную благодарность за то, что сбежала от Джонни Кавана, когда он пригласил меня на вечеринку после школы. Дрожь пробежала по моему телу при мысли о том, что мог бы сделать мой отец, если бы я приняла его приглашение.

— Автобус сломался, — выдавила я, осторожно ставя сумку у стены. — Нам пришлось два часа ждать другого, который забрал нас.

Мой отец бросил на меня тяжелый взгляд.

Я осталась там, где была, не смея дышать.

Наконец, он кивнул головой.

— Чертовы автобусы, — пробормотал мой отец, возвращаясь к своей задаче.

Воздух, который я сдерживала, вышел из моих легких с громким вздохом.

Все в порядке, Шэннон, проговорила внутренне я себе, он не бормочет, нет запаха виски и никаких следов сломанной мебели.

Но я не была настолько глупа, чтобы испытывать судьбу, когда дело дошло до моего отца, и двинулась к хлебнице с намерением сделать бутерброд с сыром.

Выбраться из этой кухни и подняться в свою спальню без конфронтации было моей целью на следующую минуту или около того, пока я поспешно соорудила перекошенный сэндвич и налила себе стакан воды из-под крана.

— Спокойной ночи, отец, — прошептала я, когда мой сэндвич и вода были готовы.

— Не опаздывай снова, — это все, что он ответил, не отрывая взгляда от херли в своих руках. — Ты слышишь меня, девочка?

— Я слышу тебя, — прохрипела я, а затем взбежала по лестнице в обитель моей спальни.

Оказавшись внутри, я щелкнула замком и прислонилась к двери, отчаянно пытаюсь взять под контроль сердцебиение.

Сегодня была пятница.

Пятница была безопасным днем.

Глава 11. Кулак в лицо предпочтительнее пирога

Джонни

Моя голова была разбита.

Мое тело было разорвано на куски.

Я не мог наслаждаться победой или по-настоящему праздновать с командой, потому что я сердился.

Сердился из-за чего-то, что не мог понять.

Отказавшись от бесчисленных бутылок пива, швыряемых мне в лицо, я сидел в задумчивости на диване в гостиной Хьюи, рядом со мной на подушке лежал трофей «Человек матча», моя медаль победителя висела у меня на шее, выжидая момента, когда я смогу ускользнуть, поехать домой и утопиться в ледяной ванной.

Моим долгом было быть со своими товарищами по команде после такой крупной победы.

Будучи капитаном, я должен был вести празднование.

Из стереосистемы в углу гремела танцевальная музыка, песня Gigi D'Agostino's «Я полечу с тобой», и я знал, что это дурацкое «да, да, да, да» будет звучать у меня в голове всю ночь.

Дом был забит командой и людьми из школы, все пили, ели и танцевали вокруг.

Вместо того, чтобы присоединиться к шумихе, я прикладывал холодное к бедру, потому что класть лед на яйца было бы социально неприемлемо, перекладывал с места на место на тарелке кусок стейка, который приготовила мне мама Хьюи, Шинейд, и продолжал думать о девушке, которая, похоже, не могла от меня отделаться достаточно быстро.

Это все сразу показало.

Все остальные пили и веселились, в то время как я заправлялся протеином и сходил с ума из-за девушки.

Было ли это тем, на что похоже отторжение?

Если так, то это чертовски отстойно.

Я никогда не узнаю, что заставило меня подойти к Шэннон, но все вокруг кричали, толпа была у меня перед носом, мне нужна была передышка, и я увидел ее, стоящую там, с большими глазами и одинокую, что-то просто сдвинулось внутри меня.

В тот момент имело смысл просто подойти и поговорить с ней.

Потому что я не хотел, чтобы она была одна.

Потому что я с трудом мог сосредоточиться во время игры, зная, что она наблюдает за мной.

Потому что, когда она развернулась, чтобы уйти, мои ноги двигались сами по себе, отчаянно пытаясь перехватить ее.

Я могу отвезти тебя домой, когда тебе нужно будет домой?

Что за хуйня на самом деле?

С тем же успехом я мог бы крикнуть девушке: «Люби меня, люби меня, черт возьми». Я чувствовал себя чертовым идиотом.

О чем я думал, приглашая ее на вечеринку?

Хуже того, о чем я думал, ожидая, что она скажет «да»?

Я был прославленным незнакомцем для нее.

Боже.

Я был так разочарован в себе. В течение двух месяцев у меня все получалось так хорошо, так чертовски отлично, в моих попытках держаться от нее подальше.

Я не мог выбросить ее из головы, но, черт возьми, я держал дистанцию.

Одна победа, накачанная адреналином, и я ее упустил.

Хуже того, что я все испортил, я потащил ее с собой на фото.

И она выглядела *испуганной*...

— Ты в порядке, друг? — спросил Фели, опускаясь на диван рядом со мной.

Хмыкнув в ответ, я вытащил подушку из-за спины и положил ее на колени, прикрыв фиолетовое пятно, распространяющееся по моему правому бедру.

Я все еще был в своей форме, как и большая часть команды.

Они все еще надевали свои майки, потому что хотели покрасоваться — и это правильно.

Пять побед подряд в «Школьный Щит» стало новым рекордом для Томмен, и некоторые из младших ребят впервые получили изделие из серебра.

Я все еще был в своей форме, потому что у меня не было сил бежать после матча.

Если бы это не выглядело так привлекательно для скаутов, я бы отказался от участия в школьной команде и сохранил свое тело для игр в академии или клубе.

— Знаешь, Шинейд могла бы взглянуть на это для тебя, если бы ты попросил ее, — прервала мои мысли Фели, сказав. — Она ведь медсестра.

— Что? — я повернулся, чтобы посмотреть на него.

Он указал на мою ногу.

— Это снова доставляет тебе неприятности?

Пытаясь обуздать свое раздражение, я покачал головой и сказал: — Нет, я в порядке. Получил удар ногой во время фазы рак, вот и все, чувак.

Взгляд, который Патрик бросил на меня, был полон опасений, но он не стал настаивать.

Мне это в нем нравилось.

Он ни хрена не влезал, куда не просили.

Если это было не его дело, он не спрашивал об этом.

— Ты не пьешь сегодня вечером? — Я спросил его, уводя тему от моих недостатков. — Большая победа для школы, чувак. Ты должен праздновать.

— Я должен праздновать? — Патрик ухмыльнулся. — А как насчет самого мистера Мамочка? Если кто-то и должен напиваться, то это ты.

Я ухмыльнулся, услышав термин «мистер Мамочка», означающий «человек матча», и проговорил:

— У меня тренировки в академии по субботам. Какое у тебя оправдание?

— Не в настроении, — вот и все, что он ответил.

Как и раньше, когда он не выпытывал у меня информацию, я ответил ему тем же.

— Я на самом деле подумываю о том, чтобы уйти, — добавил он, вставая. — Я хотел спросить, не мог бы ты подвезти меня домой?

Как голодная собака, которой подарили сочную кость, я откликнулся на его предложение.

Бросив тарелку и пакет со льдом на кофейный столик перед собой, я встал и сделал несколько успокаивающих вдохов через нос, прежде чем перенести вес на ногу.

— Готов тогда, когда готов ты.

Патрик ухмыльнулся, но ничего не сказал о моем чрезмерном энтузиазме. Наклонившись, он поднял мой трофей с дивана и вручил его мне — слава богу, потому что, если бы мне пришлось снова присесть, я бы не смог подняться.

— Эй, эй, эй, — крикнул Гибси сквозь музыку, заметив мою попытку уйти. — Сядь своей задницей там, Кэп, — приказал он, пробираясь ко мне сквозь толпу. — Ты пока никуда не денешься.

Я открыл рот, чтобы сказать ему, чтобы он отвалил, но двое парней из команды, Люк Кейси и Робби Мак, подскочили ко мне, оттащили обратно на диван, прежде чем сесть по обе стороны от меня.

Я посмотрел на Патрика, который смиренно пожал плечами.

Мы оба знали, что не выберемся отсюда в ближайшее время, не тогда, когда Гибси выключил музыку и объявил: — Мне нужно произнести речь.

— Извини, Кэп — хихикнул Робби Мак. — Но ты должен это услышать.

Сопrotивляясь желанию заорать от боли, пронзившей мою нижнюю половину, я покачал головой и потянулся за пакетом со льдом.

— Ради всего святого, Гибс.

С медалью чемпионата, все еще болтающейся у него на шее, Гибси подтащил кофейный столик к стереосистеме и вскочил.

Обернув майку вокруг головы, как гребаную бандану, он схватил пульт дистанционного управления с устройства позади себя и поднес его ко рту, как будто это был его личный микрофон.

Парни из команды запрокинули головы и завыли от смеха, когда он постучал по пультау и проверил звук.

Гребанный идиот...

С дерьмовой ухмылкой, запечатленной на его лице, Гибси постучал по своему «микрофону» и сказал: — Как дела сегодня вечером? — он взглянул на медаль, лежащую у него на груди, и ухмыльнулся. — Мы могли бы привыкнуть к этому, не так ли, ребята!

Из комнаты донесся оглушительный взрыв приветствий и одобрительных возгласов.

— Хорошо, мальчики, боже, не нужно на меня рычать, — насмеялся он. — Ради всего святого, я в одной комнате с вами!

Его шуточный ответ вызвал еще более громкий отклик у команды и наших друзей.

— В любом случае, — усмеялся он, — приступая к делу, у меня есть небольшая песенка, которую я хотел бы спеть для особенного человека в моей жизни.

Охи и ахи раздались от группы девушек в дверях.

Я закатил глаза от того, как легко красавчик полузащитник мог очаровать их.

Гибси прочистил горло для пушного эффекта, а затем сказал: — Без этих особенных чьих-то волшебных гребанных рук я бы не стоял здесь сегодня с этим великолепным предметом из серебра. — Он покачал головой и прижал руку к сердцу. — Спасибо тебе, детка!

По взглядам, которые я получал от парней, и хихиканью, исходящему от Робби и Люка, я понял, что вечеринка Гибси будет за мой счет.

— Не делай глупостей! — Я предупредил Гибси, как только он протянул руку и нажал кнопку на стереосистеме.

Мгновенно мои плечи напряглись от напряжения, когда из динамиков заиграл

знакомый звук «Свое дело» группы Dire Strait.

Я сразу понял, что будет дальше.

Этот ублюдок...

— Джонни, детка, — позвал мой лучший друг-мудак с притворной страстью в голосе, указывая скрученными пальцами в мою сторону. — Это для тебя, — хихикнул он, прежде чем разразиться песней, напевая слова, которые стали проклятием моей жизни с тех пор, как я вышел на поле с этими придурками кулчи в шестом классе.

Все парни вокруг меня присоединились к Гибси в громком, дразнящем припеве.

Стулья были отброшены назад, когда все ребята праздновали нашу победу.

Робби и Люк стащили меня с дивана, где меня подбрасывали в воздух и поддерживали мои товарищи по команде.

Фели, перебежчик, был безутешен, когда смеялся до упаду за мой счет.

О да, теперь они могут смеяться сколько угодно, но я собирался похоронить этих ублюдков на тренировке в понедельник.

Глава 12. Время исповеди

Шэннон

Я заканчивала последнее домашнее задание поздно вечером в воскресенье, когда стук в дверь моей спальни нарушил мою концентрацию.

Сложив тетрадь, я сунула ее в учебник математики и сказала:

— Войдите.

Дверь спальни приоткрылась, и в щель просунулась голова моего брата.

— Что случилось, Джо? — спросила я, запихивая свои книги обратно в школьную сумку.

— Я иду в магазин, — объявил мой брат, окинув быстрым взглядом мою комнату, прежде чем его глаза вернулись к моему лицу. — Ты хочешь чего-нибудь?

— Где Ифа?

— В моей комнате.

— Она останется на ночь?

— Да.

Ифп ходила в ОШБ и училась на шестом курсе вместе с Джоуи, так что для них не было редкостью оставаться друг у друга дома в школьный вечер и вместе ходить в школу утром.

Они были в том возрасте, когда разрешены ночевки. Или, по крайней мере, никто никогда не говорил Джоуи ни слова, когда он приводил девушку домой.

В этом доме был огромный случай двойных стандартов — доме, который был исключительно тихим в эти выходные.

Мой отец был в редкой форме своего состояния.

Он вел себя как человек.

Вчера вечером он даже купил нам всем китайскую еду навынос и передал мне пульт дистанционного управления, а не просто швырнул его в меня, как делал обычно.

Я не была настолько наивной чтобы поверить, будто решение моего отца не разбивать дом в эти выходные было вызвано тем, что он решил начать все с чистого листа.

Нет, я была членом этой семьи достаточно долго, чтобы распознать этот тихий период как затишье перед бурей.

Он скоро взорвется.

Он всегда так делал.

Я могла только надеяться, что не стояла в эпицентре бури, когда это произойдет.

— Ты хочешь что-нибудь из магазина или нет? — нетерпеливо спросил Джоуи. — Скоро закрытие.

Я взглянула на экран своего телефона, чтобы проверить время.

10:45 вечера.

— Почему ты так поздно идешь в магазин? — я усомнилась. — Что тебе нужно такого важного?

— Ты хочешь, чтобы я ответил на это честно? — Джоуи ухмыльнулся.

— Нет, — простонала я, притворно давась, когда меня осенило. — Уходи.

— Спокойной ночи, Шэн, — усмехнулся он, закрывая за мной дверь.

— Держись в безопасности! — крикнула ему вдогонку. — Я слишком молода, чтобы быть тетей!

Мой телефон завибрировал у моего бедра, предупреждая о входящем звонке от Клэр.

— Привет? — сказала я, прижимая его к уху.

— Привет, птенчик, — радостно сказала она. — Что ты делаешь в следующие выходные?

Поднявшись с кровати, я поспешила к своей двери и повернула замок.

— Ничего, — ответила я. *Как всегда.* — А что?

— Потому что, моя дорогая подруга, Джерард Гибсон сдал теоретический тест в пятницу утром, и какой-то сумасшедший идиот из налоговой инспекции решил выдать ему временные водительские права.

— Правда? — я рассмеялась, подумав о Гибси за рулем автомобиля.

— О да, — вздохнула Клэр. — Я только что провела последние полтора часа, пытаюсь вытолкать его из моей спальни.

— Почему он был в твоей комнате?

— Чтобы позлорадствовать, — объяснила она. — Трясет своей маленькой зеленой лицензией, как будто он король горы.

— Какое отношение имеет получение Гибси водительских прав к следующим выходным?

— Его родители купили ему машину на день рождения на прошлой неделе, — объяснила она. — Он хочет, чтобы мы все покатались с ним.

Мои брови взлетели вверх.

— Кто все мы?

— Обычная компания, — беззаботно ответила Клэр. — Я, Джерард, Хьюи, Кэти, Пирс Лиззи, Патрик, Джонни и ты, конечно же.

Мое сердце подпрыгнуло при упоминании имени Джонни. А затем забилось с удвоенной силой от перспективы провести с ним реальное время.

— Почему я? — Мне удалось спросить.

— Да потому что ты наша подруга, — ответила она.

— Нет, Клэр, я *твоя* подруга. Твоя и Лиззи, — я покачала головой.

— Ну, Джерард сказал мне взять тебя с собой.

— Почему? Он меня не знает.

— Ты помогла ему с Брайаном?

— Это не делает нас друзьями, — я покачала головой.

— Ну, он знает, что ты моя лучшая подруга, — начала объяснять она, — что означает: любые приглашения, которые я получаю, автоматически распространяются и на тебя.

— Ну, он не может вместить всех этих людей в одну машину.

— Тогда, может быть, ты поедешь в машине Джонни, — ответила Клэр дразнящим тоном. — Кстати, я видела тебя с ним на поле в пятницу, ты, маленькая кокетка.

— Я не флиртовала с ним, — практически выпалила я. — Он подошел ко мне сам.

— Еще лучше, — хихикнула она. — Он был тем, кто флиртовал.

— Никто не флиртовал, — выдавила я. — Мы просто...

— Вы просто что? — в словах Клэр оставались дразнящие нотки.

— Разговаривали, — добавила я, беспомощно пожав плечами.

— О чем?

— Я не знаю, — пробормотала я. — Простых вещах, я полагаю?

— И фотографировались вместе, — добавила она с хихиканьем. — Я тоже это видела.

— О боже, — я застонала от поражения и откинулась на подушку. — Я была застигнута врасплох, — прохрипела я. — Ты бы слышала, как я пыталась с ним поговорить, — добавила я, прикусив губу. — У меня язык заплетался, и я буквально мямлила весь разговор, Клэр. Это было совершенно унижительно.

— Ты стала мямлить, потому что он тебе нравится, — настаивала она.

Не потрудившись отрицать это, я просто вздохнула.

— Боже мой, — выдохнула она взволнованным тоном. — Ты наконец признаешь, что он тебе нравится?

Я кивнула, а потом поняла, что она меня не видит.

— Я не думаю, что есть какой-то смысл отрицать это, — прошептала я, чувствуя, как мое лицо горит от этой мысли. — Он мне нравится, Клэр — думаю, он мне *действительно* нравится.

— О, вау, Шэн. — мягко ответила Клэр. — Это важно для тебя.

Она была права.

Это было грандиозно.

И страшно.

Абсолютно ужасно.

— Это смешно, — мрачно пробормотала я. — Я его даже не знаю.

— Да, но ты его узнаешь, — возразила Клэр.

— Не очень хорошо, — ответила я со вздохом.

— Ну, — задумчиво произнесла она. — Я никогда не встречала Джонни Деппа во плоти, и это не помешало мне безумно влюбиться в него.

Я закатила глаза на ее ответ.

— Да, потому что это одно и то же.

— Знаешь, у меня есть его номер телефона, — предложила тогда Клэр. — Я могу дать его тебе, и ты можешь написать ему.

— Абсолютное *нет*. — мои глаза расширились.

— Ты уверена?

— Уверена, — выдавила я. — На Божьей зеленой земле нет такого места, где я могла бы быть девушкой, которая делает это. — Прикусив губу, я быстро спросила: — Откуда у тебя его номер?

— Джерард всегда одалживает мой телефон, — объяснила она. — Он всегда звонит Джонни, когда пользуется им. Джонни практически его сиамский близнец. Итак, я сохранила номер Джонни в разделе «*Позвонить для секса*», — хихикая, она продолжала, — это было так забавно, Джерард был зол на меня — требовал ответа, чтобы знать, с кем я встречаюсь и почему его нет в списке под этим именем.

— Клэр, ты не можешь никому говорить, что он мне нравится, — выпалила я, чувствуя панику из-за того, что выпустила кота из мешка. — Пожалуйста. Даже Лиззи и особенно Гибси.

— Я не буду, я обещаю, — поклялась она. — Но если бы ты *написала* ему, я думаю, ты была бы приятно удивлена, — добавила она. — Я знаю, что Лиззи рассказала тебе кучу всего о нем, но, честно говоря, большая часть этого — просто сфабрикованные сплетни. Джонни не тот парень, каким его представляют все девочки в школе.

— Да, — прошептала я, — я уже поняла это.

Он был лучше.

Намного лучше.

— Итак, ты поедешь с нами в следующие выходные? — она спросила.

— Мне не позволят поехать.

— Давай, Шэн, ты не можешь просто сказать «нет», — заныла Клэр. — По крайней мере, не спросив.

— Мне не нужно спрашивать, Клэр, — прохрипела я. — Я уже знаю ответ.

— Тогда не спрашивай его, — быстро сказала она. — Просто придумай какой-нибудь предлог или что-нибудь в этом роде и приходи ко мне. Нам даже не нужно идти с парнями.

Я тяжело вздохнула.

— Клэр...

— Мы можем поужинать у меня дома, — поспешила сказать она. — И ты знаешь, если Джонни просто случайно зашел бы из-за мошеннического текстового сообщения, отправленного с моего телефона, тогда, может быть, вы двое могли бы подняться в мою комнату и...

— Прекрати, — предупредила я ее, дрожа от этой мысли.

— Я шучу, — Клэр рассмеялась.

— Лучше бы так и было, — проворчала я. — Потому что я бы умерла.

— Итак, ты хочешь это сделать? — спросила она, подавляя смех. — Приходи ко мне на ужин и на кино вечер? Или мы могли бы пойти в кинотеатр? Или поесть в ресторан? Все, что ты захочешь, — сказала она мне. — Это твой выбор, а я угощаю.

— Я люблю тебя за то, что ты предлагаешь, — сказала я ей, прикусив губу, чтобы она не дрожала. — Но ты же знаешь, что он никогда этого не допустит.

— Шэн... — Клэр тяжело вздохнула

— Не надо, — тихо умоляла я. — Пожалуйста, ничего не говори.

Последовала долгая пауза, прежде чем она прошептала: — Я не буду.

— Спасибо, — я вздохнула с облегчением

— Я здесь ради тебя, — все, что ответила Клэр грустным тоном. — Всегда.

Глава 13. Ползающие и размахивающие

Джонни

Каждый день с тех пор, как начал учиться и тренироваться в Томмен, я сидел за одним и тем же столом в обеденном зале на перемене.

Близко к двери и является тридцатифутовым банкетным столом, за которым сидели мои товарищи по команде и несколько их подружек.

Я всегда сидел в конце стола, спиной к стене, глядя на остальную часть комнаты, откуда мне было кристально ясно видно все, что происходит вокруг меня.

Мне понравилось, потому что у меня было пространство для дыхания и не было девушек, которые, блять, лапали меня и трогали мою спину каждые пятнадцать секунд.

Как всегда, Гибс и Фели сели напротив меня, а Хьюи справа. Разница сегодня была в том, что и Хьюи, и Фели были в заключении, а Гибси хмурился на меня.

— Не мог бы ты перестать пялиться на нее пять гребаных минут и притвориться, что слушаешь меня, — прошипел Гибси. — Серьезно, чувак, — бросив свой сэндвич на обеденный стол, он в отчаянии всплеснул руками, — Становится жутко, ты заставляешь меня отказаться от еды.

— Я ничего не делаю, — проворчал я, откинувшись на спинку стула и рассеянно перекатывая бутылку с водой в руках.

Шэннон сидела на противоположной стороне обеденного зала со своими двумя друзьями, улыбаясь и смеясь над чем-то, что говорила младшая сестра Хьюи.

Ее волосы были заплетены в две длинные косы, лежащие на ее маленьких плечах, и каждый раз, когда она наматывала одну из этих косичек на палец, мне приходилось сдерживать стон.

Серьезно, я сидел здесь последние двадцать пять минут, не слушая ни слова из того, что говорил Гибси, потому что я был слишком занят, наблюдая за девушкой, которая явно не хотела иметь со мной ничего общего.

Все выходные Шэннон была в глубине моего сознания — ладно, на первом плане.

Я провел дни, размышляя о ее реакции на меня на поле в ту пятницу и о том, как она поспешила уйти.

Когда она прошла мимо меня в коридоре этим утром после первого урока, я был чертовски взволнован, увидев ее. Конечно, она застенчиво улыбнулась, прежде чем опустить голову и поспешить мимо меня, но она была здесь.

Она была в моем пространстве.

Что означало, что и мое внимание, и мои мысли были сосредоточены исключительно на ней.

И я чертовски *ненавидел* это.

Я понял, что хотел ее и это было совершенно неуместно, на самом деле ужасное невезение на мой счет, но я хотел.

Я *хотел* Шэннон Линч.

И хуже, чем хотеть ее, она мне действительно чертовски *нравилась*.

В ней было что-то милое, и мне нравилось это ощущение, когда я был рядом с ней.

Мне нравилось, как она выглядела, как говорила, как держалась.

Мне нравилась в ней целая куча вещей, и, как ни странно, она мне нравилась не из-за того, что было у нее под одеждой. Ну, это было не совсем так. Я много думал о том, что я найду под ее одеждой, и мне очень понравились эти визуальные эффекты. Но это было нечто большее.

Это было *еще больше*, когда дело касалось ее.

Но я был не в том положении, чтобы тратить время на девушку, и, проводя время с этой конкретной девушкой, я мог попасть в мир неприятностей.

Я знал, как все работает; проводил слишком много времени с девушкой, и возникали чувства, а там, где возникали чувства, возникал пиздец.

Балансировать на этом выступе было опасно.

Мне *не хотелось* на него наступать.

— Нет, ты ничего не делаешь, — саркастически протянул Гибси, перемещаясь на своем месте так, чтобы он загоразживал мне идеальный обзор на нее. — Ты только мысленно раздеваешь ее в своей голове.

— Не правда, — прорычал я, глядя на него через стол.

Правда.

Это чертовски верное предположение, друг.

Господи, неужели это было так очевидно?

— Да, ты настолько очевиден, — заявил Гибси, явно читая мои мысли. — И я скажу вам, кто еще очевиден, — добавил он, указывая большим пальцем вправо от нас. — Эта злая сука.

Мне не нужно было смотреть, чтобы понять, что он говорил о Белле.

Она сидела на противоположном конце нашего стола с несколькими парнями из команды с шестого курса, где она провела большую часть обеда, пытаясь вывести меня из себя.

Это не сработало бы.

Я, блять, не кусался.

— Не обращай на нее внимания, — отвинтив пробку на бутылке, я сделал большой глоток воды. — Она не стоит таких хлопот. Чувак, я знаю, что повторяюсь, но, честное слово, я не понимаю, как ты вообще к ней прикасался, — простонал он.

— Я тоже, — признался я, закрывая бутылку и продолжил пялиться на Шэннон.

Он откинулся на спинку стула и выгнул бровь:

— Ты должен подойти и поговорить с ней.

— К Белле? — я нахмурился. — Нет, блять, спасибо.

— Не тот демон, — возразил Гибси с гримасой. — *Шэннон*.

— Нет, — покачал головой я.

— Знаешь, она фригидка, — беззаботно заявила Гибси. — Или, по крайней мере, была ею. — Он бросил на меня многозначительный взгляд. — Ты же не засовывал свой язык ей в глотку, не так ли?

— Нет, — прошипел я.

— Тогда ладно, — задумчиво произнес он. — Она все еще фригидка.

Я нахмурился, глядя на него.

— Откуда ты вообще это знаешь?

— Я внимательно слушаю, — хихикнул он, постукивая себя по виску.

— Что?

— Некоторое время назад я подслушал, как девочки говорили об этом в спальне Клэр, — признался он. — Гадюка, за которой бегают Пирс, говорила о том, как он ужасен был в тачке, и выяснилось, что Шэннон никогда не целовалась с парнем. — нахмурившись, он добавил, — Я действительно не нравлюсь гадюке.

— Господи Иисусе, — пробормотал я, — ты подслушиваешь за дверью спальни девушки?

Когда он не стал этого отрицать, я покачал головой.

— У тебя проблема, Гибс. Большая.

— Это проблема, только если ты признаешь это, — возразил он с понимающей усмешкой. — Разве не так это работает, Джонни?

— Отвали, — прорычал я, точно зная, к чему он клонит.

— Продолжай, Джонни. Просто подойди туда и поговори с ней, — призвал он. — Ты можешь это сделать.

— Нет, Гибс, — выпалил я. — Брось это.

— Почему нет? — потребовал он раздраженным тоном.

— Потому что я не хочу, — огрызнулся я.

— Лжец.

— Знаешь что? Для парня, который называет себя моим лучшим другом, ты делаешь дерьмовую работу, — прорычал я. — Я же сказал тебе, что не пойду туда к этой девушки. Я же говорил тебе, что она чертовски молода для меня.

— Ты тот, кто не может перестать пялиться на нее, — рявкнул он.

— Ну, скажи мне остановиться, — выпалил я в ответ. — Не говори мне идти туда.

— *Я же сказал тебе остановиться*, — раздраженно прошипел Гибс. — Примерно две минуты назад. Я говорил тебе перестать пялиться на нее, как придурок, и все же ты здесь, все еще трахаешь ее своими глазами и все еще выглядишь так, будто кто-то нагадил тебе в кукурузные хлопья, — он вскинул руки вверх. — Что мне с тобой делать?

— Ты должен помнить, что я тот идиот, который чуть не умер сегодня утром, будучи плохим водителем для твоей ученической задницы, — проворчал я. — Так что вместо того, чтобы подталкивать меня к неправильному выбору, почему бы тебе хоть раз не попытаться поддержать меня.

— Я хороший водитель!

Я закатил глаза.

— Ты — обуза.

— И я лишь *поддерживаю* тебя, — драматично фыркнул он. — Я твой сторонник номер один, Джонни Кавана. — Откинувшись на спинку стула, он скрестил руки на груди и пристально посмотрел на меня. — Ты действительно ранил мои чувства только что.

— Я задел твои чувства? — я приподнял бровь. — Кто теперь здесь сучка с вагиной?

— Извинись, — приказал он.

— Вали отсюда нахуй, придурок, — засмеялся я.

Он посмотрел на меня в ответ.

— Скажи, что тебе жаль.

— За что?

— За то, что ранил мои чувства, — фыркнул он. — А теперь извинись.

— Мне жаль, Гибс, — успокоил я, решив, что проще просто дать большому идиоту то,

что он хотел.

— Ты мог бы иметь это в виду, — возразил он.

— Ты мог бы научиться не испытывать судьбу, — предупредил я.

Мы пятнадцать секунд смотрели вниз, пока он не усмехнулся и не сказал:

— Я принимаю твои извинения.

— Хорошо, — пробормотал я. — Я рад за тебя.

— И поскольку ты, кажется, так нуждаешься в *поддержке* в эти дни... — отодвинув свой стул, Гибси встал и подмигнул мне. — Я пойду поговорю с ней за тебя.

— Не смей, черт возьми... — я остановился, чтобы схватить его, но он выскользнул из моей хватки и неторопливо ушел. — Гибс!

— Расслабься, Кав, я справлюсь, — сказал он мне, демонстративно поправляя свой школьный галстук. Сдвинув брови, он добавил: — Смотри, как это делается.

А потом он подошел прямо к столику девочек и сел.

Ради всего святого...

Мои ноги двигались, прежде чем мой здравый смысл успел отговорить меня от края, на который я собирался ступить.

Глава 14. Временная лицензия

Шэннон

Я чувствовала взгляд Джонни на своем лице с другого конца обеденного зала в понедельник.

Являясь его сталкер, я точно знала, где он сидит за обедом каждый день: на последнем месте в конце прославленного стола для регби, на внутреннем ряду, рядом с выходом из арки.

Весь обед я послушно игнорировала жжение на щеках, то же самое жжение, которое я чувствовала до самых пальцев ног, и сосредоточилась на Клэр и Лиззи.

Потому что *я знала*, что произойдет, если я оглянусь на него. Я бы выдала себя, а ему не нужно было знать, как сильно он повлиял на меня. Он сбил меня с толку в прошлую пятницу, и он снова продолжает это делать.

Почему он наблюдал за мной?

Почему он пригласил меня на ту вечеринку?

Почему он заставил мое сердце биться так сильно?

Я не понимала, что здесь происходит, и в буре моих бурных эмоций мне нужно было сохранить какое-то подобие контроля.

Однако это было нелегко, и этот контроль был вырван из моей шаткой хватки в тот момент, когда Гибси подошел прямо к нашему столу, весь сияющий и широко улыбающийся.

— Дамы, — проговорил он тем кокетливым тоном, к которому я привыкла, когда он скользнул на место по другую сторону от Клэр. — Как у нас дела сегодня?

— Чего ты хочешь, Джерард? — Клэр застонала, выскальзывая из его объятий, когда он приобнял ее за плечи. — Мы пытаемся здесь поесть.

— Я должен тебе кое-что показать, — сказал он ей, подняв брови.

— Я не буду смотреть на твой пенис, — прошипела Клэр, — Так что перестань пытаться показать его мне.

— Не *это*, — фыркнул Гибси, а затем вытащил из кармана связку ключей и помахал ими перед лицом Клэр. — Это.

— Боже мой, — выдохнула Клэр, выхватывая ключи из его рук. — Твои родители рано подарили тебе машину? Я думала, ты не получишь ключи до выходных?

— Они сдались, — сказал он ей, ухмыляясь. — Что означает...

— Маньяк был выпущен на ирландские дороги? — вмешалась Лиззи.

— Господи, — пробормотал Гибси, хмуро глядя через стол на Лиззи. — Ты просто невероятная шутница.

Лиззи просто показала ему средний палец и вернулась к своему обеду.

Покачав головой, Гибси снова обратил свое внимание на Клэр.

— Это еще не все, — объявил он, уделяя ей все свое внимание. — Они уехали на Тенерифе, — он покачал бровями, — До понедельника.

— Они оставили тебя на произвол судьбы? — потребовала ответа Клэр. — Тебя?

— И ты знаешь, что это значит, не так ли? — Он подмигнул ей в ответ. — Время ночевки.

— Твои родители оставили тебя отвечать за их дом? — она повторила, выглядя потрясенной.

Он ухмыльнулся и выхватил яблоко у нее из рук.

— Они сделали это.

— На целую неделю? — Клэр покачала головой, открыв рот. — Одни? Без присмотра.

Его улыбка стала шире, когда он подбросил яблоко в воздух.

— Ты, кажется, удивлена, — сказал он, без труда поймав яблоко.

Заинтригованная их взаимодействием, я прислонилась к столу и с интересом наблюдала.

— Потому что я удивлена, — пробормотала Клэр, глядя на него в ответ. — Они *тебя* вообще знают?

— Очевидно, что нет, — фыркнул он. — Теперь иди домой и собирай свое барахло. — он покачал бровями, прежде чем откусить от яблока Клэр. — Потому что ты регистрируешься в отеле «Гибсон» на неделю, — добавил он, не доев. — Веселые времена.

— О, правда? — Клэр откинулась на спинку стула и ухмыльнулась. — А у отеля «Гибсон» есть хорошие отзывы?

— Это идет с членом, Медвежонок Клэр, — объявил не тихо Гибси — Неограниченный запас пятизвездочного члена.

— Скажи это громче, — прошипела она, хлопнув его по плечу. — Я не думаю, что все тебя слышали.

— Это идет с членом, Клэр! — он насмеялся, принимая ее вызов без капли стыда. — Мой член.

— Пошел ты со своим членом, — прорычала Клэр, выглядя оскорбленной.

— Конечно, ты можешь, — кивнул он с усмешкой. — Но здесь не совсем то место.

— Я не знаю, почему я общаюсь с тобой, — пробормотала Клэр, щеки пылали. — Ты такой неподходящий.

— Ты общаешься со мной, потому что любишь меня, — промурлыкал он. — потому что я единственный, кто заставляет твои щеки краснеть... — он сделал паузу и погладил ее щеку пальцем, — во многих отношениях.

— Когда мне было одиннадцать, Джерард, — парировала она. — И это был один быстрый поцелуй!

— Я готов к повторному выступлению, — сказал он ей. — Скажи только слово, Медвежонок Клэр, скажи мне, что ты готова для нас, и я весь твой...

— Можешь перестать так делать! — Лиззи рявкнула, глядя на Гибси.

— Что делать?

— Играть с ее чувствами, — фыркнула она. — Это не игра!

— Лиззи, все в порядке, — начала говорить Клэр, но Лиззи оборвала ее.

— Это не нормально, — отрезала она. — Он делает это с тех пор, как нам было по четыре года. Это неправильно!

— Я не играю с ее чувствами, — ответил Гибси, выглядя смущенным. — Она знает, что я люблю ее.

Клэр покраснела, как свекла, отчего Лиззи зарычала.

— Да, мудака, — прошипела Лиззи, — Ты любишь ее, не так ли? Вот почему ты ходишь и трахаешься с половиной школы, не так ли?

— В чем твоя *проблема*? — Теперь Гибси зарычал, свирепо глядя на нее.

— Ты, — огрызнулась Лиззи. — Ты и твои друзья-говнюки, думающие, что ты крутой. Ходят и играют с девчонками, как будто это все большая игра. Вы все отвратительны. Все до единого тупоголовые.

Гибси уставился на нее с оскорбленным видом.

— Что Джонни сделал тебе не так?

— Да, — спросил знакомый голос. — Что я сделал?

Мое сердце подпрыгнуло в груди при звуке этого до боли знакомого дублинского акцента. Он выделялся среди всех окружавших нас, так же, как он выделялся среди всех стоящих рядом.

— Ты такой же плохой, как и все остальные, — прошипела Лиззи, не сбиваясь с ритма, когда она обратила свой яростный взгляд на Джонни, который, к моему большому напряжению, отодвигал стул рядом со мной. — Хуже. Ты их лидер

— Ну, для меня это не новость, — спокойно возразил Джонни.

Затем он сел рядом со мной, и я почувствовала, как кусок хлеба, который жевала, прилип к небу. Проглотив, я посмотрела на него широко раскрытыми и смущенными глазами.

Он улыбнулся мне сверху вниз.

— Привет, Шэннон.

— Привет, Джонни, — прошептала я, глядя на него в ответ, чувствуя, что мое сердце было в двух секундах от того, чтобы вырваться из груди.

— Как дела? — спросил он глубоким голосом, голубые глаза прожигали дыры в моих.

— Хорошо, — выдохнула я. — А у тебя как дела?

— *Хорошо*, — он ухмыльнулся

Черт возьми, опять это слово...

— У тебя были хорошие выходные?

— Э — э, все было в порядке. — Я почувствовала, что краснею. — У тебя?

— Большую часть времени я тренировался, — он продолжал ухмыляться. — То же, что и всегда.

Я кивнула, на самом деле не понимая ни черта из того, что здесь происходило.

— К-как прошла вечеринка?

— Я не задержался надолго. — Джонни оперся локтем на стол, повернулся всем телом внутрь и полностью сосредоточился на мне. — На самом деле я просто пошел туда, чтобы показать свое лицо.

— Как так получилось? — я задыхалась чаще, сгорая от близости к нему.

— Обязательства по тренировкам, — объяснил он, барабанил длинными пальцами по столу, голубые глаза не отрывались от моих. — Я стараюсь избегать вечеринок во время сезона...

— Господи, только не ты тоже, — прорычала Лиззи. — Достаточно того, что Гибс там вытворяет свои штучки с Клэр, и без того, чтобы ты возился с Шэннон.

Джонни перевел взгляд своих голубых глаз на Лиззи.

— Прошу прощения?

— Ты слышал меня, — возразила она.

— Мне что, нельзя с ней поговорить? — он спросил, выгнув бровь. — Тебе не нравится делиться своими подругами?

— Ты знаешь, что делаешь, — вызывающе парировала Лиззи.

— Ты прав, Гибс, — задумчиво произнес Джонни, слегка покачав головой. Откинувшись на спинку стула, он добавил: — Пирс — чертовски святой.

— Полное уважение, — парировал Гибси, обнимая рукой стул Клэр.

— Тьфу, — усмехнулась Лиззи, бросив на Джонни и Гибси взгляд, полный отвращения. — Я ненавижу вас всех.

— Когда ты говоришь «все», это относится только к нам, — Гибси указал от себя на Джонни, — Или ко всем мужчинам?

— Ты больше всех, ты, большой, белокурый придурок, с твоей головой в форме мяча для регби, — огрызнулась Лиззи. Отодвинув стул, она встала и бросила свирепый взгляд на Джонни. — И ты близок ко второму, капитан Фантастика, за то, что не смог лучше контролировать этого парня.

Сказав это, Лиззи развернулась и вышла из обеденного зала.

— Вау, — выдохнул Гибси, когда она ушла. — Эта девушка серьезно ненавидит меня.

— Она ненавидит всех, — ответила Клэр, успокаивающе похлопывая его по руке. — Не принимай это на свой счет.

— Это правда, — решительно сказала я, — Ей нравятся только, типа, два человека.

— Точно, — согласилась Клэр. — В этом действительно нет ничего личного. Лиззи просто защищает нас.

— Да, но, у меня голова не в форме мяча для регби, — проворчал Гибси. Он посмотрел на Джонни. — Так ведь?

— Нет, Гибс, — вздохнул Джонни. — Твоя голова не похожа на мяч для регби.

— Правда? — он смущенно коснулся своей головы. — Потому что я весил около двенадцати фунтов, когда родился, и моя мама всегда жалуется своим друзьям на то, как я испортил ее своей большой головой.

— У тебя совершенно нормальная голова, Гибс, — уговаривал Джонни. — Очень круглая.

— Не слишком большая?

— Ты вырос, — заверил он его. — Теперь тебе подходит она идеально.

Не в силах сдержаться, я захихикала при виде Джонни, утешающего Гибси.

— Ты снова смеешься над моим несчастьем, Малышка Шэннон? — Гибси сказал в ответ на мой смех с волчьей улыбкой. — Давай, выкинь это из своей системы.

Я беспомощно пожала плечами, все еще ухмыляясь. Он был таким необычным и интересным.

— Теперь вернемся к делу, — продолжил Гибси, откидываясь на спинку стула. — Что ты хочешь увидеть сегодня вечером?

— Сегодня вечером? — Клэр нахмурилась.

— Мы идем в кино, — заявил он с дьявольской ухмылкой.

— Кто это мы? — Джонни выпалил, напрягшись рядом со мной.

Гибси обвел пальцем нас четверых.

— А? — у меня отвисла челюсть.

— Волчица тоже может прийти, — сказал он Клэр. — Если ты обещаешь надеть на нее намордник.

— Гибс, — сказал Джонни предупреждающим тоном, качая головой.

— Давай, чувак, — возразил Гибси. — Ты можешь пропустить сеанс на одну ночь — мне нужен надежный водитель, пока мне не станет комфортно ездить одному. —

Повернувшись, чтобы посмотреть на меня, он сказал:

— Что скажешь, Малышка Шэннон?

Я посмотрела на Клэр, которая смотрела на меня с таким же замешательством, а затем на Джонни, который выглядел так, будто испытывал какую-то физическую боль, прежде чем остановить взгляд на Гибси.

Скажи «да», Шэннон.

Иди с ними.

Ты хочешь.

Ты действительно, действительно хочешь.

Но он убьет тебя.

Ты ходячий труп, если он узнает.

— Я не могу, — прохрипела я, покачав головой.

— Ты не можешь? — Гибси нахмурился. — Почему нет?

— Потому что я... я не... Это... — покачав головой, я прерывисто выдохнула. — Я не...

— Она не может пойти, Гибс, — с благодарностью вмешался Джонни. — Брось это.

— Но...

— Оставь это!

Затем прозвенел звонок, сигнализируя об окончании обеда, и Джонни вскочил на ноги.

— Давай, засранец, — прорычал он, глядя на Гибси. — Нам нужно кое с чем разобраться.

— Я заскочу к тебе около семи? — спросил Гибси у Клэр. — Это тебя устраивает?

Клэр радостно кивнула.

Он широко улыбнулся ей, прежде чем встать и взъерошить ее кудри. — Тогда увидимся, Медвежонок Клэр.

Мой взгляд вернулся к Джонни, который стоял у края стола с грозным выражением на лице.

— Пока, Джонни, — сказала я ему тихим голосом.

— Пока, Шэннон, — черты его лица мгновенно смягчились, когда он посмотрел на меня сверху вниз и улыбнулся.

— Ну, это была самая странная вещь, которая случилась за последнее время, — объявила Клэр, когда мальчишки ушли.

— Да, — выдохнула я. — Очень странная.

Глава 15. Перерыв в туалете и смутные

предложения

Шэннон

Когда люди говорят, что что-то слишком хорошо, чтобы быть правдой, то обычно так оно и есть. Именно это я *почувствовала*, когда во вторник вечером после школы вышла из ванной и столкнулась с твердой стеной.

Удивленная, обнаружила, что кто-то стоит за пределами ванной, когда последний звонок давно прошел, я издала тихий писк.

— Как дела, Шэннон? — спросил светловолосый, смутно знакомый мальчик, ухмыляясь мне.

В коридорах было относительно пусто, только несколько учеников бродили по коридорам, наводя меня на мысль, что он ждал меня здесь.

В конце концов, туалет для девочек был необычным местом для парня, чтобы слоняться без дела, особенно в футболке, шортах и ботсах.

Паника, смешанная с большой долей настороженности, вспыхнула во мне.

— Хм, хорошо, — ответила я, заправляя, а затем заправляя волосы за ухо, нервная черта. — Как дела?

— Теперь, когда я с тобой разговариваю, лучше, — объявил он, подтверждая мой худший кошмар, когда он подошел ближе, заклепки на его ботинках звякнули об пол.

— Ты ждал меня здесь? — я заставила себя спросить, нуждаясь в голосовом подтверждении. Не спрашивайте меня почему, но мне нужно было прояснить это безумие. — В твоём... — я указала на его одежду, — физкультурном комплекте?

— Я тренировался и забыл каппу в своем шкафчике, — объяснил он, ничуть не смущенный этим. — Я видел, как ты заходила в ванную, когда направлялся к своему шкафчику, поэтому решил подождать, чтобы поговорить с тобой, — пожал плечами, как будто его глупое объяснение было вполне приемлемым, он добавил: — Кстати, я Ронан. Ронан Макгэрри. Мы вместе изучаем французский.

Его тон был дружелюбным, но я знала, что лучше не давать себя одурачить.

Дружелюбие может превратиться в хулиганство за наносекунду.

— Да. Я знаю, — сделав шаг назад, чтобы вернуть себе личное пространство, я добавила: — Что ж, было мило с твоей стороны подойти поздороваться, но мне пора на автобус. Он скоро отправляется, и водитель не будет ждать...

— Я видел тебя на поле в тот день, Шэннон, — промурлыкал он низким голосом, глаза горели от возбуждения. — Это то, о чем я хотел с тобой поговорить. — Он сделал еще один шаг ко мне, снова вторгаясь в мое пространство. — В твоих трусиках? Эти убийственные ноги... Я видел *всю* тебя.

Мое сердце упало.

Каждый мускул в моем теле напрягся от страха.

Это было оно.

То, чего я так долго ждал.

Неизбежные насмешки.

Я смутно знала о Ронане Макгэрри, сидя перед ним на уроке французского последние несколько недель, но я не знала, что он был в команде по регби.

Я не заметила его на поле на прошлой неделе, но в тот день я не заметила никого, кроме Джонни.

Я думаю, это имело смысл, учитывая грязный комплект, который он сейчас носил, и синяк на скуле. Но мне нечего было ему сказать, поэтому я держала рот на замке и ждала, когда он заговорит.

Он заговорит.

Они всегда так делали.

— И я должен быть честным, Шэннон, — он протянул руку и потянул меня за косу своей грязной рукой, не сильно, это было скорее игриво, но мне не понравилось вторжение. — С тех пор я не могу перестать думать о тебе.

Изобрази безразличие, Шэннон.

Притворись, что тебе все равно.

Шагнув в сторону, чтобы высвободить свои волосы из его хватки, я отмахнулась от его слов легким пожатием плеч и поправила сумку на плечах.

Он долго смотрел на меня, в глазах плясало возбуждение, прежде чем сказать:

— Ты застенчивая малышка, не так ли?

— Нет, — ответила я тихим голосом, и это была правда.

Я не стеснялась.

Я могла быть доверчивой или же откровенной и многословной, как любой другой, когда я была с людьми, которым я доверяла.

Но я был *осторожной*.

У меня были на то веские причины.

И я ему не доверяла.

— Ну, застенчивая или нет, ты чертовски великолепна под этой одеждой, — скромно заявил он, втягивая нижнюю губу в рот, пока его глаза бесстыдно блуждали по моему телу. — Мне бы очень хотелось взять твой номер.

У меня отвисла челюсть.

Он был серьезен?

Я уставилась на его лицо, пытаюсь оценить его.

И он выглядел абсолютно серьезным.

— Я, ах, я, нет... — покачав головой, я едва избежала его руки еще раз, когда он снова попытался дернуть меня за косу. — Прости, Ронан, но я не даю свой номер незнакомцам.

Самое последнее, что я хотела сделать, это дать кому-либо, кроме Клэр и Лиззи, свой номер телефона.

Выдача моих данных означала, что у хулиганов была прямая связь с моей психикой 24/7.

И хотя однажды я уже совершала эту ошибку в старой школе, новый номер телефона и горящие остатки с трудом заработанной мудрости означали, что я никогда не сделаю этого снова.

— Меня трудно назвать незнакомцем, — Ронан усмехнулся.

— Ты для меня незнакомец, — ответила я, заставляя себя быть сильной.

— Давай, Шэннон, я не кусаюсь, — он продолжал улыбаться мне, но это было жестче, его глаза теперь немного холоднее. — Просто дай мне свой номер.

— Нет, — я покачала головой. — Прости, но я недостаточно хорошо тебя знаю, чтобы

дать тебе свой номер.

— Ты всегда можешь узнать меня получше, — промурлыкал он, положив твердую руку мне на плечо.

Несмотря на то, что я не могла почувствовать его прикосновение через мое толстое зимнее пальто, я сразу же отпрянула от контакта, но он не убрал руку.

— Мне нужно успеть на автобус, — выдавила я, повторяя свои предыдущие слова. Мои плечи были тверже бетона, когда я добавила: — Мне нужно идти сейчас, или я пропущу его. — Я хваталась за соломинку, чтобы как можно скорее оказаться подальше от этого парня. — Серьезно, водитель не будет меня ждать.

— Будет еще один автобус, — парировал он. — Другого меня не будет.

Боже милостивый, я надеялась что нет.

— Послушай, — настаивал Ронан, тон приобрел кокетливые нотки. — Я должен быть на послетренировочной беседе с командой на поле. Тренер любит собирать нас всех вместе, чтобы обсудить стратегию после наших тренировок.

Он сказал мне это так, как будто действительно думал, что мне не все равно.

Мне не было до этого дела.

Я заботилась только о том, чтобы он убрался подальше от меня.

— Но мне совсем не обязательно идти. — Его рука скользнула от моего плеча к локтю. — Я мог бы пропустить тренировку для тебя. — Его рука переместилась ниже, обводя подол моей юбки. — Что ты сказала, — спросил он, наклонившись к моему уху. — Хочешь вернуться в ту ванную и узнать меня немного лучше?

— Нет, — отрезала я, отдергиваясь от его прикосновения. — Меня это не интересует.

— Давай, Шэннон, — рявкнул он, теперь его тон был горячим, глаза сверкали от разочарования. — Оглянись вокруг. — Он снова положил руку мне на плечо, на этот раз не нежно. — Никто нас не увидит...

У Ронана не было возможности закончить это заявление, когда его оттащил— буквально оттащил за шиворот гораздо более крупный, намного старше, мальчик.

— Ты маленький суицидальный ублюдок, не так ли? — говорил парень странно легким тоном, прогуливаясь по коридору, обхватив своей огромной рукой затылок Ронана, заставляя его сгибаться и переваливаться, чтобы не отставать от его широких шагов.

Он был одет в ту же одежду: черно-белую полосатую майку, белые шорты и ботинки, которые при ходьбе издавали щелкающие звуки по полу, комья грязи и травы падали с шипов.

Единственным контрастом был номер 9 на спине майки Ронана и номер 7 на большом парне.

Меня поразило немедленное узнавание.

Номер 7.

Джерард Гибсон.

Влюбленность Клэр.

Ходячий кот.

Веселый парень.

Слава Богу!

Ученики, все еще слонявшиеся в коридоре, прекратили свои занятия, чтобы посмотреть на драму, но никто не вмешался.

Ни один человек не вступился за Ронана, когда огромный светловолосый мужчина-

ребенок повел его по коридору.

— Отвали от меня, Гибси, — визжал Ронан, безуспешно пытаясь вырваться из рук монстра. — Я просто дурачился.

— Ты знаешь, что он собирается убить тебя, не так ли? — Спросил Гибси тоном, пропитанным юмором, когда он проводил Ронана к главному входу, а затем церемонно выбросил его через двойные стеклянные двери.

— Гибси! — Ронан кричал, с красным лицом, сражаясь с дверной ручкой. — Хватит валять дурака. Я просто был дружелюбен к ней.

— Это прозвучало не по-дружески, малыш, — насмеялся Гибси. — Это звучало отчаянно — и немного по-насильнически

Прямо сейчас оба мальчика тянули; Ронан яростно пытался открыть дверь, а Гибси с разумной легкостью закрыл ее.

— Впусти меня на хуй, Гибси! — Ронан взревел, дергая за ручку, как сумасшедший. Это была система выталкивания и вытягивания, и он не смог протолкнуть ее внутрь. — Мне нужен мой ингалятор.

— Нет, даже не пытайся проделывать со мной это дерьмо, Макгэрри, — со смехом крикнул Гибси, придерживая дверь закрытой, когда Ронан попробовал ручку. — Ты знал правила — и у тебя нет астмы.

— Ну и что? — Ронан потребовал, выглядя возмущенным. — Ты просто собираешься выгнать меня из школы, потому что он сказал «нет»?

Что?

— Абсолютное да.

О чем, черт возьми, они говорили?

— Он *не мой* капитан! — Ронан зарычал, прижимаясь лбом к стеклу.

Я была так смущена.

— О, но он *такой*, — отозвался Гибси, все еще смеясь, и я была уверена, что он находит ситуацию очень забавной. — А собаки, которые не могут вести себя прилично рядом с новым приятелем Кэпа, остаются снаружи.

— Ты заплатишь за это, Гибс, — прошипел Ронан. — Клянусь богом, если ты меня непустишь, я расскажу об этом своему дяде.

— И это?

— За это тебя исключат из команды

— За угрозу я трахну твою мать, Макгэрри, — парировал Гибси. — А потом я собираюсь кончить ей на сиськи, и ей понравится каждая минута этого. — С еще одним смешком он сказал: — Иди и расскажи дядюшке все о том, что я запланировал с его сестрой.

— Я убью тебя! — Ронан закричал, ударив кулаками по стеклу.

— Соси мои яйца...

— Что происходит? — прогремел в воздухе знакомый мужской голос.

Меня сразу осенило понимание кому он принадлежит. Я *знала* этот акцент.

Без сознательного решения мои глаза лихорадочно искали владельца голоса, и когда я нашла *его*, выходящего из обеденного зала, прижимающего пакет со льдом к правому бедру, мое сердце бешено колотилось о грудную клетку.

Стоя примерно в двадцати футах от меня, я была в невыгодном визуальном положении, но находилась достаточно близко, чтобы видеть, как каждый дюйм верхней части тела Джонни напрягся под его футболкой, от широких плеч до бицепсов размером со ствол

деревя и длинного худощавого торса.

У него были длинные ноги, толстые и мускулистые бедра, все они были покрыты травой и грязью. Я заметила небольшую прореху на рукаве его майки, где выпирал бицепс.

Господи, он буквально *вырывался* из ткани.

Он был одет так же, как и другие мальчики, в ту же майку и шорты, но несравнимо отличался от них из-за огромных размеров своего тела.

Он был почти слишком большим.

Слишком мускулистый.

Слишком пугающий.

Слишком красивый.

Слишком *много*.

Тряхнув головой, чтобы очистить блуждающие мысли, я сосредоточилась на жаркой дискуссии, происходящей в дальнем конце зала.

— Что маленький придурок сделал на этот раз? — Потребовал Джонни, сокращая расстояние между собой и Гибси.

Я мысленно отметила, что он шел с той же легкой хромотой, которую я наблюдала в бесчисленных случаях.

Это было едва заметно, но если присмотреться достаточно внимательно, как я, казалось, постоянно делала, было ясно, что он пытался перенести вес на правую ногу.

Мой взгляд метался между всеми тремя; двигаясь от Ронана, который больше не дергал за ручку — фактически, он отошел на несколько шагов от двери — к Гибси, который улыбался, как чеширский кот, прежде чем приземлился и остановился на Джонни.

Серьезно, каким бы высоким ни был Гибси, Джонни *возвышался* над ним.

На его щеке была полоса засохшей грязи, которую он попытался смахнуть тыльной стороной свободной руки.

Его темно — каштановые волосы торчали в сорока разных направлениях. Наверное, от пота, мысленно отметила я, или от игры на улице под дождем.

Он стоял так, что я могла видеть его профиль сбоку и то, как он нахмурился еще сильнее, когда Гибси тихо заговорил ему на ухо.

Я не могла разобрать, о чем они говорили, и не хотела покидать убежище своего угла за пределами ванной, зная, что всегда могу запереться внутри, запереться в туалетной кабинке и позвонить Джоуи, если все обернется плохо.

Через несколько секунд тело Джонни заметно напряглось.

— *Что?*

Бросив пакет со льдом на землю, он сжал руки в кулаки по бокам, когда повернулся, чтобы посмотреть в стекло, открывая моему взгляду номер 13 на спине.

Он сделал шаг вперед, остановившись в шаге от двери, когда Гибси положил руку ему на плечо.

— Ты, блять, издеваешься надо мной! — взревел он, реагируя на то, что его друг шептал ему на ухо.

Голова Джонни повернулась в сторону Ронана, прежде чем быстро повернуться ко мне. Его глаза остановились на моем лице, и, черт возьми, он выглядел мертвенно-бледным.

Это был всего лишь мимолетный взгляд, и он быстро переключил свое внимание обратно на Ронана.

На этот раз я могла ясно слышать, что он говорил.

— Я собираюсь дать тебе фору в пять секунд, придурок, — прорычал он через стеклянную панель. — А потом собираюсь отрезать твой член и скормить его тебе.

— Пошел ты, Кавана, — крикнул Ронан в ответ, но его лицо было намного бледнее, чем раньше. — Ты не можешь прикоснуться ко мне.

— Один, — рявкнул Джонни. — Два, три, четыре...

— Чего ты ждешь? — Крикнул Гибси, ободряюще размахивая руками в воздухе. — Вперед, Форрест

Они действительно собирались драться?

Из-за меня?

Это действительно было из-за меня?

Этого не могло быть.

Они даже не знали меня.

Ни за что.

Мне не нравилась конфронтация, я не могла с ней справиться, и это выглядело так, будто вот — вот начнется снежный ком.

Решив отвлечь себя от ситуации, я развернулась на каблуках и бросилась в ванную, не останавливаясь, пока не оказалась в безопасности, спрятавшись в одной из кабинок, заперев за собой дверь.

Дрожащими руками я сбросила сумку с плеч, позволив ей стукнуться о кафельный пол.

Опустившись на закрытый туалет, я наклонилась вперед, уперлась локтями на колени и зарылась руками в волосы, пошатываясь.

Что, черт возьми, только что произошло?

Что *это* было?

Что бы я делала, если бы Джерард или Гибси, или как там его звали, не пришел?

Где бы я была сейчас?

Когда мой прежний адреналин спал, по моим щекам потекли слезы, но это было не потому, что я была расстроенная.

Хорошо, да, я *была* расстроенной, но мои слезы были слезами гнева.

На самом деле я взбешена.

Кем, черт возьми, Ронан Макгэрри себя возомнил?

Более того, кем он меня считал?

Приглашает меня в ванную с ним.

Боже, он выглядел так, будто действительно ожидал, что я скажу «да».

Сморгнув слезы, я сжала, а затем разжала кулаки, колени задрожали, когда гнев и унижение пронзили меня.

Я ненавидела людей.

Они были таким разочарованием.

И подумать только, бог заменил динозавров на человека. *Он, должно быть, находился в ярости.*

Проведя рукой по лицу, я быстро провела по влажным щекам и попыталась справиться со своими эмоциями.

Я была зла на себя за то, что была из тех людей, которые плачут, когда злятся.

Я хотела быть крикуном.

Крикун был намного лучше, чем плакса.

Мне также было противно на себя за то, что я замерзла.

Он не имел права поднимать на меня руки, и я ничего не сделала, чтобы остановить его.

Слов, казалось, было недостаточно для этого мальчика, и вместо того, чтобы пнуть его в мусор или оттолкнуть его руку, я замолчала, как и всегда.

Я должна была уже понять, что быть слабаком не приносит мне никакой пользы, и не сопротивляться тоже не вариант.

В ситуациях, подобных той, которая только что произошла, мне приходилось давать отпор.

Мне нужно было перестать позволять страху овладевать мной.

Я имела право постоять за себя.

Это не было раскачиванием лодки, чтобы защитить себя.

Я знала это, но проблема была в том, что каждый раз, когда я сталкивалась с конфронтацией или кризисом, мое тело — и мой разум — всегда реагировали одним и тем же сломанным инстинктом: замри.

Люди говорили об инстинкте борьбы или бегства.

У меня не было ни того, ни другого. Вместо того, чтобы сопротивляться или убежать, я замираю.

Каждый гребанный раз.

Сделав несколько успокаивающих вдохов, я выдохнула длинно и медленно, стараясь успокоить нервы и учащенное сердцебиение.

Потребовалось три попытки сжимания руки, прежде чем у меня появилась координация, чтобы успешно расстегнуть верхние пуговицы моего пальто и достать телефон из кармана рубашки под джемпером.

Дрожа, я разблокировала экран только для того, чтобы впустить новую волну паники в кровь, когда мой взгляд упал на цифровые часы в верхней части экрана.

Было 5:47.

Мой автобус ушел точно в половине шестого.

Я пропустила его.

До 9:45 сегодняшнего вечера по нужному мне маршруту не пройдет ни одного другого.

— Черт, — шепчу я, быстро прокручивая список контактов, чтобы найти имя моего брата.

Нажав кнопку вызова, я поднесла телефон к уху, но вместо обычного звука звонка, который появляется при вызове, меня приветствовал предварительно записанный голос робота, сообщающий мне, что у меня недостаточно кредитов для этого звонка.

— Черт возьми!

Застонав, я быстро ввела код, который позволил мне отправить Джоуи бесплатное текстовое сообщение «Позвони мне».

Когда я не получила немедленного ответа, я отправила еще одно сообщение, а затем еще три для пущей убедительности.

Мама была на работе, и у нее не было с собой телефона, и я бы предпочла спать прямо здесь, в этой туалетной кабинке, чем звонить отцу, чтобы он забрал меня — не то чтобы он даже приехал, если бы я попросила.

Тридцать минут спустя отправила по крайней мере еще двадцать бесплатных сообщений «Позвони мне» своему брату, но безрезультатно.

Очевидно, у него либо не было с собой телефона, либо он был отключен.

Я держала пари, что он был в беззвучном режиме, так как Джоуи редко выходил из дома

без него. Он, вероятно, забыл отключить беззвучный режим, когда уходил из школы.

Я не знала, что еще делать, кроме как просто ждать в школе, пока не придет следующий автобус. Мне было известно, что школа оставалась открытой допоздна для внеклассных программ и репетиторства.

Технически она никогда не закрывалась, учитывая, что это также была школа-интернат, но основная зона будет открыта как минимум до 9 вечера.

Мой желудок громко заурчал, нарушая тишину.

Еще раз проверив время, я отметила, что сейчас 6:18 вечера.

У меня были эти кусочки хлеба, спрятанные в моей коробке для ланча. Я могла бы пойти и приготовить тосты в общей зоне, пока жду.

У меня будут серьезные неприятности, когда я вернусь домой, но на данной богом земле не было никакого способа пройти пятнадцать миль домой пешком.

Я была уверена, что смогу справиться с прогулкой. Меня беспокоил тот, кого я могла встретить на прогулке.

Встав, засунула телефон обратно в карман рубашки, застегнула пуговицы на пальто, потянулась за сумкой и вышла из кабинки, остановившись, чтобы вымыть руки, прежде чем покинуть святость ванной.

Я прижала ухо к двери и долго прислушивалась.

Когда с другой стороны не раздалось никаких звуков насилия и криков, я открыла дверь и вышла.

Как ужасный случай дежавю, я вышла из ванной и наткнулась прямо на твердую мускулистую грудь.

Глава 16. Держи свои руки при себе

Джонни

Мой пах *горел*, а тело кипело от едва сдерживаемого гнева.

Удар ботинком в промежность, находясь в нижней части стойки, не был моим представлением о продуктивной тренировке.

Мне потребовалось целых пять минут, чтобы начать спокойно дышать через нос, пока я лежал кучей на поле, прежде чем я смог довериться содержимому своего желудка, чтобы остаться там и встать.

Сопrotивляясь естественной реакции искалечить и убить преступника, который, как оказалось, был робким Хьюи, я пропустил последние пять минут тренировки в пользу поиска пакета со льдом.

Приближался финал лиги, и мои засранцы-товарищи по команде собирались вывести меня из игры еще до того, как мы туда добрались.

В прошлые выходные все было хорошо, и «Школьный Щит» стал хорошей маленькой победой для команды, но я был нацелен на кубок, и они тоже должны были быть такими — по-видимому, нет, если судить по вялой вчерашней тренировке и неаккуратному выступлению этим вечером.

Я выходил из обеденного зала с одним пакетом льда, привязанным к моим вещам, и другим, прижатым к бедру, когда в воздухе прогремел голос Гибси, сопровождаемый раздражающим голосом Ронана Макгэрри.

— Что маленький придурок сделал на этот раз? — я рывкнул, когда они оказались в фокусе, стоя по обе стороны стеклянной входной двери.

— Не теряй свое дерьмо, — тихо сказал Гибси. — У меня все под контролем

— Что? — я потребовал.

Гибси вздохнул.

— Он приставал к Шэннон возле выхода из ванной, — он потер лицо рукой. — Пытался заставить ее пойти с ним туда.

Все мое тело напряглось, когда красный туман пеленой закрыл мое зрение.

Я был чертовски зол на Гибси из-за трюка, который он выкинул вчера за обедом, но прямо сейчас я был благодарен ему за вмешательство.

Бросив пакет со льдом на землю, я уставился в окно и зарычал:

— Ты, блять, издеваешься надо мной!

— Нет. Он поступил дерьмово с ней, — добавил Гибси, глядя сквозь стекло на Макгэрри. — По-видимому, у Макгэрри проблемы со слухом, потому что девушка ясно сказала ему «нет», — Мои ноги двигались, прежде чем мой мозг успел догнать.

Я предупреждал его.

Я, черт возьми, предупредил этого маленького говнюка, чтобы он оставил ее в покое.

Я собирался убить этого маленького ублюдка.

— Не надо, — предупредил Гибси, схватив меня за плечо и потянув назад. — Она прямо там, парень.

Я обернулся и увидел, что Шэннон смотрит на меня широко раскрытыми глазами.

Она выглядела *испуганной*.

— Ради всего святого, — простонал я, быстро отворачиваясь, чтобы не видеть страха в ее больших голубых глазах.

Весь день я изо всех сил старался держаться на расстоянии, но гребаный Макгэрри только что облажался с этим.

Я ненавижу его.

Это было сильное слово, но точное при оценке моих чувств к придурку.

Я предупредил его, чтобы он держался от нее подальше, и он все равно пошел и сделал это.

Может быть, когда я использую кулаки вместо слов, он воспримет меня всерьез.

Если бы он этого не сделал, у нас была бы еще большая проблема.

Повернувшись обратно к Ронану, я прошипел: — Я собираюсь дать тебе фору в пять секунд, придурок, а потом собираюсь отрезать твой член и скормить его тебе.

— Пошел ты, Кавана, — выплюнул Макгэрри. — Ты не можешь прикоснуться ко мне.

— Один, — прорычала я, хватаясь за дверную ручку. — Два, три, четыре...

— Чего ты ждешь? — Гибс усмехнулся, делая прогоняющие жесты руками. — Вперед, Форрест.

— Пять, — прорычал я, затем рывком открыл дверь.

Макгэрри сорвался с места, как ошпаренный пес, и помчался на максимальной скорости.

Он мог двигаться так быстро, как только могли нести его ноги, и он все равно не мог убежать от меня.

Раненый или нет, я был чертовой пулей.

— Мне очень жаль, — прорычал он через плечо, пробираясь через двор. — Остановись, прости! Я больше не подойду к ней.

— Очень поздно спохватился, мудака, — парировал я, приближаясь к нему.

Протянув руку, я схватил его сзади за майку и резко остановил.

— Слезь с меня, — прошипел он, вырываясь из моего захвата.

— Иди сюда, маленький засранец, — рывкнул я, таща его вверх по ступенькам в физкультурный зал.

— Останови его, — завизжал Ронан на Гибси, который тащился за нами. — Гибс, давай, чувак.

— Маловероятно, что это произойдет, мальщ, — крикнул в ответ Гибси. — В отличие от твоей тупой задницы, я не склонен к самоубийству и не собираюсь ставить себя на линию огня.

Выйдя в коридор, я промаршировал по нему и ударил ладонью по двери раздевалки, открывая ее. Вся команда была в комнате и повернулась, чтобы посмотреть на нас.

— О, ради всего святого, — простонал Хьюи, наблюдая, как мы входим, с выражением смирения на лице. — Что он сделал на этот раз?

— Он нарушил правила, — хихикнул Гибси. — Мальчику пора сходить в церковь.

— А у нас все так хорошо получалось, — вздохнул Фели.

— А, Джонни? — Кормак Райан пробормотал, почесывая щетинистую челюсть. — Ты не должен так поступать с племянником тренера..

— Радуйся, что это не ты, придурок — прорычал я, держа Макгэрри мертвой хваткой, пока тащил его к душевым.

— Остановите его! — Потребовал Ронан. — Ребята, помогите мне!

Никто не пошевелился.

Хорошо.

У этих парней была преданность.

— Думаешь, ты сможешь дотронуться до нее? — я зашипел, когда мы были в душе и вдали от команды. Отпустив его шею, я толкнул его к стене. — Ну?

— Я просто дурачился с ней, — прорычал он, отталкиваясь от стены. — Это была шутка. Господи, расслабься.

— Я выгляжу расслабленным по твоему мнению? — я сделал шаг к нему. — Я смеюсь, придурок?

— Назад, — предупредил Макгэрри, поднимая кулаки перед собой. — Я серьезно, Кавана. Отойди к черту.

— Хорошие слова, — прорычал я, приближаясь к нему. — Жаль, что ты не знаешь их значения.

Он замахнулся на меня и умудрился попасть мне в челюсть.

Опасный ход.

— Ты дерзкий, маленький засранец. — Я сократил расстояние между нами, схватил его за голову и уткнулся головой в переносицу.

Чрезвычайно приятный хруст заполнил мои уши. Непрерывный поток крови, стекающий по его лицу, мало что мог сделать, чтобы утолить ярость, пылающую во мне.

— А-а-а, Господи! — Ронан взревел, рухнул на пол, зажимая нос. — Я думаю, ты сломал мне нос, Джонни.

— Твой нос заживет после перелома, — схватив за майку, я затащил его в душевую кабинку, ударил рукой по круглому хромированному крану, торчащему из стены, и наблюдал, как на него льется ледяная вода. — Но твой позвоночник не выдержит. — Присев перед ним на корточки, я подставил его лицо под воду. — И это именно то, что я сокрушу, если ты только посмотришь на нее еще раз.

— Я только разговаривал с ней — выдавил он, покраснев. — Боже.

— Ну, не разговаривай с ней! — я плюнул, глядя вниз на его тупое гребаное лицо. — Не смотри на нее и, блять, не прикасайся к ней. Она не для тебя. — С большим усилием я заставил себя отпустить его и отступить. — На этот раз все ясно?

— Кристально, — пробормотал Макгэрри себе под нос.

— На этот раз тебе лучше быть серьезнее, малыш, — сказал я предупреждающим тоном. — Потому что, если ты будешь давить на меня, я убью тебя.

— С меня хватит, — проворчал он. — Чертов ад.

Я бросаю на Ронана последний убийственный взгляд, прежде чем вернуться в раздевалку. Неудивительно, что Гибси сидел на скамейке запасных с дерьмовой ухмылкой на лице.

— Он жив?

— Пока, — выпалил я.

Скинув футбольные бутсы, я достал из сумки пару спортивных штанов и натянул их поверх шорт. Я мог бы принять душ, когда вернусь домой. Прямо сейчас мне нужно было убраться отсюда к чертовой матери, пока я не взорвал эту бомбу в голове.

В непосредственной близости от меня было слишком много придурков, Макгэрри и Райан, если быть точным, и я не доверял себе.

По иронии судьбы, мне вспомнился текст песни *Stuck in the Middle*, застрявшей посередине. Отбросив эту мысль, я сосредоточилась на сборе своей сумки.

Когда я сложил все в сумку со снаряжением, вышел из раздевалки, не сказав ни слова своим товарищам по команде.

К счастью, Гибси не последовал за мной.

Я загрузил свою сумку на заднее сиденье своей машины и огибал водительскую сторону, когда внезапный приступ неуверенности ударил меня в живот.

С ней все было в порядке?

Должен ли я вернуться и проверить ее?

Нет, она, вероятно, ушла домой.

Я должен идти домой.

Но что, если она не была?

У тебя нет на это времени, мудака, прошипел мой мозг, у тебя физиологический сеанс через час.

Покачав головой, я открыл дверь своей машины только для того, чтобы быстро захлопнуть ее и прокрасться обратно в школу.

Ты просто проверишь ее, убедишься, что с ней все в порядке, а потом уберешься отсюда, сказал я себе, проходя через школу в женский туалет. *В этом нет ничего плохого.*

Но это было.

С этой картиной было что-то серьезно неправильное.

Я стоял возле туалета для девочек, ожидая, когда выйдет девушка, которой, возможно, там вообще не было.

Я был таким же плохим, как Макгэрри.

Испытывая отвращение к самому себе, я повернулся, чтобы уйти.

Я прошел пять футов, прежде чем вернуться обратно в гребаную ванную.

Что, черт возьми, со мной было не так?

Я был погружен в свои мысли, сражаясь во внутренней битве со своей совестью, когда дверь ванной распахнулась, и крошечная девочка выбежала и врезалась прямо мне в грудь.

В ту минуту, когда мой взгляд упал на нее, я понял, что попал в беду.

Ты должен был пойти домой, пока мог, идиот, прошипел мой разум, *теперь нам не уйти.*

Это была неправда.

Глава 17. У тебя быстрая машина

Шэннон

Мое тело врезалось в твердую мускулистую грудь, в результате чего школьная сумка упала на пол от удара. Инстинктивно руки метнулись к лицу, активировался режим самосохранения.

Если бы я не была так напугана, то гордилась бы криком, который вырвался из моей груди.

Это был прогресс.

Две большие руки метнулись вперед, поймали мои дергающиеся конечности и удержали меня.

— Эй-эй, *расслабься*, — я сразу узнала намек на дублинский акцент. — Тсс, расслабься. Это всего лишь я.

Вздыхнув с облегчением, я посмотрела на его лицо, отмечая знакомство.

— О боже, — мои слова вырвались резким вздохом, когда я уставилась на него, тяжело и быстро дыша. — Ты чуть не довел меня до сердечного приступа.

— Дерьмо, извини за это, — Джонни отпустил меня и сделал шаг назад, вытянув руки перед собой. — Ты так долго была в ванной, что я подумал, что мне нужно вызвать спасательную команду или что-то в этом роде.

Он сделал еще один шаг назад, затем обхватил затылок рукой, выглядя немного неловким. Он все еще был одет в ту же майку с рукавами, слегка порванными на бицепсах, но сменил шорты на серые спортивные штаны, а футбольные бутсы — на кроссовки.

— Я просто хотел проверить, что с тобой все в порядке, — Пожав плечами, он опустил руки по швам и спросил: — Так ты...?

Была ли я в порядке?

— Я так думаю? — мое сердце билось со скоростью сто миль в час, и я чувствовала, что в двух секундах от того, чтобы упасть в обморок от адреналина, бьющегося в моих венах.

Прижав руку к груди, сделала несколько глубоких вдохов, чтобы успокоить свои измотанные нервы, прежде чем смогла заговорить.

Он был настолько выше меня, что пришлось запрокинуть голову, чтобы посмотреть ему в лицо, когда я спросила: — Ты ждал меня здесь?

— Э-э, да, — засунув свои большие руки в карманы спортивных штанов, Джонни кивнул. — Я хотел убедиться, что с тобой все в порядке. Гибси рассказал мне, что он сказал тебе.

— Он сказал?

— Да, — Джонни мрачно кивнул. — Этот ублюдок больше не будет тебя беспокоить.

— Ронан?

Он кивнул, подергивая челюстью.

— Послушай, мне нужно, чтобы ты поверила мне, когда я скажу, что та маленькая сцена с Макгэрри имела больше отношения ко мне, чем к тебе, — он неловко поерзал и провел рукой по своим растрепанным волосам, — Он любит раздвигать границы — мои больше, чем других.

Раздвигать границы?

Что еще связано с ним?

— О, — я не была увеуверена, что на это сказать.

Я была смущена.

— Спасибо, — добавила я, потому что поблагодарить его казалось правильным.

— Нет проблем.

— Ты, э-э, поймал его? — Спросил я и тут же пожалел о своем вопросе.

Почему я с ним разговаривала?

Это был мой сигнал уйти.

Почему я не ушла?

И почему мое сердце не перестает пытаться вырваться из груди?

Это будет происходить каждый раз, когда я буду сталкиваться с ним?

Если так, мне нужно было получить рецепт.

— Ронан, — уточнила я, выкапывая себе яму поглубже. — Ты считал до пяти.

— Как я уже сказал, — ответил Джонни, сжав челюсти, — он больше не будет тебя беспокоить.

— Ты ведь не убивал его, правда? — мои глаза расширились.

— Нет, Шэннон, я его не убивал, — рассмеялся он.

— О, хорошо, — я тяжело вздохнула. — Это хорошо.

Он склонил голову набок, выражение лица любопытное, а голос мягкий:

— Это так?

— Ну, я — я, да, — выдавила я. — Я думаю, всегда хорошо избежать обвинения в убийстве.

— Я думаю, это правда, — ответил он с ухмылкой.

— Ну, я, э-э, хорошо, — сказала я немного напряженным тоном, — Спасибо, что проверил меня

— Ты уверена? — он выгнул темную бровь.

— Да.

— Хорошо.

— Хорошо.

Он не сделал ни малейшего движения, чтобы уйти, и, как ни странно, я тоже.

Мы оба просто стояли там, в нескольких футах друг от друга, он смотрел на меня сверху вниз, а я смотрела прямо на него.

Было трудно объяснить, что происходит, но мне казалось, что он почти заново запоминает, как я выгляжу.

По крайней мере, это то, что я делала.

Его темно-голубые глаза были на моем лице, двигаясь от них к губам и обратно. Он открыто рассматривал меня и не пытался скрывать это. Это было одновременно и обескураживающим, и волнующим.

Затем мой телефон завибрировал у меня на груди, напугав и, к счастью, дав мне столь необходимую отсрочку от странного напряжения, охватившего нас.

Расстегнув пальто, я вытащила телефон из кармана, взглянула на имя Джоуи, мигающее на экране, и быстро нажала кнопку принять.

— Шэннон! Что происходит? — спросил мой брат в первую очередь. — Ты в порядке? Что-то случилось ... — его голос прервался, и он прорычал в трубку: — Если один из этих

шикарных ублюдков что-нибудь с тобой сделает, я потеряю свое...

— Все хорошо, — выпалила я, прерывая его на полуслове. — Я в порядке. Успокойся.

Мои глаза метнулись к Джонни, который все еще был там, наблюдая за мной с задумчивым видом.

— Я пропустила свой автобус, — продолжала говорить, поворачиваясь к нему спиной, чтобы обрести столь необходимое самообладание. — И следующий не раньше, чем без четверти десять сегодня вечером, — быстро объяснила я, понизив голос и приглушив его. — Уже стемнело, и я не хочу идти пешком на случай... — Я остановила себя, прежде чем закончить это предложение, а затем поспешила спросить: — Ты с Ифой? Ребята, вы не могли бы заехать за мной?

У Джоуи были полноценные права, но у него не было машины. У его девушки, у которой все еще были временные права, был четырнадцатилетний Opel Corsa. Машина была старой и вялой, но продолжала работать.

Джоуи был именным водителем в ее страховке и ее личным водителем в большинстве дней, и я знала, что она позволяла ему одалживать авто, когда он хотел.

— Я действительно застряла, Джо, — добавила я тихим голосом. — Я бы не просила тебя, если бы не находилась в отчаянии.

— Ах, черт, Шэн. Я работаю до девяти, — проворчал Джоуи. — Меня вызвали подменить одного из парней, а Ифа работает до половины одиннадцатого по вторникам, так что машина у нее. Ты звонила маме?

— Она работает в вечернюю смену, — пробормотала я. — И я не буду звонить отцу.

— Нет! Господи, не звони ему, — согласился Джоуи жестким тоном. Он тяжело вздохнул на другом конце провода и сказал: — Послушай, повесь трубку и дай мне несколько минут. Я обзвоню парочку парней — может, кто-нибудь сможет тебя забрать. Я перезвоню тебе через несколько минут.

— Нет, не делай этого, — быстро вмешалась я, мысль о том, чтобы сесть в машину с одним из его друзей, какими бы терпимыми они ни были ко мне, не была привлекательной концепцией. — Школа остается открытой допоздна. Я могу подождать здесь, пока не приедет мой автобус.

Легкое прикосновение к моему плечу отвлекло мое внимание от телефонного звонка.

Развернувшись, я подняла глаза и встретила взглядом с Джонни.

— Я могу отвезти тебя домой, — сказал он, голубые глаза встретились с моими.

— А? — я открыла рот, но ничего, кроме одного звука, произнести не вышло.

— Моя машина припаркована снаружи, — он наклонил голову в сторону входа. — Я могу отвезти тебя домой.

— Я, эм, я... — Покачав головой, я резко втянула воздух и попробовала снова. — Нет, нет, все в порядке. Ты не обязан это делать.

— Я знаю, что не обязан, — медленно ответил он. — Я лишь предлагаю.

— Сделать что? — Джоуи рявкнул на всю линию. — Шэн? Что происходит? С кем ты разговариваешь?

— О, ах, просто этот парень из школы, — объяснила я, лицо горело от жара.

Джонни выгнул бровь.

Я покраснела ярко-розоватым цветом.

Моя реакция вызвала улыбку на его полных губах.

— Шэн, что за парень? — потребовал ответа мой брат, возвращая мое внимание к

нашему телефонному разговору. — Какой *парень*?

— Просто парень, которого я знаю, — выдавила я резким тоном. Прикусив нижнюю губу, я посмотрела на Джонни и сказала: — Честно, все в порядке. Ты не должен отвозить меня домой.

— Подожди — кто отвезет тебя домой, Шэннон? — Джоуи рявкнул в трубку, отвлекая меня еще раз. — Почему ты разговариваешь с парнями, которые достаточно взрослые, чтобы отвезти тебя домой? Тебе пятнадцать!

— Я знаю, сколько мне лет, Джоуи, — парировала я, нервы были на пределе. — Послушай, расслабься, — Прижав ладонь ко лбу, я сказала: — Я подожду здесь, пока не придет мой автобус.

— Дай ему трубку, — приказал Джоуи.

— Что? — Я разинула рот. — Кому?

— Парень, который просто парень, которого ты знаешь, с машиной, — выплюнул он, бросая мне мои слова обратно.

— *Зачем?*

— Потому что я хочу с ним поговорить, — нетерпеливо ответил Джоуи.

Я взглянула на Джонни, который выжидающе смотрел на меня.

— Почему ты хочешь поговорить с ним? — прошептала, опустив взгляд.

— Потому что я хочу поговорить с ублюдком, предлагающим отвезти мою младшую сестру домой на своей машине, вот почему.

Нетерпеливо вздохнув, Джонни прочистил горло и протянул руку.

Я уставилась на его руку и растерянно моргнула.

— Дай мне свой телефон, — спокойно приказал он.

— Мой телефон?

— Да, — Джонни кивнул. — Твой телефон.

Когда я не сделала ни малейшего движения, чтобы отдать его, Джонни выхватил телефон у меня из рук и прижал к уху.

— Привет, это Джонни, — сказал он в трубку, прижимая мой чертовтелефон к уху, — Да, я знаю твою сестру... — он сделал паузу, прежде чем сказать: — Кавана... да, это я, — Последовала еще одна пауза, прежде чем он кивнул. — Спасибо. Это было сильное выступление во всех раундах.

Униженная, я протянула руку и попытался схватить свой телефон, но он был слишком высоким. Держа руку на расстоянии между нами, чтобы держать меня на расстоянии, Джонни продолжал говорить — с моим братом.

— Возможно, — сказал он в трубку, — Да, это рискованный ход. Нет, билеты на летний тур поступят в продажу только в мае... Да, я посмотрю, что я могу сделать. Хотя только домашние игры... Круто.

Что?

Серьезно, *что?*

Запутанная не стала объяснять, что я чувствовала в этот момент.

— Я хорошо осведомлен, — сказал Джонни сухим тоном, очевидно, отвечая на что-то, что говорил Джоуи, — Нет, я не... Мы, эм, да, мы друзья ... очевидно... полная лицензия... да... — Его взгляд метнулся к моему лицу. — Семнадцать... Я знаю, что... да, я понимаю... Я знаю разницу... Я не буду, — сказал Джонни, прежде чем нажать на завершение вызова и протянуть мне телефон.

— Что только что произошло? — Я заартачилась, уставившись на черный экран своего телефона. — Что он тебе сказал?

Джонни пожал плечами, но не ответил на мой вопрос. Вместо этого он наклонился и схватил мою школьную сумку.

— Давай, — перекинув мою сумку через плечо, он прижал руку к моей спине и подтолкнул меня вперед, — Старший брат разрешил мне отвезти тебя домой.

— А как насчет твоей школьной сумки? — выпалила я, заметив, что он нес только мою.

— Она в машине, — ответил он, продолжая вести меня к двери, — Поехали.

Как ягненок на заклятие, я пошла с ним, зная, что это ужасная идея, но не в силах остановить свои ноги.

В коридорах было всего несколько учеников, но, клянусь, я чувствовала на себе все их взгляды, когда мы с Джонни шли к входной двери.

Джонни распахнул стеклянную дверь и подождал, пока я выйду, прежде чем последовать за мной.

Я понятия не имела, что делать — или говорить, если уж на то пошло.

Я была так далеко от своей зоны комфорта, что едва мог функционировать.

Если честно, у меня немного закружилась голова.

Мы молча шли бок о бок через двор и вниз по проспекту к студенческой автостоянке.

Несмотря на то, что сегодня было первое марта и второй месяц весны, в Ирландии на улице было темно, не говоря уже о жутком холоде.

Я не была фанатом находиться на улице в темноте, и обнаружила, что держусь поближе к нему. Сотрясение мозга или нет, какая-то часть моего мозга сказала мне, что с этим мальчиком я в безопасности.

Вероятно, так казалось из-за сотрясения.

— Он не причинил тебе вреда, не так ли? — Спросил Джонни, нарушая тишину, когда мы зашли на парковку.

— Что? — я повернула лицо, чтобы посмотреть на него, — Нет, нет, я в порядке.

— Ты уверена? — он смотрел прямо перед собой, поэтому я сделала то же самое, чувствуя себя слишком незащищенной рядом с ним. — Он не поднимал на тебя руки?

— Я уверена. Засунув руки в карманы пальто, я не отрывала взгляда от ряда машин впереди. — Я в порядке.

Джонни напрягся, и это движение заставило его руку потереться о мою.

— Знаешь, ты можешь сказать мне, сделал ли он это, — он сунул руку в карман и достал связку ключей. — Тебе не нужно бояться.

— Он этого не сделал.

— Хорошо, хорошо, — пробормотал он, нажимая кнопку на гладком черном ключе от машины. Из соседнего автомобиля вспыхнули огни, и он направил нас к нему. — Это моя машина.

— Вау, — пробормотала я, когда подошел достаточно близко, чтобы разглядеть впечатляюще выглядящую машину, — У тебя есть *Ауди*?

— Да, — согласился он, открывая одну из задних дверей.

— Это твоя?

— Иначе зачем бы я на ней ездил?

Я съезжилась.

— Я подумала, что она может принадлежать твоим родителям или что-то в этом роде.

— Нет, она моя, — ответил он. — У моих родителей есть собственный транспорт.

— О, — выдохнула я, вытаращив глаза от восхищения.

Из-за темноты я не могла изобразить, была ли машина черной или темно-синей, но, боже всемогущий, темно или нет, я могу легко сказать, что она являлась модной.

И новой.

И быстрой.

И дорогой.

Неудивительно, что он не хотел получить обратно 65 евро.

— Это формат А3? — спросила я, пораженная.

— Да, — ответил Джонни, бросая мою сумку на заднее сиденье, где она присоединилась к другой школьной сумке и еще несколькими сумкам со снаряжением, все с разными клубными гербами.

Я могла заметить спортивную сумку за милую, проведя большую часть своей жизни, падая на них.

Я также болезненно ощущала *зловоние подростка*, исходившее от одного из этих пакетов. Это было похоже на зловоние, которое доносилось из спальни Джоуи; характерный запах, состоящий из сочетания пота, секса и мужчины.

Заглядывая через его плечо, я игнорировала вонь мальчишка и восхищалась кожаным салоном.

— Ты увлекаешься машинами или что-то в этом роде? — спросил он, поворачивая голову как раз вовремя, чтобы заметить, как я заглядываю ему через плечо.

— Не совсем, — я сделала шаг назад и пожалела плечами, чувствуя, как жар заливает мое лицо, и испытала огромное облегчение от того, что меня поймали за разглядыванием его машины, а не его задницы в этих штанах.

Потому что я это тоже полностью проверила.

Было трудно не сделать этого.

Она была круглой, твердой и...

— Но мой брат Джоуи да, так что я знаю много типов, слушая его, — поспешила я объяснить и отвлечь себя от своих опасных мыслей, — Это быстрая машина.

— Да, пока все довольно прилично.

— На данный момент?

Кивнув, Джонни закрыл заднюю дверь и одарил меня быстрой улыбкой, прежде чем открыть переднюю пассажирскую дверь.

— Ах, дерьмо, — проворчал он, глядя в смятении, — Извините за это. Я не планировал, что здесь будет кто-то.

Мои глаза увидели абсолютную бойню, которая была на его переднем сиденье.

Черт возьми.

Это был полный беспорядок.

— Я могу сесть сзади, если тебе так легче? — предложила я, не желая выводить его из себя еще больше, чем уже сделал.

— Что, нет, — пробормотал Джонни, почесывая челюсть, — Просто дай мне секунду.

Нырнув в машину, он набрал полную охапку пустых бутылок, носков, пластиковых контейнеров, упаковок из-под жевательной резинки, банок из-под дезодорантов и полотенец и бросил их на спинку сиденья.

Ему пришлось повторить этот цикл еще три раза, сбрасывая мусор с переднего сиденья

на заднее, прежде чем освободилось место, остановившись на полпути, чтобы положить в карман черный бумажник, который, как он сообщил мне, искал какое-то время.

Наконец, когда он закончил с импровизированной уборкой, вылез обратно, застенчиво улыбаясь:

— Думаю, теперь все в порядке.

— Еще раз спасибо, что предложил подбросить меня до дома, — я улыбнулась.

— Это не проблема, — ответил он, — Полагаю, я все еще должен тебе за разбитую голову, да?

— Ты ее не разбил, — быстро уточнила я, — Ты только немного поколебал мой мозг.

— Я вроде как сделал, не так ли? — Джонни поморщился.

— Ну, — я задумалась. — До моего дома пятнадцать миль. Итак, между деньгами, угрозой отрезать член Ронана и возвращением домой, я думаю, мы можем считать, что все кончено.

— Он не из твоего класса, не так ли? — Джонни разочарованно вздохнул, — Потому что это тоже можно уладить.

— У нас только одно совместное занятие два раза в неделю, — объяснила я.

Соотношение мужчин и женщин на третьем курсе было сильно несбалансированным: восемьдесят мальчиков и только пять девочек.

Все пять девочек были помещены в один класс 3А.

К счастью для меня, Ронан Макгэрри был в классе 3D, так что, за исключением пары смешанных занятий в течение недели, мне не пришлось бы смотреть на него.

— До этого вечера он не сказал мне ни слова, — добавила я.

— Ну, если он даст тебе хотя бы намек на какое-либо дерьмо, дай мне знать, — прорычал Джонни, — И я это исправлю.

— Ты это исправишь? — я усомнилась, — Ты говоришь так, будто ты в мафии или что-то в этом роде.

Джонни рассмеялся и придержал дверь открытой, жестикулируя рукой:

— Давай, Шэннон *как река*. Садись в мою машину.

Он был таким неожиданным, и я была так отвлечена им, что не чувствовала никаких колебаний. Я просто забралась внутрь и пристегнула ремень безопасности, наблюдая, как он закрыл мою дверь и побежал вокруг передней части машины к своей стороне.

Только когда он сел на водительское сиденье рядом со мной с закрытыми дверями, почувствовала, как у меня участилось сердцебиение и накатила обычная волна беспокойства.

— Боже, как холодно, — объявил Джонни, потирая руки, прежде чем завести двигатель.

Он был прав.

Здесь было холодно.

— Уже поздно садиться на автобус, — добавил он, включив свет над головой. — Школа заканчивается в четыре.

— Да, я знаю, — я сцепила руки вместе, все мое тело превратилось в комок нервов. — Но автобус в полпятого — единственный, который проезжает мимо моей дороги.

— Отстойно.

— Все не так уж и плохо, — ответила я, поправляя ремень безопасности. — Обычно мне удается сделать большую часть домашней работы по вечерам, прежде чем я уйду из школы.

Небольшая дрожь пробежала по мне, на что Джонни автоматически спросил:

— Тебе холодно?

Потянувшись к обогревателю, он включил его на полную мощность, затем вернулся к потиранию рук и дрожи.

— Отогрев не займет много времени, — добавил он, указывая на тонкий слой льда на ветровом стекле.

— Я в порядке, но тебе, наверное, стоит надеть пальто. — заявила я, глядя на его голые руки, — Или, по крайней мере, джемпер. Там как будто 2 градуса. В конечном итоге ты заболеешь.

— Не, я к этому привык, — сказал он мне. — Большую часть каждой зимы я провожу на поле под проливным дождем.

— Играя в регби, — задумчиво вставила я.

— Ага, — сложив ладони рупором у рта, он вдохнул в них и продолжил растирать. — Ты занимаешься каким-нибудь спортом?

— Нет, — я покачала головой и потрогала пуговицу на пальто. — Хотя мне нравится смотреть.

Склонив голову набок, он изучал мое лицо.

— Ты часто смотришь регби?

Я чувствовала тяжесть его взгляда на своих щеках. *Они были в огне.*

— Ах, нет, — пробормотала я. — Я имею в виду, что смотрела тот матч на прошлой неделе, и я смотрю Ирландию на чемпионате Шести наций каждый год, и я иногда слежу за футболом. Но в основном это ГАА — гэльский футбол и метание, — Я посмотрела на него, — Мой брат Джоуи — парень, с которым ты говорил по телефону, он играет за Корк.

— Ни хрена? — Брови Джонни взлетели вверх. — Старший уровень?

— Нет, ему всего восемнадцать, так что пока это несовершеннолетние, — ответила я. — Но ходят разговоры о том, что его вызовут в основную команду в следующем сезоне.

— Знаешь, теперь, когда я думаю об этом, имя Джоуи Линч звучит знакомо, — размышлял Джонни. Он повернулся на своем сиденье, чтобы посмотреть на меня с выражением, полным интереса, — Он в ОШБ, верно? Метатель?

— Да, — я кивнула. — Он много лет играл в дуэлях, как и большинство людей, но когда его вызвали на окружной уровень, он бросил футбол.

— Мило, — Джонни выдохнул. Он казался впечатленным, когда прислонился спиной к двери и сказал: — Нелегко получить вызов на окружной уровень где угодно, но особенно в Корке, где конкуренция такая жесткая.

— На самом деле это не так, — я сохраняла одно положение тела — прямо перед собой, — но повернула голову, чтобы посмотреть на него. — Люди не понимают, как невероятно сложно играть на таком уровне и *оставаться* на нем. Они предполагают, что это легко для спортсменов, и что они избалованы и имеют право, но они не видят огромных, закулисных жертв, которые ежедневно приносят эти парни.

— Ты понимаешь это, — ответил он, кивая головой в знак согласия.

Поставив ногу на сиденье, Джонни обхватил рукой колено, положил другую руку на руль и уделил мне все свое внимание.

— Твой брат использует эту возможность обеими руками?

— Наверное, — ответила я, думая о своем брате и его отношении к жизни.

Это было странно.

Обычно я была не очень разговорчивой.

По крайней мере, не рядом с незнакомцами.

Но рядом с ним я этого не чувствовала.

По крайней мере, не сегодня.

Я чувствовала себя странно открытой, и интерес Джонни к тому, что я должна была сказать, побудил меня продолжать говорить.

Кроме того, мой брат был безопасной темой.

Все любили Джоуи, включая меня, и я безумно гордилась его достижениями.

— Но он все еще в школе — в этом году получит выпускной сертификат — и его многое отвлекает. Наш отец хочет, чтобы он сосредоточился на метании 24/7, но Джо общительный парень. Ему трудно сказать «нет» своим друзьям, — продолжала я болтать, а он продолжал внимательно слушать то, что я говорила.

— Честно говоря, у Джоуи достаточно таланта и умения, чтобы играть на любом уровне, — честно заявила я, оценивая каждый кивок Джонни, пока говорила.

— Его самая большая проблема — сохранить голову, а отвлекающие факторы повсюду. Все хотят заполучить частичку тебя, когда ты на виду у публики, и Джоуи с трудом стоит на ногах, — говоря это, я пренебрежительно махнула рукой в воздухе, — Я думаю, трудно твердо стоять на ногах, когда ты подросток, играющий в мужском мире и пожинаящий плоды за это... — Я сделала паузу, тяжело вздохнув, прежде чем добавить: — Ты знаешь, как это бывает с вечеринками, девушками, особым отношением и всем таким.

— Да, — ответил Джонни, почти рассеянно потирая челюсть. Когда он смотрел на меня, на его лице было странное выражение, которое я не мог до конца передать, — Я действительно знаю.

— То же самое было и с Дарреном, — добавила я задумчиво, вспоминая, насколько похожими были жизни моих братьев в восемнадцать.

— Даррен? — Джонни нахмурил брови.

Я покраснела.

— О, мой старший брат. Он отыграл год на старшем уровне, прежде чем сдаться.

— Что? — Брови Джонни взлетели вверх. — Почему он сдался?

— Давление? — я предложила слабым голосом, не желая углубляться в проблемы моей семьи. — Я думаю, он пал духом в игре.

После этого последовала долгая, многозначительная пауза, во время которой никто из нас не произнес ни слова. Это было тревожно и принесло с собой мои прежние волнения.

— Прости, — пробормотала я, заправляя волосы за ухо. — Я, наверное, просто наскучила тебе до полусна всем этим, — Нервно теребя свою косу, перевела взгляд с теперь уже незамерзающего ветрового стекла на него, прежде чем сказать: — Я бы сказала, что мы готовы ехать.

Джонни не сделал ни малейшего движения, чтобы завести машину. Вместо этого он удивил меня, спросив:

— А как насчет тебя?

— А как насчет меня что? — ответила я, чувствуя себя немного нервной.

— Ты опытный игрок? — он одарил меня ухмылкой, — Поскольку это явно происходит в вашей семье.

— Ах, нет, — ответила я, покраснев. — Определенно нет. Я никогда не была хороша в этом. Но я люблю смотреть. Мне нравится физическая составляющая игры.

Джонни кивнул, с безупречной вежливостью впитывая все, что я ему говорила, только

для того, чтобы чертовски удивить меня вновь, произнеся:

— Я думаю, тебе понравится регби.

Мои брови поползли вверх от странного заявления.

— Я думаю, ты хотел сказать, что я могу умереть, играя в регби, — поправила я, указывая на свое тело. — Если ты не заметил, я вроде как на маленькой стороне.

Широкая улыбка расплылась по его лицу, на щеках появились ямочки.

— Да, я заметил, — усмехнулся он. — Я имел в виду, что, думаю, тебе понравится смотреть регби. Если так нравится ГАА, тогда понравится и физическая сила регби.

— Мне нравится, — напомнила я ему, — когда играет Ирландия. — *Не то чтобы я имела хоть малейшее представление о том, что происходит*, я пропустила объяснение правил.

— А как насчет местных команд? Школьное регби? Провинциальные стороны? Ты когда-нибудь была на каких-либо играх до прошлой недели?

Он сыпал вопросами быстрее, чем я успевала отвечать. Я попыталась ответить ему как можно лучше.

— Нет, я не слежу ни за какой командой, кроме международной, и я никогда не была ни на каких других играх.

Джонни снова кивнул, принимая все, что я говорила, как будто это было важно.

— Я играю, — наконец сказал он.

— За Томмен. Да, я знаю, — съязвила я. — Я видела тебя, и у меня все еще есть шишка на затылке, чтобы доказать это.

Джонни поморщился.

— Нет, — настаивал он странно серьезным тоном, — Я имею в виду, что я играю.

— Это... хорошо? — я тупо уставилась на него в ответ.

Он издал нетерпеливый смешок.

— Ты понятия не имеешь, о чем я говорю, не так ли?

— Нет, — я покачала головой. — Я, честно говоря, не знаю.

Он долго обдумывал это, прежде чем кивнуть.

— Мне это нравится.

— Что тебе нравится?

— То, что ты не знаешь, о чем я говорю, — ответил он без колебаний. — Это немного оскорбительно и очень освежает.

— Э-э, ну, пожалуйста? — предположила я, не зная, что на это ответить. — Итак, регби — это твой конек, да?

— Можно и так сказать, — Джонни ухмыльнулся.

Я чувствовала, что мне здесь чего-то не хватает.

— И ты хорош?

Я думала, что он был хорош.

Я думала, что он был лучшим в прошлую пятницу, но я не имела много информации об этом виде спорта.

Его улыбка стала шире, глаза слегка прищурились, когда он повторил свои предыдущие слова:

— Можно и так сказать.

Ладно, я определенно что-то упустила.

— Я буду смущена этим? — спросила я, ломая голову в поисках информации, которая

могла бы мне помочь.

У меня ее не было. Конечно, я знала, что он был капитаном школьной команды, и эти фотографии и репортеры преследовали его по пятам, но я подумала, что это связано с тем, что он был капитаном и лучшим игроком на поле в тот день. Тем не менее, я не могла избавиться от ощущения, что я что-то упускаю.

— Если я проведу поиск в Интернете по тебе, я узнаю, что ты какой-то бог регби?

Джонни откинул голову назад и рассмеялся.

— Нет, — задумчиво произнес он. — Я не бог.

— Так что там? — я надавила.

С печальной улыбкой Джонни снова вернул тему ко мне, сказав:

— Итак, ГАА — это твоя фишка, да?

— Ну, у меня действительно нет особого выбора в этом вопросе, — ответила я, соглашаясь с его отвлечением, — У меня пять братьев и отец-фанатик ГАА, так что... — я позволяю своим словам затихнуть, слегка пожимая плечами.

— Нет сестер?

— Нет, — ответил я, — Есть только я и мальчики.

— Как тебе это?

Его вопрос сбил меня с толку, и мне потребовалось несколько мгновений, чтобы сформулировать ответ.

— Хорошо, я думаю.

Никто никогда не спрашивал меня об этом раньше.

Даже мои родители.

— Это создает напряженную домашнюю жизнь, — добавила я, чувствуя необходимость уточнить. — Иногда это становится немного сумасшедшим.

— Держу пари.

Переместив руку с руля на ногу, которую он поставил на пол, Джонни начал разглаживать своей большой рукой перед своих спортивных штанов, останавливаясь, чтобы размять бедро костяшками пальцев.

Я была бы очень напугана этим ходом, если бы не тот факт, что он, казалось, делал это подсознательно, как будто успокаивал боль.

— Вы близки? — спросил он, отвлекая меня от разглядывания.

— Близки? — Я быстро заморгала. — С братьями?

Он кивнул.

Я на мгновение задумалась, прежде чем ответить.

— Я близка с Джоуи — это тот, с которым мы разговаривали по телефону ранее. На Рождество ему исполнилось восемнадцать, так что он самый близкий мне по возрасту. Даррен живет не в Корке, а троим младшим всего одиннадцать, девять и три года, так что мы не очень близки.

— Он хорошо к тебе относится?

— Кто — Джоуи?

Он кивнул.

— Да, — я улыбнулась. — Он отличный брат.

— Защитник?

— Иногда, — я пожала плечами.

Джонни задумчиво кивнул, прежде чем сказать:

— Значит, ты средний ребенок?

— Да, я третья.

— Это много детей.

— А как насчет тебя? — я поменялась с ним ролями. — Есть сестры или братья?

— Нет, — ответил он, пожав плечами. — Я единственный ребенок в семье.

Вау.

— На что это похоже?

— Тихо, — съязвил он, прежде чем снова переключить внимание на меня. — Ты прожила здесь всю свою жизнь?

— Ага. Родилась и выросла в Баллилаггине, — подтвердила я. — Ты из Дублина, верно?

Ты переехал сюда, когда тебе было одиннадцать?

Его глаза заблестели.

— Помнишь, что я тебе это говорил?

Я кивнула.

— Господи, ты была так не в себе в тот день, я не думал, что ты что-нибудь вспомнишь, — задумчиво ответил он, почесывая подбородок.

— Даже если бы я этого не сделала, твой акцент выдает тебя с головой.

— Да?

Кивнув, я изобразила свой самый шикарный саутсайдовский акцент и сказала:

— Я из Блэкрок, дорогая.

Джонни рассмеялся над моей попыткой.

— Даже близко нет.

— Дай угадаю, тебе нравится окунать пальцы ног в Сандиков, прежде чем отправиться на ланч в Dublin 4? — добавила я с усмешкой и еще одним вынужденным акцентом.

Мои щеки горели.

Боже, я была такой неуклюжей.

— Во мне нет ничего шикарного, Шэннон, — возразил Джонни, улыбка исчезла. — Может, я родом из приличного района, но мои родители усердно работают ради всего, что у них есть. Они пришли с ничем и построили себя сами.

— Ты прав.

Он совсем не казался шикарным.

Моя попытка выдать себя за него потерпела полный провал.

Что за идиотка...

Смущенная своей редкой и плохо исполненной шуткой, я теребила свою косу и пробормотала:

— Прости.

— Не извиняйся, — пренебрежительно ответил он, снова улыбаясь. — С другой стороны, у моей мамы действительно сильный акцент Нортсайда.

Мои глаза загорелись.

— Как в «Город-сказка»?

— Ты смотришь сериалы? — Джонни поморщил нос.

— Я люблю их, — призналась я с улыбкой. — «Город-сказка» — мой любимый.

— Ну, если бы ты слышала мою маму, то была бы в своей стихии, — усмехнулся он, не обращая внимания на свои странные движения руками к бедрам. — Мой отец родился и вырос в Баллилаггине. Итак, он уроженец Корка, как и ты, — пожав плечами, он добавил: —

Полагаю, я звучу как гребаная смесь того и другого.

Нет.

В нем не было ни грамма акцента Корка, он был стопроцентным Дабом, но я решила не говорить ему об этом и вместо этого спросить:

— Почему твоя семья переехала сюда?

— Мать моего отца была больна, — объяснил он. — Она хотела вернуться домой, чтобы, ну, ты знаешь, поэтому мы переехали, чтобы позаботиться о ней, — Уронив руки на колени, он поиграл большими пальцами. — Предполагалось, что это временно — я был зачислен в колледж Ройс на следующий сентябрь. Мы должны были отправиться домой после похорон.

— Но ты не вернулся в Дублин?

Он покачал головой.

— Нет, арендаторы решили, что им нравится спокойный образ жизни здесь, внизу, поэтому они выставили дом в Дублине на продажу и сделали переезд постоянным.

— Как это было — двигаться в таком возрасте?

Я понятия не имела, почему задавала эти вопросы.

Я не могла припомнить, чтобы когда-либо так долго разговаривала со случайным человеком.

Но это было приятно, Джонни был интересным.

Он был *другим*.

Я была ошеломлена тем, как легко было на самом деле поговорить с ним.

— Должно быть, это было тяжело.

— Это была заноза в заднице, — пробормотал Джонни, явно вспоминая те дни. — Перехожу в новую школу в середине учебного года. Меняю клуб и нахожу свои ноги в новой команде. Занять место другого парня в команде, а затем разобраться с выпадением, — он покачал головой и провел рукой по волосам, — Мне пришлось повторить шестой урок по ходу движения — какое-то дерьмо о политике или что-то в этом роде.

— Где?

— Скоил Эоин, — предложил он с гримасой. — Одни мальчики, католическая начальная школа.

Мои брови взлетели вверх.

— Тот же, что и Хьюи Биггс?

Он кивнул, улыбаясь.

— Да, именно там я встретил Хьюи, Гибса и Фели.

— Эти парни твои друзья?

— К сожалению, — с ухмылкой кивнул он.

— Ты не возражал? — тогда я спросила. — Приходится повторять шестой урок в Скоил Эоин?

— Я был в ярости, Шэннон.

— Ты был? — уточнила я, игнорируя то, как внутренности задрожали, когда он произнес мое имя.

На самом деле, я отчаянно пыталась игнорировать электрический ток тепла, пульсирующий в моих венах.

— Да, я действительно с нетерпением ждал возможности отправиться в Ройс со своими приятелями и парнями из клуба, — объяснил он. — Господи, я был в бешенстве от своих

родителей, когда они вытащили меня и записали в Томмен, — Он издал небольшой смешок, затем сказал: — Прошло шесть лет, а я все еще злюсь из-за этого.

— Ну, похоже, у тебя здесь все в порядке, — предположила я, не зная, что сказать. — У тебя много друзей, и ты все еще играешь в регби и все такое.

— И все такое, — усмехнулся Джонни, которого очень позабавили мои слова. Он долго изучал мое лицо, прежде чем спросить:

— Ты танцуешь?

— *Нет*, почему ты спрашиваешь об этом?

— Я не знаю — Джонни пожал плечами. — Некоторые девочки танцуют вместо того, чтобы заниматься спортом, — его глаза на мгновение скользнули по мне, прежде чем вернуться к моему лицу. — Ты выглядишь так, будто могла бы быть одной из тех... — он обвел рукой вокруг, очевидно, подыскивая слово, прежде чем закончить: — Знаешь, одной из тех танцоров в пачке.

Мои глаза расширились.

— Ты думаешь, я похожа на *балерину*?

Он кивнул, и смех сорвался с моих губ.

— Что? — Он застенчиво улыбнулся. — Ты маленькая, — он указал рукой на мое тело, прежде чем добавить: — Это не так уж далеко от воображения.

— Ну, я не балерина, — засмеялась я, — Или любой другой танцор, если на то пошло. Я просто отсталая.

— Отсталая? — удивленно поднял бровь Джонни.

— Ты меня видел? — я указала на себя. — Мне пятнадцать, едва ли 152 см, и я вешу около 38 кг.

— Ты вешишь шесть стоунов? — он выдохнул, его глаза расширились от недоверия.

Тем временем мои глаза расширились от удивления тем, как быстро он смог превратить кг в стоуны.

Вау.

— Господи, я жму в спортзале в два раза больше, чем ты вешишь, — Джонни оглядел меня с ног до головы, прежде чем спросить: — Ты серьезно всего 152 см?

— Если я стою прямо, то да.

— Господи, у меня рост 178 см, — он покачал головой. — Ты такая маленькая.

— Точно, — я скривилась. — Отсталая.

— Господи, неудивительно, что ты сложились, как шезлонг, когда мяч попал в тебя, — пробормотал Джонни, снова потирая челюсть, пока его глаза путешествовали по мне. — Я мог бы разорвать тебя пополам.

— Это один из способов выразить это, — ответила я, сморщив нос от аналогии.

— Твоя мать все еще злится на меня?

— Моя мать?

— Да, — он кивнул. — В тот день она выглядела так, словно была в двух секундах от того, чтобы оторвать мне голову.

— Моя мама только испугалась, — пробормотала я. — Она увидела, что мне больно, и сделала первый вывод, который мог прийти в голову.

— И первым выводом было то, что я избил тебя?

Я неловко пожала плечами, но ничего не выдала.

— Такое бывает, — в итоге произнесла я.

— Не от меня, это не так, — отметил он, теперь тон немного гуще, глаза прикованы к моим. — Я бы такого не сделал.

— Эй, не надо так быстро все отрицать, — Я попыталась пошутить. — Я только что была свидетелем того, как ты угрожал отрезать Ронану член.

— Этот маленький придурок не в счет, — был его ворчливый ответ. — Я, блять, терпеть не могу этого парня, но его дядя — школьный тренер, так что у меня нет выбора, кроме как продолжать переносить его. Он всегда давит на меня и действует ужасно на поле, выкидывает безрассудные трюки и устраивает ненужную драму. Это как нянчиться с гребаным малышом во время матчей. Клянусь, это ежедневное испытание моей сдержанности, чтобы не придушить маленького придурка.

— Значит, вы не друзья? — я ухмыльнулась.

— Определенно не друзья, — Джонни посмеялся над этой идеей.

— Ну, он все еще молод, — оптимистично предположила я. — Так что, может быть, со временем он повзрослеет.

— Как ты?

— А?

— Я имею в виду, что вы с ним на одном курсе, — поспешил он объяснить. — Но ты не ведешь себя так, как будто тебе пятнадцать.

— В каком смысле?

Он покачал головой.

— Ты выглядишь намного старше.

— Это потому, что я девяностолетняя женщина, замаскированная под подростка, — съязвила я.

— Это... — Джонни сморщил нос. — Тревожная концепция.

— Ага, — пробормотала я, смущенная своим дерьмовым подшучиванием. — Так и есть.

— Итак, чем ты занимаешься? — он удивил меня, спросив.

— Чем занимаюсь? — я почти ожидала, что он закончит разговор на этом.

— Да, — он ободряюще кивнул. — В свободное время.

Я сделала паузу и задумалась над его вопросом.

— Я на самом деле ничего не делаю, — наконец сказала я. — Наверное, в свободное время смотрю телевизор и слушаю музыку — о, и я много читаю, — пожалв плечами, добавила: — Как ты можешь заметить, я не очень интересна.

— Какие книги? — Джонни склонил голову набок, изучая меня пристальными голубыми глазами.

— Автобиографии. Фантастика. Преступления. Триллеры. Романтика, — я вздохнула, подумав о куче книг в моей комнате. — Я не разборчива в жанрах. Мне просто должна понравиться реклама. Если аннотация книги сможет заманить меня, тогда я продана.

Джонни наблюдал за мной, пока я говорила, его пристальный и испытующий взгляд вызывал мурашки.

— Ты читатель, — наконец сказал он.

Это был не вопрос, это звучало скорее так, как будто он откладывал эту информацию в уме.

— Это действительно хорошо.

— Ты читаешь? — я спросила его.

Он поморщился.

— Не так часто и много, как следовало бы.

— Значит, совсем нет? — я дразнила.

— Честно говоря, нет, — признался он с кривой усмешкой. Придвинувшись ближе, он сказал: — Последняя книга, которую я прочитал, которая не была заказана в школе, была о Цыпленке Цыпа и о небе, падающем на всех маленьких говорящих животных — ты знаешь такую?

— Ага, — хихикнула я, думая о Джонни, читающем детские сказки. — Я читала это пару раз Шону.

— Шон?

— Мой младший брат, — объяснила я. — Трехлетний ребенок.

— Ты не должна, — предупредил Джонни, подавляя дрожь. — Эта книга напугала меня до смерти. С тех пор я не читал для развлечения.

У меня отвисла челюсть.

— Ты сейчас серьезно?

— Черт возьми, да, я серьезно, — парировал Джонни, выглядя комично уязвленным. — Я был совсем маленьким. Это была одна из тех книг «прочитай сам», в которых вместо слов были картинки и все такое дерьмо. Они должны были оценить это на PG, потому что, клянусь богом, я искренне верил, что все гребаное небо обрушится на меня, — он покачал головой при воспоминании. — Я спал под своей кроватью, а не на ней, в течение трех гребаных недель, пока мой отец, наконец, не сдался и не перевел меня в одну из спален внизу.

— Почему? — я громко рассмеялась. — Что хорошего было в том, что бы спуститься вниз, если небо падало?

Джонни ухмыльнулся, и ямочки на его щеках стали глубже.

— Ах, видишь, — усмехнулся он, постукивая себя по голове указательным пальцем. — В моем наивном шестилетнем уме я думал, что если небо действительно упадет, оно может пробить крышу, но оно не может пробить и потолок внизу. У меня было бы больше шансов выжить на первом этаже.

— Ты был умным маленьким парнем, не так ли?

— Я был чем-то нормальным, — ответил Джонни, смеясь вместе со мной. — Чертов идиот.

— Вау, — хихикнула я между приступами смеха. — Это выживание во всей красе.

— Настоящий бойскаут прямо перед тобой, — он одарил меня волчьей ухмылкой.

— Ты был в бойскаутах?

— Каким же я был, черт возьми, — парировал Джонни, смеясь теперь сильнее, — Я баловался, — В его глазах плясали веселые огоньки, — Почему? Ты была в Браунис (ирландские девушки-гиды)?

— Ах, определенно нет, — я покачала головой, подавляя смешок. — Мои навыки выживания ужасны.

Голос Джонни был немного глубже, когда он сказал: — Я не знаю об этом.

Затем выражение его лица изменилось, став более напряженным. Не выдержав накала страстей, я отвернулась и взглянула на часы на приборной панели.

На нем было написано 8:25.

Боже, как долго мы сидели здесь и разговаривали?

— Скажи мне кое-что, — отвлек меня Джонни, сказав. Он все еще улыбался, и его глаза

были теплыми, а тон мягким, — почему ты перевелась в Томмен?

Его вопрос застал меня врасплох.

— Я, э-э... — сцепив руки вместе, я хрустнула костяшками пальцев и тяжело вздохнула. — Мне нужны были перемены.

— Перемены? — он недоверчиво выгнул бровь. — На полпути к выпускному экзамену?

— Это сложно и вроде как личное... — мой голос затих, и я отвернулась, чтобы посмотреть в окно, хотя все, что я могла видеть, была темнота снаружи.

Мне не понравилось направление, которое принял этот разговор. Каждый раз, когда я думала о своей старой школе, меня охватывала новая волна ужаса.

Причины, по которым я оказалась здесь, были не тем, о чем я хотела бы говорить с кем-либо.

— Эй... — я почувствовала, как его пальцы коснулись тыльной стороны моей ладони, его голос теперь ближе, мягкий и испытующий. — Куда ты ходила?

Пораженная этим контактом, я откинула голову назад, мой взгляд метнулся от его лица к тому месту, где его большой палец все еще касался моей руки, разглаживая мягкие круги на костяшках пальцев.

Это было всего лишь безобидное прикосновение, призванное привлечь мое внимание, но больше всего меня удивило то, что я не сразу отстранилась.

Осознание того, что мне *нравятся* его прикосновения, было тревожным, но не настолько тревожным, как желание перевернуть мою руку и переплести свои пальцы с его.

— Дерьмо, — отдернув руку, Джонни отодвинулся, чтобы прислониться к двери, поморщившись от того, что выглядело как дискомфорт при движении.

Его рука автоматически снова метнулась к бедру.

— Прости, — проворчал он, и в этом звуке было заметно страдание. Прочистив горло, он добавил: — Я не должен был этого делать.

— Все в порядке, — прошептала я, нервно покусывая нижнюю губу. — Я не против.

Он тяжело выдохнул, а затем провел свободной рукой по волосам.

— Нет, это *не нормально*, — Его взгляд переместился на мой рот, и он снова тяжело вздохнул. — Это, блять, совсем *не нормально*.

— Все в порядке, — попыталась я успокоить его. — Не злись из-за этого.

— Я не злюсь, — выпалил Джонни, сжав челюсти. — Я просто... черт!

Он *так* злился.

Мой взгляд метнулся к его правой ноге, той, что на полу, а затем туда, где костяшки его пальцев побелели от давления, с которым он разминал бедро.

— Что с тобой не так? — отвлеченная зрелищем, выпалила я.

— Что ты имеешь в виду? — брови Джонни нахмурились в замешательстве.

— У тебя раньше в школе был пакет со льдом, который ты прикладывал к ноге, — заявила я, указывая рукой туда, где он все еще тыкал кулаком в бедро. — Ты ранен?

Его взгляд последовал за моим и упал на его бедро, и он быстро отдернул руку.

— Господи, — проворчал он, выглядя потрясенным. — Я не осознавал, что делаю это.

— Ты трогаешь себя с тех пор, как мы сели в машину, — объявила я.

— Боже! — Джонни зашипел, в ужасе уставившись на меня.

Я сразу же пожалела о своем выборе слов и начал крутить педали назад.

— Я имею в виду, не трогать себя. Очевидно, ты не *трогал себя*, ну трогал себя...

— Пожалуйста, перестань болтать, — умолял Джонни, поднимая руку.

Я закрыла рот и кивнула.

Осторожно переместив свое тело, он опустился обратно на свое место, слегка вздрогнув от движения. Я молча наблюдала, как он пристегнул ремень безопасности и сделал глубокий вдох, медленно выдыхая его.

— Просто для ясности, — заявил он после долгой паузы молчания. — Я действительно не чувствовал себя хорошо или что-то в этом роде. Я просто...

— Болит? — предложила я, вспомнив его слова того дня.

Его взгляд остановился на моем, теперь настороженный.

— Да, — признал он с болезненным вздохом.

— У тебя травма? — я понимающе кивнула.

Джонни перевел взгляд с моего лица на свою ногу, на его лице появилось разочарованное выражение.

— У меня есть кое-что, хорошо, — пробормотал он себе под нос, а затем издал еще один взволнованный вздох, прежде чем выпалить: — Я испортил свою приводящую мышцу, когда мне было шестнадцать. Это было жестоко. Ничего не помогало, и это ставило под угрозу мою игру. Мне было постоянно больно, Шэннон. *Постоянно*. Физиотерапевт не помогал, и я больше не мог справляться с болью, поэтому я сдался и перенес операцию на Рождество.

Он казался сердитым на себя, что подтолкнуло меня спросить:

— И ты злишься из-за этого?

Джонни покачал головой, а затем провел рукой по волосам. Он молчал так долго, что я и не думала, что он собирается мне ответить, но потом он пробормотал: — Оно не заживает.

— Твоя нога? — прошептала я, беспокойство закипало во мне. — Или твои швы?

— И то, и то? — он предложил, покорно покачав головой, затем прошептал: — Все это.

Это было странное признание между двумя относительно незнакомыми людьми, и у меня возникло отчетливое ощущение, что Джонни не часто делился такими подробностями с кем-либо.

Он выглядел раздраженным, и я не была уверена, что это из-за того, что был травмирован или потому, что он рассказал мне об этом.

В любом случае, у меня было самое большое желание утешить его.

— Ну ... — сделав паузу, я повернулась на сиденье, чтобы посмотреть на него, и собралась с мыслями, прежде чем сказать: — Обычно требуется гораздо больше времени, чем несколько недель, чтобы полностью восстановиться после операции. Ты не машина, Джонни. Процесс заживления требует времени. Товарищ по команде Джоуи в прошлом году перенес операцию по восстановлению подколенного сухожилия. Потребовалось пять месяцев, чтобы он вернулся в хорошую форму.

— Прошло десять недель, — парировал он, его тон стал жестким, отражая разочарование в его глазах. — Мой хирург сказал мне, что я на пути к полному выздоровлению, и мой врач разрешил мне играть через три недели после операции. Предполагалось, что это будет незначительная процедура, но это выглядит чертовски ужасно... — Джонни резко остановился и покачал головой, разочарованно выдохнув. — Это *не должно* занять так много времени, — повторил он, глядя на свое бедро, как на врага. — Это гребаный беспорядок.

— Тебе дали разрешение на игру через *три недели*? — я нахмурилась, — Это не кажется достаточно долгим сроком, чтобы твое тело исцелилось, — услышала я свой ответ мягким

ТОНОМ.

— Да, ну, я исцелился, — фыркнул он.

— Джонни, — тихо сказала я. — Вероятно, тебе следовало вернуться к тренировкам только сейчас.

— Ты не понимаешь, — он покачал головой.

Нет, я определенно этого не понимала, но это не помешало мне сказать:

— Ты сказал, что твои швы не зажили?

Он бросил на меня настороженный взгляд, но ничего не ответил.

— Ты можешь мне показать? — я спросила, — Я много таких видела.

Я сыта ими по горло.

— Шэннон, у меня была операция на приводящей мышце, — выпалил Джонни хриплым голосом, в глазах было замешательство.

— Я знаю, — ответила я. — Но я видела миллион спортивных травм на ногах и коленях, так что, может быть, я могу сказать тебе, в чем проблема? — пожав плечами, я добавила: — Вероятно, это просто затягивается, потому что ты все время на ногах.

— Проблема не в моей ноге, Шэннон.

— О, прости, я просто предположила, потому, как ты хромаешь», — ответила я. — Это твое бедро?

— Нет, — невозмутимо ответил он.

Мои щеки из слегка теплых превратились в горячие, как печь, за то время, которое мне потребовалось, чтобы осознать, что травма Джонни расположена намного выше, чем я первоначально думала.

Мой рот сложился в букву — о, когда яркие образы отрезанных частей мальчика вошли в мой разум.

— Да, — насмешливо выпалил Джонни, выглядя одновременно расстроенным и смущенным. — О.

— Ну, я-я... — бормоча, я покачала головой и попробовала снова: — Я не знаю, как тебе с этим помочь.

— Расслабься, я не собирался позволять тебе изучать это, — бросил он в ответ, защищаясь.

— Прости, — прошептала я, совершенно подавленная. — Я не ... э-э, поняла, где это было.

— И, кстати, — добавил он, прищутив глаза, — я перенес операцию на паху, а не на члене, так что я был бы признателен, если бы у тебя были факты прямо перед тем, как ты начнешь болтать об этом.

Что?

— Болтать? — мои глаза переместились с его лица на промежность, неудержимая реакция, когда я услышала слово «член», исходящее из его рта. — Я не...

— Я знаю, как девушки любят сплетничать, — выпалил он, сжав челюсти. — Черт, что я делаю?

Я уставилась на него.

— Сплетничать?

Он был серьезен?

— Слушай, просто забудь, что я тебе все это говорил, — фыркнул он. — Уже поздно.

Протянув руку между нами, он накрыл большой рукой рычаг переключения передач и

переключил передачу.

— Куда тебя подвести?

— Понятия не имею, — у меня перехватило дыхание.

— Что? — он повернулся, чтобы посмотреть на меня.

— Что? — я заерзала на своем месте.

— Твой адрес, Шэннон, — он нетерпеливо забарабанил пальцами по рулю. — Ты должна сказать мне, где ты живешь, чтобы я мог отвезти тебя домой.

— О, — *Боже*. — Прости. Эм, Элк — террас в Баллилаггине.

Коротко кивнув, Джонни выехал со своего парковочного места задним ходом, а затем переключил машину на переднюю передачу и помчался по школьной дороге.

Включив указатель, Джонни временно остановился, когда мы подъехали к въезду, наклонился вперед и проверил обе стороны, прежде чем молниеносно выехать на главную дорогу.

Откинувшись на спинку сиденья, я подняла руку, схватилась за ручку и сосредоточилась на подсчете проезжающих мимо нас машин, пытаюсь отвлечься от навязчивого наблюдения за спидометром на его приборной панели.

Я чувствовала исходящее от него напряжение, его прежнее дружелюбие сменилось каменным молчанием, наш разговор, очевидно, стал катализатором смены его настроения.

Тишина, окутывающая нас прямо сейчас, была плотной и неудобной, и я была иррационально разочарована этим.

Я была более чем разочарована.

Я была потрясена.

Впервые за целую вечность я *получала удовольствие*. Расслабилась, подтрунивая туда, сюда, не опасаясь, ну, негативной реакции. А потом он вытащил ковер прямо из-под моих ног.

Я не ожидала, что это произойдет, и сожалела, что вообще вышла из той кабинки в туалете.

Когда Джонни потянулся через консоль и начал переключать компакт-диски в своей шикарной автомобильной стереосистеме, мне пришлось сесть на руки, чтобы не схватиться за руль.

Несколько мгновений спустя он остановился на песне, треке номер пять, и машина наполнилась знакомым гитарным вступлением, что на время отвлекло меня от тревожных мыслей.

Джонни увеличил громкость, и *The Middle* — Jimmy Eat World прогремели из автомобильных динамиков так громко, что я почувствовала вибрацию басов в своих костях.

Я *любила* эту песню и считала ее своим гимном.

Если серьезно, я ежедневно погружалась в тексты песен.

Если музыка исцеляла разбитое сердце, то текст этой песни успокоил мою душу.

Это было на микшированном компакт — диске, который девушка Джоуи приготовила ему на Рождество. Он, очевидно, не был в восторге от диска, который сделала для него Ифа, поэтому я стащила диск из его спальни в прошлом месяце во время случайного сестринского розыска выборочной проверки, и Джоуи еще не обнаружил пропажу.

В настоящее время он был в моем портативном проигрывателе дисков, где я слушала его на повторе каждый вечер перед сном.

Сосредоточившись на тексте песни, которую уже знала наизусть, я попыталась

справиться со своими нервами, но ритм панк-рока, казалось, только подстегнул безумие в моем назначенном водителе, потому что в ту минуту, когда мы выехали на главную дорогу, Джонни вдавил педаль в пол.

Когда стрелка спидометра перевалила за 120 км/ч, я закрыла глаза и перестала дышать.

Закрыв лицо руками, я заглянула между пальцами, застонав, когда вспышки фар машин на встречных полосах пронесли мимо нас.

— В чем дело? — протянув руку, он уменьшил громкость стереосистемы. — Шэннон? — его внимание металось между дорогой и моим лицом. — Ты в порядке?

— Ты едешь очень быстро, — выдавила я.

— Расслабься, мы едем на пределе, — ответил он, но снизил скорость. — И я хороший водитель. Со мной ты в безопасности.

— Хорошо, — пробормотала я, все еще чувствуя, что мы едем намного быстрее, чем 100 километров в час. — Но я бы чувствовала себя лучше, если бы ты притормозил.

Тяжело выдохнув, Джонни замедлился еще больше.

— Теперь довольна? — спросил он, постукивая по приборной панели.

Наклонившись, я проверила спидометр.

80 километров.

— Да, — выдохнула я, мои напряженные мышцы слегка расслабились. — Спасибо.

Откинувшись на спинку сиденья, я позволила своему взгляду скользнуть по нему.

Он смотрел на дорогу впереди, одна рука покоилась на рычаге переключения передач, другой локоть опирался на дверь.

Как будто почувствовав, что я наблюдаю за ним, Джонни бросил взгляд вбок и поймал меня с поличным.

Я слабо улыбнулась.

Он с жаром посмотрел на меня в ответ, не улыбаясь.

Моя улыбка исчезла.

С низким, разочарованным рычанием он снова обратил свое внимание на дорогу.

Покачав головой, он пробормотал что-то неразборчивое себе под нос, сжимая руль.

Чувствуя себя отвергнутой, я сложила руки на коленях и уставилась в ветровое стекло, не смея бросить на него еще один взгляд.

Мы не разговаривали до конца поездки, и только песни, доносившиеся из стереосистемы, нарушали густую тишину.

— Послушай, — объявил Джонни, нарушая тишину, когда показались огни города Баллилаггин. — Что я тебе там говорил? О моей операции? — его тон был ровным, даже вежливым, когда он смотрел прямо перед собой, маневрируя по узким улочкам и переулкам. — Я был бы признателен за твое благоразумие.

Он ценит мое благоразумие?

Он был смущен из-за травмы паха?

Он должен попробовать иметь бесполезного отца, единственными талантами которого были азартные игры на пособие по безработице и оплодотворение матери, в то время как он блудил с любыми, достаточно глупыми, чтобы иметь его.

Расстроенная, я повернулась к нему и сказала:

— Кому я могла сказать, Джонни?

— Твои подруги, — возразил он, а затем гораздо более тихим голосом пробормотал: — Мои друзья.

— Ну, я не собираюсь никому рассказывать, — выпалила я, раздраженная и оскорбленная. — Я не болтуня.

Он крепче сжал руль, но ничего не ответил.

Раздраженная внезапной официальностью в его голосе, не говоря уже о том, что он провел последние пятнадцать минут, игнорируя меня, я впилась взглядом в его лицо и прорычала: — Зачем мне вообще кому-то рассказывать?

— Потому что, — выпалил он, не отрывая внимания от дороги. — Я знаю, на что похожи большинство девочек.

Большинство девочек?

Если он считал меня такой же, как *большинство* девочек, тогда зачем тратить все это время на разговоры со мной?

Зачем задавать мне все эти вопросы и заставлять меня чувствовать себя достаточно комфортно, чтобы ответить ему, если он считал меня такой же, как *большинство* девочек?

Зачем вообще беспокоиться обо мне?

— Ты ведешь себя нелепо, — пробормотала я.

— Я осторожен, — спокойно поправил Джонни. — Я не должен был ничего тебе говорить, это было невероятно безрассудно с моей стороны, и теперь я прошу тебя сделать мне одолжение и держать это при себе. У меня здесь многое поставлено на карту, Шэннон, и слухи об этом могут действительно все испортить для меня. Больше, чем ты когда-либо поймешь.

— Отлично, — скрестила руки на груди

— Отлично? — осторожно повторил он.

— Да, — невозмутимо ответила я, глядя прямо перед собой. — Отлично.

— Отлично, — он тяжело вздохнул и сказал «Спасибо», а через несколько секунд добавил: — Я ценю это.

Последовала тишина: густая, тяжелая и невыносимая.

Я была в замешательстве от поворота событий.

Он играл со мной?

Была ли это большая игра для него?

Играешь со своими эмоциями, проявляя доброту и создавая у меня *ложное чувство безопасности со всеми этими разговорами* о знакомстве в школе?

Угрожать перспективой дружбы мне в лицо со всей этой любезностью и светской беседой, а затем забрать все это?

Это произошло бы не в первый раз. Я должна была предвидеть, что это произойдет, и была разочарована в себе за то, что так легко потеряла бдительность рядом с ним.

Черт возьми!

— Ты в порядке? — спросил он, нарушая молчание.

Я не ответила, потому что не могла.

Я слишком сильно концентрировалась на том, чтобы *не плакать*.

— Шэннон, я не... — начал было Джонни, но осекся. Он потер челюсть, а затем опустил руку обратно на руль. — Я не... — Он снова запнулся, на этот раз качая головой. — Забудь об этом.

Я не допытывалась и не подталкивала его закончить то, что он пытался сказать.

Я не хотела этого слышать.

Отступая от текущего источника моего замешательства и разочарования, которым был

мой назначенный водитель, сосредоточила все свои усилия на том, чтобы игнорировать его и сдерживать свои эмоции.

Если бы я могла выпрыгнуть из машины прямо сейчас, то сделала бы это, но он являлся быстрым водителем, и я не представляла себе свои шансы выжить от удара после прыжка.

— О чем ты думаешь? — наконец-то сказал Джонни, поворачивая налево к моему месту жительства.

Это был глубокий холмистый подъем к моему дому с несколькими сотнями пристроенных домов, стоящих бок о бок по обе стороны дороги, мой на самом верху.

Многие дома были заколочены, другие обветшали, с неухоженными садами, включая мой собственный, но прямо сейчас я был слишком раздражен, чтобы заботиться о том, что он думал.

— Ты хочешь знать, о чем я думаю? — я перевела взгляд на него.

Джонни искоса посмотрел на меня, его глаза были полны жара и едва сдерживаемого разочарования, и коротко кивнул мне, прежде чем снова переключить свое внимание на дорогу.

— Хорошо, — огрызнулась я, моргая от знакомого жжения слез, когда я продолжила говорить ему именно то, *о чем думала*. — Я думаю, ты сильно параноишь на тему того, что люди узнают о твоей травме, потому что ты знаешь, что тебе не следует играть.

Слова слетели с моих губ прежде, чем я успела себя одернуть. Но вместо того, чтобы извиниться или попытаться взять слова обратно, я рванулась вперед, продолжила говорить, шокировав себя эмоциями в своем тоне.

— Я думаю, ты отрицаешь процесс своего исцеления, и я знаю, что тебе больно. Ты хромаешь в школе. Ты знал об этом? *Все время*. Другие могут этого не заметить, но я замечаю. Я вижу это, и ты делаешь это *все время*! Итак, я думаю, ты играешь в опасную игру со своим телом, Джонни. И я думаю, что если бы твои врачи знали, как тебе *на самом деле* больно, они бы ни за что не подписали документы и не отпустили тебя играть.

Я понятия не имела, откуда это взялось, но слова так и рвались с моих губ, поэтому позволила им вырваться.

— Я думаю, что это была ужасная ошибка — мне не следовало соглашаться на то, чтобы ты меня подвез. Я думаю, ты сегодня слишком остро отреагировал. Я думаю, ты вел себя ужасно. И я думаю, будет лучше, если мы с тобой больше не будем разговаривать.

Я сделала глубокий вдох, грудь вздымалась от сильного напряжения. Мое лицо горело от жара, но я была горда собой за то, что высказала все, сняла этот груз с души.

Для меня было нехарактерно иметь вспышку такого масштаба с кем-либо за пределами моей семьи, но я была рада.

Мне кажется, это говорило о многом, что я чувствовала себя разгоряченной и странно комфортно рядом с этим парнем, чтобы потерять самообладание, но я была слишком взвинчена, чтобы вникать в работу этой конкретной головоломки.

На данный момент я продолжала томиться в своих опасениях и разочарованиях.

— Послушай, я ценю твою заботу, — наконец выдал он, сделав паузу на мгновение, — По крайней мере, я думаю, что так оно и было. Но в этом нет необходимости. Я с этим разобрался...

— Ты явно не понимаешь, — парировала я, прерывая его.

— Ты ни хрена не понимаешь, о чем говоришь! — огрызнулся он в ответ. — Я понимаю, что ты хочешь как лучше, но я знаю свое дерьмо. Я знаю свое собственное *тело*.

— Конечно, я не знаю, — пробормотала я, отворачиваясь, чтобы посмотреть в пассажирское окно. — Как и *большинство* девочек.

— Ты *не понимаешь*, — продолжал спорить он. — Ты меня не знаешь, Шэннон.

Полностью высказавшись, я выдохнула с облегчением.

— Ты прав, Джонни, — прошептала я в знак согласия. — Я тебя не знаю.

— Прекрати это делать! — рявкнул он, нетерпеливо проводя рукой по волосам, — Боже.

— Что делать?

— Искажать мои слова, — сердито парировал он, — не давая мне шанса объяснить. Это чертово девчачье движение, — блять! — он взревел, ударив по тормозам, чтобы избежать разбросанного посреди дороги велосипеда. — Ради Христа. Что, черт возьми, не так с людьми? Дорога похожа на чертово место для парковки велосипеда?

— Ты можешь высадить меня здесь, — решительно заявила я, отстегивая ремень безопасности. — Я могу пройти остаток пути пешком.

Я открыла дверь машины и выскочила со своего места, прежде чем он успел ответить. Захлопнув переднюю, я открыла заднюю дверь и потянулась к кучам мусора и грязной одежды за своей сумкой.

— Шэннон, подожди, не уходи...

— Пока, Джонни, — прошептала я, прежде чем закрыть дверь и выйти на пешеходную дорожку.

Я не обернулась, когда он опустил окно и трижды позвал меня по имени.

И я не обернулась, когда он остановился на пешеходной дорожке, решив вместо этого проскользнуть через переулок, опустив голову и чувствуя тяжесть горького сожаления на своих плечах шла дальше.

Глава 18. Чрезмерные реакции и исчезающие мечты

Джонни

Я был в ярости всю дорогу домой и едва мог сосредоточиться на ней.

К тому времени, как я подъехал к дому, все мое тело дрожало от разочарования.

Она ушла от меня.

Я позвал ее, и она, черт возьми, ушла.

Я не привык, чтобы меня отвергали или игнорировали, и это не из-за того, что я был дерзким дерьмом.

Это правда.

Прикасаться к ней — ошибка. Я не мог позволить себе сделать это снова.

Ей пятнадцать лет. Что, черт возьми, со мной не так?

Это достаточно плохо, когда все, что у нас было, это пара разговоров, но теперь, когда я провел два часа в машине с ней, я был потрясен. Когда она задавала свои вопросы, они были глубже, чем обычное дерьмо, о котором меня спрашивали.

Это меня смутило.

Я не мог прочитать ее мысли.

Я не мог понять, о чем она думает.

Она живет в одном из муниципальных поместий в городе, большом, пострадавшем от рейдов по борьбе с наркотиками и преследуемым полицией, и это тревожная мысль.

Как, черт возьми, такая, как она, взялась откуда-то вроде этого места?

Когда я заехал на свое обычное место за домом, мое настроение было мрачным, и я вышел из-под контроля. Заглушив двигатель, я несколько минут сидел, уставившись в лобовое стекло, пытаюсь справиться с ужасным чувством отчаяния, бурлящим внутри меня. Склонив голову к рукам, я схватил пряди волос и просто потянул их.

Тем не менее, сегодня я получил ценный урок, и он заключался в том, чтобы никогда не спрашивать девушку, о чем она думает, если ты не готов принять огромный гребанный удар по самолюбию.

“ Я думаю, ты отрицаешь процесс своего исцеления, и я знаю, что тебе больно. Я думаю, ты играешь в опасную игру со своим телом. И я думаю, что если бы твои врачи знали, как тебе на самом деле больно, они бы ни за что не подписали контракт и не разрешили тебе играть.”

Её слова преследовали меня.

Вероятно, потому что она высказала обоснованную точку зрения.

Я чертовски ненавижу то, что она была права насчет моего тела.

Я был упрямым, вот почему так защищался, когда она раскрыла меня.

Тем не менее, Шэннон меня не знала. Она понятия не имела, под каким давлением я находился.

Никто не понимал.

И уж точно не она.

И я абсолютно точно не ходил с гребаной хромотой!

Иисус Христос!

Разозлившись на себя за то, что позволил девушке так много времени находиться в моих мыслях, я быстро переключился и попытался сосредоточиться на том, чтобы вообще ни о

чем не думать.

Когда я достаточно успокоился, вылез из машины и захлопнул дверцу, но тут же пожалел об этом, когда услышал приближающиеся звуки. Автоматические сенсорные лампы во дворе были включены, что позволяло легко увидеть двух золотистых ретриверов, бегущих по лужайке ко мне, за которыми следовал гораздо более медленный и старый черный лабрадор.

— Извините, девочки, — крикнул я, раздражение рассеялось при виде них. — Не хотел вас будить.

Сунув ключи в карман, я почесал Бонни и Кекси, собак моей матери, за головы, прежде чем направиться напрямик к старому лабрадору.

Почти в пятнадцать лет волосы вокруг глаз, носа и подбородка Сьюки поседели. В последнее время она была менее подвижной и больше хромала. Но для меня она все еще была щенком и навсегда останется лучшим подарком на день рождения, который когда-либо мог получить трехлетний мальчик.

Сьюки заковыляла в мои объятия, а затем опустился на мою ногу, виляя хвостом так сильно, что ее спина начала дрожать.

— Привет, красавица. — Опустившись на колено, я обнял свою собаку. — Как поживает моя лучшая девочка?

Она наградила меня слюнявыми поцелуями в лицо и измученной из-за артрита попыткой дать мне лапу. Обхватив ее лицо руками, я почесал ее за ушами и прижался носом к ее мордочке.

— Я скучал по тебе, — *да, скучал.*

Боже, я любил эту собаку. Она была моим ребенком.

Мне все равно, что говорили парни или как сильно они оскорбляли меня из-за ее имени. Сьюки была моей девочкой, преданной до мозга костей, и я любил ее до чертиков.

Хорошо, что она не могла говорить, потому что старушка знала о моем дерьме больше, чем кто-либо другой на этой планете. Эти большие карие глаза, как у лани, всегда трогали меня, а маленькая белая борода вокруг ее рта касалась струн моего сердца.

Я не понимал, как люди могут причинять вред каким-либо животным, но в особенности собакам.

Они слишком хороши для нас.

Люди не заслуживали любви и преданности, которую им дарили собаки.

Я любил собак.

Я доверял им.

Было что-то в том, как собака смотрела на тебя; им все равно, известный ты игрок в регби или бездомный на улице. Их заботило только то, как ты к ним относишься, и как только они избрали тебя своим человеком, у тебя появлялся верный друг на всю оставшуюся жизнь.

Я не думаю, что люди способны на такое сострадание и преданность.

Бонни и Кекс, расстроенные отсутствием внимания, которое они обычно получали, громко тосковали, прыгали и царапали мне спину. Если бы здесь не было так холодно, и у меня не было такой сильной боли, я бы пробежал с ними несколько кругов по газону, чтобы измотать их, но мне потребовались все силы, чтобы оставаться на ногах, поэтому я решил не делать этого.

Я нашел время, чтобы почесать всем троим живот, остановился, чтобы еще раз почесать

Сьюки за ухом, прежде чем встать и направиться внутрь.

Чемодан у задней двери предупредил меня о том факте, что моя мама была дома. Если бы я не увидел его, то догадался бы об этом по безошибочно узнаваемому аромату тушеной говядины, разносящемуся в воздухе.

С моим желудком, урчащим в знак согласия, я проплыл через подсобное помещение, следуя за восхитительным запахом на кухню.

Я нахожу свою маму, стоящую у плиты.

Она стоит ко мне спиной и одета в один из тех брючных костюмов, в которых ходит на работу. Ее светлые волосы убраны с лица причудливой заколкой, и она выглядит подомашнему.

При виде нее я почувствовал, как с моих плеч свалился груз.

Моя мать работала в какой-то модной консалтинговой фирме, базирующейся в Лондоне. Она постоянно была в разъездах по работе, и я скучал по ней последние три недели, пока ее не было.

До сих пор не осознал, насколько сильно.

— Привет, мам, — пробормотал я, давая знать о своем присутствии. — Как дела?

— Джонни! — Размахивая деревянной ложкой, зажатой в руке, мама лучезарно улыбнулась мне. — Ты дома. — Бросив ложку на стол, она вытерла руки о фартук, а затем направилась прямиком ко мне. — Иди сюда и позволь мне обнять тебя.

Я приблизился для быстрого объятия, которое превратилось в полное, тридцатисекундное объятие.

— Мам, — усмехнулся я, освобождаясь от ее мертвой хватки. — Я все еще здесь. Расслабься.

— Я так по тебе скучала. — Она неохотно отпустила меня и сделала шаг назад, окидывая меня тем странным материнским взглядом, который она всегда бросала на меня. — Господи, ты подрос на фут.

Я приподнял бровь.

— За три недели?

Мама ответила на мой сарказм хмурым взглядом.

— Не умничай.

— Я всегда умничаю. — я поцеловал ее в щеку, а затем обошел стороной, мой взгляд остановился на горшочке с тушеным мясом. — Я умираю с голоду.

— Ты что-нибудь ел?

— Конечно

— Как следует?

— Всегда.

— Как дела в школе?

— Это школа.

Она не спрашивала о регби. Это всегда были вопросы о таких вещах, как школа, мои друзья, моя домашняя работа, мой день и, Боже, храни меня, мои чувства.

Но никогда регби.

Не то чтобы маме наплевать на мою страсть. Она просто всегда считала своим долгом дать мне понять, что она заботится обо мне в первую очередь.

— А Джерард? — моя мама всегда называла Гибси по имени. — Как у него дела?

— Он так же, как и всегда, — ответил я, накладывая рагу в миску, прежде чем

отправиться к кухонному островку. — Папа уже вернулся из Дублина?

Мой отец — адвокат, причем довольно плодовитый, и большую часть своего времени проводит, вращаясь между Корком и своей штаб-квартирой в Дублине. Все зависело от клиента, которого он защищал, и серьезности дела. Но в основном это выглядело так: чем серьезнее преступление, тем дольше поездка.

Рабочие обязательства и графики моих родителей означали, что я проводил много времени один, когда они путешествовали, и это мне нравилось.

До тех пор, пока мне не исполнилось четырнадцать, они приглашали нашу соседку, Мору Рейли, пожить у меня. Но в основном это было просто для того, чтобы она подвозила меня в школу и на тренировки. Я был достаточно взрослым, чтобы стать самостоятельным и достаточно самостоятельным.

Мора все еще заходила, когда моя мама уезжала по делам, но это было больше для уборки и приготовления еды.

После стольких лет такой жизни, не говоря уже о бесконечной свободе, я не думал, что справлюсь с тем, что они будут рядом со мной 24/7.

— Он вернется из Дублина не раньше середины марта, — ответила мама, присоединяясь ко мне. — Я прилетела в Дублин этим утром и пообедала с ним перед поездкой, — объяснила она, прежде чем сесть на стул напротив меня.

— Зачем ты это сделала? Что-то случилось? — спросил я между глотками тушеного мяса. — Ты могла бы остаться с ним на несколько дней.

— Почему ты так думаешь? — мама положила локти на стойку и улыбнулась. — Я хотела увидеть своего ребенка.

Я закатил глаза.

— Я не ребенок, мам.

— Ты мой мальш, — возразила она. — И ты всегда будешь. Мне все равно, если ты вырастешь до семи футов ростом. Ты все еще будешь моим маленьким Джонни.

Господи.

Что я мог сделать с этой женщиной?

Покачивая головой, я отложил ложку в сторону и поднес тарелку ко рту, осушив последнюю каплю супа, прежде чем поставить посуду и удовлетворенно вздохнуть.

Никто не готовил так, как моя мама. Ни повара в академии, ни рестораны с едой на вынос в городе.

Женщина родила меня, и у нее была прямая линия к моему животу.

— Я вижу, твои манеры не улучшились, — съязвила мама, неодобрительно нахмурившись.

— Ничего не могу с собой поделать, мам, — ответил я, подмигнув. — Я растущий мальчик.

Через несколько секунд я двинулся с места, наполнил свою тарелку и просто встал около плиты, чтобы поесть.

Нет смысла садиться, когда у меня планы по очистке кастрюли.

— Как прошел твой осмотр на прошлой неделе? — спросила она. — Доктор Мерфи доволен тем, как идет твое восстановление?

Не знаю, потому что я не ходил...

Я буркнул пресный ответ, слишком занятый поглощением еды.

— А как насчет докторов в Академии? — она толкнула. — Они не были рады твоему

возвращению так скоро?

Опять же, я хмыкнул в ответ, потому что обсуждение этого с моей матерью было обсуждением, без которого я мог бы обойтись сегодня вечером.

Если я совру, она увидит меня насквозь.

Если я скажу ей правду, она запаникует.

В любом случае, если дискуссия продолжится, моя мама начнет настаивать на том, чтобы увидеть мою травму — иначе: мой член и яйца.

И в любом случае, если дискуссия продолжится, я потеряю свое дерьмо и скажу ей «нет».

Тогда она слишком остро отреагирует, позвонит моему отцу и будет плакать о том, что я не показываю ей свои «интимные места» и что ему нужно вернуться домой, чтобы разобраться со мной, потому что я, вероятно, умираю от «гангрены пениса» или какой-то другой ужасной и чрезмерно драматичной болезни.

Отвлечение внимания и избегание темы были ключом к тому, чтобы мама не плакала, а я не травмировался.

— Рад, что ты дома, мам, но я собираюсь подняться в свою комнату и начать делать домашнее задание, — решил я сказать вместо этого. — Пятый год надирает мне задницу. Я на самом деле подумываю о том, чтобы нанять репетитора по ирландскому.

Я добавил эту последнюю часть для дополнительного эффекта. Мне ни для чего не нужны были репетиторы. Я не набирал меньше четверки ни на одном тесте или экзамене с третьего курса.

На самом деле, я мог бы быть тем, кто занимается репетиторством. Я чертовски уверен, что потратил достаточно времени, помогая парням на занятиях по бизнесу и бухгалтерскому учету.

Моя уловка сработала и отвлекла внимание матери от моих болезней и моего образования.

— О, милый, все в порядке, — быстро объявила она успокаивающим тоном. — Я горжусь тобой за то, что ты достаточно храбр, чтобы признать, что у тебя есть проблемы. Я сделаю несколько звонков утром, чтобы узнать, кто сможет позаниматься с тобой.

— Да, это хорошая идея, — согласился я с торжественным кивком.

Вытянув руки над головой, я заставил себя зевнуть.

— Ты выглядишь вымотанным, любимый, — оценила моя мама, ее карие глаза были полны сочувствия. — Почему бы тебе не лечь пораньше, а я напишу тебе записку от домашнего задания?

— Спасибо, мам, я очень устал.

Я подошел и поцеловал ее в щеку, а затем выскочил из кухни, прежде чем она успела бы вспомнить свой предыдущий вопрос.

— О, и пока я не забыла, — крикнула она, останавливая меня на полпути. — В понедельник через две недели нужно будет отвезти машину в автомобильный сервис. Это самая ближайшая дата, которую мне удалось получить. Так что я подвезу тебя до школы, а потом мы заберем твою машину.

— Ах, черт, — проворчал я, поворачиваясь в дверях, чтобы посмотреть ей в лицо.

— Что?

— У меня занятия каждый вечер в течение следующего месяца. — Разочарованно выдохнув, я потер лоб. — Мне нужна моя машина, мам. — Я посмотрел на нее с надеждой,

прежде чем добавить: — Если только ты не хочешь высадить меня и забрать из клиники — или одолжить мне джип?

— Одно пропущенное занятие тебя не убьет, — ровным тоном ответила мама.

Нет, вероятно, этого не случилось бы, если бы я не пропустил сегодняшнее из-за Шэннон.

— Кроме того, — продолжила мама. — Я улетаю обратно в Лондон на следующий день после этого, и я хотела провести с тобой как можно больше времени, прежде чем уеду.

Да, я знал, что она это скажет.

Эта женщина хотела провести со мной время.

Черт возьми.

— Скоро финал лиги, — возразил я, хотя знал, что это бессмысленно. — Это важно для школы. Мне нужно быть в форме.

— А сейчас ты не в форме?

— Конечно, нет.

— Тогда почему ты хромаешь?

У меня отвисла челюсть.

— Что?

— Твоя нога, — ответила она. — Ты не придаешь этому значения.

Более ранние слова Шэннон заполнили мой разум, и я обезумел.

— Я, блядь, не хромаю!

Мама уставилась на меня.

— Следи за своим языком, Джонатон!

— Ну, у меня нет хромоты, мам! — парирую я, защищаясь.

— Почему ты становишься таким обидчивым из-за этого? — спокойно возражает она. — Это из-за твоих яичек, любимый? Потому что ты можешь сказать мне, если с ними что-то не так.

Я открыл рот, чтобы ответить, но быстро закрыл его.

Не было смысла спорить с этой женщиной. Я не собирался побеждать. А если бы продолжал настаивать, она бы сделала ту подлую гребаную вещь, которую делали матери, когда заставляли тебя раскрывать вещи, не спрашивая.

Иисус Христос.

— Спокойной ночи, мам, — выпалил я и повернулся, чтобы уйти.

— Еще кое-что, — мама позвала меня.

Сделав глубокий вдох, я повернулся к ней.

— Да?

— Кто это? — спросила она, подергивая губами и постукивая пальцем по газете, лежащей на прилавке.

Я нахмурился.

— Кто «кто это»?

С широкой улыбкой на лице она взяла газету и подняла ее, чтобы показать мне.

— Это, — спросила мама, теперь широко улыбаясь, постукивая ногтем по огромной полноцветной фотографии, на которой я с Шэннон на игре School Boy's Shield на прошлой неделе.

— Местный или общий?

— Общий.

Черт.

Моя.

Жизнь.

— Отдай мне это, — рявкнул я, подкрадываясь, чтобы получше рассмотреть.

Выхватив газету из рук моей матери, я уставился на девушку, которая сводила меня с ума большую часть этих двух месяцев. Господи, она выглядела великолепно, с широко раскрытыми глазами и улыбкой, когда я прижал ее к себе.

Каштановые волосы были распущены и развевались на ветру. Ее макушка задела мою подмышку, настолько она была крошечной.

А потом мое сердце екнуло в груди, когда я прочитал заголовок.

“ 17-летний Джонни Кавана на фото со школьной подругой Шэннон Линч, когда они праздновали победу колледжа Томмен над Килбегом в финале School Boy Shield в прошлую пятницу. Кавана привел свою школу к пятой победе подряд на турнире Shield, завоевав еще один трофей в своей впечатляющей карьере и положив конец любым слухам о существующих травмах. Симпатичная школьница была свежа и сияла перед камерами, поздравляя Кавана с очередной победой. Когда его попросили прокомментировать статус их отношений, Кавана вежливо отказался, хотя говорят, что картинка говорит тысячу слов...”

— Она потрясающая девушка, Джонни, — размышляла мама, отвлекая меня. — Вы выглядите совершенно очаровательно вместе.

— Все не так, мам, — пробормотал я, прекрасно понимая, на что она намекает. — Она просто подруга.

— Я никогда раньше не видела тебя в газетах с друзьями, которые выглядят так, как она, — съязвила мама. — Это великолепная фотография, дорогой. Редакторы, должно быть, тоже так подумали, поэтому они отвели тебе целую страницу.

— На прошлой неделе я был капитаном нашей школы в финале, — выпалил я, не в силах смотреть на нее, потому что все мое внимание было сосредоточено на фотографии. — Мы победили. Это большое дело. Вот почему они дали мне целую страницу.

— Я рада за тебя, любимый, — радостно пропела мама. — Итак, как ее зовут?

— Шэннон.

— И?

— И это ее имя, — невозмутимо сказал я.

— Я получу что-нибудь еще?

— Чего ты еще хочешь? — я сорвался. — Я уже сказал тебе, что она просто подруга.

— Она подруга, — хихикнула мама с сарказмом в голосе. — Конечно, она подруга — а я Дева Мария.

— Не говори мне о своей девственности, — простонал я.

— Почему? — ответила мама. — Ты бы предпочел, чтобы я рассказала о твоей?

Нет.

Нет.

Боже милостивый, нет!

— Я иду спать. — Я сунул газету под мышку, прежде чем устало выйти из комнаты, не хромя, как ублюдок.

— Отдай мне мою газету, — со смехом крикнула мне вслед мама. — Я хочу поставить эту фотографию в рамку.

— Нет, ты не сделаешь это, — раздраженно проговорил я.

Когда я добрался до своей спальни, я щелкнул замком на двери и бросил газету на кровать, прежде чем направиться прямо в ванную. Сбросив одежду, включил душ и вошел внутрь. Осторожно опустившись на пол, я обхватил руками колени и наклонил голову.

У меня не было сил встать.

Мама права.

Я не в хорошей форме.

Сидя под потоком обжигающей воды, я закрыл глаза, когда дрожь прокатилась по мне. Одной рукой я откинул волосы с лица и горько вздохнул, когда все страхи и опасения по поводу моего будущего вышли на передний план в моем сознании.

Моя жизнь катилась к черту.

Мое тело разваливалось на части.

Мои мечты ускользали.

У меня целая куча проблем, о которых нужно беспокоиться. И все же я не мог выбросить ее из головы.

Полуночные, черт возьми, голубые глаза и до боли точные слова.

И теперь все стало хуже, потому что она не только находилась в моих мыслях 24/7, но и у меня была ее кровавая фотография, чтобы мучить себя.

И я бы мучил себя этой картиной.

Я планировал это.

Глава 19. Поздние ночные проверки реальности

Шэннон

— Хороший день? — это были слова, которыми меня поприветствовали, когда я переступила порог дома после нашей с Джонни катастрофической поездки на машине.

Если бы кто-то другой во всем мире задал мне этот вопрос, я бы ответила, но речь шла о моем отце. Он стоял в маленькой прихожей со свернутой газетой в руке, расспрашивая меня о том, как прошел день, и это была ужасающая концепция.

— Ты, блядь, глухая? — потребовал он, глядя на меня сверху вниз, белки вокруг его карих глаз были полностью налиты кровью. — Ты что, глухая? — спросил он. — Я задал тебе вопрос, девочка.

Вонь виски от его дыхания пронизала мои ощущения, и моя тревога взлетела до небес, когда я мысленно пыталась выяснить это.

Ему выплачивали социальное пособие по четвергам.

Это плохой день.

Не по вторникам.

Потом я подумала о том, какой сегодня был день, и мысленно дала себе пощечину за то, что оказалась неподготовленной.

Сегодня 1 марта.

И это первый вторник месяца.

День детской помощи.

День, когда ирландское правительство осуществляло ежемесячную денежную выплату родителям за каждого ребенка, которого они имели.

Это означало сотни евро, потраченных впустую в букмекерских конторах и пабах.

Это означало, что нашу семью ждали недели борьбы и нищеты из-за неспособности моего отца контролировать себя.

Мое сердце упало.

Бормоча быстрый ответ, я вытащила из замка ключ от дома, засунула его в пальто и обошла его огромную фигуру с намерением стащить пачку печенья из кухонного шкафчика, а затем сломя голову убежать в свою комнату.

Со всей своей смекалкой и мозгом в полной боевой готовности мне удалось добраться до кухни, но за мной, как дурной запах, в прямом и переносном смысле, тянулся мой отец.

Папа прислонился к косяку, сжимая в руке газету, и заблокировал мне выход.

— Как дела в школе?

Я стояла к нему спиной, занятая просмотром пакетов с супом и банок с фасолью, когда ответила:

— Хорошо.

— Хорошо? — насмешливо спросил он. — Мы платим четыре тысячи евро в год за «хорошо»?

Так оно и было.

Вот так.

— Все было хорошо, папа, — быстро вставила я. — У меня был продуктивный день.

— Продуктивный день? — передразнил он, тон насмешливый и жестокий. — Не

умничай мне, девочка.

— Я и не собиралась.

— И ты опоздала, — рывкнул он, его слова были пьяной бранью. — Какого хрена ты опять опоздала?

— Я опоздала на автобус, — выдавила я, паникуя.

— Долбанные автобусы, — рывкнул он. — Долбаная частная школа. Ты заноза в заднице, девочка!

Мне не было что на это ответить, поэтому я промолчала.

То, как он всегда называл меня девочкой, будто это было какое-то оскорбление быть женщиной, даже не раздражало меня сегодня.

Я была в режиме полного самосохранения, зная, что мне нужно сделать, чтобы выйти из этой комнаты невредимой: выдержать его дерьмо, держать рот на замке и молиться, чтобы он оставил меня в покое.

— Ты знаешь, где твоя мать, девочка? — прорычал он.

Опять же, я не ответила.

Это был не настоящий вопрос.

Он накачивал меня информацией перед атакой.

— Ломает себе спину из-за тебя! — заревел отец. — Работает до седьмого пота, потому что ты испорченная маленькая сучка, которая считает себя лучше всех.

— Я не думаю, что я лучше других, — пробормотала я, и тут же пожалела, что подлила словесного бензина в его и без того пылающий темперамент.

— Посмотри на себя, — насмеялся папа, махая на меня рукой, — В твоей шикарной гребаной частной школьной форме. Приходишь домой поздно. Думаешь, что ты долбаный божий дар. Ты что, занималась проституцией? — потребовал он, делая несколько шагов ко мне. — Поэтому ты снова опаздываешь? Завела себе мальчика?

Я тут же отшатнулась, но не решилась открыть рот, чтобы защититься.

Он все равно мне не поверит.

В девяти случаях из десяти это делало только хуже.

И в десяти случаях из десяти, отвечая ему, я получала удар по щеке.

— Это так, не так ли? Ты развлекалась с одним из тех шикарных регбийных уроков с папиными деньгами в своем драгоценном Томмен, — насмеялся он. — Расставляешь ноги, как маленькая грязная потаскуха, которой ты и являешься!

— У меня нет парня, папа, — вырвалось у меня.

Взмахнув рукой назад, он ударил меня по лицу свернутой бумагой.

— Не ври мне, черт возьми, девочка!

— Я не вру, — всхлипнула я, сжимая горящую щеку.

Когда тебя бьют по лицу свернутой газетой, это может показаться не очень болезненным, но когда человек, отдающий атаку, весит втрое больше тебя, это больно.

— Тогда объясни это, — потребовал мой отец. Открыв газету, он грубо пролистал страницы, пока не остановился на спортивном разделе. — Объясни!

Смахивая слезы, я посмотрела на страницу, на которую указывал папа, и сразу же почувствовала, как у меня стынет кровь. Там была я, яркая, улыбающаяся глупому фотографу, рука Джонни обнимает меня за талию, сплошные улыбки и покрасневшие щеки.

Я не могла думать о фотографии или спрашивать, почему ее напечатали в самой

известной газете Ирландии, потому что я была напугана.

Я была настолько напугана, что почувствовала испуг на вкус.

Ты умрешь, Шэннон.

Этой ночью он тебя убьет...

— Он капитан команды по регби, — поспешила сказать я, пытаюсь придумать ложь, чтобы спастись от побоев, которые, как я хорошо знала, я вот-вот получу. — Они выиграли какой-то большой матч, — пролепетала я, отчаянно хватаясь за соломинку. — Мистер Туоми, директор, заставил нас всех сфотографироваться с ним... Я даже не знаю его, пап, клянусь!

Я знала, что должна была ожидать следующего шага от моего отца, он довел его до изящного искусства в течение многих лет, но когда он схватил меня за горло и прижал к холодильнику, я все равно была застигнута врасплох.

Крепко сжимая, отец прошипел:

— Ты лжешь мне...

— Я... не вру, — выдавила я, вцепившись в его руки. — Папа, пожалуйста, я не могу дышать.

Звук открывшейся, а затем быстро закрывшейся входной двери наполнил воздух.

Папа отпустил мое горло, и я физически вздохнула с облегчением.

Хватая ртом воздух, я отскочила от него.

Через несколько секунд в дверях появился Джоуи, похожий на дар Божий, с замызганным лицом и заляпанным маслом комбинезоном.

Джоуи похлопал папу по плечу, а затем легко оттолкнул его в сторону, прежде чем пройти на кухню, размахивая связкой ключей.

— Как дела, семья?

Он выглядел расслабленным и звучал весело, но напряженность вокруг его глаз убедила меня, что это было совсем не так.

Джоуи делал вид, что ему безразлично всё на свете — это его механизм преодоления трудностей.

Мой же — молчание.

— Джоуи, — проговорил папа, выглядя чуть более настороженным в присутствии более доминирующего альфа-самца в семье.

Наш отец может быть большим и злым, но Джоуи был массивнее и быстрее.

— Мальчики уже в постели? — спросил Джоуи, вытаскивая из холодильника банку кока-колы.

Папа кивнул, но не сводил с меня глаз.

— А где мама? — спросил Джоуи, очевидно, пытаюсь снять напряжение. Открыв крышечку, он сделал глубокий глоток, а потом вытер рот тыльной стороной ладони. — Все еще на работе?

— Твоя мама на работе, а эта снова задерживается, — воскликнул наш отец. Он показал пальцем на меня и пробормотал: — Видимо, опоздала на свой долбаный автобус.

— Я знаю, — беззаботно ответил Джоуи, прежде чем переключить свое внимание на меня. — Как дела, Шэн?

— Привет, Джо, — прохрипела я, сжимая и разжимая кулаки, чтобы остановить движение рук к горлу, отчаянно пытаюсь взять под контроль свое сердцебиение. — Не плохо. Просто проголодалась. Я собиралась перекусить.

Джоуи подошел к месту, где я стояла, с примерзшими к полу ногами, и игриво ткнул меня в щеку костяшками пальцев.

Это было нежное проявление любви и молчаливое проявление солидарности.

— Ифа слегка задержалась, когда довозила тебя до дома?

Мои глаза расширились в замешательстве.

Взгляд, которым мой брат посмотрел на меня, сказал: «Смирись с этим».

Меня осенило.

Мой брат давал мне выход.

— О, нет, — задыхаясь, произнесла я, не сводя глаз с Джоуи. — Она просто высадила меня и поехала прямо домой.

Джоуи одобрительно подмигнул, а затем обнял меня, засунув руку в заднюю часть шкафа — ту, до которой я не могла дотянуться без помощи стула.

— Вот. — Вытащив пачку шоколадного печенья, он протянул ее мне. — Без сомнения, это то, что ты ищешь?

— Это не реабилитационный центр, — пробормотал папа.

— Это моя еда, старик, — холодно проговорил Джоуи, поворачиваясь лицом к нашему отцу, — купленная за мои деньги. Заработанные на моей работе.

— Это мой дом!

— Дом, предоставленный тебе правительством, — невозмутимо ответил Джоуи, — Благодаря нам.

— Не умничай, сынок, — отстреливался папа, но в его тоне уже не было привычного пыла.

Каким бы пьяным он ни был, наш отец вполне осознавал, что то дерьмо, которое он вытворял со мной, не пройдет с моим братом.

За эти годы они подрались несколько раз, но ярче всего в моей памяти запечатлелась драка, произошедшая в ноябре прошлого года.

Ссора была из-за обычной вещи — измены.

Папу застукали с другой женщиной, и это не было неожиданностью. Он решил бросить нас ради другой женщины — опять же, это не неожиданно.

Мама узнала о своей беременности в день его отъезда и легла в постель. Мы с Джоуи провели почти две недели, присматривая за младшими мальчишками и убирая беспорядок, который наделали наши родители.

Когда через десять дней наш отец наконец появился в дверях, воняющий виски и бросающийся дерьмом в маму, мой брат потерял самообладание.

Они с папой подрались в гостиной, крушили мебель и украшения, набросившись друг на друга.

Но это не то, что запомнилось.

Она запомнилась тем, что мой отец свернулся калачиком на полу в гостиной в позе эмбриона, а брат наносил ему удар за ударом по лицу.

Это была настоящая бойня, и хотя папе удалось сломать Джоуи нос, победу одержал мой брат.

Папа был в плохом состоянии после избиения, и это сыграло ему на руку, потому что мама пожалела его и забрала обратно. Каким бы удручающим ни был тот день для нас, детей токсичных родителей, он также означал смену главы семейства.

События того дня показали нашему отцу, что он больше не был главным псом.

В городе появился новый пес — тот, кто получил от него слишком много побоев и был готов прервать его дерьмо в любой момент.

— Шэннон, — ровным тоном проговорил Джоуи, не сводя глаз с нашего отца. — Уже поздно. Почему бы тебе не пойти спать?

Джоуи не нужно было повторять дважды.

Ухватившись за предложенное спасение, как утопающий за спасательный жилет, я направилась к лестнице, но остановилась, когда отец загородил дверной проем.

— Я еще не закончил разговор с ней, — пробормотал он.

— Ну, она закончила разговор с тобой, — сказал Джоуи, встав за моей спиной. — Так что убирайся с ее пути, старик. Сейчас же.

Тридцать секунд они пристально смотрели друг на друга, прежде чем папа наконец отошел в сторону. Выскочив из кухни, я со всех ног побежала по лестнице наверх, не останавливаясь, пока не оказалась в своей спальне, закрыв дверь и повернув замок.

Едва успев перевести дыхание, я бросила печенье на прикроватную тумбочку, так быстро, как только это было возможно, разделась и надела пижаму, прежде чем нырнуть на кровать.

Забравшись под одеяло, я нащупала под подушкой портативный проигрыватель и натянула одеяло до подбородка.

Я вставила одну затычку в ухо, когда начались крики.

Через несколько секунд в ушах раздался грохот ломающейся мебели. Мой желудок скрутило, и я быстро вставила вторую берушу, прежде чем включить старый, выцветший проигрыватель.

Нащупав кнопки, я нажала «play» и увеличила громкость до максимального уровня, молясь, чтобы в батарейках осталось достаточно заряда, чтобы перекрыть этот ад, который был моим домом.

Нажав на самый громкий, самый жесткий металлический трек на диске, я откинулась на подушку и осталась совершенно неподвижной, тело окаменело, а мышцы скрутились от напряжения.

Через четыре песни мое сердцебиение вернулось к нормальному ритму.

Еще три песни — и ко мне вернулась способность формировать связные мысли.

Так было не всегда.

Будние дни проходили в основном нормально, за исключением четверга, когда папа получал по почте деньги на социальное пособие. Выходные могли быть беспокойными, но мне фантастически удавалось избегать противостояния с отцом.

Если он пил в будний день, я всегда ставила себе цель вернуться домой из школы, поужинать и закрыться в своей спальне до шести часов.

Если он пьянствовал на выходных, я вообще не выходила из своей комнаты.

Однако события сегодняшнего дня выбили меня из колеи, и я совершила роковую ошибку.

Джонни бросил меня.

Я потеряла бдительность.

Я забылась.

Альбом доиграл до конца, и я снова включила его, повторяя по кругу.

Только когда я услышала, как хлопнула дверь соседней спальни, перекрывая музыку в моих ушах, я расслабила свои скованные мышцы.

С ним было все в порядке.

Прерывисто выдохнув, я убавила громкость и внимательно прислушалась.

Тишина.

Вытащив наушники, я откинула одеяло и поднялась с кровати.

На цыпочках подойдя к двери своей спальни, я повернула замок и прокралась на пустую лестничную площадку.

Нашулав в темноте путь к двери Джоуи, я ухватилась за дверную ручку и проскользнула внутрь.

— Джо? — прошептала я, когда мой взгляд остановился на нем. Он сидел на краю кровати в одних боксерских шортах, держа комок туалетной бумаги у рта. — С тобой все в порядке?

— Все прекрасно, Шэн, — резким тоном ответил он, вытирая салфеткой нижнюю губу, — Тебе надо лечь в постель.

— У тебя кровь, — задыхаясь, воскликнула я, не сводя глаз с запятнанной кровью бумаги.

— Это просто разбитая губа, — пробормотал он, звуча немного раздраженно. — Просто возвращайся в свою комнату.

Я не вернулась.

Не смогла.

Я, видимо, долго стояла у его двери, потому что когда Джоуи поднял на меня взгляд, выражение его лица было покорным. Тяжело вздохнув, он провел рукой по волосам, а затем похлопал по матрасу возле себя.

— Садись.

Подбежав к нему, я уселась на кровать и обхватила руками шею брата, цепляясь за него так, будто он был единственной вещью, которая скрепляла мой мир.

Иногда я думала, что это может быть правдой.

— Все в порядке, Шэн, — прошептал он, успокаивая меня.

— Прости, — задыхаясь, проговорила я, крепче сжимая его шею. Слезы потекли по моим щекам. — Мне так жаль, Джо.

— Это не твоя вина, Шэн.

— Но я разозлила его.

— Не твоя вина, — повторил мой брат суровым тоном.

— Я не хочу здесь больше быть, Джо.

— Я тоже не хочу.

— Мне надоело постоянно испытывать страх.

— Я знаю. — Он похлопал меня по спине, а потом встал. — Однажды все наладится. Я обещаю.

Подойдя к шкафу, он открыл дверцу и вытащил знакомый спальный мешок и запасные подушки. Мне не надо было спрашивать, что он делает; не тогда, когда я уже знала, и это заставило мое сердце сжаться. Когда Джоуи закончил раскладывать импровизированную кровать на полу, он опустился на нее.

Сложив руки за головой, он тяжело вздохнул.

— Выключи, пожалуйста, свет, Шэн.

Подчинившись, я наклонилась через кровать и выключила его лампу, прежде чем забраться в пустую кровать.

— Спасибо, Джоуи, — прохрипела я, вытирая нос тыльной стороной ладони, забираясь под одеяло.

— Не за что.

Повернувшись на бок, я посмотрела на него, лежащего на полу в спальне.

Его шторы были задернуты, но фонари на пешеходной дорожке возле дома погружали комнату в тусклый оттенок выцветшего цвета, освещая тени на лице моего брата.

— Эй, Джо?

— Да?

— Можешь сделать мне одолжение?

Он поднял подбородок, давая мне понять, что слушает.

— Пожалуйста, не делай со мной того, что Даррен сделал с нами. — Сложив руки под щекой, я прошептала: — Не бросай меня.

— Не брошу, — пообещал мой брат, в его голосе звучали твердость и искренность. — Я никогда не оставлю тебя здесь с ним.

Я прерывисто выдохнула.

— Мама никогда не оставит его...

— Мама может делать все, что ей заблагорассудится, — перебил Джоуи, и его тон стал жестче, — Она застелила кровать, когда забирала его в прошлый раз. Она может продолжать рожать ему детей и терпеть его дерьмо до конца своей чёртовой жизни, мне все равно. Но ты и я? Мы держимся вместе. — Он повернулся ко мне лицом и сказал: — Когда я выберусь из этой дыры, а я это сделаю, заберу тебя с собой.

Закусив губу, я спросила:

— А как же мальчишки?

Джоуи тяжело выдохнул, но ничего не ответил.

Бабуля Мерфи, наша прабабушка по материнской линии, каждый день забирала наших младших братьев из школы и привозила домой, кормила, поила и укладывала спать около восьми вечера. Бабушка делала то же самое для Даррена, Джоуи и меня, пока мы не перешли в среднюю школу.

Это была странная договоренность, учитывая, что она и мои родители почти не разговаривали, и я спрашивала её об этом. Я хотела знать, почему в возрасте 81 года она продолжала помогать моим родителям, когда они явно не ценили ее.

Она воспитывала мою маму и ее сестру Элис, их родители умерли, когда они были еще детьми. Но казалось, что бабушка была чужим человеком, судя по тому, как с ней обращалась наша мама.

Бабушка сказала мне, что она делала это не для них.

Она делала это для нас.

Потому что она нас любила.

И мы не должны страдать из-за плохих решений наших родителей.

Она приучила каждого из нас к туалету, когда наша мама работала все часы, отведенные ей Богом, а отцу было все равно.

Бабушка Мерфи вмешивалась, когда наши родители отходили во время ссор.

Она дала понять, что будет любить и воспитывать каждого ребенка, который родится от их неудачного брака, потому что мы были ее правнуками.

Тадхг, Олли и Шон были относительно защищены от торнадо, которым являлся наш отец, потому что нам повезло иметь прабабушку, которая нас любила. Проблема

заклучалась в том, что бабуля упорно шла вперед по жизни, и она не могла делать это вечно.

Она не могла продолжать вмешиваться и спасать наше положение.

Ее здоровье слабело, старость приближалась, а с деньгами у нее было так же туго, как и у нас.

У бабушки не было денег, чтобы прокормить нас и трех младших братьев, и каждый раз, когда мы бежали к ней с очередной проблемой, на ее лице появлялась очередная морщина, и накапливался ещё один приём к врачу.

Именно по этим и многим другим причинам мы с Джоуи уменьшили количество наших визитов.

— Они наши братья, — прошептала я, оторвавшись от своих мыслей.

— Я не их отец, — прохрипел Джоуи, — и кто знает, может, мама опомнится до того, как они окончательно облажаются, как это было со мной и Дарреном. В любом случае, я ничего не могу с этим поделать. Я не могу позаботиться о них, Шэннон. Я не могу себе этого позволить и у меня нет времени. Я вытащу нас отсюда. Это все, что я могу сделать.

— Обещаешь?

Он кивнул.

— Как только я закончу школу и поступлю в колледж в следующем году, я найду квартиру. Возможно, мне понадобится некоторое время, чтобы собрать деньги и встать на ноги, но я выберусь отсюда, Шэннон. Я вытащу тебя отсюда. Это я тебе, черт возьми, обещаю.

— Я верю тебе, — сказала я ему.

Я верила.

Он рассказывал мне об этом плане с тех пор, как Даррен вышел за дверь пять лет назад и оставил нас наедине с гневом нашего отца, полного виски. Я верила, что мой брат имел в виду каждое слово, которое он произносил, каждое обещание, которое он давал.

Проблема заключалась в том, что я видела невероятные жертвы, на которые должен был пойти мой брат, чтобы сделать это для нас, и знала в глубине души, что вероятность того, что это действительно осуществится, мизерная.

Так или иначе, ребенок внутри меня цеплялся за обещание, чего бы оно ни стоило.

А такие обещания для таких девушек, как я, стоили всего.

— В любом случае, хватит этих родительских глупостей, — сказал Джоуи, глядя мне в лицо, — Расскажи мне, откуда ты знаешь Джонни Кавану.

— Что? — я уставилась на него, пораженная внезапной сменой темы разговора.

Для нас не было редкостью сменить тему после такой ночи и поговорить о бессмысленных вещах. Кому-то могло бы показаться странным, что мы смогли перейти от серьезного, содержательного разговора к простой болтовне, но для нас это было нормой.

Мы всю жизнь имели дело с отцовским бредом.

Смена темы была для нас естественной. Это был механизм преодоления, который мы совершенствовали годами: отвлечение внимания.

Но спрашивать меня о Джонни?

Это сбilo меня с толку.

— Кавана, — подтвердил Джоуи, его глаза были острыми и ищущими, — Откуда ты его знаешь?

— Он ходит в Томмен, — объяснила я, благодарная за полумрак, чтобы брат не увидел, как покраснело мое лицо. — Он, кажется, на пятом курсе? — я знаю. — И я видела его

несколько раз в школе. Он тот, кто отправил меня в нокаут в мой первый день.

Голова Джоуи повернулась ко мне.

— Это был Кавана?

— Это был несчастный случай. — Я быстро отмотала знакомые слова, которые говорила снова и снова в течение последнего месяца или около того. — Он сделал плохой пас, или неправильно ударил по мячу, или что-то подобное — в любом случае, он извинился миллион раз, так что все в порядке... — Я закончила с большим вздохом, не желая предоставлять какую-либо дальнейшую информацию по этому поводу. — Все кончено.

— Ну, дерьмо, — размышлял Джоуи, почесывая грудь. — Парень в его положении не должен совершать таких ошибок.

— Парень в его положении? — заметила я. — Я уверена, что он не единственный человек в мире, который бьет мяч наискосок.

— Нет... — Джоуи пожал плечами. — И все же, я не думал, что в Академии допускают такие ошибки школьников.

— Академии? — я выдохнула удивление. — Это называется колледж Томмен, Джо. Не Академия.

— Я не говорю о твоей школе, Шэн, — сказал Джоуи, — Я говорю об Академии — ну, ты знаешь, Институт Дальнейшего Развития. Академия — это всего лишь прозвище.

— Что это за Институт Дальнейшего Развития? И откуда ты его знаешь?

— Именно так, как это звучит: институт дальнейшего развития, — саркастически ответил он. — И все знают, кто такой Джонни Кавана.

Я не знала.

Я была озадачена.

— Тогда зачем называть это Академией?

— Потому что “Академия” звучит лучше, чем “Институт”. — Джоуи тихо засмеялся. — Ты действительно не имеешь никакого представления, кто он такой, да?

Когда я не ответила, Джоуи снова засмеялся.

— Это бесценно, — размышлял он, явно развлекаясь. — Ты ехала в его машине сегодня вечером и даже не знала.

— Не знала что? — огрызнулась я, чувствуя себя взволнованной и раздраженной из-за своего непонимания.

В моей голове промелькнули предыдущие слова Джонни.

— Я играю... Нет, я имею в виду, я играю...

Черт возьми, я знала, что выставила себя идиоткой.

— Что? — спросила я. — Он что, крутой регбист или что?

Джоуи громко фыркнул.

— Не могу поверить, что ты не знаешь.

— Скажи мне!

— Надо было сфотографироваться, — задумчиво добавил он. — О, подожди — ты уже сфотографировалась. А что это за история с тем, что вы с ним были в газетах? Старик практически ткнул её мне в лицо.

— Понятия не имею, Джо. — Я покачала головой и тяжело выдохнула. — Они выиграли какой-то кубок в прошлую пятницу, и я сфотографировалась с ним. — Я беспомощно пожалала плечами.

— Я понятия не имела, что это попадет в газеты.

— Это попало в газеты, потому что он Джонни Кавана, — заявил мой брат, произнося его имя так, будто оно должно было что-то для меня значить. — Он, черт возьми, большая шишка в регби. Господи, стоит только включить компьютер или развернуть газеты, чтобы прочитать о нем все, — продолжал он. — Его приняли в регбийную академию, когда ему было четырнадцать или что-то в этом роде.

— Это место, где находится Академия, — я подвинулась, наклонилась к краю кровати. — Это большое дело или что?

— Это, чертовски, большое дело, Шэн, — подтвердил Джоуи. — Тебя должны отобрать лучшие ирландские регбийные скауты, чтобы ты прошел испытание. Деньги и связи не имеют никакого значения. Отбор основан исключительно на таланте и потенциале. Они обучают их всему, что им нужно знать о профессиональной карьере в регби, и у них есть лучшие тренеры, физиотерапевты, диетологи и тренеры в стране, которые наблюдают за ними. Они проводят сумасшедшие программы подготовки и лагеря для своих игроков, и это лучшее место для знакомства с потенциальными скаутами. Это как школа передового опыта для будущих профессиональных регбистов — за исключением того, что это не школа. Это самое современное спортивное сооружение в городе. На самом деле, это больше похоже на щенячью ферму, где вместо собак выращивают породистых, высококлассных регбистов.

— Фу. — Я почесала нос. — Отвратительная аналогия, Джо.

— Вот на что это похоже, — хихикнул Джоуи. — Только самые перспективные подростки в стране получают шанс работать с Академией, и даже в этом случае это жестоко. Надо быть чем-то чертовски особенным, чтобы пройти отбор и провести с ними сезон, не говоря уже о том, чтобы снова пройти отбор. Лично я чертовски уважаю любого с такой самодисциплиной. Он должен иметь какую-то огромную рабочую этику, чтобы выступать на таком уровне в своем виде спорта.

— Так он хорош?

— Он лучше, чем просто хорош, Шэн, — поправил меня брат. — Я видел несколько игр Каваны с командой до 18 лет, которые показывали по телевизору во время летней кампании, и говорю тебе, что он на поле как заряженное ружье. Дай ему возможность, и он вскрыет оборону и попадет в долбаную цель каждый раз. Черт, парню всего семнадцать, и это его второй сезон в ирландской юношеской команде до 18 лет — и он перейдет в 20-летнюю команду, когда ему исполнится восемнадцать. После этого он перейдет во взрослую команду.

Значит, Джонни не шутил, когда говорил, что уже играл.

— Я ничего об этом не знала, — пробормотала я, чувствуя себя идиоткой.

Почему никто об этом не говорил?

В школе девочки только и говорили, что он отлично играл в регби и был капитаном школьной команды.

Я никогда даже не слышала об этой Академии.

— Ты покраснела, — сказал Джоуи, казалось, что его это развеселило.

Это была абсолютно точная оценка, которую я украдкой отрицала.

— Я не краснею.

Он фыркнул.

— Нет, блядь, ты краснеешь.

— Слишком темно, чтобы это увидеть, так что откуда ты вообще знаешь, что я краснею?

Джоуи тихо засмеялся.

— Так ты признаешь это?

— Нет. — Я сдержала проклятье. — Я не признаю.

Он насмехался.

— Не носи мне эту чушь.

— Какое чушь?

— Ты позволила ему отвезти тебя домой.

Я открыла рот.

— Да. И что?

— Ты даже не садишься в машину с Поджем, а он мой лучший друг с пеленок, — возразил Джоуи. — Я никогда не видел и не слышал, чтобы ты дружила с парнями.

— Это потому, что у меня нет друзей, — пробурчала я. — По крайней мере, не было.

— Так ты с ним дружишь?

— Нет, я с ним не дружу, — ответила я. — Я опоздала на автобус. Он подслушал мой разговор с тобой по телефону и предложил подбросить меня домой. Ты же знаешь это.

— Да, хорошо, слово мудреца, — ответил он беззаботно. — Не возлагай на него больших надежд.

— Больших надежд?

— Да, — лениво зевнул Джоуи. — Это ничем хорошим не закончится.

— Что ты, почему я должна на него надеяться? — отстреливалась я, разволновавшись. — И на что надеяться?

— На все то дерьмо, на которое надеются девочки-подростки, — ответил Джоуи, снова зевая. — Рискую показаться слишком заботливым братом, но он слишком взрослый и слишком опытный для тебя.

— Я ни на кого не возлагаю надежд, — горячо возразила я, а потом быстро добавила: — Зачем ты вообще мне все это рассказываешь?

— Я не тупой, Шэн, — ответил Джоуи. — Я хорошо знаю, как молодые девушки закидываются на парнях в его положении. — Он потянулся на своей импровизированной кровати. — Все, что я хочу сказать, это то, что не стоит надеяться, что он сфотографируется с тобой снова или подвезет тебя домой вечером. Он, скорее всего, делает это со многими девушками.

— А я и не собиралась! — огрызнулась я. — Я даже не знала о его положении, пока ты мне не сказал. — И я хорошо понимаю, что его предложение подвезти меня было попыткой загладить свою вину за сотрясение мозга.

— Ты уверена?

— Конечно, уверена.

— Ты уверена, что знаешь, что это все?

— Да, Джоуи.

— Ну, хорошо, — вздохнул он. — Потому что из того, что я читал в газетах, он уедет отсюда после того, как получит аттестат, так что скучать по нему было бы плохой идеей. По нему уже вопят клубы — даже в южном полушарии. Это лишь вопрос времени, когда его подпишут с тем, кто больше заплатит.

— И что? — мой тон был защитным. — Какая мне разница? Я даже не люблю регби!

— Успокойся, Шэннон, — пробурчал Джоуи. — Я лишь пытался дать тебе братский совет.

— Ну, это не обязательно, — буркнула я с горящим лицом. — И к твоему сведению, он

на самом деле не так уж и хорош, — решила я бросить это в унижительном тоне.

Моя недавняя ссора с Джонни была еще свежа в моей памяти, и у меня было безумное желание спустить его на землю — даже если это было только перед моим братом.

— Он очень капризный и ездит, как маньяк, а его машина — просто позор, она такая грязная.

— А какая у него машина?

— Ауди А3. — Я скривилась, прежде чем неохотно признать: — Это так мило.

— Конечно, так и есть. Они практически раздают своим игрокам лучшие машины. — Джоуи выдохнул и сказал немного по-фанатски, когда сказал: — Везучий ублюдок.

Тогда вокруг нас воцарилась тишина, а я тихо бродила в своих мыслях. Вздрагивая, я пыталась растворить информацию, которую дал мне Джоуи, пытаюсь связать ее с Джонни, которого я встречала, но не смогла.

Он не казался мне супер звездным регбистом.

Ладно, конечно, физически он выглядел так, что каждый сантиметр соответствовал описанию, но он не был... он не был...

Я покачала головой, мысли пугались в голове.

Теперь, когда я точно знала, насколько он был предан регби, я могла понять его иррациональную реакцию сегодня вечером.

Он не хотел, чтобы кто-то знал о его травмах, потому что был напуган.

Он не признавался в этом, но теперь, когда я знала, что для него было поставлено на карту, это было вполне ожидаемо.

Если бы моя будущая карьера, в которую я вложила столько времени и энергии, зависла в воздухе из-за травмы, я бы сделала все возможное, чтобы вернуться на правильный путь.

Но врать о своем выздоровлении?

Это казалось мне рискованным шагом.

Опасным шагом.

Он сам говорил, что не выздоравливает должным образом.

Так зачем так рисковать своим телом?

— Что произойдет с парнем, если он разорвет свою приводящую мышцу?

Вопрос вылетел из моих уст, прежде чем я успела его обдумать.

— В паху?

— Да. — Я кивнула. — Что происходит?

— Зависит от силы разрыва, — без колебаний ответил Джоуи. — Но некоторое время ему будет чертовски больно. Если все очень плохо, ему, наверное, понадобится физиотерапия и реабилитация.

— А что, если бы все было действительно плохо? — я погрызла ноготь и спросила: — А если все настолько плохо, что ему придется делать операцию?

— Шэннон, прекрати! — Джоуи заметно вздрогнул и схватился за свой член. — Я не хочу об этом думать.

— Это было бы очень плохо? — я продолжала настаивать. — Для парня, то есть? Было бы больно?

— Скажем так, — вырвалось у Джоуи, когда он все вздрагивал. — Я лучше сломаю обе ноги, чем получу такую травму.

— Будет больно ходить и все такое? — спросила я. — А как насчет занятий спортом?

— Шэннон, мне будет больно отлить, — возразил Джоуи. — Не говоря уже о том, чтобы

бегать по полю.

О, Боже.

Неудивительно, что Джонни было больно.

— А что такое? — спросил он тогда.

— О, мне просто интересно, потому что Лиззи сказала, что ее парень, Пирс, перенес операцию по восстановлению приводящей мышцы еще в декабре. — Пожав плечами, я продолжала врать сквозь зубы. Я не знала фамилии парня Лиззи, не говоря уже о состоянии его приводящих мышц. — Лиззи сказала, что он снова играет в футбол, но ему все еще очень больно. Она спросила меня, знаю ли я что-то об этом, ведь ты играешь в регби. Я сказала, что спрошу у тебя.

— Ну, ты можешь передать от меня ей, что этот бедняга заслуживает неограниченное количество морфия, — пробормотал Джоуи. — И кровать. И бесконечный запас пакетов со льдом для яиц.

— Для яиц? — я глубоко вздохнула, а глаза расширились. — Зачем ему пакеты со льдом для них?

— Потому что, когда хирурги разрезают тебя для такой процедуры, они делают надрез прямо под твоими яйцами... тьфу! Я не могу. — Покачав головой, Джоуи огрызнулся: — Я не могу даже думать об этом без того, чтобы не посочувствовать бедняге.

— Но что, если...

— Нет!

— Но я просто...

— Спокойной ночи, Шэннон! — перевернувшись на бок, спиной ко мне, Джоуи буркнул: — Спасибо за мои будущие кошмары.

Перевернувшись на спину, я обхватила руками макушку головы и медленно, равномерно выдохнула, надеясь успокоить свои дрожащие мысли и очистить сознание. Когда через несколько часов звук глубокого храпа Джоуи заполнил мои уши, я все еще не спала.

Я была уставшей.

Я гналась за сном, призывая его прийти, но, как бы ни старалась, не смогла заставить свой мозг отключиться.

Глядя в потолок, я мысленно листала свой личный каталог душевной боли.

Это была больная форма самоповреждения, потому что думать об этом не приносило мне абсолютно никакой пользы, но, тем не менее, я переживала каждый спор, жестокие комментарии и болезненные воспоминания. Начиная от насмешек в школьном дворе в возрасте четырех лет и заканчивая комментариями, сделанными моим отцом сегодня вечером.

Это была высшая форма мазохизма и ритуал, который я всегда выполняла после плохого дня.

Закрытие глаз также не помогало.

Каждый раз, когда я позволяла своим глазам закрыться, перед моими веками танцевали воображаемые образы Джонни Кавана.

Я не была уверена, что мне больше нравилось, когда он был просто незнакомцем, который выбил меня из колеи и улыбался в коридоре, или мрачным, чрезмерно реактивным засранцем, который бросал меня то в жар, то в холод сегодня вечером.

Я точно знала, что сожалею о том, что узнала о нем.

Открытие того, что Джонни был восходящей звездой регби с будущей яркой спортивной

карьерой, подавляло меня по нескольким причинам, но одна конкретная причина застряла в моей голове.

У меня был собственный брат-суперзвезда, хорошенький мальчик, который не делал ничего плохого в глазах других, которого хвалили за его игру на поле и награждали полной свободой действий.

Джоуи, каким бы хорошим он ни был для меня, был еще и настоящим развратником, который оставил за собой шлейф разбитых сердец от Баллилаггина до Корк-Сити.

Он встречается только со своей девушкой Ифой около восьми месяцев, и казалось, что полностью предан ей. Но присяжные все еще не могли решить, полностью ли он исправился от своих старых привычек или нет.

Опыт подсказывал мне, что парни — это собаки.

И отцы.

Отцы — подонки, и мужчинам нельзя доверять.

Не всем мужчинам, с сожалением признала я, но большинство были такими.

Особенно спортсмены.

Будучи сестрой одного из них, я имела представление о сознании этих подростково-спортсменов и знала, что безопаснее всего иметь с ними родственные отношения, платонические дружеские отношения или просто избегать их, как чумы.

У них было большое эго, больше, чем жизнь, и очень сильное сексуальное влечение. Преданные своим семьям, своей команде и мало кому еще.

Довериться моим упрямым подростковым гормонам, которые вспыхивают при виде одного из них. Признав, что это самый безопасный вариант, я решила, что отойду от сегодняшних событий, заблокировав в памяти все, что я узнала о Джонни Кавани, и буду избегать его.

Я была молода, но не глупа, и знала, что питать какие-либо чувства, невинной влюбленности или нет, к такому парню, как Джонни Кавана, не принесет мне никакой пользы в долгосрочной перспективе. Потому что, честно говоря, с того дня, как он меня отправил в нокаут, я испытывала к нему много противоречивых эмоций.

Но то, как ужасно Джонни справился со своим дискомфортом сегодня вечером, вместе с разговором Джоуи, стало той холодной, жесткой дозой реальности, которая мне была нужна, чтобы вернуть себя в чувство.

Мне нужно было забыть о нем.

И я забуду.

Я надеюсь на это.

Шэннон

Когда я проснулась в школу в среду утром, внизу меня уже ждала мама. В моей спешке, чтобы выбраться из дома подальше от моего отца, я не заметила ее. Только когда я остановилась в прихожей, чтобы забрать свое пальто, увидела, что она сидит за кухонным столом, сжимая в руках кружку с кофе.

— Мам? — Я нахмурилась при виде нее.

Она выглядела измученной, с темными кругами под глазами, бледным и изможденным лицом.

Мама закутана в свой старый, потертый халат в горошек — последний рождественский подарок, который Даррен подарил ей перед отъездом.

Бросив пальто на перила, я побрела на кухню.

— Что ты делаешь?

— Шэннон, — произносит она, выдавливая слабую улыбку. — Подойди и посиди со мной немного.

Я сделала это, потому что было так необычно видеть ее в такое раннее время, и понимала, что что-то не так. Я посмотрела на часы, чтобы убедиться, что не проспала или что-то в этом роде. 05:45.

Нет, она пришла раньше, и что-то определенно было не так.

Отодвинув стул, я опустилась на сиденье напротив нее и спросила:

— Что происходит, мам?

— Нельзя ли мне встать, чтобы проводить тебя в школу?

Нет.

Не совсем.

Вовсе нет.

Мой молчаливый ответ, должно быть, говорил о многом, потому что мама поставила свою кружку и потянулась к моей руке.

— Шэннон, — она, наконец, справилась с этим и сказала: — Я знаю, ты чувствуешь, что мы не ... что иногда твой отец не очень... Я просто хочу, чтобы ты знала, что я одинаково люблю всех своих детей, но ты моя особенная.

Это ложь.

Я не была для нее чем-то особенным.

Даррен был ее любимцем, и когда он ушел, мама уже никогда не была прежней. По правде говоря, между сменами на работе и заботой о младших детях она едва замечала меня. Я любила свою маму, действительно любила, но это не значит, что я не возмущалась ее слабостью, что я и делала. Очень часто.

Чувствуя себя неловко, я вытащила свою руку из-под ее и спросила:

— Ты подписала мое разрешение на школьную поездку в Донебол?

Я знала, что она этого не сделала.

Оно все еще лежало на хлебнице — без подписи.

— Мне не нравится, что ты так далеко от дома, Шэннон, — объяснила она, прикусив нижнюю губу. — Донебол очень далеко.

Точно.

— Я не хочу сбежать, мама, — прошептала я. — Клэр и Лиззи едут, поэтому я действительно хочу поехать. Мне нужно получить разрешение до пятницы, иначе они меня не отпустят.

Ладно, это была ложь, у меня было время до окончания праздников, чтобы сдать разрешение, но давление на нее было единственным шансом заставить ее подписать бумаги.

— Что, если с тобой там что-нибудь случится? — Мама предположила. — Что, если кто-нибудь нападет на тебя?

— В этом доме больше шансов, что это произойдет, — пробормотала я себе под нос.

Мама вздрогнула.

— Шэннон ...

— Он рассказал тебе, что произошло прошлой ночью? — Я выпалила, зная, что это было тем, о чем она хотела поговорить со мной — то, о чем она хотела убедиться, что я не буду говорить.

Расправив плечи, я уставилась через стол на свою мать.

— Он сказал тебе, что сделал с Джоуи?

— У него есть имя, — сказала мама напряженным голосом.

— Он тебе сказал?

— Да, твой отец рассказал мне, что произошло, — наконец ответила она.

— И это все? — Я откинулась на спинку стула и изучала ее лицо. — И это все, что ты можешь сказать об этом?

— Шэннон, это сложно. — Мама тяжело вздохнула и опустила голову. — Мы все сейчас находимся под большим давлением из-за того, что летом появится ребенок, а твой отец без работы. С деньгами туго, Шэннон, и это влияет на твоего отца. У него много чего на уме ...

— Он разбил губу Джоуи, мама! — Я проглотила комок в горле. — Из-за пачки печенья. И если он беспокоится о деньгах, то, может быть, ему стоит перестать играть в азартные игры и пропивать деньги на детское пособие!

Моя мать вздрогнула от моих слов, но я рада, что произнесла их. Это нужно было сказать. Я просто хотела, чтобы она начала слушать.

— Твой отец сказал мне, что ты поздно вернулась со школы, — продолжила она. — Он был очень расстроен твоей фотографией в газете...

— Это школьная фотография!

— С парнем?

— Боже мой! — воскликнула я. — И ты тоже?

— Нет. — Она покачала головой. — Конечно, нет. Я понимаю все это, но твой отец очень расстроен этим. Ты же знаешь, как он...

— Значит, это моя вина, что он избил моего брата и пытался задушить меня? — Я подавила рыдания возмущения, пытавшиеся вырваться из меня. — За то, что поздно вернулась домой, или за то, что сфотографировалась в школе, или за то, что переехала в Томмен? Что из этого, мама? Или все, что я делаю, неправильно? Я виновата во всем, что идет не так в этой семье?

— Нет, конечно, это не твоя вина, Шэннон, — быстро попыталась она оправдаться. — Ты не виновата, и твой отец тебя очень любит. Но ты же знаешь, что он боится, что ты закончишь так же, как и я. И у него с Джоуи сложные отношения, — сказала она, пытаясь отговориться от своих обязанностей ложью. — Джоуи знает, что не нужно его раздражать...

Я прервала ее, покачав головой.

— Перестань защищать его, — прошипела я, понизив голос, чтобы не разбудить человека, который успешно разрушал мою жизнь каждый день с 13 марта 1989 года — день, когда я вошла в этот мир и в токсичную гребаную семью. — Просто остановись, мама! Что бы ты ни говорила, это не помогает. Это просто продолжает происходить снова и снова. Так что просто перестань извиняться и пытаться объяснить его поведение. Мы устали это слышать.

— Я делаю все, что в моих силах, Шэннон, — прошептала моя мать.

— Для кого, мама?

Ее глаза вспыхнули гневом, когда она посмотрела на меня и выплюнула:

— Для моей семьи.

— Для него, — пробормотала я себе под нос.

Моя мать вздрогнула, но я не взяла свои слова обратно. Они являлись правдой.

— Ты не можешь так со мной разговаривать, — отрезала она. — Ты не представляешь, как тяжело каждый вечер возвращаться домой, как на третью мировую войну.

Я не ответила. Мне нечего было сказать.

Если она действительно верила, что я не знаю, каково это — жить в зоне боевых действий, тогда она была сумасшедшей, а также безразличной к нам матерью.

— Я устала от этого, Шэннон, — сказала она. — Я устала от такой жизни. И я устала от того, что меня судят мои собственные дети.

— Что ж, вступи в наш клуб, мам, — выпалила я. — Мы все устали от такой жизни.

— Не дерзи мне, — предупредила она. — Я не буду с этим мириться, Шэннон. Я говорю тебе, что сейчас я могу рассказать...

— Моему отцу? — Я перебила ее, тон высокий и пронзительный. — Это то, что ты собиралась сказать, не так ли, мама? Ты собираешься рассказать ему обо мне?

— Тебе нужно проявить ко мне немного уважения, Шэннон, — прорычала она. — Я работаю до изнеможения, чтобы помочь тебе закончить школу, и мне чертовски не нравится, что ты разговариваешь со мной, как будто я дерьмо на твоём ботинке!

— Ну, мне не нравится, когда меня называют шлюхой каждый раз, когда я переступаю порог, — выдавила я, мои эмоции выплескивались наружу.

Чувство вины за то, что я расстроила свою мать, бурлило во мне, смешиваясь с обидой, страхом и гневом, накопившимися за всю жизнь.

— Потому что он так меня называет, мам, — хрипло выдавила я. — По словам моего отца, я всего лишь грязная шлюха.

— Он беспокоился о тебе, — ответила она. — Он не знал, как ты добралась домой прошлой ночью.

— Он беспокоился обо мне, поэтому назвал меня шлюхой? — Я потрясенно покачала головой. — Это не имеет никакого смысла.

— Потому что ты была на той фотографии..

— Ты видела фото?

— Нет.

— Ну, если бы ты увидела, то сказала бы, что я не сделала ничего плохого! — Смахнув предательскую слезу, я шмыгнула носом. — Я даже никогда не была с парнем, мама, и ты это знаешь. Но он называет меня шлюхой, а ты ничего не делаешь.

— Я сделала, — защищалась она. — Я поговорила об этом с твоим отцом, и он

пообещал больше так не делать.

— Забудь об этом. — Отодвинув стул, я быстро встала, направилась к двери, не желая слушать, как она оправдывает действия моего отца. — Просто забудь об этом, мама.

Я слышала достаточно таких оправданий за эти годы.

— Мне нужно идти, — хрипло добавила я. — Я не хочу снова опоздать на автобус и вызвать еще больше проблем.

— Остановись, — предупредила она, следуя за мной. — Я еще не закончила.

— Да, но я закончила, — выдавила я, стряхивая руку, которую она положила мне на плечо.

Это было нежное прикосновение, но оно ранило сильнее, чем любая пощечина, которую она могла нанести. Не обращая внимания на протесты моей матери, я вышла из кухни.

— Как ты добралась домой прошлой ночью?

Остановившись у входной двери, я повернулась к ней лицом.

— Что?

— Твой отец думает, что Ифа подвезла тебя домой со школы прошлой ночью, — сказала она, в глазах было беспокойство. — Но я знаю, что это неправда — она работает по вторникам вечером. Итак, как ты добралась домой?

— Какое это имеет значение?

— Это важно, потому что от нашего дома до Томмен пятнадцать миль, Шэннон Линч, и я хочу знать, как ты проделала это путешествие! — потребовала она. — У тебя опять проблемы? Ты специально пропустила свой автобус, чтобы избежать новых хулиганов?

— Нет, мам, у меня нет проблем в школе, — выдавила я.

— Это не первый раз, когда ты пропускаешь автобус, Шэннон, — возразила она, голубые глаза встретились с моими. — Если у тебя проблемы, ты можешь сказать мне. Я могу тебе помочь.

— Я люблю Томмен, мама, я счастлива там! — Слова, которые слетели с моих губ, удивили меня, потому что они были правдой.

Потрясающе, но я поняла, что на самом деле люблю свою новую школу.

— Тогда как ты добралась домой? — она повторила в третий раз. — Скажи мне!

— Джонни Кавана подбросил меня домой, — выпалила я, борясь с желанием закричать. — Хорошо? Теперь ты счастлива? Это тот парень, с которым я была в газете. Я сфотографировалась с ним на прошлой неделе, а потом пошла и села в его машину, и он подбросил меня домой прошлой ночью, так что, полагаю, ты можешь сбегать наверх и сказать папе, что он был прав все это время, и я — гребаная шлюха.

Лицо мамы стало смертельно белым.

— Я звоню в школу.

— Что? — Мои глаза расширились. — Почему?

— Этот мальчик не должен приближаться к тебе, — выплюнула она.

— Почему нет?

— Потому что он причинил тебе боль, Шэннон!

— Это был несчастный случай.

— Я звоню мистеру Туоми.

Мама повернулась, чтобы вернуться на кухню за телефоном, и я поймала себя на том, что бегу за ней.

— Не надо, мама, не надо!

— Отдай мне мой телефон, Шэннон, — приказала моя мама, когда я вырвала его у нее из рук. — Сию секунду.

— Ты даже не знаешь почему! — Я плакала, прижимая ее мобильный к груди.

— Мне все равно, — рявкнула мама и вырвала телефон у меня из рук. — Он знает правила. Они были объяснены ему очень четко. Он не должен с тобой разговаривать. Он был предупрежден, Шэннон. Открытым текстом. Его следовало отстранить за то, что он сделал с тобой. К тому времени, как я закончу с ним, он будет отстранен.

— Проблема здесь не в Джонни, — выдавила я. Мое сердце бешено колотилось в груди, мысль о том, что Джонни снова попадет в беду, вызывала у меня головокружение. — Он извинился за то, что произошло. Он заменил мою форму. Он заступился за меня в школе, когда один мальчик доставлял мне неприятности. Он был только добр ко мне, мама.

Моя мать не была крупной женщиной, но рост в пять футов и восемь дюймов и четвертый с половиной месяц беременности делали меня очень маленькой по сравнению с ней в этот момент.

Когда ее пальцы застучали по клавиатуре телефона, я достигла предела.

— Я пропустила свой автобус! — Я закричал, запаниковала, когда она начала набирать номер. — Я боялась опоздать. Я боялась поздно возвращаться домой к нему. Я решила попробовать, потому что была в отчаянии! Потому что я знала, что он сделает, если я буду ждать следующего автобуса.

— Шэннон, — прошептала мама, остановившись на середине набора. — Тебе не нужно бояться возвращаться домой.

— Разве нет? — Я убрала волосы с лица и указала на шрам на виске.

Тот, который мой отец нанес мне, когда чуть не покалечил меня бутылкой виски, когда мне было одиннадцать.

Там, где находился этот, было еще много других, но она уже знала о них.

— Ты так озабочена борьбой с хулиганами в школе, мама, — рыдала я, слезы текли по моим щекам. — Когда самый большой хулиган из них всех живет под этой крышей.

Моя мать вздрогнула, как будто я физически ударила ее. Но это сделала не я. То, что она чувствовала прямо сейчас, было холодной, жесткой дозой реальности, бьющей ее по лицу.

— Ты должна оставить Джонни в покое! — Я закричала во всю силу своих легких, пронзительным и яростным голосом. — Он не сделал ничего плохого! Абсолютно ничего.

Мне было уже все равно.

Если я разбудила своего отца, значит, я разбудила его. Если бы он вышиб из меня все дерьмо, я бы исцелилась. Я не могла сдерживаться, и все мое беспокойство было направлено на мальчика, который не сделал ничего, чтобы заслужить быть втянутым в мое безумие.

— Я серьезно, мам, — предупредила я дрожащим голосом. — Позвонишь в школу, чтобы устроить проблемы Джонни, тогда я расскажу им все, что ты не хочешь, чтобы они знали!

Мама схватилась за грудь и покачала головой.

— Шэннон.

— Все, — выпалила я.

На этот раз, когда я развернулась, я больше не поворачивалась.

— Шэннон, подожди, — последние слова, которые я услышала, прежде чем закрыть дверь перед своими проблемами.

Подняв голову к штормовому небу, я закрыла глаза, и меня поглотило ощущение дождевых капель, падающих на мою кожу. Я стояла прямо там, посреди проливного мартовского ливня, и молилась о божественном вмешательстве или, по крайней мере, о небольшой отсрочке от ада, в котором находилась семья, в которой я родилась.

Я никогда не хотела возвращаться в этот дом. Осознание того, что у меня нет выбора и мне придется вернуться, является особой формой ада.

Впервые в жизни я хотела найти безопасное место, в которое можно убежать, а не сбегать оттуда.

Я чувствовала, что медленно умираю в этом доме.

В моем доме.

Где я должна спать.

Где я должна чувствовать себя в безопасности.

Дверь позади меня открылась, и каждый мускул в моем теле напрягся от ужасного ожидания.

Он встал, и мне пришел конец.

— Шэннон. — Голос моей матери заполнил мои уши, сумев немного рассеять страх, угрожающий задушить меня. — Ты забыла взять свое пальто.

Напряженная, как кочерга, я обернулась и увидела маму, стоящую в дверях с моим пальто в руках.

— Тебе нужно твоё пальто, — объяснила она хриплым тоном, указывая рукой на небо. — Они прогнозируют еще один шторм.

— Тебе это никогда не надоедает, мама? — Спросила я срывающимся голосом.

Сморгнув слезы, я выдавила:

— Тебе когда-нибудь до смерти надоест притворяться?

Выражение ее лица дрогнуло.

— Шэннон...

Она сделала шаг ко мне, и я сделала еще три шага назад.

Я не могла продолжать это делать.

Я не могла продолжать так жить.

Я открыла сердце своей матери. А она беспокоилась о пальто.

— К черту мое пальто, — выдавила я, бросаясь бежать к автобусной остановке, отчаянно пытаясь установить столь необходимую дистанцию между мной и моей семьей. — К черту мою жизнь!

Глава 21. Закрытие

Шэннон

Когда я пришла в школу, мой гнев нисколько не уменьшился. Я была так взбешена, что практически смогла ощутить это на вкус, и, как ни странно, мне понравились такие эмоции. Лучше, чем отчаяние и страх, которые не покидали меня.

Гнев сделал меня храброй, и это дало мне голландскую смелость, в которой я нуждалась, чтобы сделать то, что должна. Независимо от того, сколько раз мой мозг говорил мне, что это плохая идея, я знала, что должна это сделать.

Я должна уладить кое-какие дела с Джонни Кавана, а затем уйду с нетронутым сердцем и чистой совестью, потому что я не могу, по доброй воле, игнорировать то, что сказала моя мать.

Подпитываемая адреналином, который все еще бежал по моим венам после ссоры с матерью и катастрофы, произошедшей прошлой ночью, я сделала успокаивающий вдох и промаршировала по коридору к раздевалке пятикурсников.

Когда я заметила Джонни, который, прислонившись к шкафчикам в конце коридора для пятикурсников, разговаривал с парой парней постарше, я прерывисто выдохнула. Невидимость была одновременно прекрасной вещью и необходимым инструментом выживания, который искали такие люди, как я. Общение с будущей звездой ирландского регби могло стать проблемой.

Призвав каждую унцию храбрости внутри моего тела, я подошла прямо к нему, положившись на адреналин, бурлящий в венах.

Он вскинул голову, когда я приблизилась. Его острый взгляд остановился на мне, голубые глаза были горячими и настороженными, но я не остановилась.

Я не могла.

— Мне нужно с тобой поговорить, — объявила я, когда подошла к нему, дрожа с головы до ног, когда взгляды, как мне казалось, тысячи людей остановились на мне.

Я ожидала, что в этот момент произойдут две вещи: либо Джонни попросит меня отойти, либо он согласится пойти куда-нибудь в тихое место, чтобы поговорить со мной.

Когда Джонни вздернул подбородок и произнес:

— Уходи, — я поняла, что была права насчет сценария номер один.

Мой адреналин и храбрость покинули меня в спешке, и мои плечи поникли.

Кивнув, я повернулась, чтобы уйти, чувствуя себя совершенно опустошенной. Теплая рука обхватила мое запястье и притянула меня обратно к нему.

— Не ты, — прошептал Джонни мне на ухо, останавливая меня перед собой. — Они. — Голубые глаза метнулись к двум мальчикам, наблюдавшим за нами с любопытством. Его тон не оставлял места для обсуждения. — Идите.

Я наблюдала с каким-то благоговейным изумлением, как двое парней, с которыми он разговаривал, вместе с семьей или около того учениками, слоняющимися по коридору, просто развернулись и ушли.

— Вау, — выдохнула я, когда мы остались одни в коридоре. — У тебя действительно серьезный авторитет в школе. — Я повернулась к нему, и мне снова пришлось запрокинуть голову, чтобы увидеть его лицо. — Это было эпично.

Джонни наградил меня мальчишеской ухмылкой, которая быстро превратилась в хмурый взгляд, когда он посмотрел на мое лицо.

— Что случилось? — потребовал он, глядя на меня сверху вниз. — Кто, черт возьми, заставил тебя плакать?

— Что? — Я выдохнула, качая головой. — Я не плакала.

— У тебя красные и опухшие глаза, — невозмутимо произнес он. — Ты плакала. — Его взгляд переместился на мою щеку. — Что, черт возьми, случилось с твоим лицом?

— Что?

— Твое лицо, — выпалил он. — У тебя покраснели щеки.

— Я в порядке, — выдавила я, делая безопасный шаг назад от его чрезмерно наблюдательных глаз.

Только тогда я заметила, что он все еще держит меня за запястье.

Джонни, очевидно, тоже это заметил, потому что он быстро отпустил меня и сделал шаг назад, а затем провел рукой по своим взъерошенным волосам.

— Что случилось с твоим лицом?

Мой отец избил меня газетой.

— Э-э, не беспокойся об этом, — пробормотала я, потирая щеки тыльной стороной ладони, чтобы стереть остатки слез.

— Назови мне имя, — прорычал Джонни, опустив руки на бедра. — И я позабочусь об этом.

— Что, нет! Я в порядке, — быстро ответила я. — У меня аллергия.

— У меня тоже. На мудаков и вранье, — прорычал Джонни. — А теперь скажи мне, кто заставил тебя плакать, и я все исправлю.

На долю секунды я задумалась о том, чтобы назвать имя своего отца, просто чтобы посмотреть, сдержит ли Джонни свое слово и позаботится ли об этом.

Он выглядит так, словно сделает это.

Он, конечно, достаточно большой.

Тряхнув головой, чтобы очистить свои нелепые мысли, я посмотрела на него и сказала:

— Мне нужно тебе кое-что сказать.

— Да, ты должна, — парировал он. — Имя.

— Что? Нет, просто остановись на секунду. — Покачав головой, я подняла руку. — Я должна сказать кое-что важное, а ты меня отвлекаешь.

Джонни открыл рот, чтобы ответить, но быстро закрыл его.

С пульсирующей веной на шее он натянуто кивнул и сказал:

— Я слушаю.

Поехали.

— Очевидно, ты не должен со мной разговаривать, — начала я, понизив голос и приглушив его. — По крайней мере, моя мама сказала, что тебя предупреждали держаться от меня подальше. В любом случае, я сожалею об этом, — поспешила сказать я. — Моя мать? Она с тобой так обращалась? Я ничего об этом не знала.

— Я думаю, что слова “держись подальше” были выбраны твоей матерью, — съязвил Джонни, засовывая руки в карманы. — И не беспокойся об этом, Шэннон. — Нахмурившись, он добавил: — Я большой мальчик. Я вполне в состоянии позаботиться о себе.

— Но ты все равно сделал это? — Я задала вопрос, ошеломляя себя тем, насколько откровенной могу быть с этим мальчиком, который, по сути, мне незнаком. — Я имею в

виду, не держался подальше?

Он медленно кивнул, его глаза были настороженными и неуверенными.

У меня перехватило дыхание.

— Ну, я хотела, чтобы ты знал, что она не доставит тебе никаких проблем. Я рассказала ей о тебе.

— Это то, о чем ты хотела поговорить? — Джонни смотрел на меня с опаской. — О твоей маме?

Я кивнула.

— Это и я разъясню мистеру Туоми, что между нами нет никаких разногласий.

Я тяжело вздохнула и выдавила из себя:

— Я также хотела извиниться за то, как рассталась с тобой прошлой ночью.

Плечи Джонни на мгновение напряглись, а затем я услышала его тяжелый выдох.

— Ты была права, — наконец ответил он. — Я слишком остро отреагировал и плохо справился с этим.

— Может и так, — предположила я, мой голос был чуть громче шепота. — Но тогда я не знала, что для тебя значит играть в регби.

— А теперь ты знаешь? — он спросил низким голосом, грубым тоном. — Теперь ты думаешь, что поняла?

— Нет, не совсем. — Я прикусила губу, прежде чем добавить. — Но теперь я понимаю твой страх, и мне легче понять, почему ты чувствуешь необходимость играть через боль.

Скованность в его плечах вернулась, и он так долго молчал, что я перестала ждать ответа.

— Ну, это все, что мне нужно было сказать, — прошептала я. — Пока, Джонни.

А потом я развернулась и ушла.

Как я и обещала себе, после этого я не искала Джонни Кавана.

Я прояснила ситуацию и ушла.

Весь день я избегала коридоры, по которым, как знала, он ходил между уроками — тех, которые наметила в предыдущие недели, — и избегала обеденного зала на большой перемене. Он сидел с огромной толпой игроков в регби прямо у входа, так что у меня не было возможности игнорировать его там.

Это было ненужное избегание с моей стороны, потому что в тех немногих случаях, когда наши пути пересекались в течение дня, Джонни покорно игнорировал меня: никаких улыбок, никакого зрительного контакта. А я, в свою очередь, делала вид, что мне все равно.

Я не должна интересоваться.

Я знала это.

Но я все равно продолжала это делать...

Как мазохистка, которой я и являлась, заинтересовалась им и провела свое расследование во время компьютерного класса в тот день. Поиск в интернете, не говоря уже о сарафанном радио от моих друзей, только укрепил то, что сказал мне Джоуи.

Джонни Кавана — большой человек.

Погрузившись в учебу, я пыталась заблокировать все мысли о нем, но это было трудно сделать, учитывая, что он был темой на кончиках языков большинства людей в школе.

Казалось, мне не спрятаться от него.

Когда я призналась Клэр во время обеда, что Джонни подвез меня до дома, ее зрачки расширились так сильно, что я подумала, что у нее вот-вот случится инсульт. Признание, о котором я сразу пожалела, учитывая, что Клэр не оставила это без внимания.

Если она и не задавала мне вопросы о наших разговорах, на которые я бы все равно не ответила, то Клэр показывала на него в коридорах и рисовала сердечки “Ш.Л + Д.К” в наших тетрадах для домашних заданий.

К счастью для меня, у меня был дар в отвлечении внимания и отрицании, и через несколько часов после ее провальных попыток, Клэр отказалась от получения от меня дополнительной информации. Я была рада, потому что не хотела, чтобы кто-нибудь знал, насколько я была в беспорядке внутри.

Она знает, что он мне нравится, и это уже достаточно плохо.

Единственной светлой стороной всего этого испытания был тот факт, что Ронан Макгэрри за весь день даже не взглянул в мою сторону. На уроке французского, вместо того, чтобы сидеть позади меня, он сидел на другой стороне класса и покорно игнорировал меня, как будто меня не существовало.

Я не желала ни от кого внимания, тем более от него.

Я не пропустила мимо себя свежий синяк под его левым глазом и разбитую губу, которая, по моим догадкам, появилась из-за Джонни.

Оставлять пальто дома по дороге на автобусную остановку после школы казалось глупой идеей, тем более что каждая деталь одежды, которая была на мне, промокла насквозь.

Нет.

Я покачала головой.

Если подумать, я бы предпочла утонуть.

Это было лучше, чем принять жалкое примирительное предложение моей матери, которое пришло в виде моего пальто.

В другие дни это был шоколад или чашка чая, или новая пара резинок для волос, или какая-то другая форма взятки, данная с намерением заставить меня замолчать.

Я прекрасно понимала, что текстовое сообщение, которое получила от нее на малой перемене со словами “Я не буду создавать мальчику проблем”, было отправлено в надежде получить ответное текстовое сообщение от меня с тем же сообщением.

Я не ответила по двум причинам.

Во-первых, у меня не было денег на счету.

Во-вторых, она не заслуживала того, чтобы ее успокаивали.

Почему она должна быть спокойна, когда я провела всю свою жизнь в состоянии постоянного беспокойства?

Я оставила ее, угрожая рассказать обо всем директору.

Она была не единственной, кого сбила с толку моя непредсказуемая реакция. Я чувствовала себя животным в клетке, загнанным в угол.

Я никогда раньше не наносила такого ответного удара.

Я никогда не испытывала такого сильного желания сделать это.

Мой маленький акт неповиновения бесполезен, потому что я та, кто, скорее всего, пострадает от этого. Но, честно говоря, если бы я взяла свое пальто этим утром, это было бы то же самое, что закрыть глаза на то, что произошло.

И я отказалась это делать.

Когда я вошла в парадную дверь, я послушно проигнорировала своего отца, который хлопотал на кухне, и направилась прямо в свою спальню, зная, что скорее умру с голоду, чем войду на кухню и столкнусь с ним.

Трезвый или нет, я ненавидела его каждой клеточкой своего существа.

Вернувшись в “дом боли”, я закрыла дверь своей спальни, быстро сняла мокрую одежду, прежде чем надеть пижаму.

Краем глаза я заметила на своей кровати конверт с выгравированным на лицевой стороне гербом колледжа Томмен.

Протянув руку, я схватила конверт и вскрыла его.

Мои глаза расширились, когда я уставилась на бланк разрешения.

Его подписала моя мама.

Крепко зажав в руке листок с разрешением, я плюхнулась обратно на кровать и прерывисто выдохнула.

Я собиралась в Донегал.

Глава 22. Время в долг

Джонни

Каждую субботу, начиная с шести лет, я проводил день на поле с мячом для регби в руках и яркими мечтами, мелькающими перед глазами.

По мере того, как я рос, эти субботы превратились из перебрасывания мяча с моим отцом в мини-учения и матчи с моим клубом, в тренировки в Национальном институте регби дальнейшего развития — он же Академия — когда мне исполнилось четырнадцать.

Изменился распорядок дня, изменились подачи, но мечта осталась прежней.

Цель всегда была одна и та же.

Играть за свою страну. И быть лучшим.

В эту субботу все по-другому, потому что я в беде.

Потому что я облажался на тренировке в Академии.

Я показал свою слабость, и они раскусили меня. Я был медлительным и рассеянным, все утро ошибался направо и налево, пока тренер не вытащил мою задницу с поля в офис.

Он потребовал рассказать, что со мной не так.

Моя проблема была проста.

Я не мог двигаться правильно.

Мое тело разваливалось на части.

И в моей голове застряла девушка.

Врал сквозь зубы. Мне удалось выбраться из опасной зоны и избежать новых проверок и тестов, но все закончилось тем, что меня досрочно отстранили от тренировок и сказали вернуться на следующей неделе с ясной головой.

Не-черт возьми-вероятно.

Подавленный и деморализованный, я часами ездил по городу, пытаюсь взять себя в руки.

С моим телом я ничего не мог поделать, но с моей головой?

Мне нужно с головой окунуться в игру. Проблема в том, что я оставил её у Шэннон Линч.

Все мои великие планы забыть о ней вылетели в окно в ту минуту, когда она подошла ко мне в школе в прошлую среду и потребовала поговорить.

Я был так чертовски ошеломлен, что ничего не мог сделать, кроме как стоять там, разинув рот, как идиот, на девушку размером с пинту, которая дергала за каждую из моих струн. И этого было недостаточно, ведь она подошла и взорвала мой чертов разум на куски, извинившись передо мной.

Я этого не ожидал и не заслуживал.

Я не был тупым.

Я знал, что плохо справился с ее словами.

Я знал, что слишком остро отреагировал.

Если бы она дала мне полминуты, чтобы разобраться в своих мыслях, я бы ей объяснил. Но Шэннон этого не сделала. Вместо этого она ушла от меня — снова — и с тех пор не смотрела в мою сторону в школе.

Часть меня думала, что это к лучшему. Если она продолжит избегать меня, как и мне

следует делать это, то тогда, возможно, я смогу пройти через этот странный этап и забыть о ней.

Но потом меня пронзил жгучий укол горького сожаления в груди, когда она пронеслась мимо меня в коридоре, даже не взглянув на меня. Ее шампунь с ароматом кокоса ударил по моим чувствам, как разрушительный мяч, и я знал, что со мной это не сработает. В этой девушке не было ничего, что можно было бы забыть, и я обнаружил, что меня тянет к ней. Я хотел, чтобы она смотрела на меня, а затем расстраивался, когда она этого не делала.

Понимание, что я выслушаю все, что она захочет сказать, независимо от времени или неудобств, было пугающим заключением.

Всю неделю я хандрил, не слушая ни одного слова, которое бы не произнес ни один из моих учителей. Я ни на чем не мог сосредоточиться, и это ее вина.

Разъяренный на себя за то, что я был таким дураком и позволил виртуальной незнакомке так испортить мне жизнь, я вытеснил ее на задний план, включил магнитолау на максимум и попытался заглушить ее.

Когда я вернулся домой после тренировки, Гибси сидел на заднем крыльце и ждал меня. Я сразу же пожалел, что написал ему эту четырехстраничную тираду о девочках, трахающих умы прошлой ночью.

— Мы идем на тусовку, — объявил он, как только я вышел из машины.

— Нет. — Стряхнув его руку, я добрался до задней двери, толкнул ее и отступил в сторону, чтобы он прошел. — Мы не идём.

— Да, — возразил он, входя в мой дом. — Мы, черт возьми, идём.

Держа заднюю дверь открытой, я свистнул и стал ждать, когда прибежит моя девочка.

Выйдя вразвалку из гаража, Сьюки поспешила ко мне.

— Хорошая девочка, — проворковал я, поощряя ее поторопить свою задницу, пока двое других не заметили нас.

Наклонившись, я помог ей подняться на ступеньку, прежде чем снова быстро закрыть дверь.

— Я действительно не готов к этому сегодня вечером, — объяснил я, проходя через кухню в коридор со Сьюки у моих ног. — Но ты иди. Я буду висеть тут.

— Ты не проведешь еще одну субботнюю ночь в одиночестве в поместье, — возразил Гибси, следуя за мной. — Ты пойдешь со мной.

Гибси называл мой дом “поместьем” — делал это с тех пор, как наша гребаная дружба завязалась в шестом классе начальной школы, и я привел идиота домой, чтобы поиграть в PlayStation.

Он знал, что это раздражало меня до чертиков, поэтому продолжал.

Это был большой загородный дом с восемью спальнями, с лужайками и садами, занимающими несколько акров. Все они были огорожены забором, чтобы домашние собаки могли свободно разгуливать без ограничений.

Преыдущие владельцы использовали конный центр в собственности, поэтому он был заполнен неиспользуемыми стойлами и сараями, и единственный доступ к собственности был через вход с электронным замком спереди.

Мама часто говорила о покупке лошади для конюшни, но, к счастью, мой отец отговорил ее от этой ошибки. Она безнадежна, когда дело касается животных. Проблема в том, что она много путешествует, поэтому это непрактично и несправедливо.

Три собаки — черта, которую провел мой отец.

Мои родители превратили один из гаражей в домашний тренажерный зал для тренировок. Они поддерживали мой образ жизни и поощряли мои мечты, даже если не всегда соглашались с моими методами их реализации.

Несколько лет назад у нас также была отдельная пристройка, в которой находились джакузи и сауна. Это было спасением после матчей.

Наши ближайшие соседи жили в полутора милях вниз по дороге, так что это довольно уединенное место. Дом находится на южной стороне, поэтому у нас постоянно солнечно.

Несмотря на то, что я скучал по шуму и суете Дублина и потратил целых два года, пытаясь привыкнуть к тишине, я не мог отрицать, что то место, где я жил сейчас, было чертовски красивым.

Не “поместье”, а просто хорошее место для жизни.

— Давай, Джонни, — умолял Гибси. — Ты уже несколько недель в ужасном настроении.

— Интересно, почему, — проворчал я. — Послушай, парень, я знаю, что ты хочешь как лучше ... — Я сделал паузу, чтобы стиснуть зубы, когда нервная боль пронзила мою ногу, — но я никуда не пойду сегодня вечером.

— Из-за Беллы? — Спросил Гибси, прислонившись к перилам. — Или из-за Шэннон?

— Из-за меня, — огрызнулся я, оцетинившись. — Потому что я валюсь с ног.

Заставляя себя не хромать, я добрался до лестницы, сделал успокаивающий вдох и поднял ногу, чтобы подняться.

Как делал раньше.

— Ты хромаешь, Джонни, — тихо признал Гибси, следуя за мной в мою комнату.

— Говори потише, — прошипел я, открывая дверь своей спальни. — Моя мама в своем кабинете.

— Ну, ты хромаешь, — возразил он странно серьезным тоном. — Ты в порядке?

— Упал на тренировке ... — Я сделал паузу, чтобы поднять Сьюки на свою кровать, — Ничего, что не смог бы исправить ночной сон.

— Ты уверен, что это все? — Спросил Гибси, опускаясь на одну из подушек у телевизора — “его” подушку. — Если ты не хочешь, чтобы твоя мать знала, я могу отвезти тебя в больницу, чтобы проверить...

— Я в порядке. — Подойдя к подушке рядом с ним, я опустился рядом, только чтобы зашипеть, когда острая боль пронзила таз. — Абсолютно, блять, отлично.

Гибси покачал головой и потянулся к пульту дистанционного управления, к счастью, на этот раз держа свои мысли при себе.

Включив телевизор, он начал переключать каналы.

— Что ты хочешь посмотреть?

— Ты можешь идти, — сказал я ему, вытягивая ноги перед собой. — Я не удерживаю тебя.

— Не-а. — Встав, он подошел к PS2 и включил его, прежде чем снова сесть рядом со мной. — Я всего лишь пытался вытащить тебя из дома.

— Ценю это, — пробормотал я, беря контроллер, который он протянул мне. — Но не сегодня.

— Ты попадешь в эту команду, Джонни, — пробормотал он, настраивая игру в FIFA 05. — Ты знаешь это, верно?

Сделав успокаивающий вдох, я подавил панику, угрожающую поглотить меня, и

сосредоточился на экране передо мной.

— Ты попадешь, — тихо добавил он.

— Я надеюсь на это, — выпалил я, слишком сильно сосредоточившись на контроллере в моей руке. — Я действительно чертовски надеюсь, Гибс.

Иначе я бы сошел с ума.

— Ты хочешь выпить? — тогда он предложил. — Здесь — с виски твоего отца, где никакие приставалы не преследуют повсюду и не мучают тебя?

Я подумал об этом с минуту и тяжело вздохнул.

— Да, чувак, — ответил я кивком. — Я и вправду чертовски хочу.

Глава 23. Бывшие и, черт возьми “нет”

Джонни

Я снова увидел ее сегодня.

Мы пересекались не менее пяти раз в коридоре, и каждый раз она опускала голову и проходила мимо меня, даже не оглянувшись.

Это, конечно, не было чем-то новым.

Шэннон отмахивалась от меня, как от невидимки, уже больше недели.

Девять дней, если быть точным.

То, что меня игнорируют, меня не устраивает.

Для меня это незнакомая территория. И я быстро понял, что мне это ни капельки не нравится. Особенно когда человек, игнорирующий меня, был тем, кто заполнял мои мысли и сны.

Это правда. Я на самом деле чертовски мечтал о этой девушке сейчас.

Насколько это было запутанно?

Прошлой ночью, например, мне приснилось, что Шэннон наблюдает за моей игрой. Только вместо того, чтобы быть на школьном поле, мы находились на стадионе “Авива” в Дублине.

И вместо черно-белой формы Томмен я был одет в зелено-белую. На Шэннон была майка с моим именем и номером на спине, и она болела за меня на трибунах.

Мне бросили мяч, но, когда я поймал его, Шэннон заплакала. На самом деле ее лицо исказилось от боли, и она указывала пальцем на меня. Вот тогда это стало действительно тревожным, потому что, когда я посмотрел вниз, у меня не было ног.

На их месте — два пня.

Затем я начал сжиматься, съеживаясь, как жуткий парень в книгах о Гарри Поттере. Обезумевшее лицо Шэннон было последним, что я увидел, прежде чем резко проснулся.

Это было чертовски ужасно.

Я проснулся в поту и провел целых пять минут, похлопывая себя по ногам, чтобы убедить свой охваченный паникой разум, что они на месте.

Я не мог избавиться от ощущения, что это был предупреждающий знак. О чем, я понятия не имел. Но ужасное чувство страха в животе не проходило.

Это чувство не покидало меня весь день.

Кажется, я не мог избавиться от него.

Я не мог отделаться от нее.

Ничто из этого не имело для меня никакого смысла, и я понятия не имел, почему она была тем человеком, к которому я хотел пойти.

Не к Гибси.

Не к моей маме.

Не к моим тренерам.

Я чертовски волновался, до полусмерти беспокоясь о летней кампании. И девушка, которую я едва знал, с душевно глубокими глазами, была единственной, кому я хотел довериться. Потому что что-то подсказывало мне, что я могу. Потому что где-то глубоко внутри чувствовал, что она знала меня.

Словно она могла спасти меня?

Господи, я терял самообладание...

После провального последнего урока в пятницу, на котором я не запомнил ни йоты из того, о чем болтал учитель, я направился из главного здания в физкультурный зал, чтобы догнать тренера. Но услышал знакомый голос, зовущий меня по имени.

Долю секунды раздумывал, стоит ли притвориться, что я ее не услышал, и закрыть дверь, но она схватила меня за руку прежде и потянула назад, и манеры победили.

Сделав успокаивающий вдох, я мысленно напомнил себе быть милым, прежде чем повернуться к ней лицом.

— Белла, — поздоровался я коротким кивком.

Она выглядела так же хорошо, как и обычно, с ее черными короткими волосами и макияжем на лице. Она была высокой и стройной и заправляла свою школьную форму так, чтобы подчеркивать все свои изгибы.

К счастью, на меня это совершенно не влияло.

— Привет, Джонни, — ответила Белла с широкой улыбкой. Она была высокой, 5 футов 11 дюймов, но ей все равно приходилось задирать голову, чтобы посмотреть на меня. — Как ты?

Слова «как будто тебе не все равно» вертелись у меня на кончике языка, но я сдержал себя и вместо этого спросил:

— Как дела?

— О, ты знаешь, как обычно, — ответила она, заправляя свои темные волосы за уши.

На самом деле, я не знал.

Я ничего не знал о ней, а она знала обо мне еще меньше.

Мы не разговаривали.

Мы трахались.

И это было скорее ее решением, чем моим.

— Я выходила из офиса и увидела, как ты идешь в сторону улицы, — продолжала говорить Белла, проводя большим пальцем по моему запястью. — Так что я подумала, что подойду поздороваться.

Высвободив свою руку из ее, я засунул конечность в карман и изумленно взглянул на нее.

— Эй.

— Мы так долго не разговаривали, — добавила она.

Я уставился на нее.

— Мы разговаривали несколько недель назад.

Когда ты пыталась навязаться мне.

И давай не будем забывать о миллионах гребаных сообщений и голосовых, которые ты мне оставила.

— Правда?

Я сузил глаза.

— Да, Белла, мы разговаривали.

— О боже, — хихикнула она, притворяясь застенчивой. — Я была пьяна в ту ночь, — добавила она. — Я почти ничего не помню. — Она сделала шаг ко мне. — Я определенно не помню, что видела тебя той ночью.

Я отступил назад.

— Ну, ты видела.

Я не купился на эту гребаную чушь про нехватку памяти.

Она слишком часто разыгрывала эту карту со мной.

— В любом случае, это не то, что я имела в виду. — Она заправила волосы за ухо и улыбнулась мне. — Я говорила о нашей последней встрече. Это было перед Рождеством, верно?

— *Скорее на Хэллоуин*, — подумал я про себя. Но мне не терпелось уйти, поэтому я не возражал против ее “дат”. Вместо этого я кивнул и сказал:

— Да, похоже на правду, — желая, чтобы я знал соответствующий этикет, который следует использовать при общении с мстительными девушками, в которых я был настолько глуп, чтобы всунуть свой член.

— Итак, — сказала она с придыханием. — Как у тебя дела?

— Ты уже спрашивала меня об этом, — спокойно ответил я, пытаюсь скрыть свое раздражение от бессмысленной болтовни. — Я в порядке.

— О да, ну, я тоже в порядке, — ответила Белла, громко вздохнув. — Я имею в виду, я думаю, мне немного скучно.

Да, мне тоже скучно. Из-за этого разговора.

— Ты знаешь, как это бывает, — сказала она во второй раз, и во второй раз я тупо уставился на нее в ответ.

Нет.

Я понятия не имею, о чем, черт возьми, она говорит.

— Боже мой! — выпалила она, снова сжимая мою руку. — Я совсем забыла спросить, как твоя нога?

Белла не знала всех тонкостей моей операции, только то, что мне сделали ее на Рождество. Когда я сказал ей, что на некоторое время выйду из строя, ее больше всего беспокоило, как скоро я вернусь на поле, смогу ли я еще играть за Ирландию летом и когда я снова захочу трахаться.

Помимо всего этого, я не доверял ей в этом смысле.

Заниматься с ней сексом одно, но доверять ей совсем другое.

— Лучше, — ответил я ровным тоном, прежде чем высвободить руку из ее хватки.

— Это фантастические новости, детка, — ответила она, широко улыбаясь. — Я действительно беспокоилась о тебе.

Нет, она не беспокоилась.

Если бы в какой-то момент Белла действительно беспокоилась обо мне, она бы спросила меня о чем-то другом, кроме как «*ты готов встретиться?*» или «*поторопись, я возбуждена*» в миллионе сообщений, которые она мне отправляла.

Она не обманет меня, как одного из моих товарищей по команде.

— Держу пари, — протянул я, услышав сарказм в собственном голосе.

Теперь я понял, что ни разу за то время, пока мы с Беллой дурачились, у нас не было ничего даже отдаленно серьезного, но я все еще чувствовал себя преданным из-за истории с Кормаком.

На мой взгляд, это чертовски плохой поступок с их сторон. Я бы никогда не переспал с одной из ее подруг. У меня было достаточно уважения к ней, чтобы сохранять порядочность.

Очевидно, Белла не испытывала ко мне того же.

Я взглянул через ее плечо на дверь, а затем на свои часы, прежде чем спросить:

— Тебе нужно что-нибудь еще? Я должен поговорить с тренером об игре.

— О да, — вздохнула она. — У вас скоро матч плей-офф, не так ли?

Я натянуто кивнул.

К сожалению, из-за того, что мы проиграли пару матчей в начале сезона, а Ройс, колледж из Дублина, выиграл свою игру на прошлой неделе, это сравняло их с нами по очкам и вывело нас на совместное второе место в лиге после Левитта.

Это неожиданный поворот событий и заноза в наших задницах, потому что Ройс должен был проиграть свою последнюю игру, что облегчило бы нам жизнь, учитывая, что финал уже был организован между Левиттом и Томменом.

Их победа поставила Томмен в тупик, потому что Ройсы были чертовски неудобной командой и отказывались проводить плей-офф в Корке. Мы путешествовали в течение последних трех игр чемпионата, так что была наша очередь играть дома, но они не позволили.

Они уже отказались от двух других предложенных дат проведения плей — офф — в Корке и в Дублине. Это был умопомрачительный трюк, который они затеяли в надежде сбить нас с толку и нарушить расписание матчей.

Они оспаривали все, начиная со времени старта, дня недели, в который должен быть проведен матч, и заканчивая цветом футболок гостей.

Переносить матчи вперед, менять дни и места проведения — все это было в праве Ройса. Но это подлый поступок, потому что никто из других школ не вел себя так.

Тренер Ройс не давал покоя, спорил о том, где предстоит матч, а также критиковал и ворчал о справедливости того, что в команде Томмен играет игрок из-за границы. Этот придурок хватался за соломинку, потому что я был честным игроком. Томмен был моей школой, и у тренера было полное право играть со мной. Будь мои родители в Дублине, я был бы игроком сборной Ройса, и это было настоящей проблемой здесь. Именно из-за этого тренер хотел поговорить со мной как можно быстрее. Он хотел ознакомиться с моим предстоящим расписанием, потому что ему нужно было договориться о свидании. В следующую пятницу мы расставались со школой на пасхальные каникулы, так что это должно было произойти как можно быстрее. Мне нужно было сосредоточиться на летней кампании и произвести впечатление на скаутов, поэтому апрель и май мне не подходили. Тренер Ройс тоже это знал, поэтому мы зашли в тупик. Возможно, я считал школьную лигу скучной и неинтересной, но я чертовски ненавидел ярых лузеров. Именно поэтому я планировал похоронить колледж Ройс при первой же возможности.

— Когда вы, ребята, будете играть с ними? — Спросила Белла.

— При первой возможности.

— Ты собираешься играть против своих старых товарищей по команде и друзей, верно? — спросила она. — Ты должен был играть у Ройсов, не так ли?

— Я сейчас здесь, не так ли? — протянул я.

— Ты беспокоишься о том, чтобы сыграть против своих старых друзей?

ДА.

— Нет.

— Так ты готов к этому?

Я тупо уставился на нее.

— Я всегда готов.

— Я знаю, — промурлыкала она кокетливым тоном.

Тьфу.

Покачив головой, я повернулся, чтобы уйти, но она снова заговорила.

— Я также хотела поговорить с тобой еще кое о чем, — добавила она, делая снова шаг ко мне.

— Хм? — Я отступил назад. — О чем?

— О нас, Джонни, — промурлыкала она, хлопая своими большими голубыми глазами.

— Нас нет, Белла, — ответил я, нахмурившись. — Никогда не было.

— Тогда чем, черт возьми, мы занимались весь прошлый год, Джонни? — проворчала она.

Маска невинной школьницы сползла. Это круто. Я все равно знал, что скрывается за ней.

Ей не нужно было разыгрывать спектакль передо мной. Я хорошо знал ее истинное лицо.

— Я не знаю, Белла, — ответил я ровным тоном. — Но что бы это ни было, это в прошлом.

— Ты издеваешься надо мной? — потребовала она, уперев руки в бедра. — Я пытаюсь разобраться во всем.

Она издевалась надо мной?

— Ты положила этому конец, — невозмутимо сказал я. — Ты трахаешься с моим товарищем по команде, Белла. Ты сама мне это сказала. — С большими подробностями в текстовом сообщении. — Ты была с ним в «Бидди». Прямо передо мной. Ты сидишь с ним за обедом. Насколько я понимаю, между “нами” не в чем разбираться.

— Это несерьезно.

— Мне все равно.

— Я думала, у нас перерыв.

— Так и есть, — подтвердил я. — Навсегда.

— Я не обязана быть с ним, — предложила она, хлопая длинными ресницами. — Мы могли бы со всем разобраться.

— Нет, спасибо, — ответил я ровным тоном.

— Давай, Джонни, — простонала она. — Мы хорошо провели время вместе.

— Да, — согласился я. — Половину из которых ты провела за моей спиной с моим гребаным нападающим!

У нее отвисла челюсть.

— О чем ты говоришь?

— Кормак.

— Я с ним сейчас, — фыркнула она. — Но тогда — нет.

— Не утруждай себя ложью, — сказал я ей. — Я уже знаю, что ты прыгала на нем, когда была со мной.

— Это ложь, — возразила она. — Кто тебе это сказал?

— Все знают, Белла, — ответил я, затем устало вздохнул. — Я уже давно знаю.

Я просто решил забыть это...

— И вы были не очень осторожны, — я решил сказать это, потому что, честно говоря, мне этого хотелось.

— Ну, я не была твоей девушкой, Джонни. Мы не были единственными друг у друга, —

оправдывала она свои действия, произнося эти слова. — И ты полностью исчез. Ты никогда не хотел встретиться со мной и погулять.

— Потому что я восстанавливался после операции! — Я взорвался.

— Несколько месяцев? — потребовала она обвиняющим тоном. — Да, точно, Джонни.

— Да, — рявкнул я.

Я все еще восстанавливаюсь.

— А до этого? — требовательно спросила она. — А как насчет других шести долгих недель перед твоей операцией, когда ты отказывался встретиться со мной? Когда ты игнорировал меня. Как ты это оправдываешь?

— Я не игнорировал тебя.

— Да, ты игнорировал!

— Нет, я, блять, не игнорировал. Я просто не мог понять ... — захлопнув рот, я покачал головой и заставил себя придержать язык.

“Не дерись с девочками” —, напомнил я себе.

Ты никогда не выиграешь.

Они перекрутят твои слова.

— Ты не давал мне того, чего я хотел, — она продолжала мучить меня. — Ты не уделял мне достаточно внимания! Все эти церемонии награждения и балы в Дублине в прошлом году, и ты ни разу не пригласил меня пойти с тобой, — прошипела она. — Ты никогда не хотел, чтобы я была там.

— Потому что ты никогда не была моей девушкой, — возразил я, бросив ей в ответ ее предыдущие слова.

— Потому что ты никогда не просил меня быть твоей девушкой, Джонни, — выплюнула она.

— Нет, Белла, потому что ты никогда не хотела меня, — проговорил я. — Ты хотела только блестящей части моей жизни. Славы. Тебя никогда не интересовало другое. Настоящий я.

— Это неправда! — возразила она.

— Почему бы тебе просто не сказать все прямо, Белла, — прошипел я, теряя терпение. — Ты ушла к Райану, потому что думала, что я не вернусь. Ты видела, что я выбыл из-за травмы, и думала, что я не вернусь вовремя к летней кампании, поэтому ты выбрала следующего игрока, просто чтобы быть в безопасности.

Она покраснела.

Я так и знал!

— Попроси меня сейчас, — настаивала она, сокращая расстояние между нами. — Попроси меня сделать все это, и я сделаю.

— Я не хочу тебя ни о чем просить, — отрезал я, убирая ее руки со своей шеи.

— Джонни, перестань, — вздохнула она. — Не будь таким.

— Возвращайся к Кормаку, — невозмутимо сказал я, испытывая полное отвращение. — И молись, чтобы он поднялся по карьерной лестнице в Академии, чтобы он мог брать тебя на все те модные вечеринки с вручением наград, которые ты мечтаешь посетить. Он для тебя единственный шанс попасть туда сейчас, Белла, потому что между нами все кончено.

— Мне было больно, Джонни, — выдавила она. — Я связалась Кормаком, потому что хотела сделать тебе больно в ответ.

— Сделать мне больно в ответ? — Я спросил. — За что? За то, что получил травму? За

то, что лежал несколько недель, пока ты каталась на моем друге за моей спиной? За то, что лишила себя шансов на шикарные, блядь, званые ужины? — Я покачал головой и усмехнулся ей, сожалея о том, что когда-то прикасался к ней каждой клеточкой своего тела. — Господи, я ужасный, невнимательный ублюдок.

— За то, что игнорировал меня, — прошипела она, и щеки ее порозовели. — За то, что использовал меня.

— Я использовал *тебя*? — Я спросил. — Да, потому что именно это и происходило.

— Вот что ты заставил меня почувствовать, Джонни!

— Тогда мне тебя очень жаль! — Я огрызнулся в ответ, стараясь набраться терпения для этого девчачьего, блядского дерьмового шторма.

— У тебя должны быть чувства, чтобы сожалеть, Джонни, — проговорила она. — А ты бессердечный.

Держи голову.

Признай поражение.

А потом убирайся к черту от нее.

Сделав успокаивающий вдох, я медленно выдохнул, прежде чем сказать:

— Белла, мне жаль, если в какой-то момент я заставил тебя почувствовать, что тебя игнорируют или используют. Это не было моим намерением. Я искренне извиняюсь за отсутствие сердца и чувств и желаю тебе всего наилучшего во всех твоих будущих начинаниях с моим товарищем по команде. А теперь, если ты не возражаешь, я устал ходить с тобой по кругу. Мне нужно заняться своими делами.

Я двинулся к двери, но она снова схватила меня за руку, потянув назад.

— Подожди, ты с кем-то еще? — потребовала она, сжимая мою руку. — Так вот в чем твоя проблема? — Ее глаза расширились. — Боже мой! — воскликнула она. — Ты правда с кем-то!

Иисус.

О чем, черт возьми, я думал, связываясь с этой девушкой?

— Нет, Белла, у меня никого нет. — Высвободив руку, я покачал головой и разочарованно вздохнул. — Но я не с тобой. И я никогда больше не буду с тобой.

— До меня дошли слухи, Джонни! — Белла настаивала, игнорируя мои слова. — О тебе и новой девушке на третьем курсе. Я слышала, ты избил Ронана Макгэрри из-за нее. И я видела твою фотографию с ней в газете.

— Это не твое дело, — процедил я сквозь стиснутые зубы, изо всех сил пытаюсь обуздать свой гнев.

— Давай, Джонни, — бросила она вызов. — Я никогда не была с тобой на фотографиях для прессы, а со мной у тебя были самые длительные отношения. Что за история с ней?

— Не твое собачье дело, — выплюнул я, теряя терпение. — Господи.

— Почему ты дрался с Макгэрри из-за нее? — потребовала она. — Почему Кормак сказал мне, что ты предупредил всю команду о ней?

— Я не буду обсуждать это с тобой, — предупредил я, качая головой. — Больше нет.

— Перестань увिलивать от вопроса, Джонни, — прошипела она. — Если ты с другой девушкой, то я имею право знать.

— Я уже дал тебе гребаный ответ, — огрызнулся я, закончив с этим дерьмом. — Ты та, кто, кажется, не умеет слушать.

— Ты лжешь! Я вижу это по твоим глазам! — она кричала достаточно громко, чтобы

разбудить мертвого. — Это написано у тебя на лице, Джонни. Что-то происходит между тобой и этой девушкой.

— Тебе нужно взять себя в руки, — сказал я тоном, пропитанным отвращением. — Выглядит жалко.

— Отлично, — усмехнулась Белла, выглядя совершенно разъяренной. — Если ты не скажешь мне, я спрошу у нее.

Мрачно улыбаясь, она добавила:

— Шэннон — так ее зовут, верно?

Да, к черту это.

— Ты будешь держаться от нее подальше, — прошипел я шепотом, зная, что мы были в пределах слышимости офиса.

Хотя Ди не доставит мне никаких проблем, я не хочу испытывать мистера Туоми, если он выйдет и увидит, что у меня проблемы с другой девушкой.

— Что бы между нами ни происходило, это дерьмо не имеет никакого отношения к Шэннон.

— В чем дело? — она дразнила, нажимая на каждую из моих кнопок. — Боишься, что я узнаю что-то, чего ты не хочешь, чтобы я знала?

— Я серьезно, Белла, — прорычал я, чувствуя, как во мне поднимается волна гнева. — Я здесь не дурака валяю. Держись от нее подальше.

— Ну, — задумчиво произнесла она, прищурился глаза. — Посмотри, кто сейчас проявляет эмоции.

Она была абсолютно права.

Я показывал эмоции.

Потому что мне было не все равно.

Я заботился о девушке, которую едва знал, намного больше, чем когда-либо о Белле.

Это было запутанно, запутанно и совершенно хреново.

Вместо того, чтобы признать это ужасающее новое развитие событий, я сказал:

— Оставь. Ее. В покое.

И тогда я сделал то, что должен был сделать, когда впервые увидел ее.

Я ушел от Беллы Уилкинсон.

— Я заставлю тебя пожалеть о том, что ты ушел от меня, — крикнула она мне вслед.

— Поверь мне, я уже сожалею, — крикнул я в ответ. — За то, что я вообще решил когда-то связаться с тобой.

В ярости я убежал от девушки, которая, казалось, была одержима желанием превратить мою жизнь в ад.

Переполненный горькими сожалениями и жгучим гневом, я завернул за угол главного здания, чувствуя, что в двух секундах от того, чтобы что-то сломать.

К сожалению для меня, этим чем-то оказалась девочка.

Не просто любая девушка.

Шэннон.

Глава 24. Я забираю тебя домой

Шэннон

Я всегда понимаю, когда дома начинает назревать буря.

Я всегда это чувствую.

Это было похоже на какое-то шестое чувство, предупреждающее меня и мое тело об опасности и боли.

Весь день в школе в пятницу у меня было самое мучительное чувство страха, поселившееся в глубине моего живота. Это чувство преследовало меня весь день, и никакое количество глубоких вдохов или успокаивающих упражнений не помогло изгнать его из моего сердца.

Это так серьезно, мощно и ясно, что я на самом деле боюсь идти домой.

Выходки в среду вечером усугубили ситуацию. Это была ночь, когда мои родители кричали друг на друга так громко, что к двери подошла полиция, получив анонимный звонок о нарушении общественного порядка.

Ради своего спокойствия.

Потому что я позвонила им.

Потому что я боялась, что он причинит ей боль.

Злюсь я на маму или нет, я все равно не могу вынести мысль о том, что он избивает ее внизу, пока я прячусь в своей спальне, как последний трус. Джоуи снова остался у Ифы. А я недостаточно взрослая и храбрая, чтобы спасти ее самой.

К счастью, мой отец и пальцем не тронул маму, и как только он убедил полицию, что у его жены истерика, связанная с беременностью, он ушел на ночь из дома. Конечно, папа вернулся вчера утром с букетом цветов и обещанием никогда больше не делать того, что, черт возьми, он сделал в ту ночь.

Это снова сработало. Она обняла его и поцеловала, и я была совершенно уверена, что если бы она уже не носила ребенка в животе, то стала бы беременной после того, как провела утро, заперевшись с ним в спальне.

Я ненавидела ее.

Иногда больше, чем отца.

И вчера был именно такой день.

Когда я сегодня пришла в школу, у меня болела шея и отсутствовала надежда. О да, потому что, хоть папа и мама снова помирились, я все еще оставалась его любимой мишенью.

Видимо, он все еще не оправился от той фотографии, на которой я с Джонни.

Кое-что, о чем мне напомнили прошлой ночью, когда я по глупости побежала на кухню за едой и нарушила его распитие виски. Он добавил новые синяки к старым, и я провела большую часть ночи, обдумывая худшие из возможных мыслей.

К концу последнего урока дня мое тело было так напряжено, что я едва могла заставить свои ноги пройти по прямой от научного корпуса до главного здания, куда мне необходимо попасть.

Я знала, что должна вернуться домой, и эта мысль калечила меня.

Я не хотела, чтобы наступали выходные, а теперь они дышали мне в спину.

Это ужасающая перспектива.

У меня весь день была ужасная, мучительная боль в животе, которая граничила с невыносимой.

Мой разум был так перегружен, прокручивая список за списком потенциальных проблем, с которыми я могу столкнуться, когда войду в парадную дверь, что я не обращала внимания на дождь, льющийся на меня, или на студентов, проносящихся мимо.

Я ни на что не обращал внимания.

Потому что я знала.

Я просто знала глубоко в своем сердце и душе, что приближается опасность.

Я не знала, где, или когда, или как это может развернуться.

Но я знала, что это произойдет.

Однако опасность, которую я предсказывала, возникла преждевременно, когда я завернула за угол главного здания и столкнулся с массивной мужской грудью.

Я была настолько не готова к контакту, настолько глубоко погружена в свои мысли, что у меня не хватило времени устоять и предотвратить падение.

Я сложилась, как колода карт, около человека, в которого врезалась, и рухнула задницей на холодную, мокрую землю.

— О, черт, мне так жаль, — произнес глубокий, знакомый голос надо мной.

Мне не нужно было поднимать глаза, чтобы понять, с кем я столкнулась. Я бы узнала его голос, где угодно.

— Шэннон, ты в порядке? — Спросил Джонни, бросив свою школьную сумку на землю и наклонившись, чтобы помочь мне подняться.

— Я в порядке, — пробормотала я, отбрасывая его руку.

Мне не нужно, чтобы он прикасался ко мне. Он и так слишком сильно на меня влияет.

Не сводя глаз с бетона, я встала на четвереньки и поднялась.

— Мне так жаль, — продолжал он говорить.

— Все в порядке, — прошептала я, одергивая юбку. — Я в порядке.

— Точно?

Я кивнула, но опустила взгляд.

Я не могла смотреть на него.

Я не хотела, чтобы он меня видел такой.

— Шэннон?

— Мне нужно идти, — прохрипела я, а затем обошла его, направляясь к главному зданию.

Опустив голову, я поспешила напрямик к раздевалке третьекурсников.

Дыши.

Перестань паниковать.

Просто дыши.

Когда я добралась до раздевалки для третьекурсников, которая, к счастью, была пуста, я позволила своей школьной сумке упасть с плеч и прижалась лбом к прохладному твердому металлу, делая резкие, слышимые вдохи.

Дрожа, я прислонилась предплечьями к шкафчику и просто держалась за голову, отчаянно пытаюсь справиться с этим нелепым ужасом, угрожающим овладеть мной и остановить мое тело от перехода в режим рвоты.

Мои ноги так сильно дрожали, что я знала, что не доберусь до ванной вовремя, поэтому моей единственной надеждой было успокоиться, пока меня не вырвало.

“Слишком поздно”, — подумала я про себя, когда мои ноги подкосились.

Я упала на пол на четвереньки, когда мой желудок опорожнился прямо посреди школы.

В нем было не так много еды, как обычно, но вода и половина плитки шоколада, которую я съела за обедом, вернулись в него с новой силой.

Звук шагов, стучащих по коридору, заполнил мои уши, и я застонала про себя, осознавая, что никогда и за миллион лет не переживу этого.

Мгновение спустя я почувствовала руку на своей спине, когда кто-то опустился на колени рядом со мной и убрал волосы с моего лица.

— Все в порядке, — голос Джонни заполнил мои уши, когда он успокаивающе водил кругами по моему позвоночнику своей большой рукой. — Шшш, ты в порядке.

О боже, нет.

Почему он это сделал?

Почему он последовал за мной?

Он не должен был со мной разговаривать.

Таков план.

Меня рвало еще целых две минуты, прежде чем мой желудок, наконец, успокоился. И все это время он стоял на коленях рядом со мной, убирая мои волосы от рвоты и растирая мне спину.

— Ты в порядке? — Спросил Джонни, когда я снова задышала и перестала таращиться.

Я слабо кивнула, а затем почувствовала, что его рука все еще на моей спине.

Я инстинктивно сжалась.

— Что это? — Я услышала, как он спросил за мгновение до того, как его пальцы коснулись моей шеи, прямо над воротником школьной рубашки. — У тебя синяк на шее.

Паника охватила мое сердце, когда я почувствовала, как он убрал еще больше моих волос и снова коснулся моей шеи.

— Шэннон? — Джонни повторил. — Откуда у тебя это?

— Это старое, — прохрипела я, все еще хватая ртом воздух.

— Не выглядит старым, — ответил он, касаясь моей шеи.

— Ну, это так, — выдавила я, стряхивая его прикосновение.

К счастью, он подчинился и отодвинулся от меня.

Слабая и униженная, я осталась там, где была, на четвереньках, просто уставившись в пол, когда волна полного унижения захлестнула меня.

— Шэннон? — сказал он мягким тоном, снова положив руку мне на спину. — Ты в порядке?

Слабо кивнув, я приподнялась на коленях, положив руки на них. Взгляд опущен вниз.

— Подожди здесь, хорошо? — Приказал Джонни, поднимаясь в положение стоя. — Я схожу за зрителем.

— Нет, нет, — выдавила я, подавленная. — Я уберу это.

— Нет, ты этого не сделаешь, — возразил он. — Все в порядке. Просто подожди меня здесь, и я скоро вернусь.

В тот момент, когда я услышала его удаляющиеся шаги, вскочила на ноги, схватила свою школьную сумку и бросилась в ближайший туалет в этом крыле школы.

Зайдя внутрь, я направилась прямо к раковине, расстегнула молнию на переднем кармане школьной сумки и достала дорожную зубную щетку и пасту, которые всегда носила с собой.

Я — тревожный человек, и от беспокойства меня тошнит.

Это происходит в самых неподходящих и неудобных местах, обычно в школе, как сегодня, поэтому я всегда должна быть готова.

Дрожа с головы до ног, со слезами, обжигающими глаза, я быстро почистила зубы, давась, когда щетка уткнулась в заднюю часть моего горла.

Закончив чистить рот, я сполоснула зубную щетку и засунула ее вместе с пастой обратно в маленький пакет на молнии, прежде чем положить в школьную сумку.

— *Ты в порядке,* — мысленно проговаривала я, когда мыла руки и ополаскивала лицо, — *все будет хорошо.*

Но я знала, что это не так.

Как бы я ни пыталась лгать самой себе, в моей жизни все было не в порядке.

Шмыгая носом, я схватила школьную сумку, толкнула одну из дверей туалетной кабинки и забрала бутылку с дезинфицирующим средством, спрятанную за бачком.

Вернувшись к раковине, я вытащила пару дюжин бумажных полотенец из дозатора и направилась обратно на место преступления.

Но все было чисто.

Смотрителем шел обратно по коридору со шваброй и ведром, волочащимся за ним.

— Я же сказал тебе подождать меня, — раздался рядом знакомый голос.

Развернувшись, я обнаружила Джонни, прислонившегося к шкафчикам.

— Мне нужно было почистить зубы, — выпалила я, шмыгая носом.

Он выгнул бровь.

— В школе?

— Это часто случается, — выдавила я.

Он нахмурился, наблюдая за мной своими насыщенными голубыми глазами.

— Теперь ты чувствуешь себя лучше?

Я кивнула, подавленная.

— Я в порядке.

— Хорошо. — Оттолкнувшись от шкафчиков, Джонни подошел к тому месту, где я стояла, и взял дезинфицирующее средство и бумажные полотенца у меня из рук.

Пошатываясь, я смотрела, как он открыл дверь туалета для девочек и бросил дезинфицирующее средство и бумажные полотенца обратно внутрь.

— Сейчас я отвезу тебя домой, — сказал он, снимая с моих плеч школьную сумку и перекидывая ее через свое левое плечо.

Мои глаза расширились.

— Нет, нет, не надо...

— Я забираю тебя домой. — повторил он, голубые глаза встретились с моими. — Поехали.

— Почему? — Я прохрипела.

Джонни нахмурился.

— Почему “что”?

— Почему ты мне помогаешь?

Он долго смотрел на меня, прежде чем тяжело вздохнуть.

— Потому что я так хочу.

— Ты хочешь?

Он кивнул.

— У тебя есть пальто?

— Пальто? — Я прохрипела, чувствуя себя беспомощной, глядя на этого красивого парня.

— Да, снаружи льет дождь.

— Я, э — э... — Я прижала руку ко лбу, пытаюсь собраться с мыслями. — Оно в раздевалке, — наконец удалось мне сказать. — В научном корпусе.

Широко раскрытыми глазами я наблюдала, как Джонни расстегнул молнию на черном пальто, которое было на нем, и накинул его мне на плечи.

— Пойдем, — сказал он умоляющим тоном, обнял меня за плечи, прижал к себе и вывел из школы. — Я позабочусь о тебе.

Глава 25. Проблемы

Джонни

Я непреднамеренно причинил боль Шэннон Линч.

Снова.

Я причинил ей боль в школе.

Снова.

А потом она пошла и чуть не довела меня до сердечного приступа.

Клянусь богом, я никогда не испытывал такого страха, как тогда, когда увидел, как она рухнула на пол рядом со своим шкафчиком. Я знал, что это была глупая идея следовать за ней, но мне нужно было убедиться, что с ней все хорошо.

Честно говоря, я боялся, что Белла настигнет ее так скоро.

Найти ее в таком состоянии на полу — ужасно. Мое сердце сжалось в груди, когда я увидел ее, и начало биться только тогда, когда я добрался до нее и понял, что с ней все в порядке.

Она была подавлена, но с ней все было в порядке.

Мне было плевать на блевотину.

Всех вырывало. Даже девочек.

Но, видимо, эта девушка делала это часто.

Я точно помнил, что было написано в файле.

Ее часто рвало.

Это меня беспокоило. Больше, чем следовало бы. Что меня еще больше беспокоило, так это то, почему это произошло. Шэннон явно страдала от тошноты.

Это подтверждало то, что написано в ее школьном досье.

Ради всего святого, она принесла с собой в школу зубную щетку. Я горел от собственной формы беспокойства из-за необходимости знать, что ее расстроило.

Я не хотел испытывать судьбу или ухудшать ситуацию, поэтому держал рот на замке.

Посадить ее в свою машину, вероятно, было не лучшей идеей, учитывая тот факт, что она, похоже, больше не хотела со мной разговаривать. Но я не собирался оставлять ее здесь, чтобы позже она села в дерьмовый автобус.

Она не сказала мне ни единого слова за всю дорогу до своего дома — за исключением того, что извинилась миллион гребанных раз за то, что, очевидно, не могла контролировать.

Я не знал, что сделать или сказать, чтобы успокоить ее.

Я продолжал говорить ей, что все в порядке, но она меня не слышала.

Казалось, что Шэннон застряла в своей собственной голове, до смерти беспокоясь о чем-то, чего я не мог понять.

Я чувствовал себя беспомощным.

Я хотел помочь ей, но это было невозможно сделать, когда я не мог знать, с чем она столкнулась.

— Мне очень жаль, — сказала мне Шэннон, когда я подъехал к ее дому, потратив целых пять минут на то, чтобы уговорить ее сказать мне, какой из них ее. — Я действительно такая...

— Тебе не за что извиняться, — сказал я ей, прежде чем заглушить двигатель и

повернуться, чтобы посмотреть на нее.

Иисус Христос, что было не так?

Кто-то напал на нее в школе?

Кто-то снова доставлял ей неприятности?

Она выглядела испуганной.

— Джонни, я ... — ее слова затихли, когда она перевела взгляд на маленький дом с террасой в конце улицы, а затем снова на меня. — Пожалуйста, не рассказывай, — наконец сказала она тихим голосом, широко раскрыв глаза, полные непролитых слез.

Я нахмурился, чувствуя, как мое сердце бешено колотится.

— Что не рассказывать, Шэннон?

Она заправила волосы за уши и прерывисто выдохнула.

— О том, что случилось в школе.

Мои руки дернулись на руле, когда я боролся с желанием посадить ее к себе на колени и обнять.

— Я не собираюсь никому ничего рассказывать, — сказал я таким мягким тоном, на который был способен.

— Ты обещаешь? — прохрипела она.

Я кивнул.

— Я обещаю.

Шэннон сделала еще один прерывистый вдох.

— Прости...это...это уже...такое случается, когда мне становится страшно.

У меня кровь застыла в жилах.

— Чего ты боишься, Шэннон? — Я сам удивился тому, как спокойно я звучал, когда был в двух секундах от того, чтобы потерять самообладание прямо здесь, в этой машине. — Что-то случилось?

— Случилось? — прошептала она, прикусив нижнюю губу.

— В школе? — Я медленно кивнул. — Кто-то доставляет тебе неприятности?

Она закрыла глаза и еще сильнее прикусила губу, так сильно, что я протянул руку и вытащил губу из зубов.

— Не надо, — попросил я.

Ее глаза распахнулись.

— А?

— Ты навредишь себе, — сказал я ей, убирая руку, хотя это было последнее, что я хотел сделать.

— Мне жаль, — прошептала она.

— Тебе не нужно извиняться, — ответил я хриплым тоном.

Шэннон опустила взгляд, уставившись на свои сцепленные руки, и после мучительно долгой паузы молчания кивнула сама себе.

— Я лучше пойду домой, — наконец сказала она тихим голосом. — Спасибо за то, что подвез.

Я смотрел, как она отстегнула ремень безопасности и открыла дверь, и паника вспыхнула в моем животе, что не имело никакого смысла, потому что я не знал, о чем, черт возьми, нужно беспокоиться.

— Ты бы мне сказала, да? — Я окликнул ее, когда она вышла из моей машины. — Если бы с тобой что-то случилось? — Я наклонился над пассажирским сиденьем, чтобы

посмотреть на нее, понимая, что все порчу, но мне все равно нужно было это сказать. — Ты бы сказал мне, если бы кто-то доставлял тебе неприятности в школе?

Шэннон стояла, держась за дверцу моей машины, долгое мгновение большие голубые глаза смотрели на меня.

Наконец, она кивнула.

Я почувствовал, как мое тело расслабилось от облегчения.

— Пока, Джонни, — прошептала она и закрыла дверь.

— Пока, Шэннон, — пробормотал я себе под нос, поворачивая ключ в двигателе.

Мне нужно было убраться отсюда, пока я не сделал что-нибудь действительно глупое, например, посадил ее обратно в свою машину и отвез домой.

Потому что гребаный сбой в моем мозгу сказал мне сделать именно это.

Оставлять ее было неправильно.

Уезжай, Джонни.

Разворачивай машину и уезжай, Кав.

Она в порядке.

Она в полном порядке.

Сосредоточься на игре.

У тебя тренировка.

Тебе не нужно терять голову из-за девушки.

Покачивая головой, я переключил машину на передачу и заставил себя взять себя в руки и просто ехать.

Это не сработало.

Потому что я не мог уехать.

Переключив кнопку передач, я открыл дверь своей машины и вылез.

— Подожди!

Шэннон развернулась и уставилась на меня широко раскрытыми глазами.

— А?

Что ты делаешь, Кав?

Какого хрена ты творишь?

— Пойдем со мной. — Слова слетели с моих губ прежде, чем у меня появился шанс остановить себя и взять их обратно.

— Куда пойти с тобой? Что случилось? — прошептала Шэннон, переводя взгляд с меня на дом дальше по улице.

Я не знаю, Шэннон.

Я, блядь, не знаю.

Я понятия не имею, что со мной происходит.

Я просто знаю, что моя интуиция говорит мне не оставлять тебя прямо сейчас.

— Куда угодно? — Предложил я, а затем прочистил горло, прежде чем добавить: — Мы могли бы покататься? Или перекусить где-нибудь?

Господи, что со мной не так?

Я увидел, как что-то промелькнуло в ее глазах, что-то очень похожее на облегчение.

— Ты хочешь, чтобы я это сделала? — тихо спросила Шэннон. — Поехала с тобой?

Я неуверенно кивнул.

— Да, Шэннон. — Мой голос был хриплым. — Я хочу, чтобы ты поехала со мной.

Глава 26. Мальчик-герой

Шэннон

Я вернулась в его машину.

Я понятия не имела, куда мы едем и почему Джонни вообще попросил меня поехать с ним после того, как довез меня до дома, но в этот момент мне было все равно.

Мне все равно, что он задел мои чувства на прошлой неделе.

И мне все равно, что у меня могут быть проблемы из-за того, что я с ним.

Когда он открыл пассажирскую дверь своей машины и предложил мне временный побег из ада, который представлялся моим домом, я согласилась.

Я более чем приняла это, практически нырнув в его машину.

Сорок пять минут спустя я сидела напротив него в городском баре под названием «Бидди», передо мной стояла недоеденная тарелка супа, бутылка кока-колы. Сердце бешено колотилось.

В тот момент, когда мы переступили порог шумного паба, все люди обернулись и уставились на Джонни.

Было невероятно пугающе наблюдать, как он пытается справиться с привлеченным к нему вниманием. Я была ошеломлена, поэтому не могла представить, каково это должно быть для Джонни.

Ему всего семнадцать.

Как и в тот день на поле с репортерами, Джонни был настоящим профессионалом, принимая рукопожатия и хлопки по плечу, пока мы ожидали в баре одну из официанток.

Я была настолько отвлечена вниманием, которое он получал, и рукой, которую он держал на моей поясице, пока говорил, что я просто кивнула, когда он наклонился к моему уху и спросил, голодна ли я.

Потребовалось еще пять минут разговоров со случайными людьми, прежде чем мы, наконец, сели за единственный свободный столик в баре.

Я чувствовала себя абсолютно подавленной тем, что он купил мне еду. Я бы запротестовала и предложила заплатить, но у меня не было денег.

Мне нечего предложить этому мальчику.

Совсем нечего.

— Как ты сейчас себя чувствуешь? — Спросил Джонни, отвлекая меня от мыслей.

Я резко подняла голову и обнаружила, что он наблюдает за мной через маленький круглый стол.

Это знакомое жжение вспыхнуло внутри моего живота, когда я заставила себя встретиться с ним взглядом. Я плотно закуталась в его пальто, но это не прекратило дрожь в теле.

— Я, эм, сейчас я чувствую себя намного лучше, — ответила я, краснея от тяжести его взгляда. — Спасибо.

— Хорошо. — Джонни откинулся на спинку стула, не сводя с меня глаз, и рассеянно постучал пивным ковриком по столу.

— Я рад.

— Спасибо за ужин, — добавила я, чувствуя себя застенчивой, неловкой и ощущая миллион других эмоций. — Я действительно ценю это.

По какой-то причине мои слова вызвали у Джонни широкую улыбку.

— Ты считаешь тарелку супа обедом? — спросил он, улыбаясь так широко, что у него появились ямочки.

— Ну, это была огромная миска? — проговорила я, пожав плечами. — Так что, да, я бы посчитала это ужином.

— Это суп, Шэннон, — усмехнулся Джонни. — Это практически вода.

— Почему? — Я посмотрела на пустую тарелку и миску перед ним. — Ты все еще голоден?

Он не мог быть голодным.

Я только что наблюдала, как он проглотил огромную миску супа, прежде чем за ней последовала гора овощей и курицы.

Было физически невозможно проголодаться после такого количества еды.

Джонни фыркнул.

— Это был перекус.

— Перекус? — Я положила локти на стол и спросила: — Ты планируешь устроить еще один ужин, когда вернешься домой?

— Я, наверное, поем еще как минимум четыре раза, прежде чем лягу спать, — сказал он мне.

У меня отвисла челюсть.

— Но уже пять часов вечера.

— Я знаю. — Он покачал головой, печально улыбаясь. — Ты должна увидеть, сколько я ем каждый день. Это, вероятно, шокировало бы тебя.

— Ну, ты не толстый для парня, который так много ест, — выпалила я и тут же пожалела о своих словах.

Джонни тихо рассмеялся.

— Нет, я не такой.

Моя кожа лица стала малинового цвета.

— Мне так жаль, — выдавила я. — Я не хотел называть тебя ...

— Не извиняйся, — сказал он мне, все еще улыбаясь. — Я тренируюсь. Тяжело. Мне нужно топливо, чтобы накачать тело.

— Из-за регби? — Спросила я, заправляя влажные от дождя волосы за уши.

Джонни кивнул.

— Мне нужно потреблять 4500 калорий в день, когда я тренируюсь.

У меня снова отвисла челюсть.

— Как это вообще возможно?

Джонни ухмыльнулся.

— Я заставляю это работать.

— Как? — Спросила я, теперь полностью заинтригованная.

— Распределяя время между приемами пищи, — объяснил он. — Есть правильные продукты в нужное время. — Он пожал плечами, прежде чем добавить: — Обычно я ем каждые два или три часа. Мой диетолог говорит, что это лучше всего подходит для моего тела.

— Итак, у тебя есть график кормления? — Хихикая, я добавила: — Как у ребенка.

Джонни одарил меня снисходительной улыбкой и сделал большой глоток своего апельсинового сока.

Не обращая внимания на шумную компанию девушек за соседним столиком, я сосредоточилась на парне передо мной.

— Значит, у тебя не может быть ничего вкусного?

— Что, в твоём понимании, «вкусное»?

— Кока-Кола. Шоколад. Мороженое. Чипсы, — я перечислила список своих любимых лакомств. — Кислый мармелад. Шоколадные хлопья. Пицца. Чизбургеры. Китайская кухня. Пончики...

— Я в середине сезона, — прервал меня Джонни, бросив на меня озадаченный взгляд. — Единственное, что попадает в мой организм, — это органическая пища, необработанная и насыщенная белком.

Я уставилась на него.

— Даже без бисквита к чаю?

Джонни покачал головой.

— Почему? Боже мой! Это потому, что у тебя будут проблемы с этими людьми из академии регби? — Мои глаза расширились от несправедливости. — Мой брат Джоуи рассказывал мне о том, как они следят за маленькими мальчиками, как за щенками. — В ужасе я спросила: — Они дают тебе список запрещенных продуктов, а затем наказывают тебя, если ты их ешь?

— Нет, — медленно протянул Джонни, нахмурившись. — Как ты думаешь, что за чертово место эта Академия?

— Если вам не разрешают есть сладости, то это ужасное место, — серьезно ответила я.

— Питаться правильно — мой выбор, — объяснил он, наблюдая за мной с озадаченным выражением лица. — Меня ни к чему не принуждают. Мои собственные условия. И не набивать себе в рот обработанное, наполненное сахаром дерьмо называется быть здоровым и проявлять самоконтроль.

— Но все время? — Я усомнилась. — 24/7?

— У меня позиция «все или ничего», — ответил он. — Я либо полностью соблюдаю, либо не трачу свое время. Нет смысла делать что-то наполовину.

— Что ж, мне грустно за тебя, — объявила я. — Ты не знаешь, чего лишаешься.

Сунув руку в карман юбки, я вытащила наполовину съеденный шоколадный батончик — моей любимой фирмы, — бросила быстрый взгляд, чтобы убедиться, что официантка не заметила, как я пронесла еду в помещение, прежде чем помахать им перед его лицом.

— Запах — лучшая часть, — сказала я ему. — И от этого ты тоже получишь эндорфины.

Его губы дрогнули.

— Я тренируюсь по шесть часов в день, Шэннон. Мне не нужно дополнять эндорфины шоколадкой.

Сорвав обертку, я держала ее перед его носом несколько мгновений.

— Понюхай, — подбодрила я, чувствуя себя с ним странно непринужденно. — Продолжай.

— Убери это от меня, — засмеялся Джонни, мягко отбрасывая мою руку.

— Твоя потеря, — сказала я, пожав плечами, затем откусила кусочек и застонала, когда шоколадная вкуснятина коснулась моего языка.

— Твоя выгода, — усмехнулся он, покачивая кусочек льда в своем стакане.

— Вау, — фыркнула я, засовывая шоколад обратно в карман. — Если бы я была взрослой девочкой, ты мог бы серьезно ранить мои чувства.

— Что? — Паника промелькнула на его лице. — Черт, нет! Это была шутка. — Он наклонился вперед на своем сиденье. — Я не имел в виду... Я не называл тебя толстой, ты самое крошечное существо, которое я когда — либо... Черт, ты такая маленькая, что я мог бы...

— Расслабься — хихикнула я. — Я не обижаюсь.

Джонни долго смотрел на меня, а затем тяжело вздохнул.

— Господи Иисусе, у меня чуть сердечный приступ не случился. — Потирая грудь, он озорно улыбнулся. — Я знаю, как психически большинство девочек не могут справиться со своим весом.

— Ну, я не такая, как большинство девочек, — ответила я с гримасой и указала на себя. — Как ты можешь видеть.

— Нет, — тихо подтвердил Джонни, следя глазами за движениями моих рук. — Нет, ты не такая.

Последовала долгая, неловкая пауза, во время которой мы оба смотрели друг на друга.

Тишина приводила в замешательство, но не так сильно, как напряженность в его голубых глазах.

Они были слишком пронизательными.

Слишком всевидящими.

Слишком.

— Хочешь еще кока-колы? — Спросил Джонни, снимая напряжение.

— Э-э ... — Я взглянула на свои часы, а затем снова на него. — Я не знаю.

Джонни нахмурился.

— Ты не знаешь?

Да.

Нет.

Иди домой, пока твой отец не узнал, что ты в пабе, и не убил тебя.

Нет, останься здесь с ним.

Господи...

Я беспомощно пожала плечами.

— Ну, ты хочешь пить? — он спросил. — Как думаешь, не хочешь ли ты еще выпить?

— Я... — Я нервно огляделась, только чтобы обнаружить десятки пар глаз, устремленных на наш стол.

Мое сердцебиение взлетело до небес.

Мне это не понравилось.

Ни капельки.

— Шэннон? — Сказал Джонни, снова привлекая мое внимание. Он выжидающе смотрел на меня, держа бумажник в руке. — Принести тебе еще выпить?

— Э-э... — Придвинувшись ближе, я наклонилась над столом и жестом попросила Джонни подвинуться ближе.

Нахмурившись, он так и сделал.

— Джонни, — прошептала я ему на ухо. — Я чувствую, что за нами наблюдают.

Отступив назад, я снова огляделась и заметила, что столик девочек-подростков каким-то образом придвинулся ближе к нашему. Мои глаза метнулись к нему, и я энергично кивнула.

— Люди определенно смотрят на нас, Джонни.

Джонни выглядел невероятно раздраженным, когда тяжело выдохнул и провел рукой по волосам.

— Я сожалею об этом.

— Это из-за регби?

Он покорно кивнул мне.

— Мне жаль. Просто игнорируй их.

— Как? — Я прохрипела, чувствуя себя очень уязвимой в этот момент.

Джонни долго смотрел на меня, не произнося ни слова, прежде чем отодвинуть стул и встать.

— Давай, — объявил он, протягивая мне руку. — Я принесу тебе еще выпить, и мы посидим в гостиной.

— Гостиная?

— Там спокойнее. — Он огляделся и пробормотал себе под нос: — Может, у нас будет немного гребаной тишины.

Это ему тоже не нравилось.

Он может вести себя так, словно его это не беспокоит. Но это не устраивало его.

Именно с этим осознанием я обнаружила, что схватилась за его протянутую руку.

Ошеломленная, я последовала за Джонни в бар, где он заказал нам еще выпивки, прежде чем пройти через дверь сбоку от бара в тускло освещенную комнату.

В этой комнате было больше юношеского настроения, с бильярдными столами и досками для дартса на стенах, а в углу играл музыкальный автомат.

Я заметила, что несколько подростков, одетых в различную школьную форму из местного района, бездельничают. Например, когда мы вошли в главный бар, все повернулись, чтобы посмотреть на него, но после нескольких кивков и «как дела, Кав» они вернулись к своей компании.

Джонни подвел меня к столику в дальнем углу зала, но на этот раз вместо того, чтобы сесть на один из барных стульев с другой стороны стола, он поставил наши напитки и сел на кожаную скамью рядом со мной.

Отсюда у нас был прекрасный вид на остальную часть комнаты, с тем преимуществом, что мы оставались в стороне.

— Ты должна идти домой, Шэннон, — мой здравый смысл приказал, — ты не должна быть здесь.

— Лучше? — Спросил Джонни, устраиваясь рядом со мной.

Я кивнула и потянулась за своей колой, не сводя глаз с происходящего вокруг. Я могла видеть нескольких парней в дальнем конце зала, одетых в форму VCS, и это заставило меня захотеть заползти под стол и спрятаться.

Я так разнервничалась, что мне пришлось использовать обе руки, чтобы остановить дрожание бутылки.

Сиара Мэлони, моя величайшая мучительница из старой школы, и та, кто оставила мне шрам на веке, сидела среди них. Все мое тело сжалось от страха.

Как будто почувствовав, что я наблюдаю за ней, Сиара повернула лицо в мою сторону.

Отлично.

Просто чертовски здорово.

В тот момент, когда она узнала меня, этот знакомый блеск злого умысла вспыхнул в ее глазах примерно на две секунды, прежде чем ее взгляд переместился на Джонни, который

сидел рядом со мной.

Ее рот заметно приоткрылся, и она начала подталкивать девушку, сидящую рядом с ней, Ханну Дейли — ее лучшую подругу и еще одну мою мучительницу.

За нами снова наблюдали.

Но теперь это больше связано с тем, что меня ненавидели, чем с тем, что он — местная знаменитость.

В панике я опустила взгляд на стеклянную бутылку, зажатую в моих руках.

Дыши, Шэннон

Просто дыши.

«— Ты лживая, маленькая шлюха, — прорычала Сиара, прижимая меня к стене за школой и глядя на меня сверху вниз. — Ты смотрела на него.

Зная, что безопаснее ничего не говорить, я держала рот на замке и мысленно готовилась к избиению, которое, как я знала, получу.

— Отвечай мне, сука! — прорычала она, вдавливая мои плечи в бетон, заставляя воздух выйти из моих легких с громким, болезненным стоном.

Несколько девушек, стоявших вокруг нас, засмеялись и усмехнулись, когда из моего горла вырвался вскрик.

У меня болело все тело, о чем никто из них не мог знать, — последняя истерика моего отца с виски стала причиной моей боли, а они наслаждались моим очевидным дискомфортом.

Для меня это не было чем-то новым.

Я привыкла, что надо мной смеются.

Я привыкла быть боксерской грушей.

И я ненавидела себя за то, что приняла это.

Когда Сиара снова прижала меня к стене, я заставила себя проглотить рыдания, которые угрожали вырваться из моего горла, выдавив вместо этого слова:

— Я не смотрела на твоего парня. Он посмотрел на меня.

Это была правда.

У ее парня ужасная привычка пялиться на меня.

За эти слова я получила пощечину и горсть вырванных волос. Меня дернули за них так грубо, что я пошатнулась вперед, чувствуя себя слабой и бессильной.

— Я собираюсь уничтожить тебя, черт возьми, — прошипела она мне на ухо, прежде чем впиться ногтями в мою щеку.

“Дерзай”, — подумала я про себя.

Ты не можешь уничтожить то, что уже сломано.”

— Расслабься, — прошептал Джонни мне на ухо, отвлекая меня от воспоминаний. — Со мной ты в безопасности.

Его слова сбили меня с толку, и я повернула лицо, чтобы посмотреть на него.

Боже, он такой красивый, и это больно.

Все в Джонни Каване — чистое совершенство.

Он большой и сильный, а его лицо?...

О боже, его лицо — лучшее лицо, которое я когда-либо видела.

— Почему я не должна быть в безопасности? — Это был защитный вопрос, заданный от отчаяния, потому что этот мальчик не бросал меня, как никто раньше.

Я ничего не могла понять из этого, и мое бедное сердце работало на пределе возможностей, чтобы не отставать от чувств, бомбардирующих мое тело из-за его близости.

Страх, неуверенность, похоть и паника — все это надирало мою задницу.

— Я просто даю тебе понять, что ты в безопасности, — ответил он, голубые глаза встретились с моими. — Хорошо?

Прерывисто выдохнув, я кивнула и придвинулась ближе к нему.

Если бы я могла, я бы забралась к нему на колени и уткнулась лицом в его грудь в этот момент. Но он был практически незнакомцем для меня, и это было бы социально-неодобрительно, поэтому я решила прижаться к нему боком.

Я знала, что он, вероятно, подумал, что я сошла с ума, но я была в двух секундах от полномасштабной панической атаки, и его присутствие успокаивало меня. Джонни посмотрел на меня с любопытством, прежде чем переключить свое внимание на таблицу шестикурсников из VCS.

Я заметила, как искра узнавания зажглась в глазах Джонни, прежде чем его лицо приняло жесткое выражение.

— Теперь мы можем идти? — Прошептала я, сердце учащенно билось, когда я сопротивлялась желанию зарыться в его бок. — Пожалуйста?

— Мы уйдем, когда будем готовы, — сказал он таким низким и мягким голосом, что его было едва слышно. — Подними голову, Шэннон, *как река*. — Мгновение спустя он положил руку мне на плечо и притянул к себе. — Никто не причинит тебе вреда.

Почувствовав облегчение, я придвинулась ближе, слишком близко, чтобы на диване осталось еще много места для других людей, но мне было все равно.

Он был большим и сильным, и у меня возникло отчетливое ощущение, что он говорит мне правду.

Я поверила ему, когда Джонни сказал, что с ним я в безопасности.

— Те девочки? — спросил он, наклоняя лицо, чтобы посмотреть на меня, когда произносил эту фразу. — Что за история?

— Нет никакой истории, — прохрипела я, мертвой хваткой вцепившись в бутылку.

— Почему мне в это трудно поверить?

Я пожала плечами и опустила подбородок, позволив волосам упасть вперед, жалея, что у меня нет мантии-невидимки Гарри Поттера, накинутой на мое тело, чтобы я могла избежать этой ситуации без дополнительной боли.

Я больше не могу это выносить.

— Посмотри на меня.

Я этого не сделала.

— Посмотри на меня, — повторил он спокойным и умоляющим тоном.

Я не могла.

Я почувствовала, как он зашевелился рядом со мной, а затем его пальцы оказались на моем подбородке, приподнимая мое лицо к своему.

— Ты в безопасности, — прошептал он, обхватив мою щеку рукой, его глаза сверлили дыры прямо в моей душе. — Я обещаю.

Это слово.

Боже.

Это одно слово сломало меня.

Это было слишком.

Моя жизнь.

Эти девочки.

Мой отец.

И посреди всего этого я могла видеть только *его*.

Этого парня.

Глава 27. Подними голову

Джонни

Я никогда до конца не пойму, что заставило меня привести Шэннон в «Бидди», но сейчас она была здесь и выглядела более расстроенной, чем когда я застал ее в школе час назад.

Я тоже.

Я пытался скрыть свою ярость, но, клянусь богом, был близок к тому, чтобы кого-то убить.

Искренне.

Действительно.

Абсолютно точно.

Шэннон была в ужасе от этих девочек.

Ее тело тряслось. Дрожало.

Вот почему она сейчас была прижата ко мне, а моя рука крепко обнимала ее хрупкие плечи. Я знал, что переступаю серьезные границы, но отказался позволить ей убежать от этих ублюдков.

Я знал, что не должен прикасаться к ней, но как, черт возьми, я мог этого не делать?

Как я мог просто оставить ее сидеть там, когда она выглядела такой испуганной и неуверенной?

Я не мог.

Это был не я.

Я продумывал все до мелочей.

Только не тогда, когда дело касается этой девушки...

Блондинка в форме VCS на другом конце зала снова поймала мой взгляд и улыбнулась. Я встретил ее улыбку холодным, жестким взглядом и испытал болезненное удовольствие, когда ее улыбка исчезла, а глаза наполнились страхом.

“Будь чертовски напуганным”, — подумал я про себя, — “ты понятия не имеешь, с кем связываешься”.

Я мог бы погубить этих людей.

Я хотел.

Каждая клеточка моего мозга не излучала ничего, кроме ярости и мести, требуя, чтобы я вернул то, что они забрали у Шэннон.

Забери их гордость, как они забрали ее.

Напугай их так, как они напугали ее.

Причини им боль, как они причинили ей.

Я почувствовал вкус своего гнева.

Это было чертовски мощно.

Черт возьми, мне нужно было взять себя в руки, но каждый раз, когда пытался, я просто продолжал думать о ее досье.

Была ли одна из этих сук той, что отрезала Шэннон волосы?

У меня было плохое предчувствие насчет блондинки. Еще одна проблема, с которой я столкнулся и которая должна заставить меня сойти с ума, это то, как эти придурки смотрели на нее.

С сильным желанием.

Им нужно было отвести свои безумные глаза от этой девушки, потому что я не смогу с этим справиться.

Им не нужно смотреть в ее сторону.

Никогда.

Я обнимал ее, ради всего святого.

Поймите чертов намек.

“Неудивительно, что блондинка разозлилась”, — подумал я про себя.

Темноволосый калека явно встречался с ней, и все же он смотрел на Шэннон, как на ужин.

Мой ужин, придурок. Я хотел рычать.

— Теперь я готова идти, — сказала Шэннон, отрывая меня от моих мыслей и моего пристального взгляда на темноволосого придурка, плящущего на нее с другого конца зала.

Она поставила пустую бутылку на стол и посмотрела на меня своими большими голубыми глазами.

— Все в порядке?

Успокойся, сердце.

Успокойся, блядь.

Я выдавил улыбку.

— Да, Шэннон, все в порядке.

По очевидным причинам я обнимал ее, когда мы проходили мимо стола придурков из ее старой школы. Я не пропустил, как ее пальцы запутались в моем джемпере, или как все ее тело напряглось, когда одна из девушек сделала какой-то двусмысленный комментарий о шлюхах, преследующих богатые члены.

Сохраняя самообладание, я вывел ее из зала, а затем остановил у бара.

— Ты можешь сделать мне одолжение?

Шэннон посмотрела на меня широко раскрытыми глазами и кивнула.

— Да. Конечно.

Я вытащил из кармана бумажник и ключи и протянул их ей.

— Ты можешь рассчитаться с барменшей и пойти подождать меня в машине?

Ее лицо побледнело.

— Почему?

— Мне нужно поговорить с одним из моих друзей, — солгал я, улыбаясь ей. — Я сейчас выйду.

Она долго и настороженно смотрела на меня, прежде чем выдохнуть.

— Конечно, — наконец сказала она с облегчением. — Я могу это сделать.

— Спасибо, — ответил я.

Я подождал, пока Шэннон отойдет к бару, прежде чем развернуться и вернуться в зал, и остановился, когда оказался перед столом придурков.

— Сейчас, — усмехнулся я, глядя на их лица. — Кто хочет назвать мою девушку шлюхой мне в лицо?

Я добавил слово «девушка» для максимального эффекта, чтобы соответствовать максимальному ущербу, который я собирался нанести.

Несколько голов повернулись в мою сторону, и мне было абсолютно наплевать.

Кто-то заплатит за ее боль.

— Ну? — Потребовал я, глядя на блондинку. — Ты? — Спросил я, прежде чем перевести взгляд на рыжую, сидящую рядом с ней. — Или это ты?

— Послушай, я не знаю, что она тебе сказала, — начала говорить блондинка, но я прервал ее, покачав головой.

— Это твой парень? — Спросил я, наклонив голову к темноволосому придурку, который пялился на Шэннон менее пяти минут назад, но теперь стал слишком тихим. — Это он?

Лицо блондинки покраснело, и она кивнула.

— Приятно это знать — размышлял я, а затем потянулся через стол, схватил его школьный джемпер и ударил кулаком по лицу.

— Какого хрена ты делаешь? — парень зарычал, согнувшись пополам.

— Я играю по правилам, мудака, — выплюнул я, когда протащил его через стол и снова ударил.

Обе девушки начали кричать и размахивать руками. Один из его друзей сделал движение в мою сторону.

— Я, блять, имею право, — прорычал я, продолжая выбивать дерьмо из его приятеля.

Он сделал маленький шаг назад и поднял руки вверх.

Я закатил глаза.

Чертов трус.

Я потерял счет в количестве драк, в которые Гибс ввязывался от моего имени на протяжении многих лет, и наоборот.

Этому придурку нужно было завести друзей получше.

— Остановись! — закричала блондинка, когда я продолжил бить кулаком по лицу ее парня. — Ты делаешь ему больно!

— О, ты понимаешь это, не так ли? — Я плюнул. — Значит, ты способна отличить правильное от неправильного?

— В чем твоя проблема? — она плакала. — Мы ничего тебе не сделали!

— Я чертовски уверен, что ты что-то с ней сделала, — прорычал я. — И когда у тебя проблемы с ней, у тебя проблемы и со мной.

Блондинка побледнела, и я отпустил ее парня. Он опустился на пол, обхватил лицо руками и застонал, как киска.

Она двинулась прямо к нему.

— Тебе понравилось? — Спросил я, глядя на придурка, чье лицо я только что подпортил. — Это было мило?

— Господи, парень, — простонал парень, зажимая нос, чтобы остановить кровь. — Я ничего тебе не сделал.

— Нет, — кипел я. — И моя девушка, — я указал на дверь в гостиную, — ничего не сделала твоей девушке, но это не помешало ей терроризировать ее. — Я уставился на блондинку. — Она отрезала ее волосы и избивала ее!

Лицо блондинки стало пунцовым.

Я так и знал.

— Ради всего святого, Сиара, — простонал темноволосый парень, стряхивая руку блондинки. — Что ты сделала с ней сейчас?

— Ничего, — возразила Сиара. — Я даже не видела ее с Рождества, детка.

— Тебе нравится, когда тебя терроризируют? — Я спросил его, делая шаг ближе. —

Каково это не иметь силы?

— Я понял, чувак, — простонал парень, махнув рукой передо мной. — Громко и четко.

— Убедись, что твоя девушка это понимает, — прошипел я, сердито глядя на него сверху вниз. — Потому что, если она не ... — Я сделал паузу, чтобы указать на блондинку и рыжую, прежде чем продолжить. — Если она или кто —нибудь из ее подружек-шлюх еще раз посмотрят на мою девушку, я приду за тобой.

Я стоял там целую минуту, одаривая каждого из этих подонков BCS свирепым взглядом и ожидая ответа.

Когда я не получил ни одного, как и ожидал, развернулся и пошел прочь, только чтобы остановиться у двери. Назовите это ребячеством, но я не мог удержаться от того, чтобы подкрасться к их столу и опрокинуть его.

Чувствуя смехотворное удовлетворение, когда все их напитки пролились и разбились об пол, я развернулся и вышел.

— Джонни! — Лиам, владелец, закричал, когда он обогнул главный бар. — Во что, черт возьми, ты играешь, малыш?

Ради всего святого.

Сделав успокаивающий вдох, я повернулась к нему лицом.

— Мне жаль, что я устроил неприятности в вашем баре. Это больше не повторится.

— Проблемы? — Он выгнул бровь. — Я видел тебя на камерах. Ты мог убить того парня.

Взволнованный, я провел рукой по волосам.

— Эти придурки доставляли моей девушке неприятности, — выпалил я. — Теперь мне жаль, что я решил проблему в вашем баре, и я заплачу за любые разбитые стаканы или ущерб, который я нанес, но это будет мой последний раз, когда я кладу деньги в ваш бар.

Лиам отказался.

— Господи Иисусе, расслабься, Джонни, я тебе не запрещаю посещать наш бар.

— Я не общаюсь с подонками, Лиам, — сказал я ему напряженным тоном. Указав на дверь в гостиную, я добавил: — И эти ублюдки — самые мерзкие, каких только можно найти. Так что ты продолжай обслуживать их, а я пойду дальше и найду новое место для моей команды.

— Джонни, парень, остановись...

— Нет, я не сделаю этого, — прошипел я, стряхивая его руку, и направилась к двери. — Мне нужно поддерживать репутацию, и я не могу это делать в месте, где обслуживают отморозков.

— Это будет их последний раз здесь, — крикнул мне вслед Лиам. — Я приготовлю для тебя завтра, как обычно?

Я остановился у двери и обернулся.

— Я вернусь, когда клиентура не будет состоять из злобных гребаных хулиганов.

А потом я развернулся и вышел.

Шэннон сидела на пассажирском сиденье моей машины, когда я забрался внутрь.

— Я сожалею об этом, — сказал я ей, закрыв дверь и пристегнув ремень безопасности. — Я увлекся разговором.

— Нет, нет, — поспешила сказать Шэннон своим тихим голосом. — Это абсолютно нормально. Ты не должен извиняться передо мной.

Да, я должен.

Я оставил ее здесь в ледяной машине на полчаса.

Извинений недостаточно.

Не для нее.

— Ты в порядке? — Спросил я, поворачиваясь, чтобы посмотреть на нее.

— Да, и большое спасибо, что заплатил за меня, — сказала она, и я увидел, как ее щеки стали ярко-розовыми. — Я действительно ценю это.

Она это серьезно?

Она действительно благодарила меня за это?

Господи, эта девушка не похожа ни на одну из других.

— Это не проблема, Шэннон, — ответил я, глядя на нее со жгучим любопытством. — Это всего лишь пара бутылок кока-колы и тарелка супа.

— Ну, это много значит для меня, так что спасибо, — прошептала она, заправляя свои чертовски красивые волосы за ухо.

Ее глаза прожигали во мне дыры так глубоко, что мне пришлось отвести взгляд, прежде чем полностью раствориться в девушке.

Это слишком.

Она слишком хороша.

— Э-э, вот твои вещи, — сказала она, аккуратно кладя мои ключи и бумажник на мое левое бедро.

Мое здоровое бедро, я понял.

Черт, эта девушка слишком хороша.

— Ты можешь посчитать деньги, если хочешь, — добавила Шэннон. — Я имею в виду твой кошелек. — Она заправила еще одну прядь волос за ухо. — Я не оскорблюсь.

Какого хрена?

Я уставился на нее.

— Что?

Шэннон покраснела.

— Ну, я просто... я подумала, что ты мог бы...

— Я доверяю тебе, — сказал я ей. — Я не буду ничего считать. Это даже не приходило мне в голову, ясно?

— Ты уверен? — она прошептала, убивая меня своими большими глазами.

Я кивнул и подавил желание наклониться и выцеловать это дерьмо из ее распухших губ.

— Я абсолютно уверен.

Улыбка, осветившая тогда ее лицо, настолько поразительна, что заставила мое сердце бешено забиться.

Я просто смотрел на нее в течение долгого времени, задаваясь вопросом, как, черт возьми, я сюда попал, и как собирался выбраться.

— Я лучше отвезу тебя домой, — наконец сказал я, вставляя ключ в замок зажигания и заводя двигатель.

— Конечно, — ответила Шэннон, все еще улыбаясь мне.

Мне пришлось отвести взгляд.

Я не мог рискнуть еще раз взглянуть на нее.

Не сегодня.

“Убери свое лицо от этой девушки, пока не натворил глупостей, например, не потерял не только голову, но и сердце”, — прошипел мой мозг, когда я рванул с парковки. Нервы ни к

черту.

Слишком поздно, мудака, мое сердце уже издевалось надо мной.

— И? — услышал я свой голос, поддаваясь острой внутренней потребности удержать эту девушку прямо здесь, со мной.

Шэннон посмотрела на меня сияющими глазами.

— И?

Не делай этого, Джонни.

Не ставь себя на путь искушения.

— Мы могли бы пойти посмотреть фильм? — Предложил я, понимая, что облажался в ту же минуту, как эти слова слетели с моих губ.

— Ф-фильм? — Шэннон выдавила из себя.

О, Господи.

Я неуверенно кивнул.

— Если хочешь?

— В кино? — спросила она, покраснев.

Я пожал плечами.

— Или ко мне домой.

Ты тупой ублюдок.

— Я... я не... Мне не совсем ... — она сделала паузу, чтобы заправить волосы за уши, прежде чем сказать. — Разрешено идти.

— Тебе не разрешают ходить куда? — Спросил я, чувствуя, как огромная боль разочарования поселяется в моем животе.

— Эм, куда угодно? — предложила она, беспомощно пожав плечами. — Мои родители вроде как защищают меня.

Понятно.

Если бы я был на их месте, я бы тоже защищал ее, учитывая, через что Шэннон прошла в своей старой школе.

Черт, теперь я был защитником.

— Но я хочу, — добавила она, застенчиво улыбаясь мне. — Я бы с удовольствием, на самом деле — если ты хочешь, то есть?

Ну и дерьмо.

Правда?

Что, черт возьми, я должен был теперь делать?

Моя мама дома, так что это исключено.

Заставив себя сосредоточиться на дороге передо мной, а не на девушке, сидящей рядом со мной, я включил указатель и выехал на скользкую дорогу, ведущую в город.

— Кино, да, — ответил я настолько беззаботным тоном, насколько мог, в то время как внутри горел до чертиков.

Глава 28. Замещающие родители

Шэннон

Я провела всю субботу, нянчась со своим младшим братом Шоном, что было нормой, когда няня решала съездить в Беару навестить тетю Элис и ее семью, а мама работала.

Разница в эти выходные заключалась в том, что отец ушел, а мать пропала.

Я знала, что назревает буря. Моя интуиция всегда была права.

После того, как Джонни подвез меня домой прошлой ночью, разгорелся скандал, в результате которого мой отец избил меня до полусмерти, в основном из-за той дурацкой газетной вырезки, которую он все еще не выпускал из рук. Мама оттащила его от меня, заработав себе пощечину за свои ошибки. Она приказала ему уйти и никогда не возвращаться.

Папа погрузил в семейную машину все, что у него было, назвал меня и маму стаей шлюх и умчался, разъяренным и пьяным. Час спустя мама выбежала из дома с сумкой, села в такси, и с тех пор ее никто не видел. Для нашей мамы не было ничего необычного в том, чтобы уйти после ссоры.

Однако она редко не возвращалась.

Я знала, что мама вернется. Это просто вопрос времени.

Я также знала, что мой отец вернется.

Мне было неприятно смотреть, как он уходил прошлой ночью. Это не первый раз, когда ему сказали уйти.

И это не первый раз, когда он избивал меня до полусмерти.

Рано или поздно он вернется, обещая рай и избавляя от ада.

Ничего не изменится. Этого никогда не случалось.

Тадхг, Олли и Шон могли думать, что он ушел навсегда, но мы с Джоуи все понимали.

Без присутствия наших родителей нам с Джоуи приходилось заботиться о наших младших братьях. Когда сегодня утром в доме не было никаких признаков того, что родители вернулись, Джоуи пожертвовал собственной тренировкой с командой «Корк», чтобы взять Тадхга и Олли на футбольный блиц, в котором они оба участвовали.

Я осталась с Шоном, который провел большую часть дня, крича о маме.

Это катастрофа.

Бесчисленные телефонные звонки нашей матери остались без ответа, так что я оставила попытки дозвониться до нее. Приступив к работе над бездонным списком заданий, выделенных мне на еженедельной основе, я убирала дом сверху донизу, мыла плитку и меняла все простыни по ходу дела.

К восьми часам субботнего вечера я постирала четыре комплекта белья, приготовила обед и ужин для своих братьев, искупала и одела Шона перед сном, а также вычистила дом до блеска.

Конечно, это не продлилось долго.

Как только мальчики протопали через парадную дверь, хаос и беспорядок возобновились. Балансируя миской шоколадных хлопьев в одной руке и бутылкой молока в другой, я толкнула бедром дверь гостиной и вошла внутрь.

— Держи, Шон.

Поставив миску и стаканчик на кофейный столик перед моим младшим братом, я

взъерошила его вьющиеся светлые локоны, затем встала и потянулась.

— Съешь все это перед сном, — добавила я, застонав от облегчения, когда почувствовала, как мышцы спины расслабились.

Мне было так больно, что я не могла прямо ходить.

— Я хочу к маме, — ответил Шон, надувшись перед тарелкой хлопьев. — Мамочки больше нет.

— Мама на работе, Шон, — я повторила ту же фразу, которую говорила ему сегодня пятьдесят раз. Набравшись терпения, я добавила:

— Она скоро будет дома, — а затем поспешила выйти из комнаты, прежде чем он успел спросить, когда.

У меня не было для него ответа, и я ненавидела лгать ему.

Правда была в том, что я не знала, когда вернется мама.

Опустив плечи, я вернулась на кухню и направилась к чайнику.

Мне нужен был чай.

Много чая.

Глава 29. Сменные куртки

Джонни

Мой тренировочный день в академии в субботу пошел ко дну. Полностью провалился. Я был слаб, и это проявилось на поле.

Меня вызвали в кабинет в середине утра, где я получил от тренера Деннехи нечто, что я бы счел похожим на испанскую гребаную инквизицию. После этого меня отправили прямо к врачу команды на еще одно обследование, за которым последовал осмотр у Дженис, физиотерапевта.

Как и предсказывал мой тренер, я провалил как физические, так и медицинские тесты, которые мне выдали.

Измученный и деморализованный, я получил строгий выговор об опасностях сокрытия боли, прежде чем был отправлен домой с очередным чертовым рецептом и официальным письмом, в котором говорилось, что я временно освобожден от всех тренировок и обязанностей в Академии до моего следующего теста на пригодность через три недели.

Если я провалю следующий раунд тестов, я снова лягу “под нож” и выйду из строя еще на четыре-шесть недель.

Это означало, что я смогу увидеть подачу только с начала до середины мая. Это означало, что я потеряю свой шанс.

Не было никакого способа, чтобы я был в форме через две-четыре недели и довел команду до уровня “Молодежного кубка шести наций”. Так что да, можно с уверенностью сказать, что я по-королевски облажался.

Моим единственным утешением было то, что я все еще мог участвовать в легких тренировках со своей школой и клубом — они ни хрена не могли сделать, чтобы остановить это. И этого недостаточно, чтобы цепляться за надежду.

Не тогда, когда это было гарантией того, что оба моих тренера в Ballylaggin RFC и Томмен получат одно и то же письмо.

Теперь у клуба мало шансов получить какое-либо игровое время. Тренер Малкахи ни за что не поставил бы меня на скамейку запасных, он не мог себе этого позволить, но это было просто школьным дерьмом.

В ярости от того, что меня исключили из предстоящих молодежных игр, я кипел от напряжения, когда днем добрался в — к счастью — пустой дом. Мама уехала в Дублин, чтобы провести выходные с моим отцом. Так что мне не придется сталкиваться с родительскими допросами в течение нескольких дней.

Я хотел заплакать. Я бы не стал этого делать, но чертовски хотел.

Я должен справиться с болью. Мне не следовало соглашаться на эту гребаную операцию. Если бы я этого не сделал, у меня все еще был бы шанс попасть в стартовую команду для европейской кампании “Молодежного кубка шести наций” в июне. Этот чемпионат — большой скачком по сравнению с “Премьер лигой”. И я был на гребаном пути, чтобы попасть туда.

Но не сейчас.

Если бы я не мог взять себя в руки, я бы никому не был нужен.

Не со сломанным телом.

Остаток дня я провел в домашнем спортзале, тренируя свое тело до предела, отчаянно пытаясь избавиться от ужасного чувства отчаяния, которое угрожало овладеть мной.

Эта последняя неудача стала вишенкой на вершине года, состоящего из ада. Честно говоря, я жалел, что вернулся в школу после рождественских каникул.

Я должен был остаться в своей чертовой постели и попросить маму выписать мне больничные листы на три месяца или еще какую-нибудь хрень.

С тех пор для меня все полетело к чертям.

Мое тело.

Мой мозг.

Ход моих мыслей.

Я облажался по всем пунктам.

В разгар срыва мой разум продолжал фокусироваться на одном человеке, о котором мне не нужно было думать.

Шэннон, как река, с этими темно-синими глазами...

— У тебя проблемы, Кавана, и я вмешиваюсь, — голос Гибси проник в мои мысли, заставив меня на мгновение потерять концентрацию и чуть не уронить на себя штангу весом 280 фунтов.

— Господи, — выдохнул я, зафиксировав мышцы на месте как раз вовремя, чтобы спастись от удушья. — Не подкрадывайся ко мне так, ты, чертов придурок. — Я поднял глаза со своего насеста и увидел, что мой лучший друг стоит в дверях гаража. — Я мог бы убить себя.

— Да, ты мог. — Разжав руки, Гибси подошел ко мне и схватился за перекладину. Отложив ее, он потянулся за полотенцем на подставке и бросил его мне на грудь, прежде чем сказать:

— Больше не делай этого в одиночку. — Он указал на сложенную штангу с неодобрительным выражением лица. — Это крайне безответственно.

Обмякнув, я уронил голову обратно на скамейку и сделал несколько прерывистых вдохов, прежде чем попытаться заговорить.

— Ты читаешь мне лекцию об ответственности? — из меня вырвался смешок, я снял полотенце с груди и вытерся. — Господи, какой же лицемер в тебе сегодня созрел, чувак.

— Не пытайся сбить меня с моей миссии своими дерьмовыми шутками, — парировал он. — У меня есть планы на тебя.

— Не понимаю, о чем ты говоришь, Гибс. — Приняв сидячее положение, я сделал еще несколько успокаивающих вдохов, прежде чем подняться на ноги. — Но что бы это ни было, я не в форме.

— Как бы то ни было, — радостно возразил Гибси. — Мы все равно пойдем. — Он последовал за мной к холодильнику в углу моего домашнего спортзала и стащил банку кока-колы. — Итак, иди сходи в туалет, прими душ и побрейся, потому что парни встречаются с нами в “Бидди” в половине восьмого.

Откупорив крышку бутылки с водой, я осушил содержимое, прежде чем ответить.

— Нет, — выдохнул я, когда пот стекал с меня, а самочувствие было дерьмовым. — Мы не пойдем.

Лиам звонил мне не менее трех раз вчера, чтобы попытаться успокоить меня, так что это не было причиной, по которой я не хотел встречаться.

Моя проблема заключалась в том, что я был близок к переломному моменту.

Я был в одном шаге от того, чтобы сойти с ума.

— Мы, черт возьми, пойдём, — возразил Гибси. — Я получил твоё сообщение о том, что твой тренер отправил тебя сегодня домой. И должен быть честен с тобой, чувак, я рад, что они начинают видеть правду сквозь твою дурацкую шараду “Я в порядке, мне не больно”.

— Вау. — Я выгнул бровь. — Большое спасибо, друг.

— Не надо мне этого дерьма, — проговорил Гибси. — Ты знаешь, я хочу, чтобы ты попал в эту команду в июне больше, чем кто-либо другой, но без риска получить непоправимый урон. — Он покачал головой. — Это слишком высокая цена, которую нужно заплатить.

— Ты не понимаешь, — пробормотал я, сожалея о том, что отправил ему сообщение ранее.

— Нет, честно говоря, я, наверное, не понимаю, — ответил Гибси. — Я никогда ни во что не вкладывался так, как ты в регби, но я вижу, что ты делаешь с собой. Я вижу это, Джонни.

— Ну да, — проворчал я. — Если я не смогу сотворить чудо и взять себя в руки, это все будет напрасно.

— Именно поэтому ты пойдёшь со мной, — утверждал он. — Тебе нужно расслабиться и отвлечься от регби. — Ухмыляясь, он указал на себя и сказал: — И кто может лучше помочь тебе сделать это?

— Я не знаю, Гибс. — Бросив пустую бутылку в ближайшую корзину, я провел рукой по волосам и вздохнул. — Я совершенно разбит.

Это правда.

Истощение — норма для меня, особенно в последнее время. Я был чертовски зол, и это не помогало моему и так плохому настроению.

— Я, наверное, просто отключусь перед телевизором на ночь.

— Ты гребаный робот, вот ты кто, — парировал Гибси. — Ну, не сегодня.

Положив руку мне на плечо, он подтолкнул меня к открытой двери гаража.

— У тебя завтра нет утренних занятий или какой-либо другой академической ерунды, которая помешала бы тебе провести вечер со своими приятелями.

Я позволил ему проводить меня на улицу по одной единственной причине: я слишком устал, чтобы упираться.

— Сегодня вечером мы собираемся веселиться и ... — он сжал мое плечо для пущей убедительности и повел меня по направлению к моему дому, — ты ощутишь себя человеком. Завтра ты можешь вернуться к своему роботизированному, скучному, как помойное ведро, «я».

— Мне слишком тяжело, — проворчал я.

— Конечно, ты злишься, — парировал он. — Ты не даешь своему телу времени на восстановление, ты никогда, черт возьми, не отдыхаешь, и у тебя месяцами не было киски.

Подмигнув, он добавил:

— Пришло время убрать свои яйца со льда и надеть свою секси куртку.

— Мою секси куртку? — Сквозь мое плохое настроение пробилась улыбка. — Нам что, снова тринадцать, и мы направляемся на дискотеку для несовершеннолетних?

— На мне моя сменная футболка, — гордо ответил он, напрягая бицепсы для пущей выразительности. — Вероятность успеха — сто процентов.

Я приподнял бровь.

— Наверное, потому, что на бирке на обратной стороне написано, что это для детей 12–13 лет.

— Ну да, — Гибси широко улыбнулся. — Не завидуй моей эффектной форме.

— Больше похоже на твою эффектную чушь.

Страхнув его руку, когда мы подошли к задней двери, я толкнул ее и отступил в сторону, пропуская его, а затем направился к любимой части моего дома — к холодильнику.

— Таков план, — заявил Гибси, расхаживая по моей кухне, как по своей собственной — и это вполне могло быть так, учитывая то количество времени, которое он проводит здесь. Он подошел к шкапам и схватил сковороду для нарезки и нож из ящика, прежде чем вытащить табуретку из центрального островка и опуститься на нее. — И ты не будешь кидать мне никаких дерьмовых оправданий сегодня вечером.

— Кто идет?

— Хьюи и Кэти встретят нас внизу ... — Он сделал паузу, а затем сказал: — И Пирс и Фели могут появиться.

— Кто-нибудь из девочек из школы пойдет?

— Кэти, — проговорил Гибси с тоном “понятное дело”.

— Кроме Кэти, — огрызнулся я.

Кэти всегда ходила с нами. Хьюи редко отходил от девушки.

— Нет. — Гибси нахмурился, глядя на меня. — С чего бы им идти?

Я сравнял его с выражением “Что за черт?”.

— Потому что они, блядь, всегда появляются.

— Имеет ли значение, если они появятся?

— Я не в настроении иметь с ними дело.

— Ты имеешь в виду, что ты не в настроении иметь дело с сумасшедшей, — поправил Гибси с гримасой.

— Нет, не хочу, — ответил я, роясь в холодильнике. — Я не хочу встретиться с ней в эти выходные. — С моими руками, нагруженными запасами сэндвичей, я подошел к острову и бросил их на столешницу из черного мрамора. — Мне нужен перерыв, Гибс.

Гибси покачал головой и потянулся за хлебом.

— Что случилось? — Схватив нож и пакет с вареной ветчиной, он спросил: — Она снова пытается с тобой связаться?

— Когда она не пытается это сделать? — Я откусил кусочек, медленно нарезая помидор. — Это постоянный поток сообщений и телефонных звонков.

Все это чертово время.

Я перестал читать сообщения Беллы несколько недель назад, но это все еще сводило меня с ума всякий раз, когда мой телефон загорался, потому что в девяти случаях из десяти это она.

— Ты, должно быть, очень хорош в постели, — размышлял Гибси. — Если она вот так охотится за тобой.

— Не в этом дело, Гибс, — прорычал я. — Нет, значит нет, чувак.

— Ты можешь сменить свой номер, — предложил он.

— В чем смысл? — Я проворчал. — Она просто найдет способ получить мой новый.

— Я знаю, что всегда говорю это, но я действительно должен сказать это еще раз, парень. — Намазав два ломтика хлеба маслом, Гибси положил сверху сыр и полдюжины

кусочков мяса, а затем сложил свой бутерброд пополам и отправил его в рот, прежде чем продолжить: — Я не знаю, зачем ты вообще всунул свой член в эту девушку.

— Я потерял самообладание, — выпалил я, слишком сильно сосредоточившись на равномерном намазывании масла на свой ломтик. — Вот как.

— Ты можешь сказать это снова, — проговорил Гибси, делая себе еще один бутерброд. — Тебя ослепили большие сиськи, — добавил он между поеданием бутерброда с ветчиной и сыром. — И шикарная киска.

— Да. — Бросив нож на стол, я равномерно выложил на хлеб ломтики помидора, а затем добавил несколько кусочков свежего цыпленка, прежде чем перевернуть его. — Ну, я больше не ослеплен. — Взяв свой сэндвич, я откусил огромный кусок, прожевал и проглотил, прежде чем добавить: — Теперь я все ясно вижу.

— Тебе нужно завести себе подружку, чувак, — заявил Гибси. — Это единственный способ избавиться от Беллы.

— Я не хочу ни с кем встречаться, — выпалил я. — Я слишком чертовски занят для девушки, Гибси. Ты это знаешь.

— Даже для малышки Шэннон? — он бросил с ухмылкой.

Мое сердце подпрыгнуло в груди при звуке ее имени.

Христос...

— Что я тебе говорил о ней? — Я огрызнулся, бросая остатки сэндвича на тарелку, аппетит пропал. — Что, черт возьми, я говорил тебе последние два месяца?

— Неважно, что ты говоришь, — ответил он с усмешкой. — Важно, как ты себя ведешь.

— Я туда не пойду, — прорычал я. — Я говорил это сто гребаных раз.

— И ты можешь повторить это еще сотню раз, — со смехом произнес Гибси. — И я все равно тебе не поверю.

Иисус Христос.

— Тебе нравится девушка, — продолжал он насмехаться. — Может быть, ты даже люююбии...

— Если я соглашусь пойти в Бидди, ты перестанешь говорить об этом? — Спросил я, отчаянно желая остановить его, прежде чем он перейдет в полноценный режим Гибси и сведет меня с ума. — Ты закончишь разговаривать на эту тему?

Мой лучший друг нетерпеливо кивнул.

— Абсолютно.

— Отлично. — Я пораженно вздохнул и направился к двери. — Я приму душ.

— Хороший мальчик, — крикнул мне вслед Гибси. — Я вызову для нас такси.

Я повернулся к нему лицом.

— Я могу отвезти нас...

— Нет, ты не можешь, — прервал меня Гибси, прижимая телефон к уху. — Мы сегодня напьемся. Оба.

Опустив плечи, я повернулся и направился в свою комнату.

Чертов Гибси.

Глава 30. Мы справимся

Шэннон

— Как твое лицо, Шэн? — Спросил Джоуи, когда я вошла на кухню вскоре после полуночи.

Он с Ифой сидели за столом с кофейными кружками перед ними и выглядели одинаково обеспокоенными.

— Господи, — пробормотал он, вздрогнув от моего вида.

— Я в порядке, Джо. — Я заставила себя улыбнуться, чтобы успокоить его. — Это выглядит хуже, чем на самом деле.

Это была ложь.

Мое лицо выглядело ужасно.

Каждый дюйм моего тела был в агонии.

Я была темно-синей с головы до ног.

К счастью, единственным видимым свидетельством прошлой ночи был небольшой синяк на моей скуле.

Остальная часть моего тела приняла на себя основной удар его ярости.

Меня спасло только то, что на улице было холодно, и я могла скрыть свои синяки под мешковатыми спортивными штанами и рубашками с длинными рукавами.

Однако моя ложь, похоже, не успокоила моего брата.

Он просто смотрел на меня, выглядя сломленным и виноватым.

— Мне так чертовски жаль, Шэн, — выдавил мой брат, уронив голову на руки. — Я должен был быть здесь.

Джоуи вчера вечером ходил в кино с Ифой, и я была рада. Если бы он остался здесь, я понимала где-то в глубине сердца, что кто-то покинул бы этот дом в мешке для трупов.

— Это не твоя вина, — резко сказала я ему. — Ни в чем из того, что произошло прошлой ночью, не было твоей вины. Ты имеешь право на собственную жизнь, Джоуи.

— Тебе удалось заставить Шона уснуть? — Спросила Ифа, грустно улыбаясь мне, к счастью, сменив тему.

— Наконец-то. — Я тяжело вздохнула. — Тадхга и Олли давно заснули. Но Шон ... боже, он ужасно переживает из-за мамы. — Я заправила свои растрепанные волосы за уши и прислонилась к кухонной стойке. — Он часами рыдал навзрыд. В итоге он плакал, пока не уснул.

— Гребаные уроды, — пробормотал Джоуи себе под нос.

— Джоуи, — уговаривала Ифа. — Не говори так.

— Что не говорить, детка? — он горячо возразил. — Правду? Потому что они такие и есть. Кучка гребаных уродов.

— Она все еще твоя мать, — грустно ответила Ифа.

— И она хуже, чем он — парировал мой брат. — Оставить этих детей здесь одних. — Он провел рукой по своим светлым волосам и зарычал. — Она могла бы взять трубку и поговорить с мальчиками, но нет, как всегда, мама убегает и прячет голову в песок.

В отличие от Ифы, я не вздрогнула от слов брата. Их может быть трудно слышать, но в них не было ничего, кроме правды.

Девушка Джоуи — абсолютно сногшибательная, с завидной фигурой, длинными

светлыми волосами и красивым лицом, но сегодня вечером она выглядела просто потрясающе.

Ифа влюблена в моего брата, поэтому я предположила, что это объясняло выражение ужаса на ее лице и то, как она постоянно поглаживала пальцами тыльную сторону его руки.

— Давай посмотрим, с чем мы имеем дело, — сказал Джоуи со вздохом.

Сунув руку в карман джинсов, он вытащил бумажник, бросил его на стол, а затем вернулся за мелочью, которая валялась в его джинсах.

— Мне снова не выплатят деньги до следующего четверга, — пробормотал он больше для себя, чем для нас, когда высыпал содержимое своего кошелька на стол и начал считать. — Что оставляет нам ровно ... — он сделал паузу, чтобы сложить несколько монет. — Восемьдесят семь евро и тридцать центов на следующие шесть дней.

— Это ведь хорошо, правда? — С наигранным оптимизмом предложила Ифа.

Джоуи осторожно кивнул.

— Это должно сработать.

— Ты знаешь, я бы помогла, если бы могла, — прохрипела я, чувствуя себя мертвым грузом на шее брата. — Но он не позволит мне устроиться на работу...

— Остановись, — скомандовал Джоуи. — Даже не думай винить себя, Шэн.

Но я делала.

Я чувствовала себя невероятно виноватой.

Во мне было что-то такое, что причиняло всем эту боль.

Если бы меня не было в этом доме, я уверена, что у моей семьи не было бы и половины проблем, которые существовали сейчас.

Мама получила взбучку от моего отца из-за меня.

Потому что он ненавидел меня.

Я была проблемой.

Джоуи тяжело выдохнул.

— Проверь холодильник.

Скрепя сердце, я сделала, как мне сказали.

Открыв холодильник, я придержала дверцу, чтобы Джоуи увидел сам.

— Гребаные уроды, — прорычал он еще раз, осматривая почти пустые полки внутри холодильника.

— Шкафы такие же, — решила я дополнить, прежде чем он попросит меня открыть и их тоже. — Мама обычно ходит за покупками по субботам.

— Обычно, — с горечью бросил Джоуи.

— Она бы просто так не ушла, Джо, — прошептала я. — Она никогда не оставляла нас без еды.

— Ну, она это сделала, — огрызнулся он. — И все в порядке, Шэн. Мы справимся.

— Хорошо, — прохрипела я.

Проведя рукой по волосам, Джоуи поставил локти на стол и пробормотал несколько бессвязных ругательств про себя, прежде чем сказать:

— Я позвоню Марку утром. У него есть работа в консерватории в городе на следующей неделе. Я спрошу, не нужен ли ему чернорабочий.

— Ни за что, Джоуи. Ты не можешь пропустить школу! — предостерегла Ифа. — Тебя могут отчислить.

— Нет, детка, — устало ответил Джоуи. — Я не могу позволить детям голодать, и

одному Богу известно, когда эта сука вернется.

— Я могу помочь тебе с...

— Я не возьму у тебя денег, Ифа, — прервал ее Джоуи. — Поэтому, пожалуйста, не предлагай.

— Джоуи, я хочу тебе помочь.

— И я люблю тебя за это, но я не приму подачки от своей девушки.

— Ты знаешь, где она? — Тогда спросила Ифа, адресуя вопрос мне.

Она явно отчаянно пыталась утешить его и не знала, как это сделать.

Я хотел сказать ей, что она не сможет, мы были слишком сломлены, но я придержала язык и вместо этого ответила на ее вопрос.

— Я полагаю, она ушла, чтобы найти его.

Это была удручающая мысль, но, скорее всего, она правдива.

— Ребята, — сказала Ифа нервным тоном. — Не отрывайте мне голову за это, но вам стоит подумать о том, чтобы позвонить копам.

Джоуи уставился на нее так, словно у нее выросло три головы. Паника вспыхнула в моей груди.

Ифа, заметив нашу реакцию, окрасилась в ярко-красной.

— Он не может продолжать делать это с тобой, — быстро объяснила она. — И вы оба здесь одни присматриваете за тремя маленькими детьми... Это неправильно и несправедливо по отношению к любому из вас.

— Нет, это неправильно и несправедливо по отношению к нам, — огрызнулся Джоуи. — Но Шэннон и я уже проходили этот путь раньше, и мы, блядь, ни за что туда не вернемся.

— Джоуи! — Я зашипела, качая головой.

— Посмотри на нас, Шэн, — простонал он. — Она уже видит, насколько мы облажались.

Я знала это, но продолжала качать головой.

Не обращая внимания на мои молчаливые протесты, Джоуи пустился в разглагольствования, раскрывая наш самый большой страх, тот, который заставлял нас молчать большую часть нашей жизни.

— Когда мы были маленькими до рождения мальчиков — тогда были только Даррен, Шэннон и я — нас троих на шесть месяцев отдали под опеку.

Глаза Ифы расширились, и я подавила стон.

— Ты никогда мне этого не говорил.

— Это не то, о чем я говорю, детка, — хрипло ответил он. — Кроме того, мне тогда было всего шесть. — Он наклонил голову в мою сторону. — Шэн было всего три года. Мама отдала нас на добровольное попечение, сказала, что в то время была слишком больна, чтобы ухаживать за нами. Высадила нас и ушла. Нам с Шэннон повезло. Нас поселили к хорошей семье. — Тяжело вздохнув, он добавил: — Даррену тогда было одиннадцать, и ему не так повезло.

Слезы наполнили мои глаза, потому что я знала, что Джоуи собирался сказать дальше.

— Джо, пожалуйста, не надо, — умоляла я.

— Его отправили в дом-интернат, где с ним что-то случилось, — выдавил Джоуи. — То, что не должно происходить с детьми.

Ифа зажала рот рукой.

— Ты хочешь сказать...

Джоуи натянуто кивнул.

Слезы наполнили ее глаза.

— О, детка.

— Не надо, — прошептал он, качая головой. — Это случилось не со мной.

— Я знаю, — выдавила Ифа, потянувшись к его руке. — Я просто...это... это ужасно.

— В любом случае, когда здоровье мамы улучшилось, она обратилась в суд и смогла вернуть нас, — быстро продолжил он. — В суде всплыло о том, что произошло в том доме-интернате, и поскольку она добровольно отказалась от нас из-за проблем со здоровьем, ей каким-то образом вернули опеку. — Джоуи долго смотрел на их соединенные руки, прежде чем продолжить. — Даррен уже никогда не был прежним, как и наш отец.

Устало вздохнув, он добавил:

— На самом деле он был не таким уж плохим парнем до этого. Но после того, как все стало известно о Даррене, старик потерял свой гребаный разум. Он не мог прийти в себя и обратился к алкоголю. Вбил себе в голову эту нелепую гребаную идею, что то, что случилось с Дарреном, каким-то образом изменило его.

Джоуи покачал головой и разочарованно вздохнул.

— Если бы он уделил хоть унцию гребаного внимания тому, как мы росли, он бы знал лучше.

— Я не знаю, что сказать, — прошептала Ифа, переводя взгляд с меня на Джоуи.

— То, что происходит в этом доме, неправильно, но это лучше, чем то, что происходит в некоторых из тех домов, — заявил Джоуи. — Я ни за что, блядь, не отдам свою сестру и братьев в опеку, детка. Ни за что, черт возьми. По крайней мере, когда они здесь, они все в одном месте, и я могу держать их в некоторой безопасности.

— У вас, ребята, есть кто-нибудь, кому вы могли бы позвонить? — спросила она, в глазах мелькнуло беспокойство. — Родственники или друзья семьи?

— Бабушке восемьдесят один год, — прошептала я, вытирая слезы. — Она слишком старая и хрупкая, чтобы...

— Я и Шэннон есть друг у друга, — прервал Джоуи, указывая пальцем между нами. — Вот и все.

— Больше нет, — сказала Ифа моему брату. — У тебя есть я. — Потянувшись через стол, она накрыла его руку своей и слабо улыбнулась. — У вас всех.

Плечи Джоуи заметно поникли, когда она подняла руку и прижала его губы к костяшкам пальцев.

— Господи, я люблю тебя, — сказал он ей низким и грубым голосом.

Я отвернулась, потому что на это слишком тяжело смотреть.

Я любила Ифу Моллой.

Я действительно любила её, как сестру.

Но я также обижалась на нее.

Потому что я точно знала, насколько привлекательна безусловная любовь, привязанность и безопасность для кого-то вроде Джоуи.

То же самое было и со мной.

И потому что я сердцем и душой точно знала, чем это закончится.

От нее Джоуи получал ту форму любви, в которой ему было отказано всю жизнь.

И если бы эта девушка прыгнула, он бы прыгнул вместе с ней.

Я бы не стала его винить. Будь у меня такая возможность, я бы тоже прыгнула.

Но от осознания того, что его время в этом доме подходит к концу, мне стало трудно дышать.

Наш отец вернется.

Он всегда возвращается.

И я, честно говоря, не могла представить, чтобы мой брат останется здесь. Он выдержал восемнадцать лет избиений и издевательств.

Я не была уверен, что он сможет выдержать гораздо больше.

— Хорошо! — Ифа хлопнула в ладоши и встала. Шмыгнув носом, она вытерла слезы со щек и выдавила яркую улыбку. — Я умираю с голоду, и я знаю, что вы оба, должно быть, тоже. Итак, я собираюсь устроить забег и взять немного фаст-фуда. Это будет мое угощение.

Джоуи покачал головой.

— Ифа, я же говорил тебе...

— Я угощаю, малыш, — прервала она, бросив на моего брата тяжелый взгляд. — Итак, ты идешь со мной?

— Да, я пойду, — пробормотал Джоуи, поднимаясь на ноги. — Ты же не будешь разъезжать по городу посреди ночи в одиночку.

— Ты справишься одна, Шэн? — Спросила Ифа, грустно улыбаясь.

Я кивнула.

— Со мной все будет в порядке.

— Что бы ты хотела съесть?

— Ничего, спасибо, — ответила я, подавляя зевок. — Я собираюсь пойти спать.

— Только не говори мне, что ты такая же упрямая, как твой брат, и не примешь чертов пакет чипсов? — Ифа нахмурилась. — Ты слишком худая, девочка, — добавила она, и в ее глазах снова появилось беспокойство. — Нам нужно откормить тебя.

Я улыбнулась ее взволнованному выражению лица.

— Честно говоря, я слишком устала, чтобы есть.

— Ты уверена? — Она не казалась убежденной.

— Я уверена.

— Мы ненадолго, Шэн! — крикнул Джоуи через плечо, выводя Ифу из кухни.

— Не торопитесь, — крикнула я в ответ. — С мальчиками все в порядке, а я буду в постели.

Я подождала, пока не услышала, как ключ поворачивается в замке, прежде чем на цыпочках подкрасться к кровати. Проскользнув в свою спальню, я не потрудилась включить свет.

Я не врала, когда сказала, что устала.

Забравшись на кровать, я укуталась одеялом и свернулась калачиком, зная, что сегодня ночью, когда моих родителей нет, я буду спать лучше, чем за последние месяцы.

Вот насколько запутанной была моя жизнь.

Глава 31. Стервозные девчонки и запах бургеров

Джонни

В ту минуту, когда я переступил порог «Бидди», я понял, что совершил ужасную ошибку.

Забудьте то, что я сказал. В ту минуту, когда я позволил Гибси открыть бутылку виски моего отца, я понял, что совершил ужасную ошибку.

После душа я пытался убедить его выпить со мной дома, вместо того чтобы идти куда-нибудь, но виски сделало меня слишком уступчивым.

Это превратило меня в соглашающегося, безумного идиота. Именно так Гибси удалось вывести меня из моего плохого настроения: надеть то, что он называл «сменной курткой», и усадить на пассажирское сиденье своей машины.

Я должен был все понять, когда Гибси не начал пить со мной.

Ублюдок.

Подпитка меня Джеймсоном была причиной, по которой сейчас я стоял в дверях бара «Бидди». После трех бокалов я опьянел и желал быть где угодно, только не в этом чертовом пабе.

Внутри находилась не только половина девочек с шестого курса, но и Белла тоже.

В ту минуту, когда Белла заметила нас, она схватила нервного Кормака и прижалась лицом к нему.

Подобие энтузиазма, которое я испытывал к сегодняшнему вечеру, будучи немного сумасшедшим, вылетело в окно при виде нее. Не столько потому, что она обжималась с Кормаком передо мной, хотя это тоже не помогло, а потому, что я все еще кипел от гнева из-за ее поведения в школе.

Все, чего я хотел, это чтобы она ушла.

Просто уйди и оставь меня в покое.

Честно говоря, я не думал, что прошу слишком многого.

— Не обращай на них внимания, — пробормотал Гибси мне на ухо.

— Довольно сложно, учитывая все обстоятельства, — проговорил я, указывая на то место, где моя бывшая, кем бы она ни была, вцепилась в лицо моего вингера менее чем в десяти футах от меня.

Я мгновенно почувствовал, как мой мозг ожил и начал процесс отрезвления, потому что точно понимал, насколько опасна эта девушка, и, черт возьми, мне нужно было быть в здравом уме, чтобы защитить себя.

— Понятно, — согласился Гибс. — По крайней мере, ты знаешь, что это шоу тебе выгодно.

— Я не хочу, чтобы это было мне выгодно. Я хочу, чтобы она отвалила, — прорычал я, подавляя дрожь при виде этого. — Пожалуйста, скажи мне, что я никогда не вел себя так с ней.

— Ну, я не знаю, как ты держался за закрытыми дверями машины, — ответил Гибс. — Но ты никогда не позволял себе так унижаться на публике.

— Слава Богу, — пробормотал я.

— Давай, Джонни. — Положив руку мне на плечо, Гибси повел меня к столу, за которым мы обычно сидели. — Садись. Я принесу кружку пива.

— Водку, Гибс, — поправил я, зная, что мне понадобится что-то чертовски крепкое, чем разливное пиво, чтобы пережить сегодняшней вечер. — Двойная водка и ред булл — и куча чертовых рюмок.

К черту трезвость.

Я старался изо всех сил.

Гибси должен хоть раз позаботиться обо мне.

— Я в курсе, приятель, — усмехнулся Гибси, прежде чем исчезнуть в толпе.

Не обращая внимания на стол девочек из школы, которые удобно расположились за соседним с нашим столом, за которым сидели Белла и Кормак, я плюхнулась рядом с Хьюи и его девушкой, Кэти Уилмот.

— Хьюи, — пробормотал я в знак приветствия.

Я посмотрел на бутылку газировки с соломинкой, торчащей из края, которую сжимала девушка Хьюи, и мои губы дернулись.

— Все в порядке, Кэп? — Хьюи произнес это со слабой улыбкой. — Как прошла тренировка?

Я хмыкнул в ответ, слишком больно и неудобно, чтобы сделать усилие и солгать.

Это было дерьмо.

Все было дерьмово.

Мой мир катился в тартарары.

И сегодняшнее зрелище стало вишенкой в довершение всего.

— Фели выходит сегодня вечером?

Хьюи покачал головой.

— Нет, парень. Кое-что произошло.

— Никаких сюрпризов, — ответил я со знанием дела.

— Это ты мне говоришь, — ответил Хьюи с усталым вздохом.

Патрик был тихой рыбой, и хотя мы дружили почти семь лет, я мало что знал о нем, кроме того факта, что он был уклончивым, тихим и имел тенденцию отказываться от планов в последнюю минуту.

Поравнявшись с Хьюи, я склонил голову к хорошенькой маленькой рыжеволосой девушке, прижавшейся к нему.

— Кэти.

— Привет, Джонни, — сказала Кэти с застенчивой улыбкой, прижимаясь к руке Хьюи.

“Неудивительно, что ты, блядь, прижимаешься”, — подумал я про себя.

Я бы тоже прижался к своему парню, если бы был застенчивой шестнадцатилетней девочкой, перед которой происходит дикое зрелище за соседним столом.

Кэти была слишком молода, чтобы ходить в бар, как и все мы, но хвала моему другу за то, что у него хватило порядочности не заваливать ее выпивкой.

Не то чтобы я хоть на минуту подумал, что он это сделает.

По какой-то неизвестной причине Хьюи был одержим крошечной рыжей девочкой под мышкой. С тех пор, как она переступила порог Томмен, будучи первокурсницей со свежим лицом.

Мы были на втором курсе, когда Хьюи раскрыл свои карты Кэти Уилмот.

В то время я, как и все остальные наши друзья и товарищи по команде, считал Хьюи сумасшедшим и регулярно высказывал свои мысли вслух. Но теперь, когда я повзрослел и стал более опытным, должен был признать, что его ситуация казалась чертовски более

привлекательной, чем моя.

Преданность лучше использования друг друга.

— Ты хорошо выглядишь сегодня, Кэти, — сказал я ей, потому что это правда, и она чувствовала себя слегка неуверенно.

Я знал этот лакомый кусочек информации, потому что ее парень часто рассказывал мне об их отношениях. Я, вероятно, знал гораздо больше об их отношениях, чем Кэти догадывалась, но я унесу эти подробности в могилу.

Кэти застенчиво улыбнулась и теснее прижалась к Хьюи.

— Спасибо.

Хьюи бросил на меня благодарный взгляд.

Ему не нужно благодарить меня за дерьмо.

Его девушка красива.

Несколько мгновений спустя Гибси обогнул стол, отвлекая меня подносом, уставленным стаканами.

— До дна, Кэп, — объявил он, ставя поднос передо мной.

— Благодарю. — Не потрудившись спросить, что предлагается сегодня вечером из-за осознания, что согласен пить бензин от настроения, в котором находился, я схватил с подноса две рюмки.

А затем, для пущей убедительности, я опрокинул еще четыре рюмки, прежде чем остановиться на водке и ред булле.

Мне это нужно, потому что наблюдать за флор-шоу, происходящий за соседним столом, не весело.

С того места, где я сидел, у меня был прекрасный вид на Беллу, сидящую верхом на Кормаке. Его руки были у нее под юбкой, а ее ноги — обернуты вокруг его талии.

С таким же успехом они могли бы быть голыми и трахаться, они были настолько очевидны.

Опершись на табурет передо мной, Гибс, к счастью, закрыл мне обзор.

— Я красивее на вид, — объявил он, подмигнув, а затем продолжил отбрасывать снимки, как будто это выходило из моды.

Я всегда мог положиться на этого ублюдка.

Град, дождь или снег Гибси прикроет мою спину.

Это утешительная мысль.

— Райан — клоун, — вслух заявил Хьюи, прочитав мои мысли. — Она делает это нарочно, чтобы вывести тебя из себя, и он позволяет ей использовать его для этого.

— Тебе повезло сбежать от нее, Джонни, — согласилась Кэти с сочувственной улыбкой.

Я пожал плечами и потянулся за еще одним шотом.

— Она может делать все, что захочет. — Прижав стакан к губам, я опрокинул напиток и быстро проглотил. — Они оба могут.

Я это имел в виду.

Я не хотел, чтобы она возвращалась.

Я бы никогда к ней не вернулся.

Но это не означало, что на это было легко смотреть.

Потому что это не так.

Это была преднамеренная атака. Она ужалила меня.

В основном потому, что Кормак соглашался с этим.

— Да, но делать это перед твоим лицом таким образом — отвратительно, — ответила Кэти, хмуро глядя на пару. — Если бы вы поменялись местами, и ты сделал это с одной из подруг Беллы прямо у нее на глазах, она бы потеряла контроль.

— Верно, — хором согласились Гибс и Хьюи.

Следующие пару часов я игнорировал Беллу и Кормака, сосредоточив свое внимание на своих друзьях и музыкантах, играющих в углу бара. Я пытался расслабиться, присоединяясь к разговору, потягивая напиток за напитком, но это давалось мне нелегко.

Я был слишком напряжен.

Когда я не пытался активно избегать взглядов на Беллу и Кормака, мои мысли возвращались к назойливому беспокойству, на котором я так старался не заикливаться.

Мое здоровье.

Проблема была в том, что алкоголь, струящийся по моим венам, не давал мне возможности блокировать свои страхи.

Что, если я не смогу взять себя в руки?

Что, если мое тело не исцелится?

Что, черт возьми, я должен был делать со своей жизнью?

Каждое теоретическое дерьмо, которым я когда-либо владел, было надежно спрятано в корзине с надписью «карьера в регби».

Прямо сейчас эта корзина опрокинулась, и я слишком бессилен, чтобы остановить это.

Другими словами, я был совершенно беспомощен и облажался.

— Хорошо, ребята, следующая песня от Reckless Kelly, — объявил вокалист в микрофон, отвлекая меня от моих пьяных мыслей. Он брэнчал на своей гитаре, а затем добавил: — Wicked Twisted Road.

Наклонившись вперед, я положил локти на стол и напрягся, чтобы расслышать текст песни сквозь шум толпы.

Один куплет, и я был на крючке.

Каким бы пьяным я ни был, я знал, что мне нужно это запомнить.

Мне нужно было услышать это снова.

Слова пронзали меня насквозь.

Я чувствовал их слишком сильно и глубоко, связывая что-то жестокое с каждой строкой.

Неудивительно — но все равно совершенно запутанно — лицо Шэннон промелькнуло у меня в голове, когда текст песни пробился в мой вялый мозг.

Шэннон с одинокими глазами.

Целая жизнь в стремлении быть лучшими.

Страх быть недостаточно хорошим.

И постоянное, гнетущее чувство страха внизу живота.

Вытащив телефон из кармана джинсов, я быстро набрал текст, надеясь, что правильно написал название песни, прежде чем выйти из своих сообщений, оставив текст в черновиках.

С телефоном в руках я размышлял о том, что бы сделал, если бы у меня был номер телефона Шэннон.

Хорошо, что у меня его не было.

Никогда в жизни я не был равнодушен к набору номера в пьяном виде, но прямо сейчас у меня было жгучее желание набрать ее отсутствующий номер.

Возьмет ли она трубку?

Если бы она это сделала, что бы я сказал?

Будет ли она говорить со мной?

Черт, я хотел услышать ее голос на другой стороне линии.

“Эта девушка другая”, — повторял мой тупой гребаный мозг.

Это навсегда.

Я хотел вернуться в свою комнату, прижать телефон к уху и слушать, как она, запинаясь, рассказывает мне каждую свою мысль. Я хотел вернуться сюда, к ней, смотреть, как она краснеет, улыбается и смотрит на меня из-под своих длинных густых ресниц.

Я хотел сидеть с ней в темном кинотеатре, не обращая ни капли внимания на показ фильма. Я украдкой бросал на нее взгляды и сгорал от жара, когда обнаруживал, что она смотрит на меня.

Я просто хотел ее.

“Ты мог бы любить эту девушку всю свою жизнь, — сумасшедшая мысль настойчиво звучала в моем мозгу снова и снова, — если бы ты просто позволил себе.”

Острый удар локтем в ребра заставил меня вскинуть голову.

— Какого хрена? — Я перевел взгляд на Хьюи, раздраженный тем, что меня отвлекают от моего счастливого места. — Что это было?

— У нас гости, — пробормотал он, склонив голову.

— О боже, ну вот и все, — пробормотала Кэти себе под нос.

Затуманенными глазами я проследил за его движением, мой взгляд упал на Кормака Райана. Он обогнул наш стол, его лицо покраснелось, а помада размазалась по губам.

По пятам за ним следовала самодовольная Белла.

— Все в порядке, ребята? — Кормак произнес, засунув руки в карманы. — Как дела?

Откинувшись на спинку стула, я бесстрастно посмотрел на них обоих. Хьюи сухо кивнул Кормаку, но не сделал ни малейшего движения, чтобы вступить с ним в светскую беседу.

Кэти даже не взглянула на него.

Гибси смотрел на него. Убийственное выражение сменилось на его обычную кривую ухмылку.

— Джонни. — Осторожный взгляд Кормака остановился на мне. — Можно тебя на пару слов, парень?

Я не спеша оглядел его с ног до головы, прежде чем сказать:

— Если это то, о чем ты хочешь со мной поговорить ... — Я указал на Беллу, которая стояла позади него с ухмылкой на лице. — То в этом нет необходимости. Твои действия сегодня ясно говорили в твою пользу.

— Послушай, Джонни, я не хочу никаких проблем, — ответил Кормак, разочарованно проводя рукой по своим черным волосам. — Все, что я хотел сделать, это прояснить ситуацию и убедиться, что между нами нет обид. — Пожав плечами, он добавил: — Мы должны играть вместе, и я не хочу никакой вражды.

— Время, чтобы поговорить со мной об этом, было несколько месяцев назад, — ответил я ровным тоном. — И учитывая, что мы играли вместе, когда ты решил трахнуть ее, мне трудно поверить в твои слова.

— Все было не так, парень, — взволнованно возразил Кормак. — Я думал, вы двое в то время были не вместе.

— Честно говоря, мне все равно, — сказал я ему. — Насколько я понимаю, она теперь твоя проблема.

— Джонни, ну же...

— А теперь иди, — прервал я, отмахиваясь от него. — И удачи с этим ... — Я бросил на Беллу уничтожающий взгляд. — Потому что тебе она понадобится.

— Этим? — Белла выплонула. — О ком, черт возьми, ты думаешь, что говоришь, Джонни Кавана?

— Я говорю о тебе, — проговорил я с усмешкой. — И мне интересно, что, черт возьми, заставило меня когда-либо засунуть свой член во что-то настолько чертовски ядовитое.

За соседним столом раздался хор смешков.

Гибси громко рассмеялся.

То же самое сделали Хьюи и Кэти.

Я бы расстроился из-за комментария, но алкоголь, струящийся по моим венам, был как зелье правды.

— Да, ну, ты был полным дерьмом, — закричала на меня Белла. — И я никогда больше не прикаснусь к тебе.

— Хвала гребаному Иисусу, — саркастически проговорил я. — Это лучшая новость, которую я слышал за весь год.

— Эй, не будь таким! — Предупредил Кормак, принимая защитную стойку перед ней. — Белла теперь моя девушка, и я не позволю тебе так с ней разговаривать.

Я выгнула бровь.

— Твоя девушка?

— Да, — прошипела Белла, ухмыляясь. — Я его девушка.

— О, Боже. — Я провел рукой по лицу и застонал. — Мне почти жаль тебя, Райан, потому что ты явно понятия не имеешь, с кем имеешь дело.

— Я точно знаю, с кем имею дело, Кавана, — прорычал он. — Я знаю о тебе все.

— Я не про себя, мудака, — прорычал я. — А про нее.

Кормак уставился на меня, его лицо стало ярко-красным.

— Что это должно означать?

— Это значит, присматривай за своими товарищами по команде, парень, — сказал я. — Потому что ей не подходит быть “девушкой”.

Его глаза сузились.

— Встань и скажи это мне в лицо.

— Я говорю это прямо здесь, — невозмутимо ответил я. — Тебе в лицо.

— Когда перед тобой стол, а рядом твои друзья, — насмеялся он. — Ты большой человек. Выйди на улицу и скажи это дерьмо мне в лицо.

— Нет, — ответил за меня Гибси, потянувшись за другой рюмкой. — Этого не произойдет. Так что можешь идти дальше, перебежчик, потому что он не кусается.

— Отвали, Гибс. — Кормак посмотрел на него сверху вниз. — Я не с тобой разговаривал.

— Может быть, и нет, — ответил Гибс, опрокидывая свой напиток обратно. — Но я чертовски уверен, что разговариваю с тобой. — Отодвинув стул, он рывком поднялся на ноги и развернулся к Кормаку. — Теперь разверни свою задницу и отведи свою маленькую подружку обратно в дыру, из которой вы оба выползли.

— Или что? — Кормак зарычал, прижимаясь лбом ко лбу Гибси.

Плохой, блядь, ход со стороны Райана.

— У меня нет контракта, висящего над головой, как у него, мудака, — кипел Гибси,

отталкиваясь лбом. — У меня нет никаких гребаных проблем с тем, чтобы вступить за Кава и вышибить вечно любящее дерьмо из твоей задницы перебежчика.

При росте шесть футов оба парня были примерно одинакового роста, но Гибси перевешивал Кормака на добрых тридцать фунтов, потому что на поле Кормак был опытным бегуном, а Гибс — сильно заряженным тараном.

— О, черт возьми, — простонал Хьюи, озвучивая мои мысли вслух. — Ему пришлось настаивать.

— Да, — мрачно согласилась Кэти. — Он, конечно, это сделал.

У Гибси был спокойный характер, но дайте ему немного выпить и повод для драки, и он пойдет ва-банк.

— У меня нет проблем с тобой, Гибси, — рявкнул Кормак. — У меня проблема с Каваной.

— Что ж, это очень плохо, потому что у меня с тобой огромная гребаная проблема, — прорычал Гибси. — Кем, черт возьми, ты себя возомнил, приходя сюда с ней, пытаешься устроить драму?

— Я пытался прояснить ситуацию, — выпалил Кормак, сжав челюсти.

— Нет, ты пытался вывести его из себя, — поправил Гибси, рыча. — Ты пытался испортить ему сезон. — Он толкнул Кормака в грудь и занял место, когда тот отшатнулся назад. — Потому что ты ревнивый, маленький придурок, и Академия не хочет тебя.

— Толкни меня еще раз, и я переломлю тебе ноги, — прорычал Кормак, отталкивая Гибси назад.

Не обращая внимания на угрозу, Гибси продолжал бушевать.

— Мы не хотим никаких проблем здесь сегодня вечером, мальчики, — крикнула барменша над толпой. — Заканчивайте!

— Проблемы? — Гибси невесело рассмеялся, а затем взмахнул кулаком, попав Кормаку прямо в челюсть. — Я собираюсь оторвать голову этому ублюдку, — прорычал он, врезавшись в него.

Несколько пронзительных криков вырвались у девочек вокруг нас, когда оба парня приземлились на соседний стол, отчего стулья полетели, а стаканы упали на пол.

Я вскочил со своего места и в считанные секунды приблизился к своему другу.

— Гибс! — Я взревел, оттаскивая его от Кормака, который получил несколько ударов.

— Уходи, чувак, — тихо приказал я, положив руку ему на плечо и притянув его обратно к себе. — Это не твоя драка.

— Черта с два, это не так, — прорычал он, бросаясь вперед так сильно, что мне пришлось удвоить усилия, чтобы удержать его на расстоянии. — Ты мой лучший друг, а этот придурок месяцами проявлял к тебе неуважение.

— Плевать, — спокойно ответил я, поймав взгляд Хьюи и жестом показывая ему, чтобы он быстро тащил свою задницу сюда. — Мне все равно, и тебе тоже.

— О, мне не все равно, — прорычал Гибси, не сводя глаз с Кормака.

— Уберите от меня этого психически больного, или я убью его, — кипел Кормак, вытирая кровь со рта. — Ты гребаный псих, Джерард Гибсон.

— Ты ничего не сделаешь, — прорычал я, глядя на Кормака, и занял защитную позицию перед Гибси.

Белла, которая кричала изо всех сил в сторону, решила, что это идеальное время, чтобы проскользнуть мимо меня и наброситься на лицо Гибси.

— Ты придурок, — закричала она, ударив его по лицу. — Не смей его трогать.

— Убери руки от его лица, — предупредила я ее, толкая своего лучшего друга позади себя. — Сейчас.

— Или что? — прошипела она, ударив меня по лицу. — Ты тоже натравишь на меня свою сторожевую собаку?

— Тебе понравилось? — Я кипел, даже не вздрогнув. — Потому что это единственный способ, которым ты снова прикоснешься ко мне.

Она отступила и снова ударила меня.

Я рассмеялся ей в лицо.

— Продолжай. Продолжай. Бей меня всю гребаную ночь. Это ничего не изменит.

— Остановись, — скомандовал Кормак, толкая ее за спину. — Не бей его.

— Он этого заслуживает, — закричала она.

— Потому что я не хочу тебя? — Я откинулся назад и рассмеялся. — О да, потому что так устроена жизнь.

— Не заставляйте меня вызывать на вас полицию! — завизжала пожилая женщина за стойкой. — Стая маленьких придурков.

— В этом нет необходимости, Мэгс, — объявил Хьюи, пытаясь перехватить рукой размахивающий кулак Гибси.

— Уберите его отсюда, — приказал я, снова оттаскивая Гибси назад.

— На твое место? — Спросил Хьюи.

— Куда угодно. — Я раздраженно провел рукой по волосам. — Просто удерживай его.

Хьюи кивнул и переключил свое внимание на Гибси.

— Вперед, Рокки Бальбоа, — весело сказал он. — Прежде чем ты отправишь нас всех в барак на ночь.

— Он сам напросился, — невнятно произнес Гибси. — Кусок дерьма.

— Я знаю, парень, — сказал Хьюи. — Давай. — Обернув свое тело вокруг Гибси, он с силой вывел его из бара.

— Ты идешь, Джонни? — Спросила Кэти, нервно переводя взгляд с меня на Кормака.

— Я буду в порядке, — сказал я ей и переключил свое внимание на Кормака.

— Ты уверен? — Кэти упорствовала. — Ты должен пойти с нами...

— Давай, Кэти, — приказал я, поворачиваясь, чтобы поймать ее взгляд. — Я сам доберусь домой.

— Если ты уверен.

— Я уверен.

Я подождал, пока Кэти не вышла из бара вслед за Хьюи и Гибси, прежде чем снова переключить свое внимание на Кормака.

— Ты хочешь поговорить со мной? — Я зарычал, указывая на дверь. — Тогда пойдём.

Не дожидаясь ответа, я протолкался через переполненный бар к выходу, получив несколько хлопков по плечам и «Отличная партия, Джонни» и «С нетерпением жду встречи с тобой в зеленом в июне», когда изо всех сил старался идти по прямой.

“Сомнительно, — подумал я про себя. — Очень чертовски сомнительно.”

Когда я подошел к двери паба и вышел на улицу, я почувствовал облегчение, не обнаружив парней, ожидающих меня снаружи.

Через несколько минут дверь распахнулась, и вышел Кормак.

— Без нее, — рывкнул я, указывая пальцем на Беллу, которая вышла за ним. — Она

держится от меня подальше.

— Это свободная страна, — возразила Белла, бросая на меня кинжалы вместо взглядов. — Я могу идти, куда, черт возьми, захочу.

— Либо она уходит, либо я ухожу, — прорычал я, обращаясь к Кормаку. — Твой выбор. Белла открыла рот, чтобы сказать что-то еще, что-то злобное, без сомнения, но Кормак заговорил первым:

— Возвращайся обратно, — сказал он ей. — Я ненадолго.

— Но я ...

— Мне нужно поговорить с ним, — настаивал Кормак. — Иди внутрь.

С большой неохотой Белла вернулась в паб, оставив меня наедине с Кормаком на улице.

— Правильно, — прорычал он, расправляя плечи. — Давай сделаем это, Кавана.

Я выгнул бровь, удивленный боевой стойкой, которую принял Райан.

Если он думал, что я собираюсь бросить свою карьеру ради драки из-за Беллы, он серьезно ошибался.

Шэннон — безусловно, но Белла? Ни за что.

— Убери свои кулаки, ты, чертов идиот, — рывкнул я. — Я не собираюсь тебя трогать.

Он наблюдал за мной несколько мгновений, его глаза были полны недоверия, и он ждал, когда я наброшусь.

Это было почти комично.

Почти.

— Хочешь верь, хочешь нет, Джонни, — наконец сказал он, сняв напряжение. — Я искренне пытался разрядить обстановку между нами.

— Когда мы оба пьяны?

— Достаточно справедливо, — признал он. — Но я не хотел, чтобы это произошло.

— Что именно не должно произойти? — спросил я, прислонившись плечом к стене паба для равновесия. — Ты не хотел наебать меня, или ты не хотел ударить моего лучшего друга и своего товарища по команде?

Ночной воздух ударил меня, как гребаный разрушительный мяч, и я прекрасно понимал, что без поддержки стены я бы раскачивался, как Пизанская башня.

— Гибс ударил меня первым, — огрызнулся Кормак, а затем вскинул руки. — Он был у меня перед лицом.

— Потому что ты был перед моим, — спокойно ответил я. — Потому что тебе сказали уйти, а ты не ушел, и потому что я его капитан, и это что-то значит для него.

Кормак поморщился от моих слов.

Хорошо.

Ублюдку нужно было почувствовать их.

— И я не хотел тебя наебать, — добавил он, покраснев. — Я думал, вы двое не вместе. Мне действительно чертовски нравится эта девушка, Джонни — и всегда нравилась.

— Когда все, что тебе нужно было сделать, это набрать мне, — возразил я, слова заплетались, несмотря на все мои усилия. — Чтобы я услышал это из первых уст.

— Я должен был, — наконец признал он.

— Ты знаешь, в чем проблема, — размышлял я, высказывая свои мысли вслух. — Дело в том, что если бы ты сказал мне, что она тебе нравится, я бы отступил. — Скрестив руки на груди, я уставился на него. — Я бы до чертиков уважал тебя за то, что ты ведешь себя как мужчина, и ушел бы. У нас с Беллой никогда не было серьезных отношений. У меня не было

с ней отношений. Но мы с тобой общались. И ты предал меня.

— Кэп...

— Нет, заткнись и дай мне сказать это. — Тяжело вздохнув, я сказал: — Дело не в том, что она действовала за моей спиной с моим товарищем по команде. Дело в том, что мой товарищ по команде действовал с ней за моей спиной.

Кормак громко застонал.

— Джонни, чувак, я не хотел, чтобы это...

Я поднял руку, останавливая этот поток дерьма.

— Не лги мне, что ты не хотел, чтобы это произошло, строка. У меня был секс, Кормак, много раз, и мы оба знаем, что когда ты засовываешь свой член в девушку, ты всегда, блядь, это имеешь в виду. Это не может просто так произойти без предупреждения.

— Ты прав, — признал он после долгой паузы. — Черт, парень, ты прав.

— Я знаю, что прав, — ответил я резким тоном.

— И ты действительно закончил с ней? — Он наблюдал за мной с настороженным выражением. — Ты не хочешь, чтобы она вернулась?

Я покачал головой и разочарованно вздохнул.

— Я не знаю, как еще я могу сказать это, Райан. Я не хочу иметь ничего общего с этой девушкой. Так что, идивперед и делай с ней все, что, черт возьми, захочешь. Просто держи ее, блядь, подальше от меня, держи свои руки подальше от моего лица, и мы будем в золоте.

— Ты говоришь это, чтобы сохранить лицо? — он спросил.

— Я думал, ты уже знаешь, что я честный человек, — прорычал я. — Когда я говорю тебе, что с меня хватит, я это серьезно.

— Итак, это все?

— Ага. — Я кивнул. — Вот и все.

— Почему ты больше не злишься на меня? — спросил он, бросив на меня недоверчивый взгляд.

— Потому что мне тебя жаль, — сказал я ему, и, к моему удивлению, это была правда.

Мне было жаль Кормака.

Я тоже был разочарован в нем.

Я был кем угодно, но не злым, не был одним из них.

По крайней мере, не сейчас.

Он был пешкой в одной из игр Беллы, и даже несмотря на то, что я был пьян, я видел это ясно как день.

— Послушай меня, — начал я, стараясь не заплетаться в словах, пытаюсь донести до него несколько с трудом усвоенных домашних истин. — Я в этой игре чертовски долго, и я знаю, что здесь происходит. Белла использует тебя, чтобы добраться до меня, а ты позволяешь ей делать из тебя идиота.

Только сам Бог знал, почему я давал ему советы после удара ножом в спину, но я продолжал.

— Я больше не могу быть с ней, а ты — следующая лучшая вещь для нее, — пробормотал я невнятно. — Ей необходимы деньги, Райан. Деньги и статус. — Покачав головой, я добавил: — Ссориться со своим товарищем по команде из-за гребаной девчонки — это начало конца. Пойди по этому пути, и для тебя все закончится, даже не начавшись.

Даже в моем пьяном состоянии я знал, что делаю гребаное лицемерное заявление.

Я обосновал свои доводы с осознанием того, что Шэннон того стоила.

Белла нет.

Кормак сердито посмотрел на меня.

— Ты думаешь, что ты лучше меня.

Он был серьезен?

Это все, что он получил от моих усилий помочь ему?

— Я лучше тебя, — огрызнулся я, расстроенный тем, что он меня совершенно не слушал. — Если ты хочешь быть на моем уровне, тогда делай это на поле. Работай усерднее. Тренируйся усерднее. Будь, блядь, лучше. И открой свои чертовы глаза на опасность. Потому что эта твоя так называемая подружка выпустит из тебя всю кровь, парень.

— Она моя девушка, — прорычал он. — Так что не говори о ней так.

Боже, дай мне сил...

— Отлично. — Я вскинул руки вверх. — Держи свою девушку подальше от моей, и все будет в порядке.

— У тебя нет девушки, — медленно ответил он с выражением замешательства.

— Меня, — поправил я, взволнованная своей ошибкой. — Держи ее подальше от меня, и у нас не будет проблем.

— Итак, что теперь будет? — Спросил Кормак, лицо исказила болезненная гримаса. — У нас будут проблемы с совместной игрой после этого?

— Нет.

— Нет. — Его брови взлетели вверх. — Почему нет?

— Потому что я недостаточно туп, чтобы позволить такой девчонке трахать мою голову, — выпалил я. — Ты достойный вингер, и ты нужен команде. Я был бы эгоистичным ублюдком, если бы позволил своим личным проблемам повлиять на команду.

— А Белла? Спросил Кормак после долгой паузы. — Ты собираешься создавать проблемы ей?

— Потому что ты с ней? Нет, — сказал я ему. — Но если у нее появятся проблемы с Шэннон? Абсолютно.

— Шэннон?

— Да, Шэннон, — выпалил я, теперь уже резким тоном.

Кормак тупо уставился на меня.

— Кто такая Шэннон?

— Шэннон — причина, по которой ты закончишь со сломанной челюстью.

— Какого черта?

— Белла угрожала пойти за ней, — прорычал я. — Если это случится, я тебя убью.

Он побледнел.

— Почему я?

— Не могу ударить девушку, а это значит, что я приду за следующей лучшей частью, — объяснил я. — Так что, имей в виду, что каждый раз, когда твоя Белла решит угрожать, распространять неприятные слухи или иметь проблемы с моей Шэннон, я отплачу тебе тем же. Каждый раз, черт возьми.

Кормак заметно побледнел, и изображение, хотя и слегка туманное, было чрезвычайно приятным.

— Хорошо, — проворчал я, вытаскивая телефон из кармана, чтобы вызвать такси. — Рад, что мы понимаем друг друга.

Тряхнув головой, я пару раз моргнул, чтобы прояснить зрение, открыл телефонную

книгу и набрал номер с надписью «Толстый Пэджи».

Чертов Гибси.

Я должен был знать лучше, чем оставлять свой телефон наедине с ним, когда пошел в душ. В последний раз, когда он получил доступ к моему телефону, он переименовал мою маму в «Сахарные сиськи и Дьявольская киска».

Это было все дерьмо и хихиканье, пока «Сахарные сиськи» не написала мне посреди ночи, требуя, чтобы я спустился вниз и открыл входную дверь, потому что она стояла снаружи и хотела зайти внутрь.

Не зная, кто, черт возьми, пишет мне, я ответил с большим количеством ругательств, чем планировал, прежде чем пригрозить вызвать полицию. На собственную мать.

Поговорим о чертовом недоразумении.

— Ты хочешь это обсудить? — Спросил Кормак, отвлекая меня от моей миссии по доставке моей пьяной задницы домой, когда он протянул мне руку.

— Убери от меня эту чертову шутку. — Я хмуро посмотрел на его руку, когда поднес телефон к уху. — Я знаю, где это было.

Выражение его лица потемнело, но у него хватило здравого смысла не испытывать судьбу на ночь.

Сдержанно кивнув, Кормак развернулся и пошел обратно в бар.

Когда прозвенел номер Толстяка Пэджи, я попробовал еще пять раз, прежде чем сдаться.

Местные такси выключали свои телефоны субботними вечерами, когда было много народу, и, судя по огромному количеству людей на улицах сегодня вечером, я знал, что мне придется ждать чертовски долго, чтобы добраться домой.

Расстроенный, я снова обратил внимание на свой телефон и пролистал свои контакты, ища имя Хьюи.

— Этот маленький ублюдок, — выругался я, когда понял, что Гибси в очередной раз изменил имя каждого контакта в моем списке.

Сахарные сиськи и Дьявольская киска когда-то были против присутствия в моих контактах, наряду с новыми, такими как Big Daddy G, Фанни Флэпс, Звони, если арестован. Не звони, если арестован.

Нажав на этот конкретный контакт, я узнал номер Кормака.

Он мог бы оставаться таким.

Дьявольская киска тоже.

Я потратил смешное количество времени, пытаясь найти номер Хьюи, потому что не мог понять, кто есть кто в моем телефоне.

После того, как я случайно набрал контакт «Случайный секс» и услышал голос тренера Малкахи на другой линии, я быстро повесил трубку. Отменив еще один входящий звонок от «Короля Клитора», потому что кто в здравом уме ответит на указанный номер, я выключил телефон и сунул его обратно в карман.

Взбешенный, я перешел через дорогу в магазин чипсов и заказал полдюжины чизбургеров и два пакета чипсов.

Теперь мне не нужно следить за своей диетой.

Не тогда, когда мое тело было одержимо желанием отказаться от меня.

Привалившись к стене возле измельчителя, я проглотил все и запил бутылкой воды.

Жир показался мне незнакомым на вкус, и я знал, что завтра за это заплачу, но сейчас мне было все равно.

— Джонни Кавана? — смутно знакомый голос позвал меня по имени. — Это ты?

Я поднял взгляд и увидел высокого парня примерно моего возраста, который выжидающе смотрел на меня.

Его рука была перекинута через плечо привлекательной блондинки.

Фанат или друг?

Друг или фанат?

Я попытался поместить лицо и не смог, поэтому выбрал веер.

— Сегодня никаких фотографий, ребята, — выпалил я невнятным тоном. — Джонни взял тайм-аут.

Парень засмеялся, но не сделал ни малейшего движения, чтобы сунуть камеру мне в лицо, что было к лучшему, учитывая мое текущее состояние.

Вместо этого он шокировал меня до чертиков, сказав:

— Я говорил с тобой по телефону на прошлой неделе. Ты знаешь мою сестру, Шэннон. Ты подвез ее домой со школы.

Моя голова резко поднялась, и я обнаружил, что еще больше сосредоточился на парне передо мной.

— Ты тот, кто бросает ... — Я сделал паузу и попытался вспомнить его имя. — Джоуи! — Я выпалил, гордясь собой за то, что мне удалось получить эту информацию в моем состоянии. — Джоуи-метатель и Шэннон, *как река*.

— *Как река?* — девушка усмехнулась. — Боже, сколько ты выпил?

— Судя по всему, речной груз, — криво усмехнулся Джоуи, глядя на меня с любопытством. — Думаю, тебе стоит отправиться домой, чувак, — он добавил. — Ты выглядишь довольно хорошо смазанным.

— Сделал бы, если бы мог, — признался я с ворчанием. — Такси нет.

— Конечно, мы можем тебя подвезти, не так ли, детка? — объявила девушка, указывая вниз по улице. — Мы припарковались дальше по дороге.

Я открыл рот, чтобы возразить, но вместо этого сказал:

— Это было бы здорово, спасибо.

— Да, конечно, без проблем, — согласился Джоуи, выглядя немного удивленным. Он неловко поерзал минуту, затем наклонил голову. — Поехали.

Мне удалось встать, но потребовалось много усилий, чтобы удержаться на ногах. Ударившись плечом о стену, мне удалось сохранить равновесие, когда я последовал за ними.

К счастью, девушка, которая предположительно была девушкой Джоуи, не соврала, когда сказала, что они припарковались дальше по дороге.

Еще несколько спотыкающихся шагов, и мы достигли красной Опаловой Корсы.

По крайней мере, я так думал.

Было трудно сказать, потому что у меня кружилась голова, а машина была похожа на ведро ржавчины.

Черт возьми, я был не в том состоянии, чтобы подвергать сомнению их методы передвижения.

Я был невероятно благодарен за то, что меня подвезут.

— Кстати, я Ифа Моллой, — объявила девушка, одарив меня ослепительной улыбкой, прежде чем обойти машину и сесть на пассажирское сиденье. — Девушка Джоуи-метателя. — Она хихикнула над этим последним кусочком, прежде чем забраться на переднее сиденье.

— Приятно познакомиться, — ответил я, прижимаясь всем весом к машине, пока Джоуи открывал дверь со стороны водителя, а затем закатил сиденье вперед.

— Три двери, — сказал он в качестве объяснения. — Тебе придется залезть на заднее сиденье

— Все в порядке, парень. — Я оторвался от стены и навалился всем весом на машину, прежде чем протиснуться в крошечное пространство.

Мои усилия были примерно такими же эффективными, как плавание бумажного кораблика, потому что Джоуи пришлось толкать меня в спину, чтобы затащить внутрь.

— Господи, — пробормотал я, когда, наконец, вошел.

Опускаясь на середину сиденья, мне пришлось повернуться боком, чтобы мои ноги были обращены к боковому окну, чтобы Джоуи мог отодвинуть свое сиденье.

— Ты в порядке, Кавана? — он крикнул, когда забрался внутрь и отодвинул свое сиденье еще на пять дюймов.

— Все хорошо, — прохрипел я, зажатый между спинкой его сиденья и моим. — Еще раз спасибо, что подвезете.

— Не беспокойся, — ответил Джоуи. Он наклонился и поцеловал в губы свою девушку, прежде чем пристегнуть ремень безопасности. — Куда мы направляемся?

“Прямоком к тебе домой, потому что я хочу трахнуть твою сестру,” — подумал я про себя, ухмыльнулся невероятной идее, а затем прогнал сумасшедшую мысль, покачивая головой.

“Наверное, я тоже люблю ее,” — размышлял я про себя чертовски много, прежде чем выплеснуть это безумие.

Справься сам, мудака!

— Примерно в четырех милях по другую сторону колледжа Томмен, — пробормотал я невнятно.

Я попытался найти свой ремень безопасности, но мои неуклюжие руки не слушались.

— Выезжайте на главную дорогу в город. — Отказавшись от поисков своего ремня, я откинул голову назад и вздохнул. — Я скажу вам, когда мы до него доберемся.

— Не беспокойся.

Он завел двигатель и только выехал на дорогу, как я почувствовал, что машина внезапно затормозила.

— Какого хрена? — Джоуи закричал за секунду до того, как две руки опустились на капот его машины. — Отвали от моей машины, мудака!

— Ты крадешь моего Центра, — прорычал Гибси в окно, перегнувшись через капот машины. — Верни его. — Его глаза метнулись от Джоуи ко мне, искрясь узнаванием. — Привет, Кэп. — Он ухмыльнулся, склонив голову набок. — Как дела? Я повсюду искал тебя.

— А этот клоун кто? — Спросил Джоуи насмешливым тоном, сосредоточив внимание на Гибси, который вел односторонний разговор со мной через ветровое стекло своей машины.

— Он мой фланговый игрок, — проворчал я, прежде чем снова обратить свое внимание на мужчину-ребенка, обнимающего капот. — Гибс! Какого хрена ты творишь, парень! — Я рывкнул, глядя в лобовое стекло. — Ты должен был пойти домой с Хьюи.

— Полиция остановила его из-за налогов и страховки, — крикнул он через ветровое стекло, как будто это ответило на мой вопрос.

Я разинул рот.

— И что? Хьюи честен.

— Он посмотрел на меня, Джонни. Светил своим большим гребаным фонарем прямо мне в глаза, — крикнул он в ответ. — Я запаниковал и выскочил из машины. — Пожав плечами, он добавил: — С тех пор я бегая по городу. — Он прищурился. — Я пытался дозвониться до тебя, но ты продолжал сбрасывать меня!

Я уставился на него.

— Ты “Король Клитор”?

— О, да, — хихикнул Гибси. — Я забыл об этом.

— Как ты записал Хьюи?

— Рыжие волосы на лобке, — ответил он, как будто это была самая очевидная вещь на свете.

Это было не так.

— Он блондин, — прорычала я.

— Его девушка нет.

— Господи Иисусе, — простонал я, потирая лоб.

— Что ты хочешь, чтобы я с ним сделал? — Спросил Джоуи.

Я пожал плечами и подумал, не сказать ли ему, чтобы он переехал этого надоедливого ублюдка, но потом понял, что мне будет ужасно одиноко без него.

И, честно говоря, он получил несколько ударов, защищая мою честь сегодня вечером.

— Вероятно, мне следует вернуть его к себе, — неохотно признался я. — Или в охраняемую больницу.

Джоуи пробормотал что-то бессвязное себе под нос и вылез.

Это звучало примерно так:

— Вам, двум ублюдкам, лучше не блевать в этой машине.

Я не давал никаких обещаний.

Мой приятель был готов сделать это.

Потянув за сиденье, Джоуи подтащил его вперед и велел пьяному Гибси забраться внутрь.

Он сел.

Но вместо того, чтобы залезть или заползти внутрь, ублюдок бросился на заднее сиденье.

— Черт! — Я взревел, согнувшись пополам от боли, когда его локоть угодил мне в промежность.

Вот и твой последний выстрел прямо здесь...

— Черт, чувак, я задел твой член? — Гибси что-то невнятно бормотал, пытаясь перелезть через меня, но безуспешно. — Я принесу лед для твоих яиц, когда мы вернемся домой.

— Отстань от меня, — выдавил я, совершенно уверенный, что становлюсь фиолетовым от боли, когда он перелез через сиденье, толкая меня локтями и коленями.

Наконец, ему удалось перетащить свою задницу на другую сторону сиденья.

— Господи, — задумчиво произнес он, устраиваясь рядом со мной. — Это самая узкая дыра, в которой я был за последние месяцы.

Джоуи забрался обратно и завел двигатель, прежде чем быстро рвануть вниз по улице.

— Надеюсь, таких, как вы, больше нет, — сказал он. — Мест нет.

— Прости, — начал я говорить, но был прерван Гибси.

— Это его вина — жирного ублюдка, — объявил он. Повернувшись ко мне лицом, он добавил: — Эй, чувак, с твоим членом все в порядке? Я действительно сожалею об этом. Надеюсь, я не раздавил тебе яйца.

Я сузила глаза, глядя на него.

— Иди нахуй, Джерард.

— Я был искренен, Джонатан, — проговорил он, уязвленный.

— За это ты можешь получить свой собственный лед сегодня вечером — держись!

Схватив меня за рубашку, он притянул меня к себе и понюхал мой рот.

— Ты предатель! — выдавил он с комичным ужасом. — Ты пошел в «chipper»!

— Да, я это сделал, — ответил я, отталкивая его. — И это было чертовски вкусно, и я ни о чем не жалею.

— Что ты съел?

— Несколько чизбургеров и чипсы с карри.

— Как это было на вкус?

— Лучше, чем секс.

— Мы должны быть на диете! — Гибси зашипел в ужасе, прежде чем быстро спросить:

— Ты мне что-нибудь взял?

— Да, я купил тебе бургер.

— Спасибо, Джонни.

— А потом я проголодался и съел его.

— Ты монстр.

— Вы двое такие странные, — засмеялась Ифа. — Разве они не забавные, Джоуи?

— Они — это что-то, да, — ответил брат Шэннон.

— Привет. — Внезапно осознав, что он находится в компании незнакомцев, Гибси перегнулся через середину их сидений и спросил: — Кто вы, черт возьми, такие, ребята?

— Джонни дружит с сестрой моего парня, — объяснила Ифа.

— Сестра? — Это слово, казалось, смутило Гибси, который несколько мгновений тупо смотрел на меня.

Вознеся молитву к небесам, чтобы он смог контролировать себя, я кивнул и сказал:

— Шэннон.

Гибси откинулся на спинку стула рядом со мной и нахмурился.

— Шэннон?

— Да, Шэннон. — Я уставился на него.

Затем глаза Гибси расширились, его внезапно осенило.

— О, Шэннон! — воскликнул он. — Ах, да, малышка Шэннон с третьего курса. — Ухмыляясь, он ткнул меня локтем в ребра. — Джонни испытывает сильную слабость к твоей сестре.

— Это правда? — Джоуи ответил жестко.

О черт.

— Да, он всегда присматривает за ней в школе, — добавил Гибси, подмигнув. — Убеждается, что она не попадет ни в какие неприятности.

Я подавил стон и сопротивлялся желанию обхватить его руками за шею и задушить его.

Честно говоря, могло быть и хуже.

Гибси был способен сказать гораздо хуже.

— Это мило, — вмешалась Ифа, и я заметил, как она положила руку на колено своего

парня. — Разве это не мило с его стороны, Джо?

— Почему? — Спросил Джоуи жестким и подозрительным тоном. — Зачем ты это делаешь?

Я тяжело вздохнул и попытался придумать что-нибудь правдоподобное.

— Потому что я трахнул её...

— Ты что? — Джоуи взревел, ударив по тормозам.

Внезапный толчок от остановки машины заставил нас с Гибси броситься вперед.

Обернувшись, Джоуи уставился на меня.

— Лучше бы тебе сейчас валять дурака, Кавана, потому что, клянусь Христом, я буду...

— Конеч! — Я поспешил объяснить, усаживаясь обратно на сиденье. — У нас были проблемы с ней в ее первый день. Смутил ее на поле, когда нокаутировал ее.

Но я хочу ее трахнуть...

Я так сильно хочу твою сестру, что ты не поверишь...

То, что я представляю, что я с ней сделаю, шокировало бы тебя...

Я подождал, пока убийственный взгляд в его глазах исчезнет, прежде чем продолжить.

— Я подумал, что в долгу перед девушкой, поэтому просто следил за всем — следил, чтобы она хорошо устроилась. Нелегко учиться в новой школе. — Пожав плечами, я добавил: — Не хотел, чтобы она получала ненужное дерьмо.

Я был легкой добычей, ожидающей, когда ее брат сделает следующий ход.

Если бы Джоуи ударил меня, я бы не ударил в ответ.

Я бы не стал мстить.

Это было самое страшное в этой ситуации.

Сажу в его машине, пьяный в стельку, зная, что я более чем способен выбить из него дерьмо, но зная, что я этого не сделаю.

Из-за нее.

Потому что он был важен для нее.

Потому что, если я ударю его, я причиню ей боль.

А причинить ей боль — плохо.

Причинение ей боли заставило меня захотеть причинить боль кому-нибудь посильнее.

Это заключение было более запутанное и сложное, чем моя пьяная задница могла понять.

Джоуи не ответил, но он обратил свое внимание на дорогу и снова начал движение.

Я вздохнул с облегчением.

Повернувшись к Гибси, я одними губами произнес:

— Держи рот на замке.

Он ответил театральным движением пальца ко рту.

Когда мы добрались до поворота к моему дому полчаса спустя, я пробормотал несколько коротких указаний.

Джоуи ответил коротким кивком и повернул направо, съезжая с главной дороги на шаткую второстепенную дорогу, которая вела ко входу в собственность.

Теперь я чувствовал себя более трезвым — я думаю, что близкая встреча со смертью от рук брата Шэннон пробудила во мне немного здравого смысла и отрезвила мою задницу.

Хотел бы я, чтобы то же самое можно было сказать о Гибси, который вырубился рядом со мной, храпя, как медведь гризли.

Когда Джоуи подъехал к воротам участка, я сказал:

— Мы можем выйти здесь, чувак.

— Так вот где ты живешь? — Спросил брат Шэннон, заговорив впервые с тех пор, как наше недопонимание стало почти катастрофой.

Его внимание было приковано к огромным чугунным воротам с уродливыми орлами на каждой колонне.

— Как далеко по этой дороге до твоего дома? — он спросил.

— Около четверти мили.

— Тебе никогда не удастся заставить его зайти так далеко, — пробормотал он. — Я подвезу тебя до двери.

— 310587, — я ввел код, который, так уж случилось, оказался датой моего рождения. — Просто введите это в панель вон там, и ворота откроются для вас.

Джоуи ввел код в панель и подождал, пока ворота откроются внутрь.

— Опять же, я ценю это, — я почувствовал необходимость упомянуть. — Я знаю, что это не по-твоему.

— Просто возвращаю услугу, — ответил он, направляясь по узкому переулку к дому.

— Это место потрясающее, — сказала Ифа с мечтательным вздохом. — Посмотри на все деревья и — о, боже мой! Посмотри на размер этого дома, — пропищала она, когда дом появился в поле зрения, освещенный, как чертова рождественская елка.

Мама была чертовским параноиком из-за того, что потенциальные грабители думали, что дом пуст, поэтому у нее повсюду были установлены автоматические датчики и синхронизированное освещение.

Во дворе.

В доме.

На лужайке.

Это было смешно, но пьяный я был благодарен за освещение.

Джоуи заглушил двигатель и вылез, подогнав сиденье как можно дальше вперед.

Я был намного устойчивее на ногах, когда выходил, чем когда забирался внутрь.

— Еще раз спасибо, — сказал я, прежде чем залезть на заднее сиденье и вытащить спящую красавицу из машины. — Я у тебя в долгу.

Обхватив рукой талию все еще полусонного Гибси, я потащил его к входной двери и попытался вытащить ключи.

Не сумев вытащить их из кармана джинсов, я бросил его на задницу и долго сражался со своими джинсами, прежде чем, наконец, вытащил ключи.

— Остановись, пожалуйста, я чувствительный, — простонал Гибси, прежде чем свернуться калачиком, храп возобновился.

— Давай, — объявил Джоуи, когда мне удалось проткнуть деревянную раму ключом, промахнувшись мимо замочной скважины на добрых три дюйма. — Позволь мне помочь тебе.

Благодарный за вмешательство, я передал свои ключи и обратил внимание на своего друга.

— Вставай, — прорычал я, подталкивая его ногой. — Мы дома.

Ублюдок не сдвинулся с места.

— Гибси! — Я рявкнул.

Ничего, кроме храпа.

Черт возьми.

Разочарованно вздохнув, я наклонился, схватил его за плечи и попытался оторвать от земли.

Джоуи, у которого была открыта дверь, подошел и помог мне поднять его.

Я был не в том положении, чтобы отказываться от его помощи, поэтому, когда каждый из нас встал на чью-то сторону, мы потащили его тяжелую задницу в дом.

— Брось его сюда, — приказал я, указывая на гостиную.

— Ты уверен? — Спросил Джоуи, включив свет. — Этот диван белый, чувак.

— Это кожа, — пробормотал я, слишком уставший и измученный, чтобы беспокоиться о мамином наборе из трех предметов. Перебравшись на диван, мы бросили Гибси на пол. — Если его стошнит, утром он будет убирать это сам.

— Достаточно справедливо, — ответил Джоуи, пожав плечами, прежде чем развернуться и направиться к двери.

Я плелся за ним, не зная, что сказать.

Эта ночь превратилась из депрессивной в приводящую в бешенство и совершенно запутанную за считанные часы.

— Послушай, — сказал Джоуи, когда он вышел на гравий. — О Шэннон.

“Поехали”, — подумал я про себя.

Я ждал этого с тех пор, как забрался в его дерьмовую машину.

Веди себя прилично, Кав, держи рот на замке.

— А что насчет Шэннон? — Спросил я, прислонившись к дверному косяку.

— Она хрупкая, — прямо сказал он. — Уязвимая.

— Да. — Мой голос был грубым, поэтому я прочистил горло и попробовал снова. — Я, эм, уже догадался об этом?

Джоуи кивнул и засунул руки в карманы.

Я держал рот на замке, ожидая, что он продолжит.

— Что я пытаюсь здесь сказать, так это то, что я ценю, что ты заботишься о моей сестре, — наконец сказал он. — У нее были трудные несколько лет, и Томмен, похоже, подходит ей. Так что, я надеюсь, что ты продолжишь присматривать за ней в школе — ну, знаешь, следить, чтобы никто не доставлял ей хлопот.

Мои брови взлетели вверх.

— Ах, да, конечно. Это не проблема.

Он снова кивнул, теперь его слова выговаривались быстрее.

— Кажется, она устраивается в Томмен и продолжает говорить мне, что дети хорошо к ней относятся, но я в VCS, поэтому не могу сказать, в порядке она или нет, и она никогда никому не рассказывает, что происходит в ее голове, пока не становится слишком поздно.

Я нахмурился.

— Слишком поздно?

— Стервозное девчачье дерьмо, — объяснил он. — У моей сестры была мишень на спине с тех пор, как она была в подгузниках.

— Это довольно запутанно, — пробормотал я, уже зная все это, но имея здравый смысл не говорить об этом ее брату.

— Дети жестоки, — согласился он.

— Они, конечно, такие, — пробормотал я.

Он долго смотрел на меня, прежде чем сказать:

— Ты собираешься рассказать мне об этом?

О, Господи.

Что?

Какого черта он хотел, чтобы я ему сказал?

Я ломал голову и ничего не придумал, поэтому держал рот на замке.

— Парень Сиары Мэлони, — вставил Джоуи, странно посмотрев на меня. — Какой-то парень из Томмен вчера избил его до полусмерти в городе.

— О? — Я выгнул бровь и скрестил руки на груди. — Это так?

Джоуи ухмыльнулся.

— Да, это так.

— Ну, я надеюсь, что он его уделал, — невнятно пробормотал я, чувствуя, как мое тело дрожит от гнева при воспоминании об этих противных гребаных девчонках. — Слышал, что его подружка — сука.

— Я слышал, что он в плохом состоянии, — ответил Джоуи. — Сломанный нос.

— Какой ужас, — протянула я.

Джоуи уставился на меня в течение еще одной долгой паузы, прежде чем покачать головой.

— В любом случае, я просто хотел, чтобы ты знал, что я ценю, что у моей сестры есть кто-то, кто присматривает за ней. Когда я не могу.

Он повернулся, чтобы уйти, но тут же развернулся.

— Друг. — Его слово имело значение. — Моей сестре нужен друг, Кавана, — пояснил он. — Ей не нужно возлагать надежды на парня, который уйдет летом.

Я услышал его предупреждение громко и ясно.

Мой чертовый мозг мог не прислушаться к предупреждению, но я определенно его услышал.

Не сказав больше ни слова, Джоуи развернулся и ушел, оставив меня стоять в дверях, глядя ему вслед, думая только о двух вещах.

Первое: найти пакет со льдом для моих яиц.

Второе: фантазировать обо всех ужасно неуместных вещах, которые я хотел сделать с его сестрой.

Глава 32. Выходные и братья-демоны

Шэннон

— Я думаю, тебе нужно купить этой девушке кольцо, Джо, — объявила я, читая, а затем снова перечитывая записку, которую Ифа оставила на прикроватном тумбочке моего брата в воскресенье утром. — Она твоя хранительница.

— Да, — пробормотал Джоуи, почесывая челюсть. — Она, должно быть, действительно любит меня?

— Э-э, ты думаешь? — Я закатила глаза. — Она тебя обожает.

— Но я не понимаю, почему она делает это для меня.

— Я тоже, — передразнила я. — Особенно, когда ты так похож на Шрека.

— Дерзкая сучка, — усмехнулся он, шутливо толкая меня. — Дай мне еще раз взглянуть на эту записку.

Я протянула ему записку — ту же записку, которую он уже прочитал по меньшей мере дюжину раз, — а затем подошла к кухонному столу со своей кружкой чая.

Сев, я наблюдал, как мой брат снова читает записку, в замешательстве нахмутив брови.

— Почему она это сделала, Шэн? — Качая головой, он ходил от шкафа к шкафу, открывая и закрывая их. — Должно быть, она встала рано утром, чтобы сделать это. — Он открыл холодильник, показывая стопку продуктов внутри. — Это, должно быть, стоило ей целого состояния.

Джоуи был прав. Ифа, должно быть, рано встала, чтобы сделать это, учитывая, что сейчас одиннадцать часов утра.

Он также был прав насчет того, что это стоило ей целого состояния.

Я нашла в корзине чек о покупке на 143,67 евро.

— Здесь сказано, что она вернется около часа дня с мальчиками, — добавил он, перечитывая записку, над которой размышлял с тех пор, как проснулся. — Сначала они пойдут на игровую площадку, а потом на поле, чтобы поиграть.

— Ты это видел? — Спросила я, просматривая семь аккуратно сложенных конвертов, помеченных по дням недели.

Встряхивая один из маленьких коричневых конвертов в руке, я улыбнулась, услышав звон монет.

— Твоя девушка распределила твои деньги на ежедневные траты по бумажным конвертам.

Джоуи уставился на меня.

— Что?

— Ага, — хихикнула я, складывая конверт для вторника обратно в стопку.

— Ни за что, черт возьми, — пробормотал он, подходя туда, где я была, и взял горсть крошечных прямоугольных конвертов.

— И она нарисовала на них маленькие сердечки для тебя, — хихикнула я. — Это так мило.

— Это нормально злиться на человека, потому что он любит тебя? — спросил мой брат, в замешательстве разглядывая конверты. Он обратил на меня свои зеленые глаза. — Это нормально?

— Почему ты спрашиваешь меня? — Я неловко пожала плечами. — У меня нет опыта в подобных вещах.

— *О, вы только посмотрите на это,* — сказал он со вздохом, указывая на банкноту в 20 евро, спрятанную под ключами от машины Ифы, и прикрепленную рядом записку с надписью: *“Деньги для завтрака Джоуи и Шэннон.”*

Заглавными буквами под этим были слова:

“Накорми свою сестру, детка. Она слишком худая.”

— Моя девушка оставила мне карманные деньги. — Тон Джоуи был пропитан сарказмом. — Господи Иисусе, Шэн.

— Не злись на нее, — сказал я ему. — Она пытается нам помочь.

— Я знаю. — Он сжал пальцами переносицу и тяжело выдохнул. — И я не злюсь. Я просто не знаю, как с этим справиться.

— Может быть, просто сказать “спасибо”? — Я предложила. — И “я тоже тебя люблю”? Или цветы? Они тоже хороши для благодарности.

Джоуи ухмыльнулся.

— Ты полна идей, не так ли?

Я улыбнулась ему в ответ, а затем вздохнула, заставляя себя задуматься об очевидной проблеме — или ее отсутствию.

— Как ты думаешь, мама скоро вернется домой?

Свет в глазах моего брата померк.

— Мне действительно плевать, что она делает, Шэн, — натянуто ответил он. — До тех пор, пока этот придурок держится подальше от этого дома.

Он вернется, Джоуи.

Ты это знаешь.

Перестань лгать себе

— Да. — Я начала грызть ноготь, обдумывая его ответ на мгновение, прежде чем спросить:

— Что мы будем делать, если мама не вернется, Джо?

На этом мое беспокойство не закончилось.

Из-за моей мамой. Потому что она никогда раньше не оставляла нас на ночь вот так.

— Мы справимся, Шэн, — ответил Джоуи. — Как мы всегда делали.

— А школа? — прошептала я.

— Бабушка вернется домой из Беары сегодня вечером, — заявил Джоуи серьезным тоном. — Она будет присматривать за мальчиками так же, как она всегда делает со школой и остальным. — Он провел рукой по лицу, прежде чем добавить:

— Все, что нам нужно делать, это следить за домом, оплачивать счета, упаковывать им обед по утрам и быть здесь ночью, когда бабушка привозит их обратно.

— Я должна была отправиться в школьную поездку после Пасхи, но если мамы не будет дома, я отменю...

— Нет, — рявкнул он. — Ты этого не сделаешь.

— Джоуи. — Я вздохнула. — Если мама к тому времени не вернется, ты не сможешь позаботиться о мальчиках самостоятельно.

— Я не буду один, — возразил он. — Я уже говорил тебе, что бабушка поможет, и Ифа тоже. Ты ни за что не пропустишь это путешествие. Тебе нужно выбраться из этой дыры, Шэн. Больше, чем любому из нас.

— Ты уверен? — Я выдавила.

Он кивнул.

Сделав ровный вдох, я сказала:

— Я знаю, что не часто говорю это, но хочу, чтобы ты знал, что я люблю тебя и так чертовски благодарна, что ты мой старший брат.

Джоуи скривился.

— Ты становишься нежной со мной, сестренка?

— Нет. — Я покраснела. — Я просто хочу, чтобы ты знал, что важен для нас. И мы ценим все, что ты делаешь для нас.

Не оставляй нас.

Пожалуйста, никогда не покидай меня.

— Что ж, взаимно, малыш, — ответила она, выглядя немного неловко.

— Когда-нибудь ты станешь отличным отцом, — решила я подразнить его и поставить в еще более неловкое положение.

Джоуи фыркнул.

— Да, этого, блядь, никогда не будет.

Я подмигнула.

— Никогда не говори никогда, Джо.

— Поверь мне, я более чем достаточно играл роль папочки для детей другого человека, чтобы мне хватило на всю жизнь, — проговорил он. — А теперь иди наверх и переоденься, и мы зайдем в магазин за рулетом из куриного филе.

— Холодильник уже полон, — сообщила я ему.

— Да. — Он ухмыльнулся. — Но моя девушка оставила мне указания, и я не настолько туп, чтобы игнорировать их.

Я ничего не ела со вчерашнего дня, и мой желудок урчал в предвкушении.

— Картофельные оладьи, — практически промурлыкала я, думая о том, что смогу съесть. — И немного желе и банку кока-колы.

Вскочив со стула, я поспешила к лестнице, думая о еде.

— Подожди, Шэн. Чуть не забыл... — Прервавшись на полуслове, Джоуи прошел на кухню, вернувшись через несколько мгновений с небольшим подарочным пакетом в руках.

Джоуи вручил мне подарок, а затем взъерошил мои волосы.

— С шестнадцатилетием тебя, Шэн.

— Спасибо, Джоуи. — Я просияла, сжимая то, что, как я уже знала, было компакт-диск под розовой оберточной бумагой.

— Я бы принес тебе больше, если бы мог, — сказал он мне, смущенно пожимая плечами. — И я забыл взять карточку...

— Остановись, — сказала я ему, опустившись на ступеньку лестницы и разорвав бумагу, чтобы продолжить с волнением. — Альбом Макфлая! — Широко раскрыв глаза от волнения, я устала на компакт-диск в своей руке и улыбнулась. — Я действительно хотела его.

— Я знаю, — фыркнул он. — Ты такая девочка. — Сунув руку в карман джинсов, он бросил мне на колени еще одну коробку. — Это от Ифа, — объяснил Джоуи.

Взволнованная перспективой получить второй подарок, я разорвала оберточную бумагу в горошек и ахнула, когда увидел, что внутри.

— Вау, — выдохнула я, уставившись на дизайнерский флакон духов в моих руках. — Это, должно быть, стоило ей целого состояния.

— Она, должно быть, тоже тебя любит, — передразнил Джоуи.

Я закатила глаза.

— Ага.

— Поторопись и переоденься, — приказал он, направляясь к входной двери. — Я буду ждать в машине.

Ворвавшись в свою комнату с подарками в руках, я аккуратно положила их на комод, прежде чем снять пижаму. Натянув джемпер и спортивные штаны, я разорвала коробку, в которой был мой новый флакон духов, обрызгала себя с ног до головы, а затем помчалась за Джоуи.

Сунув ноги в кроссовки в холле, я схватила пальто с перил и поспешила на улицу к машине. В ту минуту, когда я забралась на пассажирское сиденье, запах алкоголя атаковал меня.

— Господи, Джоуи, — закашлялась я, опуская окно. — Здесь пахнет, как на пивоварне.

— Я знаю, — ответил Джоуи, заводя двигатель и отъезжая от тротуара. — Ты можешь винить в этом своих друзей из Томмен.

— Моих друзей? — Я покачала головой и уставилась на его профиль сбоку. — О чем ты говоришь?

— Джонни Кавана, — заявил Джоуи. — Вчерашний вечер закончился тем, что мы отвезли его домой из паба.

— О.

Подожди.

Что?

— Ты отвез Джонни домой? — Я ненавидела то, что мой голос стал таким громким и пронзительным. — Когда... Как... Почему?

— Простой ночью, когда мы забирали еду на вынос, — объяснил Джоуи, выезжая из дома на главную дорогу. — Его побили в «chipper». Он был в плохом состоянии.

— Он был в плохом состоянии?

О боже.

Беспокойство наполнило мою грудь.

— Что с ним случилось?

— Он был пьян в стельку, — проворчал Джоуи. — Его друг напился еще сильнее.

— Его друг? — спросила я, стараясь скрыть эмоции в своем голосе. — Его... девушка?

— Не-а, какой-то большой блондинистый ублюдок, — поправил Джоуи, и я мысленно вздохнула с облегчением. — Я думаю, его звали Гасси или Джилли или что-то в этом роде.

— Гибси, — тихо отвечаю я, вспоминая о том, как эти двое неразлучны в школе.

— Да, он самый. — Джоуи кивнул, затем издал тихий смешок.

— Гребаный идиот бросился на крышу машины, требуя, чтобы я вернул ему его центрового. — Смеясь, он добавил:

— Он выглядел серьезным. Как будто искренне думал, что я похищаю Кавана.

Мои брови нахмурились.

— Почему Гибси назвал Джонни центровым?

— Позиция Джонни — центральная, — объяснил он. — Его номер 13.

О, да, я знала это.

Я вспомнила его футболку.

— Итак, ты подбросил их обоих домой? — Спросила я, чувствуя тепло. — В дом

Джонни?

— Да, — подтвердил мой брат. — Пришлось помочь Каване отнести этого парня Гибси в дом. Он не мог передвигаться на ногах, Шэн. Настоящее кровавое месиво. Мы оставили его в гостиной.

— Ты был в доме Джонни?

Мой мозг лихорадочно соображал, пытаюсь переварить все, что говорил мне мой брат.

Он был с Джонни прошлой ночью.

Он был у него дома.

Он был внутри его дома.

Я хотела спросить его, спрашивал ли он обо мне, но мне удалось не дать этому вопросу сорваться с моих губ.

— Да, Шэн, и, Христос, судя по их имуществу, его семья должна быть отчеканена. — Джоуи выдохнул. — Никогда в жизни не видел ничего более причудливого...

Звук телефонного звонка прорезал воздух, отвлекая нас обоих. Мы оба похлопали себя по карманам.

— Не мой, — заявил Джоуи.

— И не мой, — пробормотала я, глядя на приборную панель, а затем на пол у моих ног.

Звонок прервался, а затем возобновился через несколько секунд, громко вибрируя.

— Проверь заднее сиденье, — попросил Джоуи, съезжая на обочину и включая аварийные огни.

Отстегнув ремень, я проползла между сиденьями и упала на заднее сиденье, мои глаза метались в поиске телефона.

— Нашла? — спросил Джоуи, снова выезжая на дорогу.

— Нет.

Опустившись между сиденьями, я заглянула под водительское сиденье.

— О, подожди, здесь! — Воскликнула я, не сводя глаз с телефона, который загорелся и завибрировал на полу. — Я вижу его.

Звонок снова прервался, и я протянула руку, забирая телефон.

Забравшись обратно на сиденье, я быстро пристегнула ремень безопасности, не отрывая глаз от телефона.

— Это телефон Ифы? — Я посмотрела на дорогое устройство. — Она получила новый телефон на Рождество?

— Нет, — ответил Джоуи. — Ее родители подарили ей выпрямитель для волос на Рождество.

Телефон снова начал звонить, экран загорелся, и на нем вспыхнуло имя “Король клитора”.

— Фу, Джо, — простонал я. — Это отвратительно.

— Что?

— Тот, кто звонит по этому номеру, указан как “Король клитора”.

Мой брат откинул голову назад и рассмеялся.

— Это не смешно, — предупредила я, наблюдая, как экран снова гаснет, когда вибрация прекращается. — Это довольно тревожно.

— Это тот парень Гибси. Я слышал, как Джонни ругал его за то, что он менял имена контактов прошлой ночью, — усмехнулся Джоуи. — Он — король клитора.

Телефон снова засветился, завибрировал в моих руках и громко зазвонил.

— Ну, ответь на звонок, — нетерпеливо приказал мой брат. — Он, наверное, ищет его.

— Я не хочу. — Просунув руку между сиденьями, я попыталась сунуть телефон брату. — Ты ответь.

— Как, черт возьми, я должен ответить? — Джоуи зашипел, отбивая мою руку. — Я за рулем, Шэннон. Просто ответь на звонок.

— Нет, — отказалась я, покачав головой. — Они подумают, что мы его украли.

— Нет, они не подумают, что мы его украли, — раздраженно проговорил Джоуи. Звон прекратился, и Джоуи издал рычание. — Когда он зазвонит снова, ответь на этот чертов звонок!

Как по расписанию, телефон зазвонил через пять секунд.

Дрожа, я нажала кнопку «принять» и приложила телефон к уху.

— Э-э, привет?

— Ну, черт, я не ожидал, что кто-нибудь возьмет трубку, — ответил голос на другом конце. — У тебя телефон моего приятеля.

— Да, я знаю. — Закрыв глаза, я прижала тыльную сторону ладони ко лбу и тяжело выдохнула. — Он оставил его в машине моего брата прошлой ночью.

— Прошлая ночь немного туманная, — протянул Гибси вдоль линии. — Итак, возможно, тебе нужно освежить мою память, сообщив мне, кто твой брат?

— Джоуи Линч? — Я выдавила, стараясь не задыхаться прямо перед братом. — Он и его девушка Ифа подбросили вас, ребята, домой из города прошлой ночью. Телефон был у него под сиденьем. — Неловко ерзая, я быстро отказалась от ответственности, сказав: — Я нашла его буквально две минуты назад.

— Нет, — ответил Гибси после долгой паузы. — Я не помню, чтобы такое произошло.

— Ну, это явно произошло, — взволнованно проговорила я. — Учитывая, что телефон твоего друга находится в машине моего брата.

— Малышка Шэннон? — В голосе Гибси звучало удивление. — Это ты?

— Э-э, да. — Мое лицо покрылось краской. — Это я.

— Твой брат сейчас с тобой? — он спросил.

— Да, но он за рулем, поэтому не может взять трубку.

— Он помнит, где высадил нас прошлой ночью?

— Подожди, я спрошу ... — Сделав паузу, я прикрыла рукой трубку и посмотрела на Джоуи. — Они хотят знать, помнишь ли ты, где находится дом.

Джоуи кивнул, и я вернулась к разговору.

— Да, он помнит.

— Можешь включить меня на громкую связь?

— Я попробую. — Нажав на несколько кнопок, я поднесла телефон к уху Джоуи. — Хорошо, теперь ты на громкой связи.

— Привет, чувак, как дела? — Голос Гибси теперь звучал намного громче, хотя он был заметно хриплым.

— Судя по всему, лучше, чем у тебя, — съязвил мой брат. — Что тебе нужно?

— Не могли бы вы передать телефон Кава? — он спросил. — Прости, что тревожу тебя, чувак, но он здесь теряет самообладание. Он чертовски странный, когда дело доходит до его личных вещей.

— Что мне за это будет? — Джоуи сказал в ответ, не пропустив возможности.

— Джоуи, — прошипела я.

Он дерзко ухмыльнулся мне в ответ.

— Черт, чувак, я не знаю, — пробормотал Гибси. — Сэндвич с беконом и чай? У меня не так много всего для обмена.

В ужасе я покачала головой и одними губами сказала «нет», но Джоуи ответил:

— Да, здорово. Мы приедем через тридцать минут.

— Джоуи! — Я умоляла.

— Миллион благодарностей, — ответил Гибси с облегчением. — Спасибо тебе.

— Без проблем, — ответил Джоуи, забирая телефон у меня из рук. — И я люблю, чтобы мои ломтики были хрустящими, — добавил он, прежде чем прервать разговор и бросить телефон на сиденье рядом с ним. — Разворачиваемся.

— Что ты делаешь? — Я зашипела, широко раскрыв глаза. — Мы не поедem туда!

— В чем проблема? — он задал вопрос. — Я думал, вы друзья?

— Я знаю его со школы, Джоуи, — выдавила я. — Это не значит, что я его подруга.

— Расслабься, мы всего лишь передадим ему телефон.

— И ты позавтракаешь!

— Ну, вряд ли я просто так съехал со своего пути. — Джоуи рассмеялся. — Кроме того, я голоден.

— Да, для рулета с куриным филе, — напомнила я ему.

— Я передумал.

— А как насчет Ифы? — Потребовала я. — А мальчики?

— Ифа и дети не вернутся до часу дня, — ответил он. — Она сама так сказала.

— Джоуи, мы не можем пойти туда, — взмолилась я. — Пожалуйста.

— Шэннон Линч, — сказал Джоуи дразнящим тоном. — Ты краснеешь?

— Нет, — проворчала я.

— Ты же знаешь, что я не против того, если он тебе нравится, не так ли? — Джоуи усмехнулся. — Я не такой брат. Все, что я хочу, чтобы ты была осторожна. Я рассказал тебе о нём. Он уедет летом, так что тебе решать, хочешь ли ты заикливаться на ком-то временном.

— Я не заиклилась, — солгала я, чувствуя себя униженной. — Так что брось это.

— Хорошо, — задумчиво произнес Джоуи. — Тогда у тебя не должно возникнуть проблем с остановкой у них, чтобы перекусить.

— Ты можешь делать то, что хочешь. — Надувшись, я скрестила руки на груди и фыркнула. — Я не выйду из этой машины.

Спустя полчаса напряженной тишины мы остановились перед гигантскими железными воротами, выкрашенными в черный цвет, и Джоуи опустил стекло, вытянул руку и что-то набрал на панели.

Несколько мгновений спустя ворота распахнулись.

У меня отвисла челюсть.

— У тебя есть пароль к его воротам? — Мой брат рассмеялся в ответ.

Мы продолжили путь по длинному извилистому переулку, по обе стороны которого росли огромные деревья. Через несколько минут в поле зрения появился дом, и я резко втянула воздух.

О боже.

Это место, где он живет?

Конечно, так оно и есть.

— Вау, — прошептала я про себя, любуясь огромным особняком в викторианском стиле с миллионом окон и самой большой входной дверью, которую я когда-либо видела.

— Я знаю, — согласился Джоуи с восхищенным вздохом.

Прижавшись щекой к окну, я смотрела на раскинувшиеся лужайки и сады, пока звук гравия, хрустящего под шинами, заполнял мои уши. Он был каменно-серого цвета, но был так увит плющом, что выглядел почти величественно.

— Этот дом, как шесть наших, — прошептала я, глядя на особняк. — Только на верхнем уровне двенадцать окон.

Джоуи остановился у входной двери и заглушил двигатель, прежде чем выйти.

— Ты должна увидеть это изнутри, — сказал он, протягивая руку и хватая телефон. — Чертовски красиво.

Я проследила взглядом за Джоуи, когда он подошел к входной двери, постучал один раз, а затем неторопливо вошел внутрь.

Господи.

Мой брат только что вошел в дом Джонни Кавана.

Глава 33. Королевский клитор — это ответственность

Джонни

Я как раз снимал матрас с кровати, когда в мою комнату вошел Гибси, что-то насвистывая себе под нос.

— Я нашел твой телефон, Кав, — гордо объявил он.

— Слава Христу. — Я с облегчением наклонился вперед и бросил свой матрас обратно на кровать. — Где он был?

— В машине Джоуи.

Мои брови взлетели вверх.

— Джоуи-метатель?

Гибси кивнул.

— Очевидно.

— Ты придурок, — проворчал я. — Это все твоя вина.

— Я знаю, — радостно защелкал он. — Но он привезёт его для тебя.

— Да? — Я вздохнул с облегчением. — Честная игра.

Схватив свое одеяло с пола, я бросил его обратно на кровать, а затем осторожно поднял Сьюки обратно.

— Хорошая девочка, — сказал я, чувствуя себя ужасно из-за того, что потревожил ее в первую очередь.

— Это серьезно негигиенично, Джонни, — нахмурившись, заявил Гибси. — Позвольте ей спать на твоей кровати вот так? — Он вздрогнул. — Чертовски откровенно, чувак.

— Ты из тех, кто говорит о негигиеничности? — прорычал я, поворачиваясь к нему лицом. — Она чище тебя. — Я бросил на него злобный взгляд, прежде чем добавить: — По крайней мере, Сьюки не блеванет во сне на диван моей мамы.

— Ты обещал, что больше не будешь поднимать эту тему, — выдавил он, выглядя уязвленным. — Нарушитель обещаний.

— Гибс, — выпалил я, стараясь набраться терпения. — Я устал. Я не спал всю ночь, заботясь о твоей пьяной заднице. Я провел половину ночи, переворачивая тебя на бок, чтобы ты не задохнулся, и обматывая тебя, как истекающего кровью ребенка, а другую половину я провел, вытирая твою рвоту. Ты разгромил гостиную. Ты обмазал ванную внизу блевотиной. Ты чуть не задушил меня до смерти своими пердежами от пива “Гиннесс”, когда я привел тебя сюда. Дай мне несколько часов, чтобы прийти в себя, прежде чем просить меня не поднимать эту тему.

— Ну, по крайней мере, я почистил остатки шлангом, — смущенно ответил Гибси. — А гостиная, холл и ванная вернулись к своему бывшему великолепию.

— Хорошо, — рявкнул я. — То, что ты и должен был сделать. Это твоя гребаная блевотина.

— Ты заставил меня спать на полу, Джонни! — фыркнул он. — Это подло.

— Потому что тебе нельзя доверять хорошие вещи.

— Даже кровать?

— Да, Джерард, даже кровати.

— Да, ну, я твой лучший друг, а ты оставляешь меня на полу, — раздраженно ответил он. — Собака получает часть твоей кровати, а я — гребаный пол.

Я выгнул бровь.

— Ты хочешь сказать, что хочешь спать на моей кровати у меня в ногах?

Гибси несколько секунд смотрел на меня, прежде чем хихикнуть.

— Да, хорошо, я понятия не имею, к чему клоню.

— Я тоже, парень, — пробормотал я, качая головой. — Я тоже.

— Кстати, — сказал Гибси с озорной усмешкой. — Я сказал этому парню Джоуи, что приготовлю ему сэндвич за то, что он довезет твой телефон.

— Отлично. Просто держи все в порядке. Моя мама вернется утром, — ответил я, слишком уставший, чтобы обдумывать ужасную идею о Джоуи Линче в моем доме, когда он явно скептически относился к моим намерениям по отношению к его сестре.

И это правильно...

Гибси выжидающе посмотрел на меня.

— Не смотри на меня так, — сказал я ему. — Ты знаешь, где находится кухня. Я, черт возьми, не буду готовить для тебя.

— Я не привык к газу. — Гибси беспомощно пожал плечами. — У нас дома электрическая плита.

— Твоя мать — пекарь, — огрызнулся я. — Как ты можешь не знать, как работать с гребаной плитой?

— А твоя — модный дизайнер, — проговорил он. — Но я что-то не вижу, чтобы ты разгуливал вокруг в меховых пальто и сумочках от Прада.

— Ты ребенок, знаешь это? — Я проворчал. — Ты как ребенок-переросток, которого мне поручили опекать.

Протопав мимо него, я поплелся вниз на кухню.

— Достань сковороду и то, что ты планируешь приготовить, — приказал я. — И я готовлю это не для тебя, — проворчал я, подходя к плите и включая газ. — Ты более чем способен сделать это для себя.

— Будем надеяться, — усмехнулся Гибси, направляясь ко мне с полными руками продуктов из свинины и подносом яиц.

— Думаешь, ты справишься, не спалив дом дотла? — Язвительно заметил я, отходя от плиты.

— Почти уверен, — ответил Гибси, приступая к работе, наклонившись опасно близко к открытому пламени.

Я настороженно посмотрел на него, не убежденный.

— Не обожгись.

— Хорошо, папа, — передразнил он, прежде чем спросить: — У тебя есть булочки? — Повернувшись ко мне лицом, он добавил: — Я бы хотел одну из булочек твоей мамы с чаем.

Я покачал головой и придержал язык, решив просто позволить безумию плыть над моей головой.

— В морозилке может быть целая пачка — сначала тебе придется разогреть их в духовке.

— Я знаю это, — усмехнулся он.

— Правда? — Я пробормотал себе под нос.

Он — моя ответственность.

Большая, глупая, верная, как только появился, ответственность.

— Я когда-нибудь рассказывал тебе о том, как твоя девочка спасла меня от Брайана? —

Спросил Гибси, разбивая яйцо над сковородой, отвлекая меня от моих мыслей.

— Брайан? — Спросил я, думая о злобном коте миссис Гибсон. — Шэннон спасла тебя от Брайана?

— Конечно, она сделала, — размышлял он. Схватив лопаточку с подставки, он повертел ее в руке, пока говорил. — Мне нравится, что ты даже больше не отрицаешь, что она твоя, чувак.

— Отвали, — проворчал я. Тогда любопытство взяло верх надо мной, и я взгромоздил свою задницу на табурет на острове и посмотрел на него. — Расскажи мне.

Гибси усмехнулся моему ответу.

— В прошлом месяце у меня был день рождения, — объяснил он, бросая полдюжины сосисок в кипящее масло. — Я взял Брайана на прогулку к Хьюи — ты же знаешь, каким он становится, когда его слишком долго оставляют одного.

— Да. — Я кивнул, не моргнув и глазом от этой информации.

За последние восемнадцать месяцев было по меньшей мере девять случаев, когда он приходил ко мне домой с котом, похожим на Инспектора Гаджета.

— Он потерял его, чувак, — сказал он. — Брайан сошел с ума, оторвался от поводка и направился в ванную. Помочился в ванну.

— Как и его владелец, — съязвил я.

— Моя мать никогда не гадила в чью-либо ванну, — проворчал Гибси.

— Не твоя мама, — проговорил я. — Ты.

Гибси нахмурился и склонил голову набок, явно пытаюсь вспомнить.

Я решил ему помочь.

— Выездная игра против той школы в Типперэри на третьем курсе?

Узнавание озарило его черты.

— О, да, — хихикнул он. — Это была не ванна. Это была душевая кабина в их школьных раздевалках, и эти ублюдки это заслужили. И в свою защиту скажу, что мне было всего четырнадцать.

— В защиту Брайана, он всего лишь кот, — сказал я.

— Этот ублюдок точно знает, что делает, — проворчал Гибси. — В любом случае, он схватил багор, Джонни, и пошел на нас, когда мы попытались его схватить. Шэннон просто вошла, подхватила маленького пушистого ублюдка и проводила его до дома.

— И ты знаешь, что он сделал? Замурлыкал. Он был в своей безумной стихии, чувак. Наслаждался жизнью, прижимаясь к ней.

Счастливчик Брайан.

— Почему я узнаю об этом только сейчас? — Спросил я, пытаюсь сохранить нейтральный тон.

— Извини, — хихикнул Гибси. — Я не знал, что должен рассказывать тебе обо всем каждый раз, когда разговариваю с девушкой.

— Ты не понимаешь, — пробормотал я. — Я просто...

Звук открывающейся входной двери заполнил мои уши за мгновение до того, как звук хлопка двери заполнил воздух.

— Кавана? — Раздался глубокий голос.

— Давай, поднимайся! — Позвал Гибси, отвечая за меня. Повернувшись ко мне лицом,

он подмигнул и сказал: — Веди себя хорошо, чувак. Старший брат здесь.

Блестяще.

Чертовски идеально.

— Господи Иисусе, — заявил Джоуи Линч, когда вошел на кухню несколько мгновений спустя с моим телефоном в руке и красивым фингалом под правым глазом. Я был слишком пьян прошлой ночью, чтобы заметить его.

При ясном свете дня я оглядел его.

Он высокий, но я на добрых три дюйма выше его, как и большинство парней нашего возраста. Джоуи, очевидно, тоже был в хорошей форме, но это было типичное телосложение метателя с поджарыми, накачанными мышцами, созданными для ловкости и скорости, а не для наращивания каких-либо серьезных мышц.

— У тебя должен быть гид у входной двери, — добавил он, оглядывая мою кухню, прежде чем остановить свой взгляд на мне. — Этот дом похож на музей.

— Так оно и есть, — хихикнул Гибси. — Это поместье.

Оттолкнувшись от стула, я сократил расстояние между нами и поприветствовал его.

— Спасибо за это, — сказал я, забирая у него свой телефон. — Ценю, что ты проделал весь этот путь.

— Да, ну, король Клитора был очень убедителен, — ответил он с ухмылкой. Переведя взгляд на Гибси, он выжидательно выгнул бровь. — Скоро я получу свою еду, шеф?

— Быстрее, чем проститутку в борделе, добрый сэр, — крикнул Гибси через плечо. — Яйцо?

— Чувак, — задумчиво произнес Джоуи, направляясь туда, где Гибси пригнулся и уворачивался от брызг масла. — Ты достаточно взрослый, чтобы пользоваться плитой без мамы?

Господи, у этого парня была пара людей, которые прогуливались в моем доме и требовали еды.

Как ни странно, мне это нравится.

Джоуи Линч казался метким стрелком.

Я уважал это в человеке.

— Я сомневаюсь в этом, — со смехом ответил Гибси. — Это мой первый раз.

Гибси повозился с ручками на плите, и огромное пламя взметнулось вверх, опалив его бровь.

— Господи! — Гибси взревел, ударив себя по лицу. — Я в огне.

— Дай мне эту штуку, пока ты не поранился, — приказал Джоуи, выхватывая лопаточку из рук Гибси и подходя, чтобы перевернуть сыр и яйца.

Установив плиту на средний огонь, Джоуи стащил кухонное полотенце с плеча моего лучшего друга и начал вытирать жирные брызги.

— Гребаные мальчики из частной школы, — пробормотал он себе под нос. — Привыкли, что все делают за вас.

— Черт, Кав, — хихикнул Гибси, делая шаг назад от плиты. — Я был неправ. Этот убудок прямо здесь — папочка.

— Сделай мне одолжение, Кав, — крикнул Джоуи через плечо. — Иди и проверь мою сестру, ладно?

Мое сердце подпрыгнуло в груди.

— Шэннон?

Джоуи кивнул и потянулся за тарелкой со столешницы. Положив несколько кусочков бекона на тарелку, он добавил:

— Она в машине.

— Почему ты оставил ее в машине? — Спросил я напряженным тоном. — На улице холодно.

— Потому что она не захотела заходить, — ответил Джоуи тоном, похожим на согласие. — Ты можешь попытаться заставить ее войти внутрь, если хочешь, но, думаю, она не сдвинется с места.

Ему не нужно было просить меня дважды.

Или давать мне разрешение один раз, если на то пошло.

Я уже был на ногах и двигался к входной двери

Глава 34. Растерзанные собаками и чувствами

Шэннон

Чувствуя себя потрясенной, я села на заднее сиденье машины Ифы и уставилась на дом Джонни Кавана, обдумывая свои варианты.

Должна ли я зайти внутрь?

Мне подождать здесь?

Должна ли я свернуться калачиком и притвориться, что меня здесь нет?

Была ли его мать внутри?

Был ли его отец там?

Я подавлена тем, что произошло в пятницу, и хотя я уже в порядке после того, как мы провели время вместе в пабе и в кино, я провела последние две ночи без сна и тонула в унижении из-за того, что меня вырвало перед Джонни.

Этот парень выбил меня из колеи, и я не знала, как с этим справиться, находясь в его личном пространстве.

Я не уверена, что смогу справиться со своими чувствами к нему.

Мой мыслительный процесс был прерван, когда две пары огромных желтых лап ударили по окну.

Пораженная, я перевела взгляд и увидела двух одинаковых собак в ярко-розовых ошейниках, которые смотрели на меня, громко скуля, с открытыми ртами и вывалившимися языками.

Недолго думая, я сдвинула сиденье Джоуи вперед и вылезла из машины.

В ту секунду, когда мои ноги коснулись гравия, на меня напали с поцелуями и радостным лаем. Обе собаки попытались взобраться на мое тело.

— Привет, ребята! — Я наклонилась и погладила их обоих.

Моя любовь, казалось, только раззадорила их, потому что одна из собак прыгнула на меня, сильно ударив лапами по моей груди.

— Вау.

Потеряв равновесие, я рухнула на задницу с громким «уф».

В ту минуту, когда я оказалась на земле, они оба прыгнули на меня, облюнявив все мое лицо и шею. Смеясь, я попыталась спрятать лицо, но это было бесполезно, потому что эти собаки были настойчивы в проявлении своей любви.

Чего я не заметила в машине, так это того, что обе собаки в последнее время явно валялись в коровьем навозе, потому что их шерсть была не только перепачкана грязью, но и ужасно воняла.

После бесполезной борьбы за то, чтобы встать, я оказалась на спине на мокром от дождя гравии, пока они обнюхивали и лапали меня и, по сути, облизывали каждый дюйм обнаженной кожи.

— Вы дружелюбная пара, — хихикнула я, отказываясь от любых попыток сбежать. Я почувствовала, как влага просачивается под мою одежду, но я не сделала ни малейшего движения, чтобы встать.

Я бы не смогла, даже если бы захотела

— Привет, — засмеялась я, улыбаясь той, которая решила, что мой живот — идеальный

дом для ее задницы.

Она крепко прижала свои лапы к моим плечам и лизнула меня в лицо.

— Ты милая девочка, не так ли? — проворковала я, пригибаясь и уклоняясь от языка во рту.

Это было довольно бессмысленно, учитывая, что другая собака стоял у моей головы, борясь за внимание.

— Осторожно, — предупредила я ту, что была у моей головы. — У меня нежное лицо.

— Бонни! Кекс! Отвалите от нее, — приказал знакомый голос поблизости, но ни одна собака не послушалась.

Вместо этого они, казалось, довели свои усилия по проявлению любви ко мне до собачьей комы. Несколько мгновений спустя пара рук подхватила меня под мышки.

Пораженные внезапным контактом, мои конечности сами собой сомкнулись, когда меня подняли с земли.

Джонни поставил меня на ноги, а затем быстро толкнул меня за спину, когда собаки бросились к нам.

— Нет! — приказал он. Обнимая меня одной рукой, он протянул другую в знак предупреждения. — Бонни, — прорычал он. — Ты плохая девочка. — Его глаза метнулись к другой собаке, которая подкрадывалась ближе. — Кекс, даже не думай о том, чтобы снова попытаться.

Сунув руку в карман, он вытащил теннисный мяч и помахал им перед собаками, мгновенно привлекая их внимание.

— Да, вы видите это, не так ли? — проговорил Джонни, а затем бросил мяч через двор.

Он приземлился где-то вне поля зрения, и две собаки бросились за ним.

Я воспользовалась возможностью, когда он на мгновение отвлекся, чтобы вытащить свою резинку для волос и перекинуть волосы через левое плечо, скрывая от него часть своего лица.

— Извини за это, — сказал Джонни, как только собаки скрылись из виду. Повернувшись ко мне лицом, он быстро оглядел меня и поморщился. — Господи, они испачкали тебя.

Я была настолько ошеломлена его видом, настолько не была уверена, что делать и говорить, что мне потребовалось несколько мгновений, чтобы прочистить голову и осознать, что он говорит со мной.

— А?

— Твоя одежда, — объяснил он, жестикулируя руками вверх и вниз.

Я посмотрела на себя и подавила стон.

Да, он был прав.

Моя одежда испачкалась от сочетания грязи, дождя, ключев шерсти и собачьих слюней.

— О, ах, да. — Униженная, я попыталась вытереть руки о свои темно-синие спортивные штаны, но слюни прилипли к моим пальцам. — Да, я грязная, — сказала я, выдавив из себя небольшой смешок, когда все, что я хотела сделать, это нырнуть на заднее сиденье машины Ифы и исчезнуть.

— Прости за них, — извинился Джонни, выглядя немного смущенным. — Эти двое дикие.

Покачивая головой, я тяжело вздохнула и сказала:

— Нет, все в порядке. Я не возражала. Бонни и Кекс очень милые.

— Бонни и Кекс очень нетренированные, — поправил Джонни с гримасой. Засунув руки в карманы серых спортивных штанов, которые он носил, добавил: — Это собаки моей мамы. Она обращается с ними как с людьми, и они верят, что являются ими.

— Твои родители дома? — Спросила я, чувствуя невероятную нервозность при мысли о том, что мой брат находится в тесном контакте с одним из его родителей.

Джоуи прямолинеен и неравнодушен к высказыванию всего, что у него на уме.

Вполне возможно, что он расскажет об инциденте с сотрясением мозга.

— Нет, они в Дублине, — сказал мне Джонни. — Мой папа там работает.

Мои глаза расширились.

— Ты дома один?

Он ухмыльнулся.

— Мне не четыре.

— Я знаю это, — ответила я, покраснев.

— Мои родители уезжают по работе, — объяснил он, сжавшись надо мной. — Обычно я один.

По какой-то причине эти слова меня обеспокоили.

“Обычно я один”.

Это было печальное заявление.

Нахмурившись, Джонни протянул руку и обхватил — да, буквально обхватил — мой подбородок рукой.

— Что это за хрень? — потребовал он смертельно тихим голосом, в то время как его голубые глаза горели огнем.

— Что? — Я выдавила, охваченная паникой.

Приподняв мой подбородок, он убрал волосы с моего плеча и издал низкое рычание.

— Это, — прорычал он, проводя большим пальцем по моей скуле. — И это, — добавил он, скользнув по моему взгляду.

Контакт был настолько нежным, что заставил меня подпрыгнуть от нервов, а не от боли. Он убрал руку с моего лица, но остался там, где стоял, так близко, что я могла видеть, как расширялась вена на его шее, когда он сжимал и разжимал челюсти.

— Шэннон, что случилось с твоим лицом?

— Ах, это? — Нервно смеясь, я заправила волосы за ухо.

Я сразу же пожалела о содеянном, когда почувствовала, как похожая на соплю слюна хлюпает между моими пальцами и волосами.

Было недостаточно, что я выглядела, как бездомная. К этому еще добавились волосы, пропитанные слюней.

— Да, это, — отрезал Джонни, впиваясь взглядом в мою щеку. — Кто это с тобой сделал?

— Никто. Прошлой ночью я споткнулась о Лего моего брата и чуть не ударилась о кухонный стол, — фраза, которую я отрететировала до совершенства для завтрашней школы, вырвалась из моих уст с экспертной точностью, необходимой для правдоподобного звучания.

Я так долго врала о том, откуда взялись порезы и синяки на моем теле, что ложь легко слетела с моих губ.

— Ты думаешь, я в это поверю? — Джонни ошеломил меня, сказав.

Я нахмурилась, глядя на него.

Это хорошая реплика.

Это правдоподобная реплика.

Почему он не поверил в это?

— Да, — выдавила я, взволнованная его прямоотой. — Потому что это то, что произошло.

Он выгнул бровь.

— Ты правда пытаешься сказать мне, что синяк под глазом — случайность?

Я уклончиво пожала плечами.

— Это случается.

— Обычно нет, — отрезал он. — Ты, должно быть, бежала на полной скорости, чтобы так споткнуться, — добавил он, недоверчиво поглядывая на меня. — Ты бежала? — он спросил. — От чего-то? — Он подошел ближе. — Или от кого-то?

Инстинкт самосохранения ожил во мне; лица трех моих младших братьев стали движущей силой моих следующих слов.

— Что именно ты пытаешься сказать?

— Я не пытаюсь что-то сказать, Шэннон, — горячо возразил он. — Я прошу тебя сказать мне правду.

— Я говорю тебе правду, — отрезала я срывающимся голосом. — Перестань давить на меня. — Слезы защипали мне глаза, и я быстро смахнула их. — Боже.

Я чувствовала себя ужасно, особенно из-за того, что лгала ему, но я не могла развернуться и сказать: “ О да, когда мой отец пьян, ему нравится выбивать из меня дерьмо и швырять меня, как тряпичную куклу.”

Именно в этот момент небеса решили сжалиться над нами, обрушив шквал проливного мартовского дождя и промочив нас обоих.

Благодарная за ливень, я развернулась и поспешил обратно к машине.

— Не делай этого, — крикнул мне вслед Джонни. — Не возвращайся в эту чертову машину.

Я покачал головой и рывком открыл дверь.

— Мне очень жаль, хорошо? — Джонни обошел меня и снова закрыл дверь машины. — Я не буду давить на тебя. — Развернув меня лицом к себе, он сказал: — Я больше не скажу об этом ни слова.

Он протянул руку, чтобы коснуться моего лица, но быстро изменил направление движения, вместо этого обхватив ладонями заднюю часть шеи.

— Хорошо?

Кивнув, я прерывисто вздохнула.

— Хорошо.

Джонни тяжело выдохнул, выражение его лица было полным облегчения.

— А теперь, ты зайдешь со мной внутрь?

— Наверное, мне лучше просто подождать в машине, — пробормотала я, едва в силах смотреть ему в глаза. — Я не хочу быть навязчивой — в отличие от моего брата-идиота, который, по-видимому, не испытывает угрызений совести, заходя в дом незнакомцев и поедая их еду.

— Во-первых, я тебе не незнакомец, и ты мне не мешаешь, — грубо поправил Джонни, когда на нас обоих обрушился дождь. — Во-вторых, я приглашаю тебя в свой дом, — добавил он, проводя рукой по своим теперь мокрым волосам. — Ты промокла. — Его

пристальный взгляд еще раз прошелся по мне, прежде чем он наклонил голову в сторону дома. — Я хочу, чтобы ты зашла внутрь.

— Ты уверен? — Я прохрипела.

Он медленно кивнул.

— Абсолютно.

— Эм, хорошо, — неуверенно прошептала я. — Если ты уверен, что ты уверен?

— Я уверен, что я уверен, — съязвил Джонни. — Давай.

Джонни развернулся и поспешил к входной двери, только чтобы развернуться и побежать обратно туда, где стояла я. Он положил руки мне на плечи и повел меня в дом.

— Видишь? — сказал он, когда мы оба оказались внутри и огромная дверь закрылась за нами. — Это было не так уж плохо, не так ли?

Я покачала головой.

Джонни встряхнулся, как собака, заставляя капли дождя разбрызгиваться повсюду.

— Ты смеешься надо мной, Шэннон, *как река*? — он поддразнил, заметив мою улыбку.

Я снова покачала головой.

Он улыбнулся одной из тех широких улыбок с двойными ямочками, от которых у меня екнуло сердце, прежде чем жестом пригласил меня следовать за ним по длинному вестибюлю в просторное фойе с двумя огромными арками по обе стороны комнаты, ведущими бог знает куда.

Стараясь не разжимать губы и не раскрывать рот, как мне хотелось, я осмотрела огромную лестницу, занимающую центральное место, с ее замысловатыми деревянными балясинами с вырезанными на них маленькими львиными головами.

Мой взгляд скользнул вверх, к вершине лестницы, где обе стороны площадки были хорошо видны через деревянные перила, которые в конечном итоге соединялись со стеной с обеих сторон.

— Это старый дом, — сказал Джонни в качестве объяснения. — Ему около ста пятидесяти лет или что-то в этом роде. — Он выглядел смущенным, когда говорил. — Моя мама не хотела слишком сильно менять оригинальный дизайн, когда мы его купили. Мы отремонтировали большую часть комнат и установили новую кухню, но мама хотела сохранить некоторые оригинальные детали. — Пожав плечами, он добавил: — Она говорит, что у этого места есть характер или что-то в этом роде.

— Она права, — выдохнула я, поворачиваясь на все 360 градусов, чтобы полюбоваться смехотворно высокими потолками и хрустальными люстрами. — Я думаю, что в этом зале мог бы поместиться весь мой дом.

— Джонни! — Голос Гибси прогремел из-под арки слева. — Жратва закончилась.

— Ты голодна? — Спросил Джонни, ведя меня по длинному коридору к двери в конце. — Зная Гибси, он собирается поджарить все содержимое холодильника.

Я покачала головой, мои руки дернулись, чтобы обхватить тело почти защитно, когда я следовала за ним.

— Я в порядке.

В тот момент, когда Джонни толкнул дверь кухни, мы были залиты солнечным светом и восхитительным ароматом готовящихся блюд.

— Привет, малышка Шэннон, — прошептал Гибси, поворачиваясь со своего места у впечатляюще выглядящей плиты, чтобы улыбнуться и помахать мне лопаткой. — Джонни удалось заманить тебя внутрь, или тебя привлек запах моей чертовски потрясающей

стряпни?

— Пошел дождь, — пробормотала я, сдерживая дрожь, когда влага с моей одежды начала просачиваться на кожу.

— Ты сварил одно яйцо, Гибс, и под моим присмотром, — подал голос Джоуи, который сидел на табурете в центре стола. — Ты не Дарина Аллен.

— Спасибо, черт возьми, за это, Линч. — Со сковородкой в руке Гибси подошел к тому месту, где сидел мой брат, и плеснул яйцо себе на тарелку. — Мне нравятся моя мужская роль.

Потянувшись через прилавок, Джоуи достал заварочный чайник с удобной крышкой и налил две чашки чая, прежде чем качнуть чайником в нашу сторону.

— Шэн, Кав, чай?

Гибс?

Линч?

Кав?

Это было типично для Джоуи — заводить дружбу так легко, словно по щелчку пальца.

Внезапный укол ревности обожег меня изнутри, несправедливость того, насколько легкой была жизнь для моего брата, заставила меня почувствовать себя обделенной.

Этот оттенок ревности был быстро погашен огромным цунами вины, охватившим меня.

У Джоуи не было ничего легкого.

Он извлекал максимум пользы из любой ситуации.

Он просто пытался выжить, как и все мы.

— Могу я принести тебе полотенце или что-нибудь еще? — Джонни предложил низким тоном, пристально глядя на меня. Нахмурившись, он добавил: — Ты промокла.

— Святое дерьмо, — рявкнул Джоуи, напугав меня. — Что, во имя Иисуса, с тобой случилось?

Поставив чайник, он встал и направился ко мне. Наклонившись ближе, Джоуи понюхал меня, а затем быстро отступил.

— Господи Иисусе, Шэннон, — выдавил он. — Во что ты вляпалась — в собачье дерьмо?

Вау, тактично, старший брат, большое спасибо...

— Нет! — ответила я, а затем попыталась незаметно принюхаться. — Я не чувствую запаха.

— Ты не чувствуешь запаха? — Джоуи насмешливо проговорил. — Ты такая зрелая, что у меня слезятся глаза.

Боже, Джоуи!

— Мои собаки напали на нее, — быстро вставил Джонни, проводя другой рукой по волосам. Капли воды продолжали стекать с его широких плеч на плитки на полу, пока он говорил. — Они сбили ее с ног на улице и прыгали по ней.

— Ха, — вырвалось у моего брата. — Забавно, что мою сестру, кажется, всегда избивают и калечат, когда ты рядом с ней, Кавана.

Челюсть Джонни дернулась, но он не ответил.

Обратив свое внимание на меня, Джоуи сказал:

— Тебе нужно снять эту мокрую одежду, Шэн, пока ты не получила пневмонию.

Я открыла рот, чтобы ответить, но мой брат продолжил, не дав мне шанса.

— У тебя есть что-нибудь, что она могла бы надеть? — Спросил Джоуи, глядя на

Джонни. — И немного освежителя, чтобы убраться от этого ужасного запаха?

Джонни медленно кивнул.

— Да, я могу найти что —нибудь...

— Или мы можем просто уйти? — Предложила я, глядя на своего брата, молясь, чтобы он понял намек. — Нам нужно идти домой, Джоуи.

— Ты не сядешь в машину моей девушки, когда пахнешь так, — сказал Джоуи.

— Не будь придурком, — прошипела я. — Забери меня домой.

— Вы, ребята, пока не можете уйти домой. Мы не попили чай и не побеседовали, — подал голос Гибси. — А у меня в духовке пекутся булочки.

— Ты печёшь булочки? — Спросила я, на мгновение отвлекшись. — Ты?

— Да, я, — ответил Гибси, выглядя слегка уязвленным. — Я хочу, чтобы вы знали, что я замечательный пекарь.

— Прости, — быстро ответила я, не желая его обидеть. — Ты просто не производишь впечатления пекаря.

— Расслабься, я тебя просто разыгрываю, — засмеялся он. — Я понятия не имею, что я делаю. — Он указал на плиту и сказал: — Насколько я знаю, эти булочки могут быть убийцами.

— Булочки-убийцы? — Я сморщила нос от этой концепции. — Тогда, я надеюсь, ты не будешь возражать, если я уйду.

Гибси усмехнулся.

— Ты мне нравишься. — Он посмотрел поверх моей головы и сказал:

— Она мне нравится, — прежде чем вернуть свое внимание ко мне. — Но не запах. — Он зажал пальцами нос и добавил: — Твой брат прав — тебе нужно помыться.

— Все в порядке, я иду домой, — начала я говорить, но меня снова прервали — на этот раз Гибси.

— Джонни, она может принять душ здесь, не так ли?

Мои глаза выпучились.

— Что?

— Э-э, да, я думаю, — медленно ответил Джонни, который все еще стоял позади меня. — Если она захочет?

Джоуи, который вернулся на свой насест на острове, кивнул головой.

— Хорошая идея, Гибс, — согласился он, набивая вилкой яйцо и колбасу. — Смой с себя этот мокрый собачий запах, прежде чем нам придется ехать домой, сидя рядом.

— Я не воняю, — пробормотала я.

— От тебя воняет, — хором сказали Гибси и Джоуи.

— Отвалите и оставьте ее в покое, — раздраженно прошипел Джонни. — Она совсем не плохо пахнет.

— Ты не чувствуешь запаха, потому что у тебя иммунитет, — возразил Гибси. Повернувшись к Джоуи, он сказал: — Он позволяет дворняге спать на его кровати каждую ночь.

— Еще раз назовешь мою собаку дворнягой, и я надену сковороду на твою голову, — предупредил Джонни.

— Мои искренние извинения, чувак. — Гибси вскинул руки, отступая. — Я никогда не хотел оскорбить твою драгоценную дворняжку.

Не обращая внимания на смешки и подшучивания, я развернулась и уставилась на

Джонни.

— Я сожалею об этом.

Его внимание переключилось с мальчиков на меня и осталось там.

— Все в порядке, Шэннон. — Его голос был бесстрастным, но его глаза горели чем-то, что я боялась расшифровать, потому что у меня было отчетливое ощущение, что в этот момент мои глаза отражали его. — Ты можешь помыться в моей ванной.

— Нет, честно, все в порядке. — Мое лицо горело от смущения. — Мне не нужно принимать душ в твоём доме.

— Ах, да, ты, черт возьми, примешь, — крикнул Джоуи. — Я имел в виду это, когда сказал, что ты не сядешь в машину Ифы вот так. Я не посажу тебя в машину, пока ты находишься в таком состоянии.

— Ради всего святого, — огрызнулся Джонни.

Распахнув кухонную дверь, он схватил меня за руку и практически потащил по коридору.

— Давай, — приказал он. — Я позабочусь о тебе.

— Э-э, хорошо, — выдавила я, потому что, честно говоря, какая у меня была надежда сказать «нет», когда гигантский игрок в регби тащил меня через свой дом?

— Для протокола, — крикнул Джонни через плечо, таща меня вверх по лестнице, поворачивая направо, когда мы достигли верхней площадки. — Я не думаю, что от тебя так уж плохо пахнет.

— Эм, спасибо? — Я задыхалась, не уверенная в подходящем ответе для мальчика, говорящего тебе, что ты не так уж плохо пахнешь, и слишком запыхалась, чтобы придумать что-нибудь получше.

Он двигался быстро, моя рука все еще была в его, и мне приходилось бежать, чтобы не отставать от его широких шагов. Джонни не прекращал двигаться, пока мы не оказались в конце лестничной площадки и не остановились перед закрытой дверью.

Я отметила, что мы прошли по крайней мере полдюжины других дверей на этой части лестничной площадки, но у меня слишком кружилась голова от попыток не отставать от него, чтобы по-настоящему оценить обстановку.

Отпустив мою руку, Джонни толкнул дверь внутрь и вошел внутрь, жестом приглашая меня следовать за ним.

Я сделала это — и это было все равно, что войти в спальную версию зала славы.

Комната была огромной, стены выкрашены в голубой цвет, а огромная кровать с балдахинном занимала центральное место. Напротив кровати был развлекательный центр, похожий на миниатюрный кинотеатр, но ни одна из этих деталей не запомнилась мне.

Мое непосредственное внимание привлекли ряды трофеев и медалей, украшавших стены. На стенах висели майки в рамках, а также несколько необычно выглядящих кепок и плакатов ирландской команды по регби.

У дальней стены между двумя окнами стоял огромный дубовый письменный стол.

На столе лежал дорогой на вид ноутбук и стопки школьных учебников и экзаменационных работ. Над ним висела огромная доска, прикрепленная к стене. К доске были прикреплены бесчисленные фотографии разных знаменитых спортсменов. Все, с кем Джонни стоял рядом на фотографиях.

— Итак, — сказал Джонни, пожимая плечами. — Это моя комната.

Он подошел к своей кровати и пнул несколько предметов одежды под ней.

— Она красивая, — ответила я, прикусив губу и оглядываясь вокруг.

В типичной подростковой манере это был полный беспорядок с обязательными плакатами полуобнаженных девушек с огромными грудями, украшающими стены. Повсюду была разбросана одежда, а контроллеры PlayStation и игры валялись на полу у телевизора рядом с парой кожаных подушек.

— Ты можешь принять душ здесь, — сказал тогда Джонни. Покачав головой, он начал действовать, направляясь к двери в левом углу своей комнаты, рядом с кроватью.

— Если ты уверен? — Я выдавила, чувствуя себя невероятно запуганной, стоя в его личном пространстве и, возможно, снимая всю свою одежду.

Мы были практически незнакомцами.

Казалось неправильным находиться в его пространстве.

Казалось неправильным, но чувствовалось таким правильным...

— Да, это не проблема, — быстро ответил он, открывая передо мной дверь. Он на мгновение просунул голову внутрь, прежде чем выскочить обратно. — На вешалке есть свежие полотенца. Используй все, что захочешь.

Срань господня.

Это безумие.

Это слишком сюрреалистично.

Сегодня утром я вышла из дома, чтобы купить немного картофельных оладий и банку кока-колы, и теперь я стояла в спальне Джонни Кавана, собираясь принять душ в его ванной комнате.

Как это вообще произошло?

— Ты хочешь, чтобы я бросил твою одежду в сушилку, пока ты будешь в душе? — спросил он, возвращая меня к настоящему.

— Мою одежду? — Мои руки переместились к животу, и я быстро покачала головой. — Э, нет, все в порядке.

Он натянуто кивнул, и я наблюдала, как он пнул еще несколько предметов одежды под кровать.

— Я бы дал тебе что-нибудь от вещей моей матери, но она запирает свою гардеробную, когда уезжает по работе.

— Ее гардеробная?

— Да, она, э-э, моя мама дизайнер. — Джонни неловко заерзал. — Если хочешь знать мое мнение, это больше похоже на гигантский гребаный шкаф в комнате, но она называет это своим кабинетом. — Затем он ухмыльнулся, явно думая о чем-то смешном. — Однажды Гибс вломилась туда и испортил какую-то важную деталь для новой линии, над которой она работала, поэтому она держит ее запертой, когда уезжает в Лондон.

— Твоя мама создает одежду?

— Да.

Мои глаза расширились.

— Как модельер!

Джонни кивнул.

— В Лондоне?

Еще один кивок.

— Правда?

— Да.

Вау...

— Кто твой отец? — Пробормотала я. — Доктор?

— Нет, он адвокат, — ответил он, не моргнув глазом.

Иисус.

Его мать — модельер, а отец — чертовски высококлассный адвокат.

Ну, по крайней мере, это объясняет особняк, внутри которого я стою.

Взгляд Джонни метнулся к его прикроватному шкафчику, и он поспешил к нему, рывком открыл верхний ящик, прежде чем смахнуть содержимое сверху в ящик.

— Я пойду найду тебе что-нибудь свое, во что ты сможешь переодеться, — пробормотал он, щеки слегка порозовели, когда он задвинул ящик и пнул кучу бумаг, которые упали с его шкафчика под кровать. — Я оставлю кое-какую одежду на кровати на всякий случай, если ты захочешь... Просто выбери все, что захочешь.

Я колебалась, делая один шаг вперед и три шага назад, прежде чем сделать глубокий вдох и подойти к двери ванной. Джонни отступил в сторону, чтобы я смогла пройти, но он был таким большим, что мне все равно удалось задеть его.

— Спасибо, Джонни, — прошептала я, прежде чем поспешить в его ванную с бушующими гормонами и колотящимся сердцем.

— Не за что, Шэннон, — услышала я его слова как раз перед тем, как захлопнуть дверь.

О Господи.

Что, черт возьми, происходит?

Глава 35. Ответы

Джонни

— У меня вопрос, Джоуи-метатель, — прорычал я, когда вернулся на кухню, оставив его сестру голой в моем душе.

— Дерзай, мистер Регби — невозмутимо ответил Джоуи.

Я перевел взгляд на Гибси и указал на дверь.

— Дай мне минуточку, Гибс.

Мой лучший друг, должно быть, увидел ярость в моих глазах, потому что в первые в жизни он не сделал умного замечания или не пошутил.

Он просто встал и вышел из кухни, закрыв за собой дверь.

— Сейчас, — сказал я, когда мы остались одни, не сводя глаз с Джоуи. — Кто, блять, поднимает руки на твою сестру?

Брови Джоуи взлетели вверх.

— Ага, ты меня слышал, — прорычал я. — Я нашёл её, стоящей на четвереньках в школе в пятницу, её выворачивало наизнанку. — Я провёл рукой по волосам, злой и вне себя от волнения. — С ней что-то происходит, и я хочу знать что.

— Почему?

— Потому что хочу это исправить.

— Почему?

— Потому что никто не должен трогать её-рявкнул я.

— Что она тебе сказала? — спокойно спросил он.

— Что упала на лего — выпалил я.

Упала на лего, блин.

Скорее упала на кулак.

Джоуи долго изучал меня своими острыми зелёными глазами, прежде чем кивнуть.

— Если Шэннон говорит, что это произошло, значит, так и было.

— Нет-нет! Не надо кормить меня этим дерьмом — расстроено прошипел я. — Это не первый раз, когда я вижу её с отметинами. — Я отчётливо помню красный след на её лице несколько недель назад и та отметина сзади на шее в пятницу. — Что с ней происходит?

Джоуи отклонился на спинку стула, глядя на меня с выражением долбанного превосходства, которое я ненавидел.

Он знал что-то, чего не знал я, и это сводило меня с ума.

Теперь я не уверен, что Джоуи-метатель нравится мне так сильно.

— Кто причиняет боль твоей сестре? — повторил я.

Ему нужно сказать мне что-то, прежде чем я сделаю поспешные выводы и надеру ему зад.

— Это те придурки с вашей школы?

Они сделали ей это за то, что я сделал в баре в пятницу?

— Это были они? — потребовал я. — Те девушки?

Джоуи сохранял тишину.

— Она сама причиняет себе боль? — спросил я.

Он продолжал пристально смотреть на меня.

— Ты делаешь ей больно?

Он изогнул бровь.

— Парень, тебе лучше начать говорить, потому что брат ты ей или не брат, я надеру твой гребанный зад.

— Тебе нужно поговорить с Шэннон — наконец сказал он. — Я не могу дать ответы, которые тебе нужны.

— *Ты можешь, — огрызнулся я. — Просто открой рот и говори.*

— Нет. — он покачал головой. — Я не могу и не буду. Если она достаточно тебе доверяет, то скажет. Если нет, то нет. В любом случае, это не мне решать.

— Что это, блять, должно значить? — яростно потребовал я. — Не тебе решать?

— Именно так, — парировал Джоуи. — Это значит, что *это не моё дело*.

Но я могу заверить тебя, что никогда не поднимал руку на мою сестру, — добавил он, одарив меня тяжелым взглядом. — Или на любую другую женщину, если это имеет значение.

— Я хочу знать, что происходит с ней, Линч. — Огрызнулся я, пытаюсь сохранить всё самообладание, на которое был способен. — Если над ней издеваются или что-то в этом роде, тогда я могу помочь. Я могу это исправить, если ты скажешь мне.

Его брови поднялись вверх.

— Ты можешь это исправить?

— Для неё? — Я решительно кивнул. — Абсолютно.

— Она тебе нравится. — Он изогнул другую бровь, глядя на меня, и склонил голову набок. — Может, даже больше, чем нравится.

Я не стал тратить время, отрицая это.

Не для него.

Это был не Гибси или не какой-то парень из школы, пытавшийся вывести меня из себя.

Это её брат.

Я знал, что в этот момент лучше не нести чушь.

— Я хочу знать, что происходит — ответил я. — Мне это необходимо.

— Слушай, я бы хотел сказать тебе, — Наконец сказал Джоуи, тяжело вздохнув. — У меня бы не было никаких чертовых проблем с тем, чтобы рассказать тебе всё. Мне нечего скрывать. Но *она* — он указал на дверь за мной, — не захочет, чтобы я это делал. Она бы умерла, если бы узнала, что кто-то знает о её проблемах. После всего дерьма, которое обрушилось на неё в VCS, она хочет начать с чистого листа Томмен. Я хочу для неё того же.

— Так над ней издеваются? — Моё сердце, блять, упало. — Кто-то в Томмен? — Если кто-то в моей школе сделал это с её лицом, я собирался сжечь эту долбанную школу. — Или с её старой школы?

Мне с трудом верилось, что эти придурки из бара окажутся настолько глупы, чтобы повернуть с ней ещё один трюк.

Можете считать меня самоуверенным, но я напугал их в пятницу до усрачки.

Джоуи долго пристально смотрел на меня, прежде чем потрясти головой.

— Слушай, Кавана, — наконец сказал он. — Если хочешь знать, что происходит в её голове, тогда заслужи это.

— *Заслужить* это? — Я нахмурился, услышав его слова. — *Заслужить* это?

— Ты умный парень, — выпалил он в ответ. — Ты разберешься с этим.

Я потряс головой.

— Я не — мои слова были прерваны телефоном Джоуи, который громко зазвонил.

Спокойный, как морской бриз, он поднял палец, вытащил телефон из кармана, взглянул на экран и пробормотал несколько ругательств, прежде чем поднести его к уху.

— Какого хрена тебе нужно? — он огрызнулся.

Соскочив со стула, Джоуи прошёл мимо плиты и повернулся ко мне спиной, говоря приглушённым тоном.

— Нет, тебе сказали... нет пути назад... мне насрать, насколько тебе жаль... Где *она*?

Я увидел, как всё тело Джоуи напряглось. Я попытался услышать человека на другом конце провода, но это было невозможно.

— Когда это произошло... и ребенок...окей...нет...что, чёрт возьми, ты хочешь, чтобы я сказал...почему я буду расстроен...это чертово облегчение, вот что это...хорошо...ага, я буду там...я только сказал, что буду там, разве нет?

Джоуи оглянулся и поймал мой взгляд.

Я изогнул бровь, не особо заботясь о том, что он знал, что я подслушивал. Ведь я это делал. Я не собирался это отрицать.

— Я буду там, — сказал Джоуи низким голосом. — Я в пути.

На этом он положил трубку и убрал телефон в карман.

— Мне нужно отлучиться, — сказал он своим спокойным, хладнокровным и собранным голосом.

— Отлучиться? — уставился на него я. — Куда?

— Мне нужно кое-куда — все, что он сказал и затем двинулся к двери.

— Подожди, черт возьми — потребовал я, переступая ему дорогу. — Твоя сестра в душе.

— Ага. — Он потёр свой подбородок и сказал — Мне нужно, чтобы ты приглядел за ней для меня.

— Приглядел за ней? — я потряс головой, изо всех сил стараясь понять, что происходит. — Ты просто хочешь, чтобы я приглядел за твоей сестрой?

— Разве это не то, что я сказал? — Джоуи резко ответил.

— Ты ничего не говоришь. — прорычал я. — В том-то и проблема. Ты ни хрена мне не говоришь!

— *Я сказал тебе — он огрызнулся. — Я сказал тебе спросить Шэннон.*

— Так ты что, просто собираешься оставить её здесь? — потребовал я. — Надолго?

— Я не знаю. — ответил Джоуи.

— Ты не знаешь?

— Да, я, блять, не знаю. — он выпалил. — Это проблема?

— Нет проблемы в том, что она здесь. — Прорычал я. — Проблема в том, что ты оставляешь её здесь, а у меня нет ни одной чертовой идеи, что ей ответить.

— Хорошо, — рявкнул Джоуи, глядя на меня пылающими зелёными глазами. — Скажи моей сестре, что только что звонил наш *отец*. У нашей *матери* случился выкидыш в пятницу вечером, и он едет с ней из больницы домой.

— Дерьмо, — пробормотал я.

— Ты ни хрена не представляешь, — выпалил Джоуи, протискиваясь мимо меня и устремляясь вперед по коридору.

— Ты хочешь, чтобы я привёз её прямо домой? — спросил я, не имея ни малейшего представления, как на это реагировать. Я последовал за ним, чувствуя себя полностью опустошённым. — Или привезти её в больницу

— Я хочу, чтобы ты, черт побери, присмотрел за ней. — Взревел Джоуи.

Остановившись перед дверью, он развернулся и посмотрел на меня. — Ты можешь это сделать, Джонни Кавана? Ты можешь присмотреть за моей сестрой для меня?

— Да, — огрызнулся я, мне не понравился его тон, но я знал, что он, наверное, испытывает какое-то горе. — Я могу.

— Хорошо. — ответил он. — Я позвоню, когда смогу разобраться с тем, как забрать её. Просто позаботься о ней, пока я не позвоню, окей?

Разобраться с тем, как забрать её?

Кем он, черт возьми он считал свою сестру?

Пакетом с кровью?

Зная, что парень, должно быть, сейчас проходит через ад, я просто кивнул, набрал свой номер на телефоне, который он протянул мне, и вернул ему.

— Гасси! — рявкнул Джоуи, засовывая телефон обратно в карман. — Я сейчас уйду, если ты хочешь поехать в город на своей машине.

Гибси высунул голову из двери гостиной.

— Все в порядке? — спросил он, в замешательстве переводя взгляд с одного нас на другого.

— Иди с ним, — сказал я Гибси, жестом показывая ему следовать за Джоуи, который шел по подъездной дорожке к своей машине.

— Ты уверен?

Я натянуто кивнул.

К счастью, у Гибси хватило здравого смысла не задавать вопросов.

Вместо этого он быстро попрощался и поспешил за братом Шэннон.

Прерывисто выдохнув, я подошёл к двери и тихо закрыл ее.

Что, черт возьми, я собирался делать?

Глава 36. Плохие новости

Шэннон

Мне потребовалось огромное количество времени, чтобы установить правильную температуру в душе Джонни, потому что, видимо, ему нравилось обжигать свою кожу во время принятия душа.

Когда я, наконец, снизила температуру до терпимой и почувствовала, как мощные струи омывают мое тело, мне было трудно выбраться наружу.

Серьезно, его душ был *потрясающим*.

Это была комбинированная ванна с душем над головой, и мне пришлось стоять в ванне овальной формы с задернутой занавеской, но, клянусь, это только добавило роскоши.

Пользоваться его шампунем и мылом казалось очень неправильным, как будто я не должна была этого делать, но я была грязной и определенно воняла, поэтому я намылила свое тело всем, что доступно стояло на полке в причудливых флакончиках.

Когда я наконец вымылась, и от меня пахло мужским шампунем, а не мокрой собакой, я вылезла, завернулась в свежее полотенце и скомкала свою грязную одежду.

Запах, исходивший от моей одежды, был настолько отвратительным, что я немедленно выронила сверток, и мне пришлось несколько мгновений дышать ртом, чтобы удержаться от рвотных позывов.

Джоуи и Гибси были правы.

От меня действительно воняло.

Не было ни единого шанса, что я надену обратно то, что на мне было, и меня не вырвет.

Прижавшись к двери ухом, я внимательно прислушалась, чтобы убедиться, что его спальня пуста, прежде чем отпереть дверь и выйти.

Увидев, что она пуста, я с облегчением вздохнула и на цыпочках подошла к его кровати, где на краю матраса была свалена огромная куча одежды.

Перекинув влажные волосы через плечо, я начала перебирать стопку одежды, которую он разложил для меня.

Перебрав с полдюжины футболок, я выбрала самую маленькую — она оказалась размера XL.

Она была голубого цвета, мягкой на ощупь, и пахло Джонни.

Я быстро натянула её на плечи.

Подол доходил мне до середины бедра, короткие рукава доходили до локтей, давая понять, что по сравнению с ним я практически хоббит.

Дрожа от холода, я продолжила рыться в нижнем белье, мое беспокойство росло с каждой огромной парой спортивных штанов, которые я брала в руки.

Я прижала одну пару к своему телу и разочарованно всхлипнула, когда они добрались до моей груди.

Мой взгляд упал на пару белых боксеров, разбросанных в середине кучи, и я выдохнула.

Неужели он собирался оставить их там?

Были ли они для меня?

Это было *странно*?

Черт возьми, неужели они?

Рассмотрев их ближе, я убедилась, что это были действительно дизайнерские боксеры.

Мои трусики пришли в упаковке по семь штук за пять баксов.

В этот момент я остро осознала наши социальные различия.

Ради всего святого, его мать была дизайнером.

Моя была уборщицей.

Его отец был адвокатом.

Мой тоже провел много времени в суде — по другую сторону решётки.

В его доме пахло деньгами и роскошью.

В моём — виски и болью.

Я посмотрела на спортивные штаны в своих руках, а затем снова на боксеры с эластичной резинкой, лежащие на кровати.

Если что-то, принадлежащее Джонни, и могло бы мне хотя бы отдаленно подойти, так это они.

Стараясь не думать об этом слишком много, я потянулась за боксерами, быстро влезла в них и натянула.

Я предположила, что это были плотно облегающие боксеры, но на мне они были свободными и мешковатыми, однако держались на бедрах.

Что ты делаешь?

Что, черт возьми, ты делаешь?

Пенис Джонни касался этих вещей.

А теперь и твое влагалище.

Ты практически занимаешься с ним сексом!

Неуверенность взяла верх, и я быстро стянула их с себя, а затем снова натянула треники и влезла в них.

Как я и предполагала, его треники оказались огромными, достигающими до груди, и как только я отпустила пояс, они упали до щиколоток.

Подтянув их обратно, я ухватилась за пояс и неловко зашагала в ванную, стараясь не споткнуться о ноги.

Взяв завязки для волос, которые я оставила на вешалке в душевой, я завязала свободный узел на боку брюк и закрепила их.

Примерно на две секунды, пока они снова не упали на пол.

Злая, я снова натянула трусы-боксеры, проигнорировала голос в голове, говоривший мне, что это неправильно, достала из предательских треников резинку для волос и завязала на боксерах крепкий узел.

Не зная, что делать дальше, я вернулась в его комнату и стала складывать выброшенную одежду.

Я понятия не имела, зачем я это делаю, но у меня было предчувствие, что он этого не сделает, и я не хотела, чтобы он остался с помятой одеждой, потому что он вытащил ее всю из своего гардероба ради меня.

Я складывала последнюю футболку на кровать Джонни, когда заметила, что из-под его кровати что-то торчит.

Что-то похожее на *меня*.

Нагнувшись, я трясущимися руками достала газету и просто уставилась на нашу фотографию.

Он хранил ее.

В своей комнате.

Под кроватью.

Сердце заколотилось в груди.

Это ничего не значит.

Это красивая картинка.

Вот и все.

Не читай ничего.

Я была полностью погружена в свои мысли, когда откуда-то издалека донесся тихий стон.

Бросив газету на пол, я застыла на месте и внимательно прислушалась.

Через несколько секунд стон повторился.

Из кровати!

Испугавшись, я смертельной хваткой вцепилась в случайно сложенную футболку и опустила лицо к тому месту, где у изножья кровати было свернуто одеяло.

Я была уверена, что стоны доносятся именно оттуда.

— Алло? — прошептала я, не сводя глаз с одеяла.

В ответ оно зашевелилось, одеяло стало быстро двигаться вперед-назад.

— О Боже, — закричала я, пошатываясь назад.

Уронив футболку Джонни на пол, я прижала руку к груди и стала смотреть на кровать, как будто это была сцена из фильма «Полтергейст».

— Там кто-то есть? — спросила я, когда ко мне вернулся голос.

Должно быть, мне это привиделось.

На самом деле кровать не двигалась.

Я была очень встревожена.

Я теряла свой чертов разум.

— Алло?

Одеяло снова зашевелилось.

— О Боже!

Пододеяльник начал подниматься.

О, к черту!

На этот раз я закричала во всю мощь своих легких, оттолкнувшись от кровати.

Ударившись о комод, стоявший позади меня, я потеряла равновесие и растянулась на полу лицом вперед, задев при этом подбородком деревянный пол.

Не обращая внимания на падение, я вскочила на ноги, но тут же рухнула на пол, запутавшись ногами в его огромных брюках, которые забыла поднять.

Освободив ногу и продолжая кричать, я поднялась с пола и бросилась к двери спальни.

Она распахнулась одновременно с тем, как я потянул за ручку, и передо мной предстал Джонни с недоуменным видом.

— Что случилось? — спросил он, глядя на меня обеспокоенными глазами. — Шэннон, что, черт возьми, случилось?

— В твоей комнате что-то есть! — закричала я, бросаясь на него.

— Боже мой, — полувсхлипнула-полувскрикнула я, подползая к его огромной фигуре и обхватывая его руками и ногами. — Ты должен меня спасти!

— Что ты имеешь в виду, когда говоришь, что в моей комнате что-то есть? — потребовал Джонни, обхватив меня за талию. — Шэннон?

Он пытался оторвать меня от себя, но я держалась крепче, сжимая бедра и руки так

сильно, как только могла.

Тяжело выдохнув, он погладил меня по спине одной рукой и спросил уже более мягким тоном: — Что случилось?

— В твоей постели что-то есть.

Зажмурив глаза, я изо всех сил прижалась к его телу.

— Под одеялом, — задохнулась я, чувствуя, как меня пробирает крупная дрожь. — Я не шучу. Я видела, как он двигался — *дважды!* — Я зарылась лицом в его шею и задохнулась: — Мне кажется, у тебя в *постели* привидение!

— Шэннон, у меня нет привидения в постели, — ответил Джонни, в голосе которого теперь слышалось веселье.

— Нет, *есть*, огрызнулась я, снова вздрогнув. — Я видела его и не смейся надо мной.

— Я не смеюсь над тобой, сказал он мне, а сам рассмеялся. — Пойдем, я докажу тебе, что здесь нет никакого призрака.

Он двинулся, чтобы войти в комнату, и мои руки вырвались, схватившись за дверную раму, чтобы остановить его.

— Отвези меня домой, умоляла я, широко раскрыв глаза от ужаса. — Пожалуйста. Не приводи меня туда. Я в *ужасе*, Джонни!

Он все равно привел меня обратно, войдя в комнату, где я обхватила его, как обезьянка ребенка.

— Посмотри на свое привидение, Шэннон— усмехнулся он, когда мы подошли к кровати.

— Я не могу. Я закрыла глаза и покачала головой, снова зарываясь лицом в его шею. — Я не хочу видеть. От него так хорошо пахло, что одеколон, которым он пользовался, попадал мне в нос, так что, по крайней мере, я могла умереть, ощущая чудесный запах.

Тут до моих ушей донесся лай, остановивший меня на полпути.

— Привет, малыш, ворковал Джонни. — Ты до смерти напугал моего друга.

Малыш?

Медленно подняв голову, я повернулась лицом к кровати.

Изпод одеяла высунулся черный лабрадор.

На меня обрушилось цунами облегчения, за которым быстро последовала щедрая порция реальности.

Собака высунулась изпод одеяла, виляя хвостом так сильно, что шлепнулась на матрас.

— Шэннон, это Сьюки— хихикнул Джонни. — Твой призрак.

— О. — Расцепив руки и ноги, я сползла по его телу, каждый дюйм моей кожи пылал от смущения. — О, теперь все понятно.

Почувствовав головокружение, я опустила на край его кровати, прижала руку к груди и выдохнула с трепетом.

— Твоя собака, задыхаясь, проговорила я. — Спит в твоей постели.

Это был не вопрос.

Я просто пыталась собрать все воедино.

— Я поздоровалась с ней, и она завиляла хвостом. Я подумала, что она...

— Привидение? — предложил Джонни, ухмыляясь.

Я покачала головой.

— Не шути так— прошептала я, все еще дрожа, так как адреналин внутри меня медленно рассеивался. — Пока нет.

Сьюки прикоснулась своим влажным носом к моему обнаженному бедру и нежно погладила, отвлекая меня.

— Посмотри на себя— прошептал я, привлекая ее внимание.

По белой шерсти на ее морде было понятно, что она старая собака.

— Ты такая милая. — Протянув руку, я положила ее на голову и слегка погладила.

— А вот эта милая— заявил Джонни. — Она моя, и гораздо лучше ведет себя, чем две другие.

— Ну, Сьюки, ты чуть не довела меня до инфаркта своим впечатляющим умением прятаться— добавила я, чувствуя, как мое сердце медленно возвращается к своему естественному ритму. — Но ты все равно очень милая.

— Ты в порядке? — спросил Джонни, его тон стал серьезным.

Я почувствовала, что матрас рядом со мной сдвинулся, но не подняла глаз от его собаки.

— Я должен был предупредить тебя, что она здесь— добавил он. — Я просто так привык к ней, что совсем забыл. Здесь она может часами спать.

— Все в порядке— прошептал я, не сводя глаз со Сьюки.

— *Все в порядке или ты в порядке?*

Я пожевала губу и на мгновение задумался, прежде чем сказать:

— Все хорошо, и я буду в порядке.

Уронив голову на руки, я издала тихий стон. — Боже, мне так стыдно. Ребята, вы слышали, как я кричала на кухне?

— Вообще-то, это был только я— ответил он. — Я как раз поднимался, чтобы поговорить с тобой, когда услышал твой крик.

Мое сердцебиение участилось.

— Поговорить со мной?

— Да, твоему брату пришлось уйти, пока ты была в душе.

— Джоуи ушел? — прохрипела я, чувствуя, как меня охватывает внезапный прилив паники. — Что-то случилось?

Джонни кивнул и сцепил руки вместе, опираясь локтями на свои огромные бедра.

— Что такое? — выдавила я. — Скажи мне, Джонни!

— Это... это твоя мама, Шэннон, — наконец сказал он хрипловатым тоном.

— Что с моей мамой? — прошептала я. — Боже мой, она умерла?

— Нет, нет, черт возьми, нет, — поспешил сказать Джонни. Повернувшись ко мне лицом, он тяжело вздохнул, взял мою дрожащую руку в свою большую и теплую и сказал: — У нее был выкидыш.

У нее был выкидыш.

Твоя мать потеряла ребенка, Шэннон.

Почувствуй что-нибудь!

Почувствуй что-нибудь, черт возьми!

Я была мертва изнутри.

Я должна была быть такой.

Или я была откровенно злой.

Другого объяснения этому не было.

Чувствовать облегчение из-за потери беременности было самым отвратительным, ужасным, непростительным преступлением на свете.

И это первое, что я почувствовала, когда эти слова прозвучали из уст Джонни.

На кратчайшие мгновения по моему телу прокатилась волна облегчения, когда мой мозг зафиксировал благодарность, охватившую мое сердце от осознания того, что еще один ребенок не родится в этом аду.

Достаточно того, что мы родились в этой жизни.

— Мне чертовски жаль, Шэннон, — сказал Джонни, сжимая мою руку. — Я ненавижу, что мне пришлось сказать тебе это.

— С ней все в порядке? — пролепетала я, когда слова нашли меня.

Джонни кивнул. — Твой брат сказал, что с ней все в порядке, и что в пятницу у нее случился выкидыш — хотя ты, наверное, знала, что она была в...—

— Да, — быстро солгала я, чтобы скрыть кровавую бойню, чувствуя, как слезы жгут мои глаза, когда отвращение и ненависть к себе взяли верх. — Мы знали, что есть проблема.

Это то, что произошло?

Это было то место, куда она пошла?

Она была одна в больнице все выходные, и никто из нас не знал?

Мы жаловались на то, что она плохая мать, пока она лежит на больничной койке и теряет ребенка.

О Боже.

— Конечно. — Джонни кивнул и еще раз тяжело вздохнул. — Джоуи просил меня передать тебе, что твой отец заберет ее из больницы и что они оба скоро будут дома.

Мое тело замерло.

Тяжелая боль и тревожное ожидание легли на мои плечи, как рука старого друга.

Вот насколько мне было знакомо чувство страха.

Мое сердце не могло бы упасть еще сильнее, если бы я привязала к нему груз и бросил в океан.

Он вернулся.

Почему он вернулся?

Почему он не мог просто уйти навсегда?

— Твой брат хочет, чтобы ты осталась здесь на какое-то время. Он сказал, что позвонит, когда сможет приехать за тобой, — Джонни сделал паузу, прежде чем добавить, — но я могу отвезти тебя домой, когда захочешь, хорошо?

— Джоуи не должен был ставить тебя в такое положение, — прохрипела я, пытаюсь сдержать свои эмоции. — Мне очень жаль. — Я встала, чтобы уйти. — Я могу идти сейчас.

— Шэннон. — Рука Джонни выскользнула наружу и обхватила мое запястье. — Я не хочу, чтобы ты уходила, — грубо сказал он, потянув меня обратно к себе. — Я хочу чтобы ты была здесь. — Он положил руку на кровать прямо за моей спиной и наклонился ближе. — Я хочу чтобы ты осталась со мной.

Я покачала головой, не в силах произнести ни единого слова. У меня был ужасный привкус во рту.

Он соответствовал тому, что было в глубине моего желудка.

Надвигающаяся гибель, я признала

Это то, что я сейчас ощущала и чувствовала.

Мой отец вернулся.

Как только я покину этот дом и вернусь в свой, порочный, бесконечный круг продолжится.

Внезапно мне больше не хотелось покидать эту комнату.

Не плачь, Шэннон Линч. Я предупредила себя. Не проливай больше слез!

Я опустила голову и заморгала, как сумасшедшая, отчаянно пытаюсь сдержать слезы, грозящие скатиться по моим щекам большими, толстыми каплями.

Это не сработало.

Одна слеза скатилась по моей щеке, за ней быстро последовала другая, а затем еще.

— Я обниму тебя, — прошептал Джонни мне на ухо. — Скажи мне, если ты против?

Всхлипнув, я повернулась и уткнулась лицом в его бок, отвечая на его вопрос действиями.

Руки Джонни обвили меня, притянув к себе, и я сжала его рубашку в руке, крепко сжимая ткань, а рыдания проносились по моему телу.

— Я здесь ради тебя, — сказал он мне хриплым и хриплым голосом, а его рука медленно двигалась по моей спине. — Если тебе нужно с кем-то поговорить, — он притянул меня ближе, — я здесь.

Я не могла перестать плакать и не была уверена, был ли это страх перед лицом моего отца, который довел меня до крайности, или выкидыш моей матери, или эмоции, нарастающие внутри меня из-за этого парня, в чьих объятиях я сейчас находилась.

Не в силах взять себя в руки и отчаянно ища комфорта и безопасности, которые волнами исходили от него, я совершила нечто невероятно безрассудное.

Я заползла к нему на колени. Все тело Джонни напряглось, и его руки оторвались от моего тела, но я не остановилась.

Я не могла.

Поставив колени по обе стороны от его бедер, я обняла его и уткнулась лицом в его шею.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал, Шэннон? — Джонни обнял крепче. — Скажи мне, что делать.

— Обними меня, — рыдала я, уткнувшись лицом в его шею. — Не отпускай.

— Хорошо. — Его большая рука обхватила мой затылок, а другая переместилась мне на спину, прижимая меня к груди и медленно укачивая на коленях. — Не буду, — прошептал он, заключая меня в свои объятия.

Дрожа, я прижалась к его телу и молилась, чтобы он был моей силой в этот момент, потому что я больше не могла *этого делать*.

Я не могла так жить.

Я была так одинока.

Всю свою жизнь.

Я была так напугана.

Глава 37. Твой день рождения

Шэннон

Я провела целых двадцать минут в объятиях Джонни, отчаянно пытаюсь справиться со своими эмоциями.

Наконец, когда я не почувствовала, что внутри моего тела осталась еще одна слеза, я отстранилась, чтобы посмотреть на него.

Его голубые глаза горели сочувствием, когда он внимательно смотрел на меня.

— Привет, — всхлипнула я, чувствуя смущение.

— Привет, — хрипло сказал Джонни, убирая мои влажные волосы с лица и через плечо.

— Спасибо, — прохрипела я, сопротивляясь желанию прижаться щекой к его руке.

— За что? — хрипло спросил он, заправляя выбившиеся пряди волос мне за уши.

— Держи меня и не отпускай, — слабо предложил я.

Он грустно улыбнулся. — В любой момент.

— Ты хочешь, чтобы я ушла сейчас? — спросила я, чувствуя неуверенность. — Теперь, когда я промочила твою рубашку и шею?

Джонни покачал головой и повторил те же слова, что и ранее: — Я хочу, чтобы ты осталась со мной.

— Правда? — Я всхлипнула, крепче сжимая его шею.

Он медленно кивнул. — Да.

— Хорошо, — прошептала я, сердце бешено колотилось.

— Ты хочешь поговорить об этом? — спросил он, голубые глаза прожигали во мне дыры.

Я быстро покачала головой, понимая, что хочу отбросить все это и сконцентрироваться на одной хорошей вещи в своей жизни.

На *нём*.

Джонни настороженно посмотрел на меня.

— Ты уверена?

— Я хочу забыть об этом, — призналась я. — Я даже не хочу об этом думать. Совсем нет... по крайней мере, пока мне не придется пойти домой и столкнуться с этим лицом к лицу.

— Если ты этого хочешь, то мы так и сделаем, — хрипло ответил Джонни.

Я облегченно вздохнула.

Этот парень.

Бог.

— Ты голодна? — предложил он тогда, отпуская мои бедра и убирая успокаивающее ощущение его рук на моей коже.

Мой желудок заурчал от его предложения, и я неохотно слезла с его коленей.

— Я восприму это как да, — сказал Джонни с легким смешком.

Покачивая головой, он встал и помог Сьюки подняться с кровати, прежде чем повернуться и улыбнуться мне.

— Да ладно, Шэннон, *как река*. — Он наклонил голову в сторону двери. — Давай я тебя покормлю.

На трясущихся ногах я поплелась за Джонни и Сьюки по длинному коридору к

огромной лестнице.

Мне пришлось побороть улыбку, угрожающую вырваться на свободу, когда Джонни остановился наверху лестницы, чтобы схватить Сьюки, а затем понес огромного лабрадора весом минимум 80 фунтов вниз по лестнице, как будто она была ребенком, укачиваемым у него на руках.

Улыбаясь, я последовала за ними.

— Артрит, — объяснил он смущенным тоном, когда поймал мой взгляд. — Старость. — Он осторожно поставил ее на землю, когда добрался до первого этажа, и смотрел, как она ковыляет по коридору, прежде чем добавить: — Но она молода душой.

В ту минуту, когда мои босые ноги коснулись холодной плитки, я вскрикнула и вскочила обратно на застеленную ковром ступеньку.

— Боже, — пропищала я, дрожа. — Пол такой холодный.

— Подожди, — сказал Джонни, а затем помчался вверх по лестнице, но через несколько минут вернулся с парой носков в руках.

Он протянул мне носки, и я села на ступеньку, чтобы надеть их.

— Спасибо, — прошептала я, натягивая на ноги огромные черные носки.

И вот, это были носки марки Nike.

И не фальшивые.

— Нет проблем, — ответил Джонни, наблюдая за мной. Почесывая челюсть, он добавил: — Не знаю, почему я не подумал о носках.

— Все в порядке, — заверила я его, подтягивая их к икрам, прежде чем встать. — Я, э-э... — я беспомощно пожалала плечами и указала на свои голые ноги, прикрытые только на бедрах его боксерскими шортами. — Я не смогла удержать твои штаны.

Его губы дернулись от удовольствия. — Нет?

Я покачала головой, щеки горели. — Я слишком маленькая.

— Все в порядке, — ответил он хрипло. — Мне это нравится.

— Тебе нравится это?

— Я имею в виду, что... — Он покачал головой и вздохнул. — Я имею в виду, что я не против.

— Твои родители не будут возражать? Я нервно заправила волосы за ухо. — Я имею в виду, они не подумают...—

— Нет, — ответил Джонни, но его голос звучал отвлеченно.

— Ты уверен?

Его взгляд скользнул по мне, заставляя мою кожу налиться жаром.

— Нет, это, ну, хорошо.

Мои брови взлетели вверх. — Хорошо?

Он покраснел, заставив меня покраснеть еще сильнее.

О Боже...

— Тут только мы, — добавил он, кашляя. — Мама не вернется до утра.

— Ох, ладно.

— Итак, что ты любишь? — спросил Джонни, к счастью возвращая тему к еде.

— Я не привереда, — пробормотала я, следуя за ним по длинному коридору к двери в конце.

Я стояла в дверном проеме, любясь красивой, современно оформленной кухней передо мной.

Она совсем не была похожа на остальную часть дома, традиционного и величественного.

— Слава богу, — ответил Джонни, привлекая мое внимание к тому месту, где он стоял на огромном черном мраморном острове и проверял свой телефон. — Потому что мои кухонные навыки чертовски базовые, а Гибси до этого вычистил холодильник.

— Я могу готовить? — предложила я застенчиво.

— Что... нет, — быстро отмахнулся он, одарив меня печальной улыбкой. — Ты мой гость. Ты не будешь готовить для меня.

— Я не против, — ответила я.

— Ну, да, — сказал он мне, бросив телефон на стойку и уделив мне все свое внимание. — Поджаренный сэндвич полезен?

Я широко улыбнулась. — Звучит здорово.

— Хороший выбор, — усмехнулся он. — Потому что были сэндвичи или хлопья.

— Мы можем просто съесть хлопья, — предложила я. — Я не против.

Джонни подмигнул и сказал:

— Мы приложим все усилия и получим и то, и другое.

Я не протестовала.

Я была более чем счастлива копать все, что попадалось передо мной.

— Ты пьешь чай?

— Ведрами, — ответила я с улыбкой. — Чайные пакетики *Barry* с двумя сахарами и маленькой каплей молока.

Он усмехнулся.

— Значит, ты чайная девочка, а не кофейная.

Я проворчала.

— Ух. Я ненавижу кофе.

Джонни ухмыльнулся и указал на большой мраморный остров посреди кухни.

— Садись, — приказал он, подойдя к шкапам и начав копать. — Я положу сэндвичи в тостер, и пока мы ждем, мы сможем съесть хлопья.

— Спасибо за это, — тихо сказала я.

— За что? — спросил он, готовя сэндвичи в рекордно короткие сроки.

— За то, что делаешь это для меня, — ответила я, глядя на спину Джонни, пока он работал.

На нем была серая футболка, ткань которой великолепно обтягивала его широкую спину.

— Я бы вряд ли приготовил для тебя тост с ветчиной и сыром, — ответил Джонни с волчьей ухмылкой.

— Ну, мне никто никогда не готовит, поэтому я ценю это, — сказала я ему, все еще стоя в дверном проеме. — Большую часть еды я готовлю дома.

— Да? — В его голосе звучало удивление. — Почему это?

— Потому что я единственная девушка, — пробормотала я. — И большая часть работы по дому ложится на мои плечи.

— Так? — ответил Джонни, все еще стоя ко мне спиной. — Наличие вагины не привязывает вас автоматически к плите или гребаному пылесосу. — Он покачал головой. — Боже, если бы я хотя бы подумал о том, чтобы обрушить это сексистское дерьмо на мою маму, она бы отрезала мне яйца.

— Это здоровый подход к жизни, — сказала я ему, взволнованный его словами.

— Это единственный подход к жизни, — поправил он. — Мы живем в двадцать первом веке, — добавил он. — Не в восемнадцатом.

Он положил сэндвичи в тостер и повернулся ко мне лицом.

— Ты можешь сесть, Шэннон, — мягко сказал он. — Все нормально.

— Э, окей? Подойдя к острову, я подошла к одному из табуретов, но вспыхнула от смущения, когда не смог подняться.

Я попробовала еще раз и с треском провалилась.

— Есть ли пружина, чтобы опустить это?

Я знала, что я маленькая, но это было просто смешно.

Кожаное сиденье табурета задевало мою грудную клетку.

— Хм? — крикнул Джонни через плечо, роясь в холодильнике с коробкой хлопьев под мышкой.

— Стул, — ответила я, покраснев. — Я не могу дотянуться.

Он бросил быстрый взгляд через плечо и ухмыльнулся, заметив мое затруднительное положение.

— Была, — объяснил он, подходя ко мне. Он поставил на остров коробку Cheerios и пинту молока. — Но у Гибси есть привычка ломать все, к чему он прикасается.

Без намека на предупреждение Джонни схватил меня за бедра и поднял на табурет.

— Он любит притворяться, что он взлетающая ракета, — добавил он, не подозревая, как на меня повлияло его прикосновение.

Подойдя к другому шкафу, он достал две миски, затем выдвинул ящик и взял две ложки.

— Урод сломал все шесть табуретов за неделю после того, как моя мама купила их. Он поставил ложки и миски на остров и ухмыльнулся мне. — Они все застряли в полный рост.

Я выгнула бровь. — Ты издеваешься?

Джонни ухмыльнулся.

— Я бы никогда. — Подставив ко мне миску и ложку, он добавил: — Cheerios подойдут для закуски? У меня есть рисовые чипсы, если хочешь?

— Cheerios пойдут.

Джонни сел на табуретку рядом со мной и потянулся за коробкой хлопьев.

Его рука коснулась моей, когда он насыпал хлопья в обе наши миски, и я снова вздрогнула.

— Тебе холодно? — спросил он, поворачиваясь ко мне.

Я покачала головой. — Я в порядке.

— Ты уверена? — спросил он, еще раз наливая молоко в обе наши миски.

Я кивнула.

— Ты уверен, что твои родители не будут возражать, что я здесь?

Он нахмурился. — Почему они будут возражать?

— Не знаю, — поспешила сказать я.

— Все в порядке, — успокоил он меня. — Они не будут возражать.

— Да, окей. Не в силах выдержать жар его взгляда, я опустила взгляд на свою миску. — Полагаю, они привыкли, что к тебе приходят девушки.

— Что это должно означать? — спросил он немного резким тоном.

— Ничего. — Покраснев, я схватила ложку и затолкала в рот ложку Cheerios.

— Шэннон? — спросил Джонни, все еще глядя на мое лицо.

Я беспомощно пожала плечами.

— Я не привожу сюда девочек.

— Нет?

— Нет, — подтвердил он. — Я не...

— А что насчет Беллы? — слова вылетели из моих уст прежде, чем у меня появилась возможность взять их обратно.

— А что насчет Беллы? — спросил он, нахмурившись.

— У тебя с ней ничего нет?

Хмурый взгляд Джонни стал еще сильнее.

— Это в прошлом.

— Мне жаль. — Я зачерпнула ложку хлопьев, прожевала, а затем проглотила, прежде чем добавить: — Вы двое долго встречались, поэтому я просто предположила, что она была бы у вас дома.

Джонни повернулся и посмотрел на меня пустым взглядом.

— Мы встречались?

Я нахмурилась. — А разве нет?

Он пожал плечами и снова сосредоточил внимание на своей миске. — Нет.

— Ох, ладно, — пробормотала я, совершенно сбита с толку.

— Мы не были вместе, Шэннон, — объяснил Джонни, прежде чем затолкать в рот огромную ложку хлопьев.

— Тогда как все было? — Я спросила. — Ты и она?

Я знал, что мне следует перестать разузнавать информацию, но ничего не могла с собой поделать.

Я должна была знать.

Джонни затолкал в рот еще одну ложку хлопьев, какое-то время жевал, а затем сглотнул, прежде чем повернуться и посмотреть на меня.

— Честно?

Я кивнула.

— Это было физически, — признался он, выглядя неловко. — Это был просто секс, Шэннон.

— Просто секс, — повторила я, мои слова были едва ли не шепотом.

— Да, — ответил он. — И прежде чем ты это скажешь, я знаю, как это звучит. Но это правда, и с ней было то же самое. Так что не думай, что я плохой парень и что она тоже хотела от меня чего-то большего, потому что она абсолютно не ждала.

— И ты это точно знаешь?

— Да, я знаю, — теперь он ответил немного оборонительно. — Она не интересовалась мной как личностью. Она была довольна тем, что я мог делать на поле и под ее юбкой. Это было чисто физически. А когда я не смог дать ей то, что она хотела, она перешла к моему товарищу по команде.

— Это довольно ужасно, — прошептала я, щеки горели.

— Да, ну, иногда все не так радужно, — проворчал он. — Иногда трах — это просто трах.

— Теперь ты можешь перестать говорить об этом, — прошептала я, отодвигая миску.

— Ты права, — простонал он, роняя ложку обратно в миску. — Тебе не обязательно это слушать. Ради бога, тебе всего пятнадцать. Он покачал головой. — Какого черта я думаю,

разговаривая с тобой о таком дерьме?

— Мне шестнадцать, — сообщила я ему. — И я не ребенок.

Голова Джонни повернулась ко мне с настороженным выражением лица. — Тебе пятнадцать.

— Нет, это не так, — поправила я. — Мне шестнадцать.

Джонни нахмурился. — С каких пор?

— С сегодняшнего дня, — ответила я.

Джонни уставился на меня. — Это твой день рождения?

Я пожала плечами.

— Почему ты ничего не сказала?

— Я не знаю. — Я снова пожала плечами. — Забыла?

— Шэннон, давай.

— Потому что это не имеет большого значения, — поспешила отмахнуться я. — Это просто еще один день.

Плохой день.

Ужасный день.

Просветлело лишь потому, что я с тобой...

— Нет, Шэннон, — возразил Джонни, выглядя так, будто он был в полной растерянности. — Это большое дело.

— Джонни, сегодня мой день рождения, — смутилась я. — Вот и все.

— Хотел бы я знать раньше, — проворчал он. — Я бы купил тебе подарок.

— Мне не нужен подарок, — выдавила я с трепещущим сердцем. — Не глупи.

Джонни покачал головой и пробормотал: — Да, ну, если бы ты мне сказал, я мог бы дать тебе что-то получше, чем миска долбанных хлопьев Cheerios.

— И поджаренный сэндвич, — слабо предложила я.

Джонни тяжело вздохнул. — И поджаренный сэндвич.

— Разве они не должны быть уже готовы? — Я спросила.

— Черт!

Отодвинув табуретку, Джонни поспешил к сэндвичнице и вытащил их.

— Не совсем сгорел, — объявил он, нахмурившись. — Но уже в пути.

— Все в порядке, — заверила я его, спрыгивая с табурета. — Мне нравятся хрустящие.

Подняв обе миски, я подошла к раковине, чтобы вымыть их.

— Даже не думай об этом, — предупредил Джонни, накладывая наши сэндвичи.

— Не думать о чем? — спросил я в замешательстве.

— Ты не будешь мыть долбанную посуду в свой день рождения, — заявил он, держа по тарелке в каждой руке.

— Я не против...

— И *твое* лицо. Он покачал головой. — И твоя мама. Боже, у тебя день рождения...

— Ты говорил, что мы можем забыть об этом, — задохнулась я, чувствуя, как мой голос дрожит, когда началась паника.

Я не хотела об этом думать.

Я знала, что произойдет, когда покинул этот дом.

И мне хотелось забыть.

Еще пару часов мне хотелось притвориться, что ад не ждет меня по ту сторону его входной двери.

Джонни выглядел так, словно хотел поспорить со мной, но покачал головой и тихо зарычал. — Ты права. Мне очень жаль, — сказал он наконец. — Брось миски в раковину и пойдём со мной. Я разберусь с этим позже.

Оставляя после себя беспорядок было против моей натуры, но я подчинилась инструкциям Джонни и последовал за ним обратно по коридору в большую гостиную с ревущим огнем, уже горящим в камине.

Не думая об этом, я двинулась прямо к нему, застонав от облегчения, когда жар пронзил мои голые ноги и руки.

Джонни поставил тарелки на стеклянный стол перед камином, а затем оттащил диван от стены и поставил его прямо перед камином.

— Тебе не обязательно делать это ради меня, — поспешила сказать я.

— Замерзает, — объяснил он. — А этот дом такой большой, что его отапливать придется целую вечность. Помахав рукой перед диваном, он сказал: — Будь как дома. Я вернусь через секунду.

Не говоря больше ни слова, Джонни вышел, оставив меня одну в своей огромной гостиной.

Слишком ошеломленная, чтобы делать что-либо, кроме как смотреть, я осталась у огня, согревая спину и пытаюсь совладать со своими эмоциями.

Когда Джонни вернулся через несколько минут, он нес две кружки чая.

— Два сахара и маленькая капля молока, — объявил он, подмигнув, ставя кружки рядом с нашими тарелками.

— Спасибо, — прошептала я, ошеломленная его добротой.

Джонни сел на край дивана и выгнул бровь, глядя на меня.

После пары минут внутренних споров я осторожно последовала за ним, заняв другой конец дивана, оставив между нами пространство.

Схватив пульт, Джонни включил телевизор, висевший на стене над камином.

Он был *огромный*.

Минимум 80 дюймов.

— Есть предпочтения? — спросил он меня, просматривая список каналов на экране.

Я покачала головой. — Что ты хочешь.

— Выбор именинницы.

Я покраснела. — Удиви меня.

Джонни взглянул на телевизор, а затем застенчиво ухмыльнулся. — Через некоторое время Ирландия примет участие в чемпионате шести наций. Пожав плечами, он добавил: — Я планировал посмотреть это.

— Тогда давай, — подбадривала я.

Его брови взлетели вверх. — Ты не против?

— Это твой телевизор, — ответила я. — Почему я должна возражать?—

— Если тебе станет скучно, просто скажи мне, — пробормотал он, щелкая пультом, сразу же приковывая внимание к экрану, — и мы можем посмотреть что-нибудь еще.

Когда взрослая сборная Ирландии вышла на поле под исполнение государственного гимна, все лицо Джонни засияло.

В его глазах заплясало возбуждение, когда он постучал рукой по дивану.

Он выглядел очень маленьким.

И очаровательным.

Я подождала, пока Джонни возьмет свой сэндвич, прежде чем потянуться за своим и откусить небольшой кусочек.

Вкус ветчины и плавленого сыра капал на мой язык, и я застонала, прежде чем поспешить его проглотить.

— Однажды я буду там, — заявил Джонни, наклонив голову в сторону телевизора. — Однажды это буду я, Шэннон.

— Я знаю, — ответил я, веря каждому слову. Закусив губу, я повернулась к нему лицом и сказала: — Не забывай обо мне, когда станешь богатым и знаменитым игроком в регби.

— Никогда, — сказал он с ухмылкой. — Я мог бы взять тебя с собой, чтобы ты поддержала меня на трибунах.

Пожалуйста, сделай.

Пожалуйста, заведи меня с собой.

— Ты очень уверен в себе, — сказала я вместо этого.

— Ты можешь носить мой номер и кричать — Джонни, Джонни — с трибун, — усмехнулся он, прежде чем снова устроиться, чтобы посмотреть игру.

Не искушай меня...

Сидя на диване в гостиной его родителей под потрескивающим огнем и дождем, льющим за огромным эркером, я чувствовала, как мое тело медленно расслабляется, пытаюсь следить за матчем.

Я не заставляла разговор нарушать неловкое молчание, потому что его не было.

В этот момент быть здесь с ним было так же легко, как дышать.

Это была странная реакция на пребывание в такой непосредственной близости от Джонни, но это было так.

Мне было *приятно* быть с ним.

Он не заставлял меня говорить, и мне это нравилось.

Он просто сидел рядом со мной, с огромной подушкой между нами и Сьюки у наших ног, и кричал на телевизор.

Когда Джонни вытянул ноги на кофейном столике, я подождала добрых десять минут, прежде чем попытаться сделать то же самое, но потерпела эпическую неудачу, когда пальцы моих ног едва коснулись угла и с грохотом упали на пол.

Тихо посмеиваясь, Джонни потянулся вперед и придвинул стол ближе к дивану.

Смущенная, я твердо стояла на земле.

Меньше чем через минуту Джонни протянул руку, поднял мои ноги и положил их на стол.

Я повернулась, чтобы посмотреть на него, но его внимание снова было приковано к экрану.

Время от времени Джонни приостанавливал игру, чтобы подбросить в огонь немного угля или блоков, прежде чем снова устроиться на диване.

После того, как он сделал это в третий раз, я отдернула подушку с его пути, когда он снова сел, и прижал ее к своей груди.

К концу матча наши плечи соприкоснулись.

Я не отодвинулась.

Он был большим, крепким и теплым, и мне нравилось чувствовать его рядом со мной.

Немного позже, когда мои глаза начали опускаться, он поднял руку, и я даже не вздрогнула, когда она опустилась мне на плечо.

Вместо этого я прижалась щекой к его боку и закрыла глаза, позволяя себе погрузиться в сон без малейшего страха в сердце, потому что он не мог существовать внутри меня, не тогда, когда этот парень обнимал меня.

Глава 38. Это был её день рождения

Джонни

Сегодня был шестнадцатый день рождения Шэннон.

И она проводила его со мной.

Я был *рад*.

Насколько это было безумием?

Эта девушка, которая до Рождества была совершенно незнакомой, а после Рождества я не мог себе представить, чтобы прожить день, не думая о нем.

Я не хотел ее возвращать.

Что-то внутри меня подсказывало мне, что если я это сделаю, она вернется с новым синяком.

По крайней мере, если бы я оставил ее при себе, она была бы в безопасности.

В ее жизни было что-то очень хреновое.

Что-то, что заставило меня захотеть похитить ее и взять с собой, где бы это ни было.

Я не был глуп.

Я знал, что кто-то оставил эти следы на ее лице.

И ее бедра.

И ее руки.

И я был чертовски уверен, что если я раздену девушку догола, то найду еще много чего.

Я не знал, что происходит и кто ее издевается, но я разберусь с этим.

Однако прямо спрашивать ее об этом не могло быть и речи.

Она была так чертовски защищена, что было почти невозможно проникнуть через стены, которые она возвела вокруг себя.

Я думал, что, возможно, делаю хорошую работу, но если я буду слишком сильно давить и слишком быстро, то она снова уйдет в свою раковину.

В первую очередь я хотел разбить эту гребаную оболочку и ублюдков, ответственных за то, что она заставила ее там спрятаться.

Она была прекрасна.

Чертовски мило.

Ей не нужно было прятать свой блеск за этими кровоточащими ставнями.

Шэннон вздрогнула, и это движение отвлекло меня.

Было десять часов вечера, и она ни разу не открыла глаз с тех пор, как уснула сегодня днём.

— Шшш, — прошептал я, когда она хныкала во сне.

Я даже не попытался удержаться и не погладил ее по волосам.

Мне было уже не помочь, когда дело дошло до нее.

Я уже не мог остановиться.

Все внутри меня менялось, когда я сосредоточился на этой крошечной девочке.

Прижавшись щекой к моему бедру, Шэннон прижалась ближе, свернувшись в самый маленький клубок, который я когда-либо видел, чтобы человек ее возраста сворачивал свое тело.

Как одержимый урод, я позволил своему взгляду остановиться на ее синяке на скуле в миллионный раз за этот вечер.

Я знал, что мне не следует на это смотреть.

Это заставило мое тело дрожать от ярости.

И все же я не мог остановиться.

Я смотрел на отметину на ее лице, пока не наполнился гневом настолько, что мог уничтожить целую деревню, а затем переключил свое внимание на синяки на ее бедрах.

В этот момент в кармане у меня завибрировал телефон, и это ощущение отвлекло меня от убийственных мыслей.

Вытащив телефон, я уставился на экран, не узнавая номер, мелькающий перед глазами.

Осторожно, чтобы не разбудить Шэннон, я выскользнул из-под нее и подождал, пока она успокоится.

Сняв толстовку, я накинул ее на ее голые ноги, а затем выскользнул из комнаты, чтобы ответить на звонок.

— Ага? — Я сказал, когда стоял в коридоре.

— Как она поживает? — В трубке раздался голос Джоуи Линча.

— Она спит, — ответил я, понизив тон, потому что, если бы она проснулась и попросила пойти домой, я, честно говоря, не знал, что бы я сделал. Я не мог ей отказать, но уж точно не хотел. — Она отсутствовала весь день.

— Хорошо, — ответил он со вздохом. — Ей это было нужно.

— Что происходит, Линч? Подойдя к входной двери, я дернул ее и шагнул на холодный ночной воздух. — Какого черта происходит с твоей сестрой?—

— Я уже говорил тебе, — отрезал он. — Спроси ее.—

— Я *тебя* спрашиваю, — прорычал я.

— Я буду у тебя через пять минут, — это все, что ответил Джоуи, прежде чем прервать звонок, оставив меня в таком же неведении, как и всегда.

Разъяренная и в полной растерянности, я ходила по коридору, понимая, что мне нужно взять себя в руки, но не находя в себе сил сделать это.

Ровно пять минут спустя с другой стороны моей входной двери раздался небольшой стук.

Как яростный сумасшедший, я стоял и ждал его.

Рывком распахнув дверь, я открыла рот, готовая бросить все свое дерьмо на Джоуи Линча, когда позади меня послышался голос Шэннон.

— Джо? — сказала она сонным голосом, стоя в дверном проеме гостиной.

Я собирался подойти к ней, сказать ей, чтобы она пошла в мою комнату и оставалась там, но ее брат перехватил ее раньше, чем я успел.

— Пора идти, Шэнн, — объявил Джоуи.

— Это? — Ее глаза на мгновение расширились от паники, прежде чем перейти к смирению. — Хорошо.—

— Ага. — Он тяжело вздохнул. — Маме нужна помощь с детьми.

— Она может остаться, — поспешил сказать я. Я посмотрел на Шэннон и добавил: — Ты можешь остаться.

— Нет, нам пора идти, — заявил Джоуи, обхватив Шэннон рукой за плечо и выведя ее из моего дома. — Спасибо за твою помощь, Кавана.

Взволнованный, я последовал за ними обоими.

— Спасибо, Джонни, — прошептала Шэннон, глядя на меня грустными глазами, пока брат вывел ее наружу. — Для всего.—

— Шэннон, тебе не обязательно...

— Давай, Шэнн, — прервал меня словами Джоуи. — Нам нужно вернуться домой.

— С мамой все в порядке? — спросила Шэннон, когда брат подвел ее к пассажирскому месту и открыл дверь.

— С ней все будет в порядке, — сказал ей Джоуи. — Но нам пора домой.

Я понятия не имел, почему мои ноги двинули меня к пассажирской стороне машины, но произошло вот что.

Чувствуя себя беспомощным, я наблюдал, как ее брат усадил ее на пассажирское сиденье, прежде чем повернуть машину к водительской стороне.

— Пока, Джонни, — прошептала Шэннон, когда Джоуи завел двигатель.

Она попыталась закрыть дверь машины, но моя рука выскользнула наружу, не давая ей закрыть ее.

Она посмотрела на меня своими большими голубыми глазами.

Останься

Останься со мной, Шэннон.

Я могу защитить тебя...

— Пока, Шэннон, — сказал я ей вместо этого и с неохотой, граничащей с сожалением, закрыл дверь.

Шины машины ее брата заскользили от того, с какой силой он вырвался из моей подъездной дорожки.

Стоя под проливным дождем, я смотрел, как он забирает ее у меня.

Глава 39. Плохие новости и ещё хуже

Шэннон

— Ты тоже это чувствуешь? Джоуи вырвался вперед, сжимая руль с такой силой, что костяшки его пальцев побелели, пока мы ехали от дома Джонни Каваны.

— Что чувствую? — Я задушила.

Джоуи посмотрел мне прямо в глаза и заставил меня почувствовать себя немного менее одиноким в своем позоре, когда он сказал: — Облегчение?

Я кивнула, ненавидя себя за то, что даже подумал об этом, но я это почувствовала.

И он тоже.

— Она в порядке? — Я прохрипела, когда слова снова нашли меня.

Джои напряженно кивнул. — Должно быть.

— Это то, что произошло? — прощноваа я, чувствуя, как слезы зацепляют мои глаза, когда отвращение и ненависть к себе взяли верх. — Она была в больнице все выходные, а мы не знали?

И снова мой брат сухо кивнул.

— О, Джоуи, — рыдала я. — Она была одна.

— Он *был* у нее, — выдавил Джоуи, сжав челюсти. — Он был с ней и также сейчас дома.

— Что мы будем делать? — спросила я, желая, чтобы он получил ответы, которых у меня не было. — Джо?

— Я не знаю, — наконец выдавил он, его голос дрогнул. — Я больше не знаю, что делать, Шэннон.

— Все в порядке, — заставила себя сказать я. — Тебе не обязательно знать. Тебе всего восемнадцать.

— Я не могу быть там, Шэн, — наконец сказал он, лицо его было наполнено чувством вины. — Я больше не могу так жить.

— Я знаю, — выдохнула я, чувствуя слабость, услышав эти слова, вылетевшие из его рта. Я уже слышала эти слова раньше.

От Даррена.

— Я думаю, нам следует обдумать то, что сказала Ифа, — добавил Джоуи, голос был полон эмоций.

— Что насчет того, что сказала Ифе? — Я задохнулась от ужаса.

— Уйти.

— Ты, должно быть, шутишь, — невозмутимо произнесла я.

Джоуи посмотрел на меня виноватыми глазами, но не ответил.

— Я не попаду под опеку, — выплюнула я, чувствуя себя преданной. — С тобой все в порядке. Ты сможешь жить своей жизнью и уйти. Меня поместят в приют!

— Шэннон, вчера вечером она говорила со мной о моем будущем, и она многое поняла...

— Твое будущее, — невозмутимо сказала я.

Джоуи громко застонал. — Не только мое, Шэннон. Все мы...

— Я не могу поверить, что ты мог такое подумать после того, что случилось с Дарреном! — Я закричала, теряя контроль над своими эмоциями. — Как ты мог подумать,

что поступишь так с нами, Джоуи?

Мой отец терроризировал меня.

Он избил меня.

Я жила в постоянном страхе.

Но он никогда не прикасался ко мне так.

Он никогда не насиловал меня.

Именно это и происходило с Дарреном неоднократно в течение многих месяцев, снова и снова, пока его чуть не убили.

Я прочитала отчеты спустя годы после того, как это произошло.

Я знала все об операциях, которые ему пришлось сделать, чтобы исправить ущерб, нанесенный ему этими ублюдками.

И теперь Джоуи подумывал о том, чтобы рискнуть?

Возвращайся.

Разверни машину и вернись к нему.

Вернись к Джонни.

Скажи ему.

Скажи ему, и пусть он поможет тебе.

Он сказал тебе, что сделает это.

Нет, идиотка, он не сможет тебе помочь.

Никто не может.

Твой собственный брат отказывается от тебя!

— Если хочешь пойти, то иди! — Я закричала, и по моим щекам потекли горячие слезы. — Уходи и оставь нас. Иди, будь с Ифой и проживи вместе чудесную жизнь. Я защищу мальчиков.

— Ты даже себя защитить не можешь! — взревел Джоуи. — Я делаю это, Шэннон. Я пытаюсь смягчить гребаные удары, а они продолжают наноситься.

— Тогда, может быть, тебе и папе повезет, и он прикончит меня в следующий раз, — прошипела я, когда меня пронзили огромные рыдания. — Это избавит тебя от беспокойства, а его — от энергии.

— Не говори так, блядь, Шэннон! — взревел Джоуи, ударив рукой по рулю.

— Почему нет? — Я задохнулась между вздохами. — Это правда.

— Шэннон, дыши, — приказал Джоуи более мягким тоном, протянув руку и потеряв мою спину. — Сделай вдох.

Я не могла.

Я не могла, черт возьми, дышать.

Наклонившись вперед, я отчаянно пытался втянуть воздух в легкие.

— Хорошая девочка, — уговаривал Джоуи, одной рукой управляя автомобилем, а другой потирая мне спину. — Нормально и медленно.

К тому времени, как мы вернулись домой, мне удалось успокоиться до такой степени, что я действительно могла втягивать воздух в легкие.

Несколько минут мы просто сидели возле дома, глядя на машину отца, припаркованную на подъездной дорожке.

Мне не хотелось идти в тот дом.

И Джоуи тоже.

Мы оба были полностью облажались.

Нет, ты пьяна. С ним все будет хорошо...

— Шэннон? — Голос Джоуи прервал мои мысли.

Я не смотрела на него.

Я тоже не ответила.

— Ты меня слушаешь? — он спросил.

Я слабо кивнула, не сводя глаз с машины.

— В следующий раз, когда он наложит на тебя руки, я хочу, чтобы ты дала отпор.

Я напряглась.

— Ты меня слушаешь?

Я кивнула.

— Если он снова прикоснется к тебе, Шэннон, я хочу, чтобы ты схватила самый острый нож, какой только сможешь, и вонзила его ему в сердце.

Всхлипнув, я повернулась, чтобы посмотреть на него. — Ты не вернешься, да?

Джоуи просто смотрел на меня, глаза были полны слез. — Я не могу, — прошептал он, и слеза скатилась по его щеке. — Если я вернусь в этот дом, я убью их обоих.

Я наблюдала за его лицом, осознавал правду, которую он мне говорил, а затем отстегнула ремень безопасности и открыл дверь.

— Прощай, Джоуи, — оцепенело я прошептала, а затем вылезла из машины и вошла внутрь.

Глава 40. Линии и бульдозеры

Джонни

В понедельник утром у меня было ужасное настроение, частично вызванное ужасной болью, которую я испытывал, но в основном это было связано с тем, что вчера вечером я не сомкнул глаз.

Всю ночь я ворочался над Шэннон.

Всю кровавую ночь я лежал без сна, и только мои сожаления составляли мне компанию — и эта фотография из газеты.

Я должен был остановить ее.

Я не должен был позволять ему забрать ее.

Почему, я понятия не имел, но в моей голове был голос, кричавший мне, чтобы я защитил ее.

Я хотел.

Я просто не знал, от чего мне нужно ее защитить.

Или кто.

Я был совершенно невежественным, вооруженным и готовым пойти на войну за девушку, которую я не знал, против врага, о котором мне никто не сказал.

Господи, мне от нее так чертовски заебалось.

Ситуация выходила из-под контроля.

Она нарушала мой вполне довольный образ жизни, и я, черт возьми, не знал, как с этим справиться.

Девушка ударила меня по голове и сделала меня слабым и неустойчивым.

Это было неправильно, и она не имела права вмешиваться в мою жизнь в этот решающий момент.

Она была похожа на торнадо, приближения которого я никогда не ожидал.

Единственная проблема, которую я не предусмотрел, строя свои планы.

Единственный человек, который мог разрушить всю мою тяжелую работу.

И самое нервное во всем этом было то, что мне это нравилось.

Мне *нравилось* то, что она поворачивала мою жизнь по своей оси и поощряла во мне невиданные прежде понятия и чувства, а потом я *ненавидел* то, что мне это *нравилось*.

Я был полностью зависим от каждой детали этой девушки, и это не имело ничего общего с физическим состоянием — а физическое было чертовски идеальным.

Самое главное, она не смотрела на меня как на талон на обед.

Она посмотрела сквозь всю эту ерунду.

Увидев *меня*.

Видя *только* меня.

И это вызвало у меня желание переместить какое-нибудь дерьмо и поставить ее пощечину посреди моего мира.

Я знал, что мне нужно взять себя в руки.

Вот только я не мог.

Потому что она вызывала привыкание.

И я был одержим.

Я потерял счет парням, с которыми играл в регби на протяжении сезонов, которые

выбыли из игры или потеряли форму из-за девушки.

Я не мог позволить этому случиться со мной.

Слишком многое было поставлено на карту.

Все было под угрозой.

До Шэннон у меня никогда не было проблем с концентрацией.

До нее я никогда ни в чем не сомневался.

Я точно знал, кто я, откуда пришел и куда иду.

И сейчас?

Теперь я был в беспорядке.

Мне это было не нужно.

Мне не нужен был этот чертов стресс.

Менее чем через три недели у меня были экзамены по фитнесу, на которых мне нужно было сосредоточиться.

Экзамены, которые, если я не сдам, поставят под угрозу все мое будущее.

Вот на чем мне нужно было сосредоточиться.

Моя карьера.

Не девочка.

К тому времени, как я добрался до школы, я был отвлечен, потерял равновесие и чертовски напуган.

Со мной было что-то очень не так, и мне требовалось немедленное вмешательство.

— Мне нужна услуга, — были первые слова, которые вырвались из моих уст, когда я нашел Гибси возле столярной мастерской перед первым уроком. — Серьезно! — Резко выдохнув, я толкнул его по коридору в сторону общей зоны пятикурсников. — Ты должен мне помочь.

— Хорошо, но у меня урок через две минуты, — пожаловалась Гибси, шаркая ногами передо мной.

— У меня тоже, Гибс, — огрызнулся я, ведя его в, к счастью, пустую гостиную. — Двойной учет с *Могги Дэном*. Но это гораздо более срочно, чем то, что я балансирую электронные таблицы, а ты проектируешь гребаный журнальный столик для своей мамы.

— Ладно, парень, расслабься, — уговаривал он. Высвободившись из рук, он подошел к одному из столов и выдвинул стул. Бросив сумку на пол, он сел и посмотрел на меня. — Я весь во внимании.

Захлопнув за нами дверь, я схватил кожаное кресло и прижала его к двери, прежде чем упасть в кресло.

— Ты был прав, Гибс, — простонал я. — Я так облажался.

— Я? — Его брови удивленно взлетели вверх. — О чем? — Прежде чем я успел ответить, его глаза расширились от комического осознания. — О том, что ты трахаешь себя? Или, по крайней мере, это было бы комично, если бы не было так чертовски депрессивно. — ,Черт возьми, Джонни. Ты этого не сделал или не можешь?

— Я пытался, у меня не получилось, с тех пор я больше не пробовал, так что теперь я почти уверен, что не смогу, — решил я выбросить.

Не было никакого чертового смысла пытаться уклониться от вопроса.

Он не собирался отпускать это, а у меня сейчас были проблемы посерьезнее, чем мой темпераментный тестостерон.

— Как давно это было?

— До Рождества, — быстро ответил я, прежде чем сказать, — но проблема здесь не в этом.

— Господи, Кав, я бы сказал, что это очень большая проблема, парень. Гибси издала тихий свисток. — Ты пробовал смазку?

— Что... нет! Прекрати говорить о моем члене, — рявкнул я, затем разочарованно провел рукой по волосам. — Это она, чувак. Ты был прав. Я в полном замешательстве, и мне нужно, чтобы ты не дал мне сделать что-нибудь глупое с этой девушкой.

— Которая Девушка?

— Как думаешь, какая девушка, придурок? — прорычал я. — Шэннон.

— О, эта девушка. Гибси усмехнулась. — Воскреситель.

— Перестань смеяться. Это не смешно. Мне нужна твоя помощь, — огрызнулся я, взволнованный. — А воскреситель — это не слово.

— Да, это так, — бросил вызов Гибси. — Иисус воскрес. Это было воскресение, совершенное Богом: Воскресителем. Подобно Шэннон: воскресителем твоей задницы в тот день возле физкультурного зала. Хихикнув, он добавил глубоким голосом: — Она появится, и он восстанет.

— Что сделало Бога воскрешателем или воскресителем, — прорычал я. — Нигде в английском языке его не называли истекающим кровью воскрешателем.

— Я говорю о Библии, а не о словаре.

— Ты говоришь из своей норы, — возразил я.

— Терминатора называют гребаным терминатором, засранец, — парировал Гибси. — Не тот чертов терминист.

— Терминист, — размышлял я. — Еще одно слово, которое не слово.

— Ну, воскреситель — это слово.

— Нет, это кровотечение не так. Я покачал головой, раздраженный. — Это фонетически и грамматически неправильно.

— Грамматически правильно? — Гибси отвернулась от меня. — Посмотри на себя, мистер английский язык высшего уровня, ты думаешь, что знаешь все со своим Великим Гэтсби и Шекспиром. Ну, не в этот раз. Он постучал по виску. — На этот раз я умный.

— Это называется базовым пониманием, мистер базовый английский, и я говорю вам сейчас, что ты ошибаешься.

Он почесал голову.

— Сосредоточься, Гибс, — приказал я. — Мне нужна твоя помощь, чувак.

— Я не могу, — проворчал он, нахмутив брови. — Я знаю, что прав, Джонни. Знаешь, я хожу к мессе каждое воскресенье.

— Молодец, — посмеялся я. — Может быть, тебе стоит помолиться Иисусу о здравом смысле... — Мои слова сорвались с языка, когда он подошел ко мне и оттащил мое сиденье в сторону. — Черт возьми, Гибс! — рявкнул я. — Куда, черт возьми, ты идешь?—

— В библиотеку, — ответил он, рывком распахивая дверь. — Ты ошибаешься. Я гуглю это. А потом распечатываю и развешиваю по всей чертовой школе, — добавил он, неторопливо выходя из комнаты. — Смотри, как я воскрешаю истину.

— Ладно, — устало пробормотал я. — Действуй.

Меньше чем через десять минут Гибси вернулась с застенчивым выражением лица.

— Это не слово, — объявил он, возвращаясь в дверной проем.

— Я знаю, — невозмутимо ответил я. — Теперь, когда у тебя все получилось, как ты

думаешь, сможешь ли ты мне помочь?

— Я просто не понимаю, — простонал Гибси, плюхнувшись в кресло напротив моего. — Как это не слово?

— Гибси, пожалуйста!—

— Мне просто нужно слово, Джонни.

— Ладно, это твое слово, — раздраженно согласился я. — Ты можешь это получить. Позвоните, черт возьми, в Оксфордский словарь и зарегистрируйте это чертово слово, мне все равно. Просто помогите мне.

— Да, ну, я мог бы просто сделать это, — фыркнул Гибси, проводя рукой по своим светлым волосам. — Хорошо, расскажи мне о своей проблеме.

Я тяжело вздохнул. — Она мне нравится.

— Окей, — протянул он. — Скажи мне, в чем проблема?

— Это моя проблема, — пробормотал я. — Она мне нравится, Гибс. Думаю, она мне действительно нравится, чувак. Очень, как и во многом. Гораздо больше, чем чертовски нравится. Господи!

Он пожал плечами. — Все еще не вижу здесь проблемы, парень.

— Я. Не. Хочу. Чтобы. Она. Мне. Нравилась, — объяснил я ему, только что потеряв терпение.

— Потому что ей пятнадцать, а тебе семнадцать?

— Ей шестнадцать, — признался я со стоном. — Вчера у нее был день рождения.

— Тогда ты знаешь, что возраст — это чушь, не так ли? — Гибси возразил. — Ты хватаешься за соломинку, парень. Возраст — это большое оправдание, потому что твоя Шэннон тебя напугала, и ты паникуешь, потому что ни разу в жизни ты не чувствовал себя сбитым с толку.

— Я в шоке, — без колебаний признался я. — Совершенно охренел.

— Это великолепно, — радостно усмехнулась Гибси, полностью наслаждаясь моим редким срывом.

— Это не шутка, — отрезал я.

— Ты шутишь, что ли? — он фыркнул. — Это самая смешная вещь, которую я слышал за последние годы.

Заметив мое убийственное выражение лица, он перестал смеяться и жестом предложил мне продолжать.

Рвнувшись вперед, я проигнорировал боль в паху и положила локти на бедра. — Я отвез ее домой на прошлой неделе, парень. Она опоздала на автобус из-за того трюка, который МакГарри проделал возле туалета, и я не мог оставить ее там...

— И ты говоришь мне это только сейчас? — Он обвинил.

Я беспомощно пожал плечами. — Я знаю, что мне следовало уйти, но я этого не сделал. Я посадил ее в свою машину, и мы говорили — часами. И не только о регби, Гибс. Обо всей случайной, бессмысленной ерунде, которая должна была надоесть мне до слез. Это не так. Это было так же, как в тот день, когда я вырубил ее и провел час возле офиса Туми, разговаривая с ней, только лучше, потому что она была в полном здравом уме. С ней так чертовски легко разговаривать, Гибс. Ты не поверишь. Я тяжело вздохнул и сказал: — Я не хотел отпускать ее, парень.

Гибси потер челюсть. — Дерьмо.

— Точно. — Наклонившись вперед, я свободно сложил руки вместе и уставился на

своего лучшего друга. — За все годы, что ты меня знаешь, Гибс, когда-нибудь такое со мной случилось?

— Для тебя это определенно впервые, — согласился он с задумчивым выражением лица.

— Становится хуже, — проворчал я.

— Худше? — Он нахмурился. — Как?

— Я рассказал ей о своей операции.

Брови Гибси взлетели вверх. — Ты серьезно?

— Как сердечный приступ. Я разочарованно выдохнул. — Я рассказал ей все, а потом потерял к ней интерес.

— Почему?

— Я запаниковал, Гибс, — ответил я, защищаясь. — Это выскользнуло, и я чертовски запаниковал. Ты знаешь, что произойдет, если до тренеров U20 дойдут слухи, что я не полностью готов.

Не то чтобы это имело сейчас большое значение, — горько подумал я. Если бы я не взял себя в руки, мои мечты пошли бы прахом.

— И ты думаешь, она заговорит? — Он спросил.

— Честно говоря, нет, чувак. Я не думаю, что она из тех девушек, которые о ком-то говорят, — сказал я ему. — Но я всегда так осторожен, я потерял голову, и это меня напугало. Я больше всего раздражался на себя и слишком остро реагировал. Опустив голову от стыда, я добавил: — Я почти уверен, что заставил ее плакать.

— Так ты облажался?

— Ага, — пробормотал я. — Но на следующее утро она подошла ко мне в школе и извинилась передо мной.

— Почему?

— Черт, если бы я знал, парень.

— Ты ее спросил?

— Не мог, она ушла прежде, чем у меня появился шанс, — пробормотал я. — А потом я сделал это снова в пятницу.

— Сделал что?

— Посадите ее в мою машину, — признался я.

— Ну, черт.

— А потом я пошел еще дальше.

— Как? — Гибси настороженно посмотрела на меня. — Что ты сделал, Джонни?

— Я подвез ее домой. — Выдыхая еще один разочарованный вздох, я откинулся на спинку сиденья и застонал. — Но потом я выхватил ее обратно.

— Какого черта?

— Я знаю, — рявкнул я. — *Я знаю.*

— Как ты похитил девушку, Джонни?—

Я беспомощно пожал плечами. — Хрен его знает, но я это сделал.

— Почему?

— Потому что я не мог отпустить ее, — честно признался я, умолчав о том, что Шэннон больна. — Я не мог позволить ей оставить меня, парень.

— Ты спал с ней?

— Что я только что говорил тебе о своем члене?

— Хорошо, ты пробовал с ней спать?

— Что, нет! — рявкнул я. — Я отвез ее к Бидди, придурок.

— Это должно что-то значить для меня? — Гибси выстрелил в ответ. — Ты говоришь со мной, парень. Я чертовски хорошо осведомлен о том, что здесь происходит. Хихикая, он добавил: — Обычно я в центре событий.

— Нет, я не катался на ней, черт возьми. И не говори кататься.

— Почему нет?

— Не о ней. Откинувшись назад, я потер переносицу и вздохнула. — Только... не о ней, ладно?

— Хорошо, ты занялся с ней сладкой любовью? — насмехался он. — На парковке? Или в туалете? Или в том приятном месте в задней части гостиной?

— Ты придурок, — прорычал я. — Полная и абсолютная чушь.

— О, мой Иисус! — Гибси съёжился и зажал рот рукой. — О нет, — простонал он. — Это не сработает, не так ли?—

— Мой член работает, Гибс! — огрызнулся я. — У меня твердеет, засранец. Просто больно, когда я...

— Когда ты что? — спросил он, широко раскрыв глаза.

— Я не могу кончить, — пробормотал я.

— Ты не можешь кончить? Он задохнулся. — Как вообще?

— Я имею в виду, я полагаю, что мог бы, если бы попробовал. Я уныло вздохнул. — Но в последний раз, когда я попробовал, это было так больно, что меня стошнило, и я чуть не потерял сознание.

— Господи, когда ты в последний раз пытался?

— Ночь Святого Стефана.

— Черт возьми, — выдохнула Гибси. — Джонни, это было несколько месяцев назад. Тебе нужно прийти, парень.

— Тебе, блядь, не кажется, что я это знаю? — Я спросил. — Не то что бы мне это нравилось, Гибс.

— Это неестественно.

— Да, Гибс, это мой член. Я прекрасно понимаю, насколько это ненормально.

— Неудивительно, что ты хромаешь, — пробормотал он. — Твои яйца настолько полны спермой, что тянут тебя вниз.

— Это чертовски смешно, Гибс.

— О, Боже. А что, если они сшили тебя неправильно? — прошипел он, выпучив глаза. — Бля, парень, а что, если они перерезали сперматозоид, когда возились возле твоего мочевого мешка?

— Что? — Я уставился на него. — Какие, черт возьми, наркотики ты принимаешь?

— Знаешь, я читал об этой процедуре, — заявил он с ужасом. — Много может пойти не так...

— Нет. — Я покачала головой, скрывая ужас. — Они не могут.

— Да, парень, — выдавил он. — Они реально могут. Они порезали тебя так близко к твоему...

— Ты можешь остановиться! — рявкнул я, теперь вздрагивая. — Господи Иисусе, я не могу этого слышать.

— Мне жаль. — Подавив гримасу, он помахал мне рукой и сказал: — Заканчивай

рассказывать мне о том, что случилось с Шэннон.

— Я ее не трогал. Неловко поерзав, я пробормотал: — Но я хотел. Я уронил голову на руки и застонал. — После «Бидди» я знал, что мне нужно отвезти ее домой, но я не мог, Гибс. Я, черт возьми, не мог. Поэтому вместо этого я отвез ее в чертовски плохой кинотеатр. Мне просто... нужно было больше времени с ней, понимаешь? этого было недостаточно. Мне нужно было больше...

— Более? — Он приподнял бровь. — Еще чего, Джонни?

— Больше ее, — мрачно ответил я. — Когда дело касается ее, это нечто большее. Я покачал головой и тяжело вздохнул. — Господи, я так чертовски хочу ее, что не могу ясно мыслить, Гибс.

— И я выбил дерьмо из какого-то придурка из ее старой школы в баре, — признался я.

— Ты чертов идиот, — огрызнулась Гибси. — Кто-нибудь видел?

— Лиам, — пробормотал я, дергая себя за волосы. — Я потерял контроль, парень. Они что-то сказали о ней, и я потерял полный контроль над своими чувствами.

— Тебе повезло, что оно не дошло до Деннехи, — отметил он.

— Да, Гибс, — проворчал я. — Я прекрасно осознаю, насколько близок был к тому, чтобы облажаться.

Не нужно, чтобы кто-то еще говорил мне...

— А вчера? — он спросил. — У тебя дома? Что это было?

Я покачал головой и откинулся на спинку стула. — У ее мамы случился выкидыш.

— Дерьмо.

— Ага.

— Она в порядке?

— Я не знаю. — Я беспомощно пожал плечами. — Он забрал ее у меня.

— Кто ее забрал?

— Джоуи.

— Ну, он ее брат, парень, — предположила Гибси. — Он явно собирался вернуться за ней.

— Мне насрать, — отрезал я, думая о ее избитом лице. — Я не хотел, чтобы она уходила, Гибс, и он просто забрал ее у меня. И я позволил ему!

— Вы ведь знаете, что тебе не разрешено держать людей в качестве домашних животных, не так ли? — спросил он кривым тоном. — Ты же знаешь, что это только собаки и кошки, да?

— Бля. Точно. Выключи, — прорычал я.

— Расслабься, — пробормотал он. — Я издевался над тобой.

— Ну, это чертовски не смешно, Гибс, — парировал я. — Все это не весело. Мне потребовалось все, чтобы отпустить ее вчера вечером с братом. К черту все.

— Ну, парень, — наконец сказала Гибси, выдохнув. — Хорошо то, что, по крайней мере, ты наконец можешь признать, что она тебе нравится.

— Но я не хочу истекать кровью, как она, — выдавил я. — В этом вся суть. У меня нет времени на то, чтобы она мне нравилась. Я не могу допустить, чтобы она занимала мое свободное пространство, Гибс. Ты знаешь, что для меня поставлено на карту. Мне нужно не сбиться с пути, и эта девушка заставляет меня думать. Отклоняться так далеко от проторенной дороги, это просто смешно.

У меня уже проблемы.

— Ну, очевидно, что ты не можешь это контролировать, — ответил Гибси странно серьезным тоном. — Не могу помочь тому, кто тебе нравится, Джонни. Такова жизнь.

— Не моя жизнь, — слабо возразил я. — Я не так работаю.

— Так мы все работаем, — поправил он.

— Дело в том, что Шэннон не просто какая-то случайная девушка, Гибс, — выдавил я. — Она другая. Она не шлюха. Я не могу выгнать ее из своей головы. Она даже не знает, кто я, парень. Она понятия не имела. И это было искренне. Она не притворялась. Я встретил достаточно таких цепляющихся людей, чтобы хватило мне на всю жизнь, и я мог сказать, что она ничего не знала. Я покачал головой и прижалась к коже. — И помимо всего этого, она хрупкая.

— Хрупкая?

— Хрупкая, — подтвердил я, не желая давать никакой дополнительной информации.

— Это из-за того, что ты прочитал в файле?

Я посмотрел на него, напрягаясь.

— Расслабься, — уговаривал он, поднимая руки вверх. — Я никогда не читал его. Я просто вернул его Ди.

Я тяжело выдохнул и кивнул. — Просто поверь мне, когда я скажу тебе, что эта девушка — это черта, которую я не могу пересечь.

— Тогда не надо, — ответил Гибси после долгой паузы. — Если она так сильно тебя портит, хотя ты ее почти не знаешь, то тебе лучше уйти сейчас, парень.

— В том-то и дело, парень... Не знаю, смогу ли я, — хрипло признался я. — Вы знаете, какой я, когда мне что-то приходит в голову. Я теряю самообладание и иду ва-банк.

— Конечно, да, — усмехнулась Гибси. — Вы сносите бульдозером все и вся, что встает у вас на пути.

— Ну, останови меня!

— Остановись, — фыркнула Гибси. — Проявите этот знаменитый самоконтроль. Ухмыляясь, он добавил: — В последнее время тебе этого хватало.

— Ты не понимаешь, Гибс. Прошлая ночь чуть не убила меня. Клянусь, я всю ночь не спал, глядя на свои ключи и заставляя себя оставаться в постели, а не ехать туда и не привозить ее домой с собой. — хмуро признался я. — У меня нет ни грамма сдержанности, когда дело касается нее, поэтому мне нужна твоя помощь.

— Итак, что ты просишь меня здесь сделать, Джонни? — спросил он, ухмыляясь. — Ты хочешь сказать, что хочешь, чтобы я заблокировал тебя?—

— Я говорю, что если ты увидишь, как я перегибаю какие-то линии, оттащи меня назад, — пробормотал я. — Я не доверяю себе рядом с ней.

— Ты понимаешь, что линии, существующие между вами двумя, — это те, которые ты нарисовал в своей голове?—

— Я не могу пойти туда с ней, Гибс, и не пойду.

— Ты серьезно?

Я кивнул. — Она чертовски опасна для меня.

— Потому что...?

— Я только что тебе сказал! — огрызнулся я.

— Нет. — Он медленно покачал головой. — По сути, ты там просто ходил кругами, парень. Пожав плечами, он добавил: — Я еще не слышал достойных аргументов против нее.

Я не ответил ему по трем причинам.

Во-первых, он бы не понял.

Во-вторых, он мне не поверил.

В-третьих, я не был уверен, что мне поверили.

— Итак, ты рад просто отступить и посмотреть, как МакГарри или какой-нибудь другой клоун в школе делает ход? — спросила тогда Гибси. — Тебя это полностью устраивает?

То, как мое тело автоматически сжалось от напряжения, было достаточным ответом.

— Она великолепная девушка, Джонни, и к ней проявлялся большой интерес, — спокойно заявила Гибси. — Не может быть и того, и другого, парень. Он пожал плечами. — Ты либо хочешь ее, либо нет. Ты либо идешь на это, либо отступаешь.

— Нет, — прорычал я, напрягаясь.

Это все, что я мог сказать.

Просто нет.

— И ты уверен, что не хочешь попробовать с ней все, что связано с девушкой? — он спросил.

— Это не сработает, — простонал я. — Помимо того факта, что я слишком старше нее, и она, вероятно, не чувствует того же, я слишком занят и слишком недоступен, чтобы заниматься чем-то, даже отдаленно напоминающим отношения.

— Кто сказал?

— Ты знаешь, какова моя жизнь, Гибс. — Я выдохнул еще один тяжелый вздох. — Ты знаешь, почему я не привязан к себе. Это слишком сильное давление, и я не могу позволить себе потерять концентрацию. У меня нет свободного часа в день, и как только наступит лето, я уйду отсюда. Я беспомощно пожал плечами. — Как это справедливо по отношению к любой девушке?

— Верно, — размышлял Гибси. — Но она явно не просто девушка.

— Именно, — выдавил я. — Она слишком...слишком... лучше... важна... — Замолчав, я провел рукой по лицу. — Это никогда не сработает, — сказал я наконец усталым тоном. — В конечном итоге я уйду, они напишут кучу дерьма в газетах и в Интернете, как они всегда делают, пока меня нет, у нее начнется паранойя, я разозлюсь, она в конечном итоге пострадает, и мы оба в конечном итоге окажемся чертовски несчастным.

— Ого, — выдохнул Гибси. — Ты много думал об этом, не так ли?

Каждую минуту дня с тех пор, как я впервые увидел ее.

Я мрачно кивнул.

— Тогда будь ее другом, — предложил он.

Я резко поднял голову. — Ее другом?

— Да, засранец, ее другом, — саркастически протянула Гибси. — Ты знаешь концепцию дружбы? Хотите верьте, хотите нет, но на самом деле у вас это довольно хорошо получается. Делаем ставку.

— Но она девочка, Гибс.

Он закатил глаза. — Да, Джонни, я знаю.

— У меня нет друзей среди девушек.

— Ну тогда она может быть твоей первой.

Я задумался над этой мыслью.

Могу ли я быть другом Шэннон?

Могу ли я быть просто ее другом?

— Друзья, — повторил я, поднимая на него взгляд. — Думаю, я мог бы попробовать?

— Теперь ты говоришь, — поддержал Гибси с довольной улыбкой.

Я мог бы быть ее другом.

Я был бы для нее хорошим другом.

Я мог бы облегчить ей жизнь.

Я *хотел* сделать это для нее.

— Но что, если она не хочет быть моим другом? — спросил я, чувствуя ту непривычную волну неуверенности, которая, казалось, сопровождала любые мои мысли об этой девушке.

— Продолжай эту жалкую, дерьмовую болтовню, и я не захочу быть твоим другом, — фыркнула Гибси. — Что, если она не хочет быть моим другом, — издевался он, а затем фыркнул: — Иди домой и найди свои яйца — помни, кто ты, черт возьми, такой — и пока ты этим занимаешься, потяни свой член, Даже если ты потеряешь сознание от боли, оргазм того стоит.

— Итак, ты мне поможешь? — спросил я, решив проигнорировать его последнюю насмешку.

— Испытать оргазм? — Гибси ответил, покачав головой. — Я люблю тебя, парень. Но не настолько.

— Отвали, — проворчал я.

— Расслабься, — засмеялся он. — Шучу.

— Да, моя жизнь для тебя — большая гребаная шутка, не так ли, — отрезал я.

— Не будь такой обидчивым, — усмехнулся он.

— Гибс, — предупредил я. — Я здесь не трахаюсь. Мне нужно, чтобы ты помог мне с этим.

Он тяжело вздохнул. — Если это то, чего ты действительно хочешь?

Нет.

— Так и должно быть, — прохрипел я.

— Хорошо, парень, я помогу тебе, — со вздохом ответила Гибси. — Даже если это никогда не сработает, ты обречен на провал, и я, скорее всего, в конечном итоге произнесу лучшую мужскую речь на твоей свадьбе в каком-то смехотворно молодом возрасте, потому что ты снесешь все дерьмо бульдозером, а пока я обязательно помогу тебе спрятать голову в песок.

— Это не смешно, Гибс, — оцетинился я.

— Я знаю, — ответил он, одновременно рассмеявшись до упаду. — Это весело.

— Ни капельки, — простонал я.

Глава 41. Игнорируй это

Шэннон

Следующую неделю я провела дома, не посещая школу, заботясь о своих братьях и матери, которая, как я и подозревала, со мной не разговаривала.

Она не разговаривала ни с кем из нас.

Кроме него.

Он вернулся.

Точно так же, как я знала, что он вернётся.

Выкидыш стал для моего отца прекрасной возможностью снова проникнуть в хрупкие эмоции моей матери.

Когда он вернулся тем вечером, Джоуи ушел.

Он уехал и не приходил домой три дня.

Эти три дня я жила в ужасе, опасаясь, что он никогда не вернется домой.

Наконец он это сделал.

Но я знала, что это не будет навсегда.

На днях Джоуи собирался уйти через парадную дверь, как это сделал Даррен, и никогда больше не возвращаться.

Мама вернулась на работу в следующую субботу.

Как робот, она оделась в чистящие средства, спустилась вниз, заварила себе чашку кофе, выкурила семь сигарет и ушла на работу.

Я знала, что маме не следует работать в ее состоянии, она явно была не в том настроении, но когда я попыталась ей сказать, все, что она сделала, это улыбнулась мне слезливой улыбкой, поцеловала меня в щеку и сразу ушла. Дверь.

Я провела весь день, беспокоясь о своей матери и слушая, как отец рассказывал мне, что это моя вина, что она потеряла ребенка.

Я была шлюхой.

Я заставила его выйти из себя.

Я была виновата в том, что он на меня наложили руки.

И я была причиной того, что он толкнул маму, когда она пыталась оттащить его от меня той ночью.

Я была причиной того, что он дал ей пощечину.

Все это было на мне.

Потому что я была такой шлюхой.

Да, я была шестнадцатилетней девчонкой, которая ни разу даже не поцеловала мальчика, но для отца я была бродягой.

Когда вчера вечером он нарушил обещание трезвости, данное моей матери, я даже не удивилась.

Когда он использовал мою шею как игрушку, я даже не вздрогнула.

Я так устала.

Часть меня молилась, чтобы он просто покончил с этим.

Несмотря на то, что Джоуи с грохотом спустился по лестнице и оттащил папу от меня, ущерб уже был нанесен.

К старым синякам он добавил новые, и я провела большую часть ночи, размышляя о

самых худших мыслях.

От этого не было никакой отсрочки.

У меня не было выхода.

Не в том доме.

Не в доме престарелых.

Я оказалась в ловушке.

Когда сегодня утром я вышла из автобуса и вошла в двери Томмен, облегчение, охватившее мое тело, было настолько сильным, что я почувствовала его вкус.

Возвращение после недели в аду казалось величайшей наградой за выживание.

Снова увидеть Клэр и Лиззи и узнать, что они меня любят, услышать слова, что они меня любят, помогло собрать что-то воедино внутри моего тела.

Когда за обедом мне подарили запоздалый именинный кекс и подарки, я чуть не заплакала.

Когда я рассказала им PG-версию того, что случилось с мамой, они знали меня достаточно хорошо, чтобы отказаться от нее.

Я не хотела говорить об этом, думать об этом или напоминать об этом.

Еще когда-либо.

Клэр и Лиззи знали это и уважали мои пожелания.

Делая все возможное, я пошла на все занятия и на следующие семь часов стёр свою семью из головы.

Это было замечательно.

Глава 42. Ловля обувь и чувства

Шэннон

Моим последним уроком в понедельник была двойная физкультура, и из-за дождя на улице мистер Малкахи сжалился над нами и устроил игру в футбол в крытом баскетбольном зале.

Мистер Малкахи был школьным тренером по регби, и по тому, как он развалился на складном стуле у боковой линии, сосредоточив взгляд на блокноте в руке, было совершенно очевидно, что его не интересует наше физическое воспитание.

Кроме того, мне удалось украдкой взглянуть на этот планшет, когда я попыталась, но не смогла выйти из игры, и он был покрыт каракулями и пьесами, связанными с регби.

В итоге меня призвали в команду вместе с Клэр, слава богу, и парой других девушек, в то время как Лиззи удалось отговориться от участия и вместо этого пойти в библиотеку.

Мне хотелось бы быть такой же убедительной, как она.

Вместо этого я носила желтую майку и пыталась бегать, чтобы мальчики меня не раздавили насмерть.

Поскольку Лиззи жила в библиотеке, на площадке оставалось только четыре девочки, которые могли играть с восемнадцатью другими мальчиками из 3А.

Я была намного хуже.

Шелли и Хелен, две другие девочки из моего класса, были не намного лучше, но у меня было ощущение, что это больше связано с их общим отсутствием интереса к игре, а не с отсутствием способностей.

Клэр была великолепна в спорте, была лучшей девочкой на площадке, и ребята относились к ней с заслуженным уважением, передавая ей мяч всякий раз, когда ей удавалось освободиться.

На данный момент она забила дважды.

Честно говоря, мои товарищи по команде пытались сделать это со мной ранее в игре, но после того, как я подставил подножку и стоил нашей команде гола, они избегали меня.

Я подумала, что это может быть к лучшему.

— Тебе весело? — спросила Клэр, подбегая ко мне, когда один из парней из нашей команды снова забил гол.

Она была одета в ту же черную майку, белые шорты и желтую майку, что и я, но, в отличие от меня, ее тренировочная одежда действительно соответствовала ее телу.

Ее длинный светлый вьющийся хвост покачивался из стороны в сторону при движении.

Щеки ее покраснели, глаза светились волнением.

Она была отвратительно красива.

— Разве это не лучший способ закончить день?

— Ах, да, конечно! — Я изобразила улыбку и с энтузиазмом показала ей два больших пальца вверх.

— Ты ненавидишь это, не так ли? — Она засмеялась и положила локоть мне на плечо. Тот факт, что она могла сделать это с легкостью, только показал, насколько я мала. — Не волнуйся. Осталось всего десять минут.

— Футбол на самом деле не мое... — Я остановилась, чтобы пригнуться, едва избежав попадания мяча в лицо. — Это не мое, — начала я говорить, но Клэр уже гонялась за мячом,

крича нашим товарищам по команде, что она открыта.

Спустя несколько мгновений ко мне по площадке пронеслась толпа подростков, выслеживающих преступный футбольный мяч.

Итак, я сделала то, что сделал бы любой здравомыслящий человек ростом 5 футов 0 дюймов на моем месте; Я подбежала к стене и прижалась к ней спиной.

Едва избежав очередного топтания, я решила, что физкультуры на один день мне вполне хватит. Весь день у меня была ужасная, ноющая боль в животе, и беготня не помогала.

Моё тело было разорвано на куски.

Мне было так больно, что я едва могла это вынести.

Честно говоря, у меня было ощущение, что боль в животе, которую я испытывала, была вызвана тревогой и связана с отцом.

В пятницу мы заканчивали школу на целых две недели, и каждый раз, когда я позволяла себе думать обо всех тех днях, проведенных в моем доме с отцом, боль становилась сильнее.

Большинство людей с нетерпением ждали возможности уехать на каникулы.

Тем временем я была в дрожащем беспорядке.

Измученная, я сняла защитную форму и обыскала коридор в поисках мистера Малкахи, чтобы спросить его, можно ли мне уйти раньше и посидеть в раздевалке.

Мое сердце сжалось в груди, когда я обнаружила, что он стоит у входа в зал и разговаривает ни с кем иным, как с Джонни Каваной.

О Боже.

Как долго он там стоял?

Конечно, достаточно долго, чтобы увидеть мою жалкую попытку избежать смерти.

Весь день я чувствовала, что он наблюдает за мной.

Куда бы я ни пошла, клянусь, я чувствовала на себе взгляды.

Я знала, что он хочет поговорить со мной, поэтому провела весь день, уклоняясь от него.

У него будут вопросы о прошлой неделе.

Он хотел бы знать.

И он не поверил бы моей лжи.

Это было ужасно.

Потому что он был слишком умен, чтобы девушка моего положения могла с ним общаться.

Когда я была с ним, я забывала о том, чтобы лежать и прятаться.

Я забыла обо всем.

Мистер Малкахи постукивал по планшету в руке, погруженный в разговор с Джонни. чье внимание металось между тем, что было в этом планшете, и, ну, мной.

Я находилась прямо напротив него, между нами была площадка, но клянусь, я чувствовала жар его взгляда вплоть до пальцев ног.

Каждый раз, когда он переключал свое внимание с планшета на меня, на меня бросался взгляд настолько горячий и полный напряженности, что я не могла понять, что вижу.

Был ли это гнев?

Было ли это разочарованием?

Было ли это что-то еще?

Я не могла сказать.

Мне не пришлось слишком много об этом думать, потому что через несколько секунд

мистер Малкахи дал свисток и приказал нашему классу покинуть площадку и собраться.

Тренер и Джонни остались у входа, погруженные в дискуссию, пока наш класс пробирался мимо них в раздевалки.

Чувствуя, что это самый безопасный вариант, я направилась к Клэр, схватила ее за руку и задала ей миллион бессмысленных вопросов об игре, в которую мы только что играли — ну, игре, в которую она только что играла.

Я не спускала глаз с ее лица, внимательно слушая ее ответы, когда мы проходили мимо них.

И только когда меня благополучно спрятали в раздевалке для девочек, я выпустила дрожащее дыхание, которое сдерживала.

— Ой, Шэннон, что, черт возьми, с тобой не так? — потребовала Клэр в ту же секунду, как за нами захлопнулась дверь раздевалки.

— Хм?

— Моя рука? — Клэр выдавила из себя. — Ты намеренно пытаешься прервать мое кровообращение?

Мой взгляд метнулся к ее руке, точнее, к тому месту, где мои пальцы впились в ее кожу. — Боже мой! — Отпустив ее, я зажала рот рукой. — Мне очень жаль.

— В чем дело? — Она сделала шаг ближе, на ее лице отразилось беспокойство. — Ты выглядишь очень испуганной.

— Ничего, — быстро ответила я. — Я в порядке. Просто... — Я покачала головой и прерывисто вздохнула. — Я не ожидала, что он окажется там.

— Джонни?

Я медленно кивнула.

Затем ее глаза расширились. — Боже мой! — Указывая пальцем мне в лицо, она прошептала: — Ты солгала мне! Что-то случилось на прошлой неделе, не так ли?

— Нет. — Я покачала головой, щеки пылали. — Ничего не произошло.

— Он смотрел на тебя там сзади — как будто пристально смотрел на тебя, — прошипела она, выглядя немного легкомысленной. — Что-то случилось? Пожалуйста, скажи мне, что что-то случилось...

— Я обещаю тебе, что между нами ничего не произошло, — выдавила я, сожалея, что вообще об этом упомянула. — И он не смотрел на меня.

— Но ты этого хотела?

Я открыла рот, чтобы отрицать это, но Клэр прервала меня.

— Ха! Даже не ври, я вижу тебя насквозь, — хихикнула она. — Даже уши у тебя краснеют.

— Клэр, пожалуйста, ты не можешь никому рассказывать! — выпалила я, огорченная.

— Я уже обещала тебе, что не буду.

Я облегченно обмякла. — Спасибо.

— Но ты должна знать, что он смотрел на тебя, Шэн. Как будто серьезно смотрел на тебя. Клэр хлопнула в ладоши, громко визжа. — О боже, это делает меня такой счастливой.

— Нет, он не был... И я не... Я не могу... Я просто... — Подавившись словами, я вздохнула успокаивающе и попробовала еще раз: — Той ночью мы поссорились в его машине.

— Поссорились? — Брови Клэр взлетели вверх. — Почему?

— Это не имеет значения, — пробормотала я, краснея. — И я...

— Ты что?

— Он снова отвез меня домой в пятницу перед моим днем рождения.

Все ее лицо просветлело. — Боже мой!

— А потом меня вырвало прямо перед ним, — хмуро призналась я. — Возможно, на него.

Он находился очень близко к опасной зоне.

Пока он держал мои волосы.

Клэр съежилась от сочувствия. — В его машине?

— Нет, — ответила я слабо. — В школе. Возле моего шкафчика.

Она грустно улыбнулась. — И он потом подвез тебя домой?

— И затем я...

— Ты что, Шэн?

— Я ходила с ним в паб.

— Паб? — визжала она. — Какой паб?—

Я задумалась на мгновение, прежде чем вспомнила название. — Бидди, я думаю?

— О боже мой, — выдохнула она. — Это его паб.

— Что? — Мои глаза расширились. — Его семья владеет им?

Меня бы это не удивило.

— Нет, нет, — поспешила сказать Клэр. — Они не владеют им, но это как его паб. Его место. Его... его... штаб-квартира.

— Что это вообще значит?

— Вот куда они все идут, сказала Клэр. — Все ребята из команды. Бидди — их тусовка.

— Ох, — выдохнула я, растерянно. — Хорошо.

— Итак, — размышляла она. — Что ты делала в пабе?

— Он купил мне ужин, — призналась я.

— Подожди, а почему он отвез тебя в Бидди, если ты заболела?

Я пожалала плечами. — Он отвез меня домой, но когда мы добрались до моего дома, он попросил меня покататься с ним. Нахмурившись, я добавила: —И он повел меня в кино после Бидди.

— Закрой входную дверь, — пискнула она.

— И в свой день рождения я пошла к нему домой.

— Что? — Клэр действительно закричала. — В его дом?

— Это была вина Джоуи. Но я была там... и приняла душ... а потом он приготовил для меня... и я уснула на его... — Я быстро захлопнул рот, когда дверь распахнулась, и в комнату ворвались Шелли и Хелен.

Клэр подняла на меня брови, но больше ничего не сказала.

Однако один взгляд на ее лицо, и было ясно, что этот разговор для нее еще далек от завершения.

Я воспользовалась этим как возможностью схватить со скамейки свою форму и проскользнуть в одну из душевых кабин, чтобы переодеться.

Я не была ханжой или кем-то в этом роде, но мне серьезно не хватало пространства по сравнению с этими девушками.

Избавляя себя от ненужного унижения, я всегда переодевалась в одной из кабинок, задернув занавеску вокруг своих чашек.

Когда я снова надела форму и взяла под контроль свои расшатанные нервы, я вернулась

к девочкам как раз вовремя, чтобы услышать последнюю драму Шелли и Хелен.

Шелли была высокой брюнеткой с такими формами, в которые я могла только надеяться однажды получить. Хелен была более низкой, чуть менее пышной, рыжеволосой версией Шелли.

Они были заядлыми сплетниками и проводили дни, прижавшись друг к другу, перешептываясь и хихикая, но я встречала гораздо худших, чем они.

На самом деле они обе мне нравились в духе — они совершенно безобидны, если ты не рассказываешь им о своих делах.

— Боже, он такой ездовой! — Шелли продолжала визжать.

Она стояла в бюстгальтере и трусиках, совершенно спокойно владея своим телом, и оживленно жестикулировала своим лучшим друзьям.

— Клянусь богом, Хеллс, я бы залезла на этого мальчика, как на водосточную трубу. Она перекинула длинный хвост через плечо и притворилась, что упала в обморок. — Он тоже был бы великолепен в этом.

— Не лги, Шелл, — с хихиканьем ответила Хелен. — Если бы он смотрел на тебя достаточно долго, ты бы потеряла сознание от шока.

— Могу, — со смехом согласилась Шелли. — Но тогда он смог бы оживить меня. Пошевелив своими изящными бровями, она добавила: — его языком.

— О ком речь, девочки? — Клэр вмешалась с дружеской улыбкой. Она сидела на скамейке и застегивала школьную рубашку. — Есть кто-нибудь интересный?

— Как ты думаешь? — Шелли дразнила меня широкой улыбкой. — Сам мистер секс на ногах.

— Ты видела, как он наблюдал за нами? — взволнованно добавила Хелен, закусив нижнюю губу. — Это так. Я видела его. Он полностью наблюдал за нами, когда мы были на площадке.

— Если бы. — Шелли вздохнула/упала в обморок. — Боже, почему ребята нашего курса не могут быть похожими на него?—

— Я знаю, мечтательно согласилась Хелен. — Этот мальчик на сто процентов доморощенный, Коркская сексуальность.

— Он не доморощенный, — услышала я свое замечание. — Он из Дублина.

— Нет... — бросила вызов Хелен с растерянным выражением лица. — Он из Баллилаггина.

— Если вы, ребята, говорите о Джонни Каване, то Шэннон права, — вмешалась Клэр. — Честно говоря, девочки, если бы вы подошли и поговорили с мальчиком, вы бы сразу поняли, что он Даб.

— Он не даб, — пропищала Шелли, выглядя слегка испуганной. — Он из Корка.

— Жаль разочаровывать тебя, но Джонни — большой синий Даб, — возразила Клэр, ухмыляясь. — Боже, девочки, как только он открывает рот, это так очевидно.

— Ну, его отец из Корка, так что он наполовину корконец, — проворчала Шелли. — И он живет в Корке.

— И он родился и вырос в Дублине, что делает его дабом, — хихикнула Клэр. — Спросите его, какие цвета он будет носить в последний день Всеирландского конкурса, — добавила она. — Я могу обещать вам, что он не будет красным.

Шелли явно близко к сердцу приняла спортивное соперничество Корка и Дублина, потому что выглядела ужасно расстроенной этой новостью.

— Ты этого не знаешь, — бросила она вызов. — Он переехал сюда, когда был маленьким. Вероятно, сейчас он поддерживает Корк и Мюнстер.

— Вообще-то, я это знаю, — усмехнулась Клэр. — Еще в сентябре Хьюи пригласил всех ребят из команды посмотреть финал по метанию, и угадайте, кто был единственным в синем среди моря красных футболок?

— Ну, мне все равно, вздохнула Хелен. — Акцент только делает его сексуальнее.

— Именно, — фыркнула Шелли. — Я бы все равно залезла на него, как на водосточную трубу.

— Тогда тебе лучше поторопиться с восхождением, Шелл. Смеясь, Клэр продолжила сыпать соль на мятежные раны Шелли, добавив: — Потому что он уйдет отсюда после того, как окончит школу. Как только он закончит Академию, и «Irish Heads» предложат ему контракт, запомните мои слова, когда я скажу вам, что он не останется в Корке. Он сразу же вернется в Дублин, и они встретят его с распростертыми объятиями. Потому что он их — доморощенный, а не наш.

— Откуда ты вообще все это знаешь? — спросила Хелен, глядя на Клэр так, будто у нее выросли две головы.

— Потому что я провожу время в окружении мальчиков, которые играют с ним в регби, — ответила Клэр. — Я слышала, как Хьюи и Джерард говорили о том, что Джонни останется в Ирландии всего на пару лет. Ребята полагают, что он, скорее всего, будет играть за границей в течение нескольких лет, пока нынешний центровой их команды не сойдет на нет, а Джонни получит игровой опыт на взрослом уровне. Мой брат делает ставку на Францию: у тамошних клубов есть серьезные деньги, которые можно выбросить. Тогда они привезут его домой как игрока мирового класса с огромным опытом за плечами и молодостью на его стороне.

— Боже, — пробормотала я, чувствуя легкую тошноту от этого разговора. — Ты заставляешь его звучать как кусок мяса.

— Потому что он такой в их мире, Шэн, — ответила Клэр, обращая свое внимание на меня. — Большой, толстый и сочный кусок стейка премиум-класса.

— Я не могу себе представить, каково это — находиться под таким большим давлением, — прошептала я, и мои мысли сразу же вернулись к той ночи в его машине.

Неудивительно, что он так резко отреагировал.

Я видела внимание, которое люди уделяли ему, когда нас не было.

Вся жизнь Джонни разыгрывалась на глазах у всей страны.

Все говорили о нем.

Все время.

Думаю, на его месте я бы залезла под кровать и спрятался.

Огромный прилив сочувствия наполнил мою грудь, и все оно было направлено на него.

— Бедный парень, — пробормотал я, думая о том, в каком отчаянии он, должно быть, чувствует себя, раз вынужден скрывать свою травму.

— Бедный парень? — Хелен усмехнулась и издала пффф. — В Джонни Каване нет ничего плохого, Шэннон. Красивый, красивый парень идет прямо к профессионалам. О нем уже пишут в популярных блогах и журналах по регби. Тебе это кажется бедным?

— Вы бы видели толпу и представителей СМИ на его местных играх, — добавила Хелен со сказочным вздохом. — Это безумие.

Я знаю.

Я видела.

Может быть, он был в плюсах, а может, и нет.

Я не думала, что наше дело так говорить о нем.

Открыто обсуждалась его жизнь, и мне было не по себе.

— Ты там ужасно тихая, Шэннон, — заявила Шелли, оценивая меня глазами с пристальным интересом. — Даже не притворяйся, что он не самый красивый мальчик, которого ты когда-либо видела.

Он был, безусловно, самым красивым мальчиком, которого я когда-либо видела во плоти.

Однако у меня возникло отчетливое ощущение, что без притягательной славы и денег, которыми он был связан, эти девушки не были бы такими одержимыми.

Опять же, возможно, они были бы.

Между тем, меня совершенно не заботило, какой формы мяч он гонял по полю.

Регби был спортом.

Это была игра.

Он был не только этим.

Это была всего лишь одна его часть.

Видимо, это единственная часть, которая имела значение для этих девушек.

Это было отвратительно, и я отказалась присоединиться к разговору, который сильно напомнил мне разговоры, которые я вела с девушками над головой о Джоуи.

— Наверное. — Я неопределенно пожала плечами. — Он очень хороший игрок.

Обе девушки засмеялись.

— Она вся покраснела, — поддразнила Шелли. — Слушай, даже не беспокойся, Шэн.

Я нахмурилась. — О чем?

— Он мне нравится, — ответила она. — Джонни даже не смотрит искоса на учениц своего курса, не говоря уже о скромных третьекурсниках.

— На самом деле, это неправда, — язвительно отбросила Клэр. — Он отвез ее домой из школы. Она одарила меня озорной улыбкой. — Дважды.

Покраснев, я сделала себе пометку никогда больше не говорить Клэр ни черта.

Обе девушки перевели на меня взгляды.

— Ты счастливая сука, — выдохнула Шелли, широко раскрыв глаза.

— Ты была в его машине? — потребовала Хелен.

Я пожала плечами, чувствуя себя в этот момент очень уязвимой, но не ответила.

— И она была с ним в газетах, — добавила Клэр. — Хьюи показал мне. Все парни говорили об этом, потому что Джонни никогда не фотографируется с девушками.

— Он никогда не появляется в газетах с девушками, — обвинила Хелен. — Когда это произошло?

— Прежде чем она пошла поужинать с ним в Бидди, — предложила Клэр с широкой улыбкой. — И кино. Да, и после того, как она провела свой день рождения у него дома.

— О, черт возьми, боже! — Обе девушки одновременно ахнули.

— Ты спала с ним? — спросила Хелен — на самом деле это было скорее требование. — Боже мой, ты спала с Джонни?

Клэр посмотрела на меня с выжидающим выражением.

— Нет! Боже, конечно же, нет, — выдавила я, захлебываясь словами. — Почему ты вообще спросила об этом?

— Ах, потому что он Джонни Кавана. Шелли саркастически закатила глаза. — И ты была в его доме. Любая девушка в здравом уме захотела бы прокатиться на нем.

— Не Лиззи, — Клэр махнула рукой в воздухе. — Она презирает игроков в регби.

— Это потому, что Лиззи ссорится с Пирсом. Она снова полюбит игроков в регби на следующей неделе, когда он снова ее успокоит, — парировала Шелли, а затем быстро снова переключила свое внимание на меня. — Боже мой! — Уперев руки в бедра, она завизжала: — Ты видела его спальню? Какая она? У него огромная кровать? Могу поспорить, она огромная. Он снова везет тебя домой из школы? Боже, вы двое — пара?

— О боже, Белла будет в ужасе, — вмешалась Хелен. — Она взорвется, когда узнает, что ты преследуешь ее парня.

— Джонни не парень Беллы, — фыркнула Клэр. — Она, с другой стороны, девчонка для всех.

— Вообще-то, — вмешалась Шелли, подняв палец вверх. — На днях я слышала, как некоторые шестикурсницы в ванной говорили о том, что Белла сейчас с Кормаком Райаном. Выгнув бровь, она добавила: — По-видимому, она трахалась с ним целую вечность.

— Пока она была с Джонни? — Хелен ахнула.

— Ммм-хмм, сказала Шелли. — Глупая девчонка, да?

— Ну, Кормак симпатичный парень, — нахмурилась Хелен. — Но он не Джонни Кавана.

— Я точно знаю? — Шелли согласилась.

Клэр сделала драматический полупоклон. — И вот оно, сказала она. — Всеобщая девчонка.

— И все же. Хелен грызла ноготь, скользнув взглядом по мне. — Белла не будет рада тебе.

— Он не принадлежит ей, — усмехнулась Клэр. — Они никогда не были настоящей парой, а даже если бы и были, Белла не может говорить. Все знают, что она месяцами каталась за его спиной с половиной школы.

— Да, но он ее лошадь в скачках, — рассудила Хелен. — Операция — Переплет тринадцати — есть у кого-нибудь?

— Ух, эти девчонки просто дураки, — проворчала Клэр. — Я думала, что эта дурацкая конкуренция прекратилась в прошлом году.

— Да, — сказала Шелли угрюмо. — Белла победила.

— Операция «Переплет что»? — Я прохрипела.

— Переплет Тринадцать, — повторила Хелен, глядя на меня так, словно я ничего не знала.

В данном случае я не знала.

— Что это вообще значит?

— В прошлом году пяти — и шестикурсницы устроили дурацкое соревнование, чтобы узнать, кто сможет сразиться с Джонни, — проворчала Клэр. — Они назвали эту операцию «Связывание тринадцати», потому что она совершенно грустная и неоригинальная. Она поморщилась, прежде чем добавить: — Очевидно, Белла победила.

— Я не понимаю, — призналась я, огорченная.

— Номер Джонни на футболке — тринадцать, — объяснила Клэр, выглядя совершенно отвращенной. — И переплет — это отсылка к схватке в регби, хотя я почти уверена, что эти девушки имели в виду взаимодействие с Джонни в совершенно другой позиции.

— Что... почему они так с ним поступили?

— Потому что он невероятно разборчив, — простонала Шелли. — И редко смотрит на здешних девушек. Он полный сноб, когда дело касается того, с кем он.

— Я полагаю, он может позволить себе быть с такими женщинами, которые его окружают во время этих туров, — вставила Хелен.

— Верно, — мрачно сказала Шелли. — Вы видели этих девушек в их последнем туре?

— Модель? — спросила Хелен и покорно кивнула. — Ей было где-то двадцать семь.

— Они были повсюду в Интернете, — вздохнула Шелли.

— Белла не будет довольна конкуренцией, — с гримасой заявила Хелен. — Шэн, тебе следует держаться от него подальше, потому что она прямо выцарапает тебе глаза.

— Она сука, согласилась Шелли. — Неважно, отдыхают они сейчас или нет. Она на тебя набросится.

— Они ничего не принимают, потому что у них никогда не было отношений, — проворчала Клэр. — Ребята, они были прославленными приятелями. Вряд ли это был роман века.

— Это не имеет значения, — возразила Хелен. — Ты знаешь, какая она, Клэр. По мнению Беллы, у них с Джонни перерыв, и она потеряет самообладание, если кто-нибудь встанет у нее на пути.

— Меня не было с ним, — выдавила я, страх, что к шестому курсу мне выцарапают глаза, заставил мой желудок сильно сжаться. Это будет не первый раз, и в подтверждение этого у меня все еще оставался слабый шрам на правом веке. — Я клянусь.

— Шэннон, расслабься, — вмешалась Клэр, подходя ко мне. — Никто тебя не тронет.

— Я бы не была так уверена в этом, — проговорила Хелен с обеспокоенным видом. — Белла может быть настоящей стервой, когда захочет.

— Ах, да? — Клэр отреагировала, положив руку мне на плечо. — Ну, я тоже могу.

— Ч-что? — прошептала я, чувствуя, что мой живот вот-вот выпадет из задницы. — Но я не... я не... я ничего не делала...

Звук школьного звонка заполнил мои уши, прервав меня, и вместо того, чтобы попытаться объяснить, как выйти из этого запутанного разговора, я схватила сумку с вещами и бросилась к двери.

— Шэннон, подожди! — Клэр позвала меня вслед: — Просто подожди меня!

Я не стал ждать.

Вместо этого я на максимальной скорости выбежала из физкультурного зала, проталкиваясь мимо парней, выходящих из раздевалки для мальчиков, и спотыкаясь вниз по ступенькам, пытаюсь уйти как можно дальше от потенциальной конфронтации.

Я не могла этого вынести.

Не сегодня.

Я не могла принять еще один аргумент.

Ни с моими родителями, ни с Беллой Уилкинсон, ни с кем-то еще.

Я просто не могла этого сделать.

Это было слишком.

Я добралась до переулочка, ведущего из школы, все еще стуча ногами по бетону, когда каблук моего ботинка застрял в трещине посреди дороги, и я чуть не упала головой на мокрый асфальт.

К счастью, мне удалось вовремя прийти в себя и спастись от очередного сотрясения

мозга.

Понимая, что несколько студентов открыто наблюдают за моим мини-крахом, я замедлила шаг и перешла на более быстрый шаг.

Доковыляв до тропинки, я подождала, пока пройдет большая толпа мальчиков, прежде чем идти в ногу в нескольких футах позади них.

Иисус.

Были ли Хелен и Шелли правы?

Белла собиралась пойти за мной?

Потому что Джонни подвез меня домой?

О боже, мое сердце, мое бедное, измученное сердце колотилось по грудной клетке.

Мой желудок крутился.

Я чувствовала, что мне будет плохо.

Нет, перефразируйте это так: —Мне будет плохо.

Перелезая через невысокий забор, отделявший тропу от лесистой местности, я убежал в кусты, уронил сумку на мокрую траву, нырнул за ближайшее дерево, и меня сильно вырвало.

В моем желудке было очень мало еды, но яблоко, которое я съела ранее, великолепно всплыло.

Содрогаясь от отвращения, я оставалась в приседе, несколько раз делая успокаивающие вдохи и пытаюсь успокоиться.

Все мое тело сильно дрожало, и я не была уверена, было ли это от дождя, льющего на меня, или от чистого ужаса в моем сердце.

Я подозревала и то, и другое.

Несколько минут спустя, когда я была уверена, что снова могу двигаться, я осторожно встала и вытерла рот тыльной стороной ладони.

Прижав руку к животу, я прерывисто выдохнула и огляделась.

К счастью, мне удалось расположиться вне поля зрения с переулка.

На этот раз.

Я полезла в школьную сумку за бутылкой с водой и поняла, что в спешке схватила не ту сумку.

Моя школьная сумка снова была в физкультурном зале.

— Дерьмо, — прохрипела я.

Плечи опустились, я закинула сумку на спину и пошла обратно на дорогу.

На этот раз я не стала бежать.

У меня закончились силы.

Я была полностью лишена всего.

Если Белла хотела причинить мне боль, то никакие побегі этого не изменят.

Она найдет способ.

Они всегда так делали.

Самое тревожное, что я не знала, как она выглядит.

Я не знала, кого остерегаться.

Каждый, мой мозг настаивал. Никому не доверяй.

Под проливным дождем, просачивающимся сквозь мою одежду, я медленно пошла обратно в зал физкультуры, опустив голову и отключив режим полета.

По дороге струился устойчивый поток быстро текущей воды, а травянистая дамба слева от тропы находилась под водой, и я старалась избегать ее, когда переходила к зданию

физкультуры.

В отличие от того, когда раньше я бежала и не обращала внимания на погоду, сейчас я с болью осознавала свое окружение — и дерьмовую ирландскую погоду.

Боже, если бы дождь не прекратился в ближайшее время, в городе была бы объявлена тревога о наводнении.

Для Корка это не было чем-то необычным зимой, а иногда и ранней весной.

Черт, летом в Корке может даже произойти затопление.

Без защиты пальто, которое я оставила в шкафчике, моя одежда промокла насквозь.

Мои ноги были мокрыми, носки промокли от суеты в поисках места в лесу, чтобы выbleвать. Ощущение того, что моя мокрая униформа прилипла к моей такой же влажной коже, заставило меня почувствовать одновременно противный и холодный эффект.

Когда я наконец вернулась в зал, все уже ушли, прежний шум и суета одноклассников заметно исчезли.

Благодарная за временное убежище от муссона снаружи, я направилась прямо к раздевалкам для девочек и вздохнула с облегчением, когда заметила на скамейке свою школьную сумку, где я ее оставила,

Я все еще привыкаю к тому, что в этой школе к моим вещам не прикасаются.

Я подошла к своей сумке и подняла ее, только чтобы заметить, что вырванная страница из тетради упала на пол.

Я проигнорировала это.

Промокнув до нитки, я схватила сумку для экстренных случаев, поплелась в ванную и быстро почистила зубы, давась, когда щетка ткнулась мне в горло.

Закончив чистить рот, я сполоснула зубную щетку, сунула ее обратно в небольшой пакетик с пастой и пошел обратно за сумкой.

Посмотрев на часы, я заметила, что было 4:25.

Если не считать шорт, майки и пары чистого нижнего белья, которые я всегда носил с собой, в школе у меня не было запасной сменной одежды, так что мне пришлось помучиться, пока я не вернусь домой.

Мой автобус оставался только через час, но я знала, что предпочитаю ждать его прибытия на автобусной остановке, чем рисковать столкнуться с Беллой в школе.

Хоть я и не знала, как выглядит Белла, я не была готова подвергнуть себя такому уровню беспокойства.

Даже пальто, которое все еще лежало в шкафчике.

Дождь стоил моего спокойствия.

Засунув сумку обратно в передний карман школьной сумки, я закинула ее на спину и закрепила ремни сумки на плечах, прежде чем потянуться за запиской.

Шэн,

Мне следовало держать свой жирный рот на замке. Я правда не хотел тебя расстраивать. Я подумал, что мы все шутим, и увлекся этим подшучиванием. Иногда я забываю обо всех ужасных вещах, которые те девушки с тобой сделали. Это тяжело, потому что ты выглядишь таким счастливым здесь... и другим? Отличаются в хорошем смысле.

И не обращай внимания на Шелли и Хелен. Они полные драматурги. Белла и пальцем тебя не тронет. Я обещаю.

В любом случае, мне очень жаль, и, пожалуйста, напиши мне, когда вернешься домой.

Обожаю Клэр. Ххх

Я прочитал записку еще три раза, прежде чем сунуть ее в карман юбки. Затем я сунула свою сумку со снаряжением под скамейку рядом с Клэр и вышла из раздевалки.

Я не злилась на Клэр.

Их подшучивание было совершенно нормальным.

Меня разозлила моя реакция на подшучивание.

Моя постоянная чрезмерная реакция на все.

Мне нужно было работать над собой.

Мне нужно было перестать все время бояться.

Однако было тяжело, когда я проводила большую часть своего времени бодрствования в постоянном состоянии паранойи и тревоги.

Джоуи сказал мне, что мне нужно дать отпор.

Он повторил это вчера вечером, когда потирал мне спину, когда я пыталась дышать во время приступа паники.

Он сказал мне, что если он когда-нибудь снова прикоснется ко мне, я должна схватить оружие.

Хотя я боялась.

Я боялась высвободить что-то, что я, возможно, не смогу обуздать.

Именно из-за моего бездействия моего брата вчера вечером избили.

Я знала, что Джоуи не винит меня за сломанный нос, но полученное от него ранее текстовое сообщение, сообщающее мне, что он останется с Ифой на ночь, сделало перспективу возвращения домой ужасающей.

Он спасался, и я не винила его.

Если бы у меня было безопасное место для падения, я бы бросилась туда.

Вот чем была Ифа для моего брата.

У Джоуи была Ифа, а у меня никого не было.

Глубоко задумавшись, я находилась у подножия лестницы возле здания физкультуры, когда звук моего имени пронесся в воздухе.

— Шэннон.

Обернувшись, я увидела, как Джонни сбегает по крутым ступеням здания, натягивая на ходу капюшон своей темно-синей куртки.

Не слишком остро реагируй и беги, Я молча скомандовал, когда мои ноги дергались подо мной. Просто скажи привет.

Поняв, что физически я киваю в ответ на свои мысленные утверждения, я прочистила горло и слабо произнесла: —Привет, Джонни.

— Привет, Шэннон, — пыхтел он, останавливаясь передо мной. — Как дела?

— Хорошо, — выдавила я, пытаюсь сохранить бесстрастное выражение лица. Это был невозможный подвиг, когда каждая унция крови в моем теле прилиwała к лицу, поощряемая громовым сердцебиением. — Ты, эээ, был в холле?

— Ага. — Джонни кивнул. — Мне нужно было кое-что обсудить с тренером. Легкая улыбка тронула его губы. — Ты не облажалась, когда сказала, что не занимаешься спортом, да?

Я вспыхнула от смущения.

— Ах, нет.

— Как твоя мама? — спросил он, его голубые глаза были острыми и испытывающими.

— О, она, э-э... — Я сделал паузу, чтобы заправить мокрый прядь волос за ухо, —

Теперь ей намного лучше.

— Это хорошо, — сказал он, и казалось, что он действительно имел это в виду. — Ты была дома и помогала ей на прошлой неделе? Поэтому ты не пришла в школу?

— Эм, да, ей нужна была помощь после, ну... — Я покачала головой, прежде чем добавить: — С мамой сейчас все в порядке. Она вернулась к работе и все такое.

Брови Джонни взлетели вверх. — Так рано?

Вы один из тех, кто говорит, мистер Аддуктор...

Я пожалп плечами. — Это то, чего она хотела.

— А ты? — спросил тогда Джонни.

Я нахмурилась. — А что я?

Его голубые глаза прожгли мои дырки, когда он сказал: — С тобой все в порядке?

— Со мной все в порядке, — прохрипела я, чувствуя себя невероятно нервной из-за того, что снова оказалась так близко к нему.

— Знаешь, — размышлял он. — Мне начинает действительно не нравится это слово.

— Ну, я действительно в порядке, — выдавила я. — Хорошо, это так.

— Это хорошо, сказал он. — И твоя семья...

— Я действительно не хочу об этом говорить, — сказала я тихим голосом. Еще когда-либо. — Мы отходим от этого, поэтому я бы предпочла, чтобы мне не напоминали, — добавила я. — Если это нормально?

— Черт, да, — пробормотал он. — Я больше не скажу об этом ни слова.

Я облегченно обмякла.

— Мне тоже очень жаль, — прохрипела я. — За то, как мы навязали тебе в тот день у тебя дома.

— Что? — Джонни нахмурился. — Ты мне не навязывался.

— Действительно, — призналась я, смущенная. — И Джоуи тоже.

— Шэннон, я так не думаю, — сказал он мне грубым тоном. — Я не... так что не думай так. Хорошо?

— Хорошо... Что ж, мне, наверное, пора идти.

Слабо улыбнувшись, я слегка помахала ему рукой и сказала: — Пока, Джонни, прежде чем развернуться и уйти.

Смотри, прогресс!

Я не бежала.

— Подожди, — крикнул Джонни, его голос раздался совсем рядом со мной. — Ты идешь домой?

Иррационально тронутая его близостью, я схватилась за лямки своей сумки и кивнула, но не остановилась

— В такую погоду? — спросил он, шагая рядом со мной.

— Нет, я просто иду к автобусной остановке, — тихо объяснила я, не сводя глаз с пешеходной дорожки передо мной, стараясь не допустить переливания дождевой воды, которая, казалось, пузырилась из каждой канализации.

Это был нелегкий подвиг, ведь мое сердце пыталось вырваться из груди.

Это была еще одна вещь, над которой мне нужно было поработать: контролировать реакцию своего тела на этого парня.

Он шел рядом со мной, и каждый раз, когда он делал шаг, его рука задевала мою.

Это было явно случайно, я сомневалась, что он вообще это заметил, а он был настолько

большим, что я была уверена, что он ничего не сможет с этим поделать, но это не значило, что мое тело не реагировало на его прикосновения.

По крайней мере, я сейчас горела.

Это помогло от сырости.

— Во сколько снова твой автобус? — спросил Джонни глубоким и скрипучим голосом. Дрожа, я смахнула языком каплю дождя с губы и ответила: — Каждый день я езжу на автобусе в полпятого.

— Это будет через час.

Я не ответила.

Я просто продолжала идти.

— Ты собираешься стоять под дождем целый час? — спросил он, встав передо мной и остановив меня.

Мы оба были как мокрые крысы от ливня, и мне пришлось отвести глаза, чтобы не полюбоваться тем, как его мокрые волосы прилипли к его лбу.

У него были великолепные волосы.

Еще у него был великолепный запах.

Я не могла удержаться от вдоха, поскольку он стоял слишком близко ко мне, чтобы утешаться.

Дезодорант — Лунх, свежескошенная трава и парень — все в одном лице.

Кого я обманывала; у него было великолепное всё.

Когда я вернула свои мысли в настоящее и пожала плечами, Джонни издал нетерпеливое рычание, его пронзительные голубые глаза прожигали во мне дыры.

— Давай, — сказал он хрипло. — Я отвезу тебя домой.

О, нет.

Милый младенец Иисус, нет.

— Нет. — Я быстро покачала головой. — Ты большой.

Он изогнул бровь, вставая в мое личное пространство своим гигантским телом. — И что?

— Потому что ты подвез меня домой, — ответил я, делая безопасный шаг назад.

— Так? — возразил он, делая еще шаг ко мне.

— Итак, хватит. Я прижала подбородок к груди и попыталась обойти его. — Спасибо, в любом случае.

Джонни снова преградил мне путь, заключив меня в клетку своим огромным телом.

И, как и раньше, мне пришлось вытянуть шею, чтобы посмотреть на него.

— Ты предпочитаешь стоять под дождем час, чем проехать у меня? — спросил он, его глаза были дикими и горячими. — Почему?

Потому что твоя подруга, которая то снова, то снова уходит, может захотеть или не захотеть причинить мне тяжкие телесные повреждения.

Потому что когда я впервые села с тобой в машину, это закончилось плохо.

Потому что во второй раз, когда я села с тобой в машину, я почти рассказала тебе секреты.

И главным образом потому, что меня пугает то, как ты заставляешь меня чувствовать.

Когда я не ответила, потому что, честно говоря, не могла, Джонни издал еще одно рычание, но на этот раз оно звучало так, будто он был расстроен. — Ты на меня злишься?

— Злюсь? — Я покачала головой, широко раскрыв глаза. — Нет, нет, конечно, нет.

— Тогда почему ты ведешь себя так?

— Как?

— Избегаешь меня, — тихо сказал он.

— Не правда, — солгала я. — Я просто... я просто...

— Ты что, Шэннон?

Я пожалала плечами, совершенно потеряв дар речи.

Он покачал головой, бросил сумку на землю, а затем потянулся вперед, стягивая мою школьную сумку с моих плеч — с обоих плеч, причем с минимальным усилием.

Потрясенная, я наблюдала, как он бросил мою сумку на землю рядом со своей, а затем расстегнул молнию на своей дизайнерской куртке и сбросил ее.

— Ч-что ты делаешь? Я задохнулась, стуча зубами от холода.

— Как ты думаешь, что я делаю? — возразил он, протянув руку позади меня, накинув мне на голову капюшон своей куртки и обернув его вокруг моих плеч. — Здесь ты промокнешь.

— Но куртки у тебя не будет, — выпалил я.

— Но у тебя будет, — ответил он. — Теперь ты собираешься засунуть руки в рукава, или мне придется сделать это за тебя?

Когда я не смогла ему помочь, откровенно говоря, я была слишком ошеломлена, чтобы сделать что-либо, кроме как уставиться на него, Джонни схватил оба конца куртки и застегнул ее до моего подбородка, оставив мои руки прижатыми к бокам, а пустые рукава покачивались рядом. Мне.

Он надвинул капюшон вперед, прикрывая мои волосы от дождя, а затем наклонился и схватил обе наши сумки.

— Теперь, — сказал он, одобрительно кивнув и перекинув сумку через плечо. — Пойдем. Я отвезу тебя домой. Ма, наверное, ждет у ворот.

— Твоя мать? — Я выдавила.

— Да, — ответил он. — Моя машина в гараже на ремонте.

— Но я не знаю твою мать, — выпалила я. Я попыталась размахивать руками, чтобы подчеркнуть это, но куртка на молнии не давала мне для этого места.

— Ты меня знаешь, — был его ответ.

Я открыла рот, чтобы сказать что-нибудь, что угодно, но Джонни зашагал по тропинке — с моей школьной сумкой.

— Подвинь ноги, Шэннон, — крикнул он через плечо, не оглядываясь на меня. — Прежде чем мы оба заболеем пневмонией.

Я была настолько ошеломлена его действиями, что сделала именно то, что сказал мне Джонни.

Я подвинула ноги.

Торопясь за ним, я лавировала по дождевым лужам и трещинам на тротуаре.

Мне было достаточно трудно идти за ним на двухдюймовых каблуках и чертовски невозможно сохранять равновесие, сжимая руки по бокам.

— Дерьмо, — пискнула я, когда просчитала с прыжком и приземлилась в замерзшую лужу.

Это тоже была не обычная лужа.

Нет, это была ирландская лужа, состоящая из добрых пяти дюймов мутной, мутной, ледяной дождевой воды.

Сразу же вода начала заливать мои ботинки, и идти было невыносимо.

Подпрыгнув на одной ноге, я вытащил руку из-под куртки и снял туфлю.

Перевернув его вверх дном, я с тревогой наблюдал, как выплеснулась вода.

Мой бедный носок промок насквозь.

Мои икры были покрыты листьями и коричневой слякотью.

Я застонала от ужаса, сунув ногу обратно в ботинок, а затем принялась опорожнять другой ботинок.

— Что ты делаешь? — Джонни крикнул впереди меня.

— У меня в ботинке вода, — крикнула я в ответ, пробормотав ряд ругательств, направленных на ирландскую погоду. — Я не могу ходить в них вот так. Просто дай мне секунду... эй...

Мой ботинок выскользнул из моих рук, и я бросилась к нему.

Плохая идея, учитывая, что я балансировал на одной ноге и мои руки были зажаты.

Чувствуя себя лапшой, мне удалось схватить свой ботинок в воздухе, но я снова потеряла его, когда не смог встать на ногу.

Мой ботинок вылетел из моей руки, и я полетела назад, пытаясь, но безуспешно, удержаться в вертикальном положении.

Понимая, что дело проиграно, я отказалась от битвы и приготовилась к удару, который обязательно почувствую.

Я упала назад, моя задница на мгновение задела бетон, прежде чем меня снова подняли.

Сжимая кулаком перед курткой, которую я носила, Джонни буквально держал меня парящим над землей, как будто мое тело было чем-то до неприличия крошечным и невесомым.

Это не так.

Я весила шесть стоунов(38 кг) и три фунта, но вы бы об этом не догадались по тому, как он держал меня на одной руке.

— Отличный улов, — наконец выдохнула я, глядя на его лицо со смесью шока и восхищения, в то время как он поддерживал все мое тело одной рукой.

Его губы дернулись. — Спасибо.

— Ну, ты определенно лучше ловишь, чем бросаешь.

Ухмыляясь, Джонни поднял меня на ноги, прежде чем расстегнуть молнию куртки и освободить мои руки.

— Лучше? — спросил он, его руки легли на легкие изгибы моей талии.

Не совсем потому, что я чувствовала тепло его рук на своем теле, и хотя целый слой одежды отделял его прикосновение от моей плоти, я все равно чувствовала его до самых пальцев ног.

Это было плохо.

Это было так нехорошо.

Покраснев, я вцепилась в его предплечья, балансируя на своей единственной ноге в ножнах, и выпалила единственное, о чем могла подумать в этот момент: — Я не хочу, чтобы меня избивали.

Его руки сжались на моей талии, когда он посмотрел мне в лицо. — Кто может избить тебя?

— Твоя девушка.

— У меня нет девушки, — медленно ответил он, на его лице отразились

настороженность и замешательство. — Ты знаешь это.

— Белла.

— Она сказала тебе что-нибудь? — требовательно спросил Джонни, с сердитым выражением лица.

Я покачала головой.

Он приподнял бровь. — Нет?

— Нет, — тихо подтвердила я.

— Ты уверена, что она тебе ничего не сказала? — Он исследовал.

— Я уверена, — ответила я. — Но я не хочу давать ей повода.

Джонни пристально посмотрел на меня и повторил свое предыдущее заявление с некоторыми поправками. — Она никогда не была моей девушкой, Шэннон.

— Да, ну, пара девчонок из моего класса говорили, что у тебя...

— Ты говорила обо мне? — прервал он резким тоном. — С ними?

— Нет. — Я покачала головой. — Они говорили о тебе. Со мной.

Джонни возмущенно изогнул бровь. — Есть ли разница?

— Да. — Я кивнула. — Большая. Я глубоко сглотнула и покачала головой. — Послушай, Джонни, мне не нужно... я больше не могу... — Прерывисто выдохнув, я заставила себя посмотреть на него. — Я не хочу, чтобы мне было больно из-за того, что ты заговорил со мной. — Мои слова прозвучали быстро и с придыханием. — Мне не нужны такие проблемы в жизни. Я не боец. Мне нужно опустить голову и пройти школу без драмы.

Наступила долгая пауза молчания, во время которой никто из нас не произнес ни слова.

— Ты думаешь, я позволю кому-нибудь причинить тебе боль? — наконец спросил Джонни, его темные и напряженные глаза сосредоточились исключительно на моем лице. — Ты думаешь, я допущу, чтобы с тобой случилось что-нибудь плохое, Шэннон, как река?

Я смотрела на него, не зная, что сказать, и неуверенная в своих чувствах.

Когда я не ответила, Джонни издал низкое рычание и покачал головой, в результате чего капли дождя забрызгали мне лицо.

— Потому что я не буду, — ответил он на свой вопрос, сказав. — С тобой ничего плохого не произойдет, — добавил он, глядя на меня темными голубыми глазами. — Потому что я никому не позволю причинить тебе боль, ясно?

Я неуверенно кивнула. — Хорошо?

Он внимательно наблюдал за мной, его глаза горели и смотрели на меня. — Ты веришь мне?

— Я хочу, — выдохнула я, когда мои пальцы впились в твердые равнины его плеч — беспомощная реакция моего тела на его слова.

Боже, я хочу...

— Хорошо, — хрипло ответил он, подходя ближе и сжимая руки на моей талии. — Я тоже этого хочу.

Странная тяжесть охватила нас тогда, когда нескончаемый цикл дождя продолжал литься.

Как ощущение давления.

Как будто воздух вокруг нас стал разреженным.

Он смотрел на меня сверху вниз, выглядя одновременно раздраженным и взволнованным.

Это был смущающий взгляд.

Я не знала, что с этим делать.

Огромный черный внедорожник Range Rover подъехал к нам, разряжая странное напряжение и спасая меня от того, чтобы выпалить что-то опасное.

Затонированное окно опустилось, и из него высунулась голова женщины.

— Джонни? — крикнула женщина в Range Rover. Она была красивой блондинкой и выглядела слегка испуганной, глядя на нас. — Что ты делаешь с этой бедной девочкой?

— Это моя мама, — пробормотал Джонни, мельком взглянув на мать, прежде чем снова обратить свое внимание на меня. — Ну давай же.

— Мы ждем! — Я прохрипела, схватив его за руки, прежде чем он успел уйти, все еще балансируя на одной ноге. — А что насчет моей обуви?

Джонни взглянул мне под ноги, а затем позади меня.

Тяжело вздохнув, он обнял меня за талию, притянул к себе, поднял меня над землей и повел нас к джипу.

Одной рукой он дернул заднюю дверь, а другой усадил меня на заднее сиденье, а затем побежал обратно на пешеходную дорожку, чтобы забрать наши брошенные сумки.

— Я вся мокрая, — предупредила я, чувствуя себя неловко при мысли о том, что испорчу дорогую обивку машины.

— Серьезно, Джонни, — добавила я с дрожью, когда он вернулся к двери с нашими сумками. — Я промокла насквозь, моя одежда.

Его губы на мгновение дернулись, а затем он покачал головой, словно отмахиваясь от нежелательной мысли, пришедшей ему в голову.

— Ма, это моя, а, это Шэннон, — признал он, выглядя явно неловко. Он нервно взглянул на меня, а затем снова повернулся к матери, дважды прочистив горло, прежде чем добавить: — Она моя, э-э... она новенькая. Он толкнул меня дальше на заднее сиденье джипа своей матери, а затем бросил обе сумки рядом со мной. — Я сказал ей, что мы отвезем ее домой.

— Привет, Шэннон, — сказала его мать, поворачиваясь на сиденье и сверкая мне мегаваттной улыбкой.

— Шэннон, это моя мама, — хрипло объявил он. — Я, ах, пойду и найду твой ботинок.

Затем он закрыл дверь машины, заперев меня внутри со своей матерью, и убежал.

В ужасе я рухнула на заднее сиденье Range Rover принадлежавшего его матери.

Ну, это не было неловко.

Это было совсем не неловко.

Пытаться избежать гипервентиляции из-за жгучего дискомфорта было на удивление сложно, учитывая, что я был уверен, что наступает полномасштабная гипотермия.

— Эмм...приятно познакомиться, миссис Кавана, — болтала я, беспокойно подпрыгивая коленями, и потирала руки вверх и вниз по рукам.

Я настолько вышла из зоны комфорта, что понятия не имела, что делать.

Сознание того, что с меня капает вода на кожаный салон этой доброй дамы, тоже не помогало. — С-спасибо вам,

— Я Эдель, любимая, — ответила она рассеянно, глядя в окно. — Что, во имя Иисуса, делает сейчас этот мой сын?

Пробормотав про себя несколько ненормативных ругательств, миссис Кавана нажала кнопку на двери, и ее окно опустилось.

— Джонни! — она позвала. — Что ты делаешь, бегая под дождем, чертов придурок? Садись!

— Он ищет ботинок, — указала я, щеки пылали. — Мой ботинок — я его уронила. Скорее бросил. — Он пытается найти его для меня.

Миссис Кавана повернулась, чтобы улыбнуться мне, но ее улыбка дрогнула, а выражение лица превратилось в озабоченное нахмуривание.

— О боже, — выдохнула она. — Посмотри, как ты дрожишь. Ты, должно быть, погибла. Я погибла.

Я была за гранью гибели.

Мое тело сильно трясло, а влажная одежда продолжала воздействовать на кожу.

Мать Джонни включила обогреватель на полную мощность, и я застонала от облегчения, когда волна тепла ударила мне в лицо.

Она сняла с плеч толстый вязаный кардиган, который носила, и накинула его мне на ноги.

— Теперь, любимая, сказала она успокаивающим тоном. — Мы согреем тебя в кратчайшие сроки.

— Большое спасибо, — ответил я, медленно увядая внутри. Ее маленький поступок доброты был для меня ошеломляющим. — Я не хочу пачкать ваш кардиган.

— Для этого и нужны стиральные машины, — ответила она с вернувшейся улыбкой.

Ого, мать Джонни была красивой.

И очень хорошо одет.

Серьезно, ее одежда была просто вау.

Все подходило друг к другу, от сережек до пояса.

Модельер, запомни, прошипел мой мозг, конечно, она будет хорошо выглядеть.

Со светлыми волосами и карими глазами миссис Кавана не слишком походила на своего сына, но он определенно унаследовал ее строение костей и пухлые губы.

Однако Джонни был прав насчет ее дублинского акцента; оно было толстым и гораздо более отчетливым, чем у него.

— Похоже, у тебя есть поклонник, — добавила миссис Кавана, указывая на то место, где Джонни бегал взад и вперед по тропинке, прочесывая землю и дамбы в поисках моего пропавшего ботинка.

Черт, я надеялась, что он не уплыл в канализацию.

Папа был бы в восторге, если бы я пришла домой с еще одним расходом.

— Он проделал ужасную работу, заставляя тебя молчать. — добавила с улыбкой миссис Кавана. — Я видела вас с ним в газетах на прошлой неделе. Прекрасная фотография, любимая. Вы вместе выглядите просто потрясающе.

Думала ли она...

— Что? О нет, нет! — Я покраснела уродливым свекольно-красным оттенком. — Это не так.

— О, нет? — Она ухмыльнулась. — Я подумала, может быть, Джонни завел себе маленькую подружку, пока меня не было.

— Эм, нет. Я поморщилась от дискомфорта. — Мы просто...

— Друзья? — пошутила миссис Кавана, легкая улыбка тронула уголок ее губ. — Так я слышала,

Мы были друзьями?

Я не был уверена.

Возможно, он все еще пытался загладить свою вину.

Я кивнула и сказала: — Да, мы просто друзья.

— Ах, как жаль, — ответила она после долгой паузы. — На мгновение я подумала, что тебе удалось сделать невозможное.

— Невозможно?

— Отвлечь его от регби.

— Ой. — Я сжала руки, не зная, что на это ответить. — Ну, нет, — это все, что я придумал, а затем добавила: — Мы просто друзья.

Когда миссис Кавана заговорила снова, ее брови были озабоченно нахмурены. — Я люблю своего сына всем сердцем, но иногда мне хочется, чтобы он вспомнил, что ему семнадцать, и немного расслабился. Веселился. Влюблялся. Нарушал правила. Был подростком, а не...

— Машиной? — Я тихо предложила,

— Да, — согласилась его мать, энергично кивая. — Его питание, тренировки, путешествия, спонсоры, все это... это пугает. — Она снова вздохнула, нахмутив брови. — Я просто хочу, чтобы он время от времени давал волю. Я знаю, как это звучит в устах матери, но он настолько сдержан. Каждая часть его жизни полностью структурирована и спланирована. Для меня, как для его матери, наблюдать за этим ошеломляюще. ... Я не могу себе представить, каково это — быть семнадцатилетним и жить так изо дня в день. Но с Джонни все это регби, регби и еще раз регби. Он ест, спит и дышит этим чертовым спортом.

Я открыла рот, чтобы сказать что-нибудь — что угодно — но миссис Кавана продолжила.

— Он просыпается и тренируется. Он идет в школу и тренируется. Он приходит домой и тренируется. А затем он ложится спать и на следующий день повторяет весь цикл заново.

— Звучит утомительно, — согласилась я, чувствуя себя немного некомфортно от внезапного и глубокого понимания его жизни, которое мне дали.

— Наблюдать за ним, конечно, утомительно. С легким вздохом она коснулась своего лба и сказала: — Я просто хотела бы, чтобы он нашел выход разочарованию, гневу или чему-то еще, что накопилось внутри него. Боюсь, что в один прекрасный день он взорвется.

Я понятия не имела, что сказать в ответ.

Мой мозг изо всех сил пытался зарегистрировать всю новую информацию о Джонни.

— И я только что поняла, что говорю бессвязно, — сказала тогда миссис Кавана, тихо посмеиваясь. — Извини. Мой муж всегда меня из-за этого ругает.

— Все в порядке, — ответила я, когда по моему телу пробежала небольшая дрожь. — Я не против.

Это так,

Я чувствовала себя странно непринужденно, слушая ее речь.

Мать Джонни была милой и дружелюбной и полной противоположностью тому родителю, к которому я бы вернулась домой.

— Итак, расскажи мне, откуда ты и Джонни знаете друг друга? — она спросила. — Вы учитесь в одном классе? Как вы подружились?

— Нет, я на третьем курсе, — ответил я, поерзая на своем месте.

— Действительно? — Глаза миссис Кавана расширились. — Я думала, ты намного старше.

Я просияла от комплимента — по крайней мере, я восприняла это как комплимент.

Нечасто меня принимали за старшую

— Мне шестнадцать. Я должна быть на четвертом курсе, — объяснила я, довольная тем, что выгляжу старше. — Но меня задержали в начальной школе.

— Как и Джонни, — сказала мне миссис Кавана с теплой улыбкой.

— В шестом классе, — ответил я, слегка кивнув. — Он не был счастлив.

— Нет, — засмеялась она. — Он, конечно, не был. Улыбаясь, она добавила: — Вы, должно быть, хорошо знаете друг друга, если он сказал вам: — Мои родители разрушили мою жизнь, когда перевезли меня в историю о палках.

— Не так уж и хорошо, — поймала я себя на объяснении: — Честно говоря, Джонни, предлагающий подбросить меня домой, вероятно, просто еще один из его способов загладить свою вину за то, что он сбил меня с толку на поле.

— Прошу прощения? — Миссис Кавана зашипела, выпучив глаза.

— Это был несчастный случай, — быстро вмешалась я. — Он не хотел, чтобы это произошло. Если кто-то виноват, то я. Мне не следовало туда идти. Я отвлекла его. Но потом он хорошо обо мне позаботился. Я выдохнула и добавила: — Он был очень добр.

— И когда произошел этот несчастный случай?

— Еще в январе, — объяснила я, моя рука автоматически легла на затылок. — Врачи в больнице сказали, что все в порядке, и шишка уже давно прошла, но Джонни пытается загладить свою вину с тех пор, как это произошло.

— Даже сейчас?

— Я думаю, он все еще чувствует себя ответственным за это, — сказала я, пожав плечами. — Мы оба знаем, что он не хотел, чтобы это произошло. Никто из нас не хотел. Это был полный несчастный случай. Но теперь все улажено.

— И поэтому он должен чувствовать ответственность! — Лицо миссис Кавана приобрело мертвенно-белый оттенок, когда она прошипела: — Я собираюсь кастрировать этого маленького дерьма...

— О боже мой, нет! — Я взвизгнула.

Обдумывая свои слова, я внезапно осознала, как плохо это, должно быть, прозвучало для миссис Кавана, и, отчаянно пытаясь стереть выражение ужаса с ее лица, я быстро уточнила: — Все в порядке, мяч полетел в меня.

О, Боже мой, дай мне умереть.

— Вне, — в десятый раз подчеркнула я. — Удар был у меня на голове.

— Как он тебя обидел? — спросила его мать, выглядя обеспокоенной, но в то же время с огромным облегчением.

Я тяжело вздохнула. — С его яйцами(ball- как и мяч, так и яйца)

— С его яйцами? — повторила она с ужасом. — Джонни нокаутировал тебя своими яйцами?

— Мячем, — подчеркнула я, ёрзая на своем месте. — Только один мяч... — Я замолчал, понимая, что путаю вещи.

— Яйца? Удары? Тебя сбивали с ног? — Миссис Кавана тяжело вздохнула. — Шэннон, любимая, пожалуйста, объясни мне это, прежде чем у меня случится инсульт.

— Я не беременна или что-то в этом роде! — выпалила я, чувствуя необходимость прояснить это. — Я никогда не была беременна, — добавила я для уточнения. — Ни от вашего сына или кого-либо еще.

— Приятно это знать, — ответила его мать чуть менее резким тоном. — А теперь расскажи мне, что произошло.

— О боже... — Я прижала руки к горящим щекам и глубоко вздохнул, прежде чем повторить попытку. — Я перевелась в Томмен после рождественских каникул. Это был мой первый день, и я опоздала на урок, поэтому срезала через поле. Где они тренировались по регби. Джонни пнул мяч, и он ударил меня по затылку. Я упала на край поля и оторвала голову от земли. Должно быть, я ударилась об камень или что-то в этом роде, когда приземлилась, потому что я потеряла сознание. Все еще довольно неясно, но Джонни помог мне дойти до кабинета и подождал со мной, пока моя мама не пришла в школу. Мама отвезла меня в больницу на осмотр. — Я прерывисто вздохнула и добавила: — Вот и все.

Миссис Кавана долго и неловко наблюдала за мной, очевидно, принимая мою меру.

Я догадалась, что она поняла, что я говорю ей правду, потому что ее голос был пронизан беспокойством, когда она наконец спросила: — И с тобой все было в порядке?

— Ага. — Я кивнула, испытывая облегчение от того, что прояснил катастрофическое недопонимание. — Это было просто сотрясение мозга средней степени тяжести.

— О, Господи, — выдохнула она. — Шэннон, любимая, мне очень жаль.

Протянув руку через консоль, она подхватила с пола дизайнерскую сумочку и открыла ее.

— Твои больничные счета, — начала она рассеянным тоном, роясь в своей сумке. — Знаешь, сколько они стоят? Черт побери, я оставила сумочку на кухонной стойке. Мне нужен номер телефона твоей матери. — Она продолжала рыться в своей великолепной дизайнерской сумке. — Почему школа не связалась со мной?

— Что? — Я изумилась и покачала головой. — Нет-нет, миссис Кавана. Все в порядке. Счета не было. У меня есть медицинская карта.

Она смотрела на меня несколько долгих секунд, прежде чем наконец вытащила руку из сумочки.

Я была рада, что она это сделала, потому что я крепко держала дверную ручку и была в двух секундах от того, чтобы выбежать из этого джипа — в обуви или без обуви.

— Ну, мне очень жаль, что это случилось с тобой, Шэннон, — наконец сказала она, ставя сумочку обратно на пол со стороны пассажира. — Но я все равно хотела бы поговорить с твоими родителями и извиниться. Может быть, я смогу сделать это, когда отвезу тебя домой...

— В этом нет необходимости, — выпалила я, чувствуя, как моя грудь сжимается от паники, когда кровь в моих венах превратилась в лед. — Моя мать все время работает, поэтому ее не будет дома, а моего отца нет... он не будет... пожалуйста, не звоните... он не... — Мои слова застряли у меня на языке, и я прерывисто выдохнула. И задушила слова: — Это не обязательно.

Миссис Кавана неуверенно покусывала нижнюю губу, изучая мое лицо.

Ее карие глаза были полны невысказанного беспокойства, выражение лица было таким же. — Шэннон, любимая, я не...

Именно в этот момент передняя пассажирская дверь распахнулась, напугав нас обоих и заставив миссис Кавана — к счастью — замолчать.

— Блять, там холодно! — объявил Джонни, прыгнув внутрь и отряхнувшись, в результате чего вода разбрызгнулась повсюду. — Я бы сказал, что пора задраить люки и вытащить резиновые лодки, девочки. Погода испортилась.

— Говорит, что гений бегал в бурю последние полчаса, — пошутила его мать. — Знаете, у нас оранжевая тревога из-за наводнения. Четвертое за месяц.

— Ты знаешь, что я не сдаюсь, мам, — парировал Джонни, с триумфом подняв мой ботинок.

Повернувшись на сиденье лицом ко мне, он выгнул бровь и сказал: — Подскажи, когда мы сделаем это в следующий раз? — Тон его был серьезен, но в глазах плясало озорство, а вода капала с его распущенных дождем волос на лоб. — Держи обувь на ногах.

Подмигнув, он бросил мой ботинок мне на колени, прежде чем развернуться и потянуться за ремнем безопасности.

— Прости, — пробормотала я, покраснев.

Подняв с колен скользкий ботинок, я неохотно засунула ногу внутрь, вздрагивая от ощущения хлопаяния.

— Спасибо, что спас мою обувь.

— Да, ну, скажи мне спасибо, научившись в них ходить, — поддразнивающим тоном ответил Джонни.

Я покраснела, как свекла. — Эм, да, окей.

— Боже, это какой-то дождь для марта.

— Следи за языком, — отругала миссис Кавана, заводя двигатель и трогаясь с места. — И что я слышала о том, что ты нокаутировал Шэннон?

Джонни обернулся и уставился на меня, выражение его лица говорило правду?

Я опустила обратно на свое место.

— Хорошо?

— Ради черта, Ма!

— Что я тебе говорил о твоём языке? — огрызнулась миссис Кавана. — Охлади свои струи, Джонни.

— Боже. — Джонни осел на подголовник и застонал. — Я уже получил по шее от Туми, Лейна, Тренера и мамы Шэннон. Пожалуйста, не и ты тоже.

— Хорошо? — спросила миссис Кавана, бросив быстрый взгляд на сына, прежде чем снова сосредоточиться на дороге. — Ты не думал, что мне нужно было сказать?

— Простите, — выдавила я, тревожно сжимая руки. — Твоя мама думала, что я твоя... что мы были... что ты поймал меня... своими беременными яйцами... тьфу... — Прочистив горло, я прошептал: — Мне очень жаль.

Джонни повернулся ко мне лицом и ухмыльнулся. — Мои беременные яйца?

— Нет, моя беременная и твои яйца, — пробормотала я, а затем съежилась от своих слов. — Неважно.

Не обращая внимания на мою бессвязность, Джонни повернулся к матери и сказал: — Это был несчастный случай. Она была на поле во время тренировки. Я даже не видел ее, пока мяч не попал ей в голову.

— Да, теперь я это знаю. Шэннон объяснила, — ответила миссис Кавана. — Надеюсь, ты извинился перед ней, Джонни.

— Конечно, я, черт возьми, извинился перед ней, — фыркнул Джонни, напрягая плечи.

Со своего места в центре заднего сиденья я наблюдала, как он гладил рукой свое бедро — свое поврежденное бедро.

Покачав головой, Джонни разочарованно выдохнул и пробормотал: — С тех пор я извиняюсь.

— И все же мне бы хотелось, чтобы мне сказали об этом, когда это произошло.

— Ну, теперь ты знаешь, — пробормотал он. — Это был несчастный случай. Я не хотел, чтобы это произошло, и я не хожу вокруг, чтобы бить девушек по голове ради того, чтобы они посмеивались и смеялись.

— Не занимай такую оборонительную позицию, Джонни, — ответила она, смягчив тон. — Никто не обвиняет тебя в том, что ты сделал это нарочно, любимый.

— Да, черт возьми, — пробормотал он. — Просто брось это, мам.

Его голос звучал взволнованно — нет, дело было не только в этом.

Он звучал так, будто ему было больно.

Что, скорее всего, и было таковым.

Воспоминания о нашем разговоре в его машине всплыли у меня в голове в великолепных цветных деталях.

Это не заживает достаточно быстро.

Это чертовски беспорядок.

Мне больно.

Не говори никому.

Во мне вспыхнуло беспокойство, и я подумала, знает ли его мать, какую боль он испытывает.

Я сомневалась в этом.

Судя по моему ограниченному общению с этой женщиной, она не показалась мне человеком, который сознательно позволил бы своему сыну подвергнуть себя опасности.

— Ты едешь не в ту сторону, — заявил Джонни, когда миссис Кавана свернула на перекрестке налево вместо того, чтобы поехать прямо на автостраду. — Шэннон живет в городе Баллилаггин, на дальней стороне.

— О, я знаю, любимый, — щебетала миссис Кавана. — Я просто подумала, что было бы неплохо пригласить Шэннон на чай.

— Чай? — Я прохрипела.

Джонни тяжело вздохнул. — Ма.

— Ты пьешь чай, Шэннон, любимая? — спросила миссис Кавана.

— Эм... да?

— Ма, — тихо прошипел Джонни. — Что ты делаешь?

— Девочки(собаки)в городе у грумеров, и их нужно забрать в семь, — объяснила миссис Кавана. — Сейчас почти пять. Нет смысла ехать с Шэннон до самого Баллилаггина только для того, чтобы снова проехать весь путь обратно за собаками.

— Тогда забери их сейчас, — прошипел он, напрягаясь.

— Я не могу, — беззаботно ответила миссис Кавана. — Я оставил сумочку дома.

— Ма, нет, — сказал Джонни предупреждающим тоном и медленно покачал головой. — Она хочет домой.

— Шэннон не против, если мы заглянем домой на час, прежде чем отвезти ее домой, — ответила миссис Кавана.

— Ты даже не спросил ее, — выдавил Джонни.

— Шэннон? — Миссис Кавана перезвонила мне. — Ты не против, любимая?

Скажи нет, Шэннон.

Скажи ей, что ты не против.

Если он узнает, он убьет тебя.

Ты знаешь, что это неправильно.

Этот мальчик небезопасен для тебя...

— Я не против, — задохнулась я, раздираемый страхом внутри моего сердца и жгучим любопытством в моем теле. — Меня это устраивает.

— Теперь видишь? — пошутила его мать, похлопывая Джонни по щеке. — Шэннон не возражает, любимый.

Джонни повернулся и посмотрел на меня извиняющимся взглядом.

Я не знала, что сказать или сделать, поэтому просто пожала плечами и слабо улыбнулась ему в ответ.

Он долго смотрел на меня, прежде чем резко выдохнуть и снова повернуться лицом к лобовому стеклу.

О Боже.

О Господи.

О, милый милосердный младенец Иисус...

Дыши, Шэннон, просто дыши...

Я молчала, наблюдая, как Джонни и его мать общаются, и говорила только тогда, когда мне задавали прямой вопрос.

Это было неловко, неудобно, и я все время с болью ощущала его присутствие, мое тело было в состоянии повышенной готовности.

Для чего, я понятия не имела.

Но каждый раз, когда я находилась с ним в непосредственной близости, мне было трудно дышать.

Проехав несколько минут по узкой второстепенной дороге, мы остановились у знакомых черных железных ворот.

Миссис Кавана опустила окно, вытянула руку и набрала код на клавиатуре.

И точно так же, как когда я пришла сюда с Джоуи чуть больше недели назад, огромные ворота распахнулись внутрь.

Концентрируясь на своем дыхании, я старалась не сосредотачиваться на том, насколько прекрасен его дом и насколько неполноценной я себя снова чувствую, собираясь войти в него.

— Теперь, — объявила миссис Кавана, припарковавшись возле двери высотой восемь футов. — Приведи свою подругу внутрь, любимый, и принеси ей что-нибудь теплое и сухое, чтобы она могла переодеться.

Она заглушила двигатель и отстегнула ремень безопасности.

— Мне нужно быстро позвонить на работу, а потом я приготовлю вам обоим что-нибудь поесть.

— Ма... — начал было Джонни, но миссис Кавана вылезла из машины и поспешила открыть входную дверь.

Ошеломленная, я ничего не могла сделать, кроме как смотреть, как миссис Кавана исчезла в доме, оставив нас одних в своей машине.

— Мне чертовски жаль, — объявил Джонни, отвлекая меня от внутреннего смутения. Он повернулся на своем месте лицом ко мне. — Я понятия не имею, о чем она думала.

— Все в порядке, — ответила я, крепко сжимая руки. — Твоя мама очень милая.

— Да, — пробормотал Джонни себе под нос, глядя через плечо на дом. — А что насчет твоей мамы?

Мои брови взлетели вверх. — А что о ней?

— Тебе нужно быть дома? — спросил он, немного съежившись от очевидного дискомфорта. — Помогать ей или что-нибудь в этом роде?

— Она на работе, — тихо ответила я.

— Черт, да, ты уже это сказала, — пробормотал он, проводя рукой по мокрым волосам. — Ты в порядке?

Я кивнула.

— И ты это тоже уже говорил, — пробормотал он, покачав головой. — Черт, ты сказала мне не говорить об этом.

— Я знаю, — прошептала я.

— Готово, — пообещал он. — Я не буду поднимать эту тему снова.

Я слабо улыбнулась. — Спасибо.

Он долго смотрел на меня, как будто пытался что-то сообразить в своей голове, прежде чем тяжело вздохнуть. — Правильно. Нам лучше войти.

— Мне не обязательно, — быстро предложила я, чувствуя себя неловко и неуверенно. — Я могу подождать здесь, если хочешь?

— Что нет! — Он вылез и открыл мою дверь. — Я этого не хочу.

— Ты уверен? — прошептала я, чувствуя, как мое сердце бешено колотится в груди.

Джонни кивнул, но выглядел он так же неуверенно, как и я. — Я хочу, чтобы ты вошла, Шэннон.

— Правда?

— Да?

Сделав глубокий, ровный вдох, я вылезла из машины и уставилась на его лицо, чувствуя себя очень маленькой и очень потерянной.

Мне нужно было, чтобы он взял на себя инициативу здесь.

Для меня это была незнакомая территория.

Я не знала, как к этому подойти.

— Пойдем, наконец сказал Джонни, к счастью взяв под контроль странную ситуацию, в которой мы оказались, когда он взял меня за локоть и вывел нас из-под дождя.

Когда мы вошли в дом, Джонни отпустил мой локоть и закрыл за нами дверь.

Тем временем я стояла в огромном вестибюле и изо всех сил старался не смотреть на старинный стол в прихожей, стоящий вдоль стены, или на дорожную на вид вешалку прямо за дверью, и я определенно старалась не смотреть на огромные напольные часы, громко тикающие. Или бесчисленные картины, украшающие безупречные стены из слоновой кости.

Когда Джонни скинул туфли, я автоматически скопировала его, не желая испачкать грязью идеально отполированные плитки с черно-белыми узорами.

Я стояла в этом самом зале чуть больше недели назад, но слишком нервничал, чтобы оглядеть свое окружение.

Я все еще нервничала.

Может быть, даже больше нервничала.

Но сегодня все было по-другому.

Не было ни Джоуи, ни Гибси, которые могли бы меня отвлечь.

Были только я и Джонни.

И его мать.

О Боже...

Глава 43. Назойливые матери

Джонни

Со мной серьезно что-то не так.

Двадцатиминутная беготня под дождем в поисках *обуви* была хорошим признаком того, что эта девушка заставляла меня сходить с ума.

В ту минуту, когда я увидел, как Шэннон мечется по спортзалу, чудовищная волна желания защиты поднялась внутри моего тела при виде того, как она пытается защитить себя от того, чтобы быть растоптанной, и я понял, что моя проблема была больше, чем я предполагал.

У меня было безумное желание выйти на корт и сказать ее одноклассникам, чтобы они отвалили от нее.

Всю прошлую неделю я вел себя как ненормальный сталкер, высматривал ее в коридорах и становился все более взволнованным, когда она не появлялась.

Я запустил щупальца в надежде раздавить любое дерьмо, которое может происходить без моего ведома, давая понять, что любой, у кого проблемы с ней, также имеет проблемы со мной.

Слава Богу, она сегодня вернулась в школу, потому что я планировал поехать туда сегодня вечером, если бы она этого не сделала.

Каждая минута каждого дня с того дня, как ее брат забрал ее у меня, была наполнена беспокойством.

Я не знал, почему я так себя вел.

Я только знал, что что-то внутри меня требовало, чтобы я защищал ее.

Я понятия не имел, что это было за нечто и почему я это чувствовал, но оно было таким сильным, что я практически мог попробовать его на вкус.

Я понятия не имел, как справиться с выкидышем ее матери.

Ни малейшего чертова понятия о том, как утешить ее, не становясь слишком сильным.

Похоже, у меня вошло в привычку так поступать, когда дело касалось этой девушки.

Я знал, что мне нужно было отступить, черт возьми.

Но я *не мог*.

Моя реакция на нее только усилилась, когда я увидел, как она уходит под дождем, такая маленькая и неуверенная, и я не мог не помочь.

Она явно не хотела, чтобы я отвозил ее домой, и я все равно настоял.

Я сделал больше, чем просто настоял; Я посадил ее на заднее сиденье RangeRover моей матери, слишком раздраженный и взволнованный своими чувствами, чтобы сделать шаг назад и выслушать.

Да, это был глупый ход.

Я не должен был поднимать на нее руки.

Полезно или нет, но это был неправильный путь с этой девушкой.

Хуже всего было знать, что если бы моя мама не появилась, тогда есть очень большой шанс, что я бы ее поцеловал.

Я *хотел*.

Очень.

И это было более чем страшно.

Хуже снова было то, что моя назойливая мать удивила меня и привела Шэннон в дом.

Оставила свою сумочку дома, черт возьми.

У женщины все время была кредитная карточка в заднем кармане.

Она сделала это нарочно.

Я так и знал.

Мама знала это.

Единственным, кто этого не знал — *слава богу* — была Шэннон.

Теперь она была здесь, стояла в моем доме, смотрела на меня своими большими, одинокими глазами, ожидая, что я что-то сделаю, и я был совершенно сбит с толку.

— Не хочешь подняться ко мне в комнату? — Я спросил, потому что, честно говоря, что, черт возьми, еще я должен был с ней делать?

Отведи ее на кухню и позволь маме засыпать ее пятьюдесятью вопросами?

Черт возьми, нет.

Если она была здесь, значит, она была здесь со мной.

Она была моей, и я не хотел делиться.

— Эм, хорошо? — она ответила нервно, хотя это больше походило на вопрос. — Если ты этого хочешь?

Господи, ей нужно было перестать спрашивать меня, чего я от нее хочу.

Если она продолжит в том же духе, я могу быть настолько глуп, чтобы сказать ей правду.

А потом мы оба облажались.

Решив, что безопаснее не отвечать на этот вопрос, я просто указал на лестницу и начал идти, добравшись только до третьей ступеньки, когда понял, что она не следует за мной.

Когда я обернулся, я обнаружил, что Шэннон стоит точно там, где я ее оставил, наблюдая за мной с нервным выражением.

Она обхватила себя руками, защищая, ее длинные каштановые волосы намokли от дождя и мокрыми прядями прилипли к лицу, и за всю свою жизнь я никогда не видел ничего более прекрасного.

Иисус.

Как я должен был справиться с этим?

Как я должен был справиться с *ней*?

— Джонни! — Я услышал, как мама позвала меня из коридора. — Ты нашёл Шэннон что-нибудь, во что можно переодеться? Бедная девочка похожа на утонувшую под дождем крысу.

— Я в порядке, Джонни, — поспешила сказать мне Шэннон. — Честно говоря, так и есть.

Я посмотрел на нее с беспокойством.

Она дрожала как сумасшедшая, и вокруг нее образовалась небольшая лужица от воды, стекающей с ее одежды.

Христос...

— Давай, все в порядке, — уговаривал я, возвращаясь по своим следам. — Я позабочусь о тебе.

А потом я взял ее за руку и повел вверх по лестнице, зная, что это была ужасная идея, но все равно смирился с этим.

Я так облажался.

Шэннон

Джонни Кавана держал меня за руку.

Он держал меня за руку и вел наверх.

Снова.

В его спальню.

Снова.

Где он спал.

На его кровати.

Вероятно, у него очень мало одежды.

О боже...

В отличие от прошлого раза, когда я была с Джонни, он шел в моем темпе, давая мне возможность насладиться абсолютным чудом, которым был его дом. Я имею в виду, было трудно передать словами, насколько это было потрясающе.

В отличие от огромной современной кухни, в которую он привел меня на прошлой неделе, это крыло дома было традиционным и почти царственным?

Вся лестничная площадка наверху была покрыта окрашенными паркетными полами и великолепными обоями с рисунком, которые были такими чистыми и блестящими, что казались шелковыми.

Из всего, что я знала о ткани и дизайне, это могло быть так.

Весь этот дом и парень, держащий меня за руку, пропах деньгами.

Много-много денег.

Это было ужасно.

Пол слегка скрипел у нас под ногами, когда мы шли по правому крылу дома, минуя не менее пяти других дверей, пока не достигли двери, которая, как я знала, была его.

Джонни толкнул дверь внутрь и провел нас в свою комнату, все еще держа меня за руку, все еще заставляя мое сердце бешено биться.

К сожалению, он отпустил мою руку несколько мгновений спустя, и отсутствие контакта заставило меня почувствовать себя странно опустошенной.

— И так, это моя комната, — сказал он с ухмылкой, обводя рукой все еще беспорядочную комнату. — Снова.

— И все равно она классная, — предложила я с застенчивой улыбкой.

Он ухмыльнулся. — Я не лучший в уборке.

Не сомневаюсь.

Чувствуя себя ужасно неловко, просто стоя посреди его комнаты, я подошла к стопке DVD-дисков рядом с его телевизором, надеясь, что знаю одно из названий, чтобы я могла завязать разговор, а не просто стоять здесь, как болванчик.

Мое лицо загорелось жаром, когда я пвершинае название на коробке DVD на вершине кучи — *Удовольствие от киски XXX*.

— Черт, — пробормотал Джонни, когда заметил, куда я смотрю. Он поспешил и бросил порно за телевизор. — Это ах... — Прервавшись, он тяжело вздохнул и потер лицо рукой. — Извини за это. Я не привожу сюда девочек. — Он нахмурился на мгновение, прежде чем

добавить: — Кроме тебя.

Неловко пожившись, я ответила: — Не беспокойся об этом.

— Итак, — задумчиво произнес он.

— Итак, — прошептала я.

— Это чертовски странно, — пробормотал Джонни.

— Да, — согласилась я, и на моем лице появилась легкая улыбка.

Джонни заметил мою улыбку и улыбнулся мне в ответ. — Держу пари, ты не планировала провести свой вечер, застряв здесь, а?

— Я действительно не против, — сказала я ему, и, что удивительно, я это имела в виду.

Пребывание здесь задержало возвращение домой на очередную ночь драмы.

И быть здесь с Джонни было довольно страшно.

Я хотела быть здесь с ним.

Я хотела его, и точка.

— Итак, — снова сказал Джонни, беспокойно ерзая и проводя рукой по бедру. — Что ты хочешь сделать?

— Я не против, — ответила я. — Чем ты хотел заняться?

— Черт. — Джонни зажмурился и застонал.

— О боже, ты в порядке? — Я поспешила спросить, прекрасно понимая, что ему больно.

— Все хорошо, — заверил он меня напряженным тоном.

— Ты уверен? — Спросила я, снова неуверенно.

Его голубые глаза были дикими и полными неуверенности, когда он сказал: — Я вроде как вышел из своей зоны комфорта, Шэннон.

— Ты хочешь, чтобы я ушла?

Он покачал головой.

— Ты уверен?

Он медленно кивнул. — Я хочу, чтобы ты осталась.

— Хорошо, — выдохнула я.

Сделав глубокий вдох, я обхватила себя руками и подошла к его огромному столу, на котором лежали горы школьных учебников, нераскрытых.

— Ты хороший ученик? — Спросила я, бросив взгляд через плечо.

— Вроде как, — ответил Джонни, следуя за мной.

— Нет копии ChickenLicken?

Джонни громко рассмеялся. — Нет. Подойдя, чтобы встать позади меня, он усмехнулся: — Определенно не ChickenLicken.

С горящим лицом я сосредоточила свое внимание на его столе, водя пальцем по контрольным работам и книгам, пока мой взгляд блуждал по пробковой доске над столом.

— Вау, ты встретил много известных людей, — прошептала я, переводя взгляд с фотографии на фотографию Джонни с различными знаменитостями и спортсменами. — Кто из этих парней твой герой?

Я предполагала, что один из них был.

Он был подростком.

У них у всех были герои.

Джонни потянулся ко мне и снял с доски одну из фотографий.

Гвоздь, удерживающий его, упал на его стол.

— Видишь это? — спросил он, стоя позади меня и обнимая меня рукой, чтобы я могла видеть.

Дыши Шэннон, просто дыши.

Заставляя себя сосредоточиться на его вопросе, а не на том, как мое тело реагировало на его близость, я уставилась на фотографию в его руках.

— Понятно, — прошептала я, глядя на единственную фотографию, на которой, похоже, не было знаменитости.

Я сразу узнала потрясающую блондинку, лежащую на одеяле для пикника на траве, как более молодую версию миссис Кавана.

У нее были огромные солнцезащитные очки, закрывающие глаза, и большая белая широкополая шляпа, сидящая на голове, когда она улыбалась мужчине.

Мужчина, о котором идет речь — красивый мужчина, который выглядел как более старая версия Джонни, — стоял над ней, а на его плечах сидел маленький темноволосый мальчик лет пяти или шести.

Маленький мальчик был одет в светло-голубую и белую полосатую майку и белые шорты.

Его волосы торчали в разные стороны в сорока направлениях, и он гордо держал мяч для регби над головой и улыбался этой огромной, с двойными ямочками, беззубой улыбкой.

— Это моя любимая картина, — сказал Джонни, отвлекая меня от моих мыслей. Он постучал по фотографии. — И он мой герой.

— Твой отец? — прошептала я, не отрывая глаз от фотографии. — Это ты со своими родителями?

— Да, — ответил Джонни. — Во всей нашей славе.

— И это твоя любимая фотография, потому что на ней ты и твои родители?

Джонни пожал плечами, и это движение заставило его твердую грудь коснуться моей спины. — Отчасти поэтому она моя любимая.

Я невольно вздрогнула.

— А какая другая часть? — прошептала я.

— Потому что это реально.

— Реально?

— Невинный. Хороший. Чистый. Прежде чем попасть в центр внимания, — объяснил он. — Когда все, что имело значение для меня, был мяч и мои родители.

— О, — выдохнула я, глядя на то, что выглядело как самый счастливый маленький мальчик в мире. — Ну, ты был хорошим ребенком.

— Был? — Джонни пошутил. — То есть, меня больше нет?

— Э — э, нет ... я имею в виду, да, конечно ... Я не ... э — э, теперь у тебя все зубы целы, — пробормотала я, чувствуя себя взволнованной и глупой из-за того, что озвучила свои мысли вслух.

Джонни усмехнулся моему ответу. — Я просто издеваюсь над тобой, Шэннон.

Смутившись, я положила фотографию на стол и обошла его, желая оставить между нами немного пространства.

Я не могла думать, когда была так близко к нему.

— Ты играешь в GTA? — Тогда я спросила, с волнением глядя на коробку PlayStation на полу.

— Да. — Джонни с любопытством посмотрел на меня: — А ты?

Я кивнула. — Я хорошо играю.

Он приподнял бровь. — Это так?

— Угу. — Я была ужасна во многих вещах в жизни, но я надрала задницу в GTA. — У Джоуи есть ViceCity и SanAndreas, и я пропустила обе игры.

Его брови взлетели вверх.

— Через неделю.

У него отвисла челюсть. — Нет.

— О да. — Я кивнула, гордо улыбаясь. — Я лучшая.

Джонни склонил голову набок, одарив меня любопытной улыбкой. — Хочешь сыграть в игру?

Я ухмыльнулась. — Если хочешь?

Он ухмыльнулся. — Ты думаешь, ты настолько хороша?

— Я знаю, что я хороша, — ответила я, и впервые в жизни у меня хватило уверенности сказать это.

Это мало что говорило обо мне как о личности, когда все, в чем я преуспела в жизни, — это надирать задницы в GTA, но это было лучше, чем ничего.

— Ну, малышка, тебе лучше достать свои деньги, — с ухмылкой парировал Джонни. — Потому что я лучший.

Я фыркнула. — Началось, малыш.

Джонни покачал головой, явно забавляясь моей болтовней, а затем поспешил настроить игру.

— Никаких карт памяти, — бросил он через плечо. — Начни с нуля, и победителем станет тот, кто выполнит больше миссий, прежде чем погибнет, — и в первую очередь девочки.

— Это буду я, — ответила я, принимая контроллер, который он протянул мне.

— Потому что ты девочка?

— Потому что я лучшая.

— Ты, э — э... — Джонни почесал голову и указал на свою кровать. — Хочешь сделать это здесь?

— На твоей кровати? — Я пискнула.

Он пожал плечами, выглядя таким же неуверенным, как и я. — Или мешки, если ты предпочитаешь?

— Э-э, да, хорошо, — ответила я. Я подошла к кожаным мешкам, лежащим рядом, только для того, чтобы поколебаться и обернуться, чтобы посмотреть на него. — Если ты хочешь, чтобы я...-

— Сядь на задницу, маленькая Линч, чтобы я мог тебя побить, — прервал меня Джонни тоном, пронизанным весельем.

Я опустила на один из мешков и одарил его своим лучшим выражением «ты идешь ко дну».

— Тебе следует устроиться поудобнее, — заметила я, когда он растянулся на подушке рядом со мной. — Ты будешь наблюдать какое-то время. — Войдя в игру, я нажала на свой контроллер, внимание было приковано к его огромному телевизионному экрану, и пробормотала: — Давно.

— Никаких обманов! — Джонни залаял час спустя. — Это гребаное жульничество.

— Нет, это не так, — засмеялся я, вводя еще один чит-код, чтобы зарядить своего парня на жизнь. — Ты никогда ничего не говорил о чит-кодах.

— Да, я, блядь, говорил, — фыркнул Джонни рядом со мной.

— *Нет карт памяти. Начни с нуля, и победителем станет тот, кто выполнит больше миссий перед смертью,* — передразнила я его голос. — Ты никогда ничего не говорил о чит-кодах.

— Ты опасная, — проворчал Джонни. — И подлая,

— Я лучшая — хихикнула я, выполнив очередную миссию. — Я действительно пыталась предупредить тебя.

— Да, ну, я не ожидал, что ты будешь Биллом гребаным Гейтсом из GrandTheftAuto, не так ли?

Я громко рассмеялась, чувствуя себя с ним совершенно непринужденно в этот момент.

— Потому что я девочка?

— Потому что я думал, что ты милая, — парировал Джонни, и мне не нужно было смотреть, чтобы понять, что он надулся.

Он дулся почти час.

Я хихикнула про себя.

— Теперь я знаю лучше, — фыркнул Джонни. — Ты маленький демон.

Прикусив губу, чтобы не рассмеяться над его истерикой, я еще сильнее сосредоточилась на том, чтобы уклониться от преследующих меня копов.

— Как ты это делаешь? — Тогда Джонни потребовал, явно возмущенный. Прыгнув вперед, он махнул рукой на экран. — У тебя пять гребаных звезд. Пять. И ты все еще не мертва.

Поставив игру на паузу, я повернулась и уделила ему все свое внимание.

— Вы злой неудачник, мистер, я большая звезда регби?

Лицо Джонни приобрело забавный оттенок красного.

— Тебе не нравится, когда тебя бьет девушка? — Я продолжал дразнить, используя те же колкие насмешки, которые приводили Джоуи в бешенство, когда мы играли вместе. — Разве ты не можешь принять побои как мужчина?

— Тебе так повезло, что ты сейчас девочка, — сказал мне Джонни, подергивая губами.

— Почему? — Я хихикнула. — Ты предпочитаешь проигрывать мальчикам?

— Дай мне этот гребаный контроллер, — прорычал Джонни, а затем набросился на меня. — Сила ударяет тебе в голову.

— Нет! — Я кричу / смеюсь, поворачиваясь на бок, чтобы защитить контроллер. — Я не закончила! Ааааа!

— Дай это мне, — засмеялся Джонни, пытаясь просунуть руку мне под мышку.

— Никогда, — заявила я сквозь приступы смеха. — Оно мое...остановись, пожалуйста... Ааааа, я боюсь щекотки...

— Теперь, Шэннон, любимая, я так сожалею об этом. Мой рабочий звонок занял больше времени, чем ожидалось. — Объявила миссис Кавана, когда она без стука ворвалась в комнату Джонни, заставив меня выпрыгнуть из кресла, а Джонни застонал от отчаяния.

— Иди в ванную и переоденься в эту мокрую одежду, — проинструктировала миссис Кавана, кладя стопку сложенной одежды в ногах его кровати. — Я положу твою форму в сушилку, и она будет готова до того, как ты уйдешь.

— Нет, нет, — поспешила сказать я, держа перед собой контроллер PlayStation, как будто это могло каким-то образом отразить ее доброту. — Я и так в порядке ... Спасибо.

— Глупости, любовь моя, — сказала миссис Кавана, пренебрежительно махнув рукой. — Ты не можешь сидеть в мокрой одежде. Ты поймаешь свою смерть.

— Ма, — сказал Джонни с болезненным вздохом. Он поднялся на ноги и разочарованно выдохнул. — Оставь ее в покое, ладно?

— Не будь таким грубым, Джонни, — предупредила миссис Кавана. — Проводи бедную девочку в ванную и принеси мне ее одежду для просушки.

— Я действительно в порядке, — выдавила я, умоляюще глядя на Джонни. — Я вытрусь. Я не смогу.

Я промокла и замерзла, но мне было так весело, что я совершенно забыла о своей промокшей форме.

Я буквально забыла о своих проблемах; моя мокрая одежда, мои родители, мое все, за последний час.

В тот момент, когда мой мозг почувствовал, как влага просачивается в мои кости, я внутренне содрогнулась.

Черт возьми.

— Она только что сказала тебе, что с ней все в порядке, ма, — простонал Джонни, в ужасе глядя на свою мать. — Оставь это в покое. Пожалуйста.

Не обращая внимания на протесты сына, она повернулась ко мне лицом, улыбаясь. — Хороший горячий душ согреет тебя, любимая.

— Ч-что? — Я прохрипела. — Я не могу принять душ в твоём доме. — *Снова.*

Почему люди всегда говорили мне принимать душ в доме этого парня?

Боже.

— Конечно, ты можешь, — ответила она с самой теплой улыбкой, которую я когда-либо видела.

— Ма, ты можешь просто уйти? — Джонни вырвался. — *Сейчас?* Мы играли.

Она бросила на него тяжелый взгляд. — Во что?

Я помахала ей контроллером. — Я победила его в PlayStation.

— Нет, — поправил Джонни. — Она ни в чем меня не победила, — Джонни сделал паузу, чтобы свирепо посмотреть на меня. — Ты еще не выиграла, а затем повернулся к своей матери и добавил: — Она просто выдвинула штангу.

— В космос, — пробормотала я себе под нос.

— Я это слышал, — ответил он, ухмыляясь.

Миссис Кавана посмотрела на нас, а затем просияла. — Он ужасный неудачник, не так ли?

— Это не так!

— Я знаю, — хихикнула я.

— Его отец такой же, — добавила миссис Кавана. — Ты должна увидеть его, если он проиграет в суде. Никаких разговоров в течение нескольких часов.

— Ма, — огрызнулся Джонни. — Ты можешь просто оставить нас в покое? *Пожалуйста?*

— Я сделаю это, — ответила она. — Как только эта бедная девочка примет теплый душ и наденет на себя сухую одежду.

— Она не хочет...

— Знаешь что, Шэннон, любимая? — добавила она, снова игнорируя своего сына. — У меня в офисе может быть что-нибудь подходящее тебе. — Она оглядела меня с ног до головы и постучала по губе, прежде чем сказать: — У тебя шестой размер?

Пораженная, я просто стояла там, пока миссис Кавана кружила вокруг меня, сосредоточенно сдвинув брови.

— Ма! — выкрикнул Джонни. — Отвали.

— Нет, нет, — размышляла миссис Кавана, игнорируя своего сына.

Нахмурившись, она подошла ближе, потянула за подол моей юбки и поджала губы.

— Нет, маленькая четверка. — Ее глаза скользнули по мне. — С самой удивительной структурой костей. Шэннон, любимая, жаль, что ты не выше. Из тебя получилась бы самая красивая мод..

— Господи Иисусе, ма, — рявкнул Джонни, раздраженно проводя рукой по волосам. — Она не чертова кукла.

Глаза его матери расширились от волнения, когда она сказала: — Не хочешь пойти посмотреть, сможем ли мы найти что — нибудь для тебя в моем ...

— Нет, она, блядь, не стала бы, — перебил Джонни, перехватывая свою мать и провожая ее до двери. — Она не проект, ма, и не чертова вешалка для одежды.

— Прекрасно, — фыркнула миссис Кавана.

— Спасибо, — прорычал Джонни.

Повернувшись к сыну, она прошептала: — Дверь открыта, Джонатан, — и бросила на него тяжелый взгляд, прежде чем выйти из его комнаты, тихо напевая себе под нос.

Джонни смотрел, как она идет по коридору и исчезает из виду, прежде чем захлопнуть дверь и повернуть замок.

Тяжело выдохнув, он повернулся, чтобы посмотреть на меня.

— Еще раз, мне чертовски жаль. — Джонни беспомощно пожал плечами. — Я не знаю, что не так с этой женщиной сегодня.

— Все в порядке, — поспешила я успокоить его. — Она, эм, она очень дружелюбная.

— Да, — пробормотал он. — Просто радуйся, что она не затащила тебя в ту гардеробную. Содрогнувшись, он добавил: — Ты бы никогда оттуда не выбралась.

— Правда?

— О да, — пробормотал он.

— О.

— Еще раз извини за то, что она тебя оценивала, — сказал он, выглядя оскорбленным. — Она хотела девочку — на самом деле им сказали, что у них будет дочь. Смущенно улыбаясь, он добавил: — Вместо этого она получила меня.

— Сын 6 футов 3 дюйма, играющий в регби, — размышляла я, улыбаясь ему в ответ. — Я понимаю её.

— Да, — усмехнулся он, а затем смущенно ущипнул себя за нос. — Она и мой отец хотели кучу детей, но у них так не получилось. — Он сморщил нос, очевидно, думая о чем-то личном. — У них была куча попыток ЭКО или что-то в этом роде. — Он пожал плечами и указал на себя. — Это то, к чему их привели их деньги.

— Ты, — предложила я с улыбкой.

Он по-волчьи ухмыльнулся. — Повезло им, да?

ДА.

Повезло им.

— Она большую часть времени уходит на работу, — продолжал он говорить. — Она действительно улетает обратно в Лондон утром на несколько недель. Но когда она дома, ей нравится участвовать в моей жизни.

— Это мило, — сказала я ему. — Тебе повезло, что у тебя такая мать

— Да, — саркастически парировал он. — Конечно.

Ему повезло.

Джонни не осознавал этого, но в течение часа или двух его мать проявила ко мне больше интереса, чем моя собственная мать за последние месяцы.

Скорее даже годы.

— Слушай, тебе лучше просто принять душ и отдать мне свою одежду, — сказал Джонни со вздохом. — В противном случае она просто вернется и продолжит ворчать о пневмонии и прочемдерьме.

Он был серьезен?

Я действительно должна была снова принять душ в его доме?

— Я серьезно, — пробормотал Джонни, прочитав мои мысли. — И я сожалею.

— О. Покраснев, я сцепила руки перед собой и неуверенно пожала плечами. — Эм, хорошо?

Он долго смотрел на меня, прежде чем покачать головой. — Иди сюда.

— Куда?

— Сюда, — проинструктировал он, жестом приглашая меня следовать за ним в его ванную комнату.

Как маленький жеребенок, я поспешила за ним, вся на дрожащих ногах и неуклюжая.

Стоя в дверях его роскошной ванной, я наблюдала, как он потянулся над ванной и включил душ.

— Ты, эм, сказала, что у тебя были проблемы с этим в прошлый раз, — пробормотал он, пожимая плечами.

— Да?

— Э-э, да, — ответил он, неловко ерзая. — Ты бормотала во сне о том, что мой душ ошпарил тебя.

Я покраснела, как свекла.

— О боже, прости, — выдавила я, снова занервничав.

— Остановись, — предупредил он с улыбкой. — Это было мило.

— Мило? — Я выдавила, практически задыхаясь.

— Э-э, да, я снова приготовлю для тебя кое-что из одежды. — Щеки Джонни покраснели, когда он обошел меня и поспешил обратно в свою комнату, — Как и в прошлый раз.

— Куда я положу свою одежду?

— Просто брось их мне, когда будешь голой — ах, когда будешь готова, — хрипло пробормотал он. — Я положу их в сушилку, — добавил он, прежде чем закрыть дверь и оставить меня одну в его ванной.

Дрожа, я опустила на закрытую крышку унитаза и прерывисто выдохнула.

О боже.

Глава 45. Я девственник

Джонни

У меня было столько гребаных неприятностей.

На этот раз мои проблемы не имели ничего общего с моей приводящей мышцей, а были связаны с голой девушкой в моей ванной.

— Что, черт возьми, это было? — Я зашипел, когда обнаружил свою мать на кухне.

— Привет, любимый, — ответила моя мама, продолжая нарезать морковь, явно не обращая внимания на мое возмущение.

— *Привет?* — Я отказался. — Это все, что ты можешь сказать?

Положив нож на разделочную доску, она повернулась ко мне лицом.

— Эта девушка хрупкая, Джонни. — Мама прикусила губу, озабоченно нахмурив брови. — В ней есть что-то такое, что заставляет меня хотеть обнять ее и убрать печаль из ее глаз.

Да, я знал это чувство.

Я знал это чувство чертовски хорошо.

— Итак, ты заставляешь ее прийти сюда? — Я зашипел. — Скажи мне, почему это была хорошая идея?

— О боже, — задыхалась мама. — Я не расстроила ее, не так ли?

— Нет, с ней все в порядке, — выпалил я, — а со мной нет.

Я был так далек от того, чтобы быть в порядке, что это слово было вспышкой на моем радаре.

— Что случилось, детка?

— *Что случилось?* — Я практически плюнул. — Ма, ты просто обманула меня! О чем ты думал, приводя ее сюда?

— Тебе там было весело, — сказала мама с улыбкой. — Она обыгрывала тебя в PlayStation, да?

Да, она обыгрывала.

Шэннон надирала мне задницу в GTA и разрушала другие части моей анатомии.

Я понятия не имел, как эта девчонка размером с пинту надрала мне задницу, но так оно и случилось.

Наблюдать, как она полностью доминирует над моей PlayStation, было чертовски жарко.

Серьезно, ее навыки работы с контроллером и ее способность надрать мне задницу, как она это делала, только сделали ее бесконечно сексуальнее.

Она была чертовски идеальна.

Я был так увлечен ею, что мог бы просидеть там всю ночь, просто находясь с ней.

А потом моей маме пришлось все испортить и снова сделать все неловким и напряженным.

Господи, она была голой в моей комнате.

Голой.

Я бы с этим не справился.

Не тогда, когда все, чего я хотел, это быть голым рядом с ней.

Мне было всего семнадцать.

Я сомневался, что мужчина вдвое старше меня сможет устоять перед таким искушением.

Я покачал головой и разочарованно вздохнул. — Почему, мама, почему, во имя всего святого, ты так поступила со мной? И это, — я поднял джемпер Шэннон и потряс им, — Почему ты заставила ее мыться здесь?

— Она принимала душ?

— Сейчас она у меня в душе.

— О, это хорошо.

— *Хорошо?* — Что ты пытаешься со мной сделать, ма? — Я потребовал. — Зачем тебе это делать?

— Она была мокрой! — Мама защищалась. — И ты тоже, — добавила она с озабоченным видом. — Иди и переоденься, пока не подхватил пневмонию.

— Я сделаю это, — прорычал я. — Когда ты скажешь мне, почему ты меня обманула?

— Я не обманывала тебя, Джонни, — ответила мама. — Не драматизируй слишком сильно.

— Ты знал, что у меня была тренировка физкультуры, на которую я должен был пойти сегодня вечером.

С тех пор, как мне запретили выходить на поле, Джейсон, мой личный тренер, хотел, чтобы я каждый вечер до конца недели плавал в бассейне.

А теперь?

Теперь я пытался понять, как выбраться из ситуации, которая имела только один привлекательный результат.

Шэннон голая на моей кровати.

Со мной голым на ней.

Желательно в нее.

Если бы мой ебанутый член выдержал.

Прекрати это, мудака.

Прекрати эти мысли!

— Ты знала, что мне нужно, чтобы ты взяла меня, потому что у меня нет моей чертовой машины, — прошипел я, расстроенный. — А теперь? Теперь у меня в комнате голая девушка, ма. Голая чертова девушка, и я держу ее одежду.

Подойдя к ней, я бросил мокрую форму Шэннон на прилавок и уставился на нее.

— Что за мать так поступает со своим сыном?

— Ну, ты здесь, внизу, со мной, — спокойно ответила мама, похлопав меня по щеке. — Итак, я хорошо тебя воспитала.

— Ма, — прорычал я.

— Я подумала, что тебе не помешает отдохнуть, — фыркнула она. — Ты выглядишь таким усталым, милый.

Дай мне силы...

— И тебе было так весело, — добавила она с печальной улыбкой. — Я уже много лет не видела, чтобы ты так расслаблялся.

Верно.

Но не в этом суть.

— А моя машина? — Я потребовал. — Что я должен делать без своей машины?

— Твой отец заберет его по дороге домой сегодня вечером, — ответила она, имея на все

кровотокающий ответ. — С этим делом возникла небольшая заминка, так что сегодня вечером он будет дома, а утром отвезет меня в аэропорт. — Она посмотрела на часы и счастливо вздохнула. — Он должен быть дома с минуты на минуту — он покинул Дублин более трех часов назад.

Обычно, когда моя мать нажимала на мои кнопки, мой отец сглаживал ситуацию, но не в этот раз.

Нет, потому что, как бы я ни был рад услышать, что мой папа будет дома на ночь, на этот раз мама зашла слишком далеко.

Она вмешалась во что-то, во что я не хотел, чтобы кто-то вмешивался.

Она связалась с Шэннон.

— Зачем ты это сделала? — Я повторил.

— Вы так мило смотрите вместе. — Сказала мама с ухмылкой.

— Мило? — Я уставился на свою мать. — О чем ты говоришь? Ты же знаешь, я не принимаю наркотики! Меня все время проверяют, блядь.

— Нет, любовь моя, — усмехнулась мама. — Я пыталась дать тебе понять, что я не против того, что у тебя есть девушка, и я пыталась сделать так, чтобы Шэннон чувствовала себя желанной гостьей.

Бог.

Эта женщина.

— Ну, я могу заверить тебя, что мы не вместе, — огрызнулся я. — Мы просто друзья.

— Она милая девушка, Джонни, — сказала мама. — Кажется, ты мне очень нравишься. Она повернулась, чтобы посмотреть на меня, когда сказала: — Ты мог бы сделать намного хуже, чем такая милая девушка, как она.

— Да, ну, я не вижу ее такой.

Ложь.

Ложь.

Неприкрытая ложь.

— Она просто подруга.

Еще больше лжи.

— Вот и все, ма.

— Ты действительно думаешь, что я поверю в это, Джонни Кавана? — Мама выстрелила в ответ, подергивая губами. — Я твоя мать. Я привела тебя в этот мир, и я знаю каждый раз, когда ты говоришь мне неправду.

— Я не лгу, — солгал я.

— Ты лжешь мне прямо сейчас.

— Я, блядь, не лгу.

— Ничего страшного, если ты это сделаешь, любимый, — сказала мама успокаивающим тоном.

— Мы друзья, — выпалил я. — Вот и все.

— Но она тебе нравится? — Спросила мама после долгой паузы молчания.

Я повернулся, чтобы посмотреть на нее. — *Что?*

— Шэннон, — вставила мама мягким и умоляющим тоном. — Она тебе нравится.

Я покачал головой и тяжело выдохнул, не делая никаких движений, чтобы ответить.

Этот разговор был более чем тревожным.

— Просто действуй осторожно и проявляй терпение. Она младше тебя, и, как я уверена,

ты более чем в курсе, тебе нужно двигаться в ее темпе.

— Ма, пожалуйста, — я откинул голову назад и вздохнул. — Просто дай ей отдохнуть.

— Все, что я пытаюсь сказать, это быть осторожным, — ответила мама. — Не ломай ее, Джонни. Она обхватила мою щеку и грустно улыбнулась. — Не тогда, когда она уже кажется сломленной.

— Не волнуйся, — пробормотал я. — Я не собираюсь идти в это все.

— Идти туда? — Мама спросила. — Куда?

— К отношения, — выпалил я. — Чувства и остальное дерьмо.

— О, вот так. — Мама долго молчала, прежде чем сказать: — Ты уверен, что ты еще не там, любимый?

Господи, я надеялся, что нет.

Ради нас обоих.

— Ей пятнадцать лет, — решил я выложить это, не желая отпускать свое раздражение из-за ее вмешательства. — Ты понимаешь это, не так ли?

Глаза мамы расширились. — Я думала, ей шестнадцать?

— Нет, ма, ей пятнадцать, — прошипел я.

— Нет, Джонни, — ответила мама, нахмутив брови. — Я почти уверена, что ей шестнадцать.

У меня отвисла челюсть.

Черт.

Она была права.

Черт возьми.

— Это снова плохо, — взволнованно рявкнул я. — Прямо сейчас в спальне твоего семнадцатилетнего сына находится обнаженная шестнадцатилетняя девушка — могу добавить, что ты ее туда положила!

— Джонни, любимый, тебе нужно расслабиться...

— И как ты предлагаешь мне это сделать? — Я потребовал. — Когда ты положила голую девушку в мою спальню?

— О, любовь, — пробормотала мама, теребя губу. — Я думаю, нам пора поговорить.

— Поговорить? — Я уставился на нее. — Мы общаемся. У нас, блядь, очень важный разговор, ма. Об отсутствии границ в этой семье. О том, что тебе нужно уважать мои границы!

— О тебе и Шэннон.

— А что насчет меня и Шэннон?

— О твоих чувствах.

Я уставился на нее. — Мои чувства?

— И твои намерения, любовь моя, — ответила мама.

— Мои намерения?

Какого хрена?

— Я знаю, что это ранняя стадия, и то, о чем я собираюсь с тобой поговорить, еще далеко для вас обоих, но важно, чтобы ты знал об этом.

Я настороженно посмотрел на нее. — О чем?

— О сексе, любви.

У меня отвисла челюсть. — Почему ты меня не слышишь? Почему меня больше никто не слышит?

— Я знаю, что твой отец говорил с тобой несколько лет назад о птицах и пчелах. — Она положила руку мне на плечо и направила меня к острову, очевидно, снова ничего не слыша. — Но, учитывая это последнее событие, я думаю, нам было бы неплохо поговорить об этом. Просто чтобы мы все поняли, насколько важно действовать медленно.

— Последняя события? — Я опустился на табурет и уставился на нее. — Нам не нужно ни о чем говорить.

— И все же... — Пожав плечами, мама села на табурет рядом со мной и похлопала меня по бедру: — Не повредит освежить твою память.

— Я искренне, блядь, надеюсь, что ты шутишь, ма, — выдавил я.

— Может быть, нам стоит позвать Шэннон, чтобы я могла поговорить с вами обоими об этом...-

— Не смей, черт возьми, — выдавил я. — Оставь ее в покое.

Ты достаточно травмировала ее!

— Тогда ладно, — ответила она. — Я поговорю с тобой об этом.

— Пожалуйста, не надо...

— Секс — прекрасная вещь, любовь моя, — сказала мама тем материнским тоном, от которого мне сейчас захотелось воткнуть карандаши в уши. — Когда это между двумя людьми, которые любят и преданы друг другу.

Я поднял руку. — Мы просто друзья.

— Угу, — съязвила мама с недоверчивой улыбкой. — Это то, что они все говорят.

— Это правда, — огрызнулся я.

Господи, даже твоя мать видит тебя насквозь...

— Совершенно естественно хотеть испытывать удовольствие с партнером, — продолжала говорить мама, игнорируя мои просьбы. — Когда вы оба станете достаточно взрослыми, чтобы полностью понять акт любви.

— Господи Иисусе, — простонал я. — Пожалуйста, остановись.

— Но я знаю, как это может произойти. Не все ждут, как бы важно ни было ждать, — она сделала паузу, чтобы со знанием дела посмотреть на меня, — Когда это произойдет — я надеюсь, что это произойдет очень, очень скоро — тогда необходимо использовать презерватив, — настаивала она. — Ты знаешь, как правильно это делать, любимый? Твой отец объяснил, как это работает? Тебе нужно убедиться, что ствол твоей интимной части...

— Я не могу это слышать, — простонал я в отчаянии. — Серьезно, ма.

— Секс в реальной жизни совсем не похож на то, что происходит в тех грустных фильмах, которые Джерард дает тебе, — продолжила мама. — Важно знать, что у женщины есть потребности. В реальной жизни не все девушки кричат и ведут себя как порнозвезды. И ты должен всегда уважать женское тело...

— Пожалуйста. — Я так сильно прижал кулаки к глазницам, что у меня перед глазами появились звезды. — Просто остановись.

— Я пытаюсь помочь тебе, любимый, чтобы ты знал, чего ожидать.

— Я знаю, чего ожидать, ма, — простонала я, размышляя о купании в отбеливателе. — Я не ребенок.

Голова моей матери резко повернулась ко мне, глаза расширились. — Так ты не...-

— Нет, ма. — Я уронил голову на руки и боролся с желанием заплакать. — Я не девственник.

— О, боже... хорошо. Все в порядке, любимый. Это совершенно нормально, —

пробормотала она принужденным тоном. — Я просто предположила, что, поскольку ты никогда раньше не приводил домой девушек и не говорил о подружках, ты не искал любовных партнеров...

— Продолжай говорить, и я выпрыгну из окна, — предупредил я ее. — Я не валяю дурака. Я пойду наверх и брошусь с гребаной крыши.

— Я знаю, что это неудобно, но ты можешь говорить со мной о таких вещах, сынок, — настаивала мама. — Когда-то давно я тоже была подростком, ты знаешь, — добавила она, потянувшись, чтобы похлопать меня по плечу. — Я понимаю все позывы, которые испытывает твое тело, и женская точка зрения может быть полезной.

— Чем это может быть полезно? — Я задохнулась от ужаса. — Я думал, ты меня любишь.

Мама тихо рассмеялась. — Конечно, я люблю тебя.

— Тогда почему ты так поступаешь со мной? — Я задохнулся. — Почему ты вмешиваешься в мою жизнь?

— Потому что я не слепая, Джонатан, — ответила мама, назвав меня полным именем, чтобы я знал, насколько серьезно она к этому относится. — Я вижу, как ты смотришь на Шэннон, и как она смотрит на тебя.

— Мы просто друзья, — выпалил я.

— Ты влюблен.

У меня отвисла челюсть. — Мы не влюбленны.

Взгляд, который мама бросила на меня, был недоверчивым. — Ты воспринимаешь все в ее темпе?

— Я серьезно, ма, — огрызнулся я. — Мы просто друзья. Я не прикасался к ней.

Мама заметно осунулась от облегчения.

— Итак, ты не совершал, э — э, давай назовем это поступком, с Шэннон ...-

— Господи Иисусе, нет, ма! — Я рявкнул, прерывая ее, прежде чем она нанесла непоправимую травму моему мозгу.

— О, это хорошо, — выдохнула моя мама. — Ты хороший мальчик.

Хороший мальчик?

Был ли я кровожадной собакой?

И в том, что я хотел сделать с Шэннон Линч, не было ничего хорошего.

— Спасибо, что автоматически предположила, что я ублюдок, ма, — фыркнул я. — Я действительно ценю отсутствие веры моей собственной матери в мои моральные принципы.

— Ну, ты сбрасываешь на меня бомбу, что ты не девственник, в тот же день, когда приводишь домой свою девушку, — фыркнула мама. — Первая девушка, с которой я когда-либо видела тебя, могу я добавить. Что я должна думать? Я пыталась подготовить тебя к будущему.

— Во-первых, в последний раз, черт возьми, Шэннон не моя девушка, — огрызнулся я, взволнованный. — Во-вторых, я не был девственником с первого курса. И в-третьих, я могу натянуть презерватив в темноте, держа одну руку связанной за спиной, так что мне не нужны разговоры о сексе.

Мама ахнула от ужаса, и я мысленно вышиб из себя дерьмо.

— Я лгу, — я нянчился с ней. — Я девственник.

— Первый год, — всхлипнула она. — Первый год!

— Нет, нет, нет, — поспешил я заверить ее. — Я девственник, ма. Я девственник.

— Нет, — она плакала, качая головой.

Что, черт возьми, я должен был теперь делать?

Господи, где был мой отец, когда я нуждался в нем?

— Тебе было всего четырнадцать на первом курсе, — продолжала причитать она.

— Тринадцать, — пробормотал я себе под нос, прижимая ее к груди и похлопывая по спине.

— Святая Мария, Матерь Божья, — она рыдала сильнее, явно слыша меня.

Черт.

— Я девственник, — продолжал я повторять снова и снова, пока мама плакала в мой школьный джемпер. — Я берегу себя для брака, ма.

— Это регби, — рыдала она, сжимая мой джемпер. — Я виню в этом регби.

— За что?

— За то, что ты потерял свою невинность! — Мама зашипела. Она посмотрела на меня, а затем разразилась очередным приступом слез. — Те мальчики, с которыми ты играешь, они слишком взрослые для тебя и, очевидно, сбили тебя с пути истинного.

Нет, ма, мой член сбил меня с пути истинного, когда наступило половое созревание...

— И она в твоей спальне, — причитала мама, снова уронив голову мне на грудь. — О, боже милостивый.

— Потому что ты привела ее сюда, ма, а не я, — ответил я, продолжая растирать ее спину. — Давайте предположим, ради аргументации, что я был с Шэннон? Что не правда, — быстро уточнил я. — Но если я был, и ты беспокоился о том, что я могу натворить чего-то плохого, тогда какого черта ты привела ее сюда?

— Потому что я все еще была под впечатлением, что ты был девственником, когда я привела ее сюда, не так ли? — Мама фыркнула, хлопнув меня по груди. — Я думала, что у тебя была твоя первая влюбленность. Я думала, что поймал тебя вовремя.

Справедливое замечание.

— Ма, мне почти восемнадцать, — попытался я утешить ее, сказав. — Ты была замужем за Папой, когда тебе было восемнадцать.

— Это другое, — всхлипнула она.

— Как?

— Потому что ты мой малыш, — шмыгнула носом мама. — О, боже, мой ребенок сексуально активен.

— Нет, — уговаривал я, обнимая ее. — Я обещаю, я не буду заниматься сексом. — Прямо сейчас. — Я не такой, ма.

— Ты хотя бы в безопасности? — выдавила она, глядя на меня большими карими глазами, полными слез.

— Я играю в чертову PlayStation с девушкой, — выдавил я. — Разве это не должно сказать тебе, насколько я в безопасности?

— Это правда. — Мама кивнула и шмыгнула носом.

Я вздохнул. — Спасибо.

— Значит, мне не о чем беспокоиться, не так ли? — добавила она. — Быть в безопасности? — Она шмыгнула носом. — Использование ... о, боже милостивый, презервативов.

— Нет, ма, тебе не нужно беспокоиться, потому что я не занимаюсь сексом, — сказал я, придерживаясь истории, и снова притянул ее к своей груди. — Так что просто расслабься.

Как, черт возьми, я попал в эту ситуацию?

К чему привела моя жизнь?

В течение одного дня я расстроил не менее трех женщин.

Та, кто создала меня, сказав ей, что я больше не невинный.

Та, которая использовала меня, сказав ей через текстовое сообщение отвалить.

И та, которая взорвала мой гребаный разум.

Господи Иисусе, моему члену было на что ответить.

Честно говоря, я не думал, что действительно расстроил Шэннон сегодня, но было еще рано, и мне серьезно не везло, так что мои шансы выбраться из этого прославленного игрового дня, не облажавшись, были невелики.

— Ма, — сказал я после целых десяти минут ее сопения у меня на груди. — Теперь мне придется вернуться к Шэннон.

— Хорошо, любимый, — всхлипнула она. — Ты ничего не сделаешь...

— Нет, ма, — уговаривал я, освобождаясь от ее хватки и вставая. — Я и пальцем ее не трону, потому что мы просто друзья, а я девственник.

— Я знаю, что это не так, — прохрипела она. — Но я верю, что ты поступишь правильно.

— Ты можешь доверять мне, потому что между нами ничего не происходит, — повторил я в миллионный раз. — Но мне нужно принять душ, потому что я чертовски промок, так что я воспользуюсь твоей ванной, хорошо? — Я направился к двери только для того, чтобы обернуться и сказать: — Позвони мне, когда придет время забрать твоих сумасшедших собак.

— Ладно, — шмыгнула носом мама.

— Ты солгала, не так ли? — Я бросил на нее обвиняющий взгляд. — Тебе совсем не обязательно забирать Бонни и Кекс сегодня вечером, не так ли?

Конечно, она солгала.

Один взгляд на ее застенчивое выражение лица, и это было ясно видно.

— Ты *вмешиваешься*, — обвинил я.

— Ты *сексуально активен*, — ответила мама таким же обвиняющим тоном.

Ради всего святого.

Я не собирался здесь побеждать.

Подняв руки в знак поражения, я поспешил из кухни, прежде чем она утопила меня в новой порции слез.

Глава 46. Последствия поцелуев с парнями в спальне

Шэннон

Как и в прошлый раз, когда я принимала душ в великолепной ванной Джонни, мне потребовалось сумасшедшее количество времени.

Я ничего не могла с собой поделать.

Я винила струю.

И его гель.

И его запах.

Боже, я сходила с ума.

Когда я, наконец, выбралась из ванны, я завернулась в одно из огромных, пушистых, белых полотенец, висящих на его вешалке, и вздохнула, когда роскошная ткань задела мою кожу.

Джонни никогда не поймет, как ему повезло вырасти в таком доме, с такими родителями, как у него, и такими мягкими полотенцами.

Долгое время я просто стояла посреди его ванной, абсолютно ничего не слушая.

Никаких кричащих голосов.

Никаких топающих шагов.

Никаких дребезжащих дверных ручек.

Никакого чувства неминуемой гибели.

Просто мир.

Когда холод, наконец, взял надо мной верх, я вытерлась и снова надела лифчик.

Ношение бюстгалтера было пустой тратой времени, учитывая, что мне особо нечего было скрывать, а то, что у меня было, было дерзким и держалось само по себе.

Они, конечно, не соответствовали груди, которую с гордостью демонстрировали модели на стене его спальни...

Однако, через десять секунд после того, как я надела лифчик, я быстро сдернула его с дрожью.

Он промок насквозь, вместе с моим нижним бельем.

Я потратила чрезмерно много времени, сворачивая свое нижнее белье в самый крошечный шарик, какой только могла, прежде чем обернуть вокруг него бюстгалтер.

Смущенная тем, что у меня не было школьной сумки, чтобы засунуть их внутрь, я стояла, как дура, посреди его ванной, в панике.

Логика подсказывала мне, что я веду себя глупо, но мысль о том, что Джонни увидит мое нижнее белье, заставила меня почувствовать легкую слабость.

Сдавшись, я решила заправить их в свои скомканные школьные колготки, прежде чем завернуться в полотенце и отправиться обратно в его комнату.

На этот раз, когда я вышла из ванной, я была готова к Сьюки и обнаружила, что она дремлет на кровати.

Однако я не была готова к виду голой задницы Джонни.

Он стоял перед своим комодом спиной ко мне, полотенце лежало на полу у его ног, и был в процессе натягивания пары боксеров на бедра.

Боже, у него даже на заднице были мускулы.

Как это вообще было возможно?

А потом Джонни оглянулся через плечо и поймал меня с поличным.

— Нравится то, что ты видишь? — он дразнил, выгибая бровь.

— О, боже, — пискнула я, а затем оторвала взгляд от его круглой, тугой задницы. —

Мне так жаль. Развернувшись, я прикусила губу и выдавила стон. — Я не ожидала, что здесь кто-то будет.

— Все в порядке, Шэннон, — засмеялся он. — Не беспокойся об этом.

Дай мне умереть.

Дорогой Боже, разверзни землю и позволь мне провалиться сквозь нее.

— Я, эм... — Покачав головой, я крепче сжала полотенце. — Это... э-э...

— Я принимал душ в ванной комнате моих родителей, — объяснил Джонни. — Я просто зашел забрать кое-какую одежду.

— О. Я прерывисто выдохнула и переступила с ноги на ногу. — Хорошо, да, это имеет смысл.

— Все в порядке, Шэннон, — сказал Джонни мягким тоном. — Все в порядке.

— Я знаю это, — выпалила я в панике.

Он тихо усмехнулся. — Тогда почему ты все еще стоишь лицом к стене?

Черт возьми.

Сделав успокаивающий вдох, я развернулась и посмотрела на него.

Мой взгляд автоматически скользнул по нему, и мое сердцебиение подскочило.

На этот раз лицо Джонни не было причиной моего учащенного пульса.

Нет, это зависело от всего остального.

Остальная его часть почти обнажена.

На нем была пара обтягивающих белых боксерских трусов, и все.

Без рубашки.

Без штанов.

Без перемычек.

Никаких носков.

Просто пара Calvin Klein, которая низко сидела на его бедрах с V — образным вырезом — идентичная той паре, которую я носила на прошлой неделе.

Пара, в которой я спала в прошлый раз.

Боже, я была жалкой.

Все, что я представляла с того момента, как увидел его, было прямо передо мной.

И с этим беспрепятственным просмотром пришло осознание того, что и мое воображение, и моя зрительная память отстой.

Я уже знала, что у него красивое тело.

Я запомнила его грудь с того дня.

Или, по крайней мере, я думала, что сделала.

Очевидно, нет, потому что Святая Мария, Матерь Божья, вблизи он был чем-то другим.

Его грудь была обнажена, а грудные мышцы подтянуты, его живот был разорван.

Я имею в виду, он был серьезно разорван.

Не похоже на шесть пакетов, которые носил мой брат, или на парней, которых я видела, обменивающихся футболками после матчей Джоуи.

Все его тело было сплошной массой жестких, точеных мышц.

Я затаила дыхание, позволяя своим глазам блуждать по нему, впитывая вид рельефного

пресса, загорелой золотистой кожи, темной дорожки волос под его пупком и того, как удивительно он пах.

Как мыло, трава и *Джонни*.

Было несправедливо дарить столько красоты одному человеку.

Они могли бы растрепать это по всей школе, и он все равно был бы идеальным.

— Что это? — Затем спросил Джонни, отвлекая меня от моих глазений, когда он подошел к тому месту, где я стояла, и провел большим пальцем по моей щеке.

Сбитая с толку и измотанная, я прерывисто вздохнула и посмотрела на него. — А?

— У тебя красная метка, — пробормотал Джонни, хмуро глядя на меня сверху вниз. — Я не заметил этого раньше.

Мои брови поползли вверх. — Правда?

Он кивнул, голубые глаза встретились с моими. — Да, Шэннон, ты понимаешь.

Обойдя его, я прошлепала в ванную, чтобы посмотреть в зеркало.

Конечно же, моя правая щека была красной и покрытой пятнами, в то время как остальная часть меня была бледной, как молочная бутылка.

Это был бы удар слева от моего отца, подумала я про себя.

— Ну? — Спросил Джонни, наклонившись в дверном проеме.

Я наклонилась вперед, вытягиваясь над раковиной, чтобы получше рассмотреть себя в зеркале.

Джонни подошел к тому месту, где я стояла.

И затем он продолжил нависать надо мной, его голая грудь терлась о мою спину, когда он смотрел на мое отражение в зеркале, лицо было сильно нахмурено.

Я не думала, что он осознавал, что делает это — прижимается своим телом к моему.

Его внимание переместилось с моей щеки на шею.

Выражение его лица было мрачным, лицо приобрело темно-фиолетовый оттенок.

— Что это за хрень? — прошипел он.

Я проследила за его взглядом и увидела слабые пурпурные отпечатки пальцев на моей шее.

Осознание снизошло на меня.

Мой отец.

Прошлой ночью.

О, боже.

— Я не знаю, — ответила я, изображая замешательство, решив, что безопаснее придерживаться оригинальной истории.

Если я сейчас отступлю, Джонни почувствует неладное.

— Ты не знаешь? — он тихо спросил, глядя мне в глаза в зеркале.

Качая головой, я опускаю плечи. — Понятия не имею.

— Кто-то причиняет тебе боль, Шэннон? — спросил он смертельно тихим голосом.

— Никто не причиняет мне вреда, Джонни, — прошептала я, не сводя с него глаз в зеркале.

Мое сердце билось так сильно, что я боялся, что оно может разорваться.

Это была ужасная смесь страха, неуверенности и похоти, все это слилось в один сложный клубок эмоций у меня под ложечкой.

Протянув руку, Джонни взял меня за подбородок, а свободной рукой нежно убрал волосы с моей шеи.

Он не спрашивал разрешения, мог ли он прикоснуться ко мне.

Он просто сделал это.

Затем его пальцы прослеживали отпечатки пальцев, оставленные моим отцом, его легкое, как перышко, прикосновение заставляло все мое тело дрожать.

— Кто-то дотронулся до тебя, — прошептал Джонни мне на ухо, положив пальцы на отметины. — Я хочу знать, кто.

Воздух вырвался из моих легких с громким вздохом.

Не в силах остановиться, я прислонилась к его груди, не сводя глаз с нашего отражения в зеркале, а он смотрел прямо на меня, голубые глаза прожигали дыры в моей душе, ожидая объяснения, которое я никогда не смогу ему дать.

— Скажи мне, кто поднял на тебя руки, — уговаривал он, стоя позади меня, держа мое лицо в своей руке и держа пальцы на моем горле. — И я сделаю это же с ними.

Думай, Шэннон, думай...

— Ну?

Поторопись, черт возьми...

— Шэннон?

— Это случилось на физкультуре, — это все, что я придумала.

Джонни не ответил.

Он просто продолжал смотреть на мою шею с мрачным выражением.

Запаниковав, я поспешила добавить к своей лжи — Это была моя вина. Я встала на пути мальчиков во время футбола, и четверо из них врзались в меня.

Обойдя Джонни, я вернулась в его спальню, оставляя некоторое расстояние между нами.

— Я оказадаь на дне кучи. Это случилось как раз перед тем, как ты вошел. — Покачивая головой, я выдавила из себя небольшой смешок. — Это была настоящая бойня.

Джонни завис в дверях ванной, выражение лица напряженное, глаза острые и умные.

— Итак, рука одного из парней из твоего класса случайно попала тебе на шею? — спросил он тоном, пронизанным недоверием. — Его пальцы просто так случайно сжали твое горло?

— *Этот парень никого не обманет,* — подумала я про себя. *Ври лучше, Шэннон.*

— В то время мне так не казалось. Я слабо пожалала плечами и села на край его кровати. — Но я думаю, что так и случилось.

— Ты думаешь? — повторил он, скрестив руки на груди.

Движение заставило его огромные бицепсы выпячиваться.

Он был действительно огромным.

Это было невероятно пугающе.

Но я знала, что он не причинит мне вреда.

Это была одна из немногих вещей в моей жизни, в которых я была абсолютно уверена.

Этот мальчик никогда бы не поднял на меня руки в гневе.

Сделав ровный вдох, я добавила — Может быть, он поймал меня, когда пытался встать.

— Может быть, — задумчиво произнес Джонни, кивая в знак согласия.

Я вздохнула с облегчением.

— Или, может быть, это снова были те Лего.

Мое сердце упало.

— Было ли это? — Потребовал Джонни. — Ты падала на те же самые Лего, получая эти

отпечатки пальцев на своем горле, которые ты сделала, когда разбила себе лицо на свой день рождения?

— Джонни...

— А как насчет синяка на задней части твоей шеи за время до этого? Или снова красная отметина на твоём лице за время до этого? Или синяки на твоих бедрах? А твои руки? А остальное? — Он впился в меня взглядом. — Это тоже были те надоедливые Лего?

— Как ты думаешь, моя форма уже готова? — Я сменила тему, спросив. — Мне, наверное, пора домой.

Да, мне нужно было убираться отсюда.

И быстро.

— Нет. Нет! Не делай этого, — крикнул мне Джонни, когда я отвлеклась. — Не пытайся отмахнуться от меня, — прорычал он. — Я хочу знать, что с тобой случилось, Шэннон.

— Я хочу домой. — Шмыгнув носом, я быстро вытерла лицо тыльной стороной ладони. — Сейчас, пожалуйста.

Он провел рукой по своим влажным волосам и вздохнул. — Господи, Шэннон, не плачь!

Он развел руки и двинулся ко мне, но я покачала головой и поднял руку, предупреждая его.

Джонни резко остановился и провел рукой по волосам.

— Я могу помочь тебе, — умолял он. — Позволь мне помочь тебе.

— Тогда помоги мне, собери мою одежду, — шмыгнула я носом. — Это единственная помощь, которая мне нужна от тебя.

Выдохнув болезненный стон, Джонни сократил расстояние между нами и присел передо мной.

— Я хочу тебе помочь. Он положил руки на мои бедра и посмотрел на меня широко раскрытыми и искренними голубыми глазами. Он нежно сжал мои бедра. — Все, что тебе нужно сделать, это сказать мне, что происходит, хорошо? — Протянув руку, он заправил мокрую прядь волос мне за ухо: — Просто скажи мне, кто причиняет тебе боль, и я заставлю их пожалеть.

Ты не можешь мне помочь.

Никто не может.

Я получила эту взбучку за то, что поговорила с тобой.

За то, что сфотографировалась с тобой.

Ты последний человек, который может мне помочь.

— Я в порядке, Джонни, — прохрипела я, чувствуя, как слезы наворачиваются на глаза. — Тебе не нужно мне помогать.

— Ты лжешь мне, — прорычал он, выглядя разъяренным. — Ты, блядь, врешь мне, и я этого не вынесу.

— Пожалуйста, отвези меня домой, — выдавила я, отдергиваясь от него. — Просто отвези меня домой, и тебе не придется меня терпеть.

Джонни застонал. — Шэннон, давай. Не искажай мои слова. Ты же знаешь, что я не это имел в виду ...

— Я хочу домой, Джонни, — выдавила я. — Если ты не хочешь брать меня, тогда я позвоню Джоуи, чтобы он приехал и забрал меня.

— Хорошо, — Джонни вздохнул, смиряясь. — Отлично. Отпустив меня, он встал и поднял руки вверх. — Я возьму твою одежду и отвезу тебя домой.

Прерывисто выдохнув, я кивнула. — Спасибо.

Он долго смотрел на меня, прежде чем смиренно покачать головой. — Я скоро вернусь, хорошо?

Кивнув, я смотрела, как он выходит из комнаты, подождала, пока он уйдет, прежде чем упасть на кровать.

— Боже, — воскликнула я, яростно смахивая предательские слезы. — Возьми себя в руки, Шэннон.

Даже не думай о том, чтобы что-то ему рассказывать.

Его отец — адвокат.

Ты же знаешь, какие они.

Они будут вовлечены, и вас всех разделят и отдадут под опеку.

Как Даррен...

Собака Джонни придвинулась ближе ко мне, отвлекая меня от моего срыва, и положила голову мне на бедро.

— Привет, — всхлипнула я, опуская руку на ее голову.

Сьюки ткнулась мордочкой в мою руку и лизнула мои пальцы.

Ее привязанность только заставила меня чувствовать себя хуже.

Я этого не заслужила.

Я только что солгала её хозяину.

— Хотела бы я, чтобы у меня была собака, — прошептала я ей, сосредоточив все свое внимание на ней, отчаянно пытаюсь заблокировать свои мысли. — Такая же, как ты, — сказала я ей, когда поднял ноги на кровать и повернулся к ней лицом. — Если я когда —нибудь заведу собаку, то это будет собака, похожая на тебя, потому что ты такая красивая. Да, это так.

Она вознаградила мое внимание, забравшись ко мне на колени — или, по крайней мере, попыталась.

Она была взрослым лабрадором, и я, вероятно, весила меньше, чем она.

— Чего ты хочешь? — Прошептала я, почесывая ее шею обеими руками. — А? — Щекоча ее уши. — Ты хочешь, чтобы я тебя погладила?

Она виляла хвостом как сумасшедшая и осыпала меня мокрыми собачьими поцелуями по всему лицу.

Это было приятное развлечение, и я подавила смех от ее энтузиазма.

— Какая хорошая девочка, — ворковала я, увлекаясь с ней игривой борьбой. — Это верно. Ты лучшая девочка. Так и есть.

Ободренная моим ответом, Сьюки взобралась на меня, навалившись всем своим весом мне на грудь и заставив меня плюхнуться обратно на подушки.

— Что? — Я хихикала сквозь слезы, когда трепала ее за ушами. — Я тебе нравлюсь?

Она застонала глубоко в горле, ее одобрение было очевидным, когда она растянулась на мне и уткнулась в мое лицо своим мокрым носом.

— Спасибо, — похвалила я, когда она хлопнула лапой по моему плечу. — Ты такая воспитанная девочка, что даешь мне лапу.

— Твоя форма все еще влажная, но я все равно поднял ее ...

Пораженная голосом Джонни, я попыталась сесть, но не смогла, потому что Сьюки все еще была в режиме игры в полную силу.

— Сьюки, ложись, — приказал Джонни напряженным тоном, не сводя с меня глаз.

Послушная, Сьюки немедленно слезла с меня и неуклюже спрыгнула с кровати, ее лапы скользили по деревянному полу.

— Вон, — скомандовал Джонни, держа дверь открытой, все еще наблюдая за мной.

Сьюки вышла из комнаты, и он быстро закрыл дверь с грозным выражением лица.

Бог...

— Прости, — прохрипела я, приподнимаясь на локтях. — Я просто, эм, играла с твоей собакой.

— Не извиняйся, — ответил Джонни напряженным голосом, подходя к кровати, бросил мою форму и опустился на край.

Держась ко мне спиной, Джонни наклонился вперед, его мышцы напряглись под золотистой кожей, положил локти на бедра и сделал несколько успокаивающих вдохов.

И затем он сделал то, из-за чего, я знала, я потеряю бесчисленное количество лет сна: он повернулся ко мне лицом, схватил обе стороны моего полотенца и сдвинул их вместе.

Чтобы прикрыть меня, я поняла.

Потому что я, очевидно, не удержала полотенце.

Потому что давайте посмотрим правде в глаза, это была именно та удача, которая мне выпала.

— Мне так жаль, — выдавила я, подавленная.

— Все в порядке, — сказал он мне хриплым голосом.

— Я ... ты видел...

Он кивнул.

О боже!

— Мне так жаль.

— Перестань извиняться, — ответил он напряженным голосом. — Здесь не за что извиняться.

— Мне жаль, что тебе пришлось увидеть, — выдавила я.

Джонни покачал головой и снова повернулся ко мне спиной.

— Не извиняйся передо мной за то, что я тебя увидел, — простонал он, уронив голову на руки. — *Черт!*

В этот момент мое сердце так сильно билось в груди, что я обнаружила, что дышу быстрее, выдыхая короткими, тяжелыми вдохами.

Что я должна была делать?

Бежать?

Уйти?

Прятаться?

Броситься на него?

Я не знала.

Я понятия не имела, что делать.

Я знала только, что мое тело приросло к его матрасу, а глаза были прикованы к его мускулистой спине.

— Сейчас я отвезу тебя домой, — наконец тихо заявил Джонни, все еще держа голову в руках.

— Да, хорошо, — прошептала я, когда звук моего пульса стучал в ушах.

— Это то, что я собираюсь сделать, — добавил он, хотя я не был уверен, обращался он ко мне или к себе. — Я отвезу тебя домой, — повторил он, но не сделал попытки встать.

Прошло несколько секунд, в течение которых он оставался совершенно неподвижным.

Не в силах выносить напряжение, нарастающее в его спальне, я протянула руку и коснулась его лопатки. — Джонни?

Небольшая дрожь прокатилась по его огромному телу.

И затем он повернулся ко мне лицом.

— Я не могу быть с тобой наедине вот так, — прошептал он, глядя мне в глаза. — Я... — Он прерывисто выдохнул. — Не здесь... не тогда, когда ты так выглядишь.

Его глаза были горячими и полными неуверенности и дико блуждали по моему телу.

Его грудь поднималась и опускалась в быстром темпе, отражая мою собственную.

Я посмотрела ему в глаза, чувствуя, как мое сердце сжимается так сильно, что трудно дышать.

Одним взглядом я почувствовала, что столкнулась с ним.

Это было мгновенно и шокирующе.

Я отчаянно нуждалась в нем.

Весь он.

Каждая деталь и часть.

Бушующие гормоны, подстегнутые моими измотанными эмоциями, прямо тогда взяли верх над моим здравым смыслом, заставив меня сделать что-то совершенно нехарактерное.

Прерывисто дыша, я протянула руку, схватил Джонни за шею и притянул его лицо к своему.

А потом я поцеловала его.

Я понятия не имела, что делать дальше, моя храбрость покинула меня в трудную минуту, когда я опустилась на колени на его кровать и взяла его лицо в свои руки.

Глаза Джонни были широко открыты и смотрели на меня, явно ошеломленные, когда я прижалась губами к его губам.

Но он не целовал меня в ответ.

На самом деле, я была почти уверена, что он не дышал.

Мои действия превратили его в камень в моих руках.

Мои глаза были широко раскрыты и выпучены, когда я прервала поцелуй и в ужасе уставилась на него.

— Мне так жаль, — выпалила я, оскорбленная.

— Все в порядке, — сказал он мне, тяжело дыша.

— Нет. — Я яростно покачал головой. — Нет, это не нормально.

— Шэннон, все в порядке...

— Боже мой! Что я сделала?

— Шэннон, — уговаривал Джонни, теперь более твердым тоном. — Остановись. Все в порядке ...

— Это не нормально, — выдавила я, слезая с кровати и отступая, задев при этом его комод. — Я просто — о боже!

Отшатнувшись назад, я покачала головой и протянул руку, чтобы предупредить его, когда он сделал шаг ко мне. — Мне действительно жаль, — Шэннон, все в порядке, — сказал Джонни, подняв руки вверх. — Просто перестань ходить вокруг да около на секунду и поговори со мной, ладно?

Я не переставала двигаться.

И я не остановилась, чтобы поговорить.

Потому что я не могла.

Я была в режиме полной паники, и на этот раз мой инстинкт бегства сработал.

— Мне нужно идти, — объявила я, униженная.

— Нет, ты не понимаешь, — спокойно ответил он. — Мы можем поговорить об этом.

— Нет! — Покачав головой, я проскользнула мимо Джонни и схватила свою одежду с кровати. — Мне нужно уйти, — добавила я, прежде чем убежать в ванную и запереться внутри.

— Шэннон, давай, — позвал Джонни, постучав в дверь. — Открой дверь.

Потеряв дар речи, я, пошатываясь, подошел к унитазу, опустил крышку и рухнул сверху.

— О, боже — выдохнула я, уронив голову на руки.

Что, черт возьми, я только что сделала?

Я не только блеснула Джонни Кавана, но и пошла дальше и поцеловал его.

Мой первый поцелуй.

Первый раз, когда я прикоснулась губами к мальчику.

И он не ответил взаимностью.

Боже мой...

О чем, черт возьми, я думала?

Почему я чувствовала, что мое сердце разбивается на миллион кусочков?

И самое главное, как я собиралась выбраться из этой ванной?

Потому что я никак не могла встретиться с Джонни сейчас.

На самом деле, я была совершенно уверена, что никогда больше не смогу встретиться с ним лицом к лицу.

Глава 47. Плачущие девочки и горящие сердца

Джонни

Кто-то положил на нее свои руки.

Такого рода отметины не могут быть из-за футбольного матча по физкультуре.

Это было смешно, и она была смешна за то, что оправдывалась этим.

Кем она меня считала; каким-то тупым идиотом, который не может отличить случайный синяк от нечестной игры?

Я играл в регби.

Я провел всю свою жизнь, получая травмы и нокаутируя парней.

Я знал чертову разницу между случайным повреждением и преднамеренным вредом.

Кто-то сдавил ей горло, и они сделали это так сильно, что оставили на ней гребаные отпечатки пальцев.

Если над ней издевались в Томмен, то я собирался это выяснить.

Если бы это был Макгэрри, то я бы закончил в камере.

Если бы это были те ублюдки из VCS, тогда они могли бы с таким же успехом надеть на меня смирительную рубашку.

Я был примерно в десяти секундах от того, чтобы рассказать о ситуации криминалисту, но затем ее большие голубые глаза наполнились слезами, и я получил еще один удар.

Я понятия не имел, как справиться с девичьими слезами.

И девичьи слезы, исходящие от этой конкретной девушки, произвели на меня какое-то сильное впечатление.

Идя против всех инстинктов моего тела, потому что мой разум был затуманен желанием утешить ее, я уступил ее просьбам взять ее одежду и отвезти ее домой.

Но потом я увидел ее — я, блядь, увидел ее всю — растянувшуюся на моей кровати, с моей собакой на ней, и ее полотенце распахнуто, и мой мозг отключился, тело взяло верх.

А потом она пошла и разрушила мой тщательно выстроенный мир, прижавшись своим ртом к моему.

Шэннон поцеловала меня, и я замер.

Я совершенно ахуел, атакованный всеми ненормальными, чуждыми эмоциями и ощущениями, о которых только может подумать человек.

Я этого не ожидал.

Я не ожидал ее.

В тот самый момент все это обрушилось на меня, как лобовое столкновение, и я замолчал, чувствуя себя в тот момент более незащищенным и уязвимым, чем за всю свою жизнь.

Вопреки тому, как хорошо, уверяло меня мое тело, чувствовать ее губы на своих, или насколько тяжелее моему сердцу работать, когда она рядом, моя голова знала лучше.

Это было нехорошо.

Это было нихуя не хорошо.

Мне потребовалась каждая унция самоконтроля, которая была у меня внутри, чтобы сдержаться.

Особенно когда все внутри меня требовало, чтобы я сделал наоборот.

Но я знал.

Я знал, что если поддамся жгучей потребности внутри меня и поцелую ее в ответ, тогда все будет кончено.

Я был бы полностью облажался.

И Шэннон тоже.

Потому что мое пребывание здесь было временным, а от этой девушки разило постоянством.

Лучшее, что я мог предложить, это дружба, даже если это было последнее, чего я хотел.

— Шэннон? — Прислонившись лбом к деревянной раме, я продолжал стучать. — Не могла бы ты, пожалуйста, выйти? — Она заперлась в моей ванной тридцать минут назад и с тех пор не выходила. — Пожалуйста?

Тишина.

Тяжело выдохнув, я постучал снова. — Просто открой дверь, и мы сможем поговорить об этом.

Ничего.

— Пожалуйста, Шэннон, — прорычал я, сопротивляясь желанию стукнуться головой о раму. — Просто выходи. Тебе даже не обязательно говорить со мной, если ты не хочешь. Я отвезу тебя домой и не скажу ни слова, если ты ...

Я позволил своим словам затихнуть, когда раздался звук щелчка замка.

Мгновение спустя дверь моей ванной открылась внутрь, и там была она, полностью одетая в свою влажную униформу, с опухшими глазами и пятнистыми щеками.

Черт.

Я заставил ее плакать.

Снова.

— Теперь я готова идти домой, — сказала она мне тихим голосом, не встречаясь со мной взглядом. — Если это нормально?

— Да, конечно, все в порядке, — хрипло ответил я.

— Спасибо. — Опустив голову, Шэннон обошла меня и подошла к двери моей спальни.

Она выглядела такой уязвимой и неуверенной, что все, что я хотел сделать, это заключить ее в свои объятия.

Мое сердце было в огне.

Возьми себя в руки, Кавана.

Не делай глупостей.

Не целуй ее.

Ты знаешь, что не сможешь остановиться.

С большим усилием я не пошел к ней, а вместо этого подошел к своему гардеробу. — Просто дай мне секунду, хорошо? — Я сказал ей.

Она кивнула и опустила взгляд на свои сцепленные руки.

Вздыхнув, я открыл свой гардероб и быстро накинула футболку, спортивные штаны и толстовку.

Схватив пару носков из моего комода, я опустился на кровать и натянул их, прежде чем надеть пару носков.

Все это время Шэннон молча стояла у моей двери, ее мокрые волосы падали на лицо, скрывая его.

В этот момент она выглядела такой одинокой, что мне было физически больно смотреть на нее.

Потому что я знал, что несу ответственность за этот образ.

И мое сердце требовало, чтобы я все исправил.

Я хотел.

Я просто не знал, как это сделать, не причинив вреда нам обоим.

— Вот, — сказал я, хватая куртку с изножья моей кровати. — Надень это.

Ее нервный взгляд метнулся к куртке, которую я протягивал ей, и она сразу же начала качать головой. — Нет, нет, нет, — прохрипела она. — Я..в..

— Ты в порядке. Да, я знаю, — ответил я, вставая и сокращая пространство между нами. — Но на улице все еще льет дождь, и я не хочу, чтобы ты заболела. Надень это.

— Ты уверен? — спросила она, нерешительно протягивая руку.

Боже, эта девушка убивала меня...

— Абсолютно. — Передав ей свою куртку, я направился к двери, стараясь не задеть ее, зная, что мой бедный член не выдержит такого давления.

Я подождал, пока она наденет куртку, а затем вышел из своей комнаты, зная, что она идет за мной.

Это было так дерьмово — как противоположность правильному поступку, который не имел никакого смысла, потому что прямо сейчас я думал своим мозгом, а не своим членом.

— Мне нужно взять ключи ма, — сказал я ей, когда мы стояли в фойе на первом этаже. — Дай мне секунду, хорошо?

— Эм, да, хорошо, — ответила Шэннон, когда ее руки скользнули в мою куртку, которая утонула в ней. — Я подожду здесь?

Она спрашивала меня?

Это звучало так, как будто спрашивала.

Я не знал наверняка, потому что она не смотрела на меня.

Я не мог определить, что она чувствовала, потому что окном для ее эмоций были ее глаза, которые были направлены на ее ноги.

Это было чертовски отстойно, но я знал, что мне нужно дать ей пространство прямо сейчас.

Проблема была в том, что чем ближе мы подходили к входной двери, тем более подавленным я себя чувствовал.

Мой член был опустошен.

У меня горело в груди.

Мой мозг сомневался.

Я был полностью в заднице.

Шэннон

Не было слов, чтобы объяснить бурю эмоций, захлестнувших мое тело.

Стремясь к контролю, я сосредоточилась на медленном, глубоком дыхании.

Я не знала, что делать.

Извинения, похоже, не помогли.

Кроме того, я уже сделала это.

Я подумывала сказать ему, что я временно потеряла контроль над своими чувствами там, но подумала, что он, возможно, уже знает это.

Совершенно подавленный своими действиями, я уставилась в ветровое стекло на темнеющее небо и проигнорировал мальчика, сидящего на водительском сиденье рядом со мной.

— Мы будем говорить об этом? — Джонни, наконец, спросил после нескольких минут напряженного молчания.

Я покачала головой, щеки пылали от стыда, и продолжала смотреть в окно в никуда.

— Ты собираешься поговорить со мной? — затем он спросил низким и грубым голосом.

Я снова покачала головой, слишком смущенная, чтобы смотреть на него.

— Ну и что? — требовательно спросил он. — Ты просто собираешься полностью игнорировать меня?

Я беспомощно пожала плечами.

Я знала, что произойдет, если мы заговорим.

И прямо сейчас, когда мои эмоции были на пределе, а желудок сводило от беспокойства, я, честно говоря, не думала, что смогу услышать этот разговор.

Я не могла принять его отказ.

— Шэннон, — прорычал Джонни, явно расстроенный.

Включив указатель, он съехал на обочину и заглушил двигатель.

О нет.

О, пожалуйста, боже, нет.

— Шэннон. Повернувшись на своем сиденье, он отодвинул разделявший нас подлокотник и повернулся ко мне лицом. — Нам нужно поговорить о том, что там произошло.

— Мне очень жаль, — сказала я, добравшись туда первой. С колотящимся в груди сердцем я повернулась на своем месте и посмотрела на него. — Мне так жаль.

— Я не хочу, чтобы ты сожалела, — ответил он, голубые глаза прожигали мои. — Что произошло в моей комнате? — Покачав головой, он издал болезненный рык. — Я не ожидал этого — я не ожидал тебя. Его дыхание оведало мое лицо, когда он говорил, заставляя мое тело непроизвольно дрожать. — Я не жалею об этом, — добавил он. — И я не жалею, что ты это делаешь...-

— Но? — Я заполнил, не сводя глаз со своих рук, сложенных на коленях, прекрасно зная, что впереди будет «но».

— Но уезжаю через пару месяцев, Шэннон, — наконец сказал Джонни. — Как только наступит лето, я уйду отсюда и не вернусь до начала занятий в школе.

— Я знаю, — прошептала я, крепко сжимая руки.

Джоуи рассказал мне все об этом.

Он уходил, чтобы стать большой звездой.

— Так оно и есть для меня, — хрипло добавил Джонни. — И дальше будет только хуже — больше времени. Больше путешествий. Постоянные игры. Это то, что ждет меня в будущем. На очень близком расстоянии. Было бы несправедливо с моей стороны не раскрывать это сейчас. — Он устало вздохнул и провел рукой по своим совершенно растрепанным волосам. — Ты должна знать, что я не собираюсь оставаться здесь надолго.

— Я знаю, — прошептала я, чувствуя жгучую боль в груди. — И я знаю, что не должна была целовать тебя, — выдавила я срывающимся голосом. — Хорошо? Я это знаю. Это было неправильно. Я понимаю. Я просто... я просто...

— Ты просто что, Шэннон? — он уговаривал.

— Я думала, я тебе нравлюсь, — выдавила я.

— Господи Иисусе, — простонал Джонни, уронив голову на руки. — Конечно, ты мне нравишься. — Он потянул себя за волосы и вздохнул. — Я думаю, чертовски ясно, что я без ума от тебя. — Выдохнув болезненный стон, он добавил: — Но в мае мне будет восемнадцать, Шэннон.

— Мне шестнадцать, — прошептала я.

— Я знаю, Шэннон, черт возьми, я знаю, — простонал он срывающимся голосом. — Но я пытаюсь поступать здесь правильно.

Мое сердце неуверенно затрепетало.

Я не знала, что думать или что чувствовать.

Он отвергал меня и говорил, что я ему нравлюсь, на одном дыхании, и это было слишком для моего сердца.

— Для кого? — Я прохрипела.

— Для нас обоих, — выдавил Джонни. — Моя карьера набирает обороты, и мне нужно оставаться сосредоточенным. И ты заслуживаешь того, кто сможет поставить тебя на первое место. — Он снова провел рукой по волосам, выглядя одновременно напряженным и усталым. — Я не могу этого сделать. — Он посмотрел мне прямо в глаза и сказал: — Я хочу — я действительно чертовски хочу. Но я не в том положении, чтобы сделать это для тебя. — Тяжело вздохнув, он добавил: — Я не могу дать тебе отношения, Шэннон, и было бы эгоистично с моей стороны просить тебя о чем-то, что я не могу выполнить.

Так оно и было.

Отказ, которого я ждала.

— Я не просила тебя об отношениях, Джонни, — выдавила я, полностью униженная. — Я никогда ни о чем тебя не просила. Так что не беспокойся о том, чтобы не подвести меня, потому что этого не будет.

Джонни издал разочарованный рык. — Я не пытаюсь подвести тебя, Шэннон, я пытаюсь разобраться с этим вместе с тобой...-

— Послушай, Джонни, я действительно устала, — прошептала я, поворачиваясь лицом к окну. — Я просто хочу сейчас пойти домой.

— Давай, Шэннон, — простонал он, теперь взволнованным тоном. — Ты не можешь избежать этого.

У меня было полное намерение избегать его всю оставшуюся жизнь.

Я планировала начать избегать этого, как только выйду из этой машины.

— Шэннон, поговори со мной.

Я продолжал молчать.

— Шэннон, ну же, — умолял Джонни. — Не будь такой.

Я не думала, что есть какой-то другой способ, которым я могла бы быть, учитывая обстоятельства.

Я поцеловала его.

Он отверг меня.

Я выложились ради него.

Он отверг меня.

Это была моя вина.

На все сто процентов.

Я приняла на себя ответственность за свое безрассудство.

Но это не означало, что я была достаточно сильна, чтобы выслушивать болезненные словесные последствия своих действий.

— Просто поговори со мной, черт возьми, — потребовал Джонни, не желая отпустить это.

— Что тут сказать? — Я прохрипела, поворачиваясь, чтобы посмотреть на него, поддаваясь его неустанному зондированию. — Ты не хочешь меня. Я слышала тебя. Я получила твоей признание.

— Ты явно этого не сделала, если это то, что ты осознала из этого, — парировал он, выглядя разъяренным.

Когда я не ответила, Джонни буквально зарычал.

— Хорошо, если ты не хочешь обсуждать это, тогда я больше не скажу ни слова, — объявил он, вскидывая руки в воздух. — Ты этого хочешь, Шэннон?

— Это то, чего я хочу, Джонни, — прошептала я.

— Как хочешь, — отрезал он, снова заводя двигатель. — Я сдаюсь.

Его слова отказа звучали в моих ушах, а мои эмоции были в смятении, я закрыла глаза и молилась, чтобы время ускорилося.

У меня была самая сильная боль в животе, чтобы соответствовать пульсирующей боли в груди, которая, казалось, расцветала и горела с каждой милей, которую он преодолевал на часах.

Когда Джонни свернул на мою улицу, я солгала, как и каждый раз, когда он подвозил меня домой, и сказал ему, что мой дом находится на другом конце улицы, прекрасно зная, что если мой отец увидит, как я вылезая из его машины, я буду все равно что мертва.

Однако я не ожидала, что он может снова выключить двигатель, что он и сделал.

— Ты в порядке? — спросил он, поворачиваясь на своем месте лицом ко мне.

— Да, — прохрипела я.

Он медленно кивнул. — Шэннон, послушай...

— Тебе не нужно больше ничего говорить, — быстро остановил я его, сказав. — Это больше не повторится.

Он нахмурился. — Нет, это не то..

— Мне очень жаль, — выпалила я, а затем схватилась за ручку и открыла дверь. — Мне действительно очень жаль. — Отстегнув ремень, я выскользнула из джипа и захлопнула дверь, прежде чем он успел сказать еще хоть слово.

Я не могла вынести большего.

Не сегодня.

Подавленная, я слонялась за садовой стеной моего соседа, пока не стало ясно, что Джонни ждет, пока я войду внутрь, прежде чем он уйдет, и тогда я сделала единственное, что могла: я пригнула голову и побежала по тропинке к своему настоящему дому, не смея оглянуться на него.

Проскользнув внутрь, я закрыла за собой дверь и прерывисто выдохнула, прежде чем быстро обыскать нижний этаж.

Дом был пуст.

Олли, Тадхг и Шон ходили к няне Мерфи по будням, за исключением пятниц, когда няня забрасывала их сразу домой послешколы, потому что на выходные она ездила в Беару навестить свою внучку и не возвращалась домой по крайней мере до восьми часов.

Джоуи и мама оба работали по понедельникам, а мой отец согревал табурет у букмекеров почти каждый вечер.

Ничего не изменилось.

Выкидыш или не выкидыш, моя испорченная семья продолжала жить как обычно...

Благодарная за то, что избежала еще одной бессмысленной конфронтации, я скинула туфли и поспешила вверх по лестнице, чтобы снять мокрую одежду.

У нас в подсобном помещении была подержанная сушилка, которой я не должна была пользоваться из-за того, что она сильно требовала электричества, но я собиралась воспользоваться этим вечером.

У меня не было выбора.

Вернувшись в дом боли, я закрыла дверь своей спальни, а затем быстро сняла мокрую одежду, прежде чем надеть пижаму.

Я была на полпути вниз по лестнице со скомканной формой в руках, когда раздался стук во входную дверь.

Остановившись на полушаге, я прищурила глаза и попытался разглядеть, кем может быть высокая тень за матовым стеклом.

Раздался еще один стук, на этот раз громче, поэтому я поспешила вниз по оставшимся ступенькам и распахнул дверь, только чтобы обнаружить Джонни, стоящего снаружи под дождем, похожего на какого-то полутонувшего ангела.

Мгновенно мое сердце сжалось в груди, а затем начало стучать так сильно, что было почти больно.

Серьезно, Боже?

Почему?

— Привет, — прошептала я, вцепившись в дверь мертвой хваткой. Ступенька в наш дом была высотой не менее фута, но я все равно поймал себя на том, что смотрю на него снизу вверх.

— Привет, — ответил Джонни, голубые глаза встретились с моими. — Ты живешь в 95.

Я кивнула, подавленная.

— Я думал, твой дом под номером 81? — Он нахмурился. — Это то место, куда я тебя высаживал?

Я беспомощно пожалала плечами, чувствуя себя растерянной.

— Ну, ты оставила свою сумку в машине. — Сняв мою сумку со своего правого плеча, он протянул ее мне.

— Прости, — пробормотала я, чувствуя, как мои щеки снова вспыхивают. — Твоя куртка в моей спальне — я пойду и принесу ее. — Я повернулась, чтобы бежать вверх по

лестнице, но он остановил меня, положив руку на мое запястье.

— Не беспокойся об этом, — объяснил он, быстро убирая руку. — Я заберу ее в школе или еще где-нибудь.

— Хорошо.

Засунув руки в карманы, Джонни покачался на каблуках, рассматривая меня короткое мгновение, прежде чем выдохнуть. — Ты в порядке?

— Да, — прошептала я, чувствуя себя ни капельки не в порядке.

— Шэннон, я не хочу, чтобы ты думала, что я не хочу, чтобы ты...-

— Пожалуйста, ничего не говори, — умоляла я, чувствуя себя оскорбленной на этом этапе. — Пожалуйста.

— Сейчас для меня все сложно...-

— Джонни, пожалуйста, просто забудь, что это когда-либо было.

Он пристально смотрел на меня в течение мучительно долгого момента, прежде чем натянуто кивнуть. — Если это то, чего ты хочешь.

Я слегка поникла. — Так и есть.

Затем его взгляд метнулся к моей шее, и выражение его лица мгновенно потемнело.

— Сейчас мне нужно зайти внутрь, — заявила я, боясь, что он начнет с того места, на котором остановился.

— Верно, — сказал он, слегка покачав головой. — Конечно, да, и мне лучше идти.

— Хорошо.

— Думаю, увидимся завтра, — сказал Джонни, а затем развернулся и ушел от меня.

Чувствуя себя опустошенной, я закусил губу, глядя, как он уходит. — Пока, Джонни.

— Пока, Шэннон, — крикнул он в ответ, бросив быструю улыбку через плечо.

О, боже.

С сердцем, беспокойно колотящимся в груди, я закрыла дверь и поплелась обратно по лестнице.

Мне нужно было прилечь на минутку, чтобы я могла обдумать свои мысли.

Проскользнув обратно в свою крошечную комнату, я направилась прямо к своей односпальной кровати с намерением засадить матрас лицом, но остановилась, когда мой взгляд упал на куртку Джонни, разбросанную на моей кровати.

Как и подобает криперу, которым я была, я опустилась в изножье своей кровати, потянулся за его курткой и прижал ее к груди.

Его запах был повсюду.

На его куртке.

На мне.

Держа промокшую ткань, я глубоко вдохнула, вдыхая знакомый запах его дезодоранта, а затем мысленно отчитала себя за то, что была такой уродиной.

Что я делала?

Почему я позволяла себе испытывать эти эмоции?

Они были опасны.

Мне нужно *остановиться*.

Он не хочет тебя.

Никто не знает.

Чувствуя тошноту в животе от сожаления и беспокойства, я убрала одеяло, забралась в свою кровать и свернулась в самый маленький клубок, какой только могла.

Все болело.

Мое тело.

Мой мозг.

Мое сердце.

Медленно дыша, я попыталась избавиться от всех плохих мыслей, преследующих меня.

Каждое смущающее и разрушающее душу воспоминание о том, как смехотворно глупо я себя вела,

Это продолжалось недолго.

Через пятнадцать минут моего безмолвного траура звук хлопнувшей входной двери заполнил мои уши.

Не менее чем через три минуты дверь моей спальни влетела внутрь.

— Где ужин?

Оставаясь совершенно неподвижной, я вцепилась в одеяло, мое тело напряглось от беспокойства. — Я забыла.

— Ну, вылезай из этой гребаной кровати и спускайся по лестнице, — прорычал папа с порога. — У тебя есть работа по дому, девочка, и это включает в себя приготовление ужина. Самое время тебе заслужить свое содержание.

— Меня тошнит, — протошнила я.

Это не было ложью.

У меня свело живот.

— Тебе будет еще хуже, если ты не вытацишь свою задницу из этой кровати, — предупредил мой отец. — Больная. Твоя мать чертовски больна, и она работает, чтобы оплатить твои ублюдочные школьные сборы, ты, неблагодарная маленькая пизда.

Я знала, что он сегодня не пил, но мой трезвый отец все еще внушал мне ужас.

— У тебя есть пять минут, чтобы спуститься по лестнице, девочка, — добавил он. — Не заставляй меня возвращаться к тебе.

Он захлопнул дверь моей спальни, и пока я слушала, как он спускается по лестнице, я обдумывала свои варианты.

Остаться там, где я была, и терпеть побои или делать, как он просил, и все равно рисковать?

Выбора не было.

Никогда не было.

Во всяком случае, не для меня.

Откинув одеяло, я выбралась из кровати и спустилась обратно в ад.

— Ты все еще разговариваешь со мной? — были первые слова, которые слетели с губ Клэр, когда я ответила на ее телефонный звонок позже той ночью.

Я как раз заканчивала мыть кухонный пол перед сном, приготовила ужин и вымыла всю посуду.

Удерживая телефон между ухом и плечом, я вылила воду из ведра для швабры в кухонную раковину и быстро убрала их в подсобное помещение.

— Учитывая, что я только что ответила на твой звонок, я бы сказала, что довольно очевидно, что я все еще разговариваю с тобой, — ответила я приглушенным тоном.

Было уже одиннадцать вечера, но мой отец все еще был в гостиной, смотрел какой-то матч по телевизору, и я знала, что лучше не беспокоить его.

— Мне так жаль, — простонала Клэр в конце линии. — Я не хотела смущать тебя сегодня, клянусь. Мне просто надоело слушать, как эти двое бубнят о Джонни, и я хотела поставить их на место.

— Не беспокойся об этом. — Схватив куртку Джонни из сушилки, я выключила свет на кухне и вышла. — Я не злюсь, — добавила я, мой голос был едва громче шепота.

— Ты можешь говорить прямо сейчас? — спросила она.

— Да, — прошептала я, крадучись направляясь к лестнице. — Просто дай мне две секунды.

— Хорошо, — ответила она.

Прижимая телефон к груди, я на цыпочках поднялась по лестнице, старательно избегая каждого скрипа.

— Хорошо, я вернулась, — сказала я ей более внятным тоном, как только оказалась в безопасности в своей спальне с запертой дверью.

— Ты уверена, что не злишься на меня?

Я покачала головой и плюхнулся на кровать. — Я действительно не злюсь.

— *О, слава богу,* — громко вздохнула Клэр. — Я весь вечер была в ужасном состоянии, беспокоясь об этом. Меня завтра не будет на занятиях, и я боялась, что ты не возьмешь трубку, когда я позвонила.

Мое сердце упало. — Ты не придешь завтра в школу?

— У меня есть хоккейный матч со школой, — объяснила она. — Но там будет Лиззи.

По крайней мере, Лиззи будет.

— Ну, я не злюсь.

— Ты уверена?

— У меня хорошие новости, — сказала я, решив сменить тему. Иначе нам пришлось бы ходить туда-сюда всю ночь. — Я забыла сказать тебе на прошлой неделе, но я думаю, тебе понравится.

— Выкладывай все начистоту, Линч.

— Мама подписала бланки. Я обратила их на прошлой неделе. — Тяжело вздохнув, я сказала: — Мне разрешено поехать с тобой в Донегол после Пасхи.

Мне пришлось на несколько мгновений отодвинуть телефон от уха, пока Клэр визжала от возбуждения.

— Это лучшая новость за всю историю, — сказала она. — Ты не представляешь, каким счастливой ты меня только что сдела. Я думала, что окажусь в ловушке в чужом округе на два дня с Лиззи и Пирсом, — продолжила она. — И ты знаешь, насколько испорчены их отношения.

— Чужой округ, — хихикнула я, а затем хрюкнула, когда острая боль рикошетом пронзила мой бок.

— Ты в порядке?

— Да, это просто мой живот, — ответила я, поглаживая изгиб своего живота. — Это беспокоило меня весь день. — Прикусив губу, я добавила: — Надеюсь, я не заболею чем-нибудь.

— Тогда тебе лучше принять немного парацетамола и покончить с этим, — весело парировала Клэр. — Потому что мы едем в Донегал, детка! Ууу!

— После Пасхи, — напомнила я ей.

— И что? — парировала она. — Это все равно лучшая новость за всю историю.

Я посмеялась над ее энтузиазмом, потому что, честно говоря, как я могла не посмеяться?

Это было заразительно.

— Итак, ты выяснила, как ты собираешься провести сорок восемь часов в тесном контакте с *Джерардом*? — Спросила я с дразнящей ноткой в голосе, благодарная за то, что отвлеклась от своей жизни.

Клэр громко застонала. — Он сводит меня с ума, Шэн.

— Ты ему нравишься, — сказала я ей. — И прежде чем ты отключишь меня и скажешь, что ему все нравится, я имею в виду, что ты ему действительно нравишься, Клэр. Когда вы, ребята, вместе, становится очевидно, что ты ему нравишься.

Это правда.

В школе они постоянно следили за движениями друг друга.

Он всегда подходил к ней, отпускал шуточки и заводил бессмысленные разговоры.

Они вели себя как пожилая супружеская пара, когда были вместе, с остроумными шутками и быстрыми репликами, и я не могла понять, почему они еще не пара.

Это казалось таким неизбежным.

— То, что он так себя ведет по отношению ко мне, это не комплимент, — проворчала Клэр, когда я ее обругал. Пыхтя, она добавила: — Любая девушка, которая проходит мимо этого парня, поворачивает голову.

— Да, но ты не просто вскружила ему голову, Клэр, — сказала я ей.

— Ты не можешь превратить то, чего там нет, Шэн, — ответила она грустным тоном.

— Я в это не верю, — возразила я.

— Это потому, что ты не знаешь его так, как я, — вот и все, что она ответила.

— Ну, я думаю, что вы с Гибси вместе имеете смысл, — настаивала я. — Намного больше, чем Лиззи и Пирс.

— Это было бы нетрудно, — усмехнулась Клэр. — Во мне и мистере Малкахи больше смысла, чем в этих двоих.

— Верно, — задумчиво произнесла я.

— Итак, вот что мы сделаем, — сказала она тогда. — Ты можешь держать меня сосредоточенной и подальше от Джерарда, когда мы будем в Донеголе, и я сделаю то же самое для тебя с Джонни.

Я прерывисто выдохнула. — Насчет этого...

— Продолжай, — настаивала она.

Зажмурившись, я выпалила: — Он снова подбросил меня домой.

— *Что?* — Клэр взвизгнула.

У меня перехватило дыхание. — Я знаю.

— Боже мой, Шэн, в чем дело?

— Я действительно не знаю, — простонала я, вытирая лицо рукой. — Я так запуталась.

— Запуталась?

Решив дать ей полное раскрытие, я прпрошептала — Он не просто отвез меня домой, Клэр. Я снова пошла к нему домой.

— *Закрой входную дверь,* — выдохнула она.

Кивнув, я застонала в свою руку. — И я поцеловала его.

— *Закрой входную дверь!* — повторила она, теперь громче и гораздо более взволнованным тоном. — Где это произошло?

— В его спальне, — призналась я, а затем неохотно добавила: — На его кровати.

— Боже мой, — взвизгнула она. — О, мой бог, Шэн!

— Он не поцеловала меня в ответ, — призналась я, поморщившись.

— Этот чертов идиот, — прорычала она, мгновенно меняя тон.

— Я идиотка, Клэр, — поспешила сказать я, чувствуя себя такой же униженной, как и в его машине по дороге домой. — О чем, черт возьми, я думала?

— Он был груб с тобой? — требовательно спросила она. — Потому что я надеру его большую, любящую регби задницу, если он был груб с тобой...-

— Он не был злым по отношению ко мне, Клэр, — прохрипела я. — Он был... милым.

— Нет, Шэннон, это ты прелесть. Он мудака, — сердито поправила Клэр. — Потому что только полный мудака приводит мою лучшую подругу к себе домой, приводит ее в свою спальню, а затем, когда она впервые в жизни выходит на улицу, он идет и отвергает ее.

— Я поцеловал его, Клэр, — прошептала я. — А не наоборот.

— И он явно не заслужил твоего поцелуя, — отрезала Клэр. — Ты слишком хороша для такого идиота.

— Я думала, тебе нравится Джонни?

— Я привыкла, — сердито согласилась она. — Раньше я думала, что он был хорошим парнем. Раньше я думала, что он лучше, чем его репутация, — прорычала она. — Больше нет.

— Это моя вина, Клэр.

— Нет, Шэн, — прорычала она. — Он завел тебя, и ты заслуживаешь гораздо лучшего, чем позволить какому-то тупоголовому мудаку сделать это.

— Он действительно этого не делал, — призналась я. — Это все я.

— Мне все равно, — отрезала она. — Он идиот.

— Что мне теперь делать? — Спросила я, чувствуя себя неуверенно.

— Что ты имеешь в виду?

— У меня его куртка. — Я призналась. — Мне нужно вернуть ее ему.

— Почему у тебя его куртка?

— Он дал мне ее... — Я сделала паузу, прежде чем добавить: — На самом деле это второе, что он мне дал. Он тоже отдал мне свое пальто после школы, но оно промокло от дождя, поэтому он дал мне другое.

— Вот так, — отрезала она. — Веду тебя за нос!

— Я не думаю, что это то, что он делал, — слабо возразила я. — Он просто был милым, Клэр. — Тяжело вздохнув, я добавила: — Он просто действительно хороший парень.

— Хорошо, — вздохнула она, немного смягчая свой гнев. — Просто верни ему его пальто завтра в школе и покончи с большой обезьяной.

— Хорошо, — ответила я, опечаленная этой мыслью.

— Знаешь, он дурак, — добавила она. — Ты великолепна, и добра, и мила, и предана, и миллион других блестящих качеств, которые он никогда не найдет в таких шлюхах, как эта Белла Уилкинсон.

— Спасибо, — ответила я, оценив ее попытку утешить меня. Конечно, это было неправдой, но ее слова действительно помогли. — Но тебе не позволено ненавидеть его из-за этого.

— Правда? — она заскулила. — *Правда?* — Он не сделал ничего плохого, Клэр, — настаивала я. — Серьезно. Он не мог быть добрее ко мне.

— Тогда почему он не поцеловал тебя в ответ? — спросила она.

— Потому что он не хочет меня, — выпалила я. — Очевидно.

— Тогда он сумасшедший, — проворчала она. — Если бы у меня был пенис или мне нравились девушки, я бы хотела тебя.

— Спасибо, — я наполовину рыдала, наполовину смеялась. — Если бы у меня был пенис или мне нравились девушки, я бы тоже тебя хотела.

— Значит, мы действительно не будем его ненавидеть?

— Нет, — ответил я. — Мы действительно не будем.

— Фу, — простонала Клэр. — Отлично.

— Ты отличный подруга, Клэр, — сказала я ей. — Я не знаю, что бы я делала без тебя.

— Достаточно ли я хорошая подруга, чтобы знать подробности?

— Какого рода подробности? — Нервно спросила я. — Что ты хочешь знать?

— Все подробности. — ответила она.

Тьфу.

— Это так неловко, — прошептала я. — Унизительно, на самом деле.

— Ладно, извини, — быстро ответила она. — Тебе не обязательно об этом говорить.

— Он прекрасен, — прошептала я после паузы.

— Да, да, — проворчала она. — Все уже знают это.

— Нет, Клэр, — настаивала я. — Я имею в виду, что он действительно красивый. —

Закрыв глаза, я прошептала: — Под одеждой.

— Боже мой! — закричала она мне в ухо. — Откуда ты знаешь, что у него под одеждой?

— Он принимал душ и был только наполовину одет, когда вышла...

— Откуда?

— Из его душа.

— Подожди! — Клэр пискнула: — Ты принимала душ с Джонни Кавана?

— Что — нет! — Я покачала головой. — Я принимала душ в его душе.

— Хорошо, тебе нужно вернуться к началу, потому что я теряю здесь силу своего грязного воображения.

— Мы оба промокли под дождем, — объяснила я с усталым вздохом. — Его мама отнесла мою одежду вниз, чтобы высушить ее. Я воспользовалась душем в его ванной комнате. Он принял отдельный душ. А потом мы оба как бы оказались в его комнате.

— Без одежды?

— На нем были спортивные штаны, — ответила я, сопротивляясь желанию рассказать ей о том, что я видела до того, как он надел свои спортивные штаны. — Вот и все.

— А ты? — настаивала она.

— Просто полотенце. — Я прикусила губу, чувствуя, как мое лицо пылает от жара. — Я думаю, что я показал ему... ну, ты знаешь И я действительно не знаю, как это случилось, но мы оба оказались на его кровати, — поспешила сказать я, понизив голос. — И затем он был прямо там, как будто его лицо было так близко к моему... — Прерывисто выдохнув, я добавила: — И я просто сошла с ума и поцеловала его.

— Боже, — выдохнула Клэр. — Это как смотреть крушение поезда, только вместо того, чтобы смотреть, я слушаю это.

— Я знаю, — простонала я. — А потом я запаниковала и заперлась в его ванной. — Я съежилась от воспоминаний. — И он был так добр ко мне, Клэр. Я имею в виду, он мог бы выйти из себя и вышвырнуть меня, но он просто продолжал говорить со мной с другой стороны двери, пытаюсь уговорить меня...

— Фу, я не могу, — простонала она. — Это слишком ранит мое сердце.

— Он обещал, что не будет говорить об этом, если я выйду, — продолжала я говорить, несмотря на ее протесты, нуждаясь в том, чтобы снять это с моей груди. — Конечно, он солгал. Когда мы вернулись в его машину, он рассказал мне...

— Не об этом речь, — выдохнула она. — Пожалуйста, скажи мне, что он не дал тебе поговорить с ним.

— Он сделал эти, — выдавила я. — А потом он продолжал говорить мне, что мне не нужно извиняться, и я думаю, что он имел в виду именно это, но мне просто так стыдно за все это. Клянусь, я больше никогда ни перед кем так себя не выставлю.

— Черт, — вздохнула Клэр. — Я бы хотела, чтобы завтра у меня не было этого дурацкого матча. Я не хочу, чтобы ты была одна в школе, пока ты так себя чувствуешь.

— Я тоже, — мрачно согласилась я. — По крайней мере, Лиззи будет там.

— Может быть, не стоит говорить об этом Лиз, — вмешалась Клэр. — Она сразу отрежет ему член.

— Никто не должен знать об этом, Клэр, — прошептала я. — *Никто*.

— Согласна.

Я схватилась я за живот, когда очередная колющая боль рикошетом пронзила меня, заставив снова замычать от боли.

— Эй, может быть, тебе стоит взять завтра выходной, — предложила она, звуча обеспокоенно. — Звучит не слишком хорошо.

— Со мной все будет в порядке, — прошептала я.

И я могла бы быть в порядке.

Я надеялась.

Глава 49. Я облажался

Джонни

— Доброе утро, — признал Гибси, опускаясь на пассажирское сиденье моей машины во вторник утром. — Как прошла вчерашняя тренировка?

— Я облажался! — Я выпалил.

— Ты облажался? — Гибси выгнул бровь, пристегиваясь. — На тренировке?

— Нет. Я покачал головой. — Я не пошел.

— Почему нет?

— Потому что я облажался!

— Как?

— Черт. — Застонав, я переключил передачу и отъехал от его дома. — Так чертовски плохо. — Сжав руки на руле, я издал болезненный рык. — Так чертовски, чертовски плохо, Гибс.

— Ты собираешься сказать что-нибудь еще, кроме слова “черт”? — он протянул, вытаскивая чистый компакт-диск из своей школьной сумки и засовывая его в мой футляр для компакт-дисков. — Кстати, я сжег это для тебя прошлой ночью, — добавил он с ухмылкой. — Я думаю, тебе понравится.

— Спасибо, — проворчал я, слишком отвлеченная, чтобы сосредоточиться на чем-то, кроме своих бушующих мыслей.

— Итак, — сказал Гибси, доставая коробку сигарет. Он положил одну сигарету между губами и вспыхнул. — Ты собираешься рассказать мне, как ты облажался?

— Опустит окно, — проворчал я. — Ты же знаешь, я не выношу запаха этих вещей.

— Я полагаю, этот кризис как-то связан с малышкой Шэннон? — предложил он, опустив окно и выпустив из него облако дыма.

Я снова кивнул, чувствуя панику.

Всю ночь я ждал, когда смогу избавиться от этого дерьма.

Я едва мог дышать от давления в моем теле — от этого, и от моих сожалений, и от ее запаха на моих простынях.

Я даже не мог насладиться ужином со своим отцом, чего мы не могли сделать с Нового года из-за противоречивых графиков.

Весь вчерашний ужин я был слишком погружен в свои мысли.

Я был слишком увлечен ею.

— Я думала, я тебе нравлюсь.

Ну, трахни меня, мое сердце чуть не лопнуло, когда она произнесла эти слова.

— Что ты сделал, Джонни? — Гибси толкнул меня, отрывая от моих мыслей.

— Я сделал это снова, — признался я.

Он настороженно посмотрел на меня. — Ты снова отвез ее домой?

Кивнув, я издал сдавленный стон. — За исключением этого раза, я пошел еще дальше и заставил ее вернуться домой после школы.

— Джонни...

— Я буквально поднял ее и посадил в гребаную машину, Гибс. — Испустив еще один разочарованный вздох, я откинулся на спинку стула и застонал. — С моей мамой.

Он рассмеялся. — Ты идиот.

— Я знаю, — простонал я. — А потом Ма сделала то, что у нее получается лучше всего.

— Она вмешалась, — со знанием дела добавил Гибси.

— Привела ее в дом.

Брови Гибси взлетели вверх. — Твой дом?

— О да, — прошипела я, все еще чувствуя горечь. — Затем она пошла и рассказала мне об этом.

Гибси вздрогнул. — О, Иисус.

— Я знаю, парень. — Я покачал головой, заставляя себя сосредоточиться на дороге. —

Это было жестоко

— Где была Шэннон, когда шел этот разговор?

— Это худшая часть, — ответил я с гримасой, указывая на школу. — Мама решила, что было бы замечательно заставить Шэннон принять душ. Я бросаю на него злобный взгляд. —

Еще один.

— Ты издеваешься надо мной? — Гибси хихикнул.

— Я тебя не издеваюсь, — выпалил я, сворачивая на знакомый переулочек к Томмен. — Мама тоже подумала, что это была потрясающая, блядь, идея — взять ее одежду и положить ее в сушилку.

— Остановись. Я не могу. Это слишком бесценно. — Он откинул голову назад и завыл от смеха. — Мамаушка Кавана лучший ведомый, чем я!

— Сосредоточься, Гибс! — Я рявкнул, когда заехал на парковку. — Это было плохо. Действительно чертовски плохо.

— Насколько плохо? — он спросил.

Я заехал на свое обычное место для парковки и заглушил двигатель.

— Насколько все плохо, Джонни? — Гибси уговаривал.

Издав болезненный рык, я повернулся на своем месте лицом к нему. — Она поцеловала меня?

Глаза Гибси загорелись. — Да?

Я кивнул. — На моей кровати. В полотенце. Выгляда как чертов сон. Она просто, блядь, положила свой рот на меня, Гибс.

— В полотенце?

— У мамы была ее одежда, помнишь? — Я задушил. — Она была завернута в полотенце и больше ничего.

Гибси ухмыльнулся. — И больше ничего?

— Больше ничего, — повторил я, произнося слово “ничего”.

— Ты видел...

— Да, — огрызнулся я, а затем громко застонала. — Черт.

— И?

— Идеально.

— Черт.

— Ага.

— Ну и дерьмо, парень, — задумчиво произнес Гибси, задумчиво почесывая челюсть. — Я бы никогда не подумал, что она сделает первый шаг. Повернувшись, чтобы посмотреть на меня, он спросил: — Что ты сделал?

— Застыл, — признался я с болезненным выдохом. — Я совершенно ахуел, парень. А

потом она запаниковала и заперлась в ванной. Это была катастрофа. Мне потребовалась целая вечность, чтобы уговорить ее, и даже тогда она не сказала мне больше трех слов по дороге к ней домой.

— Это... — Гибси покачал головой, — это катастрофа.

— Высшего порядка, — мрачно согласился я. — Я пытался поговорить с ней об этом, но она не соглашалась, парень. Она не хотела слышать ни слова из того, что я должен был сказать.

— Что ты пытался ей сказать?

— Правду? — Устало предложил я. — Что я уйду через пару месяцев и не могу посвятить себя ей.

— Ты немного глуповат для гения, не так ли? — Гибси задумался.

Я повернулся, чтобы посмотреть на него. — Прошу прощения?

— Ты несколько раз отвозишь ее домой, водишь в паб, в кино, приводишь ее к себе домой — дважды, — а потом она тебя целует, а ты ее отвергаешь, — парировал он. — Чего ты ожидал от нее? Сидеть и слушать это?

— Я, блядь, не отвергал ее, — выплюнул я. — Я бы никогда не отверг ее!

— О, хорошо, — хихикнул Гибси. — Конечно, ты этого не делал.

— И ты тот, кто сказал мне быть ее другом, — обвинил я.

— Ну, я был неправ, — сказал он. — Ты не можешь этого сделать. Это никогда не сработает. Сдавайся сейчас.

— Да, так и будет, — прошипел я. — Так должно быть.

— Почему это должно сработать? — он спросил.

— Потому что она мне нужна. — Я покачал головой и испустил еще один разочарованный вздох. — Потому что я хочу сохранить ее в своей жизни.

— Ты хочешь оставить ее, точка, — возразил Гибси. — Потому что ты по уши влюблен в эту девушку.

— Прекрати, — предупредил я.

— Отлично. Он вскинул руки вверх. — Я больше ничего не скажу об этом.

Мы долго сидели в тишине, пока Гибси курила очередную сигарету, прежде чем я, наконец, нарушил ее, сказав: — Ты знаешь, что она безумно хороша в PlayStation? Нравится, блядь, хороший геймер?

Гибси посмотрел на меня с удивлением. — Ни хрена?

Я кивнул. — Она надрала мне задницу, парень. Я никогда не видел, чтобы кто-то выполнял задания так быстро, как она.

Он выдохнул еще одно облако дыма и выбросил сигарету в окно. — У нее была с собой шпаргалка?

— Ей это было не нужно, — пробормотал я, нажимая кнопку и поднимая окна. — Она запомнила каждый чертов код.

— О боже, — простонал Гибси. — Это так чертовски сексуально.

Я указал на пассажирскую дверь. — Убирайся из моей машины.

— Я не думаю о ней так, — засмеялся он, открывая дверцу и выходя.

Да, он, блядь, думал.

Глава 50. Парень-герой

Шэннон

Когда я проснулась во вторник утром, мне потребовалось смехотворное количество времени, чтобы вытащить себя из постели.

Мне было так больно, что все, что я хотела сделать, это спрятать голову под одеяло и остаться там.

Знание того, что не ходить в школу дома означало проводить весь день в одном доме с моим отцом, было достаточно большим стимулом, чтобы пойти в школу.

Но мысль о том, что придется снова встретиться с Джонни, означала, что он был на волосок.

Я чувствовала себя не в своей тарелке.

Мой разум кружился, а тело билось в агонии.

К тому времени, как я вышла из автобуса в Томмен, мое тело чувствовало, что оно пытается разорвать себя изнутри, и это началось с моего желудка.

Я выстирала, высушила и упаковала куртку Джонни в пластиковый пакет для переноски в переднем кармане моей школьной сумки, готовая вернуть ему, как мы с Клэр обсуждали.

Я намеревалась вернуть его ему и сбежать.

А еще лучше, если бы я увидела Гибси, я могла бы отдать это ему и покончить с этим.

Все утро я высматривала его в коридорах, но наши пути так и не пересеклись.

Миллион и одна нелепая мысль и беспокойство заполнили мой разум.

Он был ранен?

Я уже знала, что он ранен.

Но было ли хуже?

Он был в больнице?

Он был болен?

Боже, я была жалкой.

Я бы еще больше зациклилась на его отсутствии, если бы не ужасная боль в животе, требующая всего моего внимания.

У меня свело живот, каждая мышца живота мучительно сокращалась, словно атака лезвий, разрезающих меня изнутри.

Это не было вызвано тревогой.

Нет, это было определено что-то другое.

Боль была такой сильной, что я едва могла сосредоточиться на школьной работе, и у меня не было девочек, чтобы отвлечь меня от этого, потому что Клэр была на выездной игре с женской хоккейной командой, а Лиззи сегодня не пришла в школу.

Зная мою удачу, Лиззи заболела рвотой, и меня ждало то же самое.

Проходя через движения, я ходила на все свои занятия, сидела одна, пыталась слиться с обоями и молилась, чтобы не упасть в обморок.

К тому времени, когда наступила большая перемена, я была сыта по горло школой на один день и была готова совершить несколько сомнительных с моральной точки зрения поступков за пару таблеток парацетамола и стакан воды.

Однако мой день резко изменился к худшему, когда девочка с шестого класса отвела

меня в сторону в коридоре и произнесла слова, которые каждая девочка-подросток на планете боялась услышать в школе. — Извини меня, но я думаю, что ты протекла.

Поскольку я была собой, моему мозгу потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что она говорит, и еще несколько, прежде чем я поняла ее смысл.

В ту минуту, когда я поняла, я хотела, чтобы земля разверзлась и поглотила меня целиком.

Я хотела вспыхнуть и раствориться в воздухе, потому что то, что шестиклассница указала на тот факт, что ты протекла посреди школьного коридора, произвело такой эффект на девушку.

Оскорбленная, я бросилась в туалет для девочек, чтобы разобраться.

К счастью, ванная была пуста, когда я ворвалась внутрь.

Бросив свою школьную сумку на пол, я встала спиной к зеркалу и повернула голову.

— О боже, нет! — Я всхлипнула / ахнула, когда мой взгляд упал на пятно крови сзади.

Итак, это было оно.

Сегодня был день, когда мать-природа решила нанести мне визит.

Через девять дней после моего шестнадцатилетия.

Лучше поздно, чем никогда.

В середине учебного года.

О, дорогой Иисус.

Что ж, по крайней мере, мучительные спазмы в животе теперь обрели смысл.

В свою защиту, откуда, черт возьми, я должна была знать?

Никогда в жизни я не сталкивалась с таким выворачивающим живот ударом ножом в область таза.

Потому что это были первые настоящие месячные.

Схватив свою школьную сумку и горсть бумажных полотенец, я юркнула в одну из кабинок и заперла за собой дверь.

Выпутавшись из юбки, я стянула с себя колготки и трусики и заплакала, когда кровь испачкала мои ноги.

О, боже.

Не паникуй, Шэннон.

Не психуй.

Сделав успокаивающий вдох, я быстро принялась за приведение себя в порядок с единственной мыслью в голове.

Убегай.

Как только я стала выглядеть достаточно респектабельно, я сразу же отправилась домой, чтобы спрятать голову под одеялом и спокойно умереть от стыда.

Достав свой телефон, я отправила Джоуи бесплатный звонок, потому что, как обычно, у меня не было ни одного чертова кредита, а также, как обычно, мне нужно было, чтобы он пришел и спас меня.

Он не ответил.

Копаясь в своей сумке, я искала тампон, который, как я знала, не найду, потому что, черт возьми, зачем мне его искать?

Как будто мать-природа решила наградить меня трехлетними менструальными болями и стыдом в этот самый момент.

Бог.

Тяжело вздохнув, я схватилась за живот и замерла, надеясь, что найду какое-то облегчение.

Его не было.

Я также болела за деньги, которых у меня не было, чтобы я могла купить гигиенические полотенца, которые я не могла себе позволить, в автомате в ванной.

Два евро.

Все, что мне было нужно, это жалкая монета в два евро, а у меня даже ее не было.

К счастью, я нашла запасную пару нижнего белья, поэтому я сделала самодельную гигиеническую прокладку из бумажных полотенец, пока слезы текли по моим щекам.

Я прекрасно понимала, что мне не нужно было плакать из-за этого.

Это было совершенно нормально.

Но я была расстроена, смущена и не готова.

Впервые в жизни я хотела, чтобы у меня все шло гладко.

Я так устала от своей жизни на железной дороге.

Мне нужна была отсрочка.

Я почистила юбку, как могла, прежде чем надеть ее обратно.

Затем я сорвала с себя джемпер и обвязал его вокруг талии, чтобы скрыть пятно стыда.

Мои ноги были голыми, руки без рукавов, и я выглядела совершенно неуместно для мартовской погоды.

Шмыгая носом, я бесцельно рылась в своей сумке, мои пальцы зависли над пластиковым пакетом, в котором была куртка Джонни.

Вытащив куртку из пластикового пакета, я быстро засунула колготки и нижнее белье в пакет и спрятала их на дне школьной сумки.

Выйдя из кабинки, я прошаркала к раковине, бросила школьную сумку и куртку на пол и натерла руки до крови большим количеством мыла, не в силах остановить глупые слезы, стекающие по моим щекам.

— Ты в порядке? — спросил женский голос, напугав меня.

Шмыгая носом, я обернулась и увидела девушку в униформе, выходящую из туалетной кабинки в конце ванной — той, что с табличкой — Не работает.

Вокруг нее повисло густое облако дыма, не замеченное разобранной пожарной сигнализацией на потолке.

Я была настолько поглощена своим личным срывом, что не осознавала, что здесь есть кто-то еще.

— Прости, — пробормотала я. — Я не знала, что здесь есть кто-то еще.

— На улице все еще идет дождь, — объявила она, потрясая перед собой пачкой сигарет. — Мне не хотелось стоять на улице под дождем и курить.

Моя униформа была единственной вещью, которая была у меня общей с девушкой, стоящей передо мной.

Она была намного старше меня — и намного красивее.

Ее черные волосы были подстрижены в одну из тех стильных стрижек в стиле боб, которые в настоящее время носят все знаменитости, а ее лицо было безупречным.

Она была высокой и имела фигуру убийцы песочных часов с огромными сиськами, выпирающими из ткани ее темно-синего джемпера.

Она подошла к тому месту, где я стоял, и прислонилась к раковине рядом со мной.

— Почему ты плакала?

— О, я в порядке, — быстро отклонилась я. — Это ничего не значило.

— Это не звучало как ничто, — задумчиво произнесла она, глядя на меня светло-голубыми глазами. — Ты там ревела, как ребенок.

Я пожала плечами, чувствуя, как мое лицо вспыхнуло от смущения.

— Плохой день?

Больше похоже на плохую жизнь...

Я тяжело выдохнула. — Можно и так сказать.

— У меня было несколько таких, — ответила она.

Я сомневалась в этом.

Она выглядела слишком идеально, чтобы в ее жизни был плохой день.

Она склонила голову набок, изучая мое лицо. — Ты новенькая.

Я кивнула.

— Из государственной школы?

Мое сердце упало.

Страх пробежал по моей коже.

Но мне удалось кивнуть и остаться бесстрастной.

— Еще раз, как тебя зовут?

— Эм, Шэннон, — ответила я тихим голосом. — Шэннон Линч.

— Шэннон. В ее глазах мелькнуло узнавание, и я не была уверена, что мне это понравилось.

Чувствуя себя неловко, я обошла ее, подошла к обогревателю и дала рукам высохнуть на три секунды, прежде чем потянуться за своими вещами.

— Я Белла, — объявила она, отталкиваясь от раковины. — И это... — она выхватила куртку у меня из рук. — Не принадлежит тебе.

Мое сердце ушло в пятки.

— Как ты её получила? — спросила она. Ее тон все еще был легким, но выражение лица было грозным. — Это тебе Джонни дал?

— О, нет, прости, — неуверенно ответила я, поправляя школьную сумку на плечах. — Должно быть, я по ошибке схватила ее с вешалки.

— Не ври, — предупредила она. — Откуда у тебя его куртка?

— Он дал это мне, — прошептала я, когда легкая дрожь пробежала по моему телу.

Она выгнула тонко выщипанную бровь. — Джонни только что отдал тебе свою куртку?

Я кивнула и глубоко сглотнула.

— Когда? — потребовала она.

— Вчера.

Ее глаза сузились. — Почему?

— Шел дождь.

— И что? Это Ирландия. — Она положила руку на бедро и посмотрела на меня сверху вниз. — Всегда идет дождь.

Я неловко поерзала. — Он просто был милым.

— Джонни не мил, особенно со случайными незнакомцами, — выплюнула она.

Пожав плечами, я двинулась, чтобы проскользнуть мимо нее, но она протянула руку, преграждая мне путь.

Я съежилась.

— Подожди, — скомандовала она, переводя взгляд с куртки в ее руке на мое лицо. — Я

еще не закончила с тобой разговаривать.

Если она ударит тебя, то ударь ее в ответ, Шэннон, я мысленно повторяла совет моего брата в своей голове снова и снова. Ты ни для кого не боксерская груша. Не позволяй никому помыкать тебе.

— Маленькая птичка нашептала мне, что ты крутилась с ним в его машине.

Это не прозвучало как вопрос, поэтому я не ответила.

У меня было достаточно ссор с такими девушками, как Белла, за плечами, чтобы знать, что все, что я сказал, может и будет использовано против меня.

Безопаснее было молчать.

— Ты знаешь, кто я? — наконец спросила она.

Я кивнула.

— Ты знаешь, кто он?

Я кивнула.

— Теперь ты знаешь, кто ты?

Я пожал плечами.

— Никто, — тихо сказала Белла. — Ты ничто, маленькая девочка. Ни для него. Ни для меня. — Она подошла ближе, и мне пришлось заставить себя не вздрогнуть. — Так что, в какую бы игру ты ни играла, тебе нужно отступить, потому что... — Она сделала паузу, чтобы убрать волосы с моего плеча, мило улыбаясь мне сверху вниз, — какая бы маленькая драма у тебя не была в той кабинке в ванной, она побледнеет по сравнению с тем адом, который я устраю тебе, если ты даже подумаешь о том, чтобы пойти за ним.

— Я не хочу быть с ним, — выдавила я, чувствуя, что близка к обмороку.

И он не хочет быть со мной.

Белла откинула голову назад и рассмеялась.

— *Все* хотят его, — наконец ответила она, все еще невесело смеясь. — И вот тебе предупреждение: в тебе нет ничего особенного. Джонни был добр к тебе только потому, что ты была глупой маленькой сучкой, которая запуталась на одной из их тренировок и доставила ему массу хлопот.

Мое сердце упало.

— Ты думала, я не знала о твоём маленьком выступлении на поле в тот день? — Она выгнула бровь. — Я знаю все, что здесь происходит.

— Это был несчастный случай, — прошептала я, чувствуя, как мои глаза наполняются слезами.

— Как будто, — усмехнулась она. — Ты искала его внимания, и ты его получила.

— Нет, — пробормотала я. — Это не так,

— О, пожалуйста, — прошипела она. — С тех пор, как ты появилась здесь, ты не доставила ему ничего, кроме проблем. Драка с Ронаном Макгэрри? — Она выгнула бровь. — Держу пари, тебе это понравилось, не так ли?

Я сокрушенно покачала головой.

— Я надеюсь, ты знаешь, что он добр к тебе, потому что у него нет выбора, — добавила она, глядя на меня. — Потому что твоя мамочка пыталась отстранить его от занятий, и ему нужно держать нос в чистоте перед Академией. — У меня отвисла челюсть.

— Ты думала, я и этого не знаю? — Она тихо рассмеялась. — Я знаю о тебе все. Все твои маленькие секреты. Все скелеты в твоём шкафу.

— Я не... Я не... Это не...

— Оставь это, — отрезала Белла. — Твой маленький акт жертвы из «бедной меня» на меня не подействует. Я даю тебе понять, что то, что сделали с тобой те девчонки из той дерьмовой школы, из которой ты пришла, покажется прогулкой в парке по сравнению с тем, что сделаю я, если ты не отступишь. — Она пристально посмотрела на меня, прежде чем добавить: — Это я по-дружески, Шэннон. Я не буду такой милой, если мне придется повторять тебе это снова.

— Тебе и не придется, — выдавила я.

Не дав ей возможности ответить, я проскользнула мимо нее и выскочила из ванной.

Мне нужно было убираться отсюда к чертовой матери, и быстро.

Поскольку было время обеда и на улице шел дождь, коридоры были заполнены другими учениками, которые укрывались от непогоды.

С быстро бьющимся в груди сердцем я лавировала сквозь толпу, опустив голову и сосредоточившись на выходе.

Я сделала это всего в пяти футах от двери в ванную, когда врезалась в стену из твердых мышц.

От удара я отскочила назад и приземлилась кучей на пол.

— Вау, черт, — проворчал знакомый голос. — Извини за это.

Две большие руки обхватили мои руки и потянули меня вверх.

— Я не видел тебя там, Малышка Шэннон, — усмехнулся Гибси, ставя меня на ноги. —

Ты в порядке?

Я достаточно занималась преследованием, чтобы знать, что где бы ни был Джерард Гибсон, Джонни Кавана никогда не отставал, и наоборот.

Это была тревожная концепция, учитывая войну, которая только что была объявлена мне.

Я кивнула один раз и попыталась обойти его.

Проблема была в том, что Гибси перехватил мой ход и преградил мне путь.

— Эй, — уговаривал он, неожиданно серьезным тоном. — Ты в порядке — я причинил тебе боль или что-то в этом роде?

— Я... в порядке, — всхлипнула я, отчаянно пытаюсь сдержать рыдания.

Это не сработало.

В ту минуту, когда он присел на корточки и встретился со мной взглядом, огромное рыдание сотрясло мое тело.

— Черт, — пробормотал он, нервно оглядываясь. — Я сделал тебе больно.

— Н-нет, ты этого не делал. Мне просто... нужно п-пойти... домой, — выпалила я, плача как ребенок прямо перед ним. — Прямо сейчас.

Для меня это было слишком.

Кровь.

Угрозы.

Паника.

Это было слишком, и я сходила с ума.

— Мне тебя обнять?

Я покачала головой.

— Мне отвезти тебя домой?

Я беспомощно пожала плечами.

— Прямо сейчас?

Я шмыгнула носом в ответ.

— Да, эм, хорошо, — ответил Гибси тоном, пронизанным замешательством. — Сейчас я отвезу тебя домой.

— Шэннон?

Звук выкрикиваемого моего имени, за которым через несколько мгновений Джонни подошел и встала рядом с Гибси, только подтвердил мою теорию о паре, путешествующей в стае.

— Что случилось? — Потребовал Джонни, глядя на меня с беспокойством. Он повернулся к Гибси. — Что ты с ней сделал?

— Ничего, парень, — быстро ответил Гибси, подняв руки вверх. — Я клянусь.

— Она, блядь, плачет, Гибс, — прорычал Джонни, обращаясь к своему другу. — Ты, очевидно, что-то сделал.

Паника с ревом пробудилась внутри меня, подстегнутая видом Беллы, стоящей за дверью ванной и наблюдающей за нашим общением с мрачным выражением лица.

Я хорошо знала этот взгляд.

Это было с обещанием боли.

— Шэннон, — прорычал Джонни, снова переводя взгляд на меня. — Что случилось?

— Пожалуйста, не разговаривай со мной, — выдавила я, прежде чем обойти его.

Рефлексы Джонни были намного быстрее моих, потому что его рука метнулась вперед, пальцы обхватили изгиб моего локтя. — Шэннон?

— Не прикасайся ко мне! — Я зашипела, запаниковала и выдернула руку.

Джонни отшатнулся, как будто я его ударила. — В чем твоя проблема?

— Джонни, парень, — вмешался Гибси, следуя за нами. — Может быть, тебе стоит послушать ее...-

— Гибси, может, тебе стоит отвалить и оставить нас в покое, — горячо парировал Джонни. — Это личное.

— Поступай как знаешь, Бульдозер, — произнес Гибси, прежде чем неторопливо уйти.

— Шэннон, что случилось? — Джонни повторил, полностью сосредоточившись на моем лице. — Это из-за того, что произошло прошлой ночью? Потому что тебе не нужно ...

— Нет, — выдавила я, умоляя Господа сжалиться надо мной и не заставлять Джонни вспоминать прошлую ночь посреди школы. — Дело не в прошлой ночи.

— Тогда что не так? — он потребовал. — Поговори со мной!

— Мне просто нужно, чтобы ты оставил меня в покое, — выдавила я, двигаясь, чтобы снова обойти его.

— Я... — Джонни снова схватил меня за руку, когда я попыталась увернуться от него, и потянул меня назад, прежде чем закончить: — Как только ты скажешь мне, что, черт возьми, происходит?

Мой взгляд метнулся туда, где Белла метала в меня кинжалы.

Я вздрогнула при виде ее угрожающего выражения, и Джонни заметил.

Он повернул голову, и все его тело заметно напряглось.

— Господи Иисусе, — прорычал он, проводя рукой по волосам, что выглядело как явное разочарование. — Что она сделала?

Я покачал головой. — Ничего.

— Шэннон, скажи мне, что она тебе сказала. — Он перевел свой жесткий взгляд на меня. — Я знаю, что она тебе что-то сказала.

Когда я не ответил ему, Джонни покачал головой.

— Отлично, — прорычал он, поворачиваясь ко мне спиной. — Я узнаю сам.

— Подожди, — схватив за спину темно-синюю толстовку, которую он носил поверх формы, я притянула его обратно к себе, — Пожалуйста, ничего не говори.

— *Ничего не говорить?* — Джонни уставился на меня сверху вниз. — Шэннон, если она тебя достает, то я определенно собираюсь что-то сказать. — Он повернулся, чтобы свирепо посмотреть на Беллу. — Много чего.

— Она этого не сделала! — Я солгала, отчаянно пытаюсь разрядить ситуацию и предотвратить взрыв. — Я клянусь.

— Даже не думай снова лгать мне, — ответил Джонни, выглядя разъяренным. — Ты плачешь, а вон там девчонка с вендеттой против меня стреляет в нас гребаными кинжалами. — Сузив глаза, он выпалил: — Я тут подсчитываю, Шэннон, и два плюс два равняется плохой сучке.

— Нет, ты ошибаешься, я просто... — Мои слова оборвались, и я застонала, когда острая боль рикошетом пронзила мой живот.

— Дерьмо. — Его рука метнулась вперед и сжала мой локоть, поддерживая меня. — Ты в порядке?

— Да, — выдохнула я, дыша через нос и схватившись за бок. — Я в порядке.

— Господи Иисусе, — воскликнул Джонни, уставившись на меня с выражением ужаса. — Она тебя ударила?

— Что — нет! — Я запаниковала.

Его взгляд потемнел. — Это она? Она что, издевалась над тобой? — Он протянул руку и коснулся моей шеи. — Это была она?

Я покачала головой.

— Не лги мне, Шэннон, — прорычал он. — Я чертовски ненавижу лжецов.

— Я не лгу тебе!

— Тогда скажи мне, что происходит, — потребовал он, проводя рукой по волосам. Разочарованно зарычав, он добавил: — Пожалуйста, скажи мне, пока я не потерял самообладание и не сломался.

О, боже.

Униженная, я помахала Джонни, чтобы он подошел ближе, и когда он подошел, я приподнялась на цыпочки и прошептала ему на ухо: — У меня месячные.

Я закрыла глаза, когда сказала это, мысленно пиная себя за это.

— Это мои первые, — быстро пробормотала я, внимательно наблюдая за его боковым профилем, пока я баловала его своим худшим кошмаром. — И мне очень больно.

Покачиваясь на пятках, я прерывисто выдохнула и взглянула ему в лицо, ожидая, что он развернется и убежит в горы.

Джонни, конечно, выглядел испуганным, и все его тело застыло, но он не побежал, и рука, которую он держал за мой локоть, тоже не двигалась.

Он затянулся.

Прикованная к месту, я в ужасе уставилась на него, в то время как он отражал меня.

— Ты идешь, Кав? — крикнул один из его друзей.

Джонни махнул рукой, показывая, что он занят.

— Джонни?

— Отвали, Фели, — прорычал он. — Я говорю здесь.

— Хорошо, парень, но мы направляемся в город на ланч...-

— Я сказал, что я, блядь, разговариваю здесь! — Джонни зарычал. — Отвали.

— Наверное, мне не следовало тебе этого говорить, — быстро закончила я, отступая назад, оставляя некоторое пространство между нами, щеки горели нелестным алым оттенком. — Иди со своим другом. Я в порядке.

— Это то, что не так? — он спросил, игнорируя мои слова, голубые глаза изучали мои. — Так вот почему ты плачешь?

— Да, — прошептала я.

— Тебе больно?

Я прикусила губу и заставила себя еще раз слегка кивнуть.

Он выдохнул. — У меня в сумке есть немного ибупрофена для моей проблемной ноги. — Он посмотрел на меня с надеждой. — Это поможет?

— Боже, да, — вздохнула я, чувствуя, как волна благодарности захлестывает меня при мысли об облегчении боли.

— Моя сумка в раздевалке в зале физкультуры, — заявил он, указывая на вход. — Пойдем со мной.

Я неуверенно посмотрел туда, где Белла все еще наблюдала за мной, и обдумывал свой следующий шаг, прежде чем решил пойти с Джонни.

Мне нужно было лекарство, а он бросил мне спасательный жилет, предложив временное спасение.

Стыд или боль, Шэннон, стыд или боль?

Стыд, решил я и пошла в ногу с ним.

— Шлюха! — Белла позвала, достаточно громко, чтобы привлечь всеобщее внимание.

Я внутренне застонала.

— Правильно, — прошипела она, когда я запнулся. — Я говорю о тебе, шлюха!

— Не надо, — умоляла я, когда почувствовала, как он напрягся рядом со мной. — Джонни, пожалуйста, не делай ничего...-

Джонни не дал мне шанса закончить, прежде чем развернулся и бросился туда, где стояла Белла.

Застыв на месте, я наблюдала за их жарким взаимодействием, зная, что это моя прекрасная возможность сбежать, но не в силах заставить свои ноги бежать.

Я была измотана побегом, и где-то глубоко в глубине моего сознания я задавался вопросом, был ли этот мальчик тем, кто зацепил меня.

Так мне и показалось, когда я услышала, как он выкрикивает ругательства в ответ визжащей Белле.

Вокруг собралась большая толпа, чтобы посмотреть, и это, похоже, ничуть не смутило Джонни.

— Оставь ее, блядь, в покое, — рявкнул он. — Она не твое дело.

— Ты — мое дело, — крикнула ему в ответ Белла.

Джонни вскинул руки в воздух. — Ты бредишь.

— Я так понимаю, ты лгал мне, когда говорил, что ничего не происходит? — она зарычала.

— Воспринимай это как хочешь, Белла. Мне было наплевать, что ты думаешь, — громко ответил он. — Просто не впутывай ее в свои дерьмовые интриги.

Он защищал меня.

Не мой брат.

Не Клэр.

Не Лиззи.

Не учитель.

Нет, этот парень, который заставлял мое сердце колотиться в груди через равные промежутки времени, а мой здравый смысл рушился, стоял посреди школьного коридора, защищая мою честь.

Он отверг меня прошлой ночью, а сегодня он бросил вызов моим хулиганам.

У меня голова шла кругом, я была так сбита с толку.

— Она, Джонни? — Белла зашипела, бросив на меня уничтожающий взгляд. — Серьезно?

— Держись от нее подальше, — предупредил он угрожающим тоном. — Не сделаешь этого, и тебе не понравятся результаты.

— Ты мне угрожаешь? — она зашипела. — Как вы думаете, что скажут об этом твои тренеры в Академии?

— Почему бы тебе не позвонить им и не выяснить? — он сплюнул, развернулся на каблуках и пошел туда, где я была,

Выражение его лица было таким грозным, что я почувствовала, как сжимаюсь.

— Давай, — приказал Джонни, когда добрался до меня. Он положил руку мне на поясницу и заставил меня идти. — Мы уходим.

Неуверенная, я позволяю ему увести меня от глазающей толпы.

— Куда мы идем? — Прошептала я, торопясь не отставать от него.

— Подальше отсюда, — выпалил он, сжав челюсти.

— Почему?

— Потому что, если я останусь здесь, и она тебе что-нибудь скажет, я разозлюсь. Если ты останешься здесь, и она тебе что-нибудь скажет, я соответственно тоже разозлюсь, — объяснил он напряженным тоном. — Поэтому мне нужно идти... — он сделал паузу, чтобы открыть стеклянную дверь и вывести меня наружу, — и тебе нужно пойти со мной, — закончил он, ведя меня под дождь.

— Я, эм, да, хорошо, — прошептала я, поспешив рядом с ним.

Мои эмоции захлестывали меня, когда он вел меня через внутренний двор.

— Ты солгала мне, Шэннон, — тихо заявил Джонни, направляя нас к физкультурному залу. — Она тебе что-то сказала.

— Я не хотела создавать никаких проблем, — призналась я.

— Это был не твой выбор, — ответил он. — Ты тоже солгала о том, что она тебя била? О том, почему тебе больно?

— Нет, — прохрипел я. — Эта часть была правдой.

К сожалению.

— А твоя шея?

— Это была не она, — вот и все, что я ответила.

Джонни долго молчал.

— Никогда больше не лги мне, — наконец тихо сказал он, бросив на меня косой взгляд. — Я не могу этого вынести.

— Я не буду, — сказала я ему, ненавидя ложь, когда она сорвалась с моих губ.

Мы добрались до физкультурного зала и поспешили внутрь, оба рады укрыться от

дождя.

Я поплелась за ним, эта часть школы была больше его сильной стороной, чем моей.

Я не сводил глаз с его спины, идя за ним.

Я заколебалась, когда он неторопливо вошел в раздевалку для мальчиков, но затем он придержал дверь открытой для меня и жестом пригласил меня внутрь с выжидающим взглядом.

Как пугливый жеребенок, я поспешила внутрь, только чтобы подпрыгнуть от неожиданности, когда тяжелая дверь захлопнулась за нами.

Подавляющий запах папней был первым, что поразило меня.

Зловоние пота, дезодоранта и жидкостей организма было настолько сильным, что мне пришлось подавить рвотный позыв.

Это был не тот запах, с которым я была незнакома, из-за Джоуи, — но от этого конкретного зловония слезились глаза, усиливаясь тем фактом, что сорок или около того парней пользовались этой комнатой в любой момент времени.

Чувствуя себя совершенно не в своей тарелке, и мои ноздри были полностью осквернены, я наблюдала, как Джонни подошел к скамейке в правой части комнаты.

Он опустился на скамейку, вытащил из-под ног сумку и быстро расстегнул ее.

— Иди сюда, — приказал он, роясь в своей сумке, вытаскивая носки, банки с дезодорантом и пустые бутылки из-под Lucozadesport. — Иди сюда, Шэннон, — спокойно повторил он.

Итак, я сделала.

Я подошла туда, где он был.

Джонни локтем сбросил со скамейки случайный школьный рюкзак и указал на освободившееся место. — Сядь.

Я настороженно посмотрела на скамейку запасных.

Покачав головой, Джонни потянулся и схватил меня за руку.

— Сядь, — уговаривал он, усаживая меня на скамейку рядом с ним.

Наши плечи соприкоснулись, и я отодвинулась на дюйм или два, прежде чем обхватить руками живот.

Он был большим, сильным и пугающе красивым.

Я чувствовала себя очень маленькой рядом с ним.

Очень маленькой.

Очень неуверенной.

Очень отвергнутой.

Я была напугана, не потому, что он был страшным, он не был, или, по крайней мере, я не находила его страшным. Я уверена, что он напугал парней, с которыми играл, но это не то, что здесь происходило.

Не для меня.

Нет, я была напугана, потому что он так выглядел, а я была бесконечно ниже.

Какая бы искра надежды ни была в моем сердце, она погасла.

Он никогда бы не посмотрел на меня, когда в его распоряжении была такая, как Белла.

Они совпали.

Он подходил ей.

Кто-то, кто выглядел как модель с третьей страницы.

Кто-то, кто выглядел как женщина, достойная этого.

Я была девочкой-подростком с тяжелым случаем похоти.

— Наконец-то, блядь, — пробормотал Джонни, вытаскивая прямоугольную коробку ибупрофена из бокового кармана своей сумки.

Он вытащил две маленькие таблетки из упаковки из фольги и протянул их мне.

Я неуклюже попыталась и не смогла взять таблетки из его пальцев.

Покраснев, я пыталась снова и снова, терпя неудачу, пока мне не удалось полностью выбить их из его рук.

— Расслабься, — подбодрил он, наклоняясь, чтобы зачерпнуть таблетки. Я наблюдала, как он вытирал их о переднюю часть своей толстовки, а затем он взорвал мой разум тремя словами: — Открой рот.

Я разинул рот. — Я могу это сделать.

— Ты, очевидно, не можешь, — ответил он, ухмыляясь. — Открой рот.

Я несколько долгих секунд сидел в замешательстве, прежде чем, наконец, открыл рот.

Он положил две маленькие таблетки мне на язык и подмигнул.

Сунув руку в сумку, он сунул мне в руки бутылку воды с пробкой и сказал: — Пей.

Я так и сделала.

Как хорошо обученный пес, я сделала именно то, что он мне сказал.

Раздраженная на себя за то, что я такая уступчивая, а затем раздраженная еще больше за то, что разозлилась на мальчика, который явно потратил время на обеденный перерыв, чтобы помочь мне, я проглотила таблетки и вздохнула.

Я ждала, что Джонни встанет и скажет мне, что ему нужно вернуться к своим друзьям, но он этого не сделал.

Он просто сидел рядом со мной, пока обезболивающее не подействовало.

Он не издевался и не убегал.

Он отреагировал не так, как отреагировало бы большинство мальчиков.

Он взял ситуацию под контроль.

Я сразу поняла, что он был исключительно особенным и что это не имело никакого отношения к его спортивным способностям.

Он был исключительным и внутри.

— Тебе нужно вернуться на обед? — Я прохрипела. — Я скоро буду в порядке...-

— Я рад остаться, — быстро прервал меня Джонни, сказав. Он потер шею рукой и сказал: — Мне нравятся тишина и покой.

Итак, мы сели.

Мы сидели и ничего не говорили.

Ни единого слова.

Прямо сейчас я испытывала множество эмоций, от стыда до унижения и страха, но с каждой минутой я постепенно успокаивалась.

Между нами прошло несколько долгих минут молчания, когда Джонни, наконец, нарушил его, прочистив горло. — Как дела сейчас?

— Не так плохо, — прошептала я, радуясь скорости, с которой лекарство подействовало. — Я больше не чувствую, что меня пронзают тысячью тупых ножей.

Он в ужасе нахмурился, и я покачала головой, злясь на себя за то, что снова раскрыла ему слишком много информации.

— Я ни хрена не знаю о том, что происходит с твоим, э-э, твоим телом, — добавил он, и щеки его порозовели. — Но я надеюсь, что это скоро закончится.

Его слова, такие грубые и мальчишеские, но искренние и заботливые, вызвали небольшой смешок, пробившийся сквозь мою нервозность.

— Я не думаю, что это так работает, — ответила я, заставляя себя посмотреть ему в глаза. — Но спасибо, что помог мне,

— Должен сказать, для меня это впервые. — Он нахмурился при этой мысли, прежде чем пробормотать: — Слава гребаному богу.

— О, боже, мне так жаль. — Я встав, чтобы уйти, но он схватил меня за руку, потянув обратно на скамейку.

— Я не хочу, чтобы ты сожалела, — сказал он грубо. — Не за что извиняться. Я просто имел в виду, что у меня нет сестер, так что это дерьмо мне чуждо.

— Держу пари, — смущенно пробормотала я.

Думал ли он обо мне как о сестре?

Это определенно звучало так, как будто он так и думал.

Он, конечно, отреагировал на мой поцелуй так, как отреагировал.

— Перестань слишком много думать, — наставлял Джонни вкрадчивым тоном, отвлекая меня от моей внутренней битвы. — Все в порядке.

Я повернулась, чтобы посмотреть на него. — Что заставляет тебя думать, что я слишком много думаю?

Он пожал плечами, улыбаясь мне этой удивительной мальчишеской улыбкой. — Я ошибаюсь?

Нет.

Нет, конечно, он не ошибался.

Чрезмерное мышление было моей специальностью.

Черт возьми.

— Я ничего не могу с этим поделать, — призналась я, чувствуя, как мое лицо горит. — Это в моей натуре. Я прирожденно обеспокойная.

— Что ж, — вздохнул он. — О чем тебе не нужно беспокоиться, так это о Белле.

В ту минуту, когда я услышала ее имя, я автоматически начала беспокоиться.

Волнуйся и переосмысливай.

Что бы она сказала дальше?

Что бы она сделала?

Собиралась ли я спрятаться от нее в следующий раз, когда она поймает меня в туалете?

Должна ли я бежать сейчас?

— Остановись, — приказал Джонни, перехватив мою панику. — Тебе не нужно беспокоиться о ней. — Он прислонился спиной к стене и сцепил руки на коленях. — Если она даже подумает о том, чтобы снова подойти к тебе, я узнаю об этом и разберусь.

— У нее твоя куртка, — выпалила я. — Я постирала её и принесла в школу, чтобы вернуть тебе, но она, э-э, сняла её с меня.

— У меня есть еще много курток, — ответил он. — Мне просто жаль, что она наорала на тебя из-за меня. Это не должно было случиться с тобой. Я бы сказал тебе, что она психопатка, но ты, вероятно, уже поняла это самостоятельно.

— Она без ума от тебя, Джонни, — сказала я ему тихим голосом.

И я тоже...

— Она без ума от моего образа жизни, — поправил он с тяжелым вздохом. — Она даже не знает меня, Шэннон.

— Что ты имеешь в виду?

— Я для нее — приз. Блестящий трофей, — пробормотал он себе под нос. — Это все, чем я являюсь для большинства людей.

— Не для меня, — сказала я ему.

Джонни посмотрел на меня.

Я заставила себя не отворачиваться.

— Нет? — Я могла видеть разочарование и надежду, вспыхивающие его голубых глазах.

— Нет, — тихо подтвердила я.

— Что ж, приятно это знать, — ответил он, глядя на меня голубыми глазами, грубым тоном.

— Я действительно сожалею о том, что я сделала прошлой ночью, — прошептала я, заставляя себя обратиться к слону в комнате.

— Шэннон. Джонни наклонился вперед, уперся локтями в бедра и тяжело вздохнул. — Здесь не за что извиняться.

— Есть, — пробормотала я. — Я не должна была этого делать. — Качая головой, я сопротивлялась желанию сбежать, вместо этого решив быть взрослой в этой ситуации. Сложная вещь, учитывая мой возраст и необузданные эмоции вокруг этого парня, но я это сделала. — Это больше не повторится.

— Я не хочу, чтобы ты сожалела, Шэннон, — грубо ответил он.

Я прерывисто выдохнула. — Ты не понимаешь?

Он медленно покачал головой. — Нет.

И вот так просто воздух вокруг нас изменился.

— Мне, наверное, лучше уйти, — прошептала я, быстро снимая напряжение.

Я встала, пока не сделала какую-нибудь глупость, например, не поцеловала его.

О, подождите, я уже это сделала.

Тьфу...

— В 2 часа по моему маршруту отправляется автобус с моим именем.

И если я вернусь домой до шести, мне не придется иметь дело с моим отцом.

Джонни нахмурился. — Ты не вернешься в класс?

Я покачала головой. — Нет, мне нужно пойти домой и разобраться в себе.

— Да, эм, верно, — пробормотал он. — Конечно. — Он посмотрел на часы и сказал: — Сейчас без четверти два, прежде чем снова перевести взгляд на меня. -Я отвезу тебя.

Я открыла рот, чтобы сказать «нет», но Джонни опередил меня.

— Я хочу забрать тебя домой, — сказал он мне. — Мне нужно убедиться, что с тобой все в порядке.

— Почему?

— Я просто хочу убедиться. — Встав, Джонни потянулся за моей сумкой и перекинул ее через плечо, прежде чем повернуться и посмотреть на меня. — Позволь мне отвезти тебя домой, Шэннон.

Не делай этого, Шэннон.

Не подвергай себя этому снова.

И не смей слишком на это надеяться.

Я прерывисто выдохнула. — Да, хорошо.

Глава 51. Я теряю контроль над собой

Джонни

Шэннон снова была в моей машине.

С таким же успехом они могли бы наклеить мне на лоб наклейку JCB и включить мои опасности, я, казалось, делал так много вокруг этой девушки.

И я нервничал — так сильно, что мое тупое гребаное сердце могло бы стать сильным претендентом на олимпийское золото в боксе, оно так сильно билось в моей груди.

Чертова Белла.

Ей нужно было наладить кровоточащую жизнь и перестать вмешиваться в мою.

Ей нужно было сделать шаг назад и отпустить.

Связываться с Шэннон было чем-то, чего я бы не потерпел.

Я надеялся, что она получила это сообщение громко и ясно сегодня, потому что я не дурачился.

Не тогда, когда дело касалось девушки, сидящей рядом со мной.

— Тебе достаточно тепло? — Запустить обогреватель ей в лицо, вероятно, было не самой лучшей моей идеей, но я не знал, что делать.

У меня не было никакого опыта в том, как работает женское тело.

Я знал только о некоторых моментах.

Я уже натянул ей на голову толстовку и запихнул таблетки ей в горло в своей жалкой попытке помочь.

Я хотел сделать ей лучше.

Я хотел все исправить.

Каким бы образом она ни нуждалась во мне, чтобы я это сделал.

Я просто не знал как.

Что бы ей ни было нужно от меня, я был более чем готов предоставить.

Это была отрезвляющая мысль.

Господи Иисусе, я подвергал себя опасности с этой девушкой.

— Я в порядке, — ответила Шэннон, устраиваясь на пассажирском сиденье моей машины.

Она вытащила свои длинные каштановые волосы из воротника моей толстовки и перекинула их через плечо.

— Еще раз спасибо, — добавила она застенчиво. — Я обещаю, что верну тебе её.

— Нет проблем. — Сжав челюсти, я заставил себя смотреть на дорогу, а не на то, как ее юбка была скрыта под подолом моей толстовки, и как высоко эта толстовка задирает ее голые бедра, когда она сидела. — Оставь это себе.

— Прости?

— Толстовка. — Прочистив горло, я крепче сжал руль, чтобы удержаться от чего-нибудь безрассудного. — Можешь оставить.

— Почему?

Я чувствовал на себе ее голубые глаза, я знал, что это звучит глупо, но я мог, и это ощущение заставило мои руки покрыться мурашками.

Я пожал плечами. — Потому что оно хорошо смотрится на тебе.

Джонни, ты чертов придурок!

— Ты чувствуешь себя лучше? — Я поспешил спросить — и отвлечь. — Помог ли ибупрофен?

Я взглянул на нее и подавил стон.

Она была так чертовски красива, что было больно, с этими большими голубыми глазами, смотревшими на меня невинно и полными неуверенности.

Мне не нужно было искушение, которое возникало, находясь так близко к ней.

Проблема была в том, что каждый раз, когда она убегала, я ловил себя на том, что гоняюсь за ней, отчаянно желая просто быть с ней.

— Я в порядке, Джонни, — ответила она тихим голосом. — Ты мне помог. — Она застенчиво улыбнулась. — Снова.

Я снова перевел взгляд на дорогу и попытался взять свое тело под контроль. — Это не проблема. — Я понятия не имел, что эта девушка делала со мной, но я горел до чертиков. — В любое время.

— Мне нравится твоя музыка, — сказала тогда Шэннон, давая мне желанное отвлечение от моих своенравных мыслей. — У тебя хороший вкус.

— Продолжай, — подбодрил я, когда ее пальцы потянулись к стереосистеме. Протянув руку, я схватил свой iPod, который был подключен к моей стереосистеме, с приборной панели и передал его ей. — Найди то, что тебе нравится.

— Ты уверен? — спросила она тихим и неуверенным голосом.

Я кивнул и улыбнулся, пытаясь успокоить ее.

Должно быть, это сработало, потому что она прошептала: — Я люблю их всех, когда начала просматривать трек за треком. — У тебя потрясающий вкус.

— Спасибо. — Я неловко поерзал, чувствуя странное покалывание внизу живота. — Я люблю хорошую музыку.

Бесчисленные часы тренировок в одиночестве дали мне возможность расширить свой вкус.

— Я тоже, — согласилась она. — И твоя музыка эпична.

Не то чтобы я не привык получать комплименты.

Просто они обычно вращались вокруг регби.

Шэннон явно не была впечатлена или обеспокоена моей ролью.

Это было и облегчением, и беспокойством.

Я не знал, как с этим справиться.

Она выбивала меня из колеи.

— Я бы не подумала, что ты фанат Битлз, — задумчиво произнес Шэннон, останавливаясь на старом номере. — «*Here Comes the Sun*»? — спросила она, выгнув бровь. — Тебе нравится этот?

— Это моя любимая из их книг, — сказал я ей, ладони вспотели под ее пристальным взглядом.

— Я тоже, — тихо сказала она. — Моя прабабушка Мерфи пела мне эту песню, когда я был маленьким.

Я взглянул на нее. — Да?

Шэннон кивнула в подтверждение. — Да, всякий раз, когда я пугался или нервничал, он всегда сажал меня к себе на колени и пел эти слова мне на ухо. — Она удовлетворенно вздохнула. — И это всегда срабатывало.

По какой-то неизвестной причине я сделал мысленную заметку об этой информации и сохранил ее для дальнейшего использования.

Шэннон замолчала, явно погруженная в песню.

Тем временем я держал руль мертвой хваткой, отчаянно пытаюсь сосредоточиться на дороге впереди, а не на девушке, сидящей рядом со мной, разрушающей мои хорошо продуманные планы.

— У тебя есть айпод? — Спросил я, когда подъехал к ее дому — на этот раз к ее настоящему дому.

Я тянул время, не желая, чтобы она выходила из моей машины.

Боль разочарования, которую я испытывал, когда мы добрались до места назначения, была той же, что терзала меня каждый раз, когда она уходила, и это было невероятно неприятно.

— Я мог бы поставить на это что-нибудь из своей музыки для тебя? — Я предложил. — Если хочешь?

— Мне? — Шэннон покраснела и покачала головой. — Э-э, нет, я никогда не смогла бы себе такого позволить. — Она отстегнула ремень безопасности. — Я использую старый компакт-диск Джоуи, чтобы слушать музыку.

Я беспечно кивнул, мысленно выбивая из себя дерьмо за то, что был таким тупым.

— Тебе нравится классика? — Я выпалил, почувствовав панику, когда она потянулась к дверной ручке.

— Да, — ответила она, поворачиваясь ко мне лицом, глаза блестели от возбуждения. — А ты?

— Мне многое нравится, — сказал я ей.

Ты, больше всего.

— «Shake it off baby?»

Мои брови взлетели вверх. — Прощу прощения?

— «Shake it off baby». — Шэннон смотрела на меня так невинно и мило. — Тебе она нравится?

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что она не называла меня малышкой, а имела в виду песню. — Ты имеешь в виду *Twist and Shout*, — грубо поправил я. — Да, мне нравится.

— Тебе нравится Reckless Kelly? — тогда она спросила.

Я покачал головой. — Не думаю, что я когда-либо слышал о них.

— У них вышла новая песня под названием *Wicked Twisted Road*, — объяснила она. — Ты уверен, что не слышал?

Мое сердце остановилось в груди.

Та песня из паба.

Тот, которая засела у меня в голове.

Иисус...

— Ты должен, — продолжала говорить Шэннон. — Послушать её, я имею в виду. — Ее щеки порозовели, когда она сказала: — Это напоминает мне о тебе.

Потрясенный.

Я был чертовски напуган этой девушкой.

Отчасти потому, что я пересказал слова этой песни, но в основном потому, что она пересказала слова песни мне.

Ее красные губы и розовые щеки были чертовски красивы, и мне пришлось потратить мгновение, прежде чем я смог сформировать связное предложение и не звучать как гребаный идиот.

— Я сделаю это, — это все, что я придумал.

— Что ж, спасибо, что спас меня, — прошептала она. Ее взгляд несколько раз метнулся от моих глаз к моему рту, прежде чем она наклонилась и прижалась губами к моей щеке. — Снова.

Это был самый маленький, короткий, несексуальный поцелуй, но он слетел с ее губ, и это все изменило.

Точно так же, как прошлая ночь все изменила.

Это усилило все, что я отчаянно пытался отрицать.

Знаки, от которых я прятался.

Они вспыхнули, как неоновые плакаты на стенах зданий.

Я был так чертовски сбит с толку этой девушкой.

Ошеломленный, я ничего не мог сделать, кроме как уставиться на нее и пробормотать слова: — Пожалуйста.

С пылающими красными щеками Шэннон открыла дверь машины и двинулась, чтобы выбраться.

— Подожди! — К сожалению, я крикнул, протягивая руку и хватая ее за запястье.

Шэннон посмотрела на меня широко раскрытыми глазами.

Отпусти ее, придурок.

Отпусти девушку.

Ты не можешь поступить с ней правильно.

— Вот, — запустив руку в бардачок, я вытащила кожаный футляр и быстро пролистала кучу компакт-дисков со смешанными записями, остановившись, когда нашла нужный, — Послушай девятый трек. Я практически сунул диск ей в руку и пожал плечами: — Напоминает мне о тебе.

— О, хорошо, — ответила она, осторожно держа диск. - Я буду.

— Хорошо.

— Спасибо.

— Не за что.

— Пока, Джонни, — прошептала она, прежде чем быстро закрыть дверь и поспешить прочь.

— Пока, Шэннон, — грубо ответил я, наблюдая за каждым ее движением, пока она уходила от меня.

Очень плохо.

У меня было столько гребаных неприятностей.

Всю дорогу домой я ехал на автопилоте, мои мозги кружились, гормоны бушевали, а жизнь подбрасывала на моем пути крошечный сюжетный поворот с каштановыми волосами.

Я был так поглощен своими мыслями, что только когда припарковался на своем обычном месте на заднем дворе, я заметил, что ее школьная сумка все еще в моей машине.

Застонав, я ударился головой о руль и взмолился о вмешательстве.

Эта девушка собиралась погубить меня.

Полчаса спустя я стоял у входной двери Шэннон с потными ладонями и бешено колотящимся сердцем.

Какого черта я здесь делал?

Это было безумие.

Положи школьную сумку и иди нахуй отсюда, подсказала мне разумная часть меня.

Но, конечно, я не слушал.

Нет, потому что вместо этого мне пришлось постучать.

Звук шагов, топающих по лестнице, донесся с другой стороны двери, за которым последовал поворот ключа в замке, а затем она была там, стояла передо мной, уничтожая любую мысль о том, чтобы уйти.

— Привет, Джонни, — сказала Шэннон хриплым голосом, глядя на меня широко раскрытыми и смертоносными глазами. — Ты вернулся.

Да, я вернулся.

Как неприятный запах, который, казалось, преследовал ее повсюду.

— О, да, я вернулся. — Покачав головой, я снял с плеча ее сумку и протянул ей. — Ты снова забыла рюкзак в моей машине.

— Мне так жаль. — Она покраснела самым очаровательным оттенком розового. — Ты долго стучал? — Она потянулась за своей сумкой, а затем закинула ее в дом. — Я была в душе.

Да, я мог бы сказать.

Ее длинные волосы были распущены, струились по телу влажными локонами, на ней была белая майка и самые крошечные пижамные шорты, которые я когда — либо видел в своей жизни, и все, что мог зарегистрировать мой мозг, это голая кожа — слишком много голой кожи.

— Не извиняйся, — сказал я грубо, пытаюсь сосредоточиться на своих словах, а не на своенравных мыслях. — И нет, я только что пришел.

— Что ж, спасибо, что вернули мне его, — сказала Шэннон, привлекая мое внимание к ее лицу. — Я даже не заметила. Утром я была бы в большой панике.

— Опять же, это не проблема, — ответил я, а затем продолжил пялиться на нее, как на гребаный инструмент.

Ну, это было совсем не неловко.

Шевели ногами, Джонни.

Оставь девушку в покое.

— У тебя сегодня вечером тренировка? — она спросила.

Да.

— Нет.

— Хочешь зайти внутрь? — нервно предложила она.

Мои брови взлетели вверх. - Внутри?

Она прикусила нижнюю губу и пожала плечами.

Она выглядела неуверенной.

Как будто она не должна приглашать меня в свой дом.

— Ты хочешь, чтобы я зашел внутрь? — Спросила я, нахмурившись.

Она застенчиво кивнула и открыла дверь внутрь. — Если ты хочешь?

Не делай этого, парень, предупреждал мой мозг, не ставь себя на пути искушения.

Вопреки здравому смыслу, я шагнул внутрь.

Засунув руки в карманы, я наблюдал, как Шэннон снова быстро заперла дверь.

Я сосредоточил свое внимание на ней, а не на своем обветшалом окружении.

Место было опрятным, но стены остро нуждались в повторной шпукатурке и свежей краске.

— Никого не будет дома до вечера, — объявила она, ведя меня через короткий коридор на кухню.

Это была не очень хорошая информация.

Совсем не хорошо.

— Хочешь кока-колы? — Открыв холодильник, она достала две банки и улыбнулась. — Джоуи зависимый, и он всегда покупает настоящие брендовые вещи.

Она протянула мне банку, и я покачал головой.

— Я не могу это пить, — ответил я, а затем почувствовал себя ничтожеством, когда ее улыбка исчезла.

— О.

— Я хочу, — быстро заверил я ее. — Но из-за тренировок не могу.

— О, да, — пробормотала она, ставя одну из банок обратно в холодильник. - Я забыла о регби.

Я сдержал улыбку. — Да, это регби.

Затем она уставилась на меня, выглядя такой же неуверенной, как и я.

— Не хочешь подняться ко мне в комнату?

Мои брови взлетели вверх, соответствуя внезапному скачку моего сердечного ритма. — Твоя комната?

Покраснев, она заправила волосы за ухо и поспешила сказать: - Просто я обычно не остаюсь здесь ... Я имею в виду, я остаюсь, но я не ... потому что ... я... — Ее голос затих, и она тяжело вздохнула. — Неважно, это была глупая...-

— Хорошо.

Ее глаза расширились. — Хорошо?

Я кивнул. — Показывай дорогу.

Я подождал, пока Шэннон повернется, прежде чем хлопнуть себя тыльной стороной ладони по лбу.

Я был таким чертовски глупым.

Это было хуже, чем заходить внутрь.

Это было неправильно.

Я знал, что это так.

И все же я последовал за ней по узкой лестнице, избегая разбойничьих Лего и переступая через детские игрушки на подъеме.

Спальня, в которую Шэннон привела меня в передней части дома, была прославленной кладовой.

Она обошла меня, что было нелегко в маленьких помещениях, и повернула замок на своей двери, прежде чем сделать четыре шага, которые потребовались, чтобы добраться до ее кровати.

Тем временем я стоял, как придурок, в ее крошечной спальне, не зная, что, черт возьми, мне теперь делать.

Односпальная кровать, придвинутая к дальней стороне комнаты, занимала всю ширину стены. Рядом с ним был прикроватный шкафчик, комод, придвинутый к противоположной

стене, и больше ничего.

— Это маленький дом для семьи из восьми человек, — тихо признала Шэннон, заметив мой пристальный взгляд. Она поставила свою колу на прикроватный шкафчик и пожала плечами. — Я единственная девочка, поэтому мне достается такая комната.

— Это хорошая комната, — ответил я, подходя к ее кровати и садясь.

Я уже был в опасной зоне.

С таким же успехом я мог бы чувствовать себя комфортно.

— Не ври, — сказала она с грустной улыбкой. — Это помойка.

— *Нет*, — поправил я. - Это мило.

Я оглядел ее крошечную, выкрашенную в фиолетовый цвет спальню в поисках телевизора, но там никого не было.

У нее его не было.

Стереосистемы тоже не было.

Но у нее были книги.

Их много.

— Ты не лукавила, когда говорила, что любишь читать, — размышлял я, глядя на несколько стопок аккуратно сложенных книг на полу ее спальни под подоконником. Повернувшись к ней лицом, я усмехнулся. — Ты что, маленький спецназовец, Шэннон Линч?

— Поверь мне, я хотела бы называть себя спецназом, — ответила она с гримасой. - Я люблю читать, но я не очень образована.

Я недоверчиво нахмурился, глядя на нее. — Чушь собачья.

— Нет, на самом деле нет, — ответила она, качая головой. — Мне приходится так много работать, чтобы успевать на своих уроках, и большинство из них — предметы обычного уровня.

— Какие предметы доставляют тебе больше всего хлопот? — Спросила я, расслабляясь в разговоре.

С этим я бы справился.

Узнав больше о ней, зверь накормил зверя — и отвлек другого зверя.

— Бизнес, — ответила Шэннон, сморщив нос при этой мысли. - И математика — я ужасно разбираюсь в числах.

— Это мои лучшие предметы, — размышлял я, почесывая челюсть. — Я беру бизнес и готовлюсь к увольнению в следующем году.

— Что еще ты берешь? — спросила она, звуча искренне заинтересованно.

— Ирландский, английский, математика, бухгалтерия, бизнес... — Я переместился, пока моя спина не уперлась в стену, прежде чем продолжить: — История и французский.

— Почему французский?

Потому что есть большая вероятность, что я перееду туда, как только закончу школу.

— Мне нужен язык для университета, — сказал я вместо этого. — Французский мне хорошо подходил.

— Более высокий уровень? — Спросила Шэннон, выглядя впечатленной.

Я кивнул.

— Правда? — Ее глаза расширились. — Какие из них?

— Все они.

— Почему я не удивлена? — Язвительно заметила Шэннон, поджав под себя ноги и сев лицом ко мне. — И ты назвал меня спецназом. — Школа никогда не была для меня проблемой, — признался я, нахмурившись.

— Тебе повезло, — прошептала она. — Я едва справилась с подготовкой.

— Я могу помочь тебе, — услышал я свое предложение, не подумав.

— Что — как сейчас? — пискнула она.

— Или позже. — Я пожал плечами, изображая безразличие. — Когда захочешь.

— Это то, чем ты занимаешься? — Спросила Шэннон, наблюдая за мной своими большими, неуверенными глазами. — Ты обучаешь других учеников?

Только тебя.

— У тебя в июне будет сертификат младшего, верно? — Вместо этого я спросил.

Шэннон кивнула.

— Я уже проходил через это, — объяснил я, отчаянно пытаюсь сохранить свой тон бесстрастным и легким. — Если тебе нужно, чтобы кто-то прошел с тобой курсовую работу, просто дай мне знать.

— Ты сделаешь это для меня? — спросила она мягким голосом.

Я бы сделал для тебя практически все.

— Да, — ответил я, не в силах скрыть грубость в своем тоне. — Я бы хотел.

— Но ты так занят.

— Не имеет значения.

— Почему ты всегда пытаешься мне помочь, Джонни? — прошептала она, голубые глаза прожигали дыры внутри меня.

Был вопрос на миллион долларов.

И я понятия не имел, как на это ответить.

— Потому что я так хочу, — наконец сказала я, решившись на правду. — Я хочу помочь тебе, Шэннон.

— Правда? — выдохнула она.

— Да. — Оторвав от нее взгляд, прежде чем я сделаю что-нибудь глупое, я повернулся, чтобы устроиться поудобнее на ее крошечной кровати, и сказал: — Теперь иди, возьми свои книги, и ты можешь показать мне, где тебе сложно.

— Да, хорошо, — ответила Шэннон, слезая с кровати и спеша к двери. — Ты уверен? — она остановилась в дверях, чтобы спросить меня.

Нет.

— Я всегда уверен, Шэннон.

Улыбаясь, она кивнула, а затем поспешила вниз по лестнице, чтобы забрать свою сумку.

— Черт. — Вытащив телефон из кармана, я быстро набрал сообщение SOS для Гибси только чтобы удалить его перед отправкой.

Разочарованно выдохнув, я напечатал еще одно сообщение, на этот раз Джейсону, сообщая ему, что я не приду на сегодняшнее занятие в бассейне с гидромассажем, а затем быстро отключил телефон, прежде чем он успел позвонить и обрушить на меня поток оскорблений.

Я уже знал, что поступаю неправильно.

Я пропустил вчерашнюю сессию и еще две пару недель назад.

Из-за нее.

Потому что, когда она прыгнула, я слетел с уступа вслед за ней.

Не нужно было, чтобы мой тренер говорил мне то, что я уже знал.

Он говорил мне, что мне нужно вернуться в игру.

Он кричал на меня и говорил, чтобы я сосредоточился на своем будущем — на предстоящем фитнес-тесте, который мне нужно было сдать больше, чем дышать.

Проблема была в том, что я не мог сосредоточиться.

Потому что у меня не было головы.

Выстрел в дерьмо.

Потерялся внутри девушки, в спальне которой я сидел.

Я убирал телефон обратно в карман школьных брюк, когда Шэннон вернулась со своей сумкой.

— Я думаю, что бизнес не был бы таким сложным, если бы я могла разобраться с математической стороной, — сказала она слегка запыхавшимся тоном, когда она тащила свою сумку к кровати.

Бросив его на пол, она побежала обратно к своей двери и быстро заперла ее, прежде чем снова занять свое положение на кровати, скрестив ноги и лицом ко мне.

— У меня были проблемы с концентрацией внимания в моей старой школе, — добавила она, роясь в своей сумке. - Мне удалось не отставать от моих языковых занятий, но я пропустила математику.

Я знал это.

Я прочитал все об этом в ее досье.

— Это понятно, — сказал я ей, кивая.

Шэннон посмотрела на меня с настороженным выражением. — Почему это понятно?

Черт.

Черт.

— Потому что тебе нужно пройти сумасшедшее количество предметов для младшего сертификата, — блефовал я. Пожав плечами, я добавил: - Не могу быть хорош во всех из них.

— Держу пари, что так и было, — ответила она, возвращая внимание к своей сумке, катастрофа предотвращена. Она вытащила учебник математики и бросила его на кровать между нами. — Дай угадаю, ты тоже сдавал все предметы более высокого уровня для своего младшего сертификата?

— Дай мне эту книгу, — проворчал я, чувствуя себя неловко.

— Все пятерки? — она дразнила.

— Нет, — парировала я, пролистывая страницы ее учебника. - Я получил тройку по науке обычного уровня, — сказал я ей, а затем вздохнул, прежде чем признать: — Остальные были выше уровня А.

— Правда?

Я кивнула, чувствуя жар и дискомфорт.

— Ты умный?

Я просто пожал плечами.

— Ну, я получила свою единственную пятерку по естественным наукам, — размышляла она. - Это мой единственный предмет более высокого уровня.

— Что ж, снимаю перед тобой шляпу, — пробормотал я. — Потому что я чертовски ненавижу науку.

— Стоп, — усмехнулась она. — Наука не так уж и плоха.

Я выгнула бровь. — О, как будто математика не такая?

Она поморщилась. Ладно, справедливое замечание.

— Давай, — сказал я с ухмылкой, переориентируя свое внимание на книгу в моих руках. — Достань свою тетрадь, и я буду учить тебя.

— Ты будешь учить меня? — Она хихикнула, и, Боже, это был прекрасный звук.

Шэннон недостаточно смеялась.

Я ломал голову, думая о других вещах, которые я мог бы сделать, чтобы получить повторение этого звука.

У меня была целая куча идей — ужасных, ужасных идей.

Сосредоточься, Кавана...

Так я и сделал.

В течение следующего часа или около того я вместе с ней изучал ее работу, внимательно наблюдая за тем, как она решала каждую задачу.

Она не шутила, когда сказала, что математика кажется ей трудной.

Шэннон серьезно боролась с темой.

Видя ее борьбу, мне захотелось вскочить и ударить бульдозером, что я, похоже, и делал, лежа на боку, свесив свои длинные ноги с края ее кровати, разбивая каждую сумму, уравнение, дробь и процент, которые попадались нам на пути.

Одной из ее самых больших проблем было то, что она понятия не имела, как эффективно использовать свой калькулятор.

Быстро я обнаружил, что она понятия не имела о Грехе, Косе и Загаре.

Она блефовала и притворялась, что знает, что делает, когда она явно не знала.

Когда она, наконец, сдалась, бросила калькулятор мне на колени и призналась, что не имеет ни малейшего представления о том, что делает, я потратил еще сорок пять минут на изучение с ней основных методов.

Когда она, в конце концов, начала решать задачи без того, чтобы я нависал над ее тетрадью с ластиком, мне показалось, что я сделал чертовски хорошую попытку, я так гордился ею.

Было смешно, сколько искреннего удовлетворения я получил, когда эти большие голубые глаза загорелись, когда она нажала на проблему.

Это было примерно в то время, когда я начал думать, что Гибси прав, и что я могу быть другом, когда я столкнулся с собственной проблемой.

Я по глупости позволил своим глазам оторваться от тетради, на которой Шэннон яростно что-то писала, и затем они проследовали по ее телу.

Она все еще сидела, скрестив ноги, лицом ко мне, но она наклонилась вперед, усердно работая над суммой, из-за чего топ с завязками, который она носила, свисал, открывая мне великолепный вид на ее сиськи без лифчика.

Милый Иисус Христос.

Я любил сиськи.

А сиськи, которые принадлежали этой девушке, были еще более привлекательными.

Они были маленькими и задорными, с розовыми камешками на сосках.

Она была просто чертовски красива.

Я мгновенно возбуждился.

— Ты в порядке? — Спросила Шэннон, положив свою маленькую ручку на мое предплечье.

— А? — Я перевел взгляд на ее лицо, совершенно ахуенный.

— Ты в порядке? — она повторила, голубые глаза встретились с моими, выражение невинное.

Я был самым далеким человеком, которого можно было понять.

Но ради нее я заставил себя слегка кивнуть и сказал: - Да, я просто немного проголодался.

Какого хрена, Джонни?

— Могу я тебе что-нибудь принести? — она быстро спросила. — Что бы ты хотел съесть?

Тебя.

Я бы хотел съесть тебя, Шэннон.

— Нам, вероятно, следует подумать о том, чтобы закончить все это, — хрипло заявил я. - Уже поздно.

Я сделал большое дело, проверяя свои часы, только чтобы нахмуриться, когда понял, что на самом деле уже поздно.

— Дерьмо, — пробормотал я. — Уже половина шестого.

Мы были в ее комнате четыре часа?

Куда, черт возьми, ушло время?

Я никогда не пропускал прием пищи.

Мне даже не было больно.

Я не мог вспомнить, когда в последний раз сидел четыре часа.

Этого не произошло.

Господи, эта девушка заставляла меня терять счет всему.

— Эм, да, конечно, конечно, — пробормотала Шэннон, подбирая слова так очаровательно, как она делала, когда была взволнована.

Не волнуйся, детка, подумал я про себя, я тоже взволнован.

— Я действительно ценю, что ты мне помогаешь, — добавила она, закрывая учебники и запихивая их обратно в школьную сумку. — Ты мне здорово помог. — Она выдохнула, прежде чем добавить: - Снова.

— Мы можем сделать это снова, — предложил я. — Если хочешь?

Ее лицо просветлело, и она придвинулась ближе ко мне. — Правда?

Я медленно кивнул и подавил желание протянуть руку и прикоснуться к ней.

— Ты бы не возражал? — Спросила Шэннон, широко раскрыв глаза, когда она осторожно придвинулась ближе, пока ее колени не коснулись моего левого бедра.

— Нет, Шэннон. Потерпев неудачу, я протянул руку и заправил выбившуюся прядь волос ей за ухо. — Я бы не возражал.

Прекрати это, Джонни.

Прекрати это сейчас же!

Я пытался.

Я действительно, честное слово, пытался заставить свое тело встать с ее кровати, но она была там, она была прямо там, черт возьми, и я не мог найти в себе ни грамма решимости.

Я просто сидел там, зная, что будет дальше, зная, что это худшее, что я мог позволить случиться, и все равно желая этого больше, чем следующего вздоха.

— Может быть, в следующий раз в библиотеке, — я наконец нашел нужные слова. -Или школа.

Ее маленькое личико в форме сердечка закивало вверх-вниз. — Хорошо.

— Потому что я не должен быть здесь, — добавил я слабо. — В твоей комнате.

— Я знаю, — ответила она тихим и неуверенным голосом.

— Это, э-э... — Я глубоко сглотнул. — Мне, наверное, пора домой.

— Джонни? — она прошептала.

— Да?

— Привет, — выдохнула она, придвигаясь ближе.

Привет, — прохрипел я, сжимая ее одеяло так сильно, что был уверен, что разорву ткань.

— Джонни? — Шэннон снова прошептала.

— Да?

— Сейчас я тебя обниму. — Она закинула свою ногу на мою. — Это нормально?

Не делай этого.

Ты никогда не забудешь эту девушку.

— Да, — я прерывисто выдохнул, чувствуя, как мое сердце бьется о грудную клетку, когда она нависла надо мной. — Все в порядке.

— Спасибо за сегодняшний день, — прошептала она мне на ухо, оседлав меня.

— Не за что, — хрипло ответил я, изо всех сил цепляясь за свою сдержанность.

Не поднимай на нее руки.

Слишком, блядь, поздно.

Мои руки двигались сами по себе, стреляя, чтобы сжать ее бедра.

Ощущение того, что она на мне, было слишком сильным.

Этого было слишком, блядь, много.

— Я должен идти, — простонал я, таща ее на коленях, не в силах удержаться от толчка вверх.

К черту боль в моем паху.

Я был в восторге от этой девушки.

Шэннон обняла меня за плечи и осторожно покачала бедрами, сидя на мне сверху, в лучшем, самом дерьмовом объятии, которое я когда-либо получал.

— Я не хочу, чтобы ты уходил, — простонала она — она на самом деле, черт возьми, простонала мне в ухо.

Застонав, я сел вперед и грубо притянул ее к себе, обнимая ее и раскачиваясь на ней, и теряя рассудок в ней.

Ты играешь с огнем.

Эта девчонка тебя погубит.

Черт.

— Я должен идти, — продолжал я говорить ей, уткнувшись лицом в ее великолепную шею и молясь о божественном вмешательстве, чтобы остановить меня, прежде чем я заберу у нее то, что не смогу вернуть.

Прежде чем она забрала у меня то, что я никогда не смогу вернуть.

Потому что я никогда ни к кому не испытывал таких чувств.

И именно с этим знанием я понял, что никогда не смогу быть с ней эгоистичным.

— Шэннон, мне действительно нужно домой, — сказал я ей хриплым и хриплым тоном. — Действительно.

— О... конечно. Мне так жаль, — прошептала она, слезая с моих колен. — Если это то, чего ты хочешь? — добавила она, отступая в дальний угол своей кровати. Нет.

Нет, это было совсем не то, чего я хотел.

Но это было правильно.

Черт бы тебя побрал!

С самообладанием, о котором я и не подозревал, я слез с ее кровати и встал.

Держась спиной к Шэннон, я подошел к ее окну и притворился, что смотрю на улицу, в то время как я незаметно переставил огромную гребаную проблему в своих штанах.

Я знал, что, вероятно, пугаю Шэннон, просто стоя здесь вот так, но я не мог идти, пока не успокоюсь.

Мне было больно и я был возбужден.

Это была ужасная комбинация.

Сделав несколько успокаивающих вдохов, я зажмурился и попытался взять себя в руки, думая обо всех несексуальных вещах, которые только можно вообразить, начиная от моей покойной бабушки, да благословит господь ее душу, и заканчивая Гибси в драге.

К тому времени, как Шэннон снова заговорила, мне удалось успокоиться.

— Джонни? — сказала она тихим голосом со своего места на кровати. — Мне очень жаль.

— Не извиняйся, — ответил я хриплым и хриплым тоном, уверенный, что не травмирую ее, когда оборачиваюсь. — Все хорошо. Я просто ... я сейчас пойду домой.

— Хорошо. — Она застенчиво кивнула и слезла с кровати. — Я провожу тебя.

Я держался подальше от ее тела, когда следовал за ней, зная, что если я этого не сделаю, есть хороший шанс, что я возьму ее обратно в ту спальню и испорчу без ремонта.

Как и каждый раз, когда я уходил от этой девушки, чем ближе я подходил к отъезду, тем более подавленным я себя чувствовал.

— Итак, я полагаю, мы увидимся завтра? — Сказала Шэннон, когда я вышел на улицу.

— Да. — Сунув руку в карман, я вытащил ключи от машины. — Увидимся.

— Еще раз спасибо за сегодняшний день.

— Спасибо, что показала мне свою комнату, — ответил я, внутренне съежившись от этого глупого, блядь, комментария.

— О, нет проблем. Ты можешь прийти любое время, — ответила Шэннон, улыбаясь.

Я ухмыльнулся ее словесной ошибке.

— О, Боже. Она прикрыла рот рукой, выпучив глаза. — Я не ...

— Расслабься, — усмехнулся я. — Я знаю, что ты имела в виду.

Тогда я шагнул вперед, потому что я был мазохистским ублюдком со склонностью мучить себя, и поцеловал ее в щеку. — Пока, Шэннон.

— Пока, Джонни, — прошептала она, дрожа на пороге.

Затем я развернулся и пошел прямо к своей машине, не смея оглянуться на нее.

Мазохист или нет, но если я обернусь и снова посмотрю в эти темно-синие глаза, я утону в них.

Глава 52. Грубое пробуждение

Шэннон

— Что ты делаешь? — Папа рявкнул, когда я позже вечером зашла в гостиную, чтобы взять свой телефон, который я по глупости забыла на диване, когда делала срочную уборку после ухода Джонни.

— Я оставила свой телефон здесь, внизу, — быстро объяснила я. Я была так отвлечена Джонни, что мне пришлось сделать все свои дела по дому в рекордно короткие сроки.

— Тогда бери и уходи, — приказал папа. — «Юнайтед» играет.

Это было не похоже на меня — оставлять вещи разбросанными по всему дому, но моя голова витала в облаках.

В облаках с Джонни, если точнее.

Я знала, что сыграла в опасную игру — в русскую рулетку, приведя его к себе в спальню сегодня днем.

Если бы мой отец вернулся домой, он бы убил меня.

Проблема была в том, что, если представится возможность, я знала, что сделаю это снова.

Иметь его в моем пространстве вот так, пусть даже ненадолго, было замечательно.

Это было *личное*.

И я чувствовала себя в *безопасности*.

Как будто ничто не могло коснуться меня, когда он был рядом.

В каком-то своеобразном смысле, я думаю, я сделала это нарочно?

Как будто я наполовину надеялась, что мой отец вернется домой, чтобы увидеть огромного мальчика, который, я знала, не позволит ему причинить мне боль.

Это была сумасшедшая мысль.

Я была сумасшедшей.

Мысль о Джонни, сидящем на моей кровати и предлагающем мне репетиторство, заставила мое сердце бешено колотиться о грудную клетку.

Он был таким умным.

Как и в реальности, он был невероятно умен и терпелив, и еще миллион других удивительных вещей.

После того, как он ушел, я провела остаток вечера в эмоциональной перегрузке, думая о том, как безрассудно я себя вела.

Я понятия не имела, о чем думала, когда вот так забиралась к нему на колени, но мне было все равно, потому что Джонни обнял меня в ответ.

Он прижал меня к своему телу и обнял так крепко, что я все еще дрожала от прикосновения.

А потом он поцеловал меня на прощание.

Конечно, это было дерзко, но все же.

Его губы касались моего тела без принуждения.

Меня даже не волновала Белла прямо сейчас.

По крайней мере, не сегодня.

Было трудно заикливаться на негативе, когда со мной только что произошло нечто невероятно позитивное.

Я поняла, что он не видел меня такой, каким я видела его, и я поняла, что это никогда не будет чем-то большим, чем друзья, но мне было все равно, потому что, казалось, он оставался рядом.

Он, казалось, был полон решимости помочь мне.

Я не была уверена, что происходит, но что бы это ни было, я не хотела, чтобы это прекращалось.

Я была счастлива быть его другом.

Я просто хотела сохранить его в своей жизни.

Любым способом, которым я могла.

Я хотела, чтобы он остался...

— Ты что, глухая? — невнятный голос моего отца проник в мои мысли, вернув меня к реальности с удручающим грохотом.

— А?

— Я сказал, убирайся с дороги, — рявкнул папа, бросая в меня пульт. — Я не вижу матча за тобой!

Пульт отлетел от моего бедра и упал на пол, в результате чего батарейки вылетели и закатились под диван.

— Извини, — я поспешно убралась с его пути от телевизора и быстро вскарабкалась, чтобы достать батарейки и вставить их обратно в пульт для него.

— Почему ты так себя ведешь? — Затем спросил папа, глядя на меня с затуманенным недоверием.

Медленно выдохнув, я положила пульт на кофейный столик и взяла телефон, прежде чем повернуться и посмотреть на него. — Как, папа?

— Ведешь себя странно, — обвинил он, глядя на меня. — Ухмыляешься про себя.

Я пожалала плечами в ответ, не зная, как на это ответить.

— Что происходит? — он зарычал, наблюдая за мной, как ястреб, его карие глаза были жесткими и непреклонными.

— Ничего не происходит, — тихо ответила я.

Он отодвинул свое кресло и встал.

Это движение вызвало цунами ужаса, затопившее мое тело, и я отпрянула назад.

— Дай мне его, — проинструктировал он, протягивая мне руку.

Мои брови взлетели вверх. — Мой телефон?

— Да, твой телефон, — усмехнулся он. — Отдай его мне.

Дрожа, я подошла к нему и вложила его в его ладонь.

Он сразу же начал просматривать мои сообщения и список звонков.

Я не понимала, почему, учитывая, что он так сильно раскачивался, я сомневалась, что он мог читать в его состоянии.

Но я не смела пошевелиться, зная, что если я уйду, это может обернуться неприятностями.

— Где его номер? — потребовал он, сжимая мой телефон в своей огромной руке.

— Чей номер, папа? — Я прохрипела.

— Парень, который вынюхивает тебя, — прорычал он. — Горячая штучка из газет.

Мое сердце упало.

— Что?

Его взгляд переместился с моего телефона на меня. — Фрэн, соседка, сказала, что

видела, как парень из твоей школы проезжал здесь, — невнятно произнес он. — Сказала, что видела, как он сегодня отвез тебя домой из школы. — Он снова переключил свое внимание на мой телефон. — Где его номер? Где его тексты? С кем ты, блять, якшаешься? Это он? Этот мудака из регби? Придурок Кавана?

Черт возьми, Фрэн!

— Никто, папа, — солгала я сквозь зубы. — Сегодня в школе мне было плохо, и Клэр и ее брат Хьюи отвезли меня домой.

— *Хьюи Биггс?* — Папа зашипел, снова покачиваясь на ногах. — Этот выскочивший идиот? Вот почему ты ходишь с говноедской ухмылкой на лице?

— Что — нет! — Я покачала головой и отступила. — Я не с Хьюи. Я ни с кем.

— Я тебе не верю, — прорычал он.

— Я не лгу, — выдавила я. — У меня нет парня.

— Тебе не обязательно иметь парня, чтобы стать шлюхой, — прошипел он. — Спроси об этом свою маму.

— Я ни с кем не встречаюсь, — выдавила я, запаниковав. — Клянусь богом, я не такая!

Протянув руку, он положил мясистую руку мне на плечо и сильно надавил. — Если ты лжешь мне...

— Я не такая, папа, — закричала я, прогибаясь под силой его прикосновения. — Пожалуйста...

Мои слова оборвались, когда кулак моего отца соединился с моей щекой, ударив меня так сильно, что моя голова откинулась назад от силы.

Сопrotивляйся, Шэннон.

Возьми что-нибудь.

Что угодно.

Сделай что-нибудь.

Боль обожгла мое лицо, слезы наполнили глаза, и все же я ничего не сделала.

Я не сопротивлялась.

Я не пыталась убежать.

Я просто *стояла* там.

— Иди сюда, — прорычал он. Держа руку на моем плече, впиваясь пальцами в мои кости, папа повел меня на кухню, не останавливаясь, пока мы не оказались у раковины.

— Включи его, — проинструктировал он.

Без колебаний я протянула руку и открыла кран.

— Налей туда воды, — приказал он, опрокидывая пинтовый стакан с сушилки в раковину.

К счастью, он не разбился, и я поспешила наполнить стакан, сопротивляясь желанию перевернуться и вырваться из его хватки.

— Видишь это? — прошипел он, бросая мой телефон в воду. — Видишь это, девочка?

Я неподвижно кивнула, наблюдая, как мой телефон опускается на дно пинтового стакана.

— Если я узнаю, что ты лжешь мне, это будет не твой телефон, я утону, — прорычал он, так сильно впиваясь пальцами в мое плечо, что моя спина согнулась без разрешения моего мозга. — Ты меня слышишь?

— Я слышу тебя, — захныкала я, дрожа с головы до ног.

— И ты тоже не беги к своему брату с историями, — прошипел он мне на ухо.

Оттолкнув меня, он добавил: — Или я пошлю вас обоих на улице.

Я бы хотела, чтобы ты это сделал, я едва удержалась, чтобы не сказать.

Потому что, что случилось бы с Тадхгом, Олли и Шоном, если бы мы ушли?

Тадхг был следующим в очереди после меня, поэтому он примет на себя основную тяжесть гнева моего отца.

Эта концепция была мне отвратительна.

Протянув руку, я потеряла щеку и заставила себя не плакать.

Он бросил на меня последний взгляд, прежде чем покачать головой. — Давай— убирайся с глаз моих.

Не говоря больше ни слова, я поспешила из комнаты со слезами, жгущими мои глаза.

Я ненавижу тебя! Я тихо закричала, когда привычно побежала в свою комнату, *я, блять, ненавижу тебя!*

Подбежав к своей комнате, я приняла сознательное решение на цыпочках пройти мимо комнаты Джоуи, заставляя себя не издавать ни звука, а затем быстро заперлась в своей спальне.

Выключив свет в спальне, я забралась в кровать, накрылась с головой одеялом и схватила дискмен.

Менее чем через две минуты раздался тихий стук в дверь моей спальни.

— Шэн? — Голос Джоуи донесся с другой стороны кадра. — Все в порядке?

Я обдумывала, не отвечать ли ему, но решил не делать этого, зная, что он автоматически сделает правильный вывод, и весь ад вырвется на свободу.

Он только что вернулся от Ифы сегодня вечером.

Я не хотела, чтобы он снова уходил.

Поэтому вместо этого я перезвонила: — Я в порядке, Джо. Просто устала.

Последовала долгая пауза, прежде чем он заговорил снова. — Ты уверена?

— Да, — прохрипела я, прижимая пальцы к нижней губе, чтобы она и мой голос не дрожал.

— Звучит не очень хорошо, — ответил мой брат.

Черт возьми.

Прочистив горло, я добавила: — У меня женские проблемы.

— Женские проблемы? — он перезвонил, и его голос звучал смущенно.

— У меня месячные.

— Черт возьми, мне действительно не нужно было это знать, Шэн, — простонал Джоуи, и я представила, как он содрогается по другую сторону двери.

Несколько мгновений спустя звук захлопнувшейся двери его спальни заполнил мои уши.

Прерывисто вздохнув, я смахнула горячие слезы, обжигающие мои щеки.

В один прекрасный день я собиралась выбраться из этого дома.

И когда я это сделаю, я уже никогда не собиралась возвращаться.

Именно с этой мыслью, этим крошечным проблеском надежды и компакт-дискосом с миксом Джонни, звучащим в моих ушах, я погрузилась в беспокойный сон.

Глава 53. Липкие подарки

Джонни

С шести лет я был сосредоточен исключительно на регби.

Я верил в себя и свои способности.

Что-то внутри меня пробудилось к жизни, почти танцевальное ощущение пробежало по моей коже, когда я держал мяч в руках.

Я знал, что пойду в Академию, и когда я туда попал, я ни капельки не удивился.

Я был настолько уверен в своем будущем.

Я отказывался принять любой другой путь в жизни.

Карьера в профессиональном регби была моей целью, моим предназначением, моей гребаной судьбой, и я хватался за нее обеими руками.

Я не был импульсивным.

Я был тверд.

Ориентированный на цель.

Ведомый.

Решительный.

Вероятно, у меня было много и других негативных черт, но я сосредоточился только на своих сильных сторонах.

Единственными слабостями, о которых мне было интересно узнать, были те, которые влияли на мою игру.

Однажды обнаружив это, я работал как сумасшедший, чтобы исправить себя.

Я был довольно решительным человеком.

У меня не было проблем с тем, чтобы предугадывать свои решения или что-то в этом роде.

Я принял решение и придерживался его.

Как тогда, когда мне было шесть и я решил, что сделаю карьеру из своей страсти.

Сортировка.

Или когда я решил, что степень в бизнесе — идеальный вариант для меня.

Просто.

Я сделал выбор и придерживался его.

Я должен был быть чертовски осторожен со своим выбором, потому что, как только я принимал решение, как только я на что-то решался или, что еще хуже, мое сердце, это было в моей природе — следовать ему с навязчивым голодом.

Не возвращаться назад, не сомневаться и не передумывать.

Моя личность, скорее всего, во многом была связана с моей нерешительностью.

Я не общался с людьми просто так — и никогда с девушками.

Я хорошо знал, что обладаю навязчивой личностью.

Это была причина, по которой я оказался на своем месте так рано в моей карьере.

Знание этого только сделало мое нынешнее затруднительное положение еще более удручающим.

В течение нескольких месяцев я потерял голову из-за гребаной девчонки.

А мое сердце?

Черт меня побери, это все-таки сработало, привязавшись к тощей третьекурснице с каштановыми косичками и голубыми глазами, которые, блять, обожгли мою душу.

Мне нужно было быть чертовски осторожным со своим следующим шагом, потому что, как только я решу, что она — девушка для меня, так и будет.

Как только я связал себя обязательствами, как только мое сердце предъявило на нее права, я мог бы с таким же успехом наклеить себе на лоб ярлык, гласящий, что я твой, пожалуйста, будь нежна со мной, потому что я здесь, чтобы остаться.

Самой страшной частью всего этого было осознание того, что я сдерживал себя изо всех сил, а погружение выглядело все более привлекательным каждый раз, когда я смотрел на нее.

— Что ты делаешь? — Спросил Гибси, когда он вошел в мою спальню без стука поздно вечером во вторник, к счастью, отвлек меня от моих мыслей.

— На что похоже, что я делаю? — Уронив ручку на стол, я повернулся на своем вращающемся стуле и уставилась на него. — Домашнее задание.

Для Гибси не было редкостью приходить ко мне домой в любое время дня и ночи.

Я был просто рад, что на этот раз с ним не было гребаного кота.

Он был с ним больше, чем просто возможно.

— Парень, ты такой крутой. — Гибси бросил свою школьную сумку рядом с моим столом, а затем бросился на мою кровать, сложив руки за головой. — Ты получил сообщение от тренера?

— Да, — ответил я, заканчивая задачу по тригонометрии, которую я как раз решал, когда он ворвался. — Будем надеяться, что на этот раз ему удастся привлечь к сопровождению кого-нибудь, кроме миссис Мур.

Гибси вздрогнул. — Эта женщина — дерьмо.

— Да, она такая, — согласился я.

Тренер отправил сообщение группе около часа назад, сообщая нам, что Ройс наконец согласился сыграть с нами.

В эту пятницу.

В Дублине.

На территории их школы.

При условии, что я не буду играть.

Я ухмыльнулся про себя, довольный, что произвел такое впечатление на этих тренеров.

— Дублинские отморозки, — проворчал тогда Гибси. — Усложняем жизнь всем.

— Привет, мудака? — Я отказался. — Я дублинский подонок!

— Не ты, — ответил он с застенчивым видом.

— Как скажешь, — проворчал я, записывая ответ на вопрос В.

— Ты же знаешь, что это социально неприемлемо, — парировал Гибси.

Гибси хихикнул. — Как мы подружались?

— Я спрашивал себя об этом годами, парень, — ответил я, пристально глядя на свою работу. — Это одна из величайших неразгаданных тайн жизни.

— У меня есть домашнее задание, — объявил он тогда.

— Я знаю, — ответил я, не сбившись с ритма. — Мне нравится, как ты не так искусно бросил свою сумку на мой стол.

— Я не могу этого сделать, — простонал он.

— Нет, — спокойно поправил я. — Ты можешь это сделать. — Достав калькулятор, я

набрал нужную мне формулу и записал результаты. — Ты просто чертовски ленив.

— Это тяжело, — заныл он.

— Жизнь трудна, Гибс, — заявил я. — Доставай свои книги. Я больше не буду делать это для тебя.

— Но у тебя это получается намного лучше, чем у меня, — простонал он.

— Говорит парень, который только что назвал меня спецназом пять минут назад, — парировал я.

— Ты знаешь, что это комплимент, — возразил он. — Давай, Джонни...-

— Хорошо, но я устал, и мне нужно сходить в бассейн утром перед школой, так что я делаю только один предмет, — отрезал я, заканчивая свою работу. — Выбирай свой яд.

— Английский, — сказал он мне, кивнув. — Мне нужно написать эссе на завтра.

Тяжело вздохнув, я расстегнул молнию на его сумке и вытащил его книгу по английскому.

— Ты знаешь, что тебе придется прочитать книги перед экзаменами в следующем году? — Я добавил. — Все домашние задания в мире не помогут тебе, если ты войдешь туда без учебы.

Гибси ухмыльнулся. — Я обещаю, что буду увлечен пасхальных каникулах, папа.

— Не надо мне этого папиного дерьма, — проворчал я, быстро выполняя его задание. — Тебе нужно пора взяться за голову, Гибс, — добавил я, прежде чем застрять. — В пятницу мы заканчиваем школу, парень. Тебе нужно использовать эти две недели отпуска, чтобы наверстать упущенное.

— Я буду, — проворчал он.

— Тебе же лучше, — предупредил я.

Гибси позволил мне работать в тишине около двадцати минут, что стало для него рекордом за все время, прежде чем нарушил мою концентрацию, спросив: — Ты разобрался с Беллой за тот трюк, который она выкинула в школе?

— Чертовски, блять, прямолинейно, я это сделал, — прорычал я, мгновенно разозлившись на это воспоминание. — Я отправил ей сообщение ранее, чтобы донести сообщение до дома.

— С Шэннон все было в порядке? — он спросил. — Что сказала?

— Ничего хорошего, — пробормотал я, заканчивая абзац. — Она не сказала мне, парень, но мы оба знаем, насколько ядовитым это должно было быть, если это исходило из уст Беллы?

— Фу, — простонал он. — Я не знаю, как ты вообще к ней прикасался.

— Я тоже, — признался я с содроганием.

— Кстати? — Размышлял Гибси, отвлекая меня еще раз. — Ты снова вёл себя как бульдозер.

Я повернулся, чтобы посмотреть на него. — Я этого не делал.

— Да, парень, ты это сделал, — усмехнулся он. — Я пытался остановить тебя после твоего разглагольствования «спаси меня, Гибси, пожалуйста, спаси меня от самого себя» на прошлой неделе, а ты пошел напролом и ворвался, как товарный поезд.

— Ну и что, черт возьми, я должен был делать? — Я выпалил, отбрасывая ручку. — Просто стоять в стороне и ничего не делать, пока Белла называла ее шлюхой перед половиной школы из-за меня?

— Белла назвала Шэннон шлюхой? — усмехнулся, взбивая подушку. — Она из тех, кто

умеет говорить.

— Я знаю, — проворчал я. — Это то, что я сказал.

— Итак, вы исчезли из школы с Шэннон и не вернулись после обеда, — добавил он, выгнув бровь. — Ты снова посадил ее в свою машину?

— Может быть, — выпалил я.

— Ты сделал что-нибудь, кроме того, что отвез ее домой?

— Например, что?

— Я не знаю. — Он пожал плечами. — Пригласить на чай или какой-нибудь типичный трюк Джонни вроде этого?

Я опустил голову.

— Бульдозер, — засмеялся Гибси.

— Заткнись, — пробормотал я, отодвигаясь от своего стола.

На сегодня с меня хватит.

Какая бы концентрация у меня ни была, она давно исчезла.

— Это пятерка прямо здесь, — сказал я ему, указывая на его аккуратно написанное пятистраничное эссе. — Будь чертовски благодарен.

— Я благодарен, — заверил он меня с сияющей улыбкой, прежде чем сказать: — И я думаю, тебе нужно пересмотреть понятие друга. Я говорил тебе сегодня утром и повторяю снова, что это никогда не сработает.

— Нет. — Я покачал головой. — Ты ошибаешься. Я могу быть другом.

— Ты явно не можешь, — хихикнул Гибси. — Влюбленный мальчик.

— Я помог ей сегодня, — выпалил я, напрягшись. — Это то, что друзья делают для друзей.

— Кстати, Робби Мак спросил меня, могу ли я получить ее номер у Клэр для него во время обеда, — бесстрастно заявил Гибси. Приподнявшись, чтобы опереться на локти, он посмотрел на меня и добавил — Сказал, что хотел бы сводить малышку Шэннон в кино на выходных.

— Надеюсь, ты вправишь этому ублюдку мозги! — Я зашипел. — Гибс, лучше бы ты не давал этому идиоту ее номер.

Он плюхнулся обратно на кровать и рассмеялся. — Я издеваюсь над тобой. Робби не склонен к самоубийству. Все парни слышали тебя громко и ясно в тот день, Кэп.

Я уставился на него. — Это не смешно.

— Это весело, — хихикнул он. — Ты безнадежен для этой девочки. — Ухмыльнувшись, он добавил: — Лучше приведи свой член и яйца в рабочее состояние, парень. Ни одна девушка не хочет сломанный член.

— Я не... — Сделав паузу, я ущипнул себя за переносицу и призвал каждую унцию терпения внутри себя, прежде чем продолжить — Мы не будем этого делать, и мой член и яйца — это мое личное чертово дело.

— Я только забочусь о тебе, — ответил Гибси. — О, чуть не забыл... — Он сунул руку в карман джинсов и достал дорожную бутылочку. — Вот, — сказал он, бросая мне бутылку через всю комнату. — От моих яиц к твоим.

Я поймал его в воздухе и прочитал описание на бутылке.

— Смазка? — Я рявкнул. — Господи, Гибс.

— Эй, не начинай, пока не попробуешь, — усмехнулся он. — Я приложил чертовски много усилий, обыскав дюжину разных аптек, чтобы достать это для тебя. — Покачав

бровями, он добавил: — Фармацевт сказал мне, что это чувствительное прикосновение. — Я уставился на него. — Он наполовину пуст.

Он пожал плечами. — Я должен был протестировать его, прежде чем рекомендовать тебе.

Я немедленно уронил бутылку на пол в своей спальне.

— Ты чертовски отвратителен, — простонал я, вытирая руки о бедра. — Христос.

— Не будь ханжой, — усмехнулся Гибси. — Это совершенно нормально.

— Смазка — это нормально — согласился я. — Ты? Нет.

— Я не понимаю, в чем проблема, — фыркнул он. — Я купил тебе подарок. В этом нет ничего странного. Ты должен благодарить меня за то, что я проявляю интерес к твоей жизни.

— Парень, ты только что купил подарок моему члену, — невозмутимо сказал я. — Это не может быть намного более странным, чем это.

— Как скажешь, парень. — Он равнодушно пожал плечами. — Мне все равно, что кто-то думает.

— Да, Гибс, — ответил я. — Я думаю, мы это разъяснили.

— Но знаешь ли ты, кому будет не все равно? — он размышлял, ухмыляясь. — Твоей Шэннон.

— Она не моя Шэннон, — рявкнул я.

— И она никогда не будет, если ты не разберешься со своей гребаной проблемой! — возразил он.

Иисус Христос...

— Ничего не изменилось, — сказал я настолько терпеливым тоном, насколько мог. — Я не могу, не буду и никогда не сделаю это.

Ложь.

Ложь.

Ложь.

Мой лучший друг долго смотрел на меня, прежде чем спросить: — Ты уверен в этом, Джонни?

Ни капельки.

— Абсолютно.

— Поступай как знаешь, — парировал Гибси.

— Спасибо.

— Но просто чтобы ты знал? — он добавил: — Она всегда была твоей Шэннон.

Глава 54. Консилер

Шэннон

— Не спрашивай, — предупредила я, когда в среду утром обнаружила Клэр, стоящую возле туалета для девочек с выражением ужаса на лице.

Взяв ее под руку, я потащила ее в ванную. — Просто помоги мне спрятать это.

— Шэннон, я... я... — Клэр покачала головой и уставилась на меня. — Шэн...-

— Пожалуйста, — рывкнула я, роняя сумку на пол в ванной и ловя ее руки. — *Помоги мне.*

Слезы наполнили ее глаза.

— Не делай этого, — умоляла я, сжимая ее руки. — Просто помоги.

Она продолжала смотреть на меня в течение самого долгого момента с почти трансовым выражением лица, прежде чем, наконец, выйти из него.

— Хорошо, — она шмыгнула носом, а затем одарила меня ослепительной улыбкой. — У меня как раз есть трюк.

Я выдохнул с огромным облегчением. — Спасибо.

Двадцать минут спустя я уставилась на свое отражение в зеркале и с трудом узнала себя.

— Мне пришлось нанести на твое лицо дымчато-гламурный макияж, чтобы оттенок тонального крема соответствовал тому, который я использовала, чтобы покрыть твои... — Ее голос дрогнул, и она несколько раз прочистила горло, прежде чем добавить: — Ну, что ты думаешь?

— Вау, — выдохнула я, касаясь своих накрашенных красным губ. — У меня огромные губы.

— Да, это так, — согласилась Клэр. — Женщины платят тысячи евро за такие губы, как у тебя, а ты их даже не ценишь.

— И мои глаза. — Я покачала головой и уставилась на себя, восхищенно хлопая ресницами. — Вау, это...-

— Великолепно? — Предложила Клэр, подходя и становясь рядом со мной. — Потому что ты ужасно великолепна.

— Это из-за макияжа, — заверила я ее, смутившись.

— Это ты, — поправила Клэр, обнимая меня за плечи.

Я вздрогнула от прикосновения, все еще чувствительного после вспышки гнева моего отца, и лицо Клэр вытянулось.

— Шэннон, я не могу продолжать...

Дверь ванной со скрипом открылась, и Лиззи вошла в ванную, заставив Клэр захлопнуть рот, а меня обмякнуть от облегчения.

— Давайте, девочки, — сказала она, махнув нам рукой. — Мы опаздываем на урок.

Никогда в жизни я не была благодарна видеть ее так, как в этот момент.

— Я убью эту суку, — прошипела Лиззи позже в тот же день во время обеда.

В школе распространился слух о вчерашнем инциденте с Беллой, и она была вне себя от гнева.

— Серьезно, — добавила Лиззи, глядя на стол на противоположной стороне обеденного зала, за которым сидело по меньшей мере пятьдесят учеников, одна из которых была Белла

Уилкинсон.

— Если она посмотрит сюда еще раз, я пойду туда и вырву эти блестящие новые нарощенные волосы.

— Они довольно плохие, — согласилась Клэр с гримасой.

— Плохие? — Лиззи не выдержала. — Похоже, она прикрепила к своим волосам черные водоросли. — Пробормотав что-то еще себе под нос, она добавила: — Она тролль.

— Просто не обращай на нее внимания, — умоляла я, предпочитая смотреть на свой сэндвич, а не на стол, с которого на меня смотрели убийственные взгляды.

Было безопаснее не высовываться.

Весь день, куда бы я ни пошла, за мной следили любопытные глаза.

Я не знала, как справиться с таким вниманием.

Мне нужно было не раскачивать лодку.

А проводить время с Джонни было все равно что переворачивать корабль.

Сегодня я натыкалась на него не менее трех раз между занятиями, и каждый раз он дарил мне эту прекрасную улыбку с двойными ямочками, спрашивал, как прошел мой день, а затем говорил, что увидится со мной позже.

Я чувствовала его взгляд на себе прямо сейчас с другого конца комнаты.

И это ужаснуло меня.

Впервые в моей академической жизни мне подарили красивый плащ-невидимку в Томмен.

Джонни Кавана угрожал отобрать это у меня, а у меня не хватило смелости позволить ему.

Все хорошее прошлой ночи было поглощено угрозами моего отца и страхом перед гневом Беллы.

Теперь я снова напугана.

Беллой.

Моим отцом.

Другими девочками в этой школе.

Моими чувствами.

Джонни.

Моей собственной проклятой тени.

— И у нее хватило наглости назвать тебя шлюхой, — продолжала разглагольствовать Лиззи, а мы с Клэр беспомощно смотрели. — Это она спала с Кормаком Райаном.

— Это не имеет значения, — быстро сказала я ей, молясь, чтобы она просто отпустила это.

— Это имеет значение, Шэннон, — отрезала Лиззи. — Никто не имеет права так поступать с тобой. Не здесь. Только не снова!

— Лиз, — сказала Клэр низким предупреждающим тоном. — Оставь это в покое, хорошо?

— В пятницу у нас будут каникулы, — прошептала я, больше для себя, чем для девочек, отчаянно пытаюсь успокоиться. — Две недели без Беллы.

— Вот именно, — мягко предложила Клэр. — Все забудут об этом к тому времени, как мы вернемся.

— Я не могу тебе поверить, — огрызнулась Лиззи, глядя на Клэр. — Как ты относишься к тому, что эта сука несет чушь о нашей лучшей подруге?

— Меня это не устраивает, — спокойно ответила Клэр. — Я просто знаю, что устраивать сцены — последнее, что кому-либо нужно.

— Ты знаешь, что все говорят? — Потребовала Лиззи, а затем продолжила, прежде чем кто-либо из нас успел ответить. — Все они говорят, что Шэннон занимается сексом с Джонни Кавана.

— Отлично, — простонала я и уронила голову на руки.

Клэр успокаивающе положила руку мне на плечо. — Ну, это неправда.

— Я знаю это, — фыркнула Лиззи. — Но Белла повсюду говорит, что Шэннон — причина, по которой они с Джонни расстались, — прошипела Лиззи. — Из — за этой сучки и ее лжи все в школе говорят о нашей подруге и говорят, что у нее должна быть золотая вагина, чтобы вскружить голову этому большому идиоту ...-

— Не надо! — Клэр зашипела. — Не повторяй это.

— Я иду домой, — выпалила я, отодвигая стул, готовая убежать.

— Нет, — спокойно ответила Клэр, толкая меня обратно на мое место. — Ты не пойдешь.

— Черта с два ты пойдешь домой, — прорычала Лиззи. — Ты не сделала ничего плохого.

Неправильно или нет, я не собиралась здесь оставаться.

Страхнув руку Клэр, я отодвинула стул и встала.

— Мне жаль, — выдавила я, глядя на своих друзей. — Но я не могу сделать это снова.

— Мы пойдем с тобой, — крикнула мне вслед Клэр. — Шэн, только не убегай...-

— Нет, все в порядке, — пробормотала я. — Вы, ребята, оставайтесь. Я просто ... я собираюсь уйти сейчас. — Развернувшись, я протолкнулся мимо столов и стульев, преграждавших мне путь, и бросилась к выходу.

Тем не менее, я не ожидала руки, которая высунулась из-за стола для регби в дверном проеме и схватила меня за запястье, резко остановив.

— Что случилось? — Джонни сидел на своем стуле, обхватив рукой мое запястье, и смотрел на меня с озабоченным выражением лица. — Шэннон?

Качая головой, я потянула свою руку, но Джонни не отпустил.

Вместо этого он притянул меня ближе к себе, делая все намного хуже.

— Что происходит? — он спросил.

— Мне, э-э, нужно домой, — выдавила я, нервно оглядываясь вокруг и обнаруживая, что несколько пар глаз сосредоточены на моем лице. Повернувшись к Джонни, я прошептала: — Мне нужно идти сейчас.

— Домой? — Джонни нахмурился. — Почему?

— Оглянись вокруг, мистер гребаный выскочка, — прошипела Лиззи, подходя и становясь рядом со мной. — Или еще лучше, открой уши.

— Мои глаза открыты, — ответил Джонни, отпуская мою руку и переключая свое внимание на Лиззи. — И мои уши прямо здесь.

— Лиззи, — прохрипела я, качая головой. — Просто брось это.

— Нет, если ей есть что мне сказать, то она может это сказать, — протянул Джонни. — Говори

— Отлично, — прорычала Лиззи, беря меня за руку, которую Джонни отпустил. — Твоя злобная подружка-шлюха распространяет ложь о моей подруге, и я возлагаю на тебя полную ответственность за то, что ты не исправил факты и не поставил ее на место.

— О чем она говорит? — Спросил Гибси, который сидел за столом напротив Джонни.

— Понятия не имею, — отрезал Джонни.

— Я говорю о том, что репутация моей подруги была запятнана, потому что ты был достаточно глуп, чтобы засунуть свой член в эту девушку, — прорычала Лиззи.

— Какая девушка? — ХьюиБиггс повернул голову от того места, где он утыкался носом в шею своей девушки, чтобы спросить. — В кого ты засунул свой член, Кэп?

— Отвали, Хьюи, — огрызнулся Джонни, бросив на меня взгляд.

Я покраснела и отвела от него взгляд.

— О, Иисус, — спросил другой парень, который болтался с ними. Патрик Фели, кажется, я вспомнила, как Клэр однажды звонила ему. — Что ты сделал на этот раз, Гибс?

— Это был не я, Фели, — хихикнул Гибси.

— Да, — пробормотал Патрик. — На этот раз.

— Вы все можете перестать меня отвлекать? — Лиззи залаяла. — Я пытаюсь кое-что здесь уладить.

— Малыш, — позвал бритоголовый мальчик с нескольких мест за огромным столом. — Что ты делаешь?

— Не лезь не в свое дело, черт возьми, — парировала Лиззи.

— Малыш...-

— Мы сейчас в ссоре, Пирс О Нилл, так что даже не смотри на меня.

Издав звук, похожий на болезненный стон, Пирс отодвинул свой стул и обогнул стол, направляясь к нам.

— Святой, — притворно кашлянул Гибси, хлопая его по руке, когда он проходил мимо.

— Мне очень жаль, — объявил Пирс, подняв руки вверх, и осторожно приблизился к своей девушке. — Это все моя вина.

— За что ты извиняешься? — спросила она его.

— За все? — Пирс ответил, хотя это больше походило на вопрос. — За что ты хочешь, чтобы я извинился?

— Был ли смысл в твоём большом выступлении только что? — Спросил Джонни, снова привлекая к себе всеобщее внимание.

— Да, — выпалила Лиззи, бросив на него яростный взгляд.

— Тогда приступай к делу, — холодно парировал он.

— Отлично, — прошипела Лиззи. — Я говорил о том, как Белла рассказала всем, что причина, по которой вы расстались, в том, что ты спишь с Шэннон. Я говорила о том, что все говорят, что моя подруга, должно быть, фантастическая сучка, чтобы вскружить твою тупую, как мяч для регби, голову.

— Его голова не похожа на мяч для регби, — усмехнулся Гибси. — Ты тоже так говорила о моей голове.

— Не сейчас, Джерард, — предупредила Клэр, плюхнувшись на стул рядом с ним.

— Она лжет, — рявкнул Джонни, оцетинившись от напряжения.

— *Очевидно*, — усмехнулась Лиззи, стряхивая руку Пирса, когда он попытался положить ее ей на плечо. — Итак, теперь я хочу знать, что ты собираешься с этим делать?

— Ничего, — прохрипела я. — Он ничего не собирается с этим делать, потому что нечего делать!

— Это твоя вина, Джонни, — Лиззи продолжала говорить обо мне. — Это на твоей совести. Она твоя сумасшедшая бывшая. Итак, исправь это.

Джонни оставался совершенно неподвижным около пятнадцати секунд, не сводя глаз с Лиззи, не говоря ни слова, прежде чем приступить к действию.

Он отодвинул свой стул и встал, не сводя с меня глаз.

— Давай.

— Ч-что? — Я задохнулась, уставившись на него.

— Пойдем со мной, — приказал он, протягивая мне руку. — Сейчас мы разберемся с этим.

Я перевела взгляд с Лиззи, которая скрестила руки на груди и с довольным выражением лица, на Гибси, который выглядел восторженным, на съезжившуюся Клэр, на других мальчиков, которые выглядели просто смущенными, прежде чем, наконец, остановилась на Джонни.

Он выглядел разъяренным. И ждал.

— Нет, — выдавила я, качая головой. — Ни за что. Я туда не пойду.

— Она собирается публично извиниться перед тобой, — сказал он мне. — Она собирается все исправить, публично! — Он оглядел комнату, прежде чем добавить: — И я собираюсь публично разоблачить все остальные куски дерьма, которые сопровождали ее ложь!

— Нет. — Мои глаза расширились от ужаса. — Все в порядке. Я не хочу извинений.

Он разочарованно выдохнул:

— Это не нормально, Шэннон...-

— Я не пойду туда, — повторила я, дрожа от этой мысли. — Я не хочу.

— Отлично, — прорычал Джонни, обходя меня. Он отшвырнул стул со своего пути, заставив Пирса и Лиззи расступиться перед ним, как Красное море, прежде чем обогнуть стол. — Я разберусь с этим сам.

— Нет... — Поспешив за ним, я поймала рукав его джемпера и уперлась пятками. — Пожалуйста, не надо.

Джонни протащил меня около пяти футов, прежде чем, наконец, остановился.

— Тогда что ты хочешь, чтобы я сделал? — потребовал он, поворачиваясь ко мне лицом.

— Ничего! — Я зашипела, все еще сжимая его рукав. — Абсолютно ничего.

— Я не могу ничего не делать. — Он провел свободной рукой по волосам, явно взволнованный. — Они говорят о тебе.

— Это не имеет значения. — Я покачала головой, игнорируя взгляды, которые, я знала, получала, и потянула его за рукав. — Мне все равно.

Джонни долго пристально смотрел на меня, прежде чем покачать головой. — Да, ну, я знаю, — наконец сказал он. — Мне, блять, не все равно!

— Почему бы нам всем не съехать отсюда до конца дня? — Вмешался Гибси, когда он практически упал со стула в попытке перехватить Джонни. — Отдохни от драмы, — добавил он, положив руки на плечи Джонни. — И выпей немного крейка.

Джонни уставился на него. — О чем ты говоришь?

— Хороший план, парень, — предложил Хьюи, перелезая через стол и вставая рядом с Гибси.

— Я за, — подхватила Клэр.

Гибси бросил на нее благодарный взгляд. — Твоя мама вернулась в Лондон, не так ли? — спросил он, отрывая взгляд от Клэр, чтобы посмотреть на своего друга, все еще держа

руки на его плечах. — У тебя пустой дом?

Джонни медленно кивнул, переводя взгляд с Гибси, Хьюи на стол позади них. — Она ушла вчера утром.

— Тогда мы пойдем к тебе и потусуемся часок — спокойно заявил Гибси, прежде чем обратить свои серые глаза на меня. — Что ты думаешь, малышка Шэннон? — Он многозначительно посмотрел на меня. — Хочешь убраться отсюда, пока Кав не превратил обеденный зал в сцену из «Игры престолов»?

Я содрогнулась от этой мысли, прочитав все эти книги.

— На самом деле, на этот раз есть смысл, — сказала Лиззи, вставляя свои два цента. Она повернулась ко мне и сказала: — Продолжай.

Согласна ли я с этим?

Что выбрать?

— Э-э... хорошо?

— Отлично! — Гибси исполнил небольшую барабанную дробь на груди Джонни, прежде чем перекинуть руку через его плечо и направить его к выходу. — Пошли, — крикнул он через плечо, прежде чем исчезнуть под аркой. — Сейчас.

Я понятия не имела, что происходит, но я шла в ногу с остальными, когда мы тащились за Джонни и Гибси.

— Они, наверное, куда-то идут, чтобы она могла отсосать его чле, — раздался ужасно знакомый голос достаточно громко, чтобы снова привлечь всеобщее внимание. — Ты знаешь о тех, с Элк-Террас. Они готовы на все.

— О, черт возьми, нет — прорычал Джонни, вырвавшись из рук Гибси и пронесшись мимо всех нас. — Сейчас все будет улажено, — прорычал он, обходя стол и направляясь к Белле.

— Ради всего святого, — простонал Хьюи.

— Ты просто, блять, ничего не можешь с собой поделаться, да? — Джонни взревел, тыча пальцем в лицо Беллы.

— Я ничего не сделала, — засмеялась Белла. — Кроме того, чтобы говорить правду.

— Правда? — Джонни зашипел, явно в ярости. — Ты бы не узнала правду, даже если бы она ударила тебя по лицу.

Я понятия не имела, из какой части моего тела вырвалась моя внезапная храбрость, но она пришла сильно и быстро, и подтолкнула мои ноги к нему.

— Джонни, не надо, — выдавила я, догоняя его.

Впервые в жизни я была рада быть крошечной.

Это позволило мне проскользнуть в крошечное пространство между Джонни и столом, над которым он склонился.

— Джонни, — выдохнула я, сильно надавливая на его грудь. — Уходи.

Он не смотрел на меня.

— Джонни, — повторила я, протягивая руку и касаясь его лица.

Он бросил на меня свой яростный взгляд.

— Уходи, — скомандовала я, глядя на него с замиранием сердца. — *Пожалуйста.*

Вена тикала на виске Джонни, когда он смотрел на меня сверху вниз, выглядя более разъяренным, чем я когда-либо видела его.

Я не смела дышать, пока смотрела, как он делает свой выбор.

Наконец, он издал яростное рычание и натянуто кивнул.

Я прерывисто выдохнула.

Слава богу...

— Держи ее имя подальше от своего гребаного рта, — прорычал он, грудь вздымалась, когда он позволил мне оттолкнуть его от стола.

— Она грязная шлюха из муниципального дома, — злобно сказала Белла. — В этом нет лжи.

— Тебе лучше следить за своим гребаным языком, — прорычал Джонни, проскальзывая мимо меня.

Мое сердце упало.

Я пыталась и потерпела неудачу.

— Почему? Что ты собираешься делать, если я этого не сделаю, Джонни? — Белла зашипела, вскакивая со стула и хлопая его по груди. — Ударишь меня?

— Нет, — Джонни сделал паузу, чтобы вытащить того, кого Лиззи назвала Кормаком Райаном, из его кресла, — я собираюсь ударить его.

А затем он ударил Кормака Райана кулаком в лицо.

В отличие от вчерашнего дня, я не стала ждать, чтобы увидеть результат.

Вместо этого я развернулась на каблуках и выбежала из обеденного зала.

Потому что я знала, что это может пойти одним из двух путей.

В любом случае, я бы проиграла.

Я была свидетелем подобных инцидентов, когда Джоуи бросался защищать мою честь.

Это не имело никакого значения для таких девочек, как эта.

Я всегда проигрывала.

Глава 55. Успокойся

Джонни

— Какого хрена ты делаешь? — Я зарычал, когда Гибси и Хьюи вытащили меня из обеденного зала, прежде чем у меня был шанс нанести второй удар Кормаку.

— Останавливаю тебя от того, чтобы ты не натворил чего-нибудь действительно глупого, — спокойно объяснил Гибси, выводя меня из главного здания. — Опять бульдозер.

— О чем ты думал? — Потребовал Хьюи, когда мы достигли внутреннего двора и были вне поля зрения офиса. — Ты знаешь, сколько проблем у тебя было бы с Академией, если бы они узнали, что ты дрался в школе!

— К черту Академию, — прорычал я, стряхивая их руки. — Я пытался защитить ее.

— Ну, все, что ты в итоге сделал, это смутил девушку, — рявкнул Хьюи. — Поздравляю, Кэп. Как будто у нее недостаточно дерьма, с которым нужно иметь дело. Ты только что в одиночку сделал ее мишенью для каждой из своих маленьких фанаток.

В ярости я провел рукой по волосам, чтобы удержаться от того, чтобы ударить одного из своих приятелей.

— Ты слышал, что она там сказала, — прошипел я, чувствуя, как мое тело вибрирует от ярости. — Чего ты ожидал от меня?

— Она не хотел, чтобы ты защищал ее, чувак, — добавил Гибси. — Она тебе это сказала.

— Ну, она была неправа, — выплюнул я.

— Ну, теперь она ушла, — сказал мне Гибси. — Так что успокойся.

Она ушла?

Это заставило меня задуматься.

Развернувшись, я заметил Клэр, гадюку и Кейт, стоящих рядом с нами, но Шэннон не было.

— Да, она определенно ушла, — добавил Фели, подходя к нам, засунув руки в карманы.

— Ты с новой девушкой, Кэп? — Спросил Пирс, присоединяясь к бесконечному кругу гребанных неприятностей. — Ты держал это в секрете.

— Что — нет. — пробормотал я, устало вздохнув, когда гнев покинул мое тело. — Я больше не знаю, кто я. Я не знаю, что, черт возьми, со мной происходит.

— Ну, — подала голос Лиззи. — Ты только что заработал несколько серьезных очков брауни в моих глазах. — Она похлопала меня по руке. — И поверь мне, я не часто их раздаю.

— Она этого не делает, — предположил Пирс с понимающей гримасой.

— Мы все еще направляемся к твоему дому? — Спросил Фели. — Кажется, бессмысленно возвращаться сейчас.

Я покачал головой, мне нужна была чертова минута, чтобы разобраться в своих мыслях.

Что, черт возьми, только что произошло?

Как я позволил себе так потерять контроль?

И куда, черт возьми, она делась?

С ней все было в порядке?

Я собирался кого-то убить.

Я почувствовал, как во мне снова закипает гнев при мысли о смирившемся выражении лица Шэннон.

Да, она выглядела чертовски смирившейся.

Она должна была быть в ярости.

Вместо этого она просто взяла его.

Возможно, у нее так и получалось в BCS, но в Томмен все происходило по-другому.

Она не была ничьей гребаной целью, и я собирался чертовски убедиться в этом.

— Джонни?

Звук произнесенного моего имени отвлек меня от моих мыслей.

— Что? — Я поднял глаза и оглядел своих друзей, чувствуя себя в полной растерянности.

— Мы идем? — Спросил Хьюи, бросив на меня странный взгляд.

— Куда идем? — Я огрызнулся, ощетинился, мне не нравилось такое внимание, ни капли.

Я чувствовал, что стою здесь голый, выставив на всеобщее обозрение свои испорченные чувства, давая всем семерым возможность заглянуть в то, чего я сам не понимаю.

— Я должен найти ее, — сказал я себе больше, чем кому-либо другому. В панике я развернулся на 360 градусов. — Я должен проверить, как она.

— Нет, — спокойно сказал Хьюи, — Ты должен пойти домой и остыть. Очевидно, что она не хочет идти с нами, парень. Вот почему она ушла.

Я перевел свой взгляд на него.

— Какого хрена ты вообще знаешь о том, чего она хочет?

Брови Хьюи удивленно взлетели вверх.

— Отдай мне ключи от своего дома, Кэп, — скомандовал Гибси, становясь передо мной.

Не задавая ему вопросов, я вытащил ключи из кармана и протянул их ему.

— Мы вас догоним, — сказал Гибси нашим друзьям, бросая мои ключи Хьюи, а затем закинул руку мне на плечо, ведя меня обратно в физкультурный зал.

Я пошел с ним, потому что моя школьная сумка была в коридоре, и я понятия не имел, что еще делать.

— Ты в порядке? — Что случилось? — спросил Гибси, когда мы вошли в пустую раздевалку.

— Нет! — Я зарычал. — Я так далек от того, чтобы быть в порядке, я больше не знаю, что означает это гребаное слово.

— Я знаю, что сейчас не время это говорить, но я все равно это скажу, — сказал Гибси. — Я же тебе говорил. Я, блять, говорил тебе еще на четвертом курсе, когда она начала вынюхивать, что она — плохая новость.

— Мне не нужно напоминать, — выплюнул я, подходя к скамейке и хватая свои вещи. — Я знаю, что облажался.

— Ты облажался, — согласился он, не утруждая себя ложью, когда схватил свою сумку. — Ты увидел пару красивых сисек, легкую жизнь, и ты позволил своему работающему тогда члену думать за тебя. — Пожав плечами, он закинул сумку на плечо и сказал: — Вот результат. Еще один прилипало, который не даст, нахуй, уйти.

— Ну, мой член больше не думает, — выпалил я.

— Слава богу. И, чего бы это ни стоило, я бы тоже потерял свое дерьмо, — сказал он мне. — Если бы какая-то сука так говорила о Клэр, я бы снес все на голове.

— Это моя вина, что с ней случилось, — прорычал я. — У Шэннон проблемы из-за

меня.

— Нет, — поправил Гибси, а затем покачал головой. — Хорошо, да, у нее проблемы, но это не твоя вина, парень.

— Белла не оставит меня в покое, Гибс. — Прерывисто выдохнув, я провел рукой по волосам и зарычал. — Она не остановится.

— Не мог бы ты поговорить со своим отцом о получении, я не знаю, судебного запрета или чего-то в этом роде?

— За что, Гибс? — Я выстрелил в ответ, взволнованный. — За то что раздражает в школе?

— И преследует тебя по пабам, — вставил он.

Я покачал головой:

— Нет, единственное ограничение, которое следовало сделать, это то, что я сдерживал свой член.

Гибси смеялся, когда мы выходили из раздевалки:

— Сдерживай свой член.

— Это не смешно, — рявкнул я. — У меня не было секса с ней с Хэллоуина. Сейчас март, Гибс. Гребаный март. Можно подумать, она уже забыла об этом.

— Тебе следовало остановить это еще тогда. — Он открыл дверь в холл, и мы оба вышли на редкое послеполуденное солнце. — Ты позволил этому соскользнуть в январе, Джонни.

— Да, ну, у меня было о чем подумать, — фыркнул я, спускаясь по ступенькам. — И она закончила это, так что я понятия не имею, почему она просто не уйдет.

— Ты знаешь, почему она не уходит, парень, — ответил Гибси, подталкивая меня в плечо, когда мы шли на парковку.

Я тяжело вздохнул.

Да, я знал.

Гребаное регби.

— Ты можешь мне кое-что пообещать? — сказал он тогда, вытаскивая ключи от машины и открывая свой блестящий новый FordFocus.

— Да, парень, — вздохнул я, закидывая сумки в багажник машины.

— Обещай, что ты никогда не вернешься туда, каким бы чертовски заманчиво ни было.

Я не согласился с ним. — Гибс, я бы не вернулся туда, даже если бы она была последней девушкой на этой проклятой планете.

Он рассмеялся над моим ответом и забрался на водительское сиденье.

— Я серьезно, — сказал я ему, опускаясь на пассажирское сиденье. — Я бы не прикоснулся к этой девушке снова, если бы она была единственным лекарством от моего неэякулирующего члена... — Я остановился, чтобы пристегнуть ремень безопасности. — Я бы предпочел всю оставшуюся жизнь ходить с синими яйцами и сморщенным членом, чем снова прикоснуться к ней. Вот насколько она меня отталкивает.

— Что ж, молодец. — Гибси завел двигатель. — Потому что эта девушка так сильно хочет связать твою задницу, что это пугает.

— Меня ни к кому не будут привязывать, — парировал я. — И особенно она.

Он выгнул бровь.

— Ты уверен в этом?

— Просто заткнись и пристегни ремень безопасности, — проинструктировал я, оглядываясь вокруг в поисках чего-нибудь, что он мог повредить. — И проверь свои зеркала.

— Да, папа, — пробормотал Гибси, выполняя мои команды.

— Хорошо, теперь ты можешь ехать — аккуратно и медленно, — сказал я ему, когда был уверен, что он сможет выехать со своего парковочного места, не причинив тяжких телесных повреждений, на что он был вполне способен. — Помедленнее, Гибс.

— Переплет тринадцать, — хихикнул Гибси, отрываясь слишком быстро, чтобы чувствовать себя комфортно. — Малышка Шэннон разнесла это дерьмо в пух и прах.

— Притормози, — рявкнул я, сопротивляясь желанию вырвать руль. — И что, черт возьми, означает *переплет тринадцать*?

— Ты не знаешь об этом?

Я покачал головой. — Очевидно, нет, раз я спрашиваю тебя.

— Так они говорят, приятель, — объяснил Гибси.

— Кто? — Потребовал я, схватившись за ручку.

Не дай этому ублюдку убить меня.

— Девочки в школе, — усмехнулся он, выезжая на главную дорогу, не проверяя в обе стороны, и едва избежав молочного фургона. — Это то, что они говорят о тебе.

О, Господи.

Я собирался умереть в этой машине.

Он собирался забрать мою проклятую жизнь.

Робко отдав честь молочнику, который грозил нам кулаком, я повернулся, чтобы посмотреть на Гибси.

— Они называют меня *«переплет тринадцать»*? — Я покачал головой. — Почему? Я этого не понимаю.

— Дело не в том, как они тебя называют, — поправил он. — Это то, что они хотят с тобой сделать.

— Что?

— *Ты номер 13*, — засмеялся он. — И они хотят *связать* тебя. — Он повернулся ко мне, покачивая бровями.

— Это... чертовски жутко, — проворчал я, содрогаясь. — Смотри на дорогу!

— На сто процентов, — засмеялся Гибси, снова обращая свое внимание на ветровое стекло. — Клэр рассказала мне об этом в прошлом году. Сказала, что подслушала, как группа шестикурсниц обсуждала в туалете что-то под названием «Операция «Переплет тринадцать»».

— Господи Иисусе, — прорычал я.

— Примерно в то время, когда ты начал приставать к Белле, — добавил он. — Подумай.

Я не должен был.

Я уже понял это.

— О, черт возьми, — простонал я.

— Ага, — с гримасой согласился Гибси. — Радуйся, что ты выбрался из этого, Джонни. Будь чертовски радым.

Я рад.

Больше, чем можно выразить словами.

— Что мне делать, Гибс?

— С Шэннон?

Я мрачно кивнул.

— Сдавайся, — ответил он без колебаний.

— Я не могу, — прохрипел я.

— Ты сможешь, — заверил он меня. — Ты просто напуган.

Да, я был напуган.

Я был чертовски напуган своими чувствами к ней.

— Я даже не чувствую, что у меня больше нет выбора, — признался я. — Я схожу с ума, Гибс.

— Не, твой разум все еще там, — усмехнулся Гибси, похлопывая меня по плечу. — Это твое сердце, которое ты теряешь, парень.

— Черт, — выдавил я, прикусив губу, когда ужас сковал мою грудь.

— Да, — согласился он. — Ужасно неудобно, не правда ли?

— Блять, — пробормотал я.

Глава 56. Загруженные угрозы

Джонни

Она не вернулась в школу в четверг.

Я знал это, потому что я присматривал за ней в коридорах между всеми моими уроками.

Она так и не появилась.

Мне это не понравилось, зная, что была очень большая вероятность, что Шэннон прогуливала школу из-за того, что произошло в столовой.

Мне это не понравилось, потому что я знал, что это моя вина.

Я ни хрена не мог сосредоточиться весь день.

Каждый урок, каждое слово и команда пролетали мимо моей головы, потому что я оставил свою голову с ней.

С ней все было в порядке?

Она была зла на меня?

Должен ли я пойти туда?

Должен ли я оставить ее в покое?

Я не знал.

И у меня даже не было ее чертова номера телефона, чтобы позвонить и проверить.

Завтра у нас каникулы в школе на две недели.

Завтра у меня был матч в Дублине.

Что, если я не увижу ее до этого?

Что, если она не вернется в школу?

Что, черт возьми, я собирался тогда делать?

Господи Иисусе, я сходил с ума.

Используя каждую унцию самоконтроля, которая была у меня внутри, я заставил себя выбросить ее из головы, когда я отправился на тренировку после школы.

Потому что мне не нужно было это — мне не нужны были эти чувства.

— Ты с ней? — Спросила Белла, когда я добрался до входа в физкультурный зал после школы, отвлекая меня от моих мыслей.

Покачав головой, я продолжил идти, намереваясь игнорировать ее, но она схватила меня за руку и прошипела: — Ответь мне.

— Не лезь не в свое гребаное дело, — огрызнулся я, подавляя желание вздрогнуть от ее прикосновения. — И не лезь в мою жизнь.

Мне нужно было, чтобы она не подходила ко мне сегодня.

Я был переполнен яростью, и я думал, что не смогу контролировать свой язык, если она толкнет меня.

— Ответь на гребаный вопрос, Джонни, — прошипела Белла предупреждающим тоном.

— Да!/? — Я выстрелил в ответ, глядя на нее сверху вниз. — А тебе какое дело?

— Тогда ты гребаный идиот, — прошипела она, глаза вспыхнули смесью боли и гнева. — Потому что у этой девочки на всем написано «девственница».

— Дело не только в сексе, Белла, — возразил я, высвобождая руку. — И не прикасайся ко мне снова, — добавил я, мой тон был пропитан неприязнью. — Твои прикосновения не приветствуются.

— Не в сексе? — она усмехнулась. — Я дам тебе месяц с фригитом, прежде чем тебе

станет скучно и ты ее борисшь.

— Ты мне наскучила после одной ночи, — усмехнулся я.

— Тогда почему ты продолжал возвращаться за добавкой? — потребовала она.

— Потому что я был ленив, а ты была такой простой, как они. — Я вышел из себя и прошипел: — Ты была на расстоянии телефонного звонка, Белла — одно быстрое сообщение, чтобы намочить мой член. Это все, чем ты когда-либо была для меня.

Я ожидал, что рука коснется моей щеки.

Я заслужил пощечину.

Ни одна девушка не заслуживала того, чтобы ее называли легкой, независимо от того, насколько это было правдой.

Это был удар ниже пояса, за который я должен был извиниться.

— Я не это имел в виду, — выпалил я. — Это было дерьмово сказано.

— Да, Джонни, так и было, — фыркнула она, скрестив руки на груди.

— Я знаю, — огрызнулся я, не найдя в себе ни грамма терпения, чтобы иметь дело с этой девушкой. — Вот почему я так сказал.

— Почему ты так себя ведешь? — Спросила Белла, ее тон стал мягче. — Почему ты так жесток со мной?

— Я ничего для тебя не значу, — выпалил я. — Я просто хочу приступить к тренировке, а ты преграждаешь мне путь.

— Потому что я хочу поговорить с тобой, — горячо возразила она.

— Нам нечего сказать друг другу, Белла, — сказал я ей, покачав головой. — Больше нет.

— Ты видел меня? — затем она спросила, явно подначивая меня. — Со своим товарищем по команде?

— Мне насрать, что ты делаешь с моими товарищами по команде, — спокойно ответил я.

— Я не хочу их.

— Это твое личное дело.

— Я хочу, чтобы ты вернулся.

— Ты не можешь вернуть меня.

— Джонни.

— Белла.

— Давай!

— Нет, блять, спасибо.

Белла долго смотрела на меня, прежде чем закричать и топнуть ногой.

Я не шучу, она на самом деле топнула ногой.

— Почему ты ведешь себя так неразумно? — прошипела она. — Прости, что я действовала за твоей спиной, хорошо? Мне очень жаль!

— Хорошо, ты более чем прощена, — огрызнулась я, проводя рукой по волосам в явном расстройстве. — А теперь иди нахуй с Кормаком или с кем хочешь, черт возьми. Мне действительно все равно. Просто оставь меня в покое!

— Ты честно говоришь, что тебя устраивает, что я с Кормаком? — потребовала она, блокируя дверной проем, когда я попытался проскользнуть мимо нее. — Он пригласил меня на свидание, ты знаешь? Теперь я его девушка. Ты совсем не чувствуешь ревности?

— Нет, — выпалил я. — Я не знаю, что еще я могу сделать или сказать, чтобы сделать это более понятным для тебя.

— Ты действительно думаешь, что эта сука лучше меня? — потребовала она. — Серьезно, Джонни? Поговорим о понижении рейтинга. У нее вообще есть сиськи?

— Не говори о ней такого, — предупредил я. — Говори обо мне все, что хочешь, но держи ее имя подальше от своего языка.

— Это правда, — выплюнула она. — Она прославленная игла. Пожав плечами, она добавила: — Она выглядит анорексичкой.

— А ты выглядишь и говоришь как бессердечная сука. — Подавляя желание потерять самообладание прямо здесь, за пределами зала, я собрал каждую унцию спокойствия, на которую был способен, и прошипел: — Если ты не оставишь её, я тебя уничтожу.

Она впиалась в меня взглядом.

— Я бы хотела посмотреть, как ты попробуешь.

— Я уничтожу тебя, — повторил я смертельно холодным голосом. — Твоя репутация. Твой статус. Твои друзья. Твои будущие отношения. Все. Если ты не отстанешь от Шэннон Линч, я заберу у тебя все.

Ее глаза расширились.

— Джонни...

— Ты знаешь, что я могу, — добавил я, понизив голос. — Вопреки твоим убеждениям, у меня Шэннон.

— Есть нечто большее, чем тринадцатая майка и член. — Что, если я скажу тебе, что беременна? — выдавила она. — Что бы ты тогда сказал?

Я откинул голову назад и рассмеялась.

— Ты невероятная.

— Прекрати смеяться, — притворно всхлипнула она. — Это не смешно

— Я бы посоветовал тебе пойти поговорить с Кормаком, потому что я не прикасался к тебе четыре с половиной месяца. — Презрительно усмехнувшись, я добавил: — Кроме того, я почти уверен, что ты бы уже использовала это против меня. Чертовски уверен.

— Не обязательно, — отрезала она.

— Ты хочешь сказать, что ты забеременела от меня, Белла? — Я невозмутим. — Будь чертовски осторожной, когда будешь отвечать дальше.

Она знала, кем был мой отец.

Она знала, куда приведет ее ложь, если она будет навязывать мне эту чушь.

Белла долго смотрела на меня, прежде чем проворчать: — Нет, я не беременна.

— Я знаю, — усмехнулся я.

— Это был гипотетический вопрос, — парировала она, защищаясь.

— Нет, — поправил я. — Это была неудачная манипуляция.

— Я люблю тебя, — всхлипнула она. — Мне жаль, что я хотела, чтобы это сработало.

— Ну, не люби меня, — взволнованно рявкнул я. — Потому что я не люблю и никогда не буду любить тебя в ответ! — Повернувшись боком, я проскользнул мимо нее и вышел в коридор. — С этого момента держись от меня подальше.

Глава 57. Неожиданная поездка

Шэннон

Я не вернулась на последние три урока в среду, а в четверг осталась дома после уроков. Я знала, что прогуливать школу неправильно, но я просто не могла смириться с этим.

Это было слишком.

Белла, Джонни, взгляды, шепот.

Это было слишком.

Я чувствовала себя эмоционально опустошенной и физически разбитой, и мне нужно было время, чтобы все обдумать, прежде чем возвращаться.

Моя попытка взять передышку обернулась полной катастрофой, которая заключалась в том, что мой отец вчера вечером потерял голову из-за того, что я сожгла ужин, и закончилась ударом по лицу.

Видимо, я ни хрена не умела готовить спагетти болоньезе.

И, по-видимому, этого было достаточно, чтобы заработать еще одно печально известное удушье.

Я чувствовала себя полным дерьмом этим утром, но я бы выползла на четвереньках из этого дома, если бы пришлось.

Ничто из того, что Белла делала со мной в школе, не могло сравниться с тем, что он был способен сделать со мной дома.

Когда я наконец добралась до школы — опоздав на час с лишним, потому что проспала без помощи моего верного телефонного будильника, — мистер Малкахи, наш учитель физкультуры, чуть не откусил мне голову за то, что я задержала поездку.

— *Какая поездка?* — Я спросила, потому что, честно говоря, не знала, что, черт возьми, происходит.

По-видимому, меня сочли недостаточно достойной этой информации, потому что вместо того, чтобы объяснить, что происходит, мистер Малкахи чуть ли не затолкал меня в битком набитый школьный автобус и велел мне найти место, и быстро.

Что привело меня к моему нынешнему затруднительному положению, вызванному ужасом, когда я стояла в передней части автобуса, в полной растерянности относительно того, что происходит или почему меня заставляют садиться в школьный автобус, полный незнакомых лиц.

— Шэн! — Клэр позвала, жестом подзывая меня.

В панике я поискала ее глазами в третьем ряду спереди, рядом с ней сидела Лиззи.

Все девочки в автобусе, казалось, сидели впереди, рядом с водителем. В моем классе было всего четыре девочки, а Шелли и Хелен сидели в паре за моими друзьями.

Несколько других девочек с шестого курса сидели рядом с ними, включая сверкающую Беллу и огромного темноволосого парня, который обнимал ее и утыкался лицом в ее шею.

Заставляя себя не смотреть на Беллу, я пробралась к Лиззи и Клэр.

— Что происходит? — Я зашипела, когда добралась до них.

— Сегодня игровой день, — сказала мне Клэр, улыбка исчезла. — Помнишь?

Я тупо уставилась на нее.

— Какой игровой день?

Глаза Клэр расширились.

— Боже мой, — прошептала она. — Во вторник вечером об этом было отправлено сообщение.

— Сообщение? — Я прохрипела. — Я не получила никакого сообщения.

— Она новенькая, так что ее, вероятно, нет в системе, — пробормотала Лиззи.

Нет, я не получила сообщение, потому что мой телефон плавал в воде во вторник вечером.

— Что происходит, ребята? — Я задохнулась, теперь в ужасе. Я нервно огляделась.

— Плей-офф сегодня, — объяснила Лиззи. — Между Томмен и Ройс.

Я тупо уставилась на нее в ответ. — А?

— Ради бога, Клэр, — простонала Лиззи. — Я не могу поверить, что ты не сказала ей!

— Я думала, она знает! — Ответила Клэр, покраснев. — Мне жаль, Шэн. Я думала, ты знаешь, что игра сегодня.

— Нет, нет, нет, — пролепетала я. — Матч в Донеголе состоится только после праздников. Который должен был начаться сегодня. — Помнишь?

— Ройс выиграл свои последние три игры, — сказала мне Лиззи тоном, пропитанным сочувствием.

По-видимому, я выглядела такой же озадаченной, как и окаменевшей, потому что Лиззи не зря бросала сочувственные взгляды.

— Победа в их последней игре поставила Ройс на второе место в таблице с Томмен, — поспешила объяснить она. — У Ройса и Томмен сегодня плей-офф, чтобы посмотреть, кто сыграет с Левиттом в финале.

Я зажала нос, пытаюсь понять, что мне говорят. — Но мы же должны были ехать в Донегал после Пасхи!

— Поездки в Донегол не будет, если мальчики не выиграют сегодня, — объяснила Клэр.

— Почему вы, ребята, не рассказали мне об этом?

— Мы не знали наверняка, когда состоится игра.

— Почему?

— Потому что Ройс играл, — предположила Лиззи. — Усложняя жизнь Томмен в надежде, что Джонни будет недоступен.

— *Что?*

— У него есть расписание, — объяснила Клэр. — Все, что он делает, связанное с регби, должно проходить через Академию. — Пожав плечами, она добавила: — Я думаю, они надеялись поймать Томмен на крючок.

— Чего они не сделали, — усмехнулась Лиззи. — К несчастью для них.

— О боже, — взволнованно прохрипела я. — Где это будет?

— Дублин, — поморщилась Клэр.

— Мне не разрешат поехать в Дублин. — Мои глаза расширились. — Если мой отец узнает...-

— Это всего лишь однодневная поездка, — прервала она меня, чтобы сказать. — Туда и обратно. Мы будем дома к десяти.

— Десять? — Я захныкала. — Сегодня вечером?

О, боже.

Я умру.

— Ребята, я не могу поехать, — прохрипела я, паникуя при мысли о том, что сказал бы

мой отец, если бы я пришел домой в 10 вечера. — У меня нет денег, и мои родители не знают...

— Мисс Линч! — взревел мистер Малкахи, прерывая Клэр и привлекая внимание всех в автобусе к нам. — Сядь!

— Я пересяду, — вмещалась Лиззи, вставая. — Шэннон, ты можешь сесть здесь...

— Сядьте, мисс Янг, — рявкнул мистер Малкахи. — Мисс Линч выбивает нас из графика своими плохими навыками учета времени. Она может найти себе место.

— Все в порядке, — выдавила я, подавленная. — Я найду место.

— Сегодня было бы здорово, — проворчал он.

С опущенной головой и нетерпеливым голосом мистера Малкахи в моем ухе мне пришлось пройти страшный путь позора, шаркая по центральному проходу со школьной сумкой за спиной, оглядываясь по сторонам, чтобы увидеть, есть ли свободное место.

Не было.

В итоге мне пришлось пройти весь путь до задней части автобуса, где укрылась команда.

Чем дальше я шла в автобусе, тем громче становилась суета.

Я хотела обернуться.

Я хотела слезть с этого автобуса и отправиться домой.

Нет, я мысленно укрепила свою решимость. Нет. Ты больше не убегаешь.

Ты в порядке.

Ты в порядке.

Кого волнует, что они пялятся на тебя.

Они тебя не знают.

Просто дыши.

Наконец, когда я добралась до задней части автобуса и увидела последний ряд, мои щеки так запылали, что я была уверена, что излучаю огонь.

Честно говоря, если бы кто-нибудь прижал рашер к моему лицу, он бы зашипел.

Весь задний ряд был заполнен членами команды по регби.

О, Господи.

Я была в опасной зоне.

Краем глаза я заметила, что место у окна справа от меня, прямо перед задним рядом, пустовало.

Вздохнув с облегчением, я крепче сжала плечевые ремни своей сумки и повернулась, чтобы проскользнуть в ряд, но сразу же остановилась, когда заметила, кто растянулся на сиденье у прохода.

Мое сердце сжалось в груди.

Джонни был в наушниках, и музыка, доносившаяся из них, была такой громкой, что я отчетливо могла разобрать, как Jay-Z поет о девяноста девяти проблемах.

Я слышу тебя, Джей-Зи...

Он не смотрел на меня.

Он ни на кого не смотрел.

Все его внимание было сосредоточено на iPod в его руках.

На сиденье рядом с ним — единственном оставшемся месте во всем автобусе — была разбросана груда сумок со снаряжением, очевидно, принадлежащих команде.

О боже.

Прочистив горло, я указала на место.

Он не поднял глаз.

Его идеально уложенные волосы были единственной частью его головы, которую я могла видеть, когда он смотрел на iPod в своих руках.

Двигатель автобуса с ревом ожил, вибрируя у меня под ногами, и началась огромная волна паники.

Я протянула руку и похлопала его по плечу, прежде чем быстро отдернуть руку.

Джонни вскинул голову, и вспышка раздражения на его лице быстро сменилась удивлением, когда он дважды взглянул на меня.

— Шэннон?

— Мне нужно сесть, — выдавила я слова, подавленная звуками свиста и вкрадчивых комментариев, исходящих от остальных парней.

Последние две ночи я боролась со своими эмоциями из-за него, почти не спала и тонула в панике и неуверенности в себе.

Теперь, когда я столкнулась с неожиданной перспективой провести несколько часов рядом с Джонни, я почувствовала, что теряю самообладание внутри.

Серьезно, у меня скрутило живот, и я была совершенно уверена, что если я не сяду в ближайшее время, меня стошнит.

Бог...

Нахмутив брови, Джонни продолжал смотреть на меня, в то время как я продолжала лепетать.

— В автобусе не осталось другого места, и водитель сейчас уезжает, поэтому мне нужно, чтобы ты пропустил меня, — я перевела взгляд с него на толпу людей, наблюдающих за нами, а затем на свободное место, — Ты можешь просто задвинуть сиденье или передвинуть сумки, так я могу сесть, пожалуйста?

— Прости, — сказал Джонни извиняющимся тоном. Он протянул руку и сдернул наушники. — Я ничего из этого не услышал.

Взрыв смеха вырвался из мальчиков в заднем ряду.

Покраснев, я указала на стопку сумок на сиденье рядом с ним и прошептала: — Мне негде сесть.

— Дерьмо, да, извини, — ответил Джонни и быстро начал бросать пакеты на пол у моих ног. — Дай мне секунду, чтобы разобраться с этим.

— Ради Бога, Линч, сядь сзади! — рявкнул мистер Малкахи с передней части автобуса. — И пристегнись!

Смущенная, я оглянулась на Клэр за помощью, но встретилась взглядом с разъяренной Беллой.

О, черт.

Она собирается убить тебя, Шэннон.

Белла Уилкинсон собирается убить тебя.

Если твой отец не сделает это первым.

Униженная, я нырнула на сиденье, пытаясь протиснуться мимо чрезмерно длинных ног Джонни, в то же время он потянулся, чтобы положить еще одну сумку.

Конечный результат был не из приятных.

Это включало в себя много взмахов, запутанных конечностей, и одно из моих колен со всей силы врезалось в его нос, и хор охов от парней вокруг нас.

— Иисус, блять, Христос, — прошипел Джонни. Откинувшись на подголовник, он обхватил лицо руками и зарычал. — Черт возьми, Шэннон!

Я прикрыла рот рукой, широко раскрыв глаза.

— Мне так жаль!

— Давай, Джонни! — крикнул один из парней с заднего ряда. — Молодец, парень.

— Отвали, Люк, — огрызнулся Джонни.

Он дважды дотронулся до носа, проверяя, нет ли крови, и когда убедился, что ее нет, издал нечто похожее на раздраженное рычание.

— Я действительно не хотела этого сделать, — выдавила я, подавленная, отчаянно безуспешно пытаюсь высвободиться из его бедер.

Это был нелегкий подвиг со школьной сумкой за спиной.

У меня в сумке было книг на целый день, так как я не могла дойти до своего шкафчика перед тем, как меня запихнули в этот автобус, а вес, привязанный к моей спине, выводил меня из равновесия.

Держась за спинку подголовника Джонни, я подняла одну ногу и попыталась перелезть через его ногу, но моя нога, должно быть, прошла в опасной близости от его области, потому что Джонни протянул руку и схватил меня за лодыжку, удерживая ногу на месте, отчего моя юбка задралась.

— Осторожно! — рявкнул он, и в его глазах вспыхнуло беспокойство. — Перестань двигаться.

Я не винила его за то, что он выглядел обеспокоенным.

Я была обузой.

Покачав головой, Джонни тяжело вздохнул, отпустил мою лодыжку, а затем встал на ноги. Это был ужасный ход, который привел к тому, что наши тела были прижаты друг к другу, не оставив ни дюйма свободного места.

— Знаешь, я бы пересел, — объяснил Джонни, не сводя с меня глаз. Мы были так близко, что я чувствовала запах его одеколона. — Если бы ты дала мне хотя бы половину шанса.

Я открыла рот, чтобы ответить, но все, что вышло, было дуновением воздуха.

Было невозможно сформулировать слова, когда я была полностью зажата между его грудью и сиденьем впереди, моя дурацкая школьная сумка не позволяла мне сбежать.

— Они будут кататься или как? — крикнул кто-то.

— Конечно, чертовски похоже на то, — хихикнул другой.

— Что, черт возьми, там происходит? — Мистер Малкахи взревел во всю мощь своих легких. — Кавана! Линч! Забирайте свои игрушки и занимайте свои места!

Все в автобусе разразились свистом и смехом.

Тем временем я умерла внутри.

— Мы, блять, стараемся! — Джонни взревел в ответ. — Дайте нам минутку, черт возьми, ладно?

— Насколько сложно сидеть на чертовом стуле, Кавана? — потребовал учитель.

— По-видимому, очень сильно, — пробормотал Джонни себе под нос, прежде чем снова обратить свое внимание на меня.

— Идите налево на счет три, — проинструктировал он. — Раз, два...

Я уставилась на него:

— Моя левая или твоя левая?

— Боже мой. — Пробормотав себе под нос череду проклятий, Джонни проворчал — Неважно, просто иди сюда, — а затем продолжил хватать меня за талию, притягивать мое тело ближе к своему — впрочем, это было вообще возможно — а затем повернул нас боком.

Он отпустил мою талию, и я практически плюхнулась на сиденье у окна, лицо пылало, тело дрожало.

Как только мы оба сели, автобус начал двигаться под нашими ногами.

— Спасибо, — прохрипела я, вжимаясь в свое место, опустив плечи.

— Без проблем, — пробормотал Джонни, откидываясь назад и касаясь переносицы. — Господи, ты немного ушиблась, не так ли?

— Ах, да, — мне удалось ответить, хотя мой голос был одновременно хриплым и пронзительным.

— Мне очень жаль, что я ударил тебя коленом по носу.

Скинув сумку с плеч, я бросила ее на пол и откинулась назад.

Джонни повернулся, чтобы посмотреть на меня, легкая улыбка тронула его губы. — Ты уверена, что не лукавила и не пыталась...

— Что — нет! — Я упиралась, качая головой. — Конечно, нет. Я действительно не хотела...а

— Расслабься, Шэннон, — усмехнулся он. — Я просто издеваюсь над тобой.

Да, он определенно издевался надо мной.

Моя способность дышать, например.

Мое неустойчивое сердцебиение было другим.

Джонни заерзал на своем сиденье, очевидно, пытаясь найти удобное положение, которое у него было до того, как я его потревожила.

— Я ненавижу путешествовать на автобусах, — объяснил он, когда, наконец, занял позицию.

Он вытянул ноги, повернув левую ногу так, чтобы она упиралась в мое колено.

Когда он не пошевелил ногой, решив оставить ее там, я заставила себя не дрожать.

Было ясно, что он делал это не нарочно.

Он был 6 футов 3 дюйма и слишком большой для того крошечного пространства, которое ему выделили.

Тем не менее, это было слишком близко.

Он был слишком близко.

Было слишком много близости.

— Ты на моей стороне, — прошептала я, подталкивая его бедро коленом, молясь о помиловании.

Этого не произошло.

Он не пошевелил ногой.

Вместо этого он приподнял бровь и бросил в ответ — Ты в моем автобусе.

Мои щеки вспыхнули ярко-красным.

Опустив голову, я сосредоточилась на том, чтобы потянуть за невидимую нить на моем школьном джемпере — единственном школьном джемпере, который сейчас виден во всем автобусе.

Записка без формы была еще одной, которую я не получил.

Бог...

— Я пошутил, — сказал Джонни, отрывая меня от моих мыслей.

— Я знаю, — ответила я, хотя и не знала.

Я не могла прочитать его.

Я была в замешательстве.

Я была взволнована.

И я хотела покинуть этот автобус.

— Итак, твой класс выбрали для участия в матче? — спросил он, предлагая немного поговорить.

Я кивнула и попыталась игнорировать ощущение его ноги на моей. — Очевидно.

Он приподнял бровь:

— Очевидно?

Я тяжело вздохнула. — Я даже не знала об этом дурацком матче, пока не зашла в школу и не попала в этот автобус.

— Дурацкий матч? — он усмехнулся. — Спасибо.

— Прости.

— Не беспокойся об этом, — ответил он. — Так ты серьезно понятия не имела о матче?

Я покачала головой.

— Понятия не имела.

— Дерьмо, — пробормотал он. — Значит, у тебя ничего с собой нет?

— У меня есть все книги, которые мне нужны для всех девяти уроков сегодня, — слабо предложила я, опустив плечи.

— Если он задержится, нам, возможно, придется остаться на ночь, — заявил он, нахмурившись.

— Что? — Я прохрипела. — Пожалуйста, не говори так.

Джонни виновато пожал плечами:

— Так случается.

— Боже, — выдохнула я.

— Хочешь сбежать домой и захватить сумку? — спросил он. — Я могу поговорить с Тренером и попросить его заехать к тебе домой...-

— Нет, — выдавила я. — Боже, нет, все в порядке.

— Ты уверена?

Я кивнула.

— Слушай, я отвезу тебя домой после матча сегодня вечером, — сказал Джонни, сильно нахмурившись. — Если это то, о чем ты беспокоишься?

— Беспокоюсь? — Я покачала головой. — Я не беспокоюсь.

— Ты выглядишь обеспокоенной, — тихо сказал он, глядя мне в глаз.

— Э-э, я просто... — Борясь с волной беспокойства, я спросила: — Могу я одолжить твой телефон, пожалуйста? — Неловко поежившись, я добавила: — Мне нужно сообщить моему брату, что я вернусь домой поздно.

А потом мне нужно попросить Джоуи организовать мои похороны, потому что я ходячая мертвая девушка.

— Не беспокойся, — ответил Джонни. Он сунул руку в карман и вытащил свой модный телефон, прежде чем вручить мне блестящее черное устройство.

— Эм. — Я уставилась на экран, ничего не понимая. — Ты можешь разблокировать его?

— Дерьмо, да, извини, — пробормотал он, протягивая руку и открывая экран.

Когда я продолжила возиться с его телефоном, он выхватил его у меня из рук и велел

мне набрать номер.

— Спасибо, — прошептала я, забирая у него телефон.

Нажав на зеленую кнопку вызова, я поднесла ее к уху и молилась, чтобы Джоуи взял трубку.

Несколько гудков спустя, и я был подключен к его автоответчику.

— Привет, это Джоуи. Ты знаешь, что делать ...

— Джо, — выдавила я, пряча лицо. — Это я — Шэннон. Я на пути в Дублин со школой. Я не вернусь до позднего вечера. Можешь рассказать маме? У него мой телефон, так что не звони на него, хорошо? Ты не сможешь связаться со мной, но я в порядке, Джо. Не беспокойся о ...

Телефон издал звуковой сигнал, давая мне знать, что мое время вышло.

Закончив разговор, я вернула Джонни его телефон и прерывисто выдохнула. — Спасибо.

— У кого твой телефон? — Спросил Джонни, убирая телефон в карман.

— О, у моего отца, — пробормотала я.

— Почему?

Я пожал плечами, но ничего не ответила.

— Что-то помнилось, — сказал он тогда.

Я тупо уставилась на него:

— А?

Он протянул руку и коснулся моей щеки.

— Макияж.

— О. — Я опустила лицо, чувствуя невероятную благодарность за косметичку на молнии, которую Клэр дала мне в среду утром. Это было на сто процентов необходимо. — Я знаю.

Джонни заерзал на своем сиденье, явно пытаюсь устроиться поудобнее.

Опустив голову, я сосредоточилась на том, чтобы потянуть за ту же невидимую нить на моем школьном джемпере.

— Ты злишься на меня?

Его вопрос сбил меня с толку, и я посмотрела в пронзительные голубые глаза.

— Злюсь на тебя?

Джонни медленно кивнул.

— За то, что я сделал в обеденном зале?

Мое сердце бешено колотилось, пока я оценивала его вопрос.

Я была смущена.

Я была неуверенна.

Мне было страшно.

Но я не злилась на него.

— Нет, — наконец ответила я. — Я не сержусь на тебя.

— Ты не вернулась, — сказал он низким голосом.

Я пожалала плечами и опустила взгляд.

— Я была нездорова.

— Теперь тебе лучше?

— Наверное, — ответила я тихим голосом.

— У тебя были месячные? — Джонни взорвал мой разум, прямо спросив.

Бог.

— Э... да. — Покраснев, я неловко поерзала. — Но сейчас я в порядке.

— Не делай этого, — сказал Джонни, нахмурившись.

— Чего не делать?

— Не смущайся. — Он толкнул меня в плечо своим. — Это естественно, Шэннон
О, боже.

Я была вне себя от смущения.

На этом этапе я балансировала на грани унижения, которое изменит мою жизнь.

— Хорошо? — Я выдавила.

Он покачал головой и ухмыльнулся.

— Ты слушала девятый трек?

Теперь я снова смутилась.

— Да, — прошептала я.

— Тебе понравилось?

— Эм. — Я пожала плечами, не зная, что сказать.

— Что случилось?

— Я не знаю, что с этим делать, правда.

Он нахмурился, ожидая объяснений.

Я неловко поерзала, прежде чем сказать: — «Fuck her Gently» Джонни уставился на меня.

— Что?

— Девятый трек на диске? — Я пожала плечами. — Это был «Fuck Her Gently» от Tenacious D.

— Черт возьми.

— Нет, это Blink 182, и это был четвертый трек, — ответила я.

— Черт.

— Нет, — поправила я. — FАСК Эминема был десятым треком

— Что — нет! — Джонни покачал головой и застонал. — Господи, что еще было на нем?

Я на мгновение задумалась, прежде чем сказать: — Довольно круто для белого парня. Pretty Fly for a White Guy, The Ballad of Chasey Laine, Stacey's Mom, The Bad Touch, Pony и еще несколько, которые я не могу вспомнить

Джонни снова застонал:

— Я дал тебе не тот диск.

— Да?

Он медленно кивнул.

— Это Гибси.

— Какой ты хотел мне дать?

У Джонни было напряженное выражение лица, когда он сказал: — Песня Maroon 5.

— О? — Я посмотрела на него. — Которая из них?

Он заерзал от дискомфорта.

— «She Will Be Loved.»

Ох.

Ого.

Когда я не ответила, потому что, честно говоря, не могла, Джонни задал мне еще

несколько случайных вопросов, явно пытаюсь завязать разговор.

Когда все, что я дала ему взамен, было парой односложных ответов, он откинулся на спинку стула, его рука коснулась моей, и вытащил свой iPod обратно.

Он возился с кнопками на причудливом экране, просматривая песню за песней, пока, наконец, не остановился на «John Mayer's Daughters.»

— Просто спроси, если ты снова захочешь воспользоваться моим телефоном, хорошо? — предложил он, прежде чем надеть наушники на уши. — Или нужно что-нибудь еще.

Он так громко включил свой iPod, что мне не нужно было доставать Дискман для развлечения, не тогда, когда я могла ясно слышать каждое слово со своего места.

Благодарная за отсрочку от его интенсивности, я прерывисто выдохнула и попыталась справиться со своими нервами.

Хотя это было нелегко.

Не с корнем всех моих тревог, сидящим рядом со мной.

И слова этой песни мучают меня.

Если бы он только знал, насколько правдивы эти слова, подумала я про себя.

Если бы только...

Глава 58. Где моя голова

Джонни

Я только что спросил ее о месячных.

Что на самом деле, черт возьми, со мной было не так?

Ты вообще должен был спрашивать девушку о ее месячных?

Я понятия не имел.

Господи, мне нужно было, чтобы врачи просканировали мой мозг, а также мои яйца, потому что там что-то болталось.

Шэннон сидела рядом со мной, ее запах был у меня в носу, ее рука касалась моей, и я с трудом мог составить связное предложение.

Серьезно, это было ненормально.

Я провел всю свою жизнь на виду, как чертова выставочная пони, и меня никогда ничто не смущало.

Но она это сделала.

Эта девушка прямо здесь сделала.

Может быть, я так долго откладывал это, что вернул себе девственность, потому что я определенно чувствовал, что вернулся к статусу девственника.

Ни один уважающий себя парень моего возраста, с моим жизненным опытом, не дрожал над девушкой.

Чертовски дрожал.

И все же, я был здесь, пытаюсь заставить свое тело успокоиться, чтобы я мог хотя бы притвориться, что я наполовину нормальный, и не пугать ее, возвращая в скорлупу, в которой ей нравилось прятаться.

Вопросы, которые сыпались из моего рта, были более чем неловкими, но я, похоже, не мог справиться с собой.

На ней был макияж.

Все лицо в кровоточащем макияже, от которого мне захотелось плакать.

Она была великолепна, даже не надевая ничего на лицо, но зная, что она была в этом на всех моих товарищах по команде, мне было не по себе.

Я знал, что они смотрели на нее.

Только за последние полчаса мне пришлось бросить на Люка убийственный взгляд, чтобы он, блять, перестал пялиться на нее со своего места в другом ряду.

Это было настолько не по порядку, что я обнаружил, что ерзаю на своем месте, чтобы закрыть её от всех остальных.

Спасибо Христу за миссис Мур, которую взяли в помощники тренеру в поездке.

Инструктор Томмен была сумасшедшей, но у нее было запланировано множество игр и упражнений по сплочению команды на три с половиной часа поездки на автобусе.

У нее даже был пакет с гребаными пасхальными яйцами и маленькими ламинированными таблицами наград в качестве призов.

Она делала это каждый раз, когда присоединялась к нам на выездной игре, и обычно я просто игнорировал женщину, пока она не сдавалась и не оставляла меня в покое.

Я всегда сидел один, чтобы она не могла поставить меня в пару с человеком рядом со мной и заставить меня выполнять эти упражнения на прокачку чувств — и, боже упаси,

время на размышления, которое она так любила.

Но сегодня?

Сегодня я обнаружил, что участвую в чертовски скучных викторинах и играх в шарады, не говоря уже о том, что я — чертов шпион.

Я знал, что Гибси, Хьюи и Фели смеялись надо мной до упаду с задней части автобуса — они знали, что я никогда не участвовал в этих играх, — но мне было насрать, потому что игра в эти игры означала, что Шэннон должна была поговорить со мной.

Каждый раз, когда я выигрывал, девушка рядом со мной улыбалась.

Каждый раз, когда я вручал ей очередное пасхальное яйцо или глупую маленькую награду, она всебольше выползала из своей скорлупы, в которой пряталась.

Это стоило тех оскорблений, которые я собирался получить от своей команды.

Она стоила всего этого.

Глава 59. Приглушенный шепот и настоящие цвета

Шэннон

Сидеть в автобусе с Джонни Кавана было неожиданно блестяще.

Когда миссис Мур, наш чудаковатый школьный консультант, призвала всех к вниманию и начала раздавать нам викторины и игры, я ожидала, что Джонни проигнорирует ее — потому что, давайте посмотрим правде в глаза, он был звездой регби.

Но это не то, что он сделал.

Нет, Джонни играл.

Поскольку мы сидели вместе, мы были объединены для игр и заданий, и нам удавалось работать вместе в странной гармонии, с легкостью завершая наши игры и занятия.

Игры, которые нам давали, были глупыми и детскими, но примерно через час я почувствовала, что полностью расслабилась с ним.

Не повредило и то, что мой партнер казался причудливым гением, который, когда каждой паре давали кубик Рубика для решения, с легкостью справился с нашей задачей менее чем за десять минут.

Это было действительно впечатляюще, учитывая, что ни один другой человек в автобусе не решил их куб.

Каждый тест, который нам давали, или соревновательное задание с другими парами, мы выигрывали.

Что ж, Джонни победил.

Но он был моим товарищем по команде, так что это означало, что я тоже выиграла.

Я никогда в жизни не выигрывала столько бессмысленных соревнований — или пасхальных яиц.

На самом деле, я никогда ничего не выигрывала до сегодняшнего дня.

У нас была стопка из двенадцати шоколадных яиц на полу, потому что парень, казалось, просто сиял и преуспевал во всем, к чему он стремился.

Двенадцать яиц.

Тадхг, Олли и Шон будут в восторге.

С Джонни было так весело, и я так увлеклась игрой с ним, что у меня не было времени беспокоиться.

Одновременно любопытная и заинтригованная, я изучала его во время наших сеансов размышления — что на самом деле любила делать миссис Мур — впитывая каждую мелочь, отмечая избранное разнообразие песен, которые он слушал, и то, как он рассчитывал время приема пищи, и сколько раз он барабанил пальцем по своему бедру.

Он казался холодным, спокойным и собранным, но если вы посмотрите глубже, вы увидите, что он был похож на зверя в клетке внутри этого автобуса.

Джонни был слишком большим для этого места, слишком низкорослым в крошечных рядах, слишком широким, чтобы быть по-настоящему удобным, и он бунтовал, растягиваясь при любой возможности, независимо от того, касался он меня или нет.

Я была уверена, что он делает это, потому что ему нужно было вытянуть свои длинные ноги.

Во время нашего первого сеанса размышлений, через сорок минут после начала поездки, Джонни полез в сумку и достал дорогую на вид бутылку из-под шейкера,

содержимое которой он осушил за считанные секунды.

Во время следующего сеанса он посмотрел на часы и съел банан.

После этого он еще раз проверил время и съел протеиновый батончик.

Я была слишком осведомлена о нем, но быть им было невозможно.

Когда водитель автобуса остановился на какой-то заправочной станции через два часа пути, остальная часть команды и ученики поспешили в туалет и купить какие-либо принадлежности, но Джонни не вышел из автобуса.

— Хочешь зайти в магазин? — спросил он, предлагая мне подвинуться.

Я мотнула головой:

— Нет, все в порядке, я не голодна.

И у меня нет денег.

— Ты уверена? — спросил он, опускаясь обратно на свое место, задевая мои ноги в процессе. — Я могу тебе кое — что купить, если ты ...

— Нет, нет, мне ничего не нужно, — быстро оборвала я его. — Спасибо за предложение.

— Если ты уверена?

— Да.

Затем Джонни полез в свою бесконечную сумку с припасами и достал герметичный контейнер и вилку.

Краем глаза я наблюдала, как он снял крышку, открыв набор тушеных овощей, четыре простые куриные грудки без кожи и пару пакетиков черного молотого перца.

— Ты собираешься разогреть? Я услышала свой вопрос, мой рот спрашивал без разрешения моего мозга.

— Зачем? — Он повернулся и ухмыльнулся мне. — У тебя в сумке есть микроволновка?

— Нет, но у них может быть в магазине, — заявила я, заставляя себя не отводить взгляд. — Будет вкуснее, если оно теплое.

— Не, я к этому привык, — ответил он, а затем отправил вилку в рот. — Кроме того, я ем для топлива, а не для вкуса.

— Это звучит ужасно, — выпалила я.

Джонни ухмыльнулся между укусами. — Это то, что есть.

— Не хочешь пойти посидеть с ними за ланчем? — Я указала в окно, где группа товарищей Джонни по команде сидела за столом для пикника возле магазина, жуя и болтая. — Я не против, — добавила я, не желая, чтобы он чувствовал, что должен оставаться здесь со мной, когда все его друзья были там вместе.

— Я счастлив здесь, — быстро отмахнулся он.

— Тебе действительно никогда не разрешают есть нормальную пищу? — Я не могла удержаться от вопроса, вспомнив, что он сказал мне в тот день в пабе. — Я знаю, что ты тренируешься, — я сморщила нос от этой мысли, прежде чем добавить: — Но у тебя серьезно никогда не бывает выходного дня?

Теперь Джонни повернулся и посмотрел на меня.

— Ты не считаешь курицу и овощи нормальной едой?

— Ну, да, конечно, считаю, — пробормотала я, подавляя свой дискомфорт. — Но все остальные парни в вашей команде едят рулеты из куриного филе и деликатесы. И ты ешь заранее упакованную еду.

— Да, ну, у всех остальных парней в команде нет стервозного диетолога, с которым

нужно было бы бороться, — объяснил он между укусами. — Или грузовик тренеров и скаутов, дышащих им в затылок.

Ха.

Я на мгновение задумалась об этом.

— Ты не возражаешь? — Тогда я спросила.

Он ухмыльнулся.

— Нет, детка, я не против.

Мое сердце остановилось в груди.

Лицо Джонни вспыхнуло, и он покачал головой. — Я имею в виду ...

— Все в порядке, — прошептала я. — Все в порядке.

Он посмотрел на меня с выражением боли, а затем тяжело выдохнул.

Покачав головой, он засунул коробку с ланчем обратно в сумку и потер лоб.

Отчаянно пытаюсь разорвать липкое напряжение, окутывающее нас, я выпалила: — Научи меня регби.

Джонни посмотрел на меня с удивлением. — Ты хочешь, чтобы я... — Его голос затих, и он выгнул бровь. — Почему?

— Меня заставляют снова смотреть, как вы, ребята, играете, — ответила я. — Я должна знать, что я смотрю. — Пожав плечами, я добавила: — Например, на какой позиции ты играешь в команде?

— Я играю в центре, — объяснил он, все еще глядя на меня с озадаченным выражением. — Внешний центр мне удобнее всего.

— Хорошо. — Я кивнула, впитывая информацию. — Итак, ты участвуешь в схватках и все такое?

Джонни фыркнул.

— Что? — Я отстреливалась, — Я смотрела только одну из ваших игр, и правила и позиции прошли мимо моей головы. Я уже говорила тебе, что я девушка из GAA.

— Я знаю. — Посмеиваясь, он поднял руки вверх и сказала: — Я не осуждаю.

— Но ты смеешься, — предостерегла я.

Он долго смотрел на меня, прежде чем спросить: — Ты действительно хочешь, чтобы я тебя научил?

Я кивнула:

— Я хочу знать.

Джонни выдохнул и кивнул. — Почему бы и нет, — размышлял он. — Это поможет скоротать время до следующего дерьмового задания, которое дает нам сумасшедшая.

— Я думаю, это медитация, когда мы снова в пути, — хихикнула я.

— Остановись, — Джонни вздрогнул. — У тебя в сумке есть ручка и бумага?

Я нахмурилась на его просьбу, но не стала задавать вопросов.

Вместо этого я сунула руку в передний карман своей школьной сумки, достала маленький блокнот и ручку и протянула их ему.

— Что это за хуйня? — Спросил Джонни, уставившись на розовый пушистый шарик, болтающийся на ручке — Добро пожаловать в Томмен, которую Клэр купила мне. — Христос. Он щелкнул шариком, заставив его заискриться, затем перевел обвиняющий взгляд на меня. — Не могла бы ты быть еще более похожей на девочку?

— Ты сказал, что не будешь судить, — пробормотала я, чувствуя, как горят мои щеки. — А я — девочка.

— Правильно. — Покачивая головой, он обратил свое внимание на мой блокнот. — Давай сделаем это, — объявил он, прочищая горло. — Готовься к обучению. — Он одарил меня снисходительной улыбкой, прежде чем добавить: — Снова.

Я усмехнулась.

— Я вся во внимание.

Джонни открыл мой блокнот на чистой странице и начал набрасывать сетку с пятнадцатью маленькими ячейками, объясняя по ходу работы.

Внутри каждой коробки он записал такие слова, как Фланкер, Проститутка, Правый фланг, Левый фланг, а затем объяснил каждую позицию.

Рядом с каждой коробкой он приписал номер.

Рядом с коробкой с надписью OutsideCenter он написал 13.

— Внешний центр — это ты, верно? — Я спросила. — Ты 13?

Джонни кивнул.

— Некоторым не повезло, — размышляла я.

— Не для меня, — ответил он с усмешкой.

— И вот твоя возможность изобразить скромность пропала.

— В этом нет смысла, — ответил он, небрежно пожав плечами. — Я такой, какой я есть, и я не приношу извинений за это. — Он слегка постучал ручкой по моему носу. — Теперь сосредоточься.

Итак, я это сделала.

— У вас есть свои нападающие: номера с 1 по 8. Итак, это твои два реквизита, два фланкера, твоя проститутка, твои два замка и твой номер 8. Эти парни обычно самые большие и тяжелые игроки, — объяснил он, делая небольшие заметки.

Почерк Джонни был на удивление аккуратным для парня; мелкий, но разборчивый.

Я отложила этот фрагмент информации в памяти на хранение.

— И тогда у вас есть свои спины, — объявил он, снова привлекая мое внимание к нему. — Номера с 9 по 15. Это ваша половина схватки, половина полета, ваши два центра, два вингера и ваш крайний защитник. Они меньше, легче и, как правило, быстрее всех игроков в команде. — С удовлетворенным вздохом он помахал рукой перед страницей. — И вот оно; пятнадцать позиций, которые составляют команду по регби.

— Значит, эти ребята — нападающие? — Спросила я, указывая на цифры от 1 до 8.

Джонни кивнул:

— Точно.

— Как в футболе?

— Нет, не так, как в *футболе*, — он практически подавился словами, потрясенный. — Нет ничего лучше *футбола*.

— Gaelic?

— «Нет», — проворчал он, пощипывая переносицу.

— «Hurling»?

— Что — нет! Хватит болтать. — Взволнованный, он провел рукой по волосам и зарычал. — Забудь на время о других видах спорта и просто слушай.

— Прошлой ночью ты не был таким властным учителем, — проворчала я.

— И тогда ты тоже не была такой старательной ученицей, — парировал он, постукивая ручкой по блокноту. — Теперь сосредоточься. — Разочарованно выдохнув, он сказал: — В регби защитники располагаются позади нападающих в начале игры. Это норма. Вот как это

происходит.

— Итак, все эти ребята здесь образуют схватку? — Я спросила, указывая на цифры от 1 до 8. — Нападающие? — Нахмурившись, я добавил: — И они связывают, устанавливают и взаимодействуют с другой командой, когда судья объявляет схватку?

— Да, — согласился он, ободряюще кивая.

— Что такое переплет? — Спросила я, вспоминая, что Клэр, Хелен и Шелли рассказали мне о том, что шестикурсницы устроили соревнование по его связыванию.

— Переплет — это когда твой первый ряд соединяется с первым рядом соперника, — объяснил Джонни.

— Как крушение вместе? — Я спросила. — Соединение силой?

— Это немного сложнее и техничнее, чем это, но да, — ответил он, сморщив нос при этой мысли. — Ради нашего урока, давай просто назовем это так?

Я нахмурилась от этой идеи, не находя ее ни капельки заманчивой, прежде чем спросить — И половина схватки бросает мяч в схватку?

— Точно.

— И мяч должен все время разыгрываться задом наперед и позади игроков? Передача вперед или бросок приводят к пенальти?

— Да. — Его глаза загорелись. — Это действительно хорошо, Шэннон.

Я покраснела от похвалы.

Воодушевленная, я внимательно слушала его.

Регби, казалось, было его жизнью, и я хотела узнать об этом все.

Каждая крошечная, малюсенькая, незначительная деталь.

Это было жалко на всех уровнях, но я утешала себя, говоря себе, что это был безобидный способ скоротать время.

Джонни продолжал говорить, пытаясь научить меня правилам игры и ролям каждого отдельного игрока, не говоря уже о разных играх и формациях.

Честно говоря, нужно было усвоить огромное количество информации, и многое из этого прошло мимо моей головы, но когда он начал объяснять о роли центра, я внимательно слушала.

— Итак, в команде у вас есть два центра — внутренний центр и внешний центр. Игра в центре означает, что моя работа заключается в разрушении оборонительной линии соперника, — объяснил он. — Мы также должны сохранять свою линию обороны, читать игру соперника, предугадывать направление мяча, знать, когда нужно атаковать в обороне, а когда нет.

— Это звучит невероятно сложно, — призналась я, чувствуя себя немного ошеломленной и пораженной.

— Это нелегкая должность, за которую нужно отвечать, — согласился Джонни. — Все говорят о флай-тайме, но два центровых имеют первостепенное значение для игры. Я думаю, можно сказать, что они полузащитники команды по регби.

— Но ты сказал, что ты был защитником.

— Я — спина.

— Но ты только что сказал, что ты полузащитник.

— Да.

— Как?

— Иисус, пожалуйста, перестань задавать вопросы и выслушай меня. — Джонни

ущипнул себя за переносицу и пробормотал несколько ругательств себе под нос. — Я объясняю это, как могу, Шэннон.

— Прости, — пробормотала я. — Не злись на меня за это.

— Я не сержусь на тебя. Я пытаюсь ... — Джонни резко остановился и сделал глубокий вдох, прежде чем попробовать снова. — Помимо 9 и 10, которые, как правило, контролируют игру, скорость и направление игры, центральные являются плеймейкерами, — объяснил он, теперь уже более мягким тоном. — Мы защищаем флай-тайм, остерегаемся скрам-тайма, принимаем удары от нападающих соперника, которые, черт возьми, намного крупнее нас. Мы меньше, быстрее и проворнее нападающих. Мы должны быть готовы играть в быстрый мяч, поддерживать связь с другими членами нашей команды и помогать им.

— Но... — Я подняла руку и подождала, пока он даст мне добро, прежде чем продолжить: — головой, как ты играешь. Ты самый большой парень в команде.

Джонни покачал головой, губы дернулись. — Это школьное регби. Большинство парней в школьных лигах играют ради развлечения. В профессиональном соревновательном регби я не самый большой парень.

— Но ты огромный! — Я воскликнула.

— Я высокий, — поправил он, прежде чем быстро продолжить. — Скорость жизненно важна для центрового. Мне нужно быть проворным на ногах и ускоряться до чертиков, когда появляется возможность.

Я думала, что Джонни был массивным, но что я знала?

Видимо, не очень.

— Держать и защищать — это моя работа как 13-го, — сказал он. — Держите оборону и защищайте ее. Соревнование на земле или перекручивание рук. Это тоже моя забота, — добавил он. — 12 и 13 играют близко друг к другу.

— Кто твой 12-й в школьной команде?

Джонни наклонил голову в сторону группы мальчиков. — Патрик Фели.

— О. -Я кивнула. — И вы, ребята, хорошие друзья, верно?

Он кивнул:

— Да, он хороший приятель. Я постоянно слежу за Фели и наоборот. Если мяч у него, я должен быть на его заднице, готовый принять передачу и извлечь выгоду, соединившись с одним из крыльев.

— Крыльев?

— 11 и 14, - объяснил он.

Я кивнула. — Хорошо. 11 и 14 — это крылья.

— Именно. Теперь необходимо доверие между двумя центрами — 12 и 13, - объяснил он. — Вам нужно иметь полную, блять, веру друг в друга, знать своего партнера как свои пять пальцев, читать его, языки его тела — черт возьми, вам нужно время от времени читать его мысли.

— Почему?

— Потому что, если я беру соперника на себя, я завишу от 12, чтобы контролировать внутри, и наоборот. Если один из нас облажается, страдает другой, в результате чего страдает вся команда. — Он тяжело вздохнул, — Это тесное партнерство, которое нуждается в прозрачном общении.

— Ты не мог бы немного облегчить себе жизнь, не так ли? — Я вздохнула, чувствуя себя

запуганной. — Ты должен был выбрать самую сложную позицию в команде...

— Каждая позиция сложна, — сказал он. — Как спицы в колесе, если один рухнет, мы все рухнем.

— Ты бьешь?

Джонни пожал плечами.

— Я могу, и я бью, когда мне нужно, например, удары по линии или нечетные грабберы, но это не большая часть моей игры.

— Грабберы?

— Поле для удара, за которым нужно гоняться.

— Но ты не часто это делаешь?

— Не особо.

— Почему нет?

— Потому что я обычно занят борьбой за мяч и защитой линии. Мне нужно уметь противостоять сопернику как в атаке, так и в защите. Моетело должно быть готово к ударам, которые я получаю, а я получаю чертовски много ударов, Шэннон.

— Зачем ты это делаешь?

— Что ты имеешь в виду?

— Регби, — объяснила я. — Зачем ты это делаешь?

— Мне это нравится, — просто ответил он. — Всем нам. Физический характер игры. Выброс адреналина. Давление. Награды. Я чертовски люблю эту игру.

Я люблю тебя, чуть не выпалила я, вовремя сдержав три ужасающих слова.

Боже мой!

Откуда это взялось?

Я не любила Джонни.

Я даже не знала его.

И, конечно, то, что я знала о нем, он был хорошим, достойным, красивым, но это никоим образом не означало, что я испытывала к Джонни что-то более глубокое, чем очевидное физическое влечение и подростковое увлечение.

Это было смешно.

Я была смешной.

Перестань лгать себе, прошипел мой мозг, ты любишь его каждой частичкой своего разбитого сердца...

Пораженной и дезориентированной от тревожной мысли, мне потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, что он все еще разговаривает со мной.

— ... тебе поручена тонна дополнительной ерунды, о которой я не собираюсь вдаваться в подробности и утомлять тебя, — мне удалось поймать его слова.

Он снова переминался с ноги на ногу, вытянув ноги под неудобным углом.

— Ты в порядке? — Я спросила.

— Да. — Он опустил руку к бедру, но быстро отдернул ее, бросив на меня настороженный взгляд. — Я серьезно ненавижу эти долгие поездки на автобусе, — сказал он в качестве объяснения. — Мне слишком тесно.

— Так вот почему ты предпочитаешь сидеть один? — Я предложила, давая ему выход. — Для пространства для ног?

— Да. — Джонни кивнул, его глаза вспыхнули с облегчением. — С моим размером это просто проще.

— Ты тоже сидишь один на своих уроках?

Он кивнул.

— Да, мне так больше нравится.

— Почему?

— Потому что я широкоплечий, — ответил он. — И эти столы чертовски узкие.

Он был широкоплечим.

Он был огромен.

И красив.

Джонни искоса взглянул на меня, ухмыляясь, и сказал: — Я бы все же посидел с тобой.

Мое сердце подпрыгнуло в груди.

— Правда?

Он ухмыльнулся.

— Ты такая крошечная, что не в счет.

Я тяжело вздохнула:

— Я все еще считать.

— Ты знаешь, что я имею в виду, — тихо рассмеялся он. — Нет никакой борьбы за пространство для ног. — Он посмотрел на мои ноги, всееще улыбаясь, и поддразнил: — Твои ноги вообще касаются пола?

— Конечно, — подтвердила я, затем быстро нащупала землю пальцами ног, чтобы убедиться, что я права. — Видишь? — Я откинулась назад, с радостью обнаружив, что на самом деле была права. Конечно, мои пальцы ног едва касались пола, но был определенный контакт с носком. — Ха-ха.

— Ха-ха? — Джонни откинул голову назад и рассмеялся. — Тебе четыре года?

— Говорит парень, который шутит надо мной из-за моего роста, — ответила я, одарив его своим лучшим возмущенным взглядом.

— Я всего лишь констатирую факты, — невинно ответил он. Озорная ухмылка появилась на его лице, прежде чем он добавил: — Я почти ожидал, что ты возьмешь с собой в автобус кресло-бустер.

Вопреки здравому смыслу, я выдавила улыбку на его замечание.

В его тоне было что-то, что убедило меня, что это не мстительное поведение.

Джонни был игривым.

Это было странно, неожиданно и удивительно долгожданно.

— Я решила оставить его дома, — ответила я, впечатлив саму себя. — Слава богу, я это сделала, потому что здесь едва хватает места для твоего эго.

— Шэннон Линч умеет подшучивать. — Джонни откинулся назад, как звучало, так и выглядело неохотно впечатленным. — Кто бы мог подумать?

— Ну, очевидно, не ты. — Я мило улыбнулась ему, игнорируя трепет в животе, когда он произнес мое имя, когда мое тело медленно расслабилось, и мое чувство юмора выглянуло из-за моих заоблачных защитных стен, заинтригованная убедительными уговорами этого парня.

— Ну и дерьмо. — Теперь Джонни улыбался. — Ты саркастичная маленькая штучка, когда хочешь ею быть, не так ли?

Почувствовав внезапный прилив игривости, я пожала плечами и сказала: — Я знаю, что ты — да, но я?

— Теперь ты ведешь себя как сучка.

— Я знаю, что ты — да, но я? — Я повторила, ухмыляясь.

— Палки и камни переломают мне кости — пошутил он, подыгрывая сейчас. — Но девочки никогда не причинят мне вреда.

— Эти слова никогда не причинят мне боли, — поправила я, обнаружив, что повторяю его улыбку. — Не девочки.

— Не в моем мире, — ответил он с тихим смешком.

— Лжец, лжец, — выпалила я, — у тебя горят штаны.

У него вырвалось громкое фырканье.

— Я полагаю, ты собираешься выдать мне весь следующий спил «сука означает собаку, собака означает природу, а природа означает красоту? — он хихикнул.

— Зависит от обстоятельств, — бросила я вызов, чувствуя себя одновременно непринужденно и напряженно рядом с ним.

Я начала понимать, что всякий раз, когда я была с ним, меня захлестывала бурная волна эмоций.

Волна эмоций, которая заставила меня чувствовать себя одновременно больной от нервов и головокружительной от волнения одновременно.

Для меня это не имело смысла.

Но его улыбки вызывали привыкание.

Чем больше он предлагал, тем больше я жаждала.

Джонни наклонился ближе, его глаза блестели от возбуждения.

— От чего именно?

— От того, называешь ты меня сукой или нет, — дополнила я.

— Я бы и не мечтал об этом, — саркастически возразил Джонни. — Кроме того, если бы я это сделал, ты бы, вероятно, рассказала обо мне моей маме.

— Ты же знаешь, я не хотела этого делать, — запротестовала я. — Я никогда не хотела, чтобы у тебя с кем-то были проблемы.

— Конечно, — настаивал Джонни, дразня меня подмигиванием. — Всякий раз, когда ты рядом со мной, неприятности быстро следуют. — Он ухмыльнулся, показав ямочки на обеих щеках. — Если бы я не знал ничего лучше, я бы подумал, что тебе нравится доводить меня до белого каления авторитетом.

Я не была настолько наивной, чтобы не признать тот факт, что этот разговор стирал грань между подшучиванием и флиртом.

По крайней мере, я так себя чувствовала.

Джонни, вероятно, даже не думал об этом в таком ключе.

Впрочем, это не имело значения, потому что, когда он смотрел на меня вот так, с улыбкой и интересом в глазах, я не могла удержаться и не подыграть ему.

Я заставила себя покраснеть и ответила: — Это неправда.

— О, нет? — Он еще раз дразняще подмигнул мне, прежде чем добавить: — Ну и кто эта лгунья с горящими штанами?

— Это все равно будешь ты, — ответила я. — И я не надену розовое.

Он нахмурился в замешательстве:

— А?

— Розовый, чтобы мальчики подмигивали, — пояснила я, чувствуя себя самодовольной, что подставила ему подножку в этой маленькой игре, в которую мы, похоже, играли. — Я ношу голубое, а не розовое. Не нужно мне подмигивать.

С дьявольской ухмылкой на лице Джонни наклонился к моему уху и прошептал: — Думаю, я могу заставить твои красивые щечки порозоветь.

Я стала алой.

— Ч-что?

— Слишком просто, — засмеялся он, полностью довольный собой.

Прекрасно понимая, что он одержал верх, но не смог достойно ответить на, к сожалению, точную оценку, я решила показать ему язык.

Взгляд Джонни упал на мой рот, в его глазах плясали озорные огоньки, когда он сказал: — Продолжай показывать мне свой язык, и я его поймаю.

Я снова высунула язык и уставилась на него.

— Да, точно.

— Попробуй, — осмелился он, ухмыляясь. — Продолжай.

Мои глаза расширились, и я дернулась назад.

Я не верила, что он не выполнит угрозу.

Моя реакция только заставила Джонни смеяться сильнее.

— Перестань так на меня смотреть, — приказал он, прижимая руку к боку, чтобы удержаться от смеха.

— Например, как? Я ничего не делаю! — Возразила я, не в силах сдержать улыбку, расплзающуюся по моим губам. — Это ты угрожаешь вырвать мне язык.

— Это из-за твоих широко раскрытых глаз и нервного взгляда, — объяснил Джонни, всееще смеясь про себя. — Не волнуйся, — задумчиво произнес он, улыбаясь мне сверху вниз. — Я не буду красть твой язык.

Я изобразил недоверие:

— Я не уверена, что верю тебе.

— Ты мне веришь, — подтвердил он.

— О, я верю? — Я выгнула бровь. — Почему ты так уверен?

— Потому что ты мне доверяешь, — ответил он с огромной мегаваттной улыбкой.

— Я никому не доверяю, Джонни, — тихо поправила я, чувствуя, как мое беззаботное настроение испаряется в воздухе, сменяясь знакомой тяжестью отчаяния, которая нависла над моей головой, как постоянная дождевая туча.

Джонни долго молчал, очевидно, обдумывая мои слова.

— Из-за чего-то, что произошло? — он, наконец, спросил. — В твоём прошлом?

— Из-за многих вещей, — это все, что я ответила, не в силах и не желая давать ему больше.

— Плохие вещи? — он нажал, голос низкий и испытующий.

— Личные вещи, — прохрипела я, не любя внезапный и серьезный оборот, который принял этот разговор. Я прочистила горло, а затем добавила: — приватные вещи.

— Вещи, из-за которых людям трудно доверять, — наконец предположил Джонни, внимательно наблюдая за мной.

— Нет. — Покачав головой, я крепко сжала руки и тяжело выдохнула. — Вещи, которые делают доверие к людям невозможным.

— Ты хочешь поговорить об этом?

Я покачала головой.

— Ты знаешь, что они говорят об общей проблеме, — настаивал он.

— Не всегда, — прошептала я.

Он долго изучал меня, очевидно, обдумывая мои слова.

— Хочешь знать, что я думаю? — он, наконец, спросил.

— Давай.

— Я думаю, что ты не хочешь никому доверять, — заявил он, продолжая настаивать на большем. — Но ты доверяешь мне вопреки себе.

Я открыла рот, чтобы отрицать это, но остановилась, озадаченная его словами.

Был ли он прав?

Доверяла ли я ему?

Возможно, я делала это по-своему необычно.

Я имею в виду, я верила, что он не будет намеренно пытаться причинить мне боль или саботировать меня.

Я верила, что он хороший человек с добрым сердцем и прекрасным умом.

Но всеостальное?

Страшные части?

Ужасающие чувства, которые он вызывал, о которых я не осмеливалась даже читать из-за страха перед неизвестным?

Я не была так уверена.

— Потому что ты можешь, Шэннон, — голос Джонни прорвался сквозь мои мысли. — Ты можешь доверять мне. — Его пристальный взгляд был прикован к моему, его поразительно напряженные голубые глаза прожигали дыры внутри меня. — Я не причиню тебе вреда.

— Я тебя не боюсь, — парировала я, защищаясь, чувствуя себя сбитой с толку его пугающе точной оценкой.

— Хорошо, — спокойно ответил Джонни, глядя мне в глаза. — Я не хочу, чтобы ты боялась.

— Ну, я не боюсь.

— Я рад.

Чувствуя себя невероятно незащищенной и уязвимой, я просто сидела, не в силах составить связное предложение, и смотрела на парня, который с самого первого дня бросал мое сердце через край.

Он тебя подведет, — утверждала защитная часть моего мозга. *Он причинит тебе боль больше, чем все остальные.*

— Я не буду, — заявил Джонни, по-видимому, способный читать мои мысли. — Все, к чему ты привыкла, — продолжил он, глядя мне в глаза. — Или к кому ты привыкла. Что бы ни было причиной этого печального взгляда в твоих глазах ... — он сделал паузу, чтобы провести большим пальцем по моей скуле. — Это не я, я не такой, и я не поступлю так с тобой.

— Ты обещаешь? — Прошептала я, затем быстро упрекнула себя.

Когда я волновалась, я всегда просила обещания.

Это была ужасная привычка, которую я приобрела, проведя годы своей жизни в постоянном состоянии неопределенного беспокойства.

Обычно я просила у своего брата таких обещаний, и Джоуи снабдил меня ими в изобилии, чтобы немного снять стресс.

Хотел ли мой брат сдерживать эти обещания или нет, это маленькое подтверждение, каким бы невозможным или нелепым оно ни было, на какое-то время успокоило что-то

внутри меня, сделав жизнь немного более сносной.

— Я обещаю, — удивил меня Джонни, сказав.

В тот момент, и этими двумя короткими словами Джонни Кавана, сам того не ведая, пробил дыру в стене вокруг моего сердца.

— Пожалуйста, не делай этого, — умоляю я, отчаянно пытаюсь залатать дыру, которую он оставил во мне, с помощью убеждений вроде: *«Не привязывайся, потому что он скоро уйдет, и прошлых событий, таких как ночь, когда он причинил мне боль, или, что еще хуже, ночь, когда он отверг меня».*

Джонни нахмурился:

— Не делать что?

— Не давай обещания, — выдохнула я, сердце колотилось о грудную клетку. — Пожалуйста, не надо.

— Я только что сделал это, — сказал он мне без извинений. — Оно уже там, и я не заберу это обратно.

Мой желудок перевернулся.

Мое сердце сжалось.

Все мое тело дрожало.

Это небезопасно, предупредил мой мозг.

Игнорируй его.

Защити себя.

Не впускай его.

— Я не беру назад свое слово, Шэннон, — добавил Джонни. — Так что тебе просто придется с этим смириться.

Затем он переключил свое внимание на блокнот, который все еще держал в руках, и начал что-то яростно черкать внутри, прежде чем вернуть его мне примерно через минуту.

— Что ты скажешь? — спросил он с ухмылкой.

Я взглянула на страницу и подавила смех.

Аккуратными заглавными буквами были написаны слова: *Шэннон, как река.*
Пожалуйста, будь моим другом?

Под надписью были нарисованы две нарисованные от руки коробки.

На одной коробке было написано «да», а на другой — «нет».

В поле «да» был смайлик.

У коробки «нет» было грустное лицо.

Внизу страницы были слова: *Подписано* рядом со слегка изогнутой строкой с его подписью, нацарапанной поперек нее. Под строкой с именем Джонни была пустая строка для моего имени, и он датировал записку 10 января 2005 года, мой первый день в Томмен.

Примечание, в котором говорится: *Шэннон обещает не подавать в суд на Джонни, когда он подпишет контракт с «the pros», за любые травмы, которые он мог или не мог причинить ей в день, указанный выше. «Это действительное заявление об отказе от ответственности, я тебя не обсираю»* — заняло последние несколько строк страницы.

Это было смешно, восхитительно, и я не могла стереть глупую улыбку со своего лица.

— Честно говоря, я думаю, что мы были друзьями какое-то время, — сказал Джонни с мальчишеской улыбкой. — Я просто записываю это на бумаге, чтобы избежать меня в школе.

— Я не избегала тебя в школе, — быстро опровергла я, слишком быстро.

Джонни выгнул бровь, и взгляд, который он бросил на меня, кричал о том, что я несу

ерунду.

— Хорошо, я избегала тебя в школе. — Я призналась, униженная.

— Я люблю честность, — подбодрил он с дразнящей ноткой в голосе. — Это основа крепкой дружбы.

Я засмеялась и улыбнулась, глядя на записку.

— И ты действительно хочешь, чтобы я это подписала?

— Я приложил много воображения, составляя это, — парировал Джонни. — Я был бы оскорблен, если бы ты этого не сделала.

Я покачала головой и сдержала улыбку.

— Ты смешон.

— Справедливое предупреждение, тем не менее, — усмехнулся он. — У меня нет сестер, и я никогда раньше не дружил с девушками, поэтому, если я облажаюсь или скажу что-то не то, тебе нужно набраться терпения.

— Ну, у меня много братьев, — ответила я, — так что я привыкла, что мальчики говорят неправильные вещи.

Поставив галочку «да», я подписала страницу своим именем, а затем вырвала ее из блокнота, прежде чем вернуть Джонни.

Улыбка, которой наградил меня Джонни, была широкой, искренней и потрясающе красивой.

Боже, он выглядел совсем другим человеком, когда улыбался.

Все его лицо преобразилось.

Его глаза загорелись.

На его щеках были видны ямочки.

Он был просто прекрасен, и я чуть было не сказала ему об этом.

К счастью, я вовремя остановила себя, собравшись с силами: — Ты выглядишь великолепно.

Брови Джонни взлетели вверх, выражение лица насмешливое, в то время как я глубже опустилась на свое место.

— Я выгляжу *великолепно*? — спросил он, с интересом наблюдая за мной, легкая улыбка все еще дразнила его губы.

— В отличном состоянии, — быстро поправила я, а затем несколько раз откашлялась, выигрывая время, чтобы придумать ложь, прежде чем найти ее и добавить — Учитывая, что у тебя такая серьезная травма.

Вспышка паники осветила его глаза на краткий миг, прежде чем ставни захлопнулись.

И вот так игривая, нежная версия Джонни исчезла.

— Не лезь туда, Шэннон, — предупредил он, его улыбающиеся губы сжались в тонкую линию, а все его тело заметно напряглось. Он огляделся, заметив очередь учеников, набивающихся в автобус, прежде чем снова обратить свое внимание на меня. — И особенно не здесь.

Его реакция была похожа на пощечину.

— Ты в порядке? — Спросила я, ненавидя то, как неуверенно я звучала. — Ты же знаешь, я не имела в виду ...

— Я в порядке, — закончил он за меня. — И я знаю. Все в порядке. Я просто... я не могу... пожалуйста, забудь об этом.

Отказ и увольнение никогда не были приятными чувствами, которые можно было

терпеть, и именно это случалось со мной всякий раз, когда я по глупости открывалась этому парню.

У него был талант подбадривать меня словами, улыбками и ложной надеждой, только чтобы не сокрушить меня молчанием.

Это было большее, чем должно быть.

Это раздавило меня.

Затем несколько студентов вернулись в автобус, и их громкая болтовня отвлекла нас обоих.

— Как раз вовремя, черт возьми, — пробормотал Джонни себе под нос.

Съжившись от его внезапной смены настроения, я сосредоточилась на очереди учеников, которые встолпились обратно в автобус.

Несколько парней из команды проходили мимо нашего места, останавливаясь, чтобы похлопать Джонни по плечу, когда они уходили.

Он проигнорировал их всех, сосредоточив свое внимание на листе бумаги в своих руках.

— Обмениваетесь любовными письмами? — Насмехался Гибси, спускаясь в заднюю часть автобуса. — Как романтично!

— Иди нахуй, Гибс, — раздраженно ответил Джонни, сложив записку и сунув ее в карман. — Я сегодня не в форме для твоего дерьма.

— Да, ну, я бы сказал тебе, чтобы ты пошел нахуй, но я вижу, что ты уже справился с этим, — со смехом отозвался Гибси.

Его комментарий привлек много внимания со стороны других учеников, которые решили вскочить на подножку и выкинуть наводящие на размышления комментарии.

— Видите это, ребята? Они остались в автобусе, когда мы выходили.

— Она не была голодна.

— А ну, выкладывай!

Встревоженная, я потянулась, чтобы найти Клэр и Лиззи, молясь, чтобы кто-нибудь из них поменялся со мной местами, но быстро откинулась на спинку сиденья, когда мой взгляд упал на Ронана Макгэрри в двух рядах на противоположной стороне автобуса. Еще на дюжину рядов выше была Белла.

Чувствуя себя в ловушке, я посмотрела на Джонни, который повернулся на своем месте и обменивался словесными оскорблениями с парнями в заднем ряду позади нас.

— Он забивает на поле, он забивает в автобусе. Сколько попыток ты забил на ее линию ворот, Джонни?

Я вспыхнула от смущения и опустила голову, быстро усвоив, что проводить сколько угодно времени с Джонни — значит быть объектом большого внимания.

Нежелательного внимания.

Я не совсем расслышала, что было сказано дальше, но Джонни вскочил со своего места и направился в заднюю часть автобуса, поэтому я предположила, что это было явное разнообразие слов.

Я не осмелилась посмотреть.

Вместо этого я опустила голову и уставилась на свои дрожащие руки.

— Что, черт возьми, ты говоришь о ней?

— Я баловался — ах, черт, прекрати! Иисус, расслабься! Это была шутка.

— Я смеюсь, Робби?

— Расслабься, Кэп.

— Я, блять, смеюсь, мудаки?

— Нет. Господи, ой! Остановись.

— Ты думаешь, она смеется?

— Нет.

— Нет, — усмехнулся Джонни. — Не дави на меня снова, ты, маленький придурок.

— Прости.

— Скажи это снова.

— Мне очень жаль, Джонни...

— Ей! — Джонни взревел достаточно громко, чтобы привлечь внимание всего автобуса. — Извинись перед ней. Итак.

— Прости, Шэннон, — раздался хор мужских голосов.

— Эм, все нормально? — Я предложила вернуться, потому что, черт возьми, что еще я могла сделать?

— Гребаные идиоты, — прорычал Джонни, когда минуту спустя занял свое место рядом со мной.

Подталкивая мою ногу своей, он снова привлек мое внимание к нему.

— Не обращай на них внимания, — тихо сказал он. — Это касается меня, а не тебя, хорошо?

Кивнув, я прерывисто выдохнула и повернулась, чтобы посмотреть в окно.

Он причинил мне боль.

А потом он вмешался и защитил мою честь.

А теперь?

Я была так сбита с толку, что это причиняло боль моему мозгу.

Автобус с ревом ожил через несколько минут, и мы вернулись на дорогу.

Затем миссис Мур призвала всех к вниманию и объявила время для размышлений.

Я никогда не испытывала такого облегчения, услышав эти слова.

Сидя в тишине, я пыталась справиться со своими необузданными эмоциями.

— Шэннон, мне очень жаль.

Пораженная, я повернулась, чтобы посмотреть на Джонни, задаваясь вопросом, не послышалось ли мне, только чтобы обнаружить, что он смотрит прямо на меня с выжидающим выражением. — Что?

— Я придурок. — Джонни покачал головой и разочарованно выдохнул. — Я говорю тебе доверять мне, а потом поворачиваюсь и веду себя так? — он поспешил объяснить, только чтобы споткнуться о следующее препятствие из слов: — Я не должен... Просто это... Я никогда обычно... Я не... Ты единственная девушка, которую я ... — Он выдохнул и жестом указал между нами, прежде чем, наконец, сказать: — Я не силен в этом, Шэннон.

— Не силен в чем? — Теперь настала моя очередь выглядеть смущенной.

— Разговаривать?

— Потому что тебе не обязательно об этом говорить. Я тебя об этом не просила.

— Ты меня не слышишь, — огрызнулся он, затем покачал головой, выглядя недовольным собой. — Нет. Я неправильно это говорю.

— Что неправильно говоришь?

Джонни разочарованно провел рукой по волосам и резко выдохнул.

— Я слишком остро отреагировала, — наконец сказал он.

— Да, — решительно ответила я. — У тебя это очень хорошо получается.

Разочарованная, я скрестила руки на груди, а затем повернулась обратно к окну, но он схватил меня за руку, заставляя повернуться к нему лицом.

— Не делай этого, — сказал он низким и грубым голосом, продолжая держать меня за руку.

Я испустила дрожащий вздох, заставляя свое тело не содрогаться от контакта, и спросила — Что не делать?

— Не игнорируй меня.

— Не понимаю о чем ты, — огрызнулась я, отворачиваясь.

— Ты не можешь игнорировать меня, — настаивал Джонни, пытаясь пошутить. — У нас контракт на дружбу.

Я не смеялась.

— Тогда порви его, — сказала я ему, затем выдернула руку.

— Шэннон, позволь мне объяснить.

— Оставь меня в покое.

— Шэннон, ну же...

— Нет.

— Посмотри на меня.

Я скрестила руки на груди:

— Нет.

Джонни вздохнул.

— Шэннон, пожалуйста.

— Я сказала нет! — Я сорвалась. — Ты сделал это со мной в своей машине, и ты делаешь это снова сейчас. Это закономерность. Мне не нравятся такие узоры. Так что нет!

Джонни издал разочарованный рык.

Через несколько секунд я почувствовала его руку на своей шее, когда он наклонился над моим сиденьем и повернул мое тело боком, чтобы посмотреть ему в лицо.

Ошеломленная, я ничего не могла сделать, кроме как смотреть на него.

— Ч-что ты делаешь?

Взгляд Джонни был диким и горячим, паническим и заинтересованным, когда он перебежал с моих глаз на мои губы.

На краткий миг мне показалось, что он собирается меня поцеловать.

Но он этого не сделал.

Конечно, он этого не сделал.

Вместо этого он прерывисто вздохнул, обхватил мою шею сбоку, притягивая меня ближе, и прикоснулся своей щекой к моей.

Прижав губы к моему уху, голосом чуть громче шепота, он сказал: — Я боюсь, Шэннон.

— Боишься?

Я почувствовала, как он кивнул, его щетинистая щека потерлась о мою.

— Чего?

— Себя.

— Себя?? — Мое сердце перевернулось в груди. — Почему?

— Что я сказал тебе той ночью? — прошептал он, нежно сжимая мою шею своей огромной рукой. — Все это дерьмо о моей операции и о том, как мне больно? Я злюсь на себя за то, что потерял голову и рассказал тебе то, что может быть использовано против меня. Я дал тебе власть надо мной, и теперь я, блять, паникую, ясно? Я потерял

самообладание с тобой в машине, потому что ты задела меня за живое. Потому что ты вызвала меня из-за моего дерьма. Потому что ты была права.

— Да?

Он кивнул, и это движение заставило его щеку потереться о мою.

— Я не тупой, — продолжал он шептать. — Я знаю, чем рискую, играя, но в ближайшие пятнадцать месяцев все зависит от того, выдержит ли мое тело. Это моя карьера, — сказал он мне едва слышным голосом.

Его слова звучали так тихо и быстро, смешиваясь с усиливающимся дублинским акцентом, что за ними было трудно угнаться.

— Это мое будущее, и я не могу смотреть, как оно ускользает у меня из рук. Я слишком много работал, чтобы попасть на эту должность, чтобы отпустить все это. Они заставляют меня проходить тест, Шэннон. Я никому об этом не рассказывал. И если я не пройду его — если они узнают, что я не на сто процентов — они вытащат меня, и я выйду на несколько месяцев, Шэннон. Месяцев. Возможно, тебе это не покажется чем-то особенным, но для меня это моя жизнь. Я буду скучать по своему шансу с u20 в июне. Я буду скучать по всему. Я потеряю все. Этого, блять, не может быть.

Его губы коснулись мочки моего уха, когда он говорил.

Это не было преднамеренным движением или отдаленным кокетством, он был явно взволнован, но мне все равно пришлось подавить дрожь от контакта.

— И ты все это знаешь? Я тебе говорю? Зная, что это может иметь отношение ко мне? — Джонни тяжело вздохнул, его теплое дыхание оевало изгиб моего подбородка. — Я этого не делаю, Шэннон. Я не делаю себя уязвимым ни перед кем. Никогда. — Его пальцы дрожали на моей шее, когда он говорил. — И это пугает меня до чертиков, что я передал тебе такую власть.

— Тогда почему ты это сделал? — Спросила я, когда небольшая дрожь пробежала по моему позвоночнику.

Откинувшись назад, чтобы я могла смотреть ему в лицо, я спросила: — Почему ты мне сказал?

Он выглядел таким беспомощным, когда пожал плечами.

— Я задавал себе тот же вопрос в течение долгого времени, и у меня все еще нет ответа, Шэннон, — прохрипел он, измученные голубые глаза встретились с моими. — Я не понимаю, что происходит между нами.

Я поняла, что стала свидетелем редкого момента уязвимости со стороны Джонни, и мое сердце едва выдержало давление.

Видеть его таким... беззащитным?

Это что-то сделало со мной.

Заставило меня почувствовать себя защитником.

Как будто мне нужно было воспитывать его или что-то в этом роде, что было безумием, потому что один взгляд на парня, и было очевидно, что он не нуждается ни в чьей защите.

Но я все равно это чувствовала.

Я наблюдала, как он смотрел на меня в течение самого долгого момента, впитывая его побежденное выражение лица и то, как он смотрел на меня почти с надеждой, как будто у меня были ответы на все его вопросы.

Я этого не делала.

Правильнее было бы утешить его словами уверенности.

Я этого не делала.

Вместо этого я прошептал свою правду.

— Я не хочу, чтобы ты играл. — Отбросив осторожность и двигаясь инстинктивно, я поджала ноги под себя, придвинулась ближе и прижалась губами к его уху. — Не сегодня и не завтра. Я не хочу, чтобы ты выходил и подвергал себя опасности, Джонни. Я не хочу, чтобы ты пострадал. Я хочу, чтобы ты остановился. Я хочу, чтобы ты дал отдых своему телу. Я хочу, чтобы ты позаботился о себе.

— Шэннон...

— Дай мне закончить, — прошептала я.

Он натянуто кивнул.

Дрожа, я протянула руку и обхватила его челюсть.

— Я это имела в виду, когда сказала тебе, что никому не расскажу.

Я почувствовала, как его тело напряглось, но я не отодвинулась, потребность утешить его подталкивала меня вперед.

— Я не согласна с твоим выбором, — прохрипела я. — Но я уважаю то, что он твой.

Что-то внутри этого парня звало меня.

Я понятия не имела, что это было, но это придало мне смелости.

Это заставило меня захотеть выйти из своей зоны комфорта и помочь ему — даже если помогать ему означало поступать неправильно.

— Я умею хранить секреты, Джонни Кавана, — прошептала я, поглаживая его щеку пальцами. — И я обещаю, что сохраню твой.

Все еще держа руку на моей шее, Джонни тяжело вздохнул и наклонил голову вперед, его волосы коснулись моей шеи.

— Мне так больно, Шэннон, — признался он хриплым и грубым тоном. — Все время, — добавил он, накрыв мою руку своей. — Это так больно, что я едва могу спать по ночам. Я ни хрена не могу сосредоточиться в школе. Я облажался на поле. На тренировке. Все летит к чертям, и единственный человек, с которым я могу поговорить об этом, — девушка, которую я едва знаю. — Тяжело вздохнув, он притянул меня ближе. — Ты — единственное, что меня отвлекает, единственное, на чем я могу сосредоточиться, а я тебя даже не знаю. Я чувствую себя ближе к тебе, чем к своим товарищам по команде. Я рассказываю тебе то, что не сказал бы своему лучшему другу. Насколько это хреново?

— Это не хреново. — Мое сердце так сильно колотилось о грудную клетку, что дыхание становилось тяжелым и учащенным. — Все в порядке.

— Это не нормально, — возразил Джонни, уткнувшись лицом мне в шею. — Ни одна чертова вещь из того, что происходит в моей жизни прямо сейчас, не нормально.

Только что он уткнулся лицом мне в шею, а в следующий момент его уже не было.

— Черт, — прорычал Джонни, отпрянув от меня, как будто я его ошпарила. — Черт! — повторил он, проводя рукой по волосам. — Я сделал это снова. Я сделал это с ахуенной выгодой.

Ошеломленная, я осталась на коленях, наблюдая за каждым его движением.

— Есть ли шанс, что ты забудешь все, что я только что сказал? — спросил он нерешительным тоном, глядя на меня горящими от отчаяния глазами.

Не в силах вымолвить ни слова, я просто уставилась на него, качая головой.

Я не могла притворяться.

Больше нет.

— Нет. — Мрачно согласился Джонни и потер лицо ладонью. — Я так и думал.

Рассуждения, лежащие в основе моего следующего заявления, были основаны на основном человеческом инстинкте, а не на мысли, вдохновленные отчаянной потребностью, которая была у меня в груди, чтобы остановить этого парня от боли.

— Надо мной издевались, — выпалила я, поразив нас обоих этим признанием.

Я хотела успокоить его, и единственный способ, который я могла придумать, чтобы это произошло — это сделать ему свое собственное глубоко личное признание.

— Плохо, — уточнила я, мой голос был едва громче шепота.

Глаза Джонни встретились с моими.

— В твоей старой школе?

— Да. — Я кивнула, а затем покачал головой. — Не только в VCS. Это происходило везде.

— Везде? — Джонни медленно повторил, глубоко нахмутив брови.

— Везде, — подтвердила я, прикусив губу, чтобы она не дрожала.

— Долго? — наконец, спросил он, поворачиваясь ко мне лицом.

— Всю мою жизнь, — устало предложила я, заставляя себя смотреть в глаза. — Я не могу вспомнить время, когда меня все не ненавидели.

— Что? — в ужасе спросил он. — Нет! Шэннон, ты не должна так думать...

— Это правда, Джонни, — поспешила уточнить я. — Я непривлекательная. Это факт. Все просто и понятно.

— Это чушь собачья, — прорычал он. — Ты не такая уж неприятная.

— Это не чушь собачья, — возразил я. — Я непривлекательная.

— Ты мне нравишься, — ответил Джонни без малейшего колебания.

Что ж, я люблю тебя, Джонни Кавана!

Даже несмотря на то, что ты уходишь.

Даже если ты не чувствуешь того же.

Даже если любовь к тебе разобьет мне сердце.

Я люблю тебя всем, что у меня есть.

И я, вероятно, всегда буду.

— Что ж, это делает тебя одним из очень немногих. — Я прерывисто выдохнула. — В детстве меня ненавидели, Джонни! Серьезно ненавидели. Никто не хотел играть со мной. Никто не хотел, чтобы я была в их команде по физкультуре или сидеть со мной в классе, и меня никогда не приглашали на вечеринки по случаю дня рождения других детей. Меня постоянно дразнили. Мои волосы. Мой размер. Моя одежда. Мои школьные учебники. Машина, которой владела моя семья. Терраса, с которой я пришла. Не имело значения, что я делала или как сильно я пыталась ладить с другими детьми, они всегда находили во мне недостатки. — Я покачала головой и устало вздохнула. — У меня было две подруги всю мою жизнь. Вот и все.

— Клэр Биггс и девушка Пирса? — Спросил Джонни хриплым голосом.

— Лиззи Янг, — подтвердил я кивком. — Да, они ходили в мою начальную школу, и, честно говоря, если бы не они, я была бы совершенно одна.

— Но они перешли в Томмен после начальной школы?

— Они перешли.

— И ты пошла в VCS?

— Да, — прохрипела я.

На лице Джонни отразилось недоумение, как будто ему было трудно это понять.

И для такого парня, как он, вероятно, так оно и было.

У него не было недостатка в друзьях или обожающих фанатках.

Он был популярен и был большой звездой.

Он не имел ни малейшего представления о том, каково это — быть на другой стороне спектра популярности.

Где я жила.

Тон Джонни был осторожным, когда он спросил: — У тебя там было то же самое?

— Нет. — Делая успокаивающий вдох, я продолжала открывать себя опасности. — Это было хуже.

Джонни долго молчал, прежде чем спросить: — Тебе там больно?

подавив дрожь, я заставила себя слегка кивнуть.

— Шэннон?

— Каждый день, — призналась я.

— Господи, — он практически зарычал, проведя рукой по волосам. — Неудивительно, что твоя мама вышла из себя в тот день.

Я тяжело вздохнула.

— Это была не первая поездка из школы в А & Е.

— Иисус. Он резко выдохнул и притянул меня ближе. — Насколько все было плохо?

Я беспомощно пожала плечами, не в силах вымолвить ни слова, или, может быть, я просто не хотела озвучивать травму.

Я хотела, чтобы это исчезло из моей памяти.

Я хотела, чтобы эта часть моей жизни была стерта навсегда.

— Шэннон? — Джонни нажал, тон был болезненно мягким, когда он притянул меня так близко, что мои колени коснулись его бедра. Продолжая обнимать меня одной рукой за спину, он наклонился ближе и повторил свой предыдущий вопрос. — Насколько все было плохо?

До такой степени, что я хотела умереть.

— Достаточно плохо, что моей маме пришлось погрязнуть в долгах, чтобы перевести меня в Томмен, — призналась я, мой голос был едва слышен. И достаточно плохо, что я позволила ей это сделать, — добавила я, заставляя себя посмотреть на него и ненавидя сочувствующее выражение, которое я застала на нем.

— Те девочки? — тогда он спросил. — В пабе?

Я кивнула:

— Сиара была худшей.

Его глаза потемнели.

— Блондинка.

Я слабо кивнула.

— Я не могла вернуться в BCS после Рождества.

Слишком многое произошло, и это выходило из-под контроля.

— Выходило из-под контроля? — Джонни пристально посмотрел на меня. — Конечно, это выходило из-под контроля в течение многих лет.

— О, я знаю, — согласилась я. — Но это действительно начинало влиять на моего брата, и мои родители беспокоились.

— Твой брат, — решительно ответил Джонни.

— Да. — Я кивнула. — Джоуи постоянно отстраняли от занятий за драки из-за меня. У него уже было четыре дисквалификации из-за меня к Рождеству, и мама была ошеломлена тем, что его исключают в последний год. Папа был в ярости, потому что думал, что поведение Джоуи будет стоить ему места среди несовершеннолетних. Это был настоящий кошмар. — Пожав плечами, я тяжело вздохнула и сказала: — В конце концов, мама убедила нашего отца, что для Джоуи будет лучше, если они заберут меня из VCS.

— А как насчет тебя? — Спросил Джонни, голубые глаза встретились с моими. — Это было лучше для тебя?

— Это было лучшее решение, которое когда-либо принималось за меня, — ответила я без колебаний.

— А Томмен? — Джонни давил, полностью сосредоточившись на мне. — Как тебе?

— Кроме неприятностей с Ронаном, у меня не было никаких проблем с Томмен, — честно ответила я, щеки горели под его пристальным наблюдением. — О, и Белла угрожает мне войной за то, что я с тобой разговариваю.

— Да? — Он провел пальцами по моей шее, голубые глаза обжигали меня. — Мне нужно знать об этом.

Я вздрогнула от его прикосновения.

— Я же тебе говорила.

— Не лги мне, — уговаривал он.

— Тогда не заставляй меня, — умоляла я, зная, что отдаю ему все — свое сердце, свои секреты, свое доверие — и не могу остановиться. — Пожалуйста, не дави на меня.

— Шэннон... — начал он, а затем быстро остановился. Он долго пристально смотрел на меня, прежде чем, наконец, кивнул. — Пока так.

Я вздохнула с облегчением:

— Спасибо.

— Но я собираюсь это выяснить, — прошептал он. — Независимо от того, скажешь ты мне или нет. — Он погладил меня по щеке большим пальцем. — Я узнаю и Мое сердце сжалось в груди.

Я знала это.

Он не собирался отпускать это.

Я могла видеть это в его глазах той ночью в его спальне.

Джонни Кавана был одержим желанием раскрыть мои секреты.

— И Белла ни хрена не сделает, — продолжил Джонни грубым тоном, с горящими и напряженными глазами, — Если она пойдет на войну с тобой, тогда она пойдет на войну и со мной.

— Я не люблю войну или конфронтацию, — нервно ответила я, паникуя при мысли о его ужасной бывшей и о том ущербе, который она могла мне причинить. — Я не хочу, чтобы она ненавидела меня, Джонни. Я не сделала ничего плохого.

— Ты ей — угроза, — хрипло сказал он. — Ее реакция на тебя основана на ревности.

— Я — угроза? — Я покачал головой. — Почему?

— Потому что ты красивая, — заявил он, заставив мои щеки вспыхнуть глубоким розовым оттенком.

Парень никогда раньше не называл меня красивой.

Не такой.

Не с такой прямоотой.

Не с такой искренностью.

Джонни сказал это, и мое сердце билось в груди, как сумасшедшая птица в клетке, пытаюсь вырваться.

Затем он прочистил горло, выходя немного смущенным, и на мгновение я подумала, что он собирается взять комплимент обратно, но затем он посуровел, заправил выбившуюся прядь волос мне за ухо и прошептал: — Внутри и снаружи.

Эти дополнительные слова сделали свое дело.

Эти слова разрушили меня.

Я почувствовала, как мое тело задрожало, когда я перевела взгляд на него, встретившись с ним взглядом.

— Я?

Он медленно кивнул:

— Везде.

О, боже.

Мое сердце.

Я не могла с этим справиться.

Я не могла справиться с ним...

В панике и неуверенная в своих чувствах, я быстро поспешила продолжить: — Теперь у нас равные условия игры. Я знаю твои секреты, а теперь и ты знаешь мои, так что можешь быть уверен, что я не стану объявлять о твоей травме всему миру, — сказала я ему, чувствуя себя уязвимой и незащищенной. — Не тогда, когда у тебя есть на меня свой компромат.

— Да, я думаю, так и есть, — задумчиво ответил Джонни, прежде чем быстро отступить. — Подожди, ты рассказала мне все это, чтобы у меня был рычаг давления на тебя?

Я пожала плечами.

Джонни нахмурился.

— Зачем тебе это делать?

— Я пыталась заставить тебя чувствовать себя в безопасности, — выпалила я.

— Ты хочешь, чтобы я чувствовал себя в безопасности? — Выражение лица Джонни было тем, которое я не могла расшифровать, когда он смотрела на меня сверху вниз полными бури голубыми глазами. — Почему?

— Потому что ты волнуешься из — за того, что я знаю о твоём, э-э, твоём... — Я указала на его промежность, щеки пылали, а затем выдохнула: — Это явно расстраивает тебя, и я хотела, чтобы тебе стало лучше. Я хотела подарить тебе это, чтобы ты не чувствовал себя загнанным в угол.

— Я не понимаю. — Джонни покачал головой в явном замешательстве. — Я имею в виду, я рад, что ты сказал мне — я чертовски польщен — но ты говоришь мне что-то очень личное, ожидая, что я использую это против тебя и буду чувствовать себя хорошо из-за этого? Тот факт, что ты была в порядке с этим — что ты думала, что я буду в порядке с этим? — Он выдохнул. — Это та часть, которую я не понимаю.

— Может быть, ты был прав насчет того, что я доверяю тебе вопреки себе, — прошептала я, чувствуя, как жар и лед сталкиваются в моей груди.

Его брови взлетели вверх. — Итак, ты мне доверяешь.

Я беспомощно пожала плечами, потому что именно так я чувствовала себя в этот момент: обезоруженной и совершенно беспомощной.

— Слова, Шэннон, — выдавил он грубым тоном. — Мне нужны слова.

— Что ты хочешь, чтобы я сказала? — Я прохрипела.

— Скажи мне, почему ты мне доверяешь.

— Потому что, когда я с тобой, я чувствую...-

— Что чувствуешь?

— Безопасность, хорошо? — Я быстро задышала. — Когда ты рядом, я чувствую себя в безопасности.

— Потому что это так, — подтвердил Джонни грубым тоном. — Я уже говорил тебе, что не собираюсь причинять тебе боль, и я чертовски надеюсь, что я и показал тебе это.

Я прерывисто выдохнула и опустила лицо, отчаянно пытаюсь скрыть, насколько глубоко эти слова затронули меня.

— Шэннон, посмотри на меня.

Я покачала головой, отказываясь от его просьбы.

Я не могла.

Это было слишком.

Он был слишком.

— Посмотри на меня, — повторил он мягким и умоляющим тоном.

Когда я не сделала ни малейшего движения, чтобы подчиниться, Джонни приподнял мой подбородок рукой, заставляя наши взгляды встретиться, голубые глаза прожигали дыры в моих.

— Ты. В.Безопасности, — заявил он, произнося каждое слово с мучительной медлительностью, проводя подушечкой большого пальца по моему подбородку. — Что бы ни случилось с тобой в твоей старой школе, — сказал он, снова преодолевая барьеры. — Оно не последует за тобой в Томмен. — С ярко горящими голубыми глазами, полными искренности и решимости, он добавил: — Я не позволю ничему плохому случиться с тобой здесь. — Он прижался своим лбом к моему и страдальчески вздохнул. — И если ты просто скажешь мне, где еще мне нужно обеспечить твою безопасность, я сделаю и это.

— Почему? — Это было одно слово, в которое было вложено так много невысказанных мыслей и понятий, но это было все, что я смог придумать.

Джонни на мгновение заколебался, а затем сказал: — Потому что мне не все равно.

— Почему?

— Просто. — Он беспомощно пожал плечами. — Я ничего не могу с этим поделать.

— Это был ты, не так ли? — прошептала я. — Из-за тебя никто не доставал меня из-за инцидента с подачей? Ты защищал меня?

Он настороженно посмотрел на меня, но ничего не ответил.

— Давай, Джонни, — вздохнула я. — Я не идиотка. Я знаю, что ты имеешь к этому какое-то отношение. Я была полуголой перед полем парней. Ради бога, меня вырвало возле моего шкафчика. Подобные сплетни просто так не испаряются в воздухе.

— Я сказал тебе в тот день возле офиса Туоми, что никому не позволю причинить тебе боль, — наконец признался он.

Да, он это сделал.

Он обещал.

И он сделал это...

— Что ж, спасибо за заботу, — выдохнула я.

— Спасибо, что ты того стоишь, — ответил Джонни, все еще держа руку на моей щеке.

Дрожа от прикосновения, я наклонилась к его прикосновению, ища большего.

Я так старалась контролировать себя, но это было практически невозможно, когда его руки были на моем теле.

Я хотела заползти к нему на колени, и я хотела убежать далеко от него, все сразу.

Для меня это не имело смысла.

Я была невероятно смущена.

Мои чувства приводили меня в ужас.

Его слова.

Его глаза.

Его действия.

Он бросал меня.

Я теряла себя.

— Как поживают голубки? — знакомый голос прогремел рядом с моим ухом.

Пораженная, я посмотрела через плечо Джонни и увидела ухмыляющегося Гибси.

— Привет, малышка Шэннон, — протянул Гибси, озорно подмигнув. — Не обращай на меня внимания. Мне просто нужно одолжить моего приятеля на секунду.

О, боже.

Униженная, я быстро отползла назад, разрывая контакт.

Джонни пробормотал себе под нос несколько неразборчивых ругательств, прежде чем развернуться:

— Лучше бы это было чертовски важно, — огрызнулся он, напрягая плечи.

— Это зависит от обстоятельств, — беспечно ответил Гибси.

— О чем? — Джонни рявкнул.

— О том, хочешь ли ты все еще, чтобы я напомнил тебе о том, о чем ты просил меня напомнить?

— Что? — Джонни покачал головой. — Что за штука? О чем, черт возьми, ты говоришь?

— Линии и бульдозеры, мой друг, — ответил Гибси с многозначительным взглядом.

Я понятия не имела, что имел в виду Гибси, однако было ясно, что Джонни понял, потому что он громко выдохнул, выдавливая слово «дерьмо» вместе с ним.

— Не за что, — ответил Гибси, похлопав Джонни по плечу, прежде чем вернуться на свое место.

— О чем это было? — Что случилось? — спросил я, когда мы снова остались относительно одни.

— Хм? — Джонни ответил, явно отвлекшись.

Он продолжал оборачиваться, чтобы посмотреть на своего друга.

— Ты в порядке? — прошептала я.

— Что? Да, да, я в порядке. — Он бросил быстрый взгляд на меня, а затем повернулся, чтобы сказать что-то еще Гибси.

Я не могла понять, что они говорили друг другу.

Казалось, они общались с помощью языка тела, хотя было довольно легко понять, что имел в виду Джонни, когда показывал Гибси палец.

Покачав головой, я отказалась от попыток взломать код их невысказанного разговора и переключил свое внимание на iPod Джонни — то, что он дал мне послушать во время одного из наших перерывов на размышления ранее.

Надев наушники на уши, я внимательно пролиставала его плейлисты, и у меня чуть не случился сердечный приступ, когда мой взгляд упал на тот, который назывался «Песни для Шэннон».

С бешено колотящимся сердцем я бросила быстрый взгляд на Джонни, но он все еще был полностью погружен в вульгарный язык жестов с Гибси.

Выдохнув небольшое количество воздуха из легких, я нажала на плейлист и быстро пролиставала список песен.

Coldplay — Желтый

Guns N' Roses — Мое милое дитя

Куклы Гу — Гу — Ирис

The Fureys — Когда тебе было сладких шестнадцать

Хоуи Дэй — Столкновение

Деклан О Рурк — Что бы ни случилось

The Offspring — Сильно хотят тебя

Разоблачен — падаю к твоим ногам

Aerosmith — Сумасшедший

Считая ворон — Дальтоник

Дэвид Грей — Любовь этого года

Бон Джови — В этих объятиях

Westlife — наш собственный мир

Вишневым глаз с орлиным взором — Спаси сегодня

Metallica — Вторник закончился.

Снежный патруль — Беги энергичный счастливчик

ОН — Злая игра

Лос — Анджелес — вот она

Это были песни о любви.

Все это были песни о любви.

Сохранено в плейлист с моим именем.

Почему?

Зачем ему это делать?

Он...?

Нет. Нет, он этого не делал.

Конечно, он этого не сделал.

Тогда почему...

— Шэннон, мы можем поговорить? — Голос Джонни проник в мои мысли, напугав меня и заставив выронить его айпод.

К счастью, он приземлился мне на колени, а не на пол автобуса.

Я повернулась к нему лицом, чувствуя, как мое сердце бешено колотится в груди.

— Поговорить?

— Да. — Джонни медленно кивнул, голубые глаза потемнели и запылали. — Мне нужно кое о чем с тобой поговорить.

— Э-э, да, хорошо... — Вытирая ладони о юбку, я прерывисто выдохнула, прежде чем добавить: — О чем ты хочешь поговорить?

— Не здесь, — сказал Джонни, оглядывая автобус. — Сегодня вечером, — добавил он, снова глядя мне в глаза. — После матча. Я отвезу тебя домой, и мы сможем поговорить в моей машине?

— Э-э... — Я прикусила губу, чувствуя панику при мысли о том, что придется ждать так долго. — Если это то, чего ты хочешь?

— Наверное, так будет лучше, — хрипло ответил он.

О, боже.

Это было плохо?

Он собирался сказать мне что-то ужасное?

— Не смотри так испуганно, — сказал Джонни, снова отвлекая меня от моих мыслей. — Я не причиню тебе вреда. — Протянув руку, он приподнял мой подбородок тыльной стороной ладони и слегка улыбнулся. — Я обещаю.

Я была так потеряна в нем, что едва могла дышать.

— Хорошо, все, время размышлений закончилось, — крикнула миссис Мур, хлопая в ладоши, чтобы привлечь всеобщее внимание. — У нас осталось всего сорок минут до прибытия в Дублин, поэтому я предлагаю еще один тест.

— Ради всего святого, — простонал Джонни, опуская руку. — Только не очередная чертова викторина.

Я усмехнулась его реакции.

— Что смешного? — спросил он, ухмыляясь мне. — Только не говори мне, что тебе это действительно нравится?

Мне нравится быть с тобой.

— Я в команде победителей, — поддразнила я, толкая его в плечо своим. — Конечно, мне это нравится.

— Верно, — согласился Джонни с кривой усмешкой. Вытащив из сумки стопку сертификатов, которые мы собрали за день, он положил их мне на колени и сказал: — Мы составляем довольно хорошую команду, Шэннон, *как река*.

ДА.

Да, мы это сделали.

Я подождала, пока все остальные выйдут из автобуса, прежде чем соскользнуть со своего места.

— Удачи сегодня, — сказала я, стоя в проходе и наблюдая, как Джонни роется в брошенных сумках в задней части автобуса, явно в поисках своих.

— А? — Джонни ответил, явно отвлекшись, пробормотав что-то о грязных ублюдках себе под нос.

Он выглядел напряженным.

Чем ближе мы подходили к колледжу Ройса, тем больше он волновался.

Теперь, когда мы были здесь, Джонни дрожал от напряжения.

Я поняла почему.

Он должен был ходить в школу здесь, что означало, что он, скорее всего, будет играть против своих старых друзей и товарищей по команде.

Это было большое давление.

И он скрывал травму.

— Матч, — уточнила я. — Я надеюсь, что ты выиграешь. — Я слегка помахала ему

рукой, прежде чем поспешить по проходу к выходу, отчаянно желая создать столь необходимое пространство между Джонни Кавана и моим сердцем.

— Шэннон? — Джонни окликнул меня.

Остановившись у двери, я обернулась, чтобы посмотреть на него.

— Да?

Его голубые глаза прожгли дыры во мне, когда он сказал: — Спасибо.

— За что? — прошептала я.

Джонни улыбнулся.

— За то, что ты не такая, как все остальные.

— Эм, хорошо?

— Увидимся через некоторое время, хорошо?

Я кивнула.

— Пока, Джонни.

Чувствуя себя не в своей тарелке, я поспешила выйти из автобуса, где меня сразу же перехватили Шелли и Хелен.

Взяв меня под руки, они повели меня прочь от автобуса.

— Девочка, тебе нужно кое-что объяснить, — взволнованно сказала Шелли.

— И мы хотим знать все подробности, — кивнув, согласилась Хелен.

— Подробности? — Спросила я, чувствуя, что покраснела от их засады. — О чем?

— Даже не думай об этом, — предупредила Хелен. — Ты только что провела три часа близко и лично с Джонни.

— У меня не было выбора, — ответила я. — Место рядом с ним было единственным оставшимся.

— О чем вы говорили? — Спросила Шелли, глаза ее плясали от возбуждения. — Что он тебе сказал?

— Я не знаю. — Я пожала плечами, чувствуя себя неловко. — Просто вещи.

— Просто вещи? — Хелен залилась краской.

— Шэннон, я пытаюсь жить здесь опосредованно через тебя. Ты должна дать мне больше, чем «просто вещи», — фыркнула Шелли.

— Отвали, стервятник, — рявкнула Лиззи. — Иди и найди другую тушу, за которую можно подраться.

Она прислонилась к задней части автобуса, а перед ней стоял огромный парень.

Я сразу узнала в нем Пирса, когда увидела ее руки на его талии и то, как он утыкался носом в ее шею.

Клэр, Гибси, Хьюи, тренер Малкахи и Патрик Фели стояли рядом, хотя и не обращали на нас никакого внимания.

На самом деле, все они, казалось, о чем-то спорили, кружа вокруг тренера Малкахи.

— Лиззи! — Шелли заскулила. — Я только спросила.

— Если ты хочешь знать, о чем говорит Джонни Кавана, тогда иди и спроси Джонни Кавана, — парировала Лиззи. — Только не Шэннон. Переведя взгляд на меня, она сказала: — Давай, Шэн. Мы здесь.

Благодарная за то, что она меня прервала, я выскользнула из-под сплетниц, быстро помахала им рукой, проигнорировала их разочарованные выражения, а затем поспешила к своим друзьям.

Чем ближе я подходила к своим друзьям, тем громче становилась дискуссия между

остальными.

— Он играет, тренер, — рычал Хьюи. — Они не могут этого сделать.

— Я согласен, Биггс, — ответил тренер, приложив телефон к уху. — Это дерьмо не выдержит — Здравствуйте, да, я хотел бы поговорить с директором. — Прижав мобильный телефон к уху, тренер поспешил прочь, выкрикивая приказы в телефон.

— Что за свора лангеров, — сердито бросил Гибси.

— Киски, — согласился Хьюи.

— Честно говоря, — размышлял Патрик Фели, — команда, похоже, готова играть.

Проблема в их тренере.

— Проблема? — Спросила я, бочком подходя к Клэр, потому что рот Лиззи в данный момент был занят языком Пирса. — Что происходит? Матч отменяется?

— Тренер Ройса отказывается разрешать своей команде играть, если тренер играет с Джонни, — объяснила Клэр, выглядя такой же разъяренной, как и все остальные.

— Что? — Я уставилась на нее. — Почему?

— Потому что они кучка гребаных трусов, которые слишком напуганы, чтобы играть против него? — Предложил Гибси тоном, пропитанным сарказмом. — Идиоты.

— Так что, они пытаются наказать его за то, что он хороший игрок? — Спросила я, откровенно говоря, в шоке.

— Я думаю, что это больше связано с тем, что игрок, сыгравший пятнадцать матчей за сборную Ирландии, Шэн, — ответил Хьюи.

— Матчей Ирландии?

— Количество раз, когда он играл за свою страну, — быстро объяснил он.

— Ну и что? — Я отстреливалансь, защищаясь. — Он заслужил все это.

— Они не были переданы ему.

— Я с тобой не спорю, — ответил Хьюи, посмеиваясь. — Это просто пугает некоторых тренеров.

— Что происходит? — Голос Джонни заполнил мои уши за мгновение до того, как он подошел и встал рядом со мной.

Его рука коснулась моей, и хотя между нами было несколько слоев одежды, моя кожа все равно покрылась мурашками.

— Обычное дерьмо, — проинформировал его Гибси. — Они не будут играть, если ты играешь.

Джонни беспечно пожал плечами:

— Ну что ж.

Я повернулась, чтобы посмотреть на него, ошеломленная отсутствием реакции.

— Это часто случается, — Джонни, заметив выражение моего лица, быстро объяснил: — Тренер разберется, — прежде чем повернуться к ребятам и сказал: — Соберите парней в раздевалке. Выходите, и мы начнем разминку.

Кивнув, Хьюи и другой парень побежали в направлении здания клуба, по пути зовя товарищей по команде.

— Джонни, парень, на то, чтобы разобраться, может уйти несколько часов, — простонал Гибси.

Когда все следы его прежней уязвимости давно исчезли, Джонни сказал: — Тогда у нас будет несколько часов практики. А теперь шевели своей задницей.

— Помолись за меня, — сказал Гибси Клэр. Затем он нырнул к ней и громко поцеловал

ее в щеку, прежде чем убежать.

— Фу, Джерард! — Клэр крикнула ему вслед, вытирая рукавом покрасневшую щеку.

— Пирс, — рявкнул Джонни, переключая свое внимание на бритоголового парня, который засунул язык в горло моей подруги. — Вылезай из девчонки и выходи на поле.

Пробормотав что-то о капитане кокблоке себе под нос, Пирс запечатлел последний поцелуй на губах Лиззи, прежде чем побежать к команде.

Джонни наклонил голову в мою сторону. — Ты в порядке?

Я кивнула.

Он протянул руку и заправил выбившуюся прядь волос мне за ухо, затем прошептал: — Увидимся позже, — а затем развернулся и побежал к своим товарищам по команде.

Вау, подумала я про себя, решимость течет по венам этого парня так же сильно, как ужас, который течет по моим.

— Джонни? — Я позвала его, не в силах остановиться.

Когда он перестал бежать и повернулся ко мне лицом, я поспешила сократить расстояние между нами, не останавливаясь, пока не оказался прямо перед ним.

— Что случилось? — спросил он, хмуро глядя на меня в замешательстве.

— Ничего, я просто... — Покачав головой, я протянула руку и обхватила его шею, притягивая его лицо к своему. Приподнявшись на цыпочки, я прошептала ему на ухо: — Мне нужно, чтобы ты оставался там в безопасности, хорошо? — Сопrotивляясь желанию прижаться к нему, я отпустила его шею и отступила назад. — Будь осторожен. — Я сделала еще один шаг назад, не сводя с него глаз. — Хорошо?

Джонни медленно кивнул, голубые глаза вспыхнули. — Хорошо.

— Пока, Джонни, — прошептала я, а затем повернулась.

Джонни схватил меня за руку и повернул лицом к себе.

— Ты пойдешь со мной домой сегодня вечером? — он спросил грубо, глаза горели жаром, когда он теребил мою непослушную прядь волос. — Ты все еще хочешь это сделать?

— Да, — прошептала я, подходя ближе, не в силах устоять перед желанием впиться пальцами в его рубашку. — Я верю.

— Шэннон, я так... — Он резко выдохнул и покачал головой. — Сегодня вечером. — Его рука переместилась с моих волос на мою щеку. — Мы поговорим вечером.

— Хорошо, Джонни, — выдохнула я, прижимаясь щекой к его большой ладони.

Не говоря больше ни слова, он наклонился и запечатлел долгий поцелуй на моем лбу.

А потом он развернулся и ушел.

Пошатываясь, я наблюдала за ним, пока он не исчез в здании клуба, а затем вернулся к своим друзьям.

Смушение было преуменьшением того, что я чувствовала.

Сама глубина моих чувств к нему была нездоровой.

Обожание, похоть, откровенное увлечение, которое я испытывала к нему...это было безумие.

Я никогда не чувствовала такое.

Я никогда не чувствовала себя такой поглощенной.

Глава 60. Удушающий захват Купидона

Джонни

Если чувства были объектами, то я балансировал на краю огромной пропасти, и если девушки были оружием, то Шэннон Линч была величайшим оружием массового уничтожения, которому когда-либо подвергалось мое сердце.

Потому что я был разбит.

Я больше не пытался это отрицать.

В этом не было смысла.

Я никогда в жизни не испытывал столько чувств к другому человеку.

Мне потребовалась каждая унция самоконтроля, которая была у меня внутри, чтобы уйти от нее там.

Особенно когда все внутри меня требовало, чтобы я вырвал ее из мира и оставил ее только для себя.

«Мне нужно, чтобы ты оставался там в безопасности, хорошо?»

Да, на этом этапе можно с уверенностью сказать, что я полностью облажался, когда дело дошло до этой девушки.

Я больше не мог этого делать.

Я не мог бороться со своими чувствами.

Точно так же, как в той игре на PlayStation, она надрала мне задницу.

Когда она рассказала мне об издевательствах, о чем я, к сожалению, уже знал, я почувствовал, как внутри меня что-то оборвалось.

Я почувствовал, как последняя частичка моей решимости испарилась.

Уязвимость, которую я увидел в ее глазах, когда она раскрыла свои секреты ради меня, стала моим переломным моментом.

Девочки, которых я знал, так не поступали.

Они не вели себя как Шэннон.

Если бы не подошел Гибси, я бы ее поцеловал.

Я знал, что так и будет.

Я уже знал, на что похожи эти губы.

Я так сильно хотел попробовать их снова.

Я бы попробовал их снова.

Я изголодался по ней и всему, чем она была.

Каждая ее часть.

Внутри и снаружи.

Я хотел участвовать во всех ее битвах. Я хотел подарить ей все ее улыбки, заставить ее смеяться, увести ее от остального мира и оставить ее только для себя.

Я просто *хотел* ее.

Навсегда.

Я знал, что это было невероятно эгоистично с моей стороны, и я знал, что, вероятно, в конечном итоге все испорчу и разобью ей сердце, но проблема была в том, что мое сердце тоже было вовлечено.

Мне нужно было поговорить с ней сегодня вечером, потому что мне нужно было

выложить все начистоту.

Я не мог прожить еще один день, не сняв это с души.

Месяцы желания, возжеления и тоски по ней привели меня к тому, что я больше не мог смотреть прямо.

Потому что я ощутил чувства к Шэннон.

Огромные, блять, чувства.

Постоянные.

Я знал, что я слишком стар для нее.

Я знал, что она была слишком милой и чистой, чтобы быть втянутой в центр внимания, которое пришло с моей жизнью.

И я знал, что она была слишком сломлена, чтобы связываться с таким парнем, как я.

Но я уже чувствовал, что тону вместе с ней.

Вот насколько я был поглощен этой девушкой.

Вот как сильно я ее *любил*.

Черт.

Глава 61. Дыши, Шэннон, просто дыши

Шэннон

Все из колледжа Ройса отстой.

Серьезно, они были жалкими.

Игра была отложена более чем на два часа, потому что тренеры из Ройса устроили очень публичный скандал из-за игры Джонни.

Это было неловко.

Два часа стояния под дождем, в то время как тренеры из Ройса пытались сделать все, что в их силах, чтобы Джонни сняли с карт.

Они разглагольствовали и бредили о том, как несправедливо, что ирландский интернационал играет в лиге.

Это была школьная игра в регби.

Джонни был учеником одной из школ.

Он был несовершеннолетним.

Он имел право играть, если хотел.

Томмен не нарушал никаких правил.

Наконец, после нескольких телефонных звонков в правление, неловкого и очень публичного нарушения правил и бесчисленных скандальных матчей между тренером Малкахи и главным тренером Ройса, команды вышли на поле в половине седьмого — Джонни вышел на поле в майке с номером 13, с дерьмовой ухмылкой на его лице.

В начале игры стало ясно, почему тренер Ройса был так против того, чтобы Джонни играл.

Его команда была ужасна.

Ну, может быть, не ужасна, но они не могли сравниться с загоревшейся командой Томмен.

Как им удалось занять второе место в таблице с Томменом, было выше моего понимания, потому что конкуренции действительно не было.

Огромный объем гордости, который с ревом проснулся во мне, наблюдая, как он набрасывается на своих старых друзей и надирает им задницы, был пугающим.

Я была до смешного увлечена этим парнем и обнаружила, что кричу и болею за него в сторонке, игнорируя убийственные взгляды, которые я получала от Беллы и ее друзей.

Мне было все равно.

Я так им гордилась.

К перерыву Томмен вел со счетом 48-3.

За пять минут до конца игры, и это выглядело еще хуже для Ройса, когда Томмен сделал еще три попытки во втором тайме.

Все шло по плану Томмен до финальной игры.

Меньше чем за минуту до конца Джонни отобрал мяч у одного из нападающих Ройса.

Казалось, это его фишка: наносить последний удар на последней минуте игры.

Со скоростью, не сравнимой ни с кем другим на поле, Джонни бороздил поле, преследуя последний счет в игре.

Это было размытое движение, которое привело к тому, что он заземлил мяч за

несколько секунд до того, как давка игроков соперника раздавила его.

Попытка была присуждена.

Команда начала праздновать.

Но он не собирался вставать.

Брат Клэр, Хьюи, занял позицию перед стойками и быстро провел конверсию, обеспечив победу, прежде чем броситься к Джонни, который все еще не вставал.

— Клэр, — прохрипела я, схватив подругу за руку, в ужасе наблюдая, как наши одноклассники и сверстники празднуют вокруг нас. — Он двигается?

Все из нашей школы приветствовали и хлопали, парни из команды обнимали друг друга в знак празднования, но Джонни все еще лежал лицом вниз за боковой линией.

Хьюи вместе с несколькими игроками из колледжа Ройс опустился на колени рядом с ним.

Один из них махал рукой тренерам на боковой линии.

Еще один кричал на рефери.

Хьюи звонил тренеру Малкахи.

— Клэр, — повторил я в панике. — Что происходит?

— Я не знаю! — выдавила она, теперь в ее голосе звучала такая же паника.

Затем толпа черно-белых маек побежала в их сторону, окружая своего капитана.

Я вскочила, мои ноги двигались сами по себе, и протолкалась сквозь толпу.

— Он мертв? — Я закричала, рука все еще была вплетенная в Клэр, которая следовала за мной. — Боже мой, Клэр, он мертв?

— Нет, нет, нет, — повторяла она, но в ее голосе не было уверенности.

— Клэр!

— Я не знаю, Шэннон! — закричала она.

Мы не продвинулись далеко, только добрались до края поля, прежде чем нас поглотила толпа других учеников.

Прыгая, я пыталась заглянуть выше их плеч, но я была слишком мала ростом.

Быстро соображая, я опустилась на колени и заглянула.

Джонни все еще лежал на земле.

Лицом вниз.

Неподвижно.

Краем глаза я заметила, как двое мужчин в желтых нагрудниках выбежали на поле с носилками на буксире.

Время, казалось, остановилось, когда я наблюдала, как они опустились на колени рядом с Джонни и принялись за то, чтобы перенести его на носилки.

Крики и приветствия превратились в приглушенный шепот, пока все смотрели.

Мое сердце, которое, казалось, остановилось в груди последние несколько минут, бешено заколотилось о грудную клетку, когда Джонни медленно сел.

Его глаза были открыты, грудь двигалась, и хотя он выглядел так, как будто ему было очень больно, он был жив.

Он качал головой и отвергал все предложения о том, чтобы его подняли на носилки.

Я не могла слышать, что говорилось, но его губы быстро двигались, пока он продолжал качать головой и что-то лаять медикам.

Наконец, мужчины отказались от попыток помочь ему и отступили.

Толпа, как сторонники Томмен, так и Ройса, начали хлопать, когда Джонни в конце

концов поднялся на ноги.

Его руки были перекинуты через плечи Хьюи и Гибси, а голова опущена, когда он хромал с поля.

Поскольку они практически унесли его с поля.

На мгновение я просто встала на колени, на четвереньки в грязной траве и дышала, позволяя цунами облегчения захлестнуть меня, пока смотрела, как он уходит.

Я не понимала своей реакции, и мне было все равно.

Он был в порядке.

Он был в порядке.

И я, наконец, снова смогла *дышать*.

Глава 62. Время вышло, парень

Джонни

— Это прекратится, Джонни! — Гибси зашипел мне на ухо, помогая выйти из душа и лечь на раскладную кровать, на которую меня весь предыдущий час тыкал, подталкивал и накладывал швы врач скорой помощи, прибывший на место происшествия.

— Ты можешь говорить потише, черт возьми? — прошипел я, взглянув на дверь, которая отделяла нас от остальной команды. — Я не хочу, чтобы кто-нибудь знал.

— Слишком поздно для этого, черт возьми, — огрызнулся Гибси. — Ты оставил кровавый след от здания клуба до поля.

— Господи, — выдавил я, дрожа.

— Это, блять, прекратится прямо сейчас, Джонни, — снова предупредил он, натягивая трусы на мои бедра, осторожно, чтобы не задеть мой пах. — Больше никаких тренировок, — прорычал он, поправляя пояс на моих бедрах. — Больше не скрывай свою боль. — Он подошел к скамейке и схватил полотенце. — Больше никакой лжи. — Он вытер полоску размазанной крови с моего бедра. — Больше никуда!

— Со мной все будет в порядке, — выдавил я, дрожа с головы до ног.

— В порядке? — Гибси сплюнул, остановившись на полпути, чтобы впитаться в меня взглядом. — О да, потому что ты сейчас выглядишь чертовски шикарно, истекая кровью из своего мини-долбаного Джонни по всей кровати.

— Остановись...

— Ты убиваешь себя. Ты ведь понимаешь это, верно? Ты же понимаешь, что ставишь всю свою жизнь на кон ради гребаной зеленой майки, которая ни хрена не значит в долгосрочной перспективе.

— Гибс, остановись, парень, — умолял я. — Я, блять, не могу слушать это прямо сейчас.

— О, ты это будешь слушать!

— Я, блять, не могу это слышать, — выдавил я срывающимся голосом. — Хорошо? Я не могу...

— Посмотри на себя! — Потребовал Гибси, тыча пальцем в мою промежность. — Посмотри, в каком ты состоянии.

Кровь сочилась из раны на моей ноге, где были мои швы.

— Это должно было зажить несколько недель назад, — прошипел он. — Сейчас март, Джонни. Гребаный март, а ты ходишь с полуоткрытой ногой.

— Он разорвал меня своими ботинками, — выдавил я. — Это могло случиться с кем угодно.

— Да, ну, он бы не смог так тебя разорвать, если бы ты позволил своему телу зажить должным образом, черт возьми! — Гибси зарычал мне в лицо. — Ты слаб. Твое тело не заживает.

— И ты сам чуть не сдался! — Застонав, я откинул голову на раскладную медицинскую кровать и издал болезненный вздох. — Все не так уж плохо.

— Не так уж плохо? — он практически кричал с яростным выражением, запечатленным на его лице. — Парень, твоя нога выглядит так, будто до полномасштабного сепсиса

осталось около четырех часов!

— Гибс...

— Нет, Джонни! — огрызнулся он, качая головой. — Ты слышал, что сказал доктор. Ты слышал, как серьезно он сказал, что это могло быть!

— Я слышал его, Гибс, — прохрипел я, закрывая лицо рукой.

Конечно, я слышал, что он сказал.

Как, черт возьми, я мог пропустить это, когда он разнес мой мир на куски?

Хирургия.

Еще одна гребаная операция.

Немедленно.

Что означало больше времени.

Время, которое я не должен был тратить.

Все было кончено.

Летняя кампания.

20-е годы.

Я чувствовал, как это утекает сквозь мои пальцы.

У меня отняли все.

И я не мог с этим смириться.

— Тренер позвонил Деннехи в Академию. — Прерывисто выдохнув, он сделал шаг назад и поднял руки вверх. — И я уже позвонил твоей маме.

— Господи Иисусе, — выдавил я, чувствуя, как слезы наполняют мои глаза.

— Она вылетает следующим рейсом в Дублин, — добавил он. И твоему отцу тоже звонил. Он встретится с нами в больнице.

Я покачал головой, не в силах справиться с тем, что услышал.

Невозможно дышать от абсолютного опустошения, разрывающего меня.

— Ты еще сыграешь, Джонни, — сказал Гибси более спокойным тоном. — Просто не прямо сейчас.

— Именно сейчас это имеет значение, — выдавил я. — Сейчас — это все, что имеет значение.

— Нет, парень, — поправил он. — Все, что имеет значение, — это быть здоровым. — Что мне делать, Гибс? — Я задыхался, закрыв лицо рукой. — Это вся моя жизнь.

Я услышал, как он тяжело выдохнул, а затем его рука легла мне на плечо.

— Мы разберемся с этим, Джонни. — Он сжал мою руку. — Просто отдохни здесь немного и дай лекарствам подействовать. Скорая помощь не задержится надолго, парень.

— Я не хочу выходить на улицу. — Я покачал головой. — Я не хочу, чтобы они видели.

— Никто не знает никаких подробностей, — заверил он меня. — Только то, что ты упал и был нокаутирован.

— Не говори, — умолял. — Пожалуйста... я не могу ...

— Я не буду, — пообещал он.

Глава 63. Ой, я снова это сделала

Шэннон

У меня не было рационального объяснения, почему я провела последние полтора часа, стоя у здания клуба под проливным дождем.

Я не хотела думать об этом так много.

Мои чувства были связаны со мной, но не так сильно, как то, что происходило в той раздевалке.

Я должна была вернуться к автобусу с Клэр, Лиззи и всеми остальными из нашей школы, но я не могла.

Кажется, я не могла заставить свои ноги двигаться в направлении здравого смысла.

Вместо этого я ждала.

И я волновалась.

И я отчаянно боролась с желанием ворваться в раздевалку для посетителей.

Притаившись снаружи в темноте, я наблюдала, как игроки Ройса и Томмен вышли из здания клуба, сопровождаемые тренерами, мистером Малкахи и врачом матча.

Никто, казалось, не замечал меня, и я не была удивлена.

Все эти мальчишки, казалось, были по крайней мере на фут выше меня.

Так было, пока не появился Гибси.

— Привет, малышка Шэннон, — сказал он, сразу заметив меня. — Что ты делаешь, стоя здесь под дождем?

— О, я просто... Я хотела... Он был... и я... — Беспомощно взмахнув руками, я сдалась и пожала плечами. — Я волновалась.

— О Джонни?

Мои плечи поникли, и я кивнул в знак поражения. — Все плохо?

Гибси нахмурился, выглядя неуверенно.

— Давай, Гибси, — умоляла я. — Просто скажи мне.

— С ним все в порядке, малышка Шэннон...

— Не лги мне, — выдавила я. — Пожалуйста. — Прерывисто выдохнув, я продолжила: — Мне нужно знать.

— Он в плохом состоянии, — тихо признался он. — В зависимости от того, что скажут врачи, когда он попадет в больницу, ему грозит серьезный перерыв в игре. — Тяжело выдохнув, он провел рукой по волосам. — Он наверняка выйдет в финал.

— Я не хочу знать, сможет он играть в регби или нет, — выдавила я, когда волна вины поглотила меня. — Я хочу знать, все ли с ним в порядке! С ним. С Джонни! Человеком. Только не с гребаным игроком в регби!

Гибси склонил голову набок, изучая меня любопытным взглядом:

— Ну, разве ты не та, за кого нужно держатся? — он, наконец, задумался, понизив тон.

— Что?

— Неважно. — Гибси покачал головой и тяжело выдохнул. — Я слышал, как тренер обзванивал отели, чтобы узнать, может ли какое-нибудь место приютить нас на ночь. — Поморщившись, он добавил: — Думаю, Джонни сегодня вечером сразу отправят на операцию.

О, боже.

Мое сердце упало.

Я знала, что он не должен играть.

Я знала, что ему было больно.

Я знала это и ничего не сделала.

Я должна была что-то сказать его матери.

Я должна была что-то сказать тренеру.

Я знала, что он играл травмированным.

Как всегда, я нихера не сделала.

— Это моя вина, — выдавила я.

— Потому что ты знала? — Прошептала Гибси.

Я опустила голову от стыда.

— Тогда это и моя вина тоже, — сказал он мне. — Заходи, малышка Шэннон, — добавил он, слегка улыбнувшись мне. — Он там один, ждет, когда его отвезут в больницу.

— Э-э, может, мне не стоит...

— Ты должна, — прервал он меня, сказав.

— Я должна? — Спросила я неуверенно.

Гибси кивнул:

— Ты должна.

И, не сказав больше ни слова, он пошел в сторону автостоянки к школьному автобусу.

Я стояла там еще целых пять минут, пытаюсь уговорить себя спуститься с уступа, с которого я угрожала прыгнуть.

Это не сработало.

Казалось, ничто больше не имело смысла.

Ничего, кроме как найти его.

Дрожа с головы до ног, я сделала решительный шаг и поспешила внутрь здания и вниз по коридору с бетонным полом, не останавливаясь, пока не оказалась перед белой дверью с выгравированным на ней словом «Посетители».

Сделав глубокий, успокаивающий вдох, я толкнула дверь внутрь и вошла в пустую раздевалку, только для того, чтобы сразу же почувствовать зловоние Глубокой жары.

Это было так сильно, что у меня слезились глаза.

Из арки, которая, как я предположила, вела в душевую, валил пар.

Большинство раздевалок имели одинаковую планировку: большая комната, стены из белого кирпича, деревянные скамейки по обе стороны от комнаты и душевые, расположенные в задней части.

Он в душе, идиотка.

Что ты делаешь?

Убирайся.

Убирайся сейчас же!

Смутившись, я развернулась и бросилась к двери, но остановилась как вкопанная, когда Джонни позвал меня по имени.

— Шэннон?

Униженная, я повернулась к нему лицом.

— Привет, — выдавила я, заставляя себя дышать, хотя при виде него мне показалось, что мое сердце ускорило в груди.

У Джонни через плечо было перекинуто полотенце, в руке он сжимал металлический

костыль, и на его лице было страдальческое выражение. На нем снова были CalvinKlein.

Сегодняшние были черными.

— Привет, — ответил Джонни, отвлекая меня от опасных мыслей. — Что ты здесь делаешь?

— Я хотела проведать тебя, — выпалил я, отчаянно пытаюсь не смотреть на то, как сокращаются мышцы его живота, когда он подошел к скамейке, перенося весь свой вес на костыль. — Я волновалась.

Он снова хромал, теперь это было совершенно очевидно, и я мгновенно насторожилась.

Настороженная и обеспокоенная.

— Я волнуюсь, — пробормотала я.

— Один из этих придурков из Ройса ударил меня своим ботинком, — проворчал Джонни.

Он осторожно сел, положил костыль рядом с собой и положил полотенце на правое бедро.

— Ударил тебя? — Я задохнулась от ужаса.

О, боже.

Тяжело выдохнув, Джонни откинулся назад и прислонился головой к кафельной стене за спиной.

— Придурки.

— Ты не вставал, Джонни, — прошептала я, прикусив губу. Мой взгляд метнулся к его бедру. — Долгое время.

— Потерял сознание от боли, — неохотно признался он.

— Они отправляют тебя в больницу? — Предложил я, заставляя себя оставаться на месте и не бежать к нему, как мне отчаянно хотелось. — Для исследования?

— Это протокол, учитывая обстоятельства. Тяжело выдохнув, он откинулся назад и прислонился головой к кафельной стене за спиной. — Это гребаная шутка.

Лжец.

Я знаю, что тебе предстоит операция.

— Насколько все плохо, Джонни? — Я заставила себя спросить.

Он бросил на меня взгляд голубых глаз, полных тепла.

— Я в порядке, Шэннон, — Еще больше лжи.

Я могла слышать, как ему было больно, по тому, как он стискивал слова, когда говорил.

Ему было больно.

И он был напуган.

— Ты уверен? — Я надавила.

Он посмотрел на меня голубыми глазами, полными тепла.

— А ты?

— Я не знаю. — Я беспомощно пожала плечами. — Я так боюсь за тебя.

Джонни выгнул бровь в ответ на мой ответ, и я покраснела, как свекла.

— Я должна оставить тебя в покое. — Я сцепила руки и глубоко сглотнула.

— Я, эм, пойду подожду в автобусе.

Я развернулась и поспешила к двери.

— Ты можешь остаться со мной?

Мои ноги остановились, а сердце забилось быстрее.

Я обернулась, чтобы посмотреть на него.

— А?

— Пожалуйста, — прохрипел Джонни. — Я не хочу быть один.

Мое сердце сильно сжалось в груди, стало трудно дышать.

— Я могу пойти за Гибси? — Слабо предложила я.

Джонни покачал головой:

— Я хочу *ты* осталась.

Я знала, что должна уйти.

Я должна выйти из этой комнаты и занять свое место в автобусе.

Это было бы правильно.

Разумное решение.

Но я бы не стала.

Потому что я не могла оставить его.

Неуклюже я двинулась к нему, не останавливаясь, пока не села рядом с ним.

Мой мозг был недоверчив и осторожен, но мое сердце — нет, и мое тело было более чем счастливо компенсировать и то, и другое.

Меня физически влекло к нему, я была эмоционально связана с ним и морально напугана.

Это превратило меня в ужасное поле битвы страданий внутри меня.

Беспокойство за этого парня было необузданным внутри меня.

Я этого не понимала, и в этот момент мне было все равно.

Облегчение, которое я почувствовала, когда вошла в эту дверь и увидела его живым и дышащим, все еще переполняло меня. Я знала, что он был в ужасе от своих перспектив играть в регби, но все, о чем я могла думать, это то, что он был цел и невредим.

Именно это ошеломляющее облегчение и беспокойство, разлившиеся по моим венам, спровоцировали мой следующий шаг.

— Все в порядке, — пообещала я, беря его большую руку в свою. — С тобой все будет в порядке.

Джонни напрягся, но не убрал свою руку с моей.

Я тоже не отпускала.

Я просто положила его руку себе на колени и крепко держала.

— Мне больно, Шэннон, — признался он, опустив голову. — Я так чертовски напуган.

— Я знаю, что это так, — прошептала я, придвигаясь ближе, пальцы подергивались от внутреннего желания проверить повреждения, которые он прятал под этим полотенцем. — Они дали тебе что-нибудь от боли?

Джонни прерывисто выдохнул:

— Да, док сделал мне укол чего — то — кажется, миорелаксанта.

— Это помогает?

Он покачал головой.

— Держу пари, ты жалеешь, что потратил на меня ибупрофен, да? — Я пошутила, пытаюсь отвлечь его от очевидного дискомфорта, в котором он находился. — Они бы подошли прямо сейчас.

— Транквилизатор был бы полезен, — мрачно парировал он, его большие плечи поникли.

— Дай мне посмотреть на тебя, — мягко попросила я.

Держа свою правую руку обернутой вокруг его, я использовала левую, чтобы дотянуться

и повернуть его подбородок.

— Эти ублюдки, — проворчала я, глядя на фиолетовый кровоподтек на его щеке и порез над бровью, который снова начал кровоточить. — Твое лицо...

Джонни усмехнулся.

— Что смешного? — Спросила я, взволнованная, услышав, как он издает этот звук.

— Странно слышать, как ты говоришь «ублюдок», — объяснил он с усталой улыбкой.

— Знаешь, я довольно равнодушна к ругательствам, — сказала я ему, отчаянно пытаюсь отвлечь его от боли.

— Нет, ты не такая, — хрипло ответил он, слишком умный для его же блага. — Ты просто говоришь это, чтобы отвлечь меня.

— Это работает?

Он натянуто кивнул:

— Не останавливайся.

Ломая голову над тем, что сказать, я позволяю своему взгляду блуждать по нему, впитывая каждую бороздку и твердый край, пока не останавливаюсь на руке, окутанной в моей.

Его рука была большой и мужской, костяшки пальцев имели странную форму из-за того, что, как я предположила, были годами грубой работы. У него были длинные пальцы, коротко подстриженные ногти, и у него был длинный шрам, пересекающий тыльную сторону левой руки.

Я подняла бровь на это.

Касаясь кончиками пальцев неровной линии на тыльной стороне его ладони, я спросила: — Как это произошло?

— Шпильки для ботинок, — объяснил он, глядя на наши соединенные руки. — Незаконный ручной штамп в раке во время полуфинала клуба два года назад, что привело к семи ушибам и столбняку.

Я поморщилась. — Ой.

Он резко выдохнул. — Да.

— У тебя есть еще?

— У меня есть несколько, — ответил он, с любопытством глядя на меня.

— Могу я посмотреть?

Джонни долго смотрел на меня, прежде чем медленно кивнуть:

— Если ты хочешь.

— Да, — ответила я, желая занять его мысли, пока он ждет приезда скорой помощи.

— Я тревожилего больше раз, чем помню, — сказал мне Джонни, указывая на свой нос. — Худшее время было прошлым летом. — Он поморщился, прежде чем добавить: — Им пришлось подпиливать кость и переламывать ее, чтобы установить на место.

Мои глаза расширились.

— На место?

— Да. — Он ухмыльнулся. — Я ходил по этому месту, касаясь носом щеки.

— Боже, — простонала я, чувствуя, как меня выворачивает наизнанку. — Это варварство.

— Это регби, — засмеялся он, а затем громко грюкнул, вздрогнув от боли.

— Что еще? — Я поспешила спросить.

Испутив болезненный вздох, Джонни подробно рассказал мне о том, как у него лопнул

аппендикс, когда ему было тринадцать, а затем его желудок вывернулся наизнанку, когда он выздоравливал, что привело к еще одной процедуре, прежде чем побаловать меня близким и личным общением с его шрамом на животе.

Пузо было глупым словом, чтобы использовать его при описании.

Это был слишком мягкий, слишком невинный термин, чтобы описать то, чем он обладал.

У мальчиков были животы.

Было совершенно ясно, что Джонни больше не мальчик.

Этот пресс и эта темная дорожка волос под его пупком объясняются этим.

Затем Джонни наклонился вперед и указал на отвратительно выглядящий кусок потертой кожи над его правым коленом.

— Это поставило меня в задницу на все лето.

— Что случилось? — Я пискнула. — Регби?

— На этот раз, нет. Это случилось за пределами поля, когда мне было десять, — ответил он. — Несколько старших парней в моей школе подбили меня прыгнуть со скалы в Сандерс — Пойнт...

— Это пятидесятифутовое место для дайвинга, где мы обычно зависали дома, — объяснил Джонни. — Тогда я был сумасшедшим маленьким ублюдком, сражался с большими парнями, думая, что я невероятный халк. — Он покачал головой и нежно улыбнулся. — Оказывается, я не был им, и я имею рентген и неделю в больнице, чтобы доказать это.

— Господи, — выдавила я. — Тебе было всего десять! Ты мог умереть.

— Теперь я больше. — Он грустно улыбнулся. — Труднее сломать.

— Да. — Я крепко сжала его руку. — Это правда.

Джонни показал мне еще несколько своих боевых ран, посмеиваясь каждый раз, когда я стонала или давилась.

Разговор, казалось, отвлекал его от его боли, и я была рада.

Его плечи уже не были так напряжены, и чем больше мы разговаривали, тем больше исчезала скованность в его теле.

— О, и я сломал скулу, когда мне было четырнадцать. — Джонни наклонил свое лицо близко к моему. — Видишь там? — Он указал на тонкую серебристую линию, пересекающую верхнюю точку его левой щеки. — Сейчас ты едва ли это видишь, но это было чертовски больно.

— О, да, — задумчиво произнесла я, осматривая тонкий шрам. — Я никогда раньше этого не замечала. — Я перевела взгляд на его бровь. Не в силах остановиться, я протянула руку и снова провела большим пальцем по его брови. — Почему она всегда кровоточит?

— Не было шанса исцелиться, — объяснил он, оставаясь совершенно неподвижным, пока я неуместно прикасалась к нему. — Заживет должным образом, как только сезон закончится.

— О, — прошептала я, ища на его лице еще больше скрытых боевых ран.

Когда мои глаза снова встретились с его, я обнаружила, что он наблюдает за мной, его темно-синие глаза горят и устремлены на меня.

— Игрок из Ройс причинил тебе боль там? — Я наклонила голову туда, где полотенце было накинуто на его бедро. — Так вот почему ты потерял сознание?

Джонни неохотно кивнул.

— Можно мне посмотреть? — Спросила я, мой голос был едва громче шепота.

Он напрягся.

— Пожалуйста?

Он медленно покачал головой.

— Шэннон, я не думаю, что это хорошая идея.

— Пожалуйста? — Повторила я, нервно глядя на него. — Я уже знаю, что там, и ты показал мне другие.

— Это плохо, Шэннон, — хрипло ответил он. — Поверь мне, ты не захочешь это видеть.

— Ты можешь доверять мне, — прошептала я. — Я никому не скажу.

Джонни долго смотрел на меня, не сводя с меня глаз, прежде чем тяжело выдохнуть.

Плечи опустились, он опустил руки по бокам, но не сделал ни одного движения, чтобы показать мне.

— Можно мне? — Я спросила.

Он закрыл глаза и натянуто кивнул.

Я поняла, что он давал мне поводья, чтобы делать то, что я хотела.

Дрожа, я убрала полотенце и уставилась на то, что выглядело как недавно зашитый шрам на внутренней стороне его правого бедра.

Его бедро было опухшим, фиолетового цвета, а выглядящий сердитым, мокнувший шрам был частично скрыт тканью его боксеров.

— О боже, Джонни, — выдохнула я, соскальзывая со скамейки на пол, чтобы получше рассмотреть его.

— Не делай мне больно, — предупредил он болезненно уязвимым тоном.

— Я не буду, — пообещала я, опускаясь на колени между его ног и ожидая, когда он даст мне добро.

Натянуто кивнув, Джонни откинул голову назад и закрыл глаза, крепко сжав челюсти.

Я осторожно потянулась к подолу его боксерских трусов и осторожно сняла ткань с его плоти, только чтобы ахнуть при виде.

Его бедро было волосатым, за исключением шестидюймового участка кожи.

И этот конкретный шестидюймовый участок кожи был опухшим, выглядел жестким и ужасного коричневатого-желтого цвета.

— Он сочится, — прошептала я, проводя пальцами по неровному следу там, где его снова зашили. Хрупкие, едва зажившие швы явно были разорваны ботинком игрока Ройс, который попал ему в пах. Гной, вытекающий из раны, был красновато-желтого цвета. — Джонни, все плохо.

— Я знаю, — выпалил он, все еще зажмурив глаза. — Док сказал мне.

Я осторожно провела пальцами по шраму и окружающим синякам.

— Тебе больно, когда я прикасаюсь к тебе вот так?

— Да, больно, — ответил он хриплым голосом.

Тяжело выдохнув, я погладила его бедро и боролась с желанием прижаться поцелуем к его порезу.

— По совершенно другой причине, — прохрипел он.

И вот тогда я заметила, что я делаю — что я делала в последнюю минуту или около того.

Я сидела на коленях между его ног, поглаживая внутреннюю поверхность бедра, пытаюсь унять его боль.

Мои глаза метнулись к опасной зоне, и у меня пересохло во рту.

Так вот почему люди называли это разбиванием палатки.

Я не была уверена, что это утверждение применимо к этой конкретной породе мальчиков-подростков, потому что Джонни не просто ставил палатку в этих штанах — он ставил шатер.

Издав низкий стон, он оттолкнул мою руку и двинулся, чтобы сомкнуть бедра, но я остановила его.

Я остановила его.

— Нет, — пробормотала я тихим и хриплым голосом.

Я чувствовала жар его взгляда на своем лице.

Он снова сдвинулся, чтобы сомкнуть ноги, и я покачала головой.

Его глаза снова были открыты, зрачки были темными и расширенными.

— Что ты делаешь? — прошептал он, прикусив распухшую нижнюю губу.

Я не знала, что я делала.

Я не знала, о чем я думала.

Я не могла говорить.

Я едва могла дышать.

Я сходила с ума прямо здесь, на коленях, посреди раздевалки в Дублине.

И это была его вина.

Временная потеря рассудка заставила меня наклониться вперед и поцеловать его в бедро.

Звук, который вырвался из груди Джонни, был болезненным, гортанным стоном.

— Шэннон, пожалуйста...

Я снова поцеловала его.

— Черт, — проворчал он, ноги теперь дрожали. — Я не могу...

В третий раз, когда я поцеловала его, он сжал мои волосы в кулак и притянул мое лицо к своему.

— Шэннон, — простонал Джонни, звуча одновременно болезненно и задыхаясь, когда он нежно прижался своим лбом к моему. — Мы не можем...

Я заставила замолчать все, что он собирался сказать, прижавшись губами к его губам.

И, как и раньше, он превратился в камень.

— Прости, — выдавила я, отстраняясь. — Я сделала это снова.

— Все в порядке, — сказал он мне, тяжело дыша, как и раньше.

— Нет, нет, нет, — выдавила я, вскакивая на ноги и бросаясь к двери. — Ты ранен! Ради всего святого, ты ждешь, чтобы отправиться в больницу, а я просто — о боже! Мне так жаль.

— Шэннон, подожди, — крикнул Джонни, пытаясь схватить свой клатч. — Подожди!

Я не стала ждать.

Вместо этого я сделала то, что должна была сделать раньше.

Я сбежала от Джонни Кавана.

Поспешив к двери, я распахнула ее.

Она открылась примерно на четыре дюйма, прежде чем снова захлопнуться — ладонь прижалась к нему, причина — без сомнения.

— Подожди, — скомандовал он, стоя так близко ко мне, что я могла чувствовать, как его грудь поднимается и опускается у моей шеи.

С колотящимся в груди сердцем я развернулась и уставилась на Джонни, когда он

заклучил меня в клетку своим большим телом.

— Мне так жаль, — прошептала я, не в силах оторвать от него глаз. — Я просто ... я... — Покачав головой, я прерывисто выдохнула и прошептала: — Я не должна была этого делать.

Он покачал головой и использовал свой костыль, чтобы подойти ближе, прижимаясь своим телом ко мне.

— Я тоже, — хрипло ответил он, переводя взгляд с моих глаз на рот.

— Почему ты сожалеешь? — Я дышала, дрожа с головы до ног.

Он обхватил мою щеку свободной рукой и приподнял мой подбородок.

— Потому что я не должен этого делать, — прошептал он.

А потом он поцеловал меня.

В тот момент, когда его губы прижались к моим, по моему телу пробежал сильный жар, вызывая восхитительную, жгучую боль в животе.

Неспособная мыслить здраво, не говоря уже о том, чтобы дышать, я сделала единственное, что могла сделать, учитывая обстоятельства: я потянулась, схватила его за предплечья и поцеловала в ответ.

Это был мой первый настоящий поцелуй, не считая катастрофы в его спальне, и я понятия не имела, что делаю.

Я только знала, что никогда не хотела, чтобы он останавливался.

Когда я почувствовала, как одна из его рук скользнула по моей руке и остановилась на моем бедре, я потеряла контроль.

Я полностью и окончательно лишилась рассудка.

Неудержимо дрожа, я прислоняюсь спиной к дверному косяку, когда мои бедра толкаются ближе к нему.

Я тонула в своих чувствах, когда они врезались в меня, как разрушительный мяч.

Чем больше он целовал меня, тем сильнее мое тело неудержимо дрожало.

Чем больше я искала.

Я застонала ему в рот, когда почувствовала, как кончик его языка скользнул по моей нижней губе.

Понимая, что он ждет, когда я открою для него рот, я приоткрыла губы и затаила дыхание, когда почувствовала, как его язык скользнул в мой рот.

Он нежно коснулся моего языка своим языком в медленных, терпеливых движениях.

О, Боже.

О, милый Иисус.

Я целовалась с Джонни Кавана.

Джонни Кавана целовал меня в ответ.

Его язык был у меня во рту, его рука в моих волосах, а мое сердце у него в кармане.

Это было...

Это было...

Все, чего я никогда не ожидала, и даже больше.

Неуверенная, я осторожно высунула язык и погладила его.

Джонни наградил меня низким, одобрительным рычанием, которое исходило откуда-то из глубины его груди.

Дрожа, я обняла его за талию и притянула ближе к себе, не уверенная в том, что делаю, но зная, что моему телу нужно больше.

Моя уверенность росла с каждым касанием наших губ, с каждым массирующим поединком наших языков, пока я не замурыкала в его объятиях, нетерпеливо покачиваясь на нем, пока мы неуклюже двигались к ближайшей скамейке.

Как это произошло?

Почему это произошло?

Я не знала.

Я не знала, и мне было все равно.

Джонни отшатнулся назад и тяжело опустился на деревянную скамью.

Удар вызвал стон боли, вырвавшийся из его груди, но он так и не оторвался от моих губ, отбросив свой костыль и притянув меня к себе между ног.

Его руки переместились с моего лица на талию, сильно сжимая, и это движение вызвало стон, вырвавшийся из моего горла.

Он ответил на мой тихий вздох удивленного удовольствия своим собственным низким одобрителем рычанием.

— Ты в порядке? — Я дышала ему в губы, держась за его плечи.

— Просто продолжай целовать меня, — выдавил он. — Я так сильно тебя хочу.

Я сильно дрожала. — Ты хочешь?

— Так чертовски, — простонал он мне в губы, а затем его руки оказались на моих бедрах, его пальцы задрали мою облегающую юбку, чтобы обхватить мои бедра, прежде чем усадить меня к себе на колени, побуждая меня оседлать его.

Осознавая его травму, я подтянула одно бедро по обе стороны от него и зависла над его коленями, удерживая свой вес от него, когда я обхватила его красивое лицо своими маленькими руками и поцеловала его в ответ со всем, что было во мне.

Джонни вздрогнул от моего прикосновения, но я не отстранилась.

Я ничего не могла с собой поделать.

Я хотела прикоснуться к его лицу.

Я хотела прикоснуться к нему везде.

— Я все делаю правильно? — Я дышала ему в губы, болезненно осознавая свою неопытность.

— Более чем правильно, — заверил он меня, снова завладевая моим ртом.

— Это мой первый поцелуй, — простонала я ему в губы.

— Ты чертовски идеальна, — заверил он меня, заполняя мой рот своим горячим языком.

Возвращаясь к глубокому, одурманивающему поцелую, я позволила себе расслабиться и впитать ощущения, пронизывающие меня.

Он чувствовал себя так хорошо.

Его губы были такими мягкими.

Его тело было таким твердым.

От него так приятно пахло.

Он был таким сладким на вкус.

Я тонула в чувствах.

Не в силах остановиться, я запустила руку в его мокрые волосы и потянула.

Он ответил на мою храбрость низким рыком, когда он сжал руки на моих бедрах и усадил меня к себе на колени, одновременно подталкивая бедра вверх.

Задыхаясь в его рот, я охотно пошла, слишком поглощенная опьяняюще восхитительным

ощущением его тела, прижатого к моему, чтобы думать о том, что это может причинить ему боль.

Он явно наслаждался этим.

Я чувствовала его наслаждение, когда он напрягался против меня.

Устроившись у меня между ног, Джонни не настаивал на большем.

Вместо этого он продолжал целовать меня горячими, скользящими движениями языка, губя меня одним своим ртом.

От него мне было жарко и все болело.

Теряя самообладание и преследуя давление, я мякнула ему в рот и тяжело опустилась на его колени.

Джонни зашипел мне в рот, и я замерла, внезапно осознав его травму.

— Я делаю тебе больно? — Спросила я у его губ.

— Только если ты остановишься. — Он запустил руку в мои волосы и углубил поцелуй.

Я думаю, что я влюблена в тебя.

Кажется, я падаю.

Пожалуйста, не делай мне больно.

Пожалуйста, никогда не делай мне больно.

В моей голове проносились безумные, вызванные похотью мысли, все они были направлены на Джонни.

Кажется, я не могла удержаться от того, чтобы не упасть на грань эмоционального самоубийства.

Я изголодалась по нему.

Голодная.

Мне нужен был этот парень.

Я отчаянно нуждалась в нем.

Я страдала и тосковала, и я признала это сейчас, с открытым разумом и ранимым сердцем.

Чем больше я раскачивалась рядом с ним, тем больше он поощрял меня двигаться, подтягивая мои бедра, прижимая наши тела друг к другу.

Я была так увлечена нашим поцелуем, что не услышала, как открылась и закрылась дверь раздевалки, и я лишь смутно осознала, что кто-то прочистил горло.

Только когда тренер Малкахи сказал: «Я вижу, ты чувствуешь себя лучше», эта реальность обрушилась на меня с оглушительным грохотом.

— Черт, — простонал Джонни мне в рот.

Пораженная, я прервала поцелуй и попыталась слезть с колен Джонни.

Попыталась подобрать подходящее слово, потому что Джонни схватил меня за руку и притянул к себе.

Когда он наклонился и поправил мою юбку, опуская ее обратно, я чуть не умерла на месте.

— Неподобающее поведение на территории школы, Кавана, — огрызнулся тренер Малкахи, бросая на нас обоих свирепые взгляды. — Что, черт возьми, с тобой не так?

Мой взгляд упал на двух удивленных игроков, стоящих позади Тренера, и я громко заскулила.

— Мы не на территории школы, сэр, — спокойно ответил Джонни, потянув меня вниз, чтобы сесть рядом с ним.

— Тебе пора в школу, — рявкнул тренер.

— На самом деле, нет, — возразил Джонни, беря меня за руку.

Я была невероятно благодарна за его прикосновение в этот момент.

Это заземляло и успокаивало и не давало мне тревожно блевать.

Кое-что, чем я была известна.

— Сейчас половина девятого вечера, — добавил Джонни, пожав плечами. — Школьные часы давно прошли.

— Это неподобающее поведение, — проревел тренер, бросив на нас яростный взгляд. — Не вдавайся в подробности. Вам обоим нет восемнадцати. — Явно взбешенный, он добавил: — Мне придется сообщить об этом мистеру Туоми и твоим родителям.

— О боже, — выдавила я, запаниковав. — Пожалуйста, не говорите.

— Поцелуй? — Джонни усмехнулся, крепче сжимая мою дрожащую руку. — Вы собираетесь сообщить о гребаном поцелуе? — Он невесело рассмеялся. — Пройдитесь по проходу этого автобуса, тренер. Уверен, вы найдете кое-что похуже поцелуев.

— Вы несовершеннолетний ученик, который был наедине с другой несовершеннолетней ученицей в раздевалке, — горячо ответил учитель. — В крайне компрометирующем положении. Тогда тренер повернулся ко мне. — Это та репутация, которую вы хотите, начиная с Томмен, мисс Линч? — он потребовал. — Ты хочешь быть одной из этих девочек?

Слезы защипали мне глаза, и я быстро покачала головой.

— Эй, не говорите с ней так, — огрызнулся Джонни, наклоняясь вперед, заслоняя меня от взгляда мистера Малкахи.

— Давай, Джонни! — Тренер нетерпеливо ворчал. — Подумай о том, как это выглядит.

— Мне похер, как это выглядит, — прорычал Джонни. Он вскочил на ноги только для того, чтобы быстро отшатнуться назад и рухнуть на скамейку с болезненным стоном. — Не смейте так говорить о ней, — выпалил он, раздувая ноздри. — Никто не говорит о ней так.

— Посмотри на себя! — Потребовал тренер, указывая на нижнюю половину Джонни. — Посмотри, в каком ты состоянии.

Джонни не смотрел, но я смотрела.

Я посмотрела и издала сдавленный вздох при виде этого.

Кровь сочилась из того места, где игрок Ройс разорвал его шипами для ботинок.

— Джонни, — прохрипела я, снова потянувшись к его руке.

О боже, его рука дрожала.

Я повернулась, чтобы посмотреть на него.

Все тело Джонни тряслось.

Его лицо исказилось от боли.

Он дрожал с головы до ног.

— Ты травмирован, парень, — огрызнулся тренер. — Ты меня слышишь? Твое тело разваливается на части, а ты тут занимаешься этим гребаным идиотизмом с девчонкой!

— Хорошо, все просто успокойтесь, — приказал мужчина-парамедик, подойдя к Джонни и опустившись перед ним на колени. — Что у нас здесь, сынок?

— Я уже сказал доктору, — выпалил Джонни, теперь его сильно трясло.

— Уступи мне, — ответил фельдшер.

— Порванная приводящая мышца. — Прерывисто выдохнув, Джонни откинулся назад и закрыл глаза. — У меня была операция на 20-е декабря, — объяснил он, звуча совершенно побежденным. — Оно не зажило.

— Потому что он не дал своему телу шанса на исцеление, — вставил тренер. — Его товарищ по команде и друг сказал мне, что это постоянная проблема, которую он скрывал от нас.

— Как будто вам не наплевать, — прорычал Джонни, яростно сверкая глазами. — У вас есть свои трофеи и ваш финал обеспечен, не так ли?

— Конечно, мне насрать, ты, маленький придурок, — огрызнулся тренер. — Мне на тебя насрать, хотя почему — это выше моего понимания!

— У нас было сообщение, что вы были без сознания на несколько минут во время матча по регби, — спросил другой фельдшер, делая заметки.

— От боли, — хрипло признался Джонни. — Травмы головы не было.

— Пока, — отрезал тренер. — Для этого еще есть время.

— Черт возьми, попробуй, — уныло проворчал Джонни. Его голова слегка наклонилась, и он снова вскинул голову, все еще дрожа.

— Эй-эй, все в порядке, — прошептала я, обхватив его лицо руками, чтобы успокоить. — Ты в порядке.

Он снова покачал головой, его глаза выглядели слегка остекленевшими, прежде чем сфокусироваться на моем лице.

— Мне очень жаль, — прохрипел он немного невнятным голосом.

— За что?

— За то, что не... — Он закрыл глаза и выдохнул болезненный стон, — поцеловал тебя в ответ той ночью.

— Не волнуйся об этом, — прошептала я, обхватив его лицо руками. — Даже не думай об этом прямо сейчас, хорошо?

— Я хотел, — проворчал он, зажмурился, когда огромная дрожь прока тилась по его телу. — Я обещаю.

— Джонни, все в порядке, — прохрипела я, смагивая слезы.

Он выглядел так, как будто ему было так больно, что я едва могла это вынести.

— Ему нужно все проверить, — рявкнул тренер тоном, пропитанным беспокойством. — Анализ крови. Рентген. Сканы. Что бы он тебе ни сказал, игнорируй это. Он маленький упрямый засранец, который не скажет тебе, когда есть проблема.

— Понятно, — задумчиво произнесла женщина-парамедик с планшетом.

— У него контракт с Ирландской академией регби, — добавил тренер, вытирая лицо рукой. — Все его заметки в пробке, но его нужно завернуть в вату...

— Понятно, — ответил мужчина-парамедик. Повернувшись к Джонни, он подмигнул. — Ты не первый щенок академии, которого я лечил.

— Может быть, твоя девушка может выйти, Джонни, — предложила женщина-парамедик.

Ответом Джонни на ее просьбу было крепче сжать мою руку.

Боже, он так сильно дрожал, что все мое тело вибрировало от прикосновения.

— Да. — Тренер кивнул и обратил свое внимание на меня. — Мисс Линч, я предлагаю вам занять свое место в автобусе, — рявкнул тренер, отпуская меня.

— Ты в порядке? — Спросила я, поворачиваясь, чтобы посмотреть на Джонни.

Он не выглядел нормально.

Он был похож на загнанного в угол зверя.

Раненного и отчаявшегося.

Он долго смотрел на меня, в его голубых глазах была тревога, прежде чем смиренно кивнуть и отпустить мою руку.

— Я могу остаться? — Прошептала я, не уверенная, правильно ли было оставить его. — Или подождать снаружи?

Было нехорошо или неправильно оставлять его.

На самом деле все казалось неправильным.

— Со мной все будет в порядке, — сказал мне Джонни, подмигнув, прежде чем застонал от боли, когда парамедик ткнул его в бедро. — Черт!

— Вон, мисс Линч, — рявкнул тренер, подталкивая меня к двери.

— Могу я пойти с ним? — Я услышала свой вопрос. — Пожалуйста?

— Ты можешь вернуться в автобус, как я тебе сказал, — приказал он. — А теперь вон!

Стыд, вина и ответственность наполнили мое тело, когда я двинулась к двери.

— Пока, Джонни, — прошептала я, зависнув в дверном проеме, борясь с желанием побежать к нему.

Его полные боли глаза остановились на моих:

— Пока, Шэннон.

Я люблю тебя.

Я так люблю тебя.

Пожалуйста, будь в порядке.

Глава 64. Глава в ожидание

Шэннон

— Шэн? — Клэр прошептала мне на ухо. — Ты все еще не спишь?

— Я не сплю, — прохрипела я, лежа на боку, совершенно неподвижно, и смотрела в окно на огни столицы.

Я не двигалась с этой точной позиции с тех пор, как несколько часов назад меня втолкнули в гостиничный номер с Клэр, Лиззи, Шелли и Хелен и сказали оставаться на месте измотанной миссис Мур.

Девочки уже давно уснули, Лиззи на односпальной кровати рядом с нашей, а Шелли и Хелен на двухспальной кровати в противоположной части комнаты.

Но только не я.

Я не сомкнула глаз.

Я тонула в своем беспокойстве.

Время от времени я проверяла время на аналоговых часах на тумбочке.

05:38 было его самым последним временем прочтения.

Джонни был где-то там, лежал в одной из тех больших, освещенных больниц, и бог знает, что делалось с его телом.

Я не знала, что происходит.

Никто мне ничего не сказал.

У меня не было его номера телефона, а даже если бы и был, у меня не было телефона, чтобы им воспользоваться.

Мое сердце замерло в груди.

Страх, не похожий ни на один из тех, что я испытывала раньше, терзал меня.

Я была в ужасе за него.

— Как ты думаешь, его уже прооперировали? — Спросила Клэр.

Я пожалала плечами, чувствуя, что онемела до костей.

Повернувшись на бок на крошечной односпальной кровати, которую мы делили, Клэр обняла меня:

— Они забирали его около полуночи — разве не так сказал Джерард?

Я снова беспомощно пожалала плечами.

Я понятия не имела.

— С ним все будет в порядке, Шэн, — прошептала она, крепко сжимая меня. — Я уверена в этом.

— Я чувствую, что не могу дышать, — призналась я, когда слезинка за слезинкой падали с моих ресниц. — Клэр, я так боюсь за него, и мое тело заледянело.

— Это понятно, — ответила она, успокаивающе поглаживая мою руку.

— Это так? — Я задохнулась, борясь с желанием закричать. — Потому что я понятия не имею, почему я чувствую, что умираю прямо сейчас. — Шмыгая носом, я сделала несколько прерывистых вдохов, отчаянно пытаюсь взять свои эмоции под контроль. — Мне никогда в жизни не было так страшно.

— Шэн, — тихо вздохнула Клэр. — Ты так себя чувствуешь, потому что заботишься о Джонни.

Кивнув, я зажмурила глаза и напряглась всем телом, чтобы остановить дрожь,

сотрясающую меня.

— А может, потому, что ты его любишь?

Прерывисто выдохнув, я перевернулась на спину и повернула лицо, чтобы посмотреть на свою лучшую подругу.

— Я так влюблена в него, Клэр, — призналась я, а затем разрыдалась. — Я люблю его так сильно, что мысль о том, что с ним не все в порядке, убивает меня.

— Джонни знает, что ты чувствуешь?

Я покачала головой и заплакала сильнее.

— Я не должна была оставлять его, — рыдала я. — Я должна была остаться с ним.

— Ты не могла, — сказала она мягким тоном. — Мистер Малкахи никогда бы тебе не позволил.

— Он выглядел таким испуганным, Клэр, — выдавила я, когда мое тело затрясалось от рыданий. — Ты его не видела, но он был так напуган. А потом его увезли на той машине скорой помощи. Я смотрела, как он уходит. Я видела, как его уводили. А теперь? Теперь я не знаю, где он и один ли он ...

— Все в порядке, — уговаривала она, заключая меня в объятия. — Шшш, все в порядке. Все будет хорошо.

— Что, если с ним что-нибудь случится? — Я рыдала, цепляясь за нее изо всех сил. — Что, если что-то пойдет не так...

— Нет, — прервала она, ее голос был суровым шепотом. — С ним все будет в порядке —

Тихий стук в дверь напугал меня и заставил нас обоих подскочить на кровати.

Мои глаза метнулись к трем спящим девочкам, а затем снова к Клэр.

Она уставилась на меня широко раскрытыми глазами.

— Девочки, — раздался знакомый приглушенный голос с другой стороны двери гостиничного номера. — Впустите меня.

Клэр подняла руку, показывая мне оставаться на месте, прежде чем соскользнуть с кровати и на цыпочках пересечь комнату.

— Джерард? — прошептала она, прижав ухо к двери.

— Да, это я, детка, — раздался голос Гибси с другой стороны.

Слава богу.

Вскочив с кровати, я поспешила к двери как раз в тот момент, когда Клэр открыла ее.

Мы обе вздрогнули, когда свет в коридоре почти ослепил нас обеих.

— Привет, — поздоровался Гибси, стоя в дверях, завернутый в пальто и шапочку. — Я думал, ты уже встала.

— Что происходит? — Клэр быстро спросила его. — Ты что-нибудь слышал?

— С Джонни все в порядке? — Я потребовала. — Его уже прооперировали?

— Ты разговаривал с его родителями? — Спросила Клэр. — Его мама с ним?

— С ним все в порядке? — Я повторила, призывая подняться.

— По одному, девочки, Господи, — пробормотал Гибси, отступая в коридор и жестом приглашая нас следовать за ним.

Мы обе пошли без колебаний.

— Я только что разговаривал по телефону с его отцом, — заявил Гибси, прислонившись к стене, выглядя бледным и измученным. — Это касается только нас троих, — добавил он, бросив на нас предупреждающий взгляд. — Это понятно?

Мы вдвоем кивнули.

Гибси, в свою очередь, устало кивнул:

— Он после операции — все прошло хорошо, — быстро добавил он, глядя на меня. т—

С твоим парнем все в порядке, малышка Шэннон. Сделай вдох.

— Слава богу, — выдохнула я, прижимая руку к груди.

Облегчение, затопившее мое тело, было настолько сильным, что мне пришлось сделать пару шагов назад и прислониться к противоположной стене.

— Когда они вскрыли его, они обнаружили огромную адгезию там, где они оперировали его приводящую мышцу на Рождество, — объяснил он. — По-видимому, это было довольно плохо.

— Насколько плохо? — прошептала я, снова впадая в панику.

Гибси поморщился:

— По словам его отца, это блокировало у Джонни сперматозоиды или какая-то ужасная чертова катастрофа вроде этой. — Содрогнувшись, он добавил: — Это могло серьезно подорвать его шансы иметь семью в дальнейшем.

— Это то, что причиняло ему всю эту боль? — Я прохрипела, опустошенная мыслью, что он испытывал такую сильную агонию. — О, боже.

— Не только это, — сказал Гибси со вздохом. — У него тяжелая инфекция в ноге, и Джон-старший сказал, что им пришлось провести что-то, называемое сопутствующей операцией, потому что у Джонни была так называемая спортивная пубалгия, которую они не обнаружили в его последних тестах и сканированиях?

— Что это, черт возьми, такое? — Клэр ахнула.

— Хрен его знает, детка, — сказал ей Гибси. — Я не доктор, и я ни на йоту не понимаю, что, черт возьми, все это значит, но что бы это ни было, это калечило его.

— Это спортивная грыжа, — прошептала я, вспомнив, как однажды читала об этом в школьной статье.

— Это предельно плохо, да? — Спросила Клэр.

— Это мучительно, — выдавила я, бледнея при мысли о том, сколько боли Джонни, должно быть, перенес за последние несколько месяцев. — Должно быть, ему было очень больно играть с такой травмой.

Гибси мрачно кивнул:

— Врачи сказали его отцу, что они не знают, как он ходил с болью, не говоря уже о том, чтобы продолжать играть в регби.

— Он проснулся? — Спросила Клэр с надеждой.

Гибси покачал головой:

— Нет, он все еще восстанавливается. Они накачали его до самых небес, так что он еще немного будет вне игры.

— Ты собираешься его увидеть? — Я спросила.

— Черт возьми, да, я собираюсь его увидеть, — проворчал Гибси. — И ты пойдешь со мной.

— Я?

— Да, ты, малышка Шэннон, — ответил Гибси. — Он захочет тебя увидеть.

— Правда?

Он кивнул:

— Иди, одевайся. Я вызову такси.

— А как насчет мистера Малкахи? — Добавила Клэр, закусив губу. — Он и миссис Мур

сказали, что нам нельзя выходить из наших комнат.

— Тренер может поцеловать мою лилейно-белую задницу, — без колебаний ответил Гибси. — Это мой лучший друг, лежащий на больничной койке, крошка.

— Но, Джерард, сейчас только шесть утра, — добавила Клэр, звуча обеспокоенно. — И я не хочу, чтобы у вас были проблемы... — она сделала паузу, чтобы посмотреть на меня, — у любого из вас.

— Словами покойного великого Фредди Меркьюри: «не останавливай меня сейчас», — сказал он ей. — Просто возвращайся в постель, и я напишу тебе немного.

— Шэннон, не уходи, — сказала Клэр, повернувшись ко мне, с глазами, полными беспокойства. — Если тебя поймают, и они расскажут твоему отцу...

— Я уйду, — прохрипел я, останавливая ее, прежде чем она смогла закончить это предложение.

Я знала, что произойдет.

Я также знала, что это произойдет независимо.

Я была здесь, в Дублине, когда должна была быть дома.

Он все равно собирался убить меня.

Я должна была уйти.

Поспешив обратно в комнату, я снова надела форму — нелегко в темноте и со спящими соседями по комнате — а затем быстро выбежала обратно в коридор, где Клэр все еще стояла с Гибси.

— Позаботься о ней, Джерард Гибсон, ты меня слышишь? — она шипела. — Никогда и ни по какой причине не оставляйте ее одну. И если тебя поймают, тогда ты получишь обертку, хорошо? Мне все равно, что ты должен сделать, но ты придумай что-нибудь, чтобы ее не обвинили в этом...

— Малышка Шэннон, — объявил Гибси, толкая Клэр в плечо, чтобы предупредить ее с том, что я вернулась и могу их слышать.

— Привет, — выдохнула я, разглаживая пальто.

— Готовы к побегу из тюрьмы? — добавил он с усмешкой.

Я посмотрела на Клэр, которая теребила губу и качала головой, прежде чем снова повернуться к Гибси.

Заставив образ лица моего отца исчезнуть из моего разума, я прерывисто выдохнула и кивнула:

— Я готова.

Глава 65. Найди девушку

Джонни

Когда я открыл глаза, это была темная комната и звук пищащих мониторов.

Не уверенный в том, где я, черт возьми, нахожусь, я автоматически начал паниковать и рвать провода, прикрепленные к моей груди и рукам.

Некоторые из них тоже застряли у меня в носу, и я встряхнул их, пытаюсь вырваться.

Мои руки чувствовали себя странно — как будто они не принадлежали мне.

В голове у меня было то же самое.

Мои глазные яблоки вращались в моей голове сами по себе.

Серьезно, я не мог с ними справиться.

Я пытался сосредоточиться, я очень старался разобраться в том, что меня окружает, но мои глаза продолжали дрожать, и комната кружилась.

Я был под кайфом?

Гибси накачал меня?

Этот ублюдок...

— Джонни, все в порядке, сынок, — голос моего отца раздался совсем рядом. — Не тяните за капельницу. Ты навредишь себе.

— Да?

— Я здесь, сынок.

Звук стула, соскребающего с плитки, заполнил мои уши.

— Да, — прохрипел, успокаиваясь, когда почувствовал, как его теплая рука накрыла мою. — Где я?

Я не мог его видеть, но я знал, что он был близко.

Его голос звучал прямо у моего уха, заставляя меня чувствовать себя в безопасности.

Его рука коснулась моего лба, убирая мои волосы назад, точно так же, как он делал, когда я был маленьким.

— Ты в послеоперационной палате, сынок.

Иисус Христос, серьезно?

Я почти помню поездку на машине скорой помощи в больницу.

Все было размыто.

И безболезненно.

У меня не было боли.

Ничего.

— Тебе сделали операцию, сынок, — объяснил мой отец.

— Черт, — прохрипел я. — Мой член все еще там?

— Он все еще там, — тихо усмехнулся папа.

— А мои яйца?

— Тоже есть, — задумчиво произнес он. — Все в рабочем состоянии.

Я прерывисто выдохнул:

— Слава Иисусу.

— Ты помнишь матч прошлой ночью? — он спросил. — Ты был в плохом настроении, сынок.

— Я помню ту девушку, — пробормотал я невнятно. — Почему все темное?

— Потому что ты должен спать, — сказал мне мой отец. — Сейчас шесть часов утра. На улице все еще темно.

— Значит, нигде нет света? — Спросила я, сбитый с толку. — Он весь ушел?

Я услышал его тихий смех. — Никакого света еще несколько часов, Джонни.

— Ты уверен, что мой член все еще там? — Я шевелил ногами, но они не желали со мной сотрудничать. — Мне действительно нравится мой член, папа. Я буду плакать, если он исчезнет.

— Большинству парней нравится эта часть их анатомии, Джонни, — усмехнулся папа. — И я обещаю, что он все еще там.

— Проверь для меня, — пробормотал я, чувствуя себя чертовски одурманенным. — Просто чтобы убедиться.

Я услышал, как мой отец тяжело вздохнул, а затем почувствовал, как с моего тела снимают одеяло.

— Все в порядке, парень, — заверил он меня, прежде чем снова укутать меня одеялом.

— Он больше не работает, папа, — простонал я, чувствуя, как огромная волна опустошения наполняет мое тело. — Я его сломал.

— Врачи вылечили его, — уговаривал он. — Он снова в рабочем состоянии.

— Я могу снова вытащить свой член?

— Да, Джонни, — засмеялся он. — Через несколько недель ты сможешь тягать его сколько душе угодно.

— У меня в голове все как в тумане, па, — невнятно пробормотал я. — Все теплое и покалывающее... и я чувствую себя слабым, как мячик.

— Это лекарство, Джонни. Оно делает тебя сонным, — сказал он мне. — Возвращайся ко сну, и через некоторое время тебе станет лучше.

— Как у него дела? — спросил незнакомый голос, сопровождаемый небольшой вспышкой света и звуком щелчка двери.

— Говорит как из задницы, — сказал мой отец голосу.

— А, это, должно быть, морфий, — задумчиво произнес голос, подходя ближе. — Попробуйте уложить его спать. Я вернусь через час.

— Там девушка, — объявил я, когда дверь снова щелкнула.

— Я знаю, Джонни, — спокойно сказал папа. — Это была твоя медсестра.

— Нет, нет, нет, — невнятно пробормотал я, качая головой. — Там девушка, папа. Девушка.

— Где сын?

— В автобусе девушка, — пробормотал я невнятно. — Мне нужно, чтобы ты нашел ее для меня.

— Нет никакой девушки, любимый, — уговаривал папа. — Автобуса тоже нет. Ты под кайфом от морфия.

— О, черт, — простонал я. — Я умираю или что-то в этом роде?

— Нет, сынок, ты не умираешь.

— Спасибо, черт возьми, — простонал я. — Потому что я хочу снова увидеть эту девушку.

— Хорошо, Джонни. Просто расслабься, приятель.

— Нет, нет, нет, папа, я серьезно, — пробормотал я. — Я думаю, что люблю эту

девушку.

— Ну, и кто эта девушка?

— Она река, — вздохнул я и закрыл глаза. — Я оставлю ее себе, папа.

— Хорошо, сынок, — уговаривал он. — Ты оставишь себе девушку.

— Она заставляет мое сердце биться, типа, вау.

— Это правда? — он задумался.

— Так плохо, папа, — вздохнул я. — Бум, бум, гребаный бум. — Я покачал головой. —

Все время.

— Он проснулся? — голос моей матери заполнил мои уши, за ним последовала еще одна вспышка света и звук щелчка другой двери.

— С ним все в порядке, — усмехнулся папа.

— Джонни, любимый, это мама.

— Ма, — попытался я сказать, чувствуя, как ее рука касается моей щеки. — Не злись.

— Я вне себя от злости, — всхлипнула она. — Ты мог умереть.

— Она плачет, да? — Я запинался, шлепая по чему-то, что касалось моего носа. — Это потому, что у меня был секс. — Ухмыляясь, я добавил: — Много секса. — Я рассмеялся про себя, но это звучало смешно. — Шучу, ма... Мне не нужна киска.

— Эдель, дорогая, он кайфует, как воздушный змей, — услышал я слова отца. — Он не запомнит ни слова из этого. Лучше подождать, чтобы поговорить с ним, пока он не придет в себя должным образом.

— Разговор, — громко простонал я. — Все эти гребаные разговоры.

— Джонни, с любовью...

— Секс — прекрасная вещь, — все бормотал я. — Когда это между двумя бла-бла-бла.

Мама рассмеялась:

— Итак, ты все-таки слушаешь меня.

— Ма! — Я воскликнул. — Ты знаешь эту девушку!

— Какая девушка, любимый?

— Моя девушка. — Я хлопнул себя ладонью по носу, чесал царапину или зуд.

Я больше ни о чем не знал, но чувствовал себя чертовски здорово.

— Видишь, папа? — Я хлопнул себя по груди. — Бум, сука, бум, бум.

— О чем он говорит, Джон?

— Одному богу известно, — ответил мой отец, и его это явно позабавило. — Но это лучшее развлечение, которое у меня было за последние годы.

— Мой член снова работает, ма, — невнятно хихикаю я. — Па проверил. Мои яйца тоже там.

— О, Господи, — пробормотала мама.

— Все в порядке, — проворковал я, сжимая губы. — Ей сейчас шестнадцать, а мне... — Я хлопнул себя по лбу. — Семнадцать.

— О чем ты говоришь, Джонни?

— Дроби, ма, — простонал я. — Они приближаются.

— Для чего, мой хороший?

— Ждать осталось недолго. — Я вздохнул. — Спасибо, черт возьми, потому что я влюблен.

— Ты влюблен?

Я радостно кивнул.

— И она — река.

— Ну, это... мило, любимый, — уговаривала мама, звуча смущенно. — Хороший мальчик.

— Я собираюсь провести свою лодку по ее реке, — хихикнул я. — Мой член — лодка.

— Они могут нокаутировать его обратно? — Мама ворчала. — Он собирается довести меня до инсульта всеми этими разговорами.

— Все в порядке, ма, — уговаривал я. — Я тоже собираюсь оставить ее. Сделать всех моих детей с ней, потому что мои яйца работают — и па говорит, что я могу снова натянуть свой член. Ууу!

— Джон! — Мама ахнула. — Что ты говорил нашему сыну?

Папа рассмеялся:

— Ему семнадцать, Эдель. Это первое, о чем он спросит после такой операции.

— О, дорогой Иисус, — простонала мама.

— И я куплю ей кольцо... и собаку... и буду плавать на лодке... и я буду смотреть на ее сиськи, потому что я могу. — Я удовлетворенно вздохнул. — У нее лучшие сиськи, папа.

— Тук-тук, — позвал знакомый голос, за которым последовало больше света и щелканье дверей. — Как пациент?

— Джерард, — счастливо вздохнула мама.

— Гибс! — Крикнул я, обыскивая комнату в поисках своего лучшего друга, но ничего не нашел. — Шутки, чувак. Что за чертову наркоту ты мне подсунул?

— Он сейчас очень... под кайфом, Гибс, — объяснил папа. — Не обращай внимания на то, что он говорит.

— Это правда? — Гибси усмехнулся. — Привет, приятель. Как дела?

— Они починили мой член, Гибс. — Приложив немало усилий, мне удалось поднять большой палец вверх и бесцельно помахать рукой. — Счастливые дни.

— У-у-у, — обрадовался Гибси, схватив меня за руку. — Лучшая новость, которую я слышал за весь год. — Он сжал мою руку. — Ты знаешь, что это значит, не так ли?

— Сменные куртки, — невнятно пробормотала я.

— Вот именно, — усмехнулся Гибси. — Как только ты встанешь на ноги, я — Мальчики, — отчитала мама. — Джерард, не поощряй его.

— Ты понял, Гибс, — радостно пробормотал я. — Ты меня понял.

— Я понимаю тебя, приятель, — говорил он, сжимая мою руку. — Разве он не должен все еще отсутствовать?

— Он должен, — ответил мой отец, звуча удивленно. — Но парень силен, как бык.

— Я бык, — невнятно произнес я.

Гибси хихикнул. — Ты бык?

Я кивнул. — С большими яйцами.

Гибси рассмеялся. — Большие рабочие яйца.

— Я собираюсь использовать эту смазку, Гибс, — прохрипел я, поворачиваясь, чтобы найти его. — Эй, куда ты?

— Я здесь, — сказал он мне, поглаживая меня по голове. — И я куплю тебе большую корзину, как только мы будем дома.

— Ты мой лучший друг, — сказал я ему, но он выглядел как подушка. — Мне нравится твоя большая голова, похожая на мяч для регби.

Мама застонала. — О, Джонни.

— Послушай, — сказал Гибси серьезным тоном. — Я привел друга посмотреть на него.

— Ты мой друг, — ответил я со вздохом. — Мой любимый, испорченный друг.

— Я знаю, приятель, — уговаривал Гибси, сжимая мою руку. — И ты мой.

— Друг? — Мама спросила.

— Да, подругу, она прямо за дверью.

— Ты нашел ее, Гибс! — Я воскликнул. — Спасибо, черт возьми. Я думал, что потерял ее.

— Я так и сделал, приятель, — тихо усмехнулся Гибси. — Я вернул тебе Шэннон.

— Шэннон *как река*, — удовлетворенно вздохнул я.

— Шэннон Линч? — Мама воскликнула. — Это та, о ком он говорит?

— О, да, — задумчиво произнес Гибси. — Что случилось с дружбой, Джонни? — Спросила мама.

— Я солгал, — хихикнул я. — Я лгал все это время.

— О, Джонни, — вздохнула мама. — Тебе никогда не приходилось лгать, малыш. Мне нравится эта девушка.

— Она моя, — проворчал я. — Ты не можешь получить ее.

Гибси громко рассмеялся. — Все это знают, Кэп.

Крутя головой, я пытался найти своего отца. — Да?

— Я все еще здесь, — заверил меня папа, сжимая мою правую руку.

— Она единственная, — прошептал я, пытаюсь разглядеть его в темноте. — С идеальными сиськами.

— Ты видел ее сиськи? — Спросил Гибси.

Я радостно кивнул. — Ага.

— Когда?

— Когда она играла с моим калькулятором, — пробормотал я невнятно. — Я люблю ее, Гибс. Так сильно.

— Я знаю, что ты любишь, — задумчиво произнес Гибси, похлопывая меня по плечу. — Бульдозер.

Я пожал плечами:

— И я даже не сожалею.

— Джерард, может, тебе не стоит приводить сюда Шэннон, — обеспокоенно сказала мама. — Он склонен говорить что попало прямо сейчас.

— Нет, нет, нет, — проворчал я, не чувствуя себя счастливым сейчас. — Я отправлю тебя на плитки. Хочу увидеть ее.

— Джонни, любимый, она может навестить тебя, когда ты будешь более самим собой...

— Шэннон! — Я взревел, выкрикивая ее имя во всю силу своих легких. — Шэннон?

— Впусти девочку, Эдель, — задумчиво произнес папа. — Иначе он будет кричать на все вокруг, как ребенок.

— Шэннон!

— О Господи, прекрасно! — Мама пробормотала. — Тебе лучше вести себя прилично, Джонатан.

Звук высоких каблучков, стучащих по плиткам, заполнил мои уши, а затем я был ослеплен светом.

Несколько мгновений прошло в приглушенном шепоте.

И тогда я услышал эти два слова.

— Привет, Джонни.

— Бум, бум, гребаный бум, па, — простонал я, хлопая себя рукой по груди. — Мне конец.

Глава 66. Я не оставлю тебя

Шэннон

— Шэннон, любимая, — призналась миссис Кавана, когда вышла из больничной палаты Джонни и обнаружила, что я прячусь в коридоре. — Приятно снова тебя видеть.

— Здравствуйте, миссис Кавана, — прохрипела я, чувствуя себя невероятно неуверенно. Я больше десяти минут слонялась возле комнаты Джонни, заставляя себя не ломиться в дверь.

Я знала, что его родители были там, и это должно было напугать меня, но этого не произошло.

Я сразу узнала мужчину с фотографии в комнате Джонни в тот день.

Герой.

Его отец держал Джонни за руку, сидя прямо у его кровати, и выглядел как его сын на тридцать лет вперед.

Тем временем я просто стояла там, посреди его больничной палаты, с колотящимся в груди сердцем, и мои глаза были прикованы к его обмякшему телу.

— Привет, Джонни, — сказала я, мой голос был едва громче шепота.

— Бум, бум, гребаный бум, да, — невнятно пробормотал Джонни, схватившись за грудь. — Мне конец.

Его выбор слов заставил Гибси громко рассмеяться, а миссис Кавана, которая присоединилась к нам, застонала от отчаяния.

— Верни свет, папа, — проинструктировал Джонни, еле выговаривая слова. — Освети мир. Тебе нужно увидеть эту девушку.

— Джонни, — сказала его мать предупреждающим тоном. — Веди себя прилично.

— Я хочу увидеть ее, ма, — простонал он. — Я ее не вижу.

Мое сердце подпрыгнуло в груди.

— Меня? — Я пискнула.

— Всегда тебя, — простонал Джонни. — Чертовы яйца.

— Он не в себе, Шэннон, — поспешила сказать миссис Кавана. — Не обращай внимания ни на что, что он говорит.

— Э-э... — Я посмотрела на нее и неуверенно кивнула. — Хорошо?

Затем его отец включил небольшую верхнюю подсветку, залив комнату мягким светом.

С бешено колотящимся сердцем я взглянула на Джонни, подключенного к пищаземому аппарату у его кровати.

У него были провода, привязанные к его голой груди, и один выходил из его руки, которая была подключена к капельнице.

На этот раз мне удалось не пялиться на его обнаженную грудь, вместо этого сосредоточившись на его красивом, покрытом синяками и усталом лице.

— Видишь ее, папа? Видишь? Так чертовски красива! — Объявил Джонни. — Я вам все сказал.

О, боже...

— О, Джонни, — вздохнула его мать.

— Оставь его в покое, Эдель, — усмехнулся его отец. — Он ничего не может с собой

поделаться прямо сейчас.

— Шэннон, — невнятно произнес Джонни, и его голос звучал ужасно сонно. — Она слишком далеко.

— Я здесь, Джонни, — прохрипела я.

— Ты здесь? — Он кивнул, больше себе, чем кому-либо другому. — Не оставляй меня снова.

Мое сердце сжалось в груди, и мои слова вырвались с легким вздохом. — Не буду.

Я чувствовала себя невероятно неловко, имея обоих его родителей в комнате, но я подавила эти чувства и заставила свои ноги идти к нему.

— Как ты себя чувствуешь? — Спросила я, сокращая расстояние между нами, решив обойти Гибси со стороны кровати. — Ты в порядке?

— Подойди ближе, — промурлыкал Джонни, его затуманенные глаза остановились на моем лице, когда он погрозил мне пальцем. — Я хочу тебе кое-что показать.

— Эм, хорошо? Потому что мне нужно было увидеть этого парня больше, чем бояться.

Оттолкнувшись от стены, я сложила руки вместе и спросила:

— С Джонни все в порядке?

— Ну, — сказала она, закусив губу. — Он сейчас немного не в форме, дорогая.

О, боже.

Беспокойство вспыхнуло во мне.

— Могу я его увидеть? — Я заставила себя быть храброй и спросить.

Миссис Кавана нахмурилась.

— Пожалуйста? Я быстро, — умоляла я, надеясь, что его мать сжалится над моим хрупким сердцем. — Мне просто нужно увидеть его... Я имею в виду, мне нужно убедиться, что он... в порядке.

С тяжелым вздохом миссис Кавана кивнула и жестом пригласила меня зайти внутрь.

На нетвердых ногах я вошла в темную комнату, освещенную только огнями города, сияющими с другой стороны оконного стекла.

Мои глаза сразу же метнулись к кровати в центре комнаты.

Справа от Джонни на стуле сидел мужчина, а слева от него стоял Гибси.

Обойдя Гибси, я подошла к его кровати.

— Не смей! — рывкнула миссис Кавана, заставив меня дернуться назад, а Джонни застонал.

— Ну нет... — фыркнул Джонни.

— Джон, засунь эти одеяла под матрас, — проинструктировала она, прежде чем обратить свой взгляд на сына. — Мне все равно, насколько ты высок, Джонатан Роберт Кавана-младший, я отрежу его, если ты хотя бы подумаешь о том, чтобы показать ей.

— Показать мне что? — Нервно спросила я.

— Мой член, — объявил Джонни, поворачиваясь ко мне лицом. — Хочешь посмотреть? — Он лениво улыбнулся мне. — Теперь все лучше.

Гибси откинул голову назад и завыл от смеха.

Мистер Кавана присоединился к нему.

— И Иисус плакал, — всхлипнула миссис Кавана.

— Он под кайфом, малышка Шэннон, — объяснил Гибси, все еще хихикая. — Как гребаный воздушный змей.

— О, ну, это нормально, — прошептала я, чувствуя, как мои щеки пылают от смущения.

— Держи меня за руку, — проинструктировал Джонни, махнув рукой в мою сторону.

Я посмотрела на его мать, не уверенная, будет ли она возражать, если я прикоснусь к ее сыну в таком состоянии.

Миссис Кавана только вздохнула и кивнула.

— Я беспокоилась о тебе, — сказала я ему, беря его большую руку в свою. — Ты меня ужасно напугал.

— И я беспокоился о тебе, — ответил Джонни, широко раскрыв глаза и искренне. — Я всегда беспокоюсь о тебе.

Он сильно дернул руку и потащил меня на кровать.

— Джонни!

— Все в порядке, — заверила я мистера Кавана, прежде чем неуверенно присесть на край его кровати.

У меня не было сомнения в этом.

Я должна была либо сесть на край кровати Джонни, либо позволить ему уложить меня на него, потому что он не отпускал.

— Я не знал, где ты, малышка — продолжал рассказывать мне Джонни, качая головой, выглядя взволнованным и смущенным. — Я думал, что потерял тебя... и свою голову? Моя голова здоровенная, как яйца, детка.

Он назвал тебя малышкой.

Он снова назвал тебя малышкой.

— Теперь я здесь, — прошептала я, не в силах сдержать улыбку от того, каким очаровательным он был в этот момент. — И с тобой все будет в порядке.

— Я люблю тебя, Шэннон, как реку, — пробормотал он невнятно. Мое сердце остановилось.

Он только что?

Нет.

Нет, конечно, он этого не сделал.

— Я чертовски люблю тебя, — снова сказал Джонни.

О, боже.

Он сделал это.

Абсолютно точно сделал.

Дважды.

Он под кайфом, Шэннон.

Он не знает, что говорит.

Не принимай это близко к сердцу.

— Гибс?

— Да, приятель?

— Мой шар спермы не лопнул. — Джонни счастливо вздохнул. — Никаких взрывов шаров.

Гибси хихикнул. — Приятно знать, Кэп.

— Видишь, ма, — сказал Джонни невнятным голосом. — У нее будут мои дети... — Он покрутил головой из стороны в сторону, пока не нашел мое лицо. А потом он улыбнулся. — У тебя будут мои дети, не так ли?

— Я... — Я прочистила горло и прерывисто выдохнул. — Я...

— Шэннон, мне очень жаль, — выдавила миссис Кавана.

— Скажи это, — простонал Джонни, сжимая мою руку. — Скажи мне, что у тебя будут мои дети.

— Джонни...

— Просто скажи мне, что ты это сделаешь, — громко умолял он. — Просто скажи это, Шэннон! Пожалуйста! Я не могу этого вынести.

— Уверен? — Я прохрипела, чувствуя слабость. — Все, что ты захочешь, Джонни.

— Гибс, — радостно позвал Джонни. — Ты слышал это, чувак?

— Конечно, Бульдозер.

— Разве я не сделал хорошо, папа? — он продолжал бредить. — Видишь? Я нашел ее!

— Ты проделал отличную работу, — уговаривал мистер Кавана.

— Извините, ребята, но мистеру Кавана разрешено находиться с ним только одному члену семьи вне часов посещения, — крикнула медсестра с порога, напугав меня и избавив от необходимости отвечать на заявление Джонни. — Если вы вся семья, вы можете меняться, — добавила она. — На третьем этаже есть семейная комната, но мне придется попросить троих из вас уйти.

— Я останусь, — объявила миссис Кавана. — Джон, ты можешь пригласить Шэннон и Джерарда позавтракать. Я позвоню тебе через пару часов.

— Послушай, мне нужно идти, — прошептала я, снова обращая свое внимание на Джонни, сердце все еще колотилось в моей груди. — Я постараюсь вернуться позже, пока автобус не ушел, хорошо?

— Нет, нет, нет, — простонал Джонни, держась за мою руку обеими руками. — Ты сказала, что не оставишь меня.

О, боже.

— Джонни, я знаю, но мне нужно идти, — прошептала я взволнованно. — Здесь только для семьи.

— Она моя жена, — объявил он тогда, взорвав мой разум.

— Джонатан Кавана, — отрезала его мать. — Прекрати это прямо сейчас! Ты напугаешь девушку.

— О чем ты говоришь? — Джонни невнятно произнес. — Я не пугаю ее. Я люблю ее.

— Джонни, я вернусь, — уговаривала я, прерывисто дыша. — Я обещаю, что вернусь, хорошо?

Я попыталась высвободить свою руку из его, но он не отпускал.

Он качал головой и смотрел на меня большими, широкими, как у воздушного змея, глазами.

— Я должна идти, — повторила я, чувствуя себя совершенно разбитой. — Мне так жаль.

— Я пойду с тобой, — объявил он, а затем продолжил использовать одну руку, чтобы разорвать провода.

— Прекрати это, — приказала я, перехватив его непослушную руку своей свободной. — Ты навредишь себе.

— Я хочу тебя, — простонал он, потянув меня за руки. — Только тебя.

В растерянности я посмотрела на его родителей, которые смотрели нашу маленькую битву.

Мистер Кавана просто покачал головой и вывел хихикающего Гибси из комнаты.

— Я пойду, — пообещала я миссис Кавана. — Мне просто нужно... — мои слова оборвались, когда Джонни обнял меня за талию и прижался ко мне.

— Ты ящерица, — пробормотала я в отчаянии, чувствуя взгляд его матери на своем лице.

— Убери свет и останься со мной, Шэннон, как река.

— Я так сожалею об этом, — выдавила я, пытаюсь и не сумев освободиться от его хватки. — Я всего на минутку...

— Оставайся с ним.

Мой взгляд метнулся вверх:

— А?

— Нет смысла его волновать, — тихо заявила она, пристально глядя на своего сына, который в настоящее время утыкался носом в мой живот. — Если тебе комфортно оставаться с ним, Шэннон, тогда ты можешь остаться.

Я не хотела оставлять его.

Не хотела возвращаться в раздевалку в Ройс.

Не сейчас.

Никогда.

Медленно кивнув, я прошептала: — Я позабочусь о нем.

— Тогда ладно. — Миссис Кавана тяжело вздохнула. — Я скоро вернусь.

А затем она развернулась и вышла из комнаты.

— У тебя из-за меня проблемы, — сказала я Джонни, как только дверь захлопнулась, оставив нас наедине. — Когда ты придешь в себя, мы поговорим о том, что ты только что сделал.

— Мне все равно, — сонно пробормотал он. — Я получил то, что хотел.

— И что это было? Я спросила. — Чтобы смутить твою мать?.

— Тебя, — невнятно произнес он. — Я держу тебя.

О, боже.

Мое сердце.

— Джонни, ты сейчас говоришь странные вещи, — выдохнула я.

И тебе нужно остановиться.

Потому что это больно.

— Посмотри на это лицо, — прошептал он, глядя на меня со странным выражением. — Я собираюсь оставить тебя.

— Хорошо. Уступая его безумию, я уговорила его лечь обратно на подушку. — Ты можешь оставить меня.

Сидя рядом с ним, я наклонилась вперед, положила руку ему на голову и погладила его по щеке второй рукой.

Его руки все еще были сомкнуты вокруг моей талии, но теперь не так крепко.

— Закрой глаза, — тихо сказала я ему. — Я буду здесь, когда ты проснешься.

— Скажи мне, что любишь меня, — умолял он.

— Джонни...

— Скажи мне.

Сделав ровный вдох, я прошептала:

— Джонни, я люблю тебя.

— Спасибо, черт возьми, — простонал он, громко выдыхая.

— Ты этого не запомнишь, — добавила я дрожащим голосом. — Но я сделала это.

Это была единственная причина, по которой я говорила ему правду.

— Мне нравятся твои сиськи, — сообщил он мне тогда.

— Ты их не видел.

Он торжественно кивнул:

— Видел.

Я покачала головой.

— Нет, ты, должно быть, думаешь о ком-то другом.

— Я всегда думаю только о тебе, — ответил он. — Только ты, никого больше.

Мое сердце.

Мое бедное, бедное сердце.

У меня не было ни единого шанса с этим парнем.

— И твоя киска. — Он закрыл глаза и застонал. — Я тоже ее видел.

ДА.

Да, он видел.

О, слава богу, он не сказал этого при своих родителях...

— Все мое.

— Что?

— Ты, — он вздохнул и крепче обнял меня. — И твоя идеальная, маленькая киска.

— Джонни, — выдохнула я. — Ты не можешь говорить такие вещи.

— Потрогай мой член.

— Нет, Джонни, я не буду трогать твой член.

— Ты уверена?

Я усмехнулась:

— Я уверена.

— Но ты сделаешь это, верно? — спросил он, выглядя несчастным. — Когда-нибудь?

— Когда-нибудь, — прошептала я ему на ухо. — Я обещаю.

Он улыбнулся мне с этим очаровательным, пьяным выражением.

— Поцелуй меня, — промурлыкал он.

Покачивая головой, я наклонилась вперед и прижалась губами к его губам.

— Не оставляй меня, — простонал он, лицо исказилось от боли. — Я больше не
гожусь... но не уходи?

— Что?

— Я... сломлен.

Я покачала головой:

— Ты не сломлен.

Джонни застонал, как будто ему было больно.

— Больше никакого... регби, — пробормотал он невнятно, а затем покачал головой.

— Это не имеет значения.

Он кивнул:

— Имеет.

— Посмотри на меня... — Я наклонила его лицо к своему. — Джонни Кавана, открой
глаза и посмотри на меня.

Приложив немало усилий, он это сделал.

Я подождала, пока он сосредоточится на моем лице, прежде чем продолжить.

— Ты стоишь намного больше, чем регби. — Я поцеловала его в губы, потому что,
честно говоря, у меня была проблема с неуместными поцелуями, когда дело касалось этого

парня. — Если бы ты никогда в жизни не взял в руки мяч для регби, для меня это не имело бы значения.

— Я думаю, ты мне нужна навсегда, — невнятно произнес он.

— Я думаю, ты мне тоже нужен навсегда, — призналась я.

— Ты такая красивая, — пробормотал он невнятно. — В тот самый первый день. Бум.

— Бум? — Я хихикнула.

Он торжественно кивнул:

— Бум

— Слушай, я пойду и сяду на стул рядом с твоей кроватью, — уговаривала я, пытаюсь выпутаться из его проводов и скользких рук. — Чтобы ты мог немного поспать.

Джонни покачал головой и притянул меня ближе:

— Спи со мной.

— Джонни, ты только после операции, — вздохнула я. — Тебе нужно отдохнуть.

— Если это любовь, то это ты, — ответил он, потянув меня вниз, чтобы лечь рядом с ним.

— А? — Спросила я, когда скользнула на бок и изо всех сил старалась не ткнуть его в ноги.

— Ты, — сонно пробормотал он, обнимая меня тяжелой рукой за плечи.

— Я что? — Что случилось? — прошептала я, положив руку ему на живот и прижавшись к нему.

— Ты — любовь. — Он удовлетворенно вздохнул. — Остайся со мной.

Всегда.

— Я останусь с тобой, — прошептала я, чувствуя в этот момент больше, чем могла выдержать.

— Кто заставляет тебя грустить? — затем он спросил невнятным и сонным голосом. — Скажи мне, крошка.

— Никто, Джонни.

— Ты лжешь, и это ранит мое сердце, — простонал он, крепче обнимая меня. — Все эти отметки. Мне больно, когда я знаю, что кто-то причиняет боль моей Шэннон.

— Джонни...

— Кто причиняет тебе боль, малышка? — он сонно пробормотал. Он громко зевнул, а затем вздохнул. — Я это исправлю.

— Это секрет, — выдохнула я, чувствуя, как мое тело дрожит.

— Я никому не скажу, — прошептал он.

Судорожно вдохнув, я зажмурилась и прижалась губами к его уху:

— Мой отец.

Я подождала несколько секунд, пока он что-нибудь скажет.

Он этого не сделал.

Когда я открыла глаза и посмотрела на его лицо, я поняла почему.

Джонни спал.

Глава 67. План Б

Джонни

Все болело.

Мои яйца.

Мои ноги.

Мой член.

Моя голова.

Я чувствовал себя так, словно меня переехал товарный поезд.

У меня было давление на грудь.

Что-то было не так.

И я почувствовал запах кокосов?

И тут я *вспомнил*.

Все было кончено.

Вся моя тяжелая работа.

Все годы неустанных, изнурительных тренировок были потрачены впустую.

Потому что мое тело отказало мне.

И теперь я был сломлен.

Резко проснувшись, я открыл глаза, чувствуя панику и близость нервного срыва.

Несколько мгновений я смотрел в потолок, просто впитывая опустошение, захлестнувшее мое сердце, как приливная волна разрушения.

Сделав несколько глубоких вдохов, я попытался сесть, но тут же плюхнулся обратно, когда заметил маленькую фигурку, свернувшуюся калачиком на кровати рядом со мной.

Черт возьми.

— Шэннон?

— Хм?

— Шэннон, — прохрипел я, подталкивая ее рукой. — Проснись.

Тихо зевая, она выползла из того места, где уютно устроилась на сгибе моей руки.

— Ты проснулся, — сказала она, улыбаясь мне.

Я осторожно кивнул.

— Ты помнишь, где ты?

Я снова кивнул.

— Ты помнишь матч?

— Я помню, почему я здесь, — прохрипел я, чувствуя сухость во рту и хрипоту. — Я не помню, почему ты здесь.

Шэннон долго смотрела на меня, а затем ее глаза расширились, и она быстро соскочила с кровати.

— Ты хотел, чтобы я осталась с тобой, — тихо объяснила она, сложив руки вместе.

Я нахмурился:

— Да?

Я не мог вспомнить.

Это был туман.

Шэннон кивнула:

— Да, я пришла к тебе с Гибси этим утром — ну, это было около шести часов утра, так что, я думаю, ты мог бы назвать это прошлой ночью? Я не знаю...

— Как долго? — Я прервал ее вопросом.

Я чувствовал себя слишком отчаянно, чтобы слушать долгие рассказы.

Шэннон непонимающе уставилась на меня:

— А?

— Как долго я отсутствую? — Я вырвался.

Она посмотрела на часы:

— Сейчас 11:45, так что почти шесть часов.

— Нет. — Я покачал головой и разочарованно зарычал. — Как долго я отсутствую?

Она покачала головой:

— Я не понимаю.

— Как долго я выбыл из-за травмы! — Я зашипел, сжимая простыни, когда опустошение зарегистрировалось в моем отеле разбитого сердца.

— Джонни, это не имеет значения...

— Это важно, Шэннон, — отрезал я срывающимся голосом. — Это важно для меня.

Она просто смотрела на меня своими большими глазами, полными страха, беспокойства и сочувствия.

Я не мог справиться.

Не сейчас.

Я не хотел, чтобы она видела, как я ломаюсь.

Я не мог с этим справиться.

— Не могла бы ты передать мне это, пожалуйста? — Я указал на таблицу, висящую в ногах моей кровати. — Мне нужно увидеть.

Она закусил губу, нервно поглядывая на мою таблицу. — Джонни, может быть, тебе стоит подождать доктора...

— Мне нужно увидеть чертов график, — выдавил я. — Мне нужно увидеть самому.

Шэннон вздрогнула, и я почувствовал себя хуже, чем когда-либо.

— Пожалуйста. — Я тяжело вздохнул. — Передай мне таблицу.

Не говоря ни слова, она протянула мне планшет.

— Спасибо.

Она опустила голову и шмыгнула носом.

Черт.

Черт!

— Ты можешь пойти и найти моего папу? — Спросил я, отчаянно пытаюсь справиться со своими эмоциями.

Она посмотрела на меня, такая одинокая и обиженная:

— Если это то, чего ты хочешь?

Я подавил стон и кивнул:

— Это то, чего я хочу.

— Ч-что насчет твоей мамы?

— Нет, только мой отец, — предупредил я ее. — Только мой папа.

— Э-э, хорошо, — прошептала Шэннон, неуверенно глядя на дверь.

Я затаил дыхание, отчаянно пытаюсь не сломаться перед ней.

— Я пойду? — сказала она, но это был скорее вопрос.

Я натянуто кивнул, сопротивляясь желанию умолять ее остаться, обнять меня и дать обещания, которые ни один из нас не смог бы сдержать.

Она не могла исправить это для меня, и я боялся потерять больше, чем у меня уже было.

Я знал, что она хрупкая, и не хотел ее отпугнуть. Если бы она осталась в этой комнате, это именно то, что я собирался в конечном итоге сделать.

Если бы я сделал это — если бы она увидела мою уродливую сторону, мою слабость — я бы тоже ее потерял.

Я тоже не мог ее потерять.

С колотящимся сердцем я наблюдал, как она открыла дверь и остановилась в дверном проеме.

— Пока, Джонни, — прошептала она, оглядываясь на меня в последний раз.

Я глубоко сглотнул, прежде чем выдать слова:

— Пока, Шэннон.

Я подождал, пока за ней закроется дверь, прежде чем сорвать с себя покрывало, чтобы проверить повреждения.

Иисус Христос.

Откинув голову на подушку, я прикусил кулак и подавил крик.

Когда мой папа вошел в комнату тридцать минут спустя, он был один.

— Доброе утро, Жеребец, — сказал он с ухмылкой.

— Да, — выдавила я, слезы текли по моим щекам.

В ту минуту, когда папа увидел выражение моего лица, его ухмылка исчезла.

Поставив свой пластиковый стаканчик на мою тумбочку, он опустил на край моей кровати и притянул меня в свои объятия.

— Джонни, — вздохнул он. — Выпусти все это, сынок.

И именно там я разрыдался, как гребаный ребенок, на плече у отца.

— Сколько ждать? — Я задохнулся, когда слова нашли меня.

— Минимум шесть недель, — сказал он мне с той честностью, за которую я его уважал.

— Папа, все исчезло. — Я покачал головой и подавил желание зарычать. — Летняя кампания... До 20 лет... для меня все кончено!

— Не правда, — заверил он меня. — Тонкий, но не невозможный.

— Тонкий, — выдавил я, чувствуя, как мое сердце бьется так сильно, что я думал, оно может остановиться совсем. — Черт.

— Не забывай, кто ты. — Затем он встал и помог мне сесть на край моей кровати. — Ты мой сын, — добавил он, опуская мои ноги на пол. — И ты настоящий боец.

Я опустил голову. — Я, блять, не чувствую себя бойцом.

— Ты был бойцом со дня своего рождения, — поправил он, приподнимая мой подбородок и заставляя меня встретиться взглядом с его голубыми глазами. — Ты никогда не позволял ничему встать на пути к твоим целям, и ты, черт возьми, уверен, что не позволишь шести неделям остановить тебя.

— А если у меня не получится? — Я задохнулся, озвучив свой самый большой страх. — Если я не буду в форме к тому времени?

— Тогда у тебя ничего не получится, — просто ответил он.

Я покачал головой и издал болезненный всхлип. — Па, я не могу справиться...

— Если ты не справишься этим летом, значит, ты не справишься этим летом, — повторил он. — Ты все еще Джонни Кавана. Ты все еще отличник. Ты все еще хороший

человек. И ты по-прежнему мое лучшее решение.

В миллионный раз в своей жизни я поймал себя на том, что смотрю на человека, который меня вырастил, и думаю: смогу ли я когда-нибудь стать таким же сильным, как ты?

Я наблюдал за своим отцом, когда он пододвинул стул и поставил его передо мной.

— Итак, — сказал он, садясь и ослабляя галстук. — Давай будем собой, сынок.

О черт.

— Собой? — Я прохрипел.

Папа кивнул. — Скажи, что ты не попадешь в u20 в июне...-

— Па, я не могу...

— Выслушай меня, — спокойно сказал он.

Я мрачно кивнул.

— Скажи, что ты не успеешь в июне, — продолжал повторять папа, озвучивая мой худший кошмар вслух. — Это разрушительно. Мы с твоей мамой понимаем. Ты можешь не думать, что мы делаем, но мы привели тебя в этот мир, и каждый болезненный момент в твоей жизни, который ты переживаешь, и каждое препятствие, о которое ты спотыкаешься, мы рядом, Джонни. Мы прямо за тобой, чувствуем все. Твоя боль, разочарование и страхи. Все это отражается в нас. Твои достижения — наши, и твоя душевная боль — наша. Потому что ты — все, что у нас есть, Джонни. Только ты. Вот и все.

Теперь я чувствовал себя хуже, чем когда проснулся. — Да ...

— Когда ты станешь старше и у тебя будут собственные дети, твой собственный сын, ты поймешь, что я имею в виду, — добавил он, спокойный, как всегда. — Но сейчас тебе придется поверить мне на слово.

Я кивнул, чувствуя себя куском дерьма и прекрасно понимая, что будет дальше.

— Что ты сделал, Джонни? — Папа сказал. — Опасность, которой ты себя подвергаешь? — Он покачал головой и прерывисто выдохнул. — Нет слов, чтобы описать, насколько мы были опустошены тем телефонным звонком прошлой ночью. Он наклонился вперед на своем сиденье и сложил руки вместе. — Знать, что наш мальчик вот так рисковал своим здоровьем и своим будущим, и так было уже несколько месяцев.

Мои плечи опустились от стыда. — Мне жаль, папа.

— Мне не нужны извинения, — ответил папа без намека на гнев в его тоне. — Мне нужно, чтобы ты понял. Сделать шаг назад от этой мечты, за которой ты гнался, и осознать, что твоя жизнь уже происходит.

— Я просто так сильно этого хочу, папа, — признался я, прикусив губу. — Так чертовски плохо.

— И я хочу это для тебя, — сказал он мне. — Я хочу, чтобы ты следовал своим мечтам, Джонни. Я хочу, чтобы ты воплотил их в жизнь. Я хочу, чтобы все, чего ты хочешь от жизни, у тебя получилось. Но мне нужно, чтобы ты делал все это с трезвой головой. — Он откинулся на спинку стула и долго смотрел на меня, прежде чем заговорить снова. — Даже лучшие иногда падают, сынок. То, что вы сделаете дальше — с четким, продуманным, логичным мышлением — это то, что определит вас.

Да.

Я понял.

Я услышал его.

Тяжело вздохнув, я провел рукой по лицу и спросил: — Итак, каков план?

Папа ухмыльнулся.

Я нахмурился, глядя на него. — Почему ты так на меня смотришь?

Он склонил голову набок, все еще ухмыляясь. — Я просто смотрю на своего мальчика и чувствую благодарность, снова увидев огонь в его глазах.

Я беспомощно пожал плечами:

— Он исчез?

— Ненадолго, — сказал он мне. — И план — восстановление и постельный режим. 7-10 дней.

Я прерывисто выдохнул — Господи, да что...

— Таков план, сынок, — строго сказал папа. — С этого момента мы будем двигаться вперед с реабилитацией.

— Академия? — Я глубоко сглотнул. — Тренер Деннехи связался с вами?

— Они в ярости от тебя, — ответил папа, не стесняясь в выражениях. — Чего и следовало ожидать, когда центральной номер один в стране почти заканчивает карьеру до своего восемнадцатилетия.

Я застонал:

— Господи, не говори так.

— Правда всегда лучше лжи, — ответил он с понимающей улыбкой. — Более болезненная, но гораздо более полезная в долгосрочной перспективе.

— Ты юрист, — фыркнул я. — Тебе платят чертову кучу денег за ложь.

— Не для тебя, — ответил папа с усмешкой. — Вы получаете мои услуги бесплатно и на сто процентов правдивы. — Ухмыляясь, он добавил: — Если ты хочешь, чтобы кто-то тебя успокоил, тогда тебе следует поговорить об этом со своей матерью.

— Да, хорошо, — пробормотал я. — Ты мог бы немного смягчить края, папа. Оно жжет.

— Укусы закалят тебя, — сказал он мне. — Там большой, плохой мир, сынок. Это все острые углы.

— А как насчет моего контракта с академией? — Я осмелился спросить.

— Все еще очень даже в силе.

Я выдохнул с огромным облегчением.

— Не удивляйся, — задумчиво произнес папа. — Ты великолепен. Беспечный, упрямый, склонный к самоубийству идиот с блестящими способностями к регби и талантом вывести себя на любой уровень, на который ты пожелаешь. Они знают это, Джонни. Они тебя не отпустят.

Когда он сказал мне это, я знал, что это не чушь собачья.

Он не стал бы вешать мне лапшу на уши.

— Как ты думаешь, у меня получится, папа? — Тогда я спросил, глядя на лицо моего отца. — Ты думаешь, я смогу это сделать?

— Да, — ответил он без колебаний.

Мое сердце затрепетало.

— Правда?

Мой отец кивнул. — Да, Джонни. Действительно.

С этими словами я почувствовал, как во мне зародился маленький корешок надежды.

Я мог бы отодвинуть все это от края.

Я мог бы это сделать.

Мой отец думал, что я смогу это сделать.

— Но ты освобожден от обязанностей, — добавил папа.

Я тяжело вздохнул. — Ожидаемо.

— И у тренера Деннехи будет с вами жаркий разговор.

Я поморщился:

— Тоже ожидаемо.

— И вам нужно будет пройти три отдельных экзамена, прежде чем вы снова выйдете на поле, будь то академия, клуб или школьное регби, — добавил он. — И эти ноги должны держаться подальше от травы до мая.

— Прелестно. — Я провел рукой по волосам и вздохнул. — Иисус.

— Не паникуй, — спокойно сказал он. — Ты знаешь план. Он есть. Прямо перед тобой. Частью возвращения в команду является исцеление. Отдых твоего тела прямо сейчас так же важен, как и любая другая тренировка или участие в регби.

Я понял это.

— Это просто отстой, — пробормотал я.

— Посмотри на это с другой стороны, — предложил папа с ухмылкой. — У тебя будет неограниченное количество свободного времени, чтобы провести его с Гибси.

— О, Боже.

Папа рассмеялся:

— Которые, я полагаю, никогда не позволят тебе пережить прошлую ночь.

— Нет. — Я поморщился. — Он, вероятно, не будет.

Тогда я посмотрел на него и спросил:

— Итак, как долго я собираюсь застрять в больнице?

— Еще пару дней, — ответил папа. — Тогда мы отвезем тебя домой, и ты сможешь начать реабилитацию.

— Ты действительно веришь, что я могу все изменить, папа?

Папа кивнул. — Если ты начнешь следовать правилам, тогда, безусловно, можешь все изменить.

Я снова покачал головой:

— Какого черта я не поговорил с тобой несколько месяцев назад?

— Потому что я отец-трудоголик, которому следовало бы уделять больше времени тому, чтобы уберечь своего сына от опасности, а не тому, чтобы уберечь сыновей других отцов от тюрьмы, — ответил он.

— Па, остановись, — предупредил я. — Это не твоя вина. И не мамы.

— Нет, это твоя, — согласился он, снова уязвив меня правдой. — Но ты молод, силен и упрям, и я должен быть там, чтобы обуздать тебя. Я буду там, Джонни, — добавил он тогда. — Еще.

— Я не виню тебя за то, что ты любишь свою работу, — ответил я. — Я такой же.

Он ухмыльнулся:

— Я знаю, что ты такой. Я расчистил свое расписание до конца пасхальных каникул.

Мои брови взлетели вверх:

— Ты возвращаешься домой?

— Я, да, сынок.

— А мама?

Мой отец рассмеялся:

— О, Джонни, будь ее воля, она бы снова посадила тебя в коляску и катала с собой. Она не собирается выпускать тебя из виду.

— Черт.

— Ты должен вернуть кое-что, сынок.

— Доверие?

Папа кивнул:

— Да.

— Итак, где она? — Я ворчал, думая о том, сколько слез мне придется вынести от моей матери.

— Она скоро вернется, — сказал папа. — Она пошла за твоей одеждой.

— А Гибси?

— Он в столовой, — ответил он с улыбкой. — Девушка за прилавком хочет привлечь его внимание.

— Держу пари, — пробормотал я.

Похотливый ублюдок.

— Гибси останется с нами, пока мы не отвезем тебя домой в Корк, — сказал тогда папа. — И, вероятно, вам грозит дисквалификация, когда вы вернетесь с пасхальных каникул. — Ухмыляясь, папа добавил: — Ты бы слышал, как он назвал вашего тренера, когда он пришел в больницу ранее — вот почему мне потребовалось так много времени, чтобы вернуться к вам. Джерард наотрез отказался возвращаться в автобус. По-видимому, он сбежал из отеля, чтобы прийти к тебе рано утром. У него серьезные проблемы с вашим директором. Мне пришлось позвонить в школу и его родителям, прежде чем тренер Малкахи согласился позволить ему остаться с нами.

— О, черт возьми, — простонал я. — Я не могу его никуда взять.

— Он твой верный друг, Джонни, — ответил папа. — Тебе повезло, что он у тебя есть.

Я знаю это.

— А Шэннон? — Я прохрипел, вздрогнув при воспоминании о том, как ужасно яотреагировал на нее, когда впервые пришел в себя. — С ней все в порядке? Она в столовой с Гибсом? — Я глубоко сглотнул, чувствуя себя невероятно уязвимым в этот момент. — Можешь сходить за ней для меня, папа? Мне действительно нужно с ней поговорить.

Папа тяжело вздохнул:

— Шэннон ушла домой, Джонни.

Мое сердце упало.

— Она бросила меня, — прохрипел я.

Это было оно.

Это было началом всего.

Я ни хрена не стоил без регби.

— Нет. Она осталась с тобой, — поправил папа. — Когда ты был сумасшедшим, и любой в здравом уме сбежал бы в горы, эта девушка оставалась рядом с твоей кроватью, слушая, как ты говоришь из своей задницы.

— Да, ну, теперь она ушла, не так ли? — Пробормотал я, чувствуя себя чертовски жалко.

— Когда прошлой ночью ты был прижат спиной к стене, кто сидел здесь с тобой?

Я уставился на него.

— Кто держал тебя за руку, Джонни?

— Папа...

— Кто ждал скорую вместе с тобой?

— Папа, прекрати...

— Кто приходил проведать тебя, когда тебе было хуже всего?

Я посмотрел на него.

Он...?

— Да, я хорошо знаю, что произошло между вами двумя в той раздевалке. — Папа ухмыльнулся. — Твой тренер рассказал мне все о компрометирующем положении, в котором он застал вас с Шэннон.

— Этот гребаный предатель, — проворчал я.

— Он твой учитель, Джонни. Он должен сообщать о подобных инцидентах. У него нет выбора в этом вопросе. Это обязательно.

— Ее родители?

— Я бы предположил, что они в курсе ситуации.

Я покачал головой:

— Ради всего святого.

Он тяжело вздохнул, прежде чем добавить:

— Я подозреваю, что у нее самой большие неприятности из-за того, что она пробралась сюда.

— Черт, — я уронил голову на руки и проигнорировал жгучую боль, которая пронзила мои ноги. — Черт, па, я был для нее полным придурком, когда проснулся.

— Тогда исправь это, — спокойно ответил он.

— Ты не понимаешь, — выдавил я, чувствуя себя худшим куском дерьма на планете. — Я запаниковал и отреагировал на нее, но она хрупкая, папа. Она такая... И я так в...

— Влюблен в нее? — Папа ухмыльнулся. — Да, мы все знаем, Джонни. Ты прокричал это с крыши прошлой ночью.

— Дерьмо, — простонал я. — Она была напугана?

— Твоя мама, конечно, была, — засмеялся папа. — Когда ты сказал ей, что Шэннон будет матерью твоих детей.

— Господи Иисусе, — захныкал я. — Почему ты не остановил меня?

— Мы не могли, — ответил он. — Ты бы успокоился только ради Шэннон. Ты заснул в ее объятиях.

ТЬфу.

Христос.

— Я собираюсь пойти выпить кофе и проведать твоего лучшего друга, — объявил папа, поднимаясь со стула. — Но ты можешь сделать мне одолжение? Когда твоя мама придет позже, ты сможешь успокоить ее нервы? — Ухмыляясь, он добавил: — Некоторые вещи, о которых ты разглагольствовал прошлой ночью, потрясли бедную женщину.

— Я не помню ничего такого... — простонал я. — Все как в тумане.

— Возможно, ты не помнишь, — усмехнулся папа, подходя к двери и открывая ее. — Но она будет помнить всю оставшуюся жизнь.

Я подождал, пока папа выйдет из комнаты, прежде чем потянуться за телефоном.

Мой отец.

Мой отец.

Какого черта я слышал, как Шэннон произносила эти слова?

И почему мое сердце говорило мне, что это жизненно важно?

Господи, они, должно быть, вырубili меня какими-то сильнодействующими

препаратами класса А.

Сосредоточься, Джонни.

Запомни.

Я прокрутил свои контакты с намерением позвонить ей, чтобы извиниться, только чтобы упасть в ужасе, когда вспомнил, что у меня нет ее номера.

И даже если бы я это сделал, я не смог бы ей позвонить.

Потому что ее отец забрал ее телефон.

Мой отец.

Мой отец.

Что я здесь упустил?

Глава 68. Разочарованные страхи

Шэннон

Я не хотела идти домой.

Но я знала, что должна.

Я не хотела, чтобы меня избили.

Но я знала, что так и будет.

Каким-то странным образом я смирилась со своей судьбой.

Я знала, что другого выхода не было.

Поэтому я не удивилась, когда первое, что встретило меня, когда я переступила порог в субботу вечером, был кулак моего отца.

Сила удара выбила воздух из моих легких, и я упал на пол в коридоре на четвереньки.

— Я так и знал! — Папа зарычал, возвышаясь надо мной, с затуманенными глазами и воняя виски. — Я, блять, знал, что ты где-то блудишь, — прорычал он. — Я сказал твоей матери, а она мне не поверила.

У меня не было возможности ответить или защититься, прежде чем он наклонился и схватил меня за волосы, таща дальше в дом.

— Отстань от меня, — закричала я, цепляясь за его руку, когда она больно впиалась в мою кожу головы. — Остановись!

Это оно.

Это день, когда ты умрешь.

— Ты маленькая бродяга, — прорычал мой отец, не останавливаясь, пока мы не оказались на кухне.

Он буквально поставил меня на ноги только для того, чтобы отшвырнуть, как тряпичную куклу.

Мое лицо с глухим стуком ударилось об угол кухонного стола, и я рухнула на пол, тяжело приземлившись на холодную кухонную плитку.

— Звонили из твоей убудочной школы! — Папа взревел, его слова звучали невнятно, когда он сократил расстояние между нами. — Рассказал мне, за чем тебя застукал твой учитель, ты, грязная, маленькая шлюха!

— Я ничего не делала! — Я закричала, когда горячие слезы потекли по моим щекам. — У меня идет кровь, — всхлипнула я, схватившись за щеку, когда что-то мокрое потекло по моим пальцам.

— К тому времени, как я с тобой закончу, у тебя будет намного хуже течь кровь! — Папа зарычал мне в лицо.

Схватив меня за руку, он встряхнул меня так сильно, что моя голова сильно дернулась назад и вперед.

— Ты, маленькая бродяга, катаешься в гребаных раздевалках.

— Неправда! — Я закричала, пытаюсь вырваться из его хватки. — Отвали от меня!

— Ты хочешь закончить, как твоя мать? — он усмехнулся. — Это все? — Он встряхнул меня сильнее. — Ты хочешь, чтобы тебя трахнули с ребенком в шестнадцать лет?

— Отвали от нее! — выкрикнул чей-то голос.

Мой взгляд упал на моего одиннадцатилетнего брата, стоящего в дверях, и мое сердце

упало.

— Нет, Тадхг, — выдавила я. — Возвращайся наверх.

— Убирайся нахуй, парень, — рявкнул папа, отпуская меня. — Если ты знаешь, что для тебя хорошо.

— Оставь мою сестру в покое, — прорычал Тадхг, делая шаг на кухню.

— Твоя сестра — шлюха, — невнятно произнес папа, сосредоточив свое внимание на моем младшем брате. — Ты собираешься защищать пизду, мальчик?

— Олли, — храбро позвал Тадхг, — Позови на помощь.

Краем глаза я заметила своего девятилетнего брата, съежившегося в коридоре с трехлетним Шоном под мышкой.

Все трое мальчиков были копией нашего отца, с песочно-белыми волосами и большими карими глазами, и все трое мальчиков в этот момент в ужасе смотрели на нашего отца.

— Иди наверх! — прорычал папа.

Шон бросился к лестнице, а Олли нырнул к входной двери.

Но Тадхг остался там, где он был.

— Ты не можешь так поступить с ней, — бросил он вызов, глядя на нашего отца с выпяченным подбородком. — Джоуи говорит, что мы не бьем девочек.

Дрожа, я вскочила на ноги и поспешила перехватить Тадхга, прежде чем это смог сделать наш отец.

— Иди в соседнюю комнату к Фрэн и позвони Джоуи, — умоляла я, пытаюсь вытолкать его из кухни и от греха подальше.

Несмотря на то, что ему было всего одиннадцать, он уже был выше и сильнее меня. Но он был моим младшим братом, и я бы защитила его ценой своей жизни.

— Пожалуйста, Тадхг, — умоляла я его. — Просто уходи.

Тадхг не сдвинулся с места.

— Я буду защищать тебя, — сказал он мне, прежде чем повернуться лицом к нашему отцу.

О боже, нет...

— Я тебя не боюсь! — прошипел он, принимая защитную стойку передо мной. — Ты думаешь, что ты крутой, но ты всего лишь алкогольный отморозок, который повсюду бьет девушек!

Наш отец сделал угрожающий шаг ближе, и мое сердце сжалось от страха.

В панике я обняла своего младшего брата и приготовилась к удару.

Удар пришелся мне между лопаток, выбив воздух из легких и ноги из-под меня.

Рухнув на пол, я свернулась в самый маленький клубок, какой только могла, когда ботинок моего отца снова и снова врезался в мою спину.

— Стоп! — Тадхг кричал, колотя кулаками по спине нашего отца. — Ты убиваешь ее.

— Тадхг, беги... — Хватая ртом воздух, я попыталась вскочить на ноги, но папа поймал меня за хвост и оторвал от земли.

— Ты маленькая чертова лгунья, — прорычал он за секунду до того, как его кулак коснулся моего лица. — Грязная шлюха.

— Шэннон! — закричал мой младший брат, беспомощно размахивая руками. — Шэннон!

— Прости, — выдавила я, кашляя, когда кровь потекла по задней стенке моего горла. — Пожалуйста, прекрати...

От очередного удара в лицо у меня так сильно застучали зубы во рту, что ноги снова подкосились, и я рухнула на пол, чувствуя, как клочок волос вырывается из головы.

— Оставь ее в покое, — рыдал Тадхг, обнимая меня руками. — Пожалуйста, не причиняй ей вреда.

Я услышал крик моего младшего брата, когда его оттаскивали от меня.

— Папа, — выдохнула я, отчаянно пытаюсь втянуть воздух в легкие. — Папа, пожалуйста, просто...

Его ботинок попал мне в лицо, и я потеряла концентрацию.

Моя голова поникла.

Мои глаза закатились.

Он собирается прикончить тебя.

Все кончено.

Дрожа, я свернулась калачиком как можно меньше и зажмурилась.

Ты снова в той комнате с Джонни.

Он говорит тебе, что любит тебя.

Ты в порядке.

Удар за ударом, удар за ударом.

Захлебываясь и хрипя, я отчаянно пыталась уцепиться за образ его лица.

Оно исчезало.

Мое тело болело не так сильно.

Сейчас я не чувствую ни пинков, ни ударов.

Я не могла слышать крики моих братьев.

Все было таким теплым.

Теплым и легким.

Ты умираешь.

Просто закрой глаза и сдайся.

Закрой глаза, Шэннон, и скоро все закончится...

— Он идет! — Я услышала, как мой другой младший брат, Олли, закричал, когда звук хлопнувшей входной двери заполнил мои уши. — Отвали от моей сестры!

Используя каждую унцию энергии, оставшуюся в моем теле, я заставила себя закрыть голову руками и защититься от ударов моего отца.

Не спи.

Это еще не конец.

Ты не умрешь в этом доме.

Не сегодня.

Затем я услышал голоса: и мамы, и Джоуи.

Джоуи.

Я могла слышать Джоуи.

Он был здесь.

И внезапно боль ушла.

Удары прекратились.

Ощущение двух пар рук, обнимающих мое тело, наполнило мои чувства — то, что от них осталось, — и я открыла глаза, увидев, как мои младшие братья пытаются защитить мое тело своими руками.

Тадхг истекал кровью.

По крайней мере, я так думала.

Его щека была измазана ярко-красной кровью.

Может быть, это была моя кровь.

Я больше ничего не могла сказать.

Задыхаясь, я изо всех сил пыталась втянуть в себя воздух, так как мое зрение на несколько секунд затуманилось, прежде чем, наконец, сфокусировалось.

Моя мама стояла посреди кухни.

Мой отец отступил на несколько футов от меня, осторожно глядя на дверь.

Мама бросила один взгляд на меня, Олли и Тадхга, прижавшихся друг к другу на полу, и расплакалась.

У Джоуи, который застыл в дверях, была другая реакция.

Бросив сумку со снаряжением на пол, он бросился на папу, повалив его на землю.

— Ты гребаный ублюдок, — прорычал он, уткнувшись кулаками в лицо нашего отца. — Ты грязное, гребаное животное!

Отступив назад, он ударил нашего отца, а затем вскочил на ноги.

— Ударь меня, — потребовал он, отрывая папу от земли. — Давай, придурок. — Толкнув себя в грудь, он жестом показал отцу, чтобы тот ударил его. — Ударь кого-нибудь своего гребаного размера.

— Джоуи! — Мама закричала. — Пожалуйста, не...

— Заткнись нахуй! — Джоуи зарычал на нее в ответ. — Ты самое жалкое подобие матери, которая когда-либо ходила по земле.

— Ты маленький засранец. — Папа замахнулся кулаком и попал моему брату по щеке. — Я еще научу тебя хорошим манерам, мальчик.

— Ты это видела? — Потребовал ответа Джоуи, адресуя свой вопрос маме. — Ты видела, как он меня ударил? — Увернувшись от очередного удара нашего отца, Джоуи отступил назад и нанес ему удар кулаком в лицо. — Разве ты не видишь, что он делает с твоими детьми?

Повсюду брызнула кровь.

Папа отшатнулся назад, рухнул на пол, и Джоуи нырнул на него сверху.

— Джоуи, — выдавила я, схватившись за грудь, чувствуя, что моя грудная кость вот-вот разрушится внутри моего тела. — Стой! Он не стоит того, чтобы из-за него садиться в тюрьму.

Джоуи не остановился.

Он просто продолжал размахивать.

— Отстань от него, — кричала мама. — Джоуи, остановись — ты убьешь его!

— Хорошо! — Джоуи взревел, оседлав нашего отца и продолжая его бить.

Его кулаки двигались так быстро, что я едва могла сосредоточиться.

— Джоуи... — Выплывая кровь изо рта, я встала на четвереньки и потащила свое изломанное тело к брату, отчаянно пытаюсь спасти его от того, чего он не мог вернуть. — Ты обещал, — пробормотала я невнятно, слабо пытаюсь потянуть его за руку. Чувствуя головокружение, я покачала головой и попробовала снова, заставляя свои руки подчиняться, когда я схватила его за предплечье. — Ты обещал, что никогда не бросишь меня.

Мои слова, казалось, дошли до моего брата, потому что он обреченно вздохнул и откинулся назад.

Натянуто кивнув, Джоуи опустил руки по бокам и слез с папы.

— Тадхг... — всхлипнула мама, качая головой. Схватившись за живот, она опустилась на колени рядом с нашим отцом. — О боже, Тедди, что ты наделал?

Ошеломленная, я поползла обратно туда, где Олли сидел, прижавшись спиной к холодильнику, и безудержно плакал.

Тадхг, с другой стороны, смотрел на нашего отца с ужасающим выражением лица.

Я знала этот взгляд.

Это был тот же взгляд, который носил Джоуи.

— Все в порядке, — прошептала я, безуспешно пытаюсь утешить Олли. — Шшш, все в порядке.

— Я думал, ты умрешь, — всхлипнул он, обнимая меня и заставляя меня вздрогнуть от боли.

— Олли, — рявкнул Джоуи, поворачиваясь к нам лицом. — Иди наверх и приведи Шона.

— Почему? — наш младший брат шмыгнул носом.

— Потому что мы уходим! — Джоуи резко заявил. — Мы ни дня больше не останемся в доме с этим куском дерьма.

Не говоря больше ни слова, Олли вырвался из моих рук и побежал к лестнице.

— Тадхг, — сказал Джоуи, скривившись, когда заметил выражение ненависти на лице нашего младшего брата. — Иди с Олли.

— Но я...

— Пожалуйста, — настоял Джоуи, проводя рукой по своим светлым волосам и окрашивая завитки в красный цвет. — Иди наверх и собирай свои вещи, малыш.

Тадхг пристально посмотрел на Джоуи, прежде чем, наконец, кивнуть и выйти из комнаты.

Обратив свое внимание на меня, Джоуи подошел прямо к тому месту, где я лежала на полу, и опустился на колени рядом со мной.

— Ты в безопасности, — прошептал он мне на ухо, притягивая меня в свои объятия. — Я здесь... Я здесь, Шэн.

Онемевшая до костей, я просто сидела, привалившись к его большому телу, мои руки безвольно свисали по бокам, в то время как мой брат пытался меня утешить.

Все мое внимание было сосредоточено на наших родителях.

— У тебя кровь, — выдавила мама, прикладывая к лицу папы рукав своего джемпера. — О, боже, Тедди.

Ее слова заставили Джоуи напрячься всем телом.

— Ты что, блять, слепая? — он зарычал.

Развернувшись к ним лицом, он нежно убрал волосы с моего лица и указал на меня.

— Она истекает кровью, — прорычал Джоуи, указывая на мое лицо. — Шэннон. Твоя дочь!

— Шэннон, — рыдала мама, съежившись от ужаса. — О, детка, твое лицо.

Меня больше не волновало, как я выгляжу.

Это не имело значения.

Потому что моя мать только что положила конец моему миру.

Она пошла к нему.

Он победил нас.

Терроризировали нас.

И она пошла к нему.

Она выбрала его.

Наша собственная мать.

— Не смей говорить ей «о, детка», — перекинул Джоуи, поднимаясь на ноги и помогая мне подняться. Обняв меня за плечи, он подвел меня к столу и усадил на стул. — Ты в порядке, — продолжал шептать он, и я не была уверена, говорит ли он это мне или себе. — Ты в порядке. Я здесь. Я здесь, Шэн.

Схватив кухонное полотенце с сушилки, Джоуи вернулся ко мне и прижал его к моему лицу, пока я просто сидела и смотрела через комнату на людей, которые привели нас в этот мир.

— Шэннон, — невнятно произнес папа, качая головой, как будто он просыпался от глубокого сна. — Я не хотел...

— Не смей, блять, с ней разговаривать, урод! — Джоуи взревел, делая угрожающий шаг к нему. — Я убью тебя, — кипел он смертельно холодным и ужасающе искренним тоном. — Ты меня слышишь? Я перережу твою гребаную глотку, если ты еще раз посмотришь на мою сестру.

Олли, Тадхг и Шон поспешили на кухню с рюкзаками за спиной.

Все трое сразу направились к Джоуи.

Потому что он был нашим защитником.

Он был причиной, по которой мы все были целы.

Он был нашим героем.

— Теперь, вот как это будет происходить, — прорычал Джоуи, стоя перед нами четверьмя, защищая нас от наших родителей. — Либо ты, — он указал на нашу мать, — найдешь какой-нибудь материнский инстинкт глубоко в своем холодном гребаном сердце и уберешь этого ублюдка навсегда, или я заберу этих детей из этого дома, и они никогда не вернуться.

— Джоуи, — всхлипнула мама. — Мне так жаль...

— Не извиняйся, — выплюнул мой брат. — Защити своих детей и прогони его.

— Джоуи, я...

— Сделай выбор, мама, — членораздельно произнес Джоуи, глядя на нашу маму сверху вниз. — Он или мы?

КОНЕЦ

ГЛОССАРИЙ

ГАА: Гэльская спортивная ассоциация.

Калчи: человек из сельской местности или округа за пределами Дублина. Обычно используется как дружеское оскорбление.

Джекин: Человек из Дублина. Термин, иногда используемый людьми из других графств Ирландии для обозначения человека из Дублина.

Фригит: тот, кого никто не целовал.

Метание: ирландский вид спорта, в который играют с помощью херли и слиотаров.

СкоилЭоин: название начальной школы Джонни.

Chipper: ресторан, в котором продают фаст-фуд.

Ночь Святого Стефана: ирландская версия Дня подарков. 26 декабря.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Прежде всего, я хочу поблагодарить каждого человека, который рискнул на мои книги и влюбился в моих персонажей. Это мой двадцатый релиз, и я невероятно благодарна за поддержку, которую я получила.

Я хочу поблагодарить своего мужа и детей за то, что они такие, какие они есть, и делают каждую бессонную ночь и страшный дедлайн стоящими того. Я люблю вас, ребята, всем сердцем, и я так рада называть вас своей семьей. Люблю маму. Целую.

Как всегда, я должна поблагодарить мою правую руку Алишу Дэвис за ее безоговорочную поддержку и преданность. Без нее у этой книги не было бы ни единого шанса. На самом деле, она все еще была бы в моем компьютере. Девочка, у писателя никогда не было лучшего друга. Наши деловые отношения на протяжении многих лет превратились в своеобразную, а иногда и извращенную дружбу. Но нет никого в мире, с кем я бы предпочла соединить свою душу и слова, чем с тобой. Спасибо тебе за то, что ты являешься частью этого. Это сторона публикации, которую мало кто признает, но ты важна для меня и моих историй, и я хочу поблагодарить вас от всего сердца за то, что ты потрясающий, честный человек. Я ценю тебя!

Моя Бруки! Что я могу сказать? Ты, девочка, чертовски хороший человек. Я люблю тебя до мозга костей и благодарю бога за то, что ты написала мне в ту ночь после выхода «Неизбежного». То, что я не переписываюсь с тобой ежедневно, теперь кажется мне чужим, и мне нравится, как ты меня понимаешь. Я так благодарна за нашу дружбу и безумное умение говорить моими словами. Спасибо за классный поступок. Люблю тебя очень сильно.

Мои клеверы! Девочки, я говорю это каждый раз, но без вас я бы этого не делала. Вы даете мне мотивацию и поддержку, которые мне нужны, чтобы пережить мои темные дни, и заставляешь меня смеяться по меньшей мере двадцать раз в день. Я действительно надеюсь, что история Джонни и Шэннон стоила ожидания, и вы любите их так же сильно, как и я.

Мама! Ты была опорой на протяжении всего процесса написания Binding 13, и хотя мы ежедневно ссоримся, как кошки с собаками, ты — мой спасательный круг. Я люблю тебя сейчас и всегда.

Моя маленькая Лиззи — пока я пишу это, ты в больнице, и я хочу, чтобы ты знала, что я думаю о тебе и очень люблю тебя. Ты была такой превосходной поддержкой для меня во время написания этой книги, и я так благодарна тебе за компанию во время поздних рабочих вечеров. Люблю тебя, кузина.

МОМЕНТЫ И ПЕСНИ

Шэннон, когда ее чувства к Джонни углубляются: *TheChainsmokers — Don'tLetmeDown*.
Джонни, когда его чувства к Шэннон углубляются: *DeanLewis — LoseMyMind*.
Шэннон и Джонни в раздевалке в Дублине: *JamesLast — HereComestheSun*.
В спальне Джонни, когда Шэннон плачет: *ImaginaryFuture — HereComestheSun*.
Чувства Джоуи к Ифе: *WalkingonCars — FlyingHighFallingLow*.
Гибси и Джонни в большинстве своих сцен: *ChesterSee & RyanHiga — Bromance*.
Ссора Джоуи с отцом: *TheRedJumpsuitApparatus — FaceDown*.
Джонни теряет контроль над собой с Шэннон: *JamieLawson — AheadofMyself*.
Джонни, когда он понимает, что влюбляется в Шэннон: *TheKillers — Mr. Brightside*.
Когда Шэннон впервые поднимается в свою комнату: *TheFray — I'llLookAfterYou*.
Джонни после операции с отцом: *X Ambassadors — Unsteady*.
Шэннон в финальной сцене: *Rain — KnockingonHeaven'sDoor*.

ПЛЕЙЛИСТ ДЛЯ ШЭННОН

Adele — RiverLea
Boy & Bear — FallatYourFeet
JoshuaRadin — HereComestheSun
Astroline — CloseMyEyes
Adele — OneandOnly
Sia — BreatheMe
Raign — KnockingOnHeaven'sDoor
NatalieMerchant — MySkin
CarlyRaeJepson — I ReallyLikeYou
NoraJones — ComeAwayWithMe
TheFray — YouFoundMe
ImeldaMay — JohnnyGot a BoomBoom
JessicaSimpson — WithYou
Robyn — DancingOnMyOwn.
NatashaBedingfield — WildHorses
HayleyWilliams — Airplanes
Paramore — TheOnlyException
LadyGaga — Paparazzi
Pink — FamilyPortrait
Madonna — CrazyForYou
TheCorrs — Runaway
MileyCyrus — Malibu
HunterHayes — Invisible
CamillaCabello — Consequences
TaylorSwift — LoveStory
Anne-Marie — 2002
CelineDion — A NewDayHasCome
TheChainsmokers — Don'tLetMeDown
KateNash — NicestThing
HaleyReinhart — Can'tHelpFallingInLove
RachelPlatten — StandbyYou
Anne-Marie — Alarm
Paramore — StillintoYou
KatrinaandtheWaves — WalkingonSunshine
AnnaNalick — Breathe (2am)

ПЛЕЙЛИСТ ДЛЯ ДЖОННИ

The Coronas — Give Me A Minute
Picture This — 95
Lewis Capaldi — Bruises
Kid Rock — First Kiss
Picture This — Jane
Troye Sivan — YOUTH (Acoustic)
John Mayer — Daughters
Eminem — Superman (Remix)
Gym Class Heroes — Cupid's Chokehold
Eagle-Eye Cherry — Save Tonight
Bend Sinister — Shannon
Gym Class Heroes — Stereo Hearts
MAX — I'll Come Back for You
Ed Sheeran — Give Me Love
You Me At Six — Take On The World
Chuck Berry — Johnny B. Goode
Richie Valens — We Belong Together
Reckless Kelly — Wicked Twisted Road
Nelly & Tim McGraw — Over and Over Again
Jamie Lawson — Ahead of Myself
Jason Derulo — Trumpets
Jamie Lawson — A Little Mercy
AI — Same Old Brand New You
Jamie Lawson — Can't See Straight
Making April — Paparazzi
Jamie Lawson — Don't Let Me Let You Go
Jamie Lawson — In Our Own Worlds
Jamie Lawson — I'm Gonna Love You
Westlife — Bop Bop Baby
David Gray — This Year's Love
New Hollow — She Ain't You
Nelly Furtado — Try (Douglas George cover)
Imagine Dragons — Thunder
Scouting for Girls — Heartbeat
Picture This — You & I
Scouting for Girls — Marry Me
Placebo — Every You Every Me
Boyzone — Love Me for a Reason
The Script — Nothing
Every Avenue — Only Place I Call Home
Justin Timberlake — Mirrors
Blake Shelton — Sangria

ОБ АВТОРЕ

Хлоя Уолш — двадцативосьмилетняя мать двоих детей из графства Корк на юге Ирландии. Младшая из пяти детей, чтение и письмо были ее спасением в детстве.

В январе 2014 года, в зрелом возрасте двадцати четырех лет, она начала писать о дерзком, уверенном в себе мужчине по имени Кайл Картер, а пять недель спустя, в День Святого Валентина 2014 года, она самостоятельно опубликовала свой дебютный роман «BreakmyFall» для нескольких друзей, которые позвали на чай, прочитали отрывки из Кайла и захотели прочитать историю в своих электронных ридерах, а не на печатных листах.

Поразительно — и никто не был удивлен больше, чем она — книга имела огромный успех, достигнув № 1 в британских списках бестселлеров. Хлоя продолжила ее в апреле 2014 года с продолжением «FalltoPieces», пообещав, что эта вторая книга станет последней главой для Кайла.

Спрос на третью часть был огромным, и родилась серия! Последнее две книги стали: «FallonMe», третья книга из серии «accidentBroken», была выпущена в августе 2014 года, а «ForeverweFall» — в октябре 2014 года.

«Tracherous», первая книга из ее серии CarterKids, была выпущена в марте 2015 года, за ней последовала «Always» (CarterKids # 1.5) в июне 2015 года.

DiMarco'sSecretLoveChild (части 1 и 2) были выпущены в конце марта 2015 года.

Альбом BlurringLines был выпущен в мае 2015 года, а в декабре 2015 года последовал альбом NeverLetMeGo.

«Thorn», ее одиннадцатая книга, была выпущена в феврале 2016 года, в двухлетнюю годовщину ее издательской карьеры. «Time» последовал в сентябре 2016 года.

«Torment», выпущенный в декабре 2016 года, за которым последовал OffLimits в январе 2017 года. В феврале 2017 года, в трехлетнюю годовщину своей писательской карьеры, Хлоя выпустила альбом OfftheCards, за которым в апреле того же года последовал альбом OfftheHook.

«Endgame», выпущенный в июне 2017 года, является первым самостоятельным романом Хлои, за которым в октябре 2017 года следует «Inevitable». Измененный был выпущен в декабре 2017 года. «Binding 13», выпущенный в июле 2018 года, доводит количество книг, которые у Хлои за плечами, до двадцати.

Заядлая читательница, Хлоя любит прятаться в углу со своим электронным ридером и играть, смотреть и просто поглощать спортивные состязания.

Она питает глубокую любовь к паранормальной романтике и фэнтези для молодых людей и надеется окунуться в жанры в недалеком будущем.